ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2026, Том 6, № 11

Подписано к публикации: 20.10.2026

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданюк Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025 г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2026

Содержание

Абделлатиф М.М.А.
Революционно-идеологическая лексика М. Горького в арабском переводе романа «Мать»: лексико-семантический и прагматический анализ 6-14

Абдина Р.П.
Тюрко-монгольские параллели в кулинарной лексике на материале хакасской молочной кухни 15-21

Гоюшова Л.М.
Globish как инструмент межкультурной коммуникации в аэрокосмической отрасли 22-27

Тогола Брахима
Освещение в прессе Мали массовых восстаний 1991 года против Муссы Траоре 28-35

Черезова М.А., Гиренок Г.А., Шилина Н.В., Булгакова И.В.
Вербализация субъектной перспективы в электронных СМИ (на материале немецкого языка) 36-41

Гаджимурадова Т.Э., Османов З.А.
Образ моря в романе Ханны Мина «Судьба моряка» 42-47

Азизова Л.Р., Гусейнова М.Ш.
Сопоставительный анализ фольклорной картины мира в английском и русском языках 48-51

Быкова К.И.
Прецедентные феномены как триггер лингвистической креативности в англоязычном и русскоязычном политическом медиадискурсе 52-64

Ван Шусинь
Поэтика памяти и забвения в романе М. Степановой «Памяти памяти»: образы, мотивы, символы 65-72

Власова Е.Е.
Особенности языковой репрезентации невербального визуального поведения в русском и английском языках 73-78

Гаврикова Ю.А., Белова Е.Е., Розина Т.Ю.
Сложные окказионализмы как один из художественных приёмов в англоязычной литературе 79-85

Гасанова У.У., Магомедова А.А.
Место пословичных единиц в фразеологии 86-90

Гауч О.Н.
Влияние южнорусского и севернорусского наречий на формирование фольклорных текстов Тюменской области 91-96

Гаджимурадова Т.Э., Байлулаева А.А.
Образы-символы романа Нагиба Махфуза «Уважаемый господин» 97-102

Емельянов И.С.
Социальная проблематика и ее трансформация в романе Владислава Авдеева «На качелях» 103-108

Иконникова Я.В., Толстых С.Г., Глазкова М.М., Захаров В.А., Меркурьев Я.В.Х.
Проблема обсценной лексики в речи студентов и цифровые средства её преодоления: технологические решения для поддержки самовоспитания в области речевой культуры 109-121

Колмаков Я.В.
Разновекторная статусно-ролевая коммуникация в консультативном дискурсе: фактор адресата 122-131

Щептева В.Э., Крашенинников А.Е.
Анималистический образ коня (лошади) в поэзии Ли Бо и Ли Хэ: семантический и поэтологический аспекты 132-137

Ломанцов М.В.
Интеграция концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русскоязычных некрологах 138-147

Манылова Д.В., Васильева М.Г.
Эффект фрейминга в новостных материалах российских интернет-СМИ 148-153

Межмединова Г.А., Ресутова Э.И.
Из истории переводов произведений И.А. Крылова в крымскотатарской литературе 154-158

Николенко О.В.
Деструктивное и конструктивное в речевом воздействии 159-165

Скрипченко С.Н.
Интертекстуальность художественной литературы (лингвистический анализ) 166-170

Стренева Н.В.
Фреймовая репрезентация пунктуационных норм в текстах граффити 171-176

Схаляхо Е.Н., Сасина С.А., Бричева М.М.
Когнитивная метафора в терминологии искусственного интеллекта (на материале английского языка) 177-182

Тарасова Ю.В.
Поэтика «черного юмора» в контексте американского постмодернизма 183-188

Уракова Ф.К.
Типологическая интерференция и лингводидактический потенциал сопоставления строевых единиц текста (на материале русского и адыгейского языков) 189-194

Семенова А.Л., Сон С., Фарукшина А.А.
Проблема использования неофициально-вежливого стиля речи при обучении корейскому языку 195-202

Хованова Е.В.
Лексические средства эмоционального воздействия в рекламном дискурсе российских банков 203-208

Красильникова А.М., Шакурова А.Р.
Модели сегментации и вовлечения аудитории на музыкальном телеканале в условиях постмедийной трансформации 209-213

Яковлева С.В.
О способах образования и перевода неологизмов в английском и немецком языках (на материале тематических групп «Искуственный интеллект», «Криптовалюта») 214-219

Щептева В.Э., Крашенинников А.Е.
Орнитологические образы в поэтике Ван Бо: от природной детали до саморепрезентации 220-225

Алиева В.С.
Сопоставительный анализ гендерно маркированных фразеологических единиц английского и азербайджанского языков 226-232

Бочкарева Т.С., Хон И.А.
Психолого-педагогические аспекты формирования языковой готовности мультиязычного контенгента студентов к профессиональной иноязычной коммуникации 233-239

Нихаева Е.Д., Георгиевская Е.А.
Анализ произведений Терри Пратчетта в контексте нейродегенеративных заболеваний 240-243

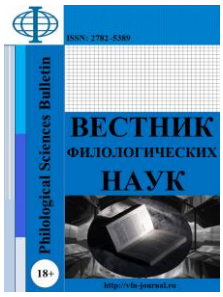
Дорофеев М.А.
Профессиональный инструментарий мультимедийного журналиста в современной индустрии 244-251

Корнеев О.А.
Жанровый синкретизм в лирике мордовской поэтессы Р.К. Орловой (на материале стихотворения «Черная речка») 252-257

Рыбка С.Б.
Деонтическая модальность в юридических текстах (на примере законодательного акта экологической тематики) 258-267

Савинов С.С.
Референциальные особенности предложно-именных поликомпозитных обстоятельственных групп с количественно-темпоральными существительными 268-275

Селихов Е.А.
Методика анализа патриотической повестки в телевизионной журналистике: тематические, жанровые и образные критерии 276-282

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК УДК 821.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-6-14

[1] Абделлатиф М.М.А. ***[1] Санкт-Петербургский государственный университет***

Революционно-идеологическая лексика М. Горького в арабском переводе романа «Мать»: лексико-семантический и прагматический анализ

Аннотация: *цель исследования – выявить способы передачи революционно-идеологической лексики романа М. Горького «Мать» в арабском переводе Фуада Айюба и Сухейля Айюба и установить, какие семантические, прагматические и дискурсивные изменения возникают при переводе. Материалом исследования послужил арабский перевод романа, выполненный доктором Фуадом Айюбом и адвокатом Сухейлем Айюбом. В работе применяются методы сплошной выборки, контекстуального, компонентного, сопоставительного и лингвопрагматического анализа. Научная новизна состоит в том, что переводческие решения рассматриваются не как заранее предполагаемые проявления идеологической нейтрализации или культурной адаптации, а как результаты сопоставления словарной семантики арабских единиц, их контекстной актуализации и коммуникативной функции в конкретном переводе. В арабском языке XX в. эта единица уже могла выполнять функцию политической номинации; утверждать, что она неизбежно снижает революционное содержание русского слова «товарищ», нельзя. Установлено, что перевод в целом ориентирован на сохранение политической терминологии и лозунговой организации горьковского текста. Лексемы* رفيق *«товарищ»,* اشتراكي *«социалист»,* برجوازي *«буржуазный; буржуа»,* حرية *«свобода»,* عدالة *«справедливость» и* حقيقة *«истина, правда» воспроизводят основные смысловые оппозиции оригинала. Вместе с тем в ряде фрагментов наблюдаются экспликация оценочного компонента, синтаксическая амплификация и эмоционально-образное усиление. Эти преобразования не отменяют идеологическую семантику исходного текста, а адаптируют его к нормам арабского художественного и общественно-политического дискурса.*

Ключевые слова: *М. Горький, «Мать», арабский перевод, революционная лексика, идеологический дискурс, лингвистический анализ перевода, лексико-семантическая трансформация, прагматика перевода*

Для цитирования: Абделлатиф М.М.А. Революционно-идеологическая лексика М. Горького в арабском переводе романа «Мать»: лексико-семантический и прагматический анализ // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 6 – 14. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-6-14

Поступила в редакцию: 2 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Abdellatif M.M.A. ***[1] Saint Petersburg State University***

Revolutionary and ideological vocabulary in the Arabic translation of Maxim Gorky's novel Mother: a lexical-semantic and pragmatic analysis

Abstract: *the aim of this study is to identify the ways in which the revolutionary ideological vocabulary of Maxim Gorky's novel "Mother" is conveyed in the Arabic translation by Fouad Ayyoub and Suheil Ayyoub and to determine the semantic, pragmatic, and discursive changes that occur during translation. The study»s material is the Arabic translation of the novel "Mother" (2007), by Dr. Fouad Ayyoub and attorney Suheil Ayyoub. The study*

utilizes methods of continuous sampling, contextual, componential, comparative, and linguopragmatic analysis. The scientific novelty lies in the fact that translation decisions are considered not as predetermined manifestations of ideological neutralization or cultural adaptation, but as the results of a comparison of the dictionary semantics of Arabic units, their contextual actualization, and communicative function in a specific translation. In 20th-century Arabic, this unit could already function as a political nomination; it cannot be argued that it inevitably diminishes the revolutionary content of the Russian word "tovarishch." It has been established that the translation as a whole is oriented toward preserving the political terminology and slogan-based organization of Gorky»s text. The lexemes رفيق *«comrade»,* اشتراكي *«socialist»,* برجوازي *«bourgeois; bourgeois»,* حرية *«freedom»,* عدالة *«justice», and* حقيقة *«truth, justice» reproduce the main semantic oppositions of the original. At the same time, a number of fragments exhibit explication of the evaluative component, syntactic amplification, and emotional-figurative intensification. These transformations do not negate the ideological semantics of the original text, but rather adapt it to the norms of Arabic literary and socio-political discourse.*

Keywords: *M. Gorky, "Mother," Arabic translation, revolutionary vocabulary, ideological discourse, linguistic analysis of translation, lexical-semantic transformation, translation pragmatics*

For citation: Abdellatif M.M.A. Revolutionary and ideological vocabulary in the Arabic translation of Maxim Gorky's novel Mother: a lexical-semantic and pragmatic analysis. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 6 – 14. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-6-14

The article was submitted: August 2, 2026; Approved after reviewing: September 6, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью лингвистического описания перевода художественных текстов, в которых общественно-политическое значение создается не отдельным термином, а взаимодействием номинаций социальных групп, оценочной лексики, речевых формул, метафор и лозунгов. В переводе такого текста меняется не только языковая оболочка высказывания: переводчик соотносит концептуальную систему оригинала с лексическими ресурсами и коммуникативными нормами другого языка. Поэтому исследование революционно-идеологической лексики представляет интерес для лингвистики перевода, семантики, дискурс-анализа и русско-арабских литературных связей.

Роман М. Горького «Мать» является особенно показательным материалом. Художественный мир произведения организован вокруг перехода от индивидуального страха к коллективному сознанию; эта динамика получает языковое выражение в повторяемых единицах «рабочие», «товарищи», «правда», «справедливость», «свобода», «социалисты», «народ», «борьба», «враг». В арабской традиции роман получил устойчивую издательскую жизнь: в 1954-1966 гг. в Сирии, Египте, Ливане и Ираке было опубликовано пять переводов «Матери», причем сирийское издание этого периода переиздавалось пять раз. Это свидетельствует о значимости произведения для арабской переводной рецепции, но не освобождает исследователя от необходимости анализировать каждую конкретную версию отдельно.

Необходимость данной работы связана с тем, что утверждения об «идеологическом ослаблении» или «усилении» перевода не могут строиться на общих представлениях о различиях русской и арабской культур. Они должны доказываться через сопоставление фрагментов оригинала и перевода, словарные дефиниции переводимых единиц и анализ их функционирования в контексте. В настоящей статье такое сопоставление проводится на материале одного установленного издания. Поэтому выводы относятся к переводу Ф. Айюба и С. Айюба и не переносятся автоматически на все арабские переводы Горького 1920-1980-х гг.

Цель работы – установить закономерности передачи революционно-идеологической лексики романа «Мать» в арабском переводе Фуада Айюба и Сухейля Айюба.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Сформировать корпус контекстов, в которых революционно-идеологическое значение создается лексическими единицами, устойчивыми сочетаниями, лозунгами и авторскими комментариями.

2. Сопоставить словарные и контекстные значения русских единиц с арабскими соответствиями в переводе.

3. Выявить переводческие приемы сохранения, конкретизации, экспликации и амплификации значений.

4. Определить прагматическую роль переведенных единиц в построении образов коллективного субъекта, социального конфликта и революционного будущего.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является арабский перевод романа: «الأم» («Мать»), выполненный Фуадом Айюбом и Сухейлем Айюбом. По выходным данным экземпляра, первое издание перевода состоялось в 1983 г., а использованная редакция представляет собой второе издание 2007 г. в Бейруте. Объем книги составляет 493 страницы.

Отбор материала проводился методом сплошной выборки в ключевых идеологически нагруженных эпизодах: первом разговоре Павла с матерью о запрещенных книгах; собраниях рабочих; диалогах о социализме, религии и правде; фабричной акции; первомайской демонстрации; сценах ареста; судебной речи Павла; финальном распространении текста речи матерью. Для каждого примера анализируются: а) единица исходного текста и ее значение в данном контексте; б) арабское соответствие; в) словарные компоненты его значения; г) изменения, возникающие в переводе; д) функция в художественном и идеологическом дискурсе.

Использованы описательно-аналитический, сопоставительный, компонентный и контекстуальный методы. Компонентный анализ необходим для разграничения общих и специальных сем в значении арабских единиц. Контекстуальный анализ позволяет не смешивать потенциальное словарное значение и реально актуализированную функцию слова. Сопоставительный метод используется для определения характера межъязыкового соответствия. Количественный подсчет не применяется, поскольку цель статьи состоит не в статистическом описании всех словоупотреблений, а в качественном анализе репрезентативных контекстов.

Теоретическую основу работы составляют положения современной теории перевода о соотношении словарного соответствия и контекстуального смысла. Словарь не предписывает готовое решение для каждого контекста, но задает границы семантической допустимости перевода; поэтому переводческая интерпретация должна подтверждаться лексикографически и текстуально. При описании стратегий перевода учитываются идеи Л. Венути о доместикации и форенизации [11], а также концепция А. Лефевра, рассматривающая перевод как форму переписывания, связанную с культурной и институциональной средой [9]. Однако названные теории используются не как основание для априорного объявления любого перевода «идеологическим переписыванием», а как инструменты интерпретации конкретных языковых фактов [8].

Материалы исследования могут применяться в преподавании дисциплин «Теория перевода», «Практика русско-арабского перевода», «Лингвокультурология», «История русско-арабских литературных связей», «Язык политического дискурса», а также в спецсеминарах по художественному переводу. Результаты полезны при подготовке двуязычных изданий, комментировании общественно-политической лексики русской классики и разработке учебных заданий по сопоставительной семантике русского и арабского языков.

Результаты и обсуждения

Прежде чем перейти к анализу переводческих стратегий, необходимо охарактеризовать саму систему революционной лексики горьковских текстов, поскольку именно ее структурные особенности определяли трудности, с которыми сталкивались арабские переводчики.

Революционная лексика Горького не сводится к простому набору политических терминов. Она представляет собой сложно организованную систему, включающую несколько уровней. Первый уровень – собственно политическая терминология: «пролетариат» (пролетариат), «буржуазия» (буржуазия), «классовая борьба» (классовая борьба), «революция» (революция), «товарищ» (товарищ). Второй уровень – метафорически переосмысленная общеупотребительная лексика, получившая революционную коннотацию: «тьма» и «свет» как метафоры невежества и просвещения, «буря» и «буревестник» как символы революционного очищения, «земля» как концепт, связывающий крестьянскую идентичность с революционным преобразованием. Третий уровень – лексика, специфичная для русского социального опыта и лишенная эквивалентов в арабской культуре: «мужик», «кулак» (в социальном смысле), «артель», «мир» (в значении крестьянской общины).

Особую сложность для перевода представляет горьковское слово «товарищ» – лексема, которая в русском революционном дискурсе объединяла несколько функций: она обозначала соратника по борьбе, воплощала идею горизонтального равенства в противоположность иерархическому «господин», и одновременно создавала ощущение коллективной идентичности. Арабское «رفيق» (рафик), ставшее стандартным эквивалентом, несет иную семантическую нагрузку: оно в большей степени указывает на личную дружбу и сопровождение, нежели на политическое братство. Это семантическое смещение, как правило, оставалось невидимым для арабского читателя, воспринимавшего «рафика» в горьковских текстах через призму собственного культурного опыта [10].

Не менее значимо слово «правда» в горьковском художественном мире. В русском тексте «Правда» несет двойную семантику: истина как таковая и справедливость как этическое требование. Это двузначие,

принципиальное для горьковского гуманизма и его концепции «революции духа», с трудом поддается передаче на арабский язык, располагающий раздельными лексемами: «حقيقة» (хакика – истина, факт) и «عدالة» (адаля – справедливость). Выбор того или иного слова переводчиком заведомо редуцировал смысловой горизонт подлинника.

Перевод произведений Горького на арабский язык с самого начала был сопряжен с трудностями принципиально иного порядка, нежели обычные лингвистические затруднения. Русская революционная лексика складывалась в условиях конкретных социальных и политических процессов нарождения промышленного пролетариата, нелегальной партийной деятельности, специфического марксистского дискурса, сформировавшегося в Российской империи конца XIX начала XX века. Арабский язык не располагал готовым понятийным аппаратом для передачи этой системы значений; арабские общества той эпохи переживали иные социальные процессы, в которых не было ни фабрично-заводского рабочего класса в европейском смысле, ни легальных профсоюзных движений, ни партийной культуры марксистского типа. Следовательно, переводчики оказывались в положении не только языковых посредников, но и культурных интерпретаторов; им предстояло не просто подобрать эквивалент, но и ввести в сознание читателя понятие, которому в его опыте не существовало прямого соответствия [12].

Понятие «пролетариат» как социальная и историческая категория отсутствовало в арабской политической мысли в качестве самостоятельного концепта вплоть до конца 1920-х годов. В ранних переводах горьковских текстов оно воспроизводилось двумя путями; либо через транслитерацию «البروليتاريا» с развернутой сноской, объяснявшей его марксистское содержание, либо через описательный оборот «طبقة العمال» «рабочий слой» или «слой трудящихся». Ни один из этих вариантов не был вполне точен. Транслитерация сохраняла терминологическую строгость, но делала текст непрозрачным для читателя без специальной подготовки. Описательный оборот, напротив, обеспечивал понятность, однако утрачивал ключевые для марксистской теории коннотации; идею исторической миссии класса, его особой роли как субъекта революции. Попытки заменить «буржуазию» на «الأغنياء طبقة» «слой богатых» или «التجار طبقة» «купеческий слой» страдали той же неполнотой; оба оборота описывали имущественный признак, но не политическую функцию класса в системе производственных отношений, что и составляет суть марксистского понятия [10, с. 9].

Показательно, что в тех же случаях, когда арабские переводчики прибегали к транслитерации французских эквивалентов «البرجوازية» вместо «буржуазии», этот прием одновременно фиксировал и западное происхождение самого понятия, и его принципиальную чуждость арабской социальной традиции. Это лингвистическое обстоятельство несет в себе важный историко-культурный смысл; арабские переводчики, работавшие с революционной терминологией Горького, вынуждены были каждый раз воспроизводить след чужого концептуального языка русского или французского, что изначально задавало некоторую дистанцию между текстом и читателем. Научная новизна этого наблюдения состоит в следующем; арабские переводы горьковской прозы первой волны представляли собой не только литературный, но и идеологический перевод трансляцию понятийной системы, не имевшей почвы в принимающей культуре [3, с. 10].

Термин «классовая борьба» воспроизводился в арабских текстах двумя вариантами «الطبقي العداء» и «الطبقي الصراع», между которыми существует принципиальная смысловая разница, в русском оригинале не акцентированная. Первый оборот подчеркивает эмоционально-психологическое измерение конфликта вражду, ненависть; второй фиксирует структурное, объективное противоречие между классами. Выбор между ними определялся не только предпочтениями конкретного переводчика, но и той интерпретационной рамкой, которую предполагало конкретное издание; тексты, ориентированные на политическую агитацию, тяготели к первому варианту; академические издания ко второму. Это разграничение само по себе является показателем того, насколько глубоко идеологический контекст пронизывал переводческую работу [2, с. 48].

В арабских изданиях произведений Горького редакторы нередко помещали обширные предисловия, авторами которых выступали авторитетные арабские политические и интеллектуальные деятели. Функция этих предисловий выходила за рамки литературного комментария; они конструировали для читателя понятийный мост между марксистской революционной лексикой и знакомыми ему политическими категориями антиколониальной борьбой, борьбой за независимость, земельными реформами. Именно эта операция переозначивание горьковской терминологии через оптику ближневосточного антиколониализма стала характерной чертой арабской рецепции Горького и во многом определила специфику его восприятия в регионе.

Образ Пелагеи Ниловны в романе «Мать» принадлежит к числу тех горьковских образов, перевод которых требовал не просто лингвистической точности, но и глубокого понимания того, как функционирует символ в принимающей культуре. В русской традиции образ матери вобрал в себя несколько смысловых

пластов; евангельский (Богородица как заступница и страдалица), фольклорный (мать олицетворение народной почвы) и революционно-политический (мать как субъект исторического преображения). Арабское слово «الأم» содержательно покрывает лишь базовое семантическое ядро этого комплекса [5, с. 247].

Примечательно, что проблема здесь не в отсутствии высокого семантического статуса материнства в арабской культуре, напротив, в исламской и христианской арабской традициях образ матери наделен глубоким сакральным и этическим значением. Трудность состояла в ином; в переориентации этого образа с религиозно-семейного на политико-революционный план, которую осуществляет Горький в своем романе. Арабские переводчики решали эту задачу двумя основными способами. Первый добавление эпитетов, конкретизирующих политическое содержание образа; «الأم المناضلة» («мать-боец»), «الأم الثائرة» («мать-революционерка»). Второй вынесение разъяснения в предисловие или примечание, где образ интерпретировался через аналогию с реальными женщинами арабского освободительного движения. Именно второй подход оказался более эффективным с точки зрения культурной адаптации; он позволял читателю найти собственный контекст для горьковской героини, не навязывая ему чуждую смысловую рамку.

Горьковская концептосфера включает также специфическую лексику, связанную с образом «нового человека»: «человек» как онтологическая категория в «Песне о Буревестнике» («Человек – это звучит гордо!»), категории «силы» и «воли» как характеристик революционной личности, противопоставление «живой жизни» и мертвого существования мещан. Последнее понятие – «мещанство» – практически не имеет арабского аналога, поскольку описывает специфически русский тип социального сознания, а точнее – особый идеологический фантом, созданный русской интеллигенцией.

Знакомство арабского читателя с творчеством Горького начиналось неравномерно и опосредованно. В 1920-е годы большинство арабских переводчиков не владели русским языком, поэтому первые переводы создавались с французских и английских посредников. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания идеологических трансформаций горьковской лексики: переводчик работал уже с дважды переосмысленным текстом, в котором революционная семантика подлинника прошла через фильтр западноевропейской переводческой традиции.

В Сирии, Ираке и Египте выходят полные переводы «Матери», «Врагов», нескольких томов «Жизни Клима Самгина». Эти переводы отличались принципиально иным отношением к революционной лексике: переводчики стремились сохранить идеологическую специфику подлинника, и нередко вводили арабизированные кальки с русских терминов.

На основе анализа более тридцати арабских переводных текстов Горького, опубликованных в период с 1925 по 1985 год, можно выделить основные переводческие стратегии, каждая из которых определяет особый тип идеологической трансформации.

Первая стратегия – калькирование с идеологической нейтрализацией – характерна прежде всего для ранних переводов 1920-40-х годов и ряда более поздних переводов, ориентированных на широкую аудиторию. При этой стратегии революционные концепты переводились буквально, однако в контексте, где их идеологическая нагрузка оказывалась минимизированной. Так, «пролетариат» в переводах этого типа нередко сопровождался пояснительным добавлением «трудящиеся» или «рабочие люди» (والكادحين من العمال), что превращало идеологически специфический концепт в нейтральную социологическую дескрипцию. Революция («ثورة», саура) при этом теряла специфически марксистский характер и воспринималась скорее в широком национально-освободительном смысле – значении, исторически наработанном в арабской политической культуре начиная с восстания Ораби (1879-1882) [1, с. 6].

В ряде переводов «Врагов», выходивших в Бейруте в 1970-е годы, можно обнаружить систематическое усиление классовых характеристик персонажей: нейтральные диалоговые реплики получали дополнительные политические акценты в переводе, образы «положительных» рабочих персонажей насыщались революционной риторикой, которой в подлиннике не было. Переводчик в данном случае выступал не просто медиатором между двумя языками, но прямым редактором-идеологом, адаптировавшим горьковский текст к задачам современной классовой борьбы в арабском контексте.

Рассмотрим подробнее идеологические трансформации нескольких ключевых горьковских концептов.

Концепт СВОБОДА в русском тексте Горького несет специфически революционное наполнение: речь идет о свободе как результате освобождения пролетариата от классового гнета. Арабский язык предлагает два основных эквивалента: «حرية» (хуррийя) и «تحرر» (тахаррур). Первое обозначает свободу как состояние, второе – процесс освобождения. Выбор между этими словами определял принципиально разные идеологические акценты: большинство переводчиков использовали «хуррийю», что придавало горьковской свободе более статический и либеральный характер, нежели динамически-революционный, которого требовал контекст.

Особого внимания заслуживает судьба горьковского «Буревестника» в арабских переводах. «Песня о Буревестнике» – один из наиболее переводимых и цитируемых текстов Горького в арабском мире, ставший своего рода революционным гимном для целого поколения арабских читателей 1950-70-х годов [6, с. 250]. Сам образ буревестника – морской птицы, предвещающей бурю, – требовал культурной адаптации: в арабской традиции образ вещей птицы несет иные коннотации, связанные прежде всего с образом ворона как вестника смерти и несчастья («الـ بين غراب», гураб аль-байн). Переводчики, как правило, использовали арабское «الـ نورس» (нурас – чайка) или описательное «الـ عاصفة طائر» (птица бури), однако ни один из этих вариантов не воспроизводил семантики оригинального «буревестника» – птицы, которая не просто предвещает бурю, но приветствует ее, наслаждается ею. Революционный оптимизм горьковского образа в большинстве арабских переводов оказывался ослаблен, поскольку арабская орнитологическая символика в целом не предполагает положительного переживания шторма [7, с. 46].

Концепт ТОВАРИЩ претерпевал изменения в различных переводческих традициях. В египетских переводах 1920-40-х годов преобладало слово «صاحب» (сахиб – друг, приятель), снижавшее революционный пафос «товарищества» до уровня неформальных личных отношений. В левых переводах 1960-70-х годов утвердился «رفيق» (рафик), однако в этот период он уже функционировал как устойчивый элемент политического словаря арабских левых – то есть приобретал дополнительные идеологические коннотации, которых не было в горьковском тексте (в частности, он мог восприниматься как маркер принадлежности к коммунистической партии, тогда как у Горького «товарищ» - более широкая категория революционной идентичности) [4, с. 80].

Одной из наиболее частотных и функционально значимых единиц романа является обращение «товарищ». В арабском переводе оно регулярно передается словом رفيق во множественном числе رفاق и в форме обращения الرفاق أيها «товарищи». Уже выбор устойчивого соответствия важен: переводчики не заменяют политическую номинацию нейтральными صاحب «спутник; обладатель; друг» или صديق «друг», а сохраняют единое слово, которое связывает персонажей с революционным коллективом.

В эпизоде первой встречи единомышленников Николай Висовщиков обращается к присутствующим: «Добрый вечер, товарищи». Арабский текст воспроизводит формулу: «الرفاق أيها الخير، ماء». Здесь обращение أيها + множественное число رفاق сохраняет публичный, объединяющий характер реплики. Слово رفيق в академическом словаре толкуется как «сопровождающий, спутник; товарищ; супруг», а также как «гражданин коммунистического общества». В бытовом контексте возможна актуализация семы совместности или личной близости, но в сцене подпольного собрания ее активируют слова о запрещенных книгах, рабочих, социалистах и коллективной борьбе. Следовательно, рفيق функционирует именно как политическая номинация.

Особенно показательна речь Андрея о международном единстве рабочих: «وأممياً فرقاً نعرف لا نحن. بل» – «Мы не знаем различий и наций; мы знаем лишь товарищей и врагов. Все рабочие – наши товарищи, а все правительства и богачи – наши враги». Перевод строится на симметричной антитезе رفاق / أعداء «товарищи / враги». В этой конструкции رفيق утрачивает возможность узкобытового прочтения: его значение определяется принадлежностью к классу العمال «рабочие» и противопоставлением الأغنياء والحكومات «правительства и богачи».

В данном случае нельзя говорить о нейтрализации. Напротив, перевод сохраняет и структурирует семы «солидарность», «общность политического положения» и «противопоставление классовому противнику». Дополнительная функция арабского варианта заключается в ясной грамматической маркировке коллективности: множественное число رفاق, притяжательное сочетание رفاقنا «наши товарищи» и параллельный ряд أعداؤنا «наши враги» формируют ритмически организованный политический лозунг.

Иная функция проявляется в эпизоде, где молодая женщина называет Пелагею «رفيقة» – «товарищ». Мать первоначально воспринимает это слово через бытовую семантику и отвечает: «حقيقياً رفيقاً الله لك فليهب» – «пусть Бог пошлет тебе настоящего спутника, который будет сопровождать тебя всю жизнь». Здесь перевод использует игру на соотнесении политического обращения رفيقة «товарищ» и глагола يرافق «сопровождать». В арабском контексте актуализируются два значения одного корня ر-ف-ق: общественно-политическая солидарность и личное сопровождение. Тем самым перевод не редуцирует смысл, а воспроизводит смысловую неустойчивость, существенную для взгляда матери, еще не до конца освоившей новый язык революционного сообщества.

Революционная риторика романа строится на постоянном повторе слова «правда». В арабском переводе его передача зависит от контекста. Для значения истины, достоверного знания о положении рабочих выбирается حقيقة (*ḥaqīqa*) «истина, действительность, факт».

В художественном контексте метафора «الـ ق يود ذ صهر» – «переплавляем цепи» - соединяет буквальный производственный труд с символическим смыслом освобождения. Существительное الـ ق يود означает «оковы, путы, ограничения»; глагол ذ صهر «плавим, расплавляем» связан с обработкой металла. Поэтому метафора не является произвольным украшением: она актуализирует одновременно индустриальный опыт рабочих и идею уничтожения зависимости. В переводе образ получает внутреннюю мотивированность за счет противопоставления двух действий: рабочие физически перерабатывают металл и потенциально способны разрушить социальные «цепи».

В реплике «حـ ياتـ نا ف ي الـ ع ناء أ س باب وذ فهم ذ ف تش أن ي جب ذ درس؛ أن ي جب الـ عمال، ذ حن،» – «мы, рабочие, должны учиться; должны искать и понимать причины тягот в нашей жизни» – перевод сохраняет политическую субъектность рабочего класса. Обращает внимание последовательность ذ ف تش أن ي جب / ذ درس أن ي جب وذ فهم. Модальная конструкция أن ي جب «следует, необходимо» дважды маркирует не частное желание, а этическую и практическую необходимость. Переводчик передает революционную идею просвещения не декларативным термином, а модально организованным призывом к действию.

Слово الـ شعب в переводе используется в тех ситуациях, где Горький говорит о народе как о более широком носителе исторического страдания и будущего действия. Так, в обращении к слушателям звучит «أي ها الـ شعب!» или «الـ ط ي بون الـ قوم أي ها!» – «народ», «добрые люди». Единица ق وم в зависимости от контекста может обозначать людей, общину, народ; прилагательное ط ي بون «добрые» задает этическую близость говорящего и адресата. В отличие от термина الـ عمال, здесь на первый план выходит не производственное положение, а нравственное и человеческое единство.

Перевод различает эти номинации последовательно. Следовательно, он не сводит классовый субъект к неопределенному «народу», как это было бы при систематической генерализации. Напротив, الـ شعب и الـ عمال распределены по разным коммуникативным задачам: первые обозначают организованную социальную силу, второй – широкую массу, которую необходимо включить в движение.

Показательна передача слов «социализм», «социалист», «буржуазия». Арабский перевод использует интернационализмы ا ش تراك ي (*ištirākī*) «социалист» и ب ورجوازي (*burğuwāzī*) «буржуазный; буржуа», а также форму ب ورجوازي ين во множественном числе. Эти соответствия демонстрируют не культурно-адаптивную замену, а терминологическое сохранение.

В эпизоде знакомства матери с революционерами Сашенька говорит: «ا ش تراك يون ...ذ حن» – «мы... социалисты». Паузы, обозначенные многоточиями, сохранены: они передают драматизм момента, когда непонятное и пугающее для Пелагеи слово впервые произносится открыто. Комментарий переводчиков поясняет историческую отсылку к убийству Александра II организацией «Народная воля». Сноска не заменяет художественное слово, а обеспечивает историческую экспликацию для читателя, не знакомого с российским контекстом.

В речи Павла слово «буржуазия» передается как ب ورجوازي ين. В арабском тексте оно вводится через поясняющее членение: «أبدأ غ ل ي لهم ي رت وي لا هم ق احل، :ب ور .جوازي ين - ب ور...» Переводчики передают горьковскую стилизацию народного объяснения термина. Смысловое ядро сохраняется: буржуазия соотнесена с богатством, ненасытностью, использованием чужого труда. Однако следует различать два уровня. Как термин ب ورجوازي ة является заимствованной общественно-политической номинацией; как элемент речи персонажа он получает образную, эмоциональную интерпретацию. Именно контекстная интерпретация, а не словарная дефиниция, создает отрицательную оценочность.

В данном фрагменте перевод прибегает к амплификации образа: «الـ تي هي ذ ف سه ف إن ب الـ ذهب نساناً إذا سممت و ض يعة ص غ يرة، ت ص بح» – «если отравить человека золотом, то его душа станет маленькой и низкой». Усложненная арабская синтаксическая конструкция придает фразе афористичность. Но амплификация не меняет направления оценки: она усиливает горьковскую антитезу материального богатства и нравственной деградации.

Семантическое поле свободы в переводе представлено лексемами حري ة «свобода», حرّ «свободный», ع بودي ة «рабство», ق يود «оковы», ت حرر «освобождение». Наиболее значима формула «والـ عدالة لـالـ عق والـ حري ة» – «разум, справедливость и свобода», воспроизводящая ценностный центр первомайской демонстрации.

Выводы

Арабские переводы Горького демонстрируют более сложную картину, нежели простая «доместикация» революционного текста: в ряде случаев переводчики усиливали революционный пафос подлинника, направляя его в несколько иное идеологическое русло. Это позволяет говорить не просто о «переписывании», но об активном «диалогическом присвоении» горьковского текста арабской культурой.

Для истории русско-арабских литературных связей анализ переводческих трансформаций горьковской лексики имеет принципиальное значение: он позволяет увидеть, каким образом русская революционная литература стала частью арабской культурной памяти – не в своей аутентичной форме, но в форме, переработанной сообразно потребностям арабских читателей разных поколений. Горький, вошедший в арабскую культуру через призму многократных трансформаций, стал парадоксальным образом более «своим» для арабского читателя, чем мог бы стать при строго верном переводе. Эта «чужесть, ставшая своей», – возможно, наиболее точная характеристика судьбы горьковского слова в арабском мире.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В переводе Ф. Айюба и С. Айюба революционно-идеологическая лексика романа «Мать» в основном сохраняет терминологическую и прагматическую маркированность оригинала. Единицы رفيق «товарищ», اشتراكي «социалист», برجوازي «буржуазный; буржуа», العمال «рабочие», الشعب «народ», حرية «свобода», عدالة «справедливость» не заменяются нейтральными бытовыми номинациями. В частности, رفيق в контексте партийного общения и классовой солидарности функционирует как политический термин, а не как обозначение только личной дружбы.

2. При передаче лексемы «правда» перевод использует семантическую дифференциацию. حقيقة выражает значение истины, достоверного знания о реальности труда и угнетения; عدالة обозначает общественно-нравственную справедливость. Такое разграничение не устраняет идеологическое содержание, а эксплицирует его компоненты средствами арабской языковой системы.

3. В религиозном плане الله , المسيح, الروح, القلب, الحقيقة используются для передачи внутренней эволюции Пелагеи и полемики о вере. Благодаря этому перевод сохраняет один из центральных смыслов романа: революционное сознание матери формируется не путем механического отказа от нравственной веры, а через ее переосмысление в категориях правды, справедливости и солидарности.

Таким образом, арабский перевод Ф. Айюба и С. Айюба представляет собой текст, ориентированный преимущественно на функциональное сохранение революционно-идеологического дискурса Горького. Его специфика состоит не в устранении политических значений, а в их лексико-грамматическом прояснении, эмоционально-образной экспликации и адаптации к арабским нормам художественного публичного высказывания.

Список источников

1. Алексеев М.П. Русская классическая литература и ее мировое значение // Русская литература. 1976. № 1. С. 6 – 20.
2. Аль-Масуд М.К.Х. История публикации произведений М. Горького в арабских странах в первой трети XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 48 – 51.
3. Васильев А.М., Зеленев Е.И., Исаев В.А., Кирабаев Н.С., Куделин А.Б. Российская арабистика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 6. С. 257 – 296. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-12.
4. Крымский А.Е. История новой арабской литературы: XIX – начало XX века: в 2 ч. Ч. 1. 2-е изд. Москва: ЛитРес, 2017.
5. Спиридонова Л.А. Горьковедение на современном этапе развития // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 3-4. С. 419 – 433.
6. Спиридонова Л.А., Захарова В.Т., Матевосян Е.Р., Демкина С.М., Уртминцева М.Г., Плющ В.Н., Сухих О.С., Максимова Т.Г., Янина П.Е. Роль творчества Максима Горького в сохранении наследия русского мира: круглый стол // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 247 – 256.
7. Сухих О.С. Ницшеанские мотивы в раннем творчестве М. Горького // Вопросы взаимовлияния литератур Западной Европы и Америки. 1998. С. 46 – 50.
8. Hermans T., ed. The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation. London: Routledge, 2014. 249 с.
9. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 2016. 176 с.
10. Maguire M., McAteer C., eds. Translating Russian Literature in the Global Context. Cambridge: Open Book Publishers, 2024. DOI: 10.11647/OBP.0340.
11. Venuti L. The Translator»s Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 2017. 353 с.

12. Gintsburg S. Maksim Gorky and Arabic Literature // Translating Russian Literature in the Global Context / ed. by M. Maguire, C. McAteer. Cambridge: Open Book Publishers, 2024. C. 349 – 366. DOI: 10.11647/OBP.0340.20.

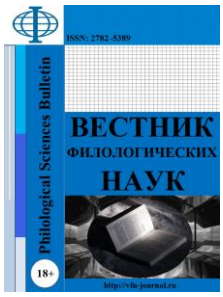
References

1. Alekseev M.P. Russian Classical Literature and Its World Significance. Russian Literature. 1976. No. 1. P. 6 – 20.
2. Al-Masoud M.K.Kh. History of the Publication of M. Gorky's Works in Arab Countries in the First Third of the 20th Century. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2014. No. 2. P. 48 – 51.
3. Vasiliev A.M., Zelenev E.I., Isaev V.A., Kirabaev N.S., Kudelin A.B. Russian Arab Studies. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 257 – 296. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-12.
4. Krymsky A.E. History of Modern Arabic Literature: 19th – Early 20th Century: in 2 parts. Part 1. 2nd ed. Moscow: LitRes, 2017.
5. Spiridonova L.A. Gorky Studies at the Current Stage of Development. Studia Litterarum. 2016. Vol. 1. No. 3-4. P. 419 – 433.
6. Spiridonova L.A., Zakharova V.T., Matevosyan E.R., Demkina S.M., Urtmintseva M.G., Plyushch V.N., Sukhikh O.S., Maksimova T.G., Yanina P.E. The Role of Maxim Gorky's Work in Preserving the Heritage of the Russian World: A Roundtable. Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2018. No. 4. P. 247 – 256.
7. Sukhikh O.S. Nietzschean Motifs in the Early Works of M. Gorky. Issues of Mutual Influence between Western European and American Literatures. 1998. P. 46 – 50.
8. Hermans T., ed. The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation. London: Routledge, 2014. 249 p.
9. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 2016. 176 p.
10. Maguire M., McAteer C., eds. Translating Russian Literature in the Global Context. Cambridge: Open Book Publishers, 2024. DOI: 10.11647/OBP.0340.
11. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 2017. 353 p.
12. Gintsburg S. Maksim Gorky and Arabic Literature. Translating Russian Literature in the Global Context. ed. by M. Maguire, C. McAteer. Cambridge: Open Book Publishers, 2024. P. 349 – 366. DOI: 10.11647/OBP.0340.20.

Информация об авторах

Абделлатиф М.М.А., *Санкт-Петербургский государственный университет, st123144@student.spbu.ru*

© Абделлатиф М.М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.512.153
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-15-21

[1] Абдина Р.П.

[1] Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Тюрко-монгольские параллели в кулинарной лексике на материале хакасской молочной кухни

Аннотация: *данная работа посвящена сопоставительному изучению тюрко-монгольских лексических соответствий в хакасской терминологии, относящейся к молочным продуктам и блюдам. В качестве материала привлечены данные из словарей тюркских и монгольских языков, а также из публикаций тюркологов и монголоведов, занимавшихся проблематикой языковых и культурных связей. Обширный корпус лексики молочной кулинарии демонстрирует значимость и разнообразие данной категории продуктов в кухнях сопоставляемых народов. Почти все номинации, используемые в хакасском языке для обозначения молочной пищи, обнаруживают соответствия в монгольских идиомах. Схождения фиксируются не только на уровне словарных единиц, но и в области практических приёмов приготовления. Материалы исследования могут быть использованы в сравнительно-исторических и сопоставительных исследованиях тюркских и монгольских языков, в лексикографической практике, при составлении пособий и справочников по традиционной кухне.*

Ключевые слова: *тюркские и монгольские языки, хакасский язык, лексика, семантика, кулинария, молочные блюда и продукты, традиционная культура*

Для цитирования: Абдина Р.П. Тюрко-монгольские параллели в кулинарной лексике на материале хакасской молочной кухни // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 15 – 21. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-15-21

Поступила в редакцию: 2 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Abdina R.P.

[1] Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History

Turkic-Mongolian parallels in culinary vocabulary based on the Khakass dairy cuisine

Abstract: *this work is devoted to a comparative study of Turkic-Mongolian lexical correspondences in Khakass terminology related to dairy products and dishes. The material includes data from dictionaries of the Turkic and Mongolian languages, as well as from publications of Turkologists and Mongolian scholars who dealt with the problems of linguistic and cultural relations. The extensive vocabulary of dairy cooking demonstrates the importance and diversity of this category of products in the cuisines of the compared peoples. Almost all the nominations used in the Khakass language to refer to dairy foods find correspondences in Mongolian idioms. The similarities are recorded not only at the level of vocabulary units, but also in the field of practical cooking techniques. The research materials can be used in comparative historical and comparative studies of the Turkic and Mongolian languages, in lexicographical practice, in the compilation of manuals and reference books on traditional cuisine.*

Keywords: *the Turkic and Mongolian languages, the Khakass language, vocabulary, semantics, cooking, dairy dishes and products, traditional culture*

For citation: Abdina R.P. Turkic-Mongolian parallels in culinary vocabulary based on the Khakass dairy cuisine. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 15 – 21. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-15-21

The article was submitted: August 2, 2026; Approved after reviewing: September 6, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Одним из древнейших пластов культуры и быта человеческой цивилизации являются продукты питания и напитки, а лексика, обозначающая этот пласт культуры, может служить источником изучения истории этноса. Отмечено, что лексика питания, наряду с другими сферами материальной культуры, дольше сохраняет свою этнографическую специфику [10, с. 9]. Традиционная кулинария любого народа складывается под воздействием комплекса природно-климатических факторов и преобладающего хозяйственного уклада. Так, в зонах с жарким климатом возрастает потребность в свежих фруктах и овощах, поскольку они способствуют регуляции водного обмена и предотвращают перегрев организма. В регионах с холодным климатом, напротив, возникает необходимость в пище, насыщенной жирами и белками, которая поддерживает теплообмен. Таким образом, климатические условия, растительный мир, животный фон и характер хозяйствования в совокупности определяют структуру питания человека, формируют его вкусовые предпочтения, ассортимент доступных продуктов, способы кулинарной обработки и культурные традиции в сфере гастрономии. Исторически сложилось так, что тюркские и монгольские народы на протяжении многих веков проживали в соседних ареалах, их территории неоднократно пересекались и взаимодействовали. Общей основой их хозяйственно-культурного типа была кочевая скотоводческая деятельность, что естественным образом отразилось в материальной культуре, в том числе в традиционной кухне.

Цель работы состоит в сравнительном анализе тюрко-монгольских параллелей в хакасской кулинарной лексике, рассматриваемой на материале молочной кухни.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, несмотря на то, что кулинарная практика охватывает все стороны национальной культуры этноса, этот пласт лексики остается одним мало освещенных проблем в рамках хакасского языкознания. Исследование наименований молочных блюд в сравнительном аспекте дает возможность установить культурные и языковые контакты народов, определить степень близости, проследить закономерности языкового развития. Во-вторых, изучение национально-культурной специфики языковых единиц, отражающих кулинарные традиции, позволяет проследить социально-экономические условия народов, увидеть сходство и различия в их хозяйственной деятельности, помогает исследовать некоторые особенности традиционной культуры народов.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составляют выборки из толковых и этимологических словарей тюркских и монгольских языков, а также из трудов тюркологов и монголоведов, изучавших вопросы языковых и культурных отношений между этими группами.

В процессе решения поставленных задач применялись различные методы, среди которых основными являются сопоставительный, сравнительно-исторический, метод компонентного анализа, а также описательный и этимологический подходы.

Результаты и обсуждения

Вопрос о наличии общих лексических элементов в тюркских и монгольских языках издавна привлекает внимание лингвистов. По подсчётам специалистов, доля таких совпадений может достигать 25% [11, с. 351]. Языковые параллели между этими группами обычно объясняются их генетическим родством [4, с. 29]. Исходя из географического положения, контакты между тюркскими и монгольскими языками наиболее интенсивно осуществлялись с тюркскими языками Южной Сибири (тувинским, алтайским и хакасским). Следует отметить, что в настоящее время алтайский и хакасский уже утратили прямые контакты с монгольскими языками.

На сегодняшний день в тюркологии существует несколько классификационных схем. Наибольшей известностью пользуется классификация, предложенная Н.А. Баскаковым, который полагал, что в основе систематизации должен лежать исторический процесс развития языков в неразрывной связи с историей самих тюркских народов, с обязательным учётом грамматического строя и словарного состава. Исследователь делит все тюркские языки на две крупные группы – западнохуннскую и восточнохуннскую, каждая из ко-

торых, в свою очередь, распадается на группы и подгруппы. Хакасский язык относится к восточнохуннской подгруппе тюркской языковой группы в составе алтайской языковой семьи [4, с. 222].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, численность хакасов как коренной национальности составляет 55 144 человека, что соответствует 10,31% населения республики. В республике Хакасия наибольшей коммуникативной мощностью обладает русский язык, которым владеет всё население. Хакасский язык, являющийся вторым государственным языком республики, знаком только примерно 7% жителей [9, с. 80]. Хакасский язык представляет собой многодиалектную систему: в нём выделяются четыре территориальных диалекта – качинский, сагайский, кызыльский и шорский.

Значимость изучения взаимодействия хакасского языка с монгольскими языками подчёркивала Е.И. Убрятова. В своей работе она указывала, что нельзя смешивать происхождение народа и происхождение его языка, и для выяснения этногенеза хакасского народа исключительно важно исследовать его взаимодействие с языками других семей, в частности с монгольскими [18, с. 140]. Исходя из этого, мы считаем необходимым подвергать комплексному анализу не только собственно языковые единицы, но и кулинарную практику. Анализ гастрономической лексики показывает, что тюрко-монгольские параллели в первую очередь обнаруживаются именно в наименованиях и способах приготовления молочных блюд.

На сегодняшний день из молочных продуктов в Хакасии преобладает коровье молоко и изделия из него, хотя в недалеком прошлом, когда разведение лошадей было одним из основных видов хозяйствования, в рационе хакасов бытовало кобылье молоко. Данные сведения подробно описаны в работах исследователей Сибири начала XIX века: «Они ежедневно должны доить по три раза кобыл, и по два раза коров; делать кумыс, айран, молоко, сыр... Кумыс приготовляется из кобыльего молока, айран – из коровьего.» [15, с. 54].

В хакасском литературном языке и в диалектах молоко обозначается общетюркским словом *сӱт* 'молоко/молочный'. Данная лексема происходит от пратюркского *sῡt* и в разнообразных фонетических вариантах представлена во многих тюркских и монгольских языках. Авторы СИТГЯ отмечают, что тюркское *sii*:t обычно сопоставляется с монгольским *siin* 'молоко', ср. монг. *сүү*, бур. *һүн, үһэн,* калм. *сүн* [17, с. 448].

У взрослого населения употребление свежее молока в неразбавленном виде практически не практиковалось; его, как и сливки, добавляли в чай. Такой чай назывался *тадар чей* (буквально «хакасский чай») или *сӱттіг чей* (чай с молоком), в противоположность чаю без молока *хара чей* (чёрный чай). Параллели прослеживаются и в монгольской гастрономической культуре: «В больших количествах молоко идет на забеливание чая, который называется *сүүтэй цай*, в противоположность обычному чёрному чаю (хар цай)» [13, с. 28]. Слово *чай* заимствовано из китайского языка, причём исследователи отмечают: «слово чай пришло в русский язык из тюркских языков, которые, в свою очередь, заимствовали его из северо-китайского языка в той же фонетической форме СНА, в отличие от западно-европейских названий чая, источником которых послужило южнокитайское ТЕ» [5, с. 609].

Способы обработки молока у тюркских и монгольских народов включают различные технологические операции: процеживание, отстаивание, сепарирование, перегонку, варку, заквашивание и другие. Основную массу молочных блюд начинали готовить в конце весны – начале лета, после перекочёвки с зимника на летник. В это время делали в больших количествах айран – кисломолочный напиток особой закваски. Лексический материал показывает, что подобный напиток существовал у многих тюркских. По мнению исследователей, лексема айран произошла от общетюркской глагольной основой *айыр* 'отделять' [14, с. 466].

Закваску для айрана (*айран хордии*) обычно получали из остатков прошлогоднего айрана. Если закваски не было, её просили у соседей, отдавая взамен свежее молоко. Этот обычай обмена закваски на молоко характерен для всех скотоводческих народов Южной Сибири и Центральной Азии; считалось, что отказ от такого обмена может лишить хозяина удачи [7, с. 115].

Айран выступал в качестве основного продукта для изготовления многих других блюд. Когда айран накапливался в больших количествах, из него делали *айран араға* – слабоалкогольный напиток, получаемый путём перегонки айрана посредством подогрева и конденсации в самодельном аппарате. Для этого применялся аппарат, который, по мнению исследователей, был заимствован у монгольских народов. В.Я. Бутанаев пишет: «Древнейшим считался хазан-хахпах. Это был самогонный аппарат западномонгольского (ойратского) типа... В XIX в. среди хакасов распространился самогонный аппарат восточномонгольского типа ӱлгер или «сойан хахпах». Он был заимствован хакасами из Тувы. Об этом факте свидетельствует и его название «сойан хахпах» – тувинский аппарат. Термин ӱлгер происходит от тувинского «булгээр» и монгольского «булгэр». Внутри нее делался наклонный лопатообразный желоб с выходящим наружу носиком – сорға. Наполненность кувшинов и крепость араки проверяли специальным прибором амзор» [7, с. 117]. Ср. также монг. *цорго* 'кран, перегонная трубка (по которой стекает молочная водка), водосточная труба', *amsaγur* 'то, чем пробуют что-либо', *капка* 'крышка' [12, с. 220, 171].

Лексема *араға* в различных фонетических вариантах встречается почти во всех тюркских и монгольских языках. Традиционно она считается арабизмом: ср. араб. *ара* 'пот', 'крепкая водка'. Однако Э.В. Севортян выражал сомнение по этому поводу, отмечая, что если предмет и его название действительно имеют арабское происхождение, то посредниками в распространении арак(ы) на восток могли выступать тюрки, монголы или персы, но вопрос о принадлежности арак(ы) к собственно семитской основе остаётся открытым [14, с. 167]. Б.И. Татаринцев также указывает, что скептическое отношение Севортяна к традиционной этимологии в определённой степени оправдано, поскольку в монгольских языках имеется слово *аражан* 'водка двойной перегонки' и его современные соответствия (аржан). Возможно, это действительно гомогенные наименования, однако окончательный ответ на этот вопрос в настоящее время дать затруднительно [16, с. 126].

Крепость *айран араға* составляет не более 5-10 градусов. В редких случаях для получения более хмельного напитка полученную арагу перегоняли повторно. Для обозначения более крепкого хмельного напитка в хакасском языке используется лексема *арачын* 1) *фольк*. водка двойной перегонки; 2) крепкое вино (самогон). В фольклорных произведениях для обобщённого наименования крепких хмельных напитков применяется парное собирательное *арачын – хорачын* 'крепкое вино; водка (из молока)' [3, с. 72]. В значении 'крепкая водка, крепкое вино' лексема *арачин* в разных фонетических вариантах (аржан, арайан, арафан, аразан и др.) встречается во многих тюркских и монгольских языках. Б.И. Татаринцев полагает, что связь таких названий с начальным *а-* и названием араки, о чём писал В.В. Радлов, представляется вероятной, и одновременно обосновано мнение о монгольском происхождении наименований типа *аржан* [16, с. 127].

Молочное вино, как и другие хмельные напитки, употреблялось по праздникам для угощения гостей и во время религиозных обрядов. В подобных контекстах оно становится не только средством угощения, но и символом гостеприимства. В то же время хакасы осознавали негативные последствия чрезмерного употребления алкоголя, поэтому такие напитки могли употреблять только взрослые люди определённого возраста и только по специальным поводам.

После перегонки айрана в казане оставалась творожистая гуща *поҷа*. Ср. калм. *боз* 'творожистая гуща, которая остается в котле после перегонки молочной водки' [13, с. 28]. Эту гущу процеживали через мешок *пöс сүүмек* (букв.: бязевый мешок) и отделяли сыворотку *сарыг суг* (букв.: жёлтая вода). Ср. калм. *бөс шүүмэл* 'бязевый мешок'; аналогичная особенность наименования сыворотки присуща монгольским языкам: монг. *шар ус* 'сыворотка' (букв.: жёлтая вода).

Отцеженная творожистая масса называется *ааpчы*. Данная лексема также зафиксирована во многих тюркских и монгольских языках: х.-монг., калм. *аарц*, бур. *аарса* 'род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки'. По мнению исследователей – этимологов вышеперечисленные лексемы являются производными от глагольной общетюркской основы *акар/агар* 'белеть' [14, с. 117]. В хакасском языке имеется синонимичная лексема к слову ааpчы – *эрмек* 'творожистая масса, остающаяся на стенках котла после перегонки айрана'. В калмыкском языке обнаружена подобная лексема; *irimek* 'творожистая накипь на стенках котла от кипячения кислого молока' [13, с. 28].

Ааpчы в хакасской кулинарии может использоваться отдельно как приправа к супам, иди же выступать в качестве ингредиента для изготовления прохладительного напитка *сеедем/седем* с фонетическим вариантом *сöдім*. Примечательно, что из тюркских языков Южной Сибири лексема *сеедем/сöдім* зафиксирована только в хакасском языке [10, с. 20]. В монгольской кухне имеются напитки *цийдэм*, *чиидмг, сиидэм*, получаемые путём разведения молока (в том числе кислого) холодной водой [13, с. 31]. Из ааpчы, выдавив сыворотку, изготавливали сушёные сырцы *пічірö / мӱчірее / пӱчӱрее, хурут*. Аналогичная кулинарная практика наблюдается в монгольской культуре: «процеженную творожистую массу *аадмг* сушили. Эту массу сжимали в кулаке и пропускали через пальцы. Пропущенные через пальцы ленточки клали на лотки для просушки» [13, с. 29].

Сыр *хурут* готовили в виде лепёшек или шариков, сушили на солнце, в печи либо коптили в юрте на специальных приспособлениях. Данный продукт, как и соответствующие лексемы в значениях 'сушеный творог, сыр', представлен во многих тюркских и монгольских языках. Эта лексема восходит к др.-тюрк. *quru-* 'сохнуть' [17, с. 452].

Из свежего молока с добавлением кислого молока варили сыр *пызылах*. Лексема *пызылах* встречается во многих тюркских и монгольских языках: ср. алт., тув., тоф. *быштак* 'род домашнего сыра', х.-монг. *бяслаг, бяшлаг*, бур. *биһалаг* 'сыр домашнего приготовления'. Исследователи полагают, что словоформы данной лексемы являются дериватами от производящей основы *быш-* 'взбивать, пахтать, взбалтывать', однако не исключается возможность контаминации основы *быш-* с основой *биш-* 'вариться' [14, с. 161].

Напитки из кислого молока, как и само кислое молоко, обозначаются словом *чіген* 'кислое молоко; напиток из кислого молока'. Эта лексема в подобных значениях представлена в тюркских и монгольских языках: туб. *čeγɛ*:n, кум. *čeγɛ*:n, челк. *šeγɛ*:n, алт. *čegɛn*, монг. *čegɛn*, калм. *čigɛ*:n.

Кумыс в значении 'кисломолочный напиток из кобыльего молока' в хакасском языке обозначается лексемой *хамыс*, а в монгольском – *айраг*. Из сквашенного молока с последующим удалением сыворотки готовили творог *эҷігей*. Подобная лексема имеется в тюркских и монгольских языках: башк. *эжекэй* 'творог', кирг. *эжигей* 'особый сорт творожного сыра из кипячёного овечьего или козьего молока', алт. *эдъгей*, тув. *эжегэй* 'творог', монг. *эжегей* 'вареный творог'. Э.В. Севортян считал, что лексема *ежигей* относительно поздно заимствована из монгольских языков, а исходный глагол, к которому восходят приведённые монгольские производные, – eged-/egede-/ээдэх 'становиться кислым', 'прокисать', 'свёртываться' (о молоке), 'створаживаться'; бур. *ээд* 'свёртываться' [14, с. 235]. Из хорошо отжатого творога с добавлением яиц и сливочного масла готовится сыр *хайылдырған пызылах* или *эҷигей пызылағы*. Такая же рецептура с аналогичным названием *хайлуулһан хурууд* имеется в бурятской кухне [6, с. 14].

Способом отстаивания молока получали сметану: саг. *öріңме / öреме, чöкей*; кыз. *хаймах*. Лексемой *хаймах* обозначается также блюдо, приготовленное из кипячёных свежих сливок с добавлением сахара и ягод. Кызыльский вариант обозначения сметаны *хаймах* является общетюркским словом и имеет параллели во многих тюркских языках с небольшими семантическими расхождениями. Сагайская диалектная лексема *öріңме / öреме* многозначна и помимо сметаны выступает в следующих значениях: 1) пенка (на кипячёном молоке); 2) молочное блюдо. Его готовят так: при постепенном закипании молока на медленном огне образуется пенка, которую осторожно отодвигают в сторону. Эту операцию проводят беспрерывно, пока не накопится достаточное количество густой массы, затем её снимают и замораживают, получая лакомство, напоминающее мороженое [1, с. 104]. Подобное блюдо существовало у многих тюркских и монгольских народов: монг. *örüme*, ойр. *örüme* 'пенка на вскипевшем молоке', бур. *үрмэ*(н), калм. *өрм* 'пенка (молочная); сливки' [6, с. 8]. Сагайский вариант *чöкей* имеет соответствие *цөцгий* 'сметана' в монгольском языке.

Из сметаны готовили масло *хайах*. Лексема, обозначающая масло является общетюркской производной от глагольной *йа-* 'сбивать масло' [14, с. 59]. Свежее сливочное масло хранится недолго, поэтому его перетапливают; топлёное масло, напротив, сохраняется длительное время при разных температурных режимах. Практически у всех тюркских и монгольских народов в наименовании такого масла присутствует жёлтый цвет: хак. *сарығ хайах*, алт. *сары сарју* 'топлёное масло', як. *сарју*, монг. *шар тосн* и др.

Кроме обнаруженных тюркско-монгольских параллелей в лексическом материале, хочется отметить, что молочные продукты у тюркских и монгольских народов несут сакральный смысл, они нередко связаны с определёнными ритуалами и обрядами. Молоко и молочные продукты здесь соприкасаются с представлениями о ритуальной чистоте, гостеприимстве и почитании предков, что находит отражение в специальных словоформах и устойчивых оборотах.

Выводы

Таким образом, богатый лексический материал по молочной кулинарии убедительно показывает важность и разнообразие этой группы продуктов в тюркской и монгольской кухне. Практически все лексемы, обозначающие молочные продукты и блюда в хакасском языке, имеют параллели в монгольских языках. Совпадения фиксируются не только в лексике, но и в кулинарной практике. Такие параллели обусловлены факторами:

– историческое соседство: территория Южной Сибири является регионом, где активно проходили контакты тюркских и монгольских народов;

– природно-климатические условия, представленные резко-континентальным климатом, диктовали условия заготовки молочных продуктов впрок, что способствовало развитию похожих технологических приёмов переработки молока; лексика, описывающая эти процессы, могла «мигрировать» между языками;

– схожесть быта и хозяйства: тюркские и монгольские народы традиционно были скотоводами, поэтому молочные продукты составляли основной рацион питания, эти продукты ценились как в повседневной жизни, так и в ритуальной практике.

Список источников

1. Абдина Е.А., Идимешева У.С. Хакас чонның кибірліг чиис-азырал оңдайлары. Культура питания хакасов. На хакасском и русском языках. Абакан, 2015. 104 с.

2. Абдина Р.П. Лексико-семантические особенности обозначения общих понятий пищи в хакасском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Абакан, 16-17 мая 2019 года. Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2019. С. 62 – 65.

3. Анжиганова О.П., Баскаков Н.А. [и др.]. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

4. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М.; Наука, 1969. 383 с.
5. Большой лингвострановедческий словарь / под. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: Наука, 2009. 738 с.
6. Бурят-монгольская кухня. 150 рецептов: сборник. Улан-Уде: Номад. 2025. 176 с.
7. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
8. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.
9. Гусейнова А.В. Языки народов Республики Хакасия в коммуникативном пространстве региона // Таврический научный обозреватель. 2017. № 10-1. С. 79 – 84.
10. Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И., Тазранова А.Р., Трофимова С.М., Широбокова Н.Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 1 (31). С. 9 – 20.
11. Котвич. В. Исследование по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы. 1962. 371 с.
12. Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А.В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
13. Рассадин В.И., Трофимова С.М. Названия молочных продуктов в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Выпуск (26). С. 28 – 38.
14. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. 1974. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». 1978. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ҷ», «Ж», «Й». М., 1989; «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Наука. 2003.
15. Спасский Г. Сибирский вестник, ч. II. СПб., 1818. С.53 – 55
16. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука 2000, Т. 1. А-Б. 341 с.
17. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 799 с.
18. Убрятова Е.И. Из выступлений // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. VII. С.140 – 146.

References

1. Abdina E.A., Idimesheva U.S. Khakas chonyn cyberlig chiis-azyral ondaylary. Khakass food culture. In Khakassian and Russian languages. Abakan, 2015. 104 p.
2. Abdina R.P. Lexico-semantic features of the designation of general concepts of food in the Khakass language. Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Abakan, May 16-17, 2019. Abakan: KhSU publishing house. N.F. Katanova, 2019. P. 62 – 65.
3. Anzhiganova O.P., Baskakov N.A. [et al.]. Khakass-Russian dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p.
4. Baskakov N.A. Introduction to the study of Turkic languages. M.; Science, 1969. 383 p.
5. Large linguocultural dictionary. Under. ed. Yu.E. Prokhorova. M.: Nauka, 2009. 738 p.
6. Buryat-Mongolian cuisine. 150 recipes: collection. Ulan-Ude: Nomad. 2025. 176 p.
7. Butanaev V.Ya. Traditional culture and life of the Khakass. Abakan: Khakass book. ...Publishing House, 1996. 224 p.
8. Butanaev V.Ya. Khakass-Russian Historical-Ethnographic Dictionary. Abakan: UPP "Khakasiya", 1999. 240 p.
9. Guseinova A.V. Languages of the Peoples of the Republic of Khakassia in the Region’s Communicative Space. Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 10-1. P. 79 – 84.
10. Dyachkovsky F.N., Popova N.I., Tazranova A.R., Trofimova S.M., Shirobokova N.N. Gastronomic Vocabulary (Dairy Products) in the Turkic Languages of Siberia: A Comparative Perspective. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021. No. 1 (31). P. 9 – 20.
11. Kotwicz W. Studies on Altaic Languages. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. 371 p.
12. Rassadin V.I. Essays on the History of the Formation of the Turkic-Mongolic Linguistic Community. Ed. by A.V. Dybo. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 608 p.
13. Rassadin V.I., Trofimova S.M. Names of Dairy Products in Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk Languages. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2019. Issue (26). P. 28 – 38.

14. Sevortyan E.V. Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels. 1974. Common Turkic and Inter-Turkic Roots Beginning with the Letter "B". 1978. Common Turkic and Inter-Turkic Roots Beginning with the Letters "Ж", "Ж", "Й". Moscow, 1989; "Л", "М", "Н", "П", "С". Moscow: Nauka, 2003.
15. Spassky G. Sibirsky Vestnik [Siberian Herald], Part II. St. Petersburg, 1818. P. 53 – 55.
16. Tatarintsev B.I. Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Novosibirsk: Nauka, 2000, Vol. 1: A-B. 341 p.
17. Tenishev E.R. Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. Moscow: Nauka, 2001. 799 p.
18. Ubryatova E.I. From Speeches. Scientific Notes of KhakNIIYaLI. Abakan, 1959. Issue VII. P. 140 – 146.

Информация об авторах

Абдина Р.П., *кандидат филологических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории*

© Абдина Р.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-22-27

[1] Гоюшова Л.М. ***[1] Московский авиационный институт***

Globish как инструмент межкультурной коммуникации в аэрокосмической отрасли

Аннотация: *в статье рассматривается феномен Globish как упрощённой версии английского языка, используемой в международной профессиональной коммуникации. Анализируются лингвистические характеристики Globish, его функциональные ограничения и роль в межкультурном взаимодействии в аэрокосмической отрасли – сфере повышенной ответственности, где точность понимания имеет критическое значение. На основе анализа интервью российского космонавта А. Кикиной выделяются коммуникативные стратегии, используемые неносителями английского языка для преодоления лингвистических барьеров. Обосновывается необходимость развития эмоционального интеллекта как компенсаторного механизма, позволяющего эффективно осуществлять межкультурную профессиональную коммуникацию в условиях ограниченного языкового ресурса. Делается вывод о том, что Globish следует рассматривать не как замену полноценному языковому образованию, а как инструмент, эффективность которого определяется уровнем развития межкультурной и эмоционально-коммуникативной компетенций участников взаимодействия.*

Ключевые слова: *Globish, межкультурная профессиональная коммуникация, аэрокосмическая отрасль, эмоциональный интеллект, English as a Lingua Franca, коммуникативные стратегии, преподавание английского языка*

Для цитирования: Гоюшова Л.М. Globish как инструмент межкультурной коммуникации в аэрокосмической отрасли // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 22 – 27. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-22-27

Поступила в редакцию: 3 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Goyushova L.M. ***[1] Moscow Aviation Institute***

Globish as a tool for intercultural communication in the aerospace industry

Abstract: *the paper examines the phenomenon of Globish as a simplified version of English used in international professional communication. It analyzes the linguistic characteristics of Globish, its functional limitations, and its role in intercultural interaction within the aerospace industry – a high-stakes domain where accuracy of understanding is critical. Drawing on the analysis of an interview with Russian cosmonaut Anna Kikina, the study identifies communicative strategies employed by non-native English speakers to overcome linguistic barriers. The necessity of developing emotional intelligence as a compensatory mechanism for effective intercultural professional communication under limited linguistic resources is substantiated. It is concluded that Globish should be viewed not as a substitute for full-fledged language education, but as a tool where effectiveness is determined by the level of intercultural and emotional-communicative competence of the participants in interaction.*

Keywords: *Globish, intercultural professional communication, aerospace industry, emotional intelligence, English as a Lingua Franca, communicative strategies, teaching English for specific purposes*

For citation: Goyushova L.M. Globish as a tool for intercultural communication in the aerospace industry. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 22 – 27. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-22-27

The article was submitted: August 3, 2026; Approved after reviewing: September 7, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В условиях глобализации и интернационализации профессиональной деятельности английский язык утвердился в качестве основного средства международного общения, особенно в сферах бизнеса, науки и высоких технологий. Аэрокосмическая отрасль представляет собой одну из наиболее интернационализированных областей: международная кооперация на Международной космической станции, совместные проекты Роскосмоса, NASA, ESA и других агентств, экспорт авиационно-космической техники – всё это требует эффективного межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Однако английский язык является родным для сравнительно небольшой части населения планеты и отличается значительной сложностью освоения. Эта дихотомия – глобальная востребованность языка при его объективной сложности для неносителей – породила феномен Globish. Термин «Globish» (контаминация «Global» и «English») был введён вице-президентом по международному маркетингу компании IBM Жаном-Полем Нериером [1]. Согласно его концепции, Globish представляет собой упрощённую версию английского языка, использующую около 1500 наиболее употребительных слов, базовую грамматику и 12 упрощённых глагольных конструкций [2]. Как отмечает сам Нериер, Globish – это «правильный английский без английской культуры» [1, с. 34], то есть сознательный отказ от идиом, метафор, юмора и фигуральных выражений.

В научной литературе Globish рассматривается как продукт бизнес-коммуникации, строящийся «на базе торговли, рекламы и мирового рынка» [7, с. 27]. При этом исследователи подчёркивают, что Globish «сам по себе не является языком» [11, с. 45], а служит средством коммуникации в международном бизнесе для людей, не являющихся носителями английского языка.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих эффективность межкультурной профессиональной коммуникации в аэрокосмической отрасли – сфере, где «ошибки перевода способны влиять не только на качество научной коммуникации, но и на интерпретацию технических параметров, процедур и регламентов» [6, с. 232]. Цель статьи – выявить лингвистические барьеры, возникающие при использовании Globish в профессиональной коммуникации, и определить роль эмоционального интеллекта как механизма их преодоления.

Материалы и методы исследований

Globish, в качестве лингвистического феномена, был формализован Ж.-П. Нериером в 2004 году как подмножество английского языка, использующее стандартную грамматику и ограниченный словарный запас в 1500 слов [1]. Ключевыми характеристиками Globish являются: отказ от идиом и сленга; использование простых грамматических конструкций; стратегия повторения для усиления смысла; ориентация на взаимопонимание, а не на лингвистическое совершенство [2].

Важно отметить, что Globish не следует отождествлять с English as a Lingua Franca (ELF). Если ELF является эмпирически наблюдаемым явлением спонтанной коммуникации неносителей, то Globish представляет собой искусственно сконструированную упрощённую версию [3]. Как справедливо отмечается в литературе, Globish – это «инструмент», а не полноценный язык [11, с. 46]. Критика Globish связана с опасением, что он может способствовать снижению стандартов владения английским языком. Эффективная межкультурная коммуникация требует баланса между открытостью к другим культурам и сохранением собственной культурной идентичности [4].

Результаты и обсуждения

В современной лингвистике Globish рассматривается в контексте системной функциональной лингвистики М. Халлидея, который фокусировался на значении языка как средства коммуникации, а не только на его структурной форме [5]. В рамках этого подхода Globish понимается как упрощённая деловая лексика и грамматика, основанная на требованиях международных деловых переговоров [2].

Аэрокосмическая отрасль характеризуется высокой степенью интернационализации. Перевод аэрокосмических текстов представляет собой «процесс межъязыкового и межкультурного обмена специализированными знаниями в русско- и англоязычной профессиональной среде» [6, с. 229]. При этом существенные

риски создают не только терминологические расхождения, но и различия в системах единиц измерения, записи чисел, а также культурно обусловленные способы вербализации научно-технических смыслов.

Особого внимания заслуживает лингвокультурная маркированность метафор и прецедентных элементов, которые в аэрокосмическом дискурсе выполняют объяснительную и воздействующую функцию, «но по-разному допустимы и интерпретируемы в русско- и англоязычной научно-технической традиции» [6, с. 235], что создаёт определённые проблемы при использовании Globish, который намеренно исключает подобные элементы.

В контексте современных реалий английский язык сохраняет статус основного инструмента доступа к презентации отечественных разработок (к примеру, в Московском авиационном институте (в 2025 году) на английском языке осуществлялось обучение по направлениям «Авиастроение», «Двигатели БПЛА», «Ракетные системы»), что подтверждает факт того, что английский язык был и остаётся неотъемлемой частью профессиональной подготовки инженеров. Эффективная межкультурная языковая коммуникация в контексте профессиональной среды детерминирована множеством, выходящих за рамки лингвистической компетенции факторов. И, связано это с тем, что хорошие навыки межкультурной языковой коммуникации, прежде всего, зависят от наличия языковых навыков, так и адекватного представления о культуре и мире тех людей, где данный язык функционирует. Таким образом, современные исследования демонстрируют, что интеграция психологических аспектов в профессиональную деятельность играет ключевую роль в формировании межкультурной компетентности [8].

Эмоциональный интеллект (EQ) рассматривается как важная составляющая психологической компетенции, включающая способность воспринимать, понимать и регулировать эмоции [9, 10]. Исследования подтверждают, что эмоциональный интеллект «способствует более свободной коммуникации, помогая студентам управлять стрессом и тревогой» [7 с. 28]. Более того, эмоциональный интеллект «выступает одним из ведущих факторов формирования кросс-культурной компетенции, поскольку способствует развитию эмпатии, толерантности, эмоциональной саморегуляции и поведенческой адаптивности в мультикультурной среде» [7, с. 29].

В контексте профессиональной коммуникации в аэрокосмической отрасли эмоциональный интеллект приобретает особое значение. Работа в международных экипажах, ведение переговоров с зарубежными партнёрами, презентация отечественных разработок на глобальном рынке – всё это требует не только языковых навыков, но и способности понимать культурные особенности собеседников, регулировать собственное эмоциональное состояние и выстраивать доверительные отношения.

Эмпирический анализ: коммуникативные стратегии неносителей языка (на примере фраз из интервью с космонавтом А. Кикиной)

Эмпирическим материалом для анализа послужило интервью американского телеканала CBS News в октября 2022 года, взятого у российского космонавта Кикиной Анны, посвящённое её участию в миссии Crew-5, выбор которого обусловлен рядом факторов (Кикина, будучи аспираткой МАИ, является неносителем английского языка, что делает её речь репрезентативным образцом профессиональной межкультурной коммуникации, а также интервью было дано в контексте профессиональной деятельности, что обеспечивает аутентичность коммуникативной ситуации и позволяет наблюдать Globish в условиях профессиональной и реальной жизни [12].

Ключевым фрагментов взятого у Кикиной интервью представляется вопрос о назначении её в экипаж Crew-5:

«My leaders just appoint me and told me, do you want to be part of Crew 5? Yes! Why not? But I was so surprised» [12].

Данное высказывание демонстрирует ряд характеристик, характерных для Globish:

1. Упрощение грамматики. Вместо формы прошедшего времени «appointed» используется «appoint», что является традиционным для речи неносителей английского языка.
2. Синтаксическая простота. Отказ от косвенной речи («they asked me if I wanted...») в пользу прямой передачи вопроса («do you want to be part of Crew 5?»).
3. Базовый лексикон. Все слова входят в базовый словарный запас Globish (1500 слов). Отсутствуют сложные термины, идиомы.
4. Эмоциональная маркированность. Короткие, энергичные фразы «Yes! Why not?» передают энтузиазм и готовность, компенсируя лингвистическую простоту.
5. Структурная прозрачность. Высказывание состоит из коротких, простых предложений.

Анализ позволяет выделить следующие коммуникативные стратегии, используемые неносителем языка:

Стратегия	Проявление	Функция
Лексическое упрощение	Базовые слова вместо специальных	Обеспечение понятности
Синтаксическое упрощение	Короткие предложения	Снижение когнитивной нагрузки
Отказ от идиом	Отсутствие фигуральных выражений	Предотвращение недопонимания
Эмоциональная компенсация	Энергичные фразы	Установление контакта
Прямая коммуникация	Прямая речь	Полная прозрачность

Несмотря на формальные грамматические погрешности, коммуникативная задача была полностью решена – смысл был передан, аудиторией объективно понятно сообщение, а также установлен эмоциональный контакт, что подтверждает тезис о прагматической эффективности Globish в условиях, когда участники процесса сфокусированы на взаимопонимание, а не на лингвистическое совершенство.

Таким образом, анализ интервью А. Кикиной позволяет выделить несколько ключевых факторов в отношении аспектов эмоционального интеллекта, которые способствуют успешной межкультурной профессиональной коммуникации при ограниченном лингвистическом ресурсе.

Эмпатия и ориентация на собеседника. Кикина демонстрирует очевидную направленность на аудиторию, где она применяет в своей межкультурной компетенции простые и понятные конструкции, а также избегает сложной терминологии, что свидетельствует о развитой эмпатии, т.д. способности понимать сообщение и, тем самым, адаптировать его в речевую деятельность.

Эмоциональная саморегуляция. Когда говорящий в ситуации публичного интервью на неродном языке осознаёт свои недостаточные лингвистические ресурсы, возникает естественное напряжение, с которым Кикина при взятии у неё телеинтервью успешно справлялась (её речь звучала уверенно, она не демонстрировала смущения). Также стоит отметить, что её эмоциональная саморегуляция позволяет ей сохранять контроль над межкультурной языковой коммуникацией.

Социальные навыки. Использование позитивных формулировок («Yes! Why not?») способствует установлению доверительного контакта с аудиторией, что подтвердила Кикина при взятии интервью (использование открытого диалога компенсирует лингвистическую простоту высказываний).

Как показывают исследования, развитие эмоционального интеллекта в образовательном процессе «создаёт условия для формирования кросс-культурной компетенции и повышает готовность учащихся к межкультурной коммуникации» [7, с. 30], что особенно важно для подготовки специалистов в профессиональной аэрокосмической отрасли.

В контексте преподавания английского языка для профессиональных целей в авиационных вузах особое значение приобретает формирование как лингвистической, так и межкультурной компетенции. В связи с чем, для успешного освоения профессионального английского языка необходимо применять современные языковые методики, а также развивать ключевые универсальные компетенции, согласно ФГОС 3++, среди которых следует выделить: коммуникацию (УК-4), предполагающую владение деловым общением на иностранных языках, и работу в команде (УК-3), которая включает в себя навыки социального взаимодействия. Данные компетенции напрямую взаимосвязаны с развитием эмоционального интеллекта и межкультурной чувствительности, что формирует у учащихся мотивации к обучению, а также создаёт условия для систематического формирования кросс-культурной компетенции [7].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Globish представляет собой эффективный инструмент межкультурной профессиональной коммуникации, основанный на грамматическом и лексическом упрощении английского языка, основным достоинством которого является доступность для неносителей и ориентация на взаимопонимание. Однако, ограниченность языкового ресурса создаёт лингвистические барьеры, в особенности, в высокотехнологичных отраслях, где точность понимания имеет ключевое значение [6].

Во-вторых, анализ телеинтервью А. Кикиной показывает, что успешность использования Globish в профессиональной языковой коммуникации определяется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, которые позволяют успешно решать коммуникативные задачи даже при ограниченном языковом ресурсе.

В-третьих, эмоциональный интеллект выступает критическим компенсаторным механизмом, позволяющим преодолевать лингвистические барьеры в межкультурной профессиональной коммуникации. Развитая эмпатия, способность к эмоциональной саморегуляции и социальные навыки способствуют

установлению доверительного контакта с собеседником и компенсируют ограниченность языковых средств [7, 9].

В-четвёртых, в контексте преподавания профессионального английского языка в аэрокосмических вузах необходимо интегрировать развитие эмоционального интеллекта и межкультурной компетенции в образовательный процесс. Это предполагает использование интерактивных методов обучения, моделирование реальных коммуникативных ситуаций и формирование у студентов не только лингвистических, но и социально-эмоциональных навыков.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: сопоставительный анализ коммуникативных стратегий неносителей английского языка из разных лингвокультурных сред; разработка курса для совершенствования профессиональной публичной коммуникации, изучение влияния Globish на качество профессиональной коммуникации в различных отраслях.

Список источников

1. Nerrière J.-P. Parlez Globish. Paris: Eyrolles. 2004. 192 с.
2. Nerrière J.-P., Hon D. Globish: The World Over. Paris: International Globish Institute. 2009. 156 с.
3. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. // Oxford: Oxford University Press. 2011. 256 с.
4. Титаренко И. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: толерантность или борьба за культурную идентичность? // Россия и мусульманский мир. 2012. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-epohu-globalizatsii-tolerantnost-ili-borba-za-kulturnuyu-identichnost
5. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold 1978. 256 с.
6. Корзин А.С. Лингвокультурологические аспекты перевода в аэрокосмической отрасли (на материале русского и английского языков) // Litera. 2026. № 1. С. 228 – 241. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77209.
7. Косенчук Ю. Роль эмоционального интеллекта в формировании кросс-культурной компетентности студентов: вызовы глобализации и межкультурной коммуникации // Proceedings of the National Aviation University. Series: Pedagogy, Psychology. 2025. № 2 (27). С. 25 – 31.
8. Караев С., Вайсова М., Султанмырадова Т., Таганова Х. Психологические основы эффективного преподавания: взгляд на образовательный процесс // IN SITU. 2024. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osnovy-effektivnogo-prepodavaniya-vzglyad-na-obrazovatelnyy-protsess (дата обращения: 03.08.2026).
9. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 384 с.
10. Mayer J.D., Salovey P. What is Emotional Intelligence? // Emotional Development and Emotional Intelligence / ed. by P. Salovey, D.J. Sluyter. New York: Basic Books, 1997. С. 3 – 34.
11. The functional approach, semiotics and professional discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5 (2). С. 44 – 56. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-44-56.
12. CBS News. Russian cosmonaut to fly aboard U.S. spacecraft for first time since 2002 [Видеоинтервью с А. Кикиной]. 2022. URL: Russian cosmonaut to fly aboard U.S. spacecraft for first time since 2002 (дата обращения: 03.08.2026).
13. МАИ. Иностранные студенты и программы обучения на английском языке в 2025 году. М., 2025. URL: https://mai.ru/education/foreign/ (дата обращения: 03.08.2026).

References

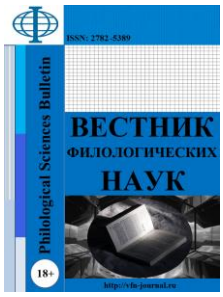
1. Nerrière J.-P. Parlez Globish. Paris: Eyrolles. 2004. 192 p.
2. Nerrière J.-P., Hon D. Globish: The World Over. Paris: International Globish Institute. 2009. 156 p.
3. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press. 2011. 256 p.
4. Titarenko I. Intercultural Communication in the Era of Globalization: Tolerance or a Struggle for Cultural Identity? Russia and the Muslim World. 2012. No. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-epohu-globalizatsii-tolerantnost-ili-borba-za-kulturnuyu-identichnost
5. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold. 1978. 256 p.
6. Korzin A.S. Linguoculturological Aspects of Translation in the Aerospace Industry (Based on Russian and English Materials). Litera. 2026. No. 1. P. 228 – 241. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77209.

7. Kosenchuk Yu. The Role of Emotional Intelligence in Shaping Students' Cross-Cultural Competence: Challenges of Globalization and Intercultural Communication. Proceedings of the National Aviation University. Series: Pedagogy, Psychology. 2025. No. 2 (27). P. 25 – 31.
8. Karaev S., Vaisova M., Sultanmyradova T., Taganova Kh. Psychological Foundations of Effective Teaching: A Perspective on the Educational Process. IN SITU. 2024. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osnovy-effektivnogo-prepodavaniya-vzglyad-na-obrazovatelnyy-protsess (accessed: 03.08.2026).
9. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 384 p.
10. Mayer J.D., Salovey P. What is Emotional Intelligence? Emotional Development and Emotional Intelligence / ed. by P. Salovey, D.J. Sluyter. New York: Basic Books, 1997. P. 3 – 34.
11. The functional approach, semiotics and professional discourse. Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5 (2). P. 44 – 56. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-44-56.
12. CBS News. Russian cosmonaut to fly aboard U.S. spacecraft for first time since 2002 [Video interview with A. Kikina]. 2022. URL: Russian cosmonaut to fly aboard U.S. spacecraft for first time since 2002 (accessed: 03.08.2026).
13. MAI. International students and English-language study programs in 2025. Moscow, 2025. URL: https://mai.ru/education/foreign/ (accessed: 03.08.2026).

Информация об авторах

Гоюшова Л.М., *кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия*

© Гоюшова Л.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.77:070
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-28-35

[1] Тогола Брахима ***[1] Российский государственный гуманитарный университет***

Освещение в прессе Мали массовых восстаний 1991 года против Муссы Траоре

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию массовых протестных восстаний в Мали в 1991 году, направленных против авторитарного режима президента Муссы Траоре, и особенностей их репрезентации в национальной периодической печати. В центре внимания находится анализ материалов ведущих малийских газет «L'Essor» и «Les Échos», участвовавших в формировании общественно-политической повестки в период острого политического кризиса.*

Рассматриваются основные причины протестной мобилизации, в том числе усугубление социально-экономического кризиса, рост безработицы, падение уровня жизни и накопление общественного недовольства авторитарными практиками управления. Анализируется также влияние внешнего контекста: осуществляется исследование, как демократия реализовывалась в Африке в конце прошлого века и какие международные силы раскачивали политическую лодку в Мали. В основе работы – анализ газетных заметок: изучение того, что писалось в прессе, как критиковалась власть и какие использовались риторики. Было выявлено, что даже в тисках цензуры малийские газеты не просто отражали то, о чем дискутировалось на улицах, но и оказывали значительное влияние на общественное мнение. Именно печатное слово помогало поднимать людей на слом старого режима и открывать дорогу к демократии. Газеты в очередной раз доказали: когда власть слаба, СМИ становятся реальной силой, двигающей историю.

Ключевые слова: *Мали; массовые протестные восстания, Мусса Траоре, пресса, «L'Essor», «Les Échos», демократия, цензура*

Для цитирования: Тогола Брахима. Освещение в прессе Мали массовых восстаний 1991 года против Муссы Траоре // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 28 – 35. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-28-35

Поступила в редакцию: 3 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Togola Brahima ***[1] Russian State University for humanities***

Press coverage of the 1991 mass uprisings in Mali against Moussa Traore

Abstract: *the article is devoted to a comprehensive study of the mass protest uprisings in Mali in 1991, which were directed against the authoritarian regime of President Moussa Traoré, and the features of their representation in the national periodical press. The focus is on the analysis of materials from the leading Malian newspapers «L'Essor» and «Les Échos», which participated in shaping the socio-political agenda during the period of acute political crisis.*

The main causes of protest mobilization are examined, including the worsening socio-economic crisis, rising unemployment, declining living standards, and the accumulation of public discontent with authoritarian governance practices. The influence of the external context is also analyzed: we looked at how democracy spread across Africa at the end of the last century and what international forces were rocking the political boat in Mali. The work

is based on an analysis of newspaper articles: we studied what the press wrote about, how it criticized the authorities, and what rhetoric it disseminated among the public. It turned out that even under the harsh constraints of censorship, Malian newspapers not only reflected what was being whispered about in the streets but also significantly stirred up public opinion. It was the printed word that helped to rally people, break down the old regime, and pave the way to democracy. The newspapers once again proved that when the government is falling apart and the people are rebelling, the media become a real force that drives history forward.

Keywords: *Mali; mass protest uprisings; Moussa Traoré; press; «L'Essor», «Les Échos», political boat, democracy, censorship*

For citation: Togola Brahima. Press coverage of the 1991 mass uprisings in Mali against Moussa Traore. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 28 – 35. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-28-35

The article was submitted: August 3, 2026; Approved after reviewing: September 7, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Средства массовой информации всегда влияли на политику и формировали взгляды людей. Они не заменимы, особенно когда речь заходит об агитации в условиях жестких режимов. На этом фоне отчетливо видно, как работали газеты Мали в конце 80-х – *«L'Essor»* и *«Les Échos»*, издававшиеся при Муссе Траоре. Как раз тогда страна кипела от недовольства и протестов, которые в итоге и сломали старую систему, открыв Мали путь к демократии.

Если разбираться с тем, как в Мали зарождалась демократия, не обойтись без истории местных медиа. Данную картину хорошо описали исследователи Кейта М.К. [1] и Перет Т. [2], а дополняют ее старые газеты вроде *«L'Essor» и «Les Échos»* из национальной библиотеки [3]. Однако, эту тему ученые исследовали мало – в основном все сводилось к скучным официальным отчетам. А ведь в конце 1980-х, когда страной железной рукой правил Мусса Траоре, было по-настоящему горячо. Как пишет Винг С.Д. [4, с. 123-145], несмотря на жесткие репрессии, именно тогда стали пробиваться ростки независимой прессы, которая противостояла госцензуре. К числу таких источников относились, в частности, *«Les Échos»* и *«L'Essor»*.

В трудах Перре Т. «СМИ и демократия в Мали» [5, с. 18-32]; Keita M.K. «Печатная пресса в Мали» [6, с. 123]; Фей К. «Демократия в Мали, или власть как еда» [7, с. 19-53]; Кейта М.К. «Размышления о печатных средствах массовой информации в Мали» [8, с. 79-90]; Сангаре Ш.К. «Роль СМИ в становлении и развитии малийской демократии» [9, с. 1-15], а также Сако Б. «Воздействие политических конфликтов на развитие медиасистемы Мали в условиях «контролируемой демократии» [10, с. 45-67] прослеживается взаимосвязь между политическими трансформациями и изменением структуры медиа. Исследования показывают, что, несмотря на формальное существование демократических институтов, малийская пресса продолжает функционировать в условиях значительных ограничений и контроля со стороны государства и силовых структур. Данный аспект отражен Брахимой Т. «Становление и развитие онлайн-прессы Мали» [11], позволяющая расширить понимание современных тенденций в медийной сфере страны.

Основная цель данной статьи – выявить и охарактеризовать роль малийской прессы, прежде всего изданий *«L'Essor»* и *«Les Échos»,* в процессе массовых восстаний, приведших к падению авторитарного режима генерала Муссы Траоре.

Материалы и методы исследований

Применение таких методов, как дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ и анализ медианарративов, позволило выявить следующие аспекты повыведенного исследования.

Газета *«L'Essor»* была основана в 1949 году, в период Французского Судана. Французский Судан – это историческое название территории, которая сейчас является частью современного Мали. Это государственная ежедневная газета, выходящая на французском языке. Редакционная политика до 1991 г. – проправительственная. *«L'Essor»* считается одной из старейших и наиболее влиятельных газет Мали. Как правило, каждый выпуск печатается на 8-12 полосах. Основное внимание уделяется политике, экономике, социальным вопросам и культуре, с акцентом на местные события [8, с. 79-90].

Газета *«Les Échos»* предоставляет читателям разнообразные точки зрения на события широкого тематического спектра, включая политику, экономику, социальные проблемы, вопросы безопасности, спорт, культуру и экспертные мнения. Издание выходит ежедневно в двух форматах, с тиражом около 15000 экземпляров.

В 1991 г. в Мали произошли кардинальные политические трансформации, завершившиеся свержением авторитарного режима генерала Муссы Траоре, правившего с 1968 г. в результате военного переворота [4, с. 123-145, 12, с. 12-25].

Утрата легитимности режима после 23 лет диктатуры была обусловлена нарастанием системных противоречий: экономической стагнацией (гипер инфляция > 20% в 1980-е гг., засухи Sahel), политическими репрессиями (цензура, запрет партий) и социальным кризисом (студенческие протесты с 1979 г., «Черная пятница» 22 марта 1991 г) [13, с. 34-56].

Таблица 1

Ключевые факторы кризиса.

Table 1

Key factors of the crisis.

Фактор	Описание
Политические репрессий	Подавление оппозиции (ADEMA, AEEM, CNID), отсутствие реформ, жесткие меры против протестов.
Экономические трудности	Неэффективность реформ, усугубленная засухой, что привело к снижению уровня жизни и массовым выступлениям.
Социальные проблемы	Низкий уровень гарантий, растущая бедность, социальное неравенство.

В период авторитарного правления Муссы Траоре (1968-1991 гг.), издание имело выраженную проправительственную ориентацию, как орган UDPM, подвергавшийся предварительной цензуре и использовавшийся для легитимации режима [5, с. 18-32, 15, с. 8-12]. Во время мартовского восстания 1991 г. Редакция газеты поддержала власть, публикуя материалы, осуждающие протестное движение как «заговоры» и «экстремизм» [16, с. 45-56].

Пропагандистскому дискурсу периода массовых восстаний соответствовали следующие публикации в ежедневном выпуске «Le Quotidien»:

Таблица 2

Публикации в «Le Quotidien».

Table 2

Articles in «Le Quotidien».

Название статьи (фр.)	Перевод на русский	Даты публикации
«Les chiffres exacts des victimes de Mars»	«Точные данные о жертвах марта»	20-21 апреля 1991 г.
«Les conditions de détention des pensionnaires du 26 Mars»	«Условия содержания задержанных 26 марта 27-28 апреля 1991 г.»	27-28 апреля 1991 г.
«Les parents des détenus mis à contribution»	«Родители задержанных привлечены к сотрудничеству»	20-21 апреля 1991 г.
«Moussa Traoré est actuellement aux arrêts de forteresse»	«Муса Траоре содержится в крепостном аресте 28 апреля 1991 г.»	28 апреля 1991 г.
«L'AEEM doit marquer le maximum de points»	«AEEM должна закрепить достигнутые успехи»	6-7 апреля 1991 г.

Источники: архивы газеты «L'Essor» 1990-е годы [3].

Студенческие волнения в январе 1991 г. (организованные AEEM) и всеобщая забастовка 25 марта усилили протестный импульс, требуя отставки Траоре. В марте демонстрации эскалировали в массовые восстания (22-26 марта), жестоко подавленные властями с жертвами от 150 до 300 человек. 26 марта Траоре был арестован военными под руководством подполковника Амаду Тумани Туре; власть перешла к Комитету переходного спасения народа (TCSP), инициировавшему демократизацию с многопартийными выборами в 1992 г. [17].

После свержения режима Траоре 26 марта 1991 ггода, газета *«L'Essor»* начала публиковать материалы, свободные от предварительной цензуры, что ознаменовало сдвиг от официоза к плюралистическому дискурсу [5, с. 32-45]. Настоящим поворотным моментом стала статья *«Пять дней, которые потрясли Мали»*, вышедшая 28 марта 1991 года. В ней хронологически описаны те драматичные недели: от кровопролитной *«Черной пятницы»* 22 марта и жестоких репрессий до смены власти, и перехода ее к CTSP. Для официального печатного органа того времени это была невероятная, почти небывалая смелость. [19, с. 15-18, 8, с. 145-156].

Газета *«L'Essor»* долгие годы была рупором режима Траоре, но в итоге открыто признала крах диктатуры, изоляцию правителя и силу народных протестов [16, с. 56-67, 20, с. 167-178]. Этот материал дал старт свободе слова в постреволюционном Мали, показав, как государственные медиа могут перестраиваться под новые демократические реалии [12, с. 25-30, 14, с. 12-15].

Вот как описывалось то утро в статье:

[Цит.:] «В понедельник, 25 марта, в 18 часов, 17 офицеров малийской армии, вошедших в Совет национального примирения под председательством подполковника Амаду Тумани Туре, положили конец диктаторскому правлению генерала Муссы Траоре, который в то время был генеральным секретарем единой партии и Президентом Республики» [18].

События 26 марта 1991 года *«L'Essor»* подает не как захват власти, а как шаг к примирению, подчеркивая законность Комитета перехода за спасение народа во главе с Амаду Туре [5, с. 32-45, 14, с. 10-12]. Переворот называют вполне оправданным средством покончить с тиранией, избегая самого слова «переворот» и заменяя его на «Совет национального примирения» [15, с. 12-15, 21].

У такой риторики было две задачи: оправдать военных ссылками на народную поддержку и связать их с протестным движением [19, с. 15-18, 8, с. 145-156]. По сути, газета просто подстроила язык протестующих под новую реальность Мали [16, с. 56-78]. Для переходных периодов – это классика: власть дистанцируется от прошлого, но через гибкие формулировки пытается удержать доверие людей [12, с. 25-30, 20, с. 167-189]. Не менее показательны и другие строки из того же материала, например:

[Цит.:] *«Низость кровавых репрессий стала очевидна после событий в самом центре Бамако в торговом районе в субботу, 24 марта. В тот день более шестидесяти детей – мы никогда не узнаем точное число – оказались в ловушке в «Зеленом Сахеле» и сгорели заживо. Ужас достиг апогея. С пятницы по прошлый понедельник больница Габриэля туре была переполнена, ежечасно в нее приходили люди с огнестрельными ранениями и произносили скорбную литанию. Многие не выжили. На помощь врачам, не справлявшимся с потоком пациентов, пришли другие врачи – из «Врачей без границ Бельгии», Международного Красного Креста, а также многие малийские врачи, члены ассоциации малийских учащихся и студентов (AEEM), координационного комитета демократических движений и граждан. Они пришли добровольно, протянули друг другу крепкую руку помощи»*. [18].

Этот фрагмент выглядит, как обвинительный дискурс против режима, сочетая документальные свидетельства с эмоциональной образностью. Журналист Гауссу Драбо – автор данного материала – конструирует нарратив государственного террора через детальные описания репрессий (стрельба по гражданским, сожжение детей в *«Sahel Vert»*), контрастируя их с гражданским героизмом (Ассоциация малийских учащихся и студентов (AEEM), врачи без границ, Красный Крест), что дискредитирует легитимность власти Генерала Муссы Траоре.

Следующая публикация – статья *«L'AEEM doit marquer des points»* («Ассоциация малийских учащихся и студентов должна закрепить успех»), напечатанная в *«L'Essor»* 6-7 апреля 1991 г. [22, с. 7], анализирует роль AEEM в антиправительственных выступлениях. Вышедшая через десять дней после переворота, она предоставляет прямые свидетельства участников революции. Интервью с генеральным секретарем (AEEM) Умаром Марико содержит: *«Меня похитили по дороге в Кулубу 28 января и доставили в Бюро по расследованию преступлений). Пыток не применяли, через 48 часов я был освобожден»*) [22].

Свидетельство Марико подтверждает организаторскую роль AEEM в эскалации протестов – от студенческих забастовок к массовому восстанию, кульминацией которого стал переворот 26 марта 1991 г. [19, с. 12-15].

«L'Essor» цитирует лидера AEEM, подчеркивая вклад студентов в демонтаж диктатуры и детализируя их действия (баррикады, стачки, народные комитеты), однако воздерживается от эксплицитной критики свергнутого режима [22]. Фактологическая подача без оценочных суждений отражает институциональную осторожность издания, сохранявшего статус бывшего официоза [16, с. 56-67].

Публикуемое в апреле 1991 г. Интервью, представляет AEEM, как политического актора, несмотря на предшествующую лояльность *«L'Essor»* к власти Траоре [5, с. 45-56]. Описание протестных практик (марши, баррикады, альтернативная коммуникация) функционирует, как частичная реабилитация студенчества, при этом статья обходит описание репрессий режима и роль других акторов восстания (профсоюзы UNTM, женщины Ассоциация студентов) [22]. Одобрение AEEM сопровождается смягчением её радикализма и дистанцированием от дискурса насилия.

Следующий материал расширяет анализ вклада иных участников революции [12, с. 25-30].

[Цит.:] *«Изначально мы придерживались мирных шествий, однако 21-22 января перешли к более радикальным методам, понимая их большую эффективность в борьбе против режима. 13 марта на закрытом*

заседании в Национальной школе администрации (ENA) было принято решение о 48-часовой забастовке с последующим проведением «специфического марша» [22].

Публикация в *«L'Essor»* представляет ценность, как свидетельство стратегической роли молодежного движения в малийской революции 1991 года. Приводимые в ней высказывания участников позволяют реконструировать механизмы мобилизации и тактическое планирование протестов. Например:

[Цит.:] *«соотношение сил было настолько несбалансированным [...], что мы намеренно использовали слово "сумасшедшие". Тем не менее, в этом поступке не было ничего безумного, только смелость»* [22].

В другой статье *«Безумцы демократии»* рассказывается о первом марше за демократию в Мали, организованном 15 октября 1990 года небольшой группой молодых активистов, в том числе Мусой Кейтой, будущим основателем Молодежной Ассоциации. Газета *«L'Essor»* использует запись, в которой смешаны восхищение и ирония, называя этих активистов «сумасшедшими» не из пренебрежения, а, чтобы подчеркнуть их смелость перед лицом репрессивного режима.

Еще одна статья посвящена решительному выступлению в защиту малийской молодежи, а также служит трибуной для критики социально-экономических проблем Мали, которые придется решать после падения режима Траоре [23].

[Цит.:] *«В нашем случае, с одной стороны, у нас нет доступа к работе, а с другой стороны, все государственные предприятия были закрыты. Наши отцы рано вышли на пенсию, поэтому мы подумали: «мы, сыновья бедняков, мы, молодежь, угнетены. Мы должны принять вызов". Я также сказал себе, что наши родители пожертвовали собой, отправив нас в школу, и что взамен, не удовлетворяя всех потребностей, мы обязаны быть экономически независимыми. Кстати, именно поэтому мы отправляем ребенка в школу. Поскольку наши родители стали жертвами социального кумовства и других негативных явлений, от которых обычно страдает общество. Мы молодежь должны были остановить эту ситуацию»* [23].

Приведенный фрагмент проливает свет не только на экономические проблемы молодежи, но и на то обстоятельство, что государству не удается интегрировать юношей и девушек в политико-экономическую жизнь страны. Также в этой статье осуждаются безработица, коррупция и экономическое неравенство. Газета встаёт на сторону молодёжи, подчёркивая, что их протест – это не бунт, а вынужденная борьба за выживание и справедливость.

Итак, статьи, опубликованные в издании *«L'Essor»*, раскрывают ключевую роль молодежи в свержении режима Траоре, фиксируя стратегии протеста (баррикады, марши) и его моральные дилеммы. Ирония в термине «безумцы» подчеркивает абсурдность борьбы за демократию в период репрессий, трансформируя маргинализированных активистов в символы сопротивления.

Анализ публикаций позволяет характеризовать *«L'Essor»* не только как источник информации, но и как платформу для критики насилия и продвижения демократии, что отражает сложную динамику медиа в условиях политического кризиса Мали (1990-1991).

То есть, «Les Échos» была одной из оппозиционных газет, игравших большую роль в борьбе за демократию в Мали, и выступала против авторитарного режима генерала Муссы Траоре. В газете были опубликованы десятки статей с заголовками в *«Les Échos»*, связанными с народным восстанием против авторитарного режима Муссы Траоре. В отличие от публикаций в *«L'Essor»*, большинство статей из *«Les Échos»* были напечатаны во время острой фазы восстания. Так, например, статья под названием *«La violence engendre la violence»* (Насилие порождает насилие) появилась в *«Les Échos»* 25 января 1991 г. [24], то есть во время забастовки рабочих Мали в январе 1991 года, за два месяца до падения режима Мусы Траоре.

Приведем цитату из данной статьи: [Цит.:] «Насилие порождает насилие. Если правительство захочет проявить себя репрессиями, люди будут протестовать. Если цель реорганизации – положить конец действиям независимых ассоциаций, это не сработает» [24].

«Les Échos» отмечает, что силовые методы власти лишь усиливают гражданское неповиновение. Она также соглашается с тем, что подавление независимых организаций – тупиковый путь, ведущий к эскалации конфликта, а не к стабильности. Прокомментируем другую цитату из этой же статьи:

[Цит.:] *«Что касается позорных репрессий (результат мини-перестановок в кабинете министров), то сторонники олигархии, диктатуры и защиты законных интересов должны считать себя интеллектуальными проститутками, приводящими l'UDPM (малийский народный демократический союз) к упадку. И если эти полицейские репрессии продолжатся, они ввергнут малийский народ в кровавую анархию, потому что демократические ассоциации никогда не будут сопротивляться, пока не произойдут перемены»* [24].

«Les Échos» отмечает, что репрессии действительно подрывают легитимность власти и могут вызвать хаос и что в озвученных заявлениях отражается растущее отчаяние общества перед лицом все более жесткой политики.

Следующим материалом о революционных событиях стала публикация *«Magasin ADC-Mali: Le four crématoire»* (Магазин ADC – Мали: печь крематория) [25], характеризующая «железное» правление, которое довело страну до предела. Речь в публикации идет о магазине, в котором сотни протестующих были сожжены заживо силами правопорядка.

Приведем цитату из этой статьи, опубликованной 25 марта 1991 года, на следующий день после падения режима [25].

[Цит.:] *«Полицейские выходят из грузовика, оцепляют переполненный магазин и стреляют очередями. Магазин загорается. Крики «на помощь» «на помощь" […] не приводят ни к чему. Силовики спокойно наблюдают за мучениями своих жертв»* [25].

Газета *«Les Échos»* акцентирует внимание на насилии, связанном с протестами, и использовании боевых пуль против демонстрантов, что подчеркивает радикальность конфликта и непосредственную угрозу жизни участников [5, с. 32-45, 14, с. 10-12]. Цитата из свидетельства очевидца усиливает эмоциональную нагрузку материала, иллюстрируя не только физическую травму, но и солидарность протестующих через призывы к помощи [15, с. 15-18, 19, с. 12-15].

Позиция *«Les Échos»* выступает как предупреждение о последствиях эскалации насилия в социальных движениях и подчеркивает необходимость мирных механизмов разрешения конфликта [16, с. 56-78]. При этом редакция поднимает вопросы о правомерности применения силы властями и защите конституционных прав граждан [8, с. 145-167]. Репортажи фиксируют серию актов государственного насилия в Бамако, Диойла, Сикассо и Куликоро, где репрессии против демонстрантов, включая студентов, включали непропорциональное использование огнестрельного оружия, в том числе против детей [12, с. 25-30].

Репортажи *«Les Échos»* о протестах против режима Муссы Траоре в марте 1991 г. служат примером обвинений в государственном терроре в Мали 1990-х гг. [15, с. 18-20, 20, с. 145-167]. Авторы опираются на живые свидетельства очевидцев и жуткие детали, чтобы показать всю изнанку авторитаризма и безнаказанность силовиков [16, с. 78-95, 5, с. 45-56].

Результаты и обсуждения

Анализ архивов газет *«L'Essor»* и *«Les Échos»* показал, как малийская пресса менялась во время революции 1991 года. Издания вели себя по-разному. Государственная *«L'Essor»* сначала поддерживала власть, но после ареста Муссы Траоре резко перестроилась. Материалы конца марта и апреля («Пять дней, которые потрясли Мали» или интервью со студентами из AEEM) отражают переход от глухой цензуры к удивительной для официальной прессы откровенности. Газета поддержала новый режим CTSP, девизом о «национальном примирении», но честно писала о жестоких репрессиях – вспомнить хотя бы историю с сожжением в «Sahel Vert» – и признавала силу студенческого движения.

Оппозиционная *«Les Échos»*, напротив, открыто критиковала власти еще в разгар январских и мартовских зачисток. Судя по публикациям вроде *«Насилие порождает насилие»* или *«Магазин ADC: крематорий»*, она работала как настоящий глас народа. Журналисты собирали свидетельства очевидцев о расстрелах и фиксировали накал страстей. Логично, что в автократии именно независимая пресса становится искрой для протестов, фиксируя весь ужас государственного террора.

СМИ в Мали в те дни были не просто сторонними наблюдателями, а реальными политическими игроками. Пока *«Les Échos»* связывала протестующих между собой и сплачивала оппозицию, *«L'Essor»* показала, как гибко умеет работать госпартийная машина. Она вовремя порвала со старым режимом и помогла легитимизировать переход к демократии. Этот раскол в медиа отлично отражает глубокий кризис власти, а две разные газетные повестки в итоге заложили фундамент для будущего плюрализма в стране.

Выводы

Если почитать малийские газеты времен восстания против Муссы Траоре в 1991 году, становится очевидным, как сильно СМИ влияют на политику. В охарактеризованный период *«L'Essor»* и *«Les Échos»* подавали события абсолютно по-разному. Государственное издание *«L'Essor»* старалось всех успокоить и призывало к порядку, а независимое *«Les Échos»* открыто писало о жестоких репрессиях и звало людей на улицу. Такой информационный фон не просто подтолкнул страну к переменам, а реально разбудил гражданское сознание.

Список источников

1. Кейта М.К. Письменная пресса в Мали. Bamako: Jamana Editions, 1995. 123 с.
2. Перрет Т. Средства массовой информации и демократия в Мали. Париж: Картала, 2005. 256 с.

3. Архивы малийской прессы: «L'Essor» и фонд «Les Echos» (1980-1991) // Национальная библиотека Мали, Бамако. Режим доступа: https://www.lvmh.com/en/our-maisons/other-activities/les-echos (дата обращения 02.09.2026).

4. Wing S.D. Building Democracy in Mali // Обзор африканских исследований. 1996. Т. 39. № 3. С. 123 – 145.

5. Кейта М.К. Размышления о печатной прессе в Мали // Африканский журнал коммуникаций. 1992. Т. 4. № 2. С. 79 – 90.

6. Fay C. Демократия в Мали, или власть как пища // Африканская политика. 1995. № 59. С. 19 – 53.

7. Сангаре Ш.К. Роль средств массовой информации в формировании и развитии малийской демократии // Гуманитарный вектор. Санкт-Петербургский государственный университет. 2016. С. 142 – 148.

8. Сако Б. Влияние политических конфликтов на развитие медийной системы Мали в условиях «контролируемой демократии» (2013-2021 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 34. С. 429 – 432.

9. Брахима Т. Возникновение и развитие онлайн-прессы в Мали. Электронные СМИ: вчера, сегодня, завтра. Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 года. С. 57 – 59.

10. Крыло С.Д. Ненадежная демократия Мали // Журнал современных африканских исследований. Институт мира США. Washinton DC. 2013. С. 1 – 16.

11. Изучение кризисных факторов в Мали (1980-1991 годы) // Доклад CRED, Бамако. 1992. С. 34 – 56.

12. The L'Essor – тираж и редакционная линия (1990-1992) // Архивы малийской прессы. Файл № 45. Бамако. 1993. С. 5 – 15.

13. Цензура при режиме Муссы Траоре // Вестник Обсерватории общественных свобод. 1991. № 7. С. 8 – 20.

14. Анализ выступлений в прессе во время восстаний 1991 года // Исторический обзор malian. 2000. Т. 18. С. 45 – 95.

15. Тематическое исследование: Мали, март 1991 года // Африканский проект по предотвращению конфликтов. Вашингтон. 1992. 45 с.

16. Пять дней, которые потрясли Мали // The L'Essor. 28 марта 1991. С. 1 – 4.

17. Берг П. Мали: демократия под давлением // Современная Африка. 1998. № 186. С. 145 – 189.

18. Национальный совет по примирению: заявление от 26 марта 1991 года // The L'Essor. 27 марта1991. С. 1 – 3.

19. AEEM должен набрать очки // «L'Essor». 6-7 апреля 1991. С. 7.

20. Сумасшедшие люди демократии // The L'Essor. 1991. март (спецвыпуск). С. 3 – 5.

21. Капальди Д.М., Лоу С. Насилие порождает насилие // The «Les Echos». 1991. 25 января. 27 с.

22. Магазин АЦП-Мали: Крематорная печь // The «Les Echos». 1991. 25 марта. С. 1 – 2.

23. Архивы малийской прессы: Фонд «L'Essor» и «Les Echos» (1980-1991) // Национальная библиотека Мали, Бамако. С. 237 – 245.

24. Wing S.D. Building Democracy in Mali // Журнал современных африканских исследований. 2013. Институт мира США. Washinton DC. Т. 39. № 3. С. 123 – 145.

25. Кейта М.К. Размышления о печатных СМИ в Мали // Африканский журнал коммуникаций. 1992. Т. 4. № 2. С. 79 – 112.

References

1. Keita M.K. The Print Press in Mali. Bamako: Jamana Editions, 1995. 123 p.

2. Perret T. Mass Media and Democracy in Mali. Paris: Karthala, 2005. 256 p.

3. Malian Press Archives: "L'Essor" and the "Les Echos" Collection (1980-1991). National Library of Mali, Bamako. Access mode: https://www.lvmh.com/en/our-maisons/other-activities/les-echos (accessed: 02.09.2026).

4. Wing S.D. Building Democracy in Mali. African Studies Review. 1996. Vol. 39. No. 3. P. 123 – 145.

5. Keita M.K. Reflections on the Print Press in Mali. African Journal of Communication. 1992. Vol. 4. No. 2. P. 79 – 90.

6. Fay C. Democracy in Mali, or Power as Food. Politique Africaine. 1995. No. 59. P. 19 – 53.

7. Sangare Ch.K. The Role of Mass Media in the Formation and Development of Malian Democracy. Humanitarian Vector. St. Petersburg State University. 2016. P. 142 – 148.

8. Sako B. The Impact of Political Conflicts on the Development of Mali's Media System under "Controlled Democracy" (2013-2021). World of Science, Culture, and Education. 2022. No. 34 P. 429 – 432.

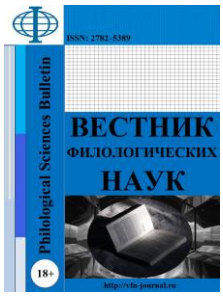
9. Brahima T. The Emergence and Development of the Online Press in Mali. Electronic Media: Yesterday, Today, Tomorrow. St. Petersburg, 07.04.2023. P. 57 – 59.

10. Krylo S.D. Mali's Fragile Democracy. Journal of Modern African Studies. United States Institute of Peace, Washington, D.C. 2013. P. 1 – 16.
11. Study of Crisis Factors in Mali (1980-1991). CRED Report, Bamako, 1992. P. 34 – 56.
12. L'Essor: Circulation and Editorial Policy (1990-1992). Malian Press Archives, File No. 45. Bamako. 1993. P. 5 – 15.
13. Censorship under the Moussa Traoré Regime. Bulletin of the Observatory of Public Freedoms. 1991. No. 7. P. 8 – 20.
14. Analysis of Press Coverage During the 1991 Uprisings. Malian Historical Review. 2000. Vol. 18. P. 45 – 95.
15. Case Study: Mali, March 1991. African Conflict Prevention Project. Washington. 1992. 45 p.
16. Five Days That Shook Mali. L'Essor. 28.03.1991. P. 1 – 4.
17. Berg P. Mali: Democracy Under Pressure. Modern Africa. 1998. No. 186. P. 145 – 189.
18. National Reconciliation Council: Statement of March 26, 1991. L'Essor. 27.03.1991. P. 1 – 3.
19. AEEM Must Score Points. L'Essor. April 6-7, 1991. P. 7.
20. The Madmen of Democracy. L'Essor. March 1991 (special issue). P. 3 – 5.
21. Capaldi D.M., Lowe S. Violence Begets Violence. Les Echos. 25.01.1991. 27 p.
22. ACP-Mali Store: Cremation Furnace. Les Echos. 25.03.1991. P. 1 – 2.
23. Malian Press Archives: "L'Essor" and the "Les Echos" Collection (1980-1991). National Library of Mali. Bamako. P. 237 – 245.
24. Wing S.D. Building Democracy in Mali. The Journal of Modern African Studies. 2013. United States Institute of Peace, Washington, D.C. Vol. 39. No. 3. P. 123 – 145.
25. Keita M.K. Reflections on Print Media in Mali. African Journal of Communication. 1992. Vol. 4. No. 2. P. 79 – 112.

Информация об авторах

Тогола Брахима, *Российский государственный гуманитарный университет, brahimatogola3@gmail.com*

© Тогола Брахима, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 811.11
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-36-41

[1] Черезова М.А., [2] Гиренок Г.А.,
[3] Шилина Н.В., [4] Булгакова И.В.

[1] Самарский юридический институт ФСИН России
[2] Филиал Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске
[3] Академия ФСИН России
[4] Воронежский институт ФСИН России

Вербализация субъектной перспективы в электронных СМИ (на материале немецкого языка)

Аннотация: *субъектная перспектива представляет собой понятие, равно интересное и используемое рядом таких гуманитарных наук, как философия, лингвистика, литературоведение, педагогика и др. В представленной статье данный феномен был рассмотрен авторами с точки зрения современного языкознания и определен как довольно сложная система идентификации участниками коммуникации поступающей извне информации, находящая свое эксплицитное и имплицитное выражение в средствах немецкого языка. Вопрос реализации субъектной перспективы в медийном пространстве в его онлайн-формате действительно актуален, поскольку помогает исследователям и массовому реципиенту понять, насколько идеологически и социально обусловлено освещение событий на страницах прессы сегодня. Цель статьи заключается в иллюстрировании теоретических положений наук при помощи примеров вербализации указанного явления из электронного немецкоязычного журнала SPIEGEL ONLINE. Авторами в статье выделены разнообразные средства современного немецкого языка, участвующие в процессе выбора субъектной перспективы для выстраивания контакта отправителя сообщения со своим потенциальным читателем. Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы, такие как сравнение, анализ, синтез, а также собственно лингвистические методы исследования (структурно-семантический и контекстуально-интерпретационный анализ).*

Ключевые слова: *субъектная перспектива, СМИ, немецкий язык, коммуниканты, отправитель сообщения, читатель*

Для цитирования: Черезова М.А., Гиренок Г.А., Шилина Н.В., Булгакова И.В. Вербализация субъектной перспективы в электронных СМИ (на материале немецкого языка) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 36 – 41. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-36-41

Поступила в редакцию: 4 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Cherezova M.A., [2] Girenok G.A., [3] Shilina N.V., [4] Bulgakova I.V.

[1] Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
[2] Branch of Samara State Technical University in Novokuybyshevsk
[3] Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
[4] Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Verbalization of subjective perspective in electronic media (based on material of the German language)

Abstract*: the subjective perspective is a concept that is equally interesting and used by a number of humanities disciplines, such as philosophy, linguistics, literary studies, pedagogy, and others. In the presented article, this phenomenon was examined by the authors from the perspective of modern linguistics and defined as a rather complex system for identifying incoming information by participants of communication, which finds its explicit and implicit expression in the means of the German language. The issue of implementing a subjective perspective in the online media is indeed relevant, as it helps researchers and the general public understand how ideologically and socially determined the coverage of events in the press is today. The aim of the article is to illustrate theoretical conclusions using examples of the verbalization of this phenomenon from the electronic German magazine SPIEGEL ONLINE. The authors of the article identify various means of the modern German language that participate in the process of selecting a subjective perspective to establish contact between the sender of the message and their potential reader. To achieve the set goal, general scientific methods were used, such as comparison, analysis, and synthesis, as well as specifically linguistic research methods (structural semantic and contextual interpretive analysis).*

Keywords: *subjective perspective, media, the German language, communicants, sender of the message, reader*

For citation: Cherezova M.A., Girenok G.A., Shilina N.V., Bulgakova I.V. Verbalization of subjective perspective in electronic media (based on material of the German language). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 36 – 41. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-36-41

The article was submitted: August 4, 2026; Approved after reviewing: September 8, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современные СМИ задают идеологический курс и определенные «нужные» представления о происходящих общественных явлениях. Это в свою очередь ведет к созданию стереотипных представлений, выстраиванию ассоциативных связей и формированию стойких образов у читательской аудитории [4]. Общаясь со своим собеседником, коммуникант занимает двоякую позицию [7], выступая инициатором действия и одновременно результатом традиций, норм, убеждений множества социальных групп, которые он представляет. У каждого участника коммуникации определенная социальная роль вызывает набор свойственных ей ожиданий, то есть коммуникант ждет от собеседника те предсказуемые, понятные ему действия и недоумевает, если эти ожидания по каким-то причинам не оправдываются.

По мнению Б. Зандиг, перспектива является одним из критериев идентификации субъекта в интерактивном процессе (коммуникацию в онлайн-пространстве мы в своем исследовании понимаем как интеракцию). С учетом занятой позиции в коммуникативном пространстве говорящий (пишущий) субъект занимается не только репрезентацией, но и конструированием чего-либо (реальности, ее объектов и пр.) для кого-либо (читающий / слушающий) [14]. При этом важно понимать, что вербализация данного процесса всегда происходит не сама собой, а с определенной целью, с определенным намерением. Кроме того, перспектива может находить свое языковое воплощение эксплицитно или имплицитно (в немецких СМИ чаще представлен второй вариант, что связано с особенностями лингвокультуры). В качестве модификации субъектной перспективы актуальные исследования по филологии предлагают субъектную навигацию текста как имплицитный способ управления вниманием и восприятием читателя [5].

Что касается компонентного состава субъектной перспективы, то он представлен в немецкой терминологии: а) Perspektivträger (тот, кто задает перспективу); б) perspektivierter Gegenstand (объект, находящийся

в перспективе); в) Eigenperspektive («собственная перспектива», то есть отношение задающего перспективу к объекту в перспективе); г) Fremdperspektive (перспективой Другого) [14]. Н.К. Онипенко в своей лингвистической концепции развивает мысль о модели субъектной перспективы, где соотносимые с разными коммуникативными ролями (субъект действия, субъект воздействия, субъект речи, субъект восприятия речи) субъектные зоны соединяются между собой [3]. В зависимости от типа текста и направления исследования могут встречаться иные варианты субъектной структуры [2].

В своем исследовании под субъектной перспективой мы понимаем формируемую языковыми средствами систему, позволяющую коммуникантам идентифицировать и обрабатывать поступающую от собеседника информацию. Это совокупность отношений разного рода, позиция субъекта, которая не существует до момента говорения, то есть она реализуется «здесь и сейчас» (Hier-und-Jetzt) [11]. Мы можем наблюдать ее лишь в момент общения коммуникантов, поскольку субъектная перспектива проявляется в процессе говорения [6]. Это та внутренняя перспектива, которая узнается в разнообразных внешних характеристиках [18]. Здесь речь может идти об употреблении говорящим междометий, лексических единиц с ярко выраженной негативной или, напротив, позитивной оценкой, обратного порядка слов в предложении и пр.

Материалы и методы исследований

В предлагаемом исследовании иллюстрируются примеры выбора субъектной перспективы из текстов на политическую тему, заимствованных из онлайн-версии немецкого журнала «SPIEGEL ONLINE» для подтверждения упомянутых выше теоретических положений. Для достижения цели исследования использовались общенаучные методы, такие как анализ, синтез, сравнение, а также собственно лингвистические методы (контекстуально-интерпретационный анализ и структурно-семантический анализ текста).

Результаты и обсуждения

Проиллюстрируем, каким образом происходит вербализация субъектной перспективы на примере статей, посвященных экономическим проблемам и их решению в разных странах, на онлайн-страницах немецкоязычного издания. Например, в статье «Iran: Präsident Pezeshkian räumt wirtschaftliche Probleme offen ein» с первого предложения текста отправитель сообщения привлекает внимание читателя, используя оценочные суждения «ungewohnt offen», «die schwere wirtschaftliche Krise», «spricht von “erheblichen Ungleichgewichten”», «die Inflation stark gestiegen ist» [13]. Информация преподносится через противопоставление при помощи отрицательных конструкций (ungewohnt, Ungleichgewichten) и ряды однородных членов: «in den Bereichen Wasser, Energie, Banken sowie der Umwelt», «eine Kombination aus Krieg, Sanktionen, politischem Druck und Attentaten».

Подобные комбинации средств языка мы также заметили в другой статье, повествующей о значительном росте цен на газ в Европе в последнее время: «auf das höchste Niveau ... gestiegen», «Erdgas kostet aktuell so viel wie seit Monaten nicht mehr» [10]. Примечательно, что автором дополнительно используются разного рода сравнения для большей убедительности сообщаемых фактов: «Der Terminkontakt TTF notierte zuletzt bei 64,60 Euro pro MWh, verglichen mit ca. 30 Euro…», «Die deutschen Speicher sind mit 50,06 Prozent noch niedriger gefüllt als im Vorjahr (ca. 67 Prozent)».

Значимой перспективой коммуникации в современных СМИ выступает перспектива наблюдателя [7], представляющая собой комплексную позицию: автор и читатель оказываются симметричными друг другу, дополняющими и обогащающими один другого. Так, в статье «Wirtschaft in Deutschland: Exporte legen dritten Monat in Folge zu» [17] отправитель сообщения ставит под сомнение приводимые в виде цитаты доводы (Ohne ein Ende des Krieges und einen Rückgang der Energiepreise dürfte Deutschland keine durchgreifende Konjunkturerholung sehen), заставляя вслед за собой усомниться и читателя: «So ist fraglich, ob der Aufwärtstrend bei den Exporten anhält. Die Stimmung in der deutschen Exportwirtschaft ist laut einer Umfrage des Münchner Ifo-Instituts aktuell so schlecht wie seit über einem Jahr nicht mehr». Перспективу наблюдателя дополняет также фото, приводимое в начале статьи, где с высоты птичьего полета читателю демонстрируется порт с грузовыми судами, готовящимися к отправке, что логично дополняет картину описываемого в статье.

Таким образом, в рамках медийного интернет-пространства автор электронного сообщения располагает двойной системой координат (субъектных перспектив), выступая не только как субъект говорения, но и как субъект координации взаимодействия, поскольку он вынужден постоянно сличать процесс порождения своего высказывания с установками и нормами потенциального читателя статьи. Именно так происходит довольно сложный процесс координирования зачастую непохожих когнитивных систем разных участников интернет-коммуникации для построения эффективного общения и в конечном итоге для достижения взаимопонимания, в противном случае не очень понятно, для кого публикуются новости издания.

Отдельного внимания заслуживает языковая реализация субъектной перспективы в выборе соответствующего личного местоимения, которое имеет значение для координации действий участников комму-

никации. Для немецкоязычного интернет-пространства характерно представление информации от 3-го лица, что помогает отправителю сообщения занять стороннюю позицию, когда журналист оказывается не причастен к описываемым в статье фактам, событиям и лицам. Читаем в следующем примере: «Iran: *Parlamentspräsident droht* USA mit Bumerang-Effekt im Wirtschaftskrieg»; «*Iraner Parlamentspräsident Ghalibaf warnt* die USA vor einem *„Bumerang-Effekt“* im geplanten Wirtschaftskrieg. *Er argumentiert*, dass eine verschärfte US-Außenpolitik zu einer “eingefrorenen” US-Wirtschaft führe, und *verweist* auf gestiegene Anleihenrenditen» [12]. Достаточно смелые заявления иранского парламентария автор статьи приводит в виде цитат („Bumerang-Effekt“, “eingefrorenen”), слова американского президента и министра финансов США также цитируются (“wirtschaftlicher D-Day”, „härtesten Sanktionen der Geschichte“), поскольку автор статьи не желает разделять ответственность за сказанное.

Вообще взаимоотношения между автором и читателем могут строиться по принципу модальности и вежливости (перспектива вероятности или необходимости), по принципу доминирования (лидирующая позиция одного из участников коммуникации), по принципу кооперации (перспектива совместных действий участников коммуникации) или по принципу перспективизации (перспектива по отношению к сообщаемому) [16]. Выбираемая говорящим перспектива – это каждый раз новая, не похожая на предыдущую интерпретация описываемого события со слов говорящего [8]. Приведение неоднозначных, порой противоположных точек зрения помогает «по-иному расставлять политические и идеологические акценты сообщения» [1], благодаря чему отправитель сообщения может дистанцироваться от сообщаемого факта и от высказывания политического лидера, в частности. Кроме приведенных выше примеров цитирования источников информации, проведенных опросов, первых лиц государств для максимально объективного описания событий, отправителем электронного сообщения используются пассивные конструкции, безличные предложения, модальные глаголы и временные формы конъюнктива в немецком языке. Например, «Der Handel *dürfte* einen Teil der gestiegenen Kosten weiterreichen – und die Verbraucher werden mehr zahlen müssen» [15]. В предложении используется модальный глагол dürfen, в данном контексте со значением вероятности, так что говорящий занимает позицию стороннего наблюдателя. Или другой пример: «USA *wollen* Iran mit noch härteren Sanktionen in die Knie zwingen» [12]. Модальный глагол wollen подчеркивает явно недружелюбное намерение США по отношению к Ирану – ужесточить и без того суровые санкции.

Пассивные конструкции и безличные предложения также помогают снять ответственность за сказанное, завуалированно передать намерение источника информации предпринять какие-либо действия. Например, «*Angetrieben wurden* die Erzeugerpreise unter anderem durch steigende Kosten für Energie», «Am Mittwoch *wurde* für Mai eine Inflationsrate von 4,2 Prozent *gemeldet*, die höchste Zahl seit April 2023», «*Es wird erwartet*, dass die US-Notenbank den Leitzins bei der Zinsentscheidung in der kommenden Woche unverändert in der Spanne von 3,50 bis 3,75 Prozent halten wird» [15]. Все обозначенные языковые явления подчеркивают осторожность немецкоговорящего сообщества при описании актуальных политических процессов, затрагивающих сферы влияния разных стран.

Как мы уже обозначили выше, авторская позиция в СМИ может преподноситься читателю в скрытой форме. Сконструировать описываемую реальность и скрыть некоторые детали от массовой аудитории в таком случае помогают образные средства языка (тропы и фигуры речи). Например, в следующих примерах глаголы klettern (взбираться, карабкаться) и anheizen (растапливать, разжигать) употреблены в переносном значении: «Die Teuerung *kletterte* im Mai um 4,2 Prozent binnen der Jahresfrist und damit so stark wie zuletzt im April 2023», «Mit seinem Iranfeldzug *hat* der US-Präsident die Inflation *angeheizt*» [15]. В статье «Iran: Parlamentspräsident droht USA mit Bumerang-Effekt im Wirtschaftskrieg» в таких же целях встречаются аллюзия («witrschaftlicher D-Day»), метафорическое выражение («in die Knie zwingen»), гипербола («härtesten Sanktionen der Geschichte») [12].

Еще один пример показывает выход на открытый диалог со своим читателем и интертекстуальные связи благодаря риторическому вопросу и побудительному предложению в конце статьи: «Deutschland Speicher füllen sich nur langsam für Winter, weil Gas teuer ist. Die Firmen spekulieren auf staatliche Unterstützung, Ministerin Reiche gibt sich hartleibig. Verzockt sie sich? Lesen Sie dazu hier mehr» (последнее предложение выделено в тексте статьи гиперссылкой) [10]. Кроме того, выбор прилагательного hartleibig (твердолобый, упрямый, неподатливый, неуступчивый) и разговорного глагола verzocken (проиграть, просадить, например, в азартные игры) [9] в отношении министра экономики и энергетики Германии К. Райхе говорит скорее о саркастическом настрое отправителя электронного сообщения.

Выводы

Подводя итог, можно утверждать, что выбор отправителем сообщения в современных немецких СМИ определенной субъектной перспективы помогает транслировать обозначенные идеологические и социаль-

ные установки. В некоторых случаях говорящий (пишущий субъект) может таким образом дистанцироваться от описываемых явлений и политических деятелей, упоминаемых и нередко цитируемых в статье, к авторитету которых он вынужден апеллировать. Не последнее место занимает при выборе перспективы высказывания координирование действий с перспективой Другого, в данном случае – читателя. Во всех обозначенных процессах средства современного немецкого языка помогают отправителям электронных сообщений в журнале SPIEGEL ONLINE открыто или наоборот скрыто выразить точку зрения по отношению к актуальной политической проблеме, тем самым настроить своего реципиента одобрительно или осуждающе взглянуть на описываемые события и политических лидеров своей и чужой страны.

Список источников

1. Измаилян Д.Б. Языковая реализация идеологического компонента в новостных текстах СМИ (на примере британской качественной прессы): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012. С. 4.
2. Олейник М.А., Новикова К.А. К вопросу о моделировании субъектной структуры немецкоязычных авторских энигматических текстов XVIII-XX вв. // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Т. 14 (27). С. 175 – 187.
3. Онипенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов. URL: https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2988 (дата обращения: 24.08.2026).
4. Пром Н.А. Метод субъектного позиционирования как способ выявления аксиологических характеристик (на примере медиатекста) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4 (27). С. 135 – 143.
5. Степанов В.Н., Варфоломеева Ю.Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 64 – 70.
6. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект. 2001. 702 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
9. Duden. URL: https://www.duden.de (accessed: 26.08.2026).
10. Europäischer Gaspreis steigt auf höchsten Stand seit März // SPIEGEL ONLINE. 19.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
11. Geramanis O. Mini-Handbuch: Gruppendynamik. Weinheim: Beltz Verlag, 2017. 276 c.
12. Iran: Parlamentspräsident droht USA mit Bumerang-Effekt im Wirtschaftskrieg // SPIEGEL ONLINE. 24.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
13. Iran: Präsident Pezeshkian räumt wirtschaftliche Probleme offen ein // SPIEGEL ONLINE. 24.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
14. Sandig B. Sprachliche Perspektivierung und perspektivierende Stile. In: LiLi 102. 1996. C. 36 – 63.
15. US-Inflation: Erzeuger-Preise steigen stärker als erwartet // SPIEGEL ONLINE. 11.06.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 26.08.2026).
16. Wenzel V. Fremd / Zweitsprachenerwerbsforschung. Münster, 2002. 273 C.
17. Wirtschaft in Deutschland: Exporte legen dritten Monat in Folge zu // SPIEGEL ONLINE. 09.06.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
18. Wyss E.L. Sprache, Subjekt und Identität. Zur Analyse der schriftlichen Genderpraxis am Beispiel von Liebesbriefen aus dem 20. Jahrhundert. In: Neuere Ergebnisse der Empirischen Genderforschung. Olms, 2002. C. 176 – 206.

References

1. Izmailyan D.B. Linguistic Realization of the Ideological Component in Mass Media News Texts (A Case Study of the British Quality Press): Abstract of Candidate of Philological Sciences Dissertation. Moscow, 2012. P. 4.
2. Oleynik M.A., Novikova K.A. On Modeling the Subject Structure of German-Language Enigmatic Texts (18th-20th Centuries). German Philology at Saint Petersburg State University. 2024. Vol. 14 (27). P. 175 – 187.
3. Onipenko N.K. The Model of Subject Perspective and the Problem of Classifying Egocentric Elements. URL: https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2988 (accessed: 24.08.2026).
4. Prom N.A. The Method of Subject Positioning as a Way to Identify Axiological Characteristics (A Case Study of Media Text). Upper Volga Philological Bulletin. 2021. No. 4 (27). P. 135 – 143.

5. Stepanov V.N., Varfolomeeva Yu.N. From Subject Perspective to Text Subject Navigation. Upper Volga Philological Bulletin. 2021. No. 2 (25). P. 64 – 70.
6. Stepanov Yu.S. In the World of Semiotics. Semiotics: An Anthology. Moscow: Akademicheskiy Proekt. 2001. 702 p.
7. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 380 p.
8. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception). M.: Gnosis, 1994. 344 p.
9. Duden. URL: https://www.duden.de (accessed: 26.08.2026).
10. Europäischer Gaspreis steigt auf höchsten Stand seit März. SPIEGEL ONLINE. 19.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
11. Geramanis O. Mini-Handbuch: Gruppendynamik. Weinheim: Beltz Verlag, 2017. 276 pp.
12. Iran: Parliamentspräsident droht USA mit Bumerang-Effekt im Wirtschaftskrieg. SPIEGEL ONLINE. 24.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
13. Iran: Präsident Pezeshkian räumt wirtschaftliche Probleme offen ein. SPIEGEL ONLINE. 24.08.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
14. Sandig B. Sprachliche Perspektivierung und perspektivierende Stile. In: LiLi 102. 1996. P. 36 – 63.
15. US-Inflation: Erzeuger-Preise steigen stärker als erwartet. SPIEGEL ONLINE. 11.06.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 26.08.2026).
16. Wenzel V. Fremd. Zweitsprachenerwerbsforschung. Münster, 2002. 273 pp.
17. Wirtschaft in Deutschland: Exporte legen dritten Monat in Folge zu. SPIEGEL ONLINE. 09.06.2026. URL: https://www.spiegel.de (accessed: 24.08.2026).
18. Wyss E.L. Sprache, Subjekt und Identität. Zur Analyse der schriftlichen Genderpraxis am Beispiel von Liebesbriefen aus dem 20. Jahrhundert. In: Neuere Ergebnisse der Empirischen Genderforschung. Olms, 2002. P. 176 – 206.

Информация об авторах

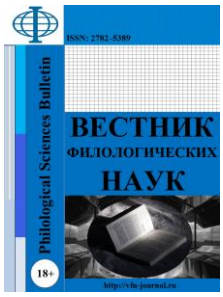
Черезова М.А., *кандидат филологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационных технологий управления, Самарский юридический институт ФСИН России, Россия, г. Самара, kuprijanova07@mail.ru*

Гиренок Г.А., *кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», Филиал Самарского государственного технического университета в г. Новокуйбышевске, Россия, г. Новокуйбышевск, girenokgala@mail.ru*

Шилина Н.В., *кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, Академия ФСИН России, Россия, г. Рязань, ninashilina87@mail.ru*

Булгакова И.В., *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, Воронежский институт ФСИН России, Россия, г. Воронеж, irina-v-bulgakova@yandex.ru*

© Черезова М.А., Гиренок Г.А., Шилина Н.В., Булгакова И.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.411.21
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-42-47

[1] Гаджимурадова Т.Э., [1] Османов З.А. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Образ моря в романе Ханны Мина «Судьба моряка»

Аннотация: *в статье рассматриваются сложные, содержательные и неслучайные символы, знаки, образные построения в романе сирийского писателя Ханны Мина «Судьба моряка». Особую роль в сюжетно-композиционном построении произведения играет образ моря, архетипичность которого обретает конкретно-чувственное восприятие. Анализ позволяет выявить основные смыслы и способы создания образности. Писатель подчеркивает разное смысловое наполнение образов моря и океана, моря и реки. Водная стихия является смысловым центром романа. Отмечается двойственность, заложенная в самой природе моря: то тишь, покой и благодать, то неистовость и непредсказуемость шторма. И герои Ханны Мина – Саид и его отец Салех – так же, как море, отличаются переменчивостью, неровностью чувств. Море испытывает их на прочность, смелость, решительность. Герои вступают в состязание с ним, проходят ежедневные испытания, которые выковывают личность сильную, отважную, равную морской стихии. Писатель открывает читателю духовный смысл мореплавания, как бесценный опыт, метафорическое выражение жизни-пути своих героев. Ханна Мина подчеркивает разное смысловое наполнение образов моря, океана, реки. Для романа характерна диалогичность, обращение к морю как к другу, живому существу. Отсюда также часто используемый прием персонификации. Олицетворение моря воспринимается и как отголосок древних языческих представлений, и как поэтический прием, один из распространенных способов метафоризации. В романе звучит взволнованное слово патриота, обращенное к людям моря, к своим страждущим соплеменникам, рисуется исполненная глубочайшего драматизма история жизни нации.*

Ключевые слова: *сирийская литература, Ханна Мина, жанр романа, социально-политический роман, маринистика, проблематика, образность, дихотомия*

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Османов З.А. Образ моря в романе Ханны Мина «Судьба моряка» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 42 – 47. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-42-47

Поступила в редакцию: 4 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Gadzhimuradova T.E., [1] Osmanov Z.A. ***[1] Dagestan State University***

The image of the sea in Hanna Mina's novel «The Sailor's Fate»

Abstract: *this article examines the complex, meaningful, and meaningful symbols, signs, and figurative constructs in the novel «The Sailor's Fate» by Syrian writer Hanna Mina. The image of the sea plays a special role in the work's plot and composition, with its archetypal imagery acquiring a concrete, sensory perception. The analysis reveals the key meanings and methods of creating this imagery. The writer emphasizes the different semantic content of the images of sea and ocean, sea and river. The element of water is the semantic center of the novel. The duality inherent in the sea's very nature is noted: sometimes calm, tranquility, and grace, sometimes the fury and unpredictability of a storm. Hanna Mina's characters – Said and his father, Saleh – like the sea are characterized*

by fickleness and uneven emotions. The sea tests their strength, courage, and determination. The heroes enter into a competition with it, enduring daily trials that forge a strong, courageous personality, equal to the sea. The writer reveals to the reader the spiritual meaning of seafaring as an invaluable experience, a metaphorical expression of the life-journey of his heroes. Hanna Mina emphasizes the diverse semantic content of the images of the sea, the ocean, and the river. The novel is characterized by a dialogic approach, addressing the sea as a friend, a living being. This also explains the writer's frequent use of personification. The personification of the sea is perceived both as an echo of ancient pagan beliefs and as a poetic device, a common means of metaphor. The novel resounds with the passionate words of a patriot addressed to the people of the sea, to his suffering compatriots, and depicts a deeply dramatic history of the nation's life.

Keywords: *Syrian literature, Hanna Mina, novel genre, socio-political novel, marine painting, maritime fiction, problems, imagery, dichotomy*

For citation: Gadzhimuradova T.E., Osmanov Z.A. The image of the sea in Hanna Mina's novel «The Sailor's Fate». Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 42 – 47. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-42-47

The article was submitted: August 4, 2026; Approved after reviewing: September 8, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В истории любого народа есть события, имеющие глобальный характер. К ним относятся в том числе борьба за независимость, суверенитет, свободу от иноземных захватчиков. Следствие вооруженного противостояния – восстания, революции, войны. Впоследствии эти события становятся основой для создания художественных произведений.

Патриотические мотивы, призывы к борьбе с иноземными завоевателями звучали в творчестве многих сирийских писателей. Ещё с середины XIX века, когда после культурного застоя в условиях четырехвекового турецкого владычества наступил период Арабского возрождения (ан-Нахда) [7, с. 1], сирийские просветители стремились возродить великое наследие арабской культуры и сделать его достоянием широких народных масс. После первой мировой войны, с развитием национально-освободительного движения, в Сирии появились новые темы, идеи, жанры (рассказ, повесть, роман). Писатели этого периода составили реалистическое направление в арабской литературе [6, с. 2].

К этому времени целое поколение писателей получило признание в арабском регионе и далеко за его пределами. Среди них можно назвать сирийских писателей Ханну Мина, Закария Тамера, Хани ар-Рахиба [1, с. 9]. У каждого из них не только своя тема, но и характерный стиль изложения, мировоззрение, особый взгляд на происходящие события.

Сирийская реалистическая литература обращает особое внимание на политические и социальные проблемы, темы национально-освободительной борьбы арабов, отличается острой социально-критической направленностью [2, с. 6]. Почетное место в этом ряду принадлежит Ханне Мина. Начинает он в 1945 году с рассказа «Продается ребенок», затем выходит первая повесть «Синие фонари». Знаменательным стал 1971 год – вышел роман «Парус и буря». Анализируемый нами роман «Судьба моряка» продолжает маринистическую тему в творчестве писателя.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является роман Ханны Мина «Судьба моряка»; научно-критическая литература о творчестве писателя; теоретические источники о жанровой природе маринистики.

Методы исследования: сравнительно-исторический, культурно-исторический и аналитический методы.

Результаты и обсуждения

Ханна Мина (1924-2018) – выдающийся сирийский романист и журналист, один из корифеев современной арабской литературы. Его произведения, отличающиеся реалистичным стилем и глубоким социальным посылом, запечатлели жизнь сирийского народа, прежде всего простых людей – рыбаков, крестьян и рабочих, в период перемен и борьбы за независимость [3, с. 14].

Одним из факторов, повлиявших на творчество писателя и его мировоззрение, стала судьба отца, делившегося с сыном историями из своей жизни. Отцу пришлось очень многое испытать, чтобы обеспечить более-менее достойное существование семье, вынужденной жить в очень тяжелых условиях. Жизнь и судьба моряков, которых Ханна Мина знал лично, тоже повлияли на его судьбу. И, конечно, особая страсть к морю, которая и сделала его непревзойденным писателем-маринистом, одним из лучших в арабской лите-

ратурной среде. Любовь к морю, понимание жизни мореходов и рыбаков отразились во многих его произведениях («Якорь», «Парус и буря» и др.) [3, с.10].

Ханна Мина всегда находится в центре событий социального, экономического и политического характера. Он внимателен к судьбе и переживаниям человека, потрясениям и конфликтам эпохи.

В романе «Судьба моряка» писатель показывает противоречия между передовыми силами народа и правящей верхушкой, растущее организованное народное сопротивление. Показательно, что в романе прослеживается тенденция разделения персонажей на тех, кто любит море, и не разделяющих этой любви.

Большая часть повествования посвящена воспоминаниям об отце Саида – Салехе. Квартал, в котором он жил, любил смелых, отважных людей, тех, кто сопротивлялся жизненным невзгодам. Салех всегда вызывал восхищение и доверие. Он умел работать честно, добросовестно, аккуратно. И на море, и на реке, и в порту нуждались в его знаниях, опыте, честности. Какие бы препятствия ни стояли на его пути, он оставался верен своему слову, традициям квартала, заповедям моря. Он «защищал своё море и… свой квартал» [10, с. 361]. Куда бы жизнь ни бросала Салеха, Саида, они всегда грезили о море. В этом отец и сын очень схожи.

Салех отмечает, что все люди разные, одним нужна гавань, а другим – море. «Уйти в плавание – значит найти себя» [10, с. 375]. Отец всегда был в плавании и ушел из жизни, вероятно, тоже в море. Расставание с женщиной, которую он любил, заставляет его переживать, мучаться сомнениями. И только море, считает он, способно его вернуть себе. «Ему надо было уехать, забыться. Найти успокоение в море. Утешиться в бескрайнем морском просторе» [10, с. 377]. «Волны разгоняют его тоску и печаль» [10, с. 377].

Саид уже повзрослел и по совету отца начал работать в порту на складе, чтобы контролировать бригаду грузчиков. Отец руководствовался правилом: «Тому, кто не знает своей страны, не дано понять другие страны мира; тому, кто не познал родное море, не покорить чужих морей. Тому, кто не изучил свою гавань, не разобраться в других портах мира…» [10, с. 393]. Отец учил законам моря, кодексу моряка.

Экономический кризис 30-х годов имел страшные последствия для железнодорожников и рабочих порта. Людей лишали работы, обрекали их семьи на смерть. «Капиталистическая Европа экспроприировала собственный кризис в свои колонии» [10, с. 395]. Пока одни утопали в роскоши, другие «молились о куске лепешки» [10, с. 395]. Рабочие достойно переживали трудности, выходили на демонстрации. Во главе рабочих всегда был Салех. Решимость, готовность к самопожертвованию, сила воли привлекали к нему людей, делали его настоящим капитаном корабля (квартала).

Повествование концентрируется вокруг образа главного героя в лирической части и его отца во второй части романа. Это приводит к освобождению фабулы от лишних (слепых) сюжетных ходов, нагромождения действующих лиц и событий. Социальная мотивировка личности становится приглушенной, зато внутренние противоречия более обнажены и находятся под пристальным внимание писателя.

Ханна Мина постоянно обращается к изображению духовного мира своих героев (Саид, Салех, мать Саида, а также Кетрин и др.), передавая непосредственный ход их мыслей, переживаний. Активно используются внутренние монологи, основанные на тонком и глубоком подтексте. Герои самораскрываются в поступках, речах, внутренних монологах.

Словесную ткань произведения пронизывают символические лейтмотивы, ассоциативные образы, образы моря, русалки; оппозиции море / берег (суша); море / гавань, порт, рыбацкий поселок; море / музыка; море / река. Причем надо отметить, что смысловое наполнение образов моря и океана, моря и реки не тождественно, напротив, автор постоянно наблюдает различие водных стихий. Человечество памятует о своём происхождении из вод мирового океана. И в то же время именно океан представляется человеку более враждебным, непредсказуемым, мрачным. А с морем рыбак живет в согласии, по-семейному.

Контрастом даётся изображение моря и реки. Особенно эта разница становится заметной в описании шторма и его последствий на море и реке. Подчеркивается их разная природа: «… речной шторм вообще не похож на морской, ведь река не стоит на месте, она течет, и, если её течение подхватит буря, река несется со скоростью ветра, как дикий зверь, сметает любые преграды, срезает их как ножом. Взбесившаяся река … разбивает суда, размывает берега и несет в себе камни, деревья, обломки разрушенных ею домов, остатки погубленных ею посевов и смытых почв…» [10, с. 343]. Не стиснутое берегами море даёт возможность судну лавировать, скрываться в открытом пространстве, маневрировать. Бывалые моряки понимают разницу между морем и рекой. «Как наказание… река обрушивается на людей, уносит их, губит, разрушает созданное ими на берегах» [10, с. 343]. Страшны картины шторма на реке, когда «в дьявольской пляске метались посреди потока» [10, с. 344] суда, лодки, баржи.

Водная стихия в романе имеет пространственно-временную структуру и образное наполнение, в котором запечатлено представление о всемогуществе моря, обладающего безграничной властью над человеком.

«… это не только порождающее лоно и крестильная купель мира и человека, но и та смертная материя, в которую они облекаются и претворяются – на берегу времени и пространства» [8, с. 63].

Море изображается как живое существо – «живет по своим законам, … словно молодеет» [10, с. 267], в отличие от моряка. В описании подчеркивается изменчивость моря, происходящие с ним в разные периоды (зима / лето) перемены, интенсивность процессов (летом оно «лениво плещется о берег», зимой – грохочут штормы, гибнут люди, корабли). Два живых организма – человек и море – живут по своим законам. Но движение (развитие) здесь разнонаправленное – человек стареет («моряк дряхлеет»), «а море обновляет свои силы».

Ханна Мина неоднократно напоминает о трех стихиях, которые окружают его героев: песчаный берег, море и небо, образующих неразрывную, гармоническую связь. «Бездонная, бесконечная синева» неба и «неподвижная гладь моря» [10, с. 267]. Море и небо живут своей жизнью. А вот берег – это «буйное веселье красок», шум, пестрота одеяний. Все, что отличается большей протяженностью во времени и пространстве, передается моноцветом (синим) или его оттенками (лазурный, морской волны). Толпы людей на берегу – пестрота, цветопись («буйное веселье красок», «фестиваль или праздник»).

Саид, по возрасту оказавшийся сосланным на берег, никак не может привыкнуть к портовской жизни – он продолжает оставаться моряком в душе. Море оказывается навсегда причастным к его судьбе – здесь и дело жизни (профессия), и жизнь души (любовь навечно).

Достаточно часто Ханна Мина обращается к числовым структурам как к «господствующим и несотворенным узам вечного постоянства внутримировых вещей» [11, с. 987], среди которых особой функциональностью отличается тройка (триединство, триада, троица).

Так, например, сознание Саида создает триединые построения, через которые осмысливается окружающая героя действительность. Море – «добро, счастье, благодать» [10, с. 270]. Данное триединство, неоднократно повторяемое, эмоционально окрашено. Природные стихии (море, земля, воздух) дают человеку жизнь и жизненные силы, учат ценить каждый миг бытия и гармонию с окружающим миром.

Синтез тройственности отражается в логическом построении: песок, огонь, бокал. «Лишь невежда не знает язык песка, огня и бокала» [10, с. 281], – говорит Саид. Триединство может превращаться в тетраду: песок, четки, огонь, бокал. Это число обладает архетипичным качеством, придает «гармоничную завершенность структуре триединства» [11, с. 988]. В логической цепочке песок выступает в качестве сырья для изготовления стекла. Плавка (огонь) позволяет из песка сделать бокалы. Как будто случайными кажутся четки (в тетраде), но и они здесь выполняют свою функцию.

Элементы связки являются маркерами быстротечности жизни. Песок как отражение зыбкости бегущего времени. Огонь несет в себе идею силы, защиты (эманация божественного света) и разрушения одновременно. Бокал символизирует наслаждение, искушение, хрупкость. А четки связаны с духовностью, временем для размышлений и спокойствия. Это построение выражает метафору человеческой жизни, которая претерпевает определенные метаморфозы на разных этапах жизненного пути. Здесь и материал (физическое тело), и наслаждения (бокал), и огонь (проверка человека страстями, чувствами, эмоциями, любовью), и четки (молитва, подведение итогов) – то, к чему человек должен приходить к концу жизненного пути. Тетрада песка, огня, бокала и четок – метафора судьбы главного героя.

Воспоминания уносят Саида в далекое прошлое, где прекрасная женщина, любовь к которой он пронес через всю жизнь. Неожиданно тетрада превращается в двуединство, когда речь заходит о любви к женщине. И тогда «волосы женщины похожи на четки» [10, с. 281], поглаживаемые пальцами возлюбленного. По содержанию, ритмичности поглаживание волос напоминает перебирание четок и символизирует глубокую духовную связь, которую герой ощущает рядом с любимым человеком. А локон – как отдельная бусина – в изумительном ожерелье судьбы. В воспоминаниях через образы волос-локонов, волос-четок передается безмолвный диалог двух любящих сердец.

Среди приёмов, используемых писателем, – персонификация жизни, которая изображается как живое существо, её олицетворение. Здесь это и поэтический приём, и отголосок древних языческих представлений. Именно с жизнью Саид вступает в поединок. Именно к ней он обращается со словами: «… делай со мной что хочешь: скрой меня в пучине морской, сбрось со скал, срази пулей. Заколи ножом, отдай моё тело на растерзание зверям, птицам или палящим лучам солнца… Когда меня не станет, ты вольна поступать ка пожелаешь… Но покуда этот момент не наступил, берегись, я люблю тебя и благословляю, но не будь со мной коварной, коварства я не потерплю…» [10, с. 282].

В монологе Саида есть намек и на другого противника, с кем приходится моряку иметь дело, – Смерть («когда меня не станет»). Но она не пугает Саида. Он вступает в поединок с жизнью, а не смертью. Смерть когда-нибудь случится, и вряд ли это будет поединок. Он примет её как данность, закономерный исход

земного существования. А жизнь, как море, каждый день испытывает героя на прочность, силу, выносливость, честность. Состязание с морем, ежедневное испытание им, выковывают личность сильную, отважную, равную водной стихии. «Я дал обет морю… И зов его из глубин бездны доносится до моего слуха. Мир его, безграничный, необозримый, – мой мир, его побережье – моя дорога» [10, с. 283]. Здесь и буквальная семантика – морской путь, и метафорическая – жизнь как путь. Идея дороги, перемен в жизни героя всегда связана с морем. Даже перестав быть моряком, он не может уйти от него. Дорога его жизни уже навсегда связана с морем: от моря к морю.

Ханна Мина любит морскую стихию, свойственные ей метаморфозы. Все подводные существа периодически меняют свой облик, сущность. Пузырек воздуха, попав в раковину, «постепенно превращается в белую жемчужину» [10, с. 273]. Настоящие моряки тоже со временем меняются и внешностью, и душою. Саид дышит «всеми своими клетками» так, как «дышит морская трава» [10, с. 273]. Морские травы – те же травянистые цветы, что жили когда-то на прибрежных песках, но приспособились к жизни в морской стихии, сохранили способность дышать и благоухать [10, с. 273]. Саид дышит как морская трава, значит, отличается стойкостью, верностью, умением выживать в самых непростых обстоятельствах. Являясь порождением берега (суши), он, тем не менее, становится существом моря, способным чувствовать и понимать эту стихию.

Писатель не ограничивается одушевлением неживых предметов. Порой он говорит с морем как с человеком, обращается к нему как к другу, случайно оступившемуся, или как к королю, который ошибся в отношении своих верных воинов. Что-то языческое есть в общении с ним: «О море, наше море, друг наш! Почему ты так вероломно поступило с нами? Разве Салух Хаззум не был твоим братом? <…> Ты хочешь царствовать безраздельно, но отец и не думал покушаться на твоё царствование. Он был твоим верным подданным, храбрым воином у тебя на службе…» [10, с. 410]. Море, забравшее моряка (Салеха) в свои глубины, изображается хищником. «Мне хорошо известен его хищный оскал, я знаю, как оно рычит, как оно набрасывается» [10, с. 423]. Ещё один пример метафоризации моря: море по ночам вызывает какой-то особый, мистический трепет. «Оно что-то рассказывает, как старец, усевшийся на низенький стульчик перед своим домом. Рассказывает свои истории. Напевает вполголоса свои печальные песни. Тяжело вздыхает…» [10, с. 440].

Море становится местом погребения. Но не уместно говорить о гибели, смерти в море. Море берет, забирает, отнимает, делает частью себя, возвращает в материнское лоно [4, с. 2]. Смерть в данном контексте дарует внутреннюю свободу герою, отражает торжество его души.

Утрата отца для Саида – тяжелое испытание, заставившее изменить отношение к собственной судьбе, к делу жизни, мобилизовать духовные и жизненные ресурсы [5, с. 3]. Оказавшись в связи с возрастом на берегу – местом встречи моря и суши, Саид проходит через испытания, которые становятся практикой переживания границы, порога между бесконечным и конечным [9, с. 579]. Завершено мореплавание, духовный смысл которого в бесценном опыте, осмысливаемом как самоопределение и осознание национальной идеи – идеи борьбы за свободу. Обращение к морю, воспоминания об отце – живое взволнованное слово патриота, исполненная глубочайшего драматизма история жизни нации.

Выводы

Таким образом, Ханна Мина, написавший тридцать романов, из которых восемь связаны с морской тематикой, воспринимает море как грозную, живую стихию, испытывающую человека на прочность, силу, выносливость, честность. Писатель понимает философию моря. Для него борьба со стихией – это прежде всего борьба с самим собой, обстоятельствами, сохранение человеческого достоинства.

Образ моря является символическим лейтмотивом романа. С огромной силой выражена любовь писателя к людям моря, к страждущим соплеменникам, его близость к их исконной сути. Морская стихия является пробным камнем, испытывающим силу, ум и душу героев. И она же становится смысловым центром романа.

Роман Ханны Мина «Судьба моряка» отличается взаимопроникновением романтической патетики в описании морской стихии, беспощадного обличения хозяев жизни, хищников в человеческом обличии, и реализма в изображении жизни народа.

Список источников

1. Абдулрахман Бармо. Развитие жанра исторического романа в современной сирийской литературе. М., 1993. 9 с.

2. Андрюшкин А.П. Буря и штиль. Современная сирийская проза. СПб.: ООО «Изд-во Светоч», 2014. С. 5 – 10.

3. Бутрос А. Автобиографизм в творчестве Ханны Мина. М., 1997. С. 10 – 14. URL: http://www.dslib.net/teoria-literatury/ avtobiografizm-v-tvorchestve-hanny-miny.html (дата обращения: 18.05.2026).

4. Галимова Е.Ш. Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-arhetip-morya-v-hudozhestvennom-prostranstve (дата обращения: 07.07.2026).

5. Матонин В.Н. Духовный смысл северного мореплавания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. С. 81 – 86.

6. Орлов-Корф В. История литературы Сирии до XXI века. С. 2. URL: https://proza.ru/2023/10/29/1056 (дата обращения: 07.05.2026 г.).

7. Орлов фон Корф В. Литература Азии и Востока до 21 века // Альдебаран. С. 2. URL: https://aldebaran.one/author/orlov_fon_korf_valeriyi/kniga (дата обращения: 21.07.2026).

8. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. 63 с.

9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 585 – 586.

10. Ханна Мина. Парус и буря. Судьба моряка: Романы / Пер. с араб.; предисл. К. Чугунова. М.: Радуга, 1985. С. 265 – 445.

11. Истомина Н.А. Энциклопедический словарь символов. М.: Изд-во АСТ, 2003. 1056 с.

References

1. Abdulrahman Barmo. The Development of the Historical Novel Genre in Contemporary Syrian Literature. Moscow, 1993. 9 p.

2. Andryushkin A.P. Storm and Calm: Contemporary Syrian Prose. St. Petersburg: OOO "Izdatelstvo Svetoch," 2014. P. 5 – 10.

3. Boutros A. Autobiographism in the Works of Hanna Mina. Moscow, 1997. P. 10 – 14. URL: http://www.dslib.net/teoria-literatury/avtobiografizm-v-tvorchestve-hanny-miny.html (accessed: 18.05.2026).

4. Galimova E.Sh. The Archetypal Image of the Sea within the Artistic Space of the "Northern Text" in Russian Literature. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2012. No. 3. P. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-arhetip-morya-v-hudozhestvennom-prostranstve (accessed: 07.07.2026).

5. Matonin V.N. The Spiritual Significance of Northern Seafaring. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2012. P. 81 – 86.

6. Orlov-Korf V. A History of Syrian Literature up to the 21st Century. 2 p. URL: https://proza.ru/2023/10/29/1056 (accessed: 07.05.2026).

7. Orlov von Korff V. Literature of Asia and the East until the 21st century. Aldebaran. 2 p. URL: https://aldebaran.one/author/orlov_fon_korf_valeriyi/kniga (accessed: 21.07.2026).

8. Terebikhin N.M. Metaphysics of the North. Arkhangelsk, 2004. 63 p.

9. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic: Selected. M., 1995. P. 585 – 586.

10. Hannah Mina. Sail and storm. A Sailor's Fate: Novels. Trans. from Arabic; preface K. Chugunova. M.: Raduga, 1985. P. 265 – 445.

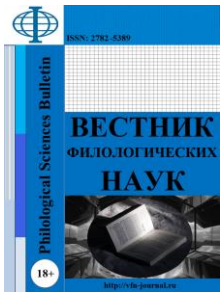
11. Istomina N.A. Encyclopedic dictionary of symbols. M.: Publishing house AST, 2003. 1056 p.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., *кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 37, taiba1970@mail.ru*

Османов З.А., *Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 37, skirko.vladimir33@gmail.com*

© Гаджимурадова Т.Э., Османов З.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-48-51

[1] Азизова Л.Р., [1] Гусейнова М.Ш. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Сопоставительный анализ фольклорной картины мира в английском и русском языках

***Аннотация**: в статье рассматриваются вопросы сопоставительного анализа фольклорной картины мира носителей английского и русского языков. Исследуются национальные концепты, связанные с этим. Сопоставление фрагментов фольклорной картины мира дает сравнительную характеристику мышления данных этносов. Именно данные компоненты наиболее ярко представлены в обоих языках. А этнический аспект ярче всего проявляется в народно-песенной лексике. Ценность представляют этнически маркированные слова и выражения, обозначающие специфические национальные концепты. Широко отмечаются в обоих языках такие элементы лица, как щеки, губы, язык. Это связано с тем, что лицо человека имеет топологическое единство во всех культурах. Оно служит для раскрытия оценки внешности человека. Ведь на нем отражаются и боль, горечь, радость. В фольклорных текстах англичан чаще упоминаются губы и щеки. В русских фольклорных текстах – глаза, щеки и брови. В единичных случаях встречаются в обоих языках такие соматонимы, как лоб, подбородок, веки.*

***Ключевые слова:** английский язык, русский язык, фольклорная картина мира, народно-песенная лексика, цветообозначение, символика, национальные концепты, актуализация*

Для цитирования: Азизова Л.Р., Гусейнова М.Ш. Сопоставительный анализ фольклорной картины мира в английском и русском языках // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 48 – 51. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-48-51

Поступила в редакцию: 5 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Azizova L.R., [1] Guseynova M.Sh. ***[1] Dagestan State University***

Comparative analysis of the folklore worldview in English and Russian

***Abstract**: the article discusses the issues of comparative analysis of the folklore worldview of native speakers of English and Russian. The national concepts related to this are being investigated. The comparison of fragments of the folklore worldview provides a comparative description of the thinking of these ethnic groups. It is these components that are most vividly represented in both languages. And the ethnic aspect is most clearly manifested in the folk song vocabulary. Ethnically marked words and expressions denoting specific national concepts are valuable. Such facial elements as cheeks, lips, and tongue are widely noted in both languages. This is due to the fact that the human face has a topological unity in all cultures. It serves to reveal an assessment of a person's appearance. After all, pain, bitterness, and joy are reflected on it. In folklore texts of the British, lips and cheeks are more often mentioned. In Russian folklore texts, eyes and eyebrows are used. In rare cases, somatonyms such as forehead, chin, and eyelids are found in both languages.*

***Keywords:** English, Russian, folklore worldview, folk song vocabulary, color designation, symbolism, national concepts, actualization*

For citation: Azizova L.R., Guseynova M.Sh. Comparative analysis of the folklore worldview in English and Russian. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 48 – 51. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-48-51

The article was submitted: August 5, 2026; Approved after reviewing: September 9, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность работы. Проблема, касающаяся лексической системы фольклора, через которую просматривается фольклорная картина мира носителей языков, на современном этапе является актуальной. Круг исследований по данной теме на сегодняшний день очень ограничен. Актуальность обусловлена недостаточной исследованностью вопросов, связанных с национально-культурной спецификой, а также воздействием национального менталитета на составляющие фрагментов фольклорной картины мира носителей двух языков.

Главная цель – провести сопоставительный анализ фольклорной картины мира носителей рассматриваемых языков.

Задачи: определить объем и границы народной лексики, характеризующей фольклорную картину мира носителей обоих языков; выявить общее и различное в фольклорной картине мира носителей данных языков.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили фольклорные произведения (народно-песенные тексты английского и русского языков, отобранные из различных сборников фольклора.

Методы, получившие применение в работе – метод сплошной выборки материала, методы анализа и обобщения, а также описательный метод.

Результаты и обсуждения

Проблемы, касающиеся вопросов национальных концептов, специфических основ фольклорного текста, цветообозначений в них и символики в них, получили общее рассмотрение в работах Н.Б. Бахилиной [1], Н.И. Толстого [9], Н.В. Соловьева [8], Н.М. Герасимовой [3] и других. Однако, остался довольно значительный круг нерешенных вопросов, касающихся функционирования и объема народной лексики в этих языках. Национально-культурные особенности этноса наиболее ярко проявляются в языке фольклора. Менталитет народа отражается в фольклорных формах. [5].

Основные фрагменты, составляющие фольклорную картину мира – цветовой спектр, соматонимы - характеристика внешности человека. Они достаточно ярко представлены в народно-песенной традиции русского и английского этносов. В данном случае важны отдельные этнически маркированные слова и выражения, понятия, обозначающие специфические национальные концепты. Ведь, фольклорному тексту свойственна погруженность в диалог, в разговорный дискурс. [10].

В целом, интерес представляет вся лексическая система фольклора этих языков. Этнический аспект ярче всего проявляется в народно-песенной лексике. Он проявляется национально специфичным углом зрения. К примеру, в английской фольклорной картине мира, в частности, в песнях соматонимы оцениваются с точки зрения эстетики:

Lady Nancy she died as might be to-day,
Lord Lovel he died as tomorrow,
And out of her nose there grew a red rose,
And out of Lord Lovel s a brier…

В данной песенке соматоним *nose* «нос» использован в метонимическом смысле.

В русской фольклорной картине мира, песенной лексике эти же компоненты воспринимаются с эмоциональной точки зрения:

Сами серые
Крылушки долгие
Носики вострые
Один сидит на носу
Другой сидит на корабле…

Ни в одной из этих фольклорных картин мира соматоним «нос» не выражает часть лица.

Множество случаев употребления соматонима «губы» в обоих языках. В английском встречается чаще, чем в русском языке:

And then he kissed her lily-cold lips. He kissed her sweet lips when she was fast asleep. Lips as cold as clay; lips like violets, blue. У англичан lips «губы» выступают символами смерти или жизни – губы, холодные как глина.

В русском фольклоре понятие «губы» не часто встречается. Здесь более активно выступает синоним «уста» – сахарные уста. Их обычно целуют.

В обоих фольклорных картинах мира данное понятие репрезентируется по-разному. У англичан присутствует цвет и ощущения тепла или холода. У русских – эмоции.

Концепт eyes «глаза» наиболее распространенный в фольклорной картине мира обоих языков. В русских песнях *глаза / очи* передают действия, ощущения. Оба понятия выступают синонимами. Глаза обычно являются маркером положительных или отрицательных эмоций. Глаза горят от стыда, они заплаканы, грустят. Глаза могут быть объектом насмешки, иронии. Они чаще выступают в качестве характеристики человека. Много песен в русском фольклоре с такими эпитетами, как чернобровый, черноокий, черноглазый.

Отрицательные эмоции глаза репрезентируют через – глаза заплаканы, глаза запорошены, глаза не глядят. Положительные эмоции чаще всего служат портретной характеристике, подчеркивающей качество – ясные очи, прозорливые глаза, черноглазый, черноброва.

В английском аналогом глаз является eyelid «веко»: At that time, tears *of* joy flowed from her eyelids.

Концепт mouth «рот» реже встречается в песенном фольклоре данных этносов. В английском отмечается реже, чем в русском. В русском фольклоре данный соматоним чаще используется при описании персонажа в процессе приема пищи: *Дал воды-то в рот – она заговорила. Чару в руку взял да он и в рот не взял.*

Весьма частым упоминанием является соматоним cheek «щека». В английском и русском песенном фольклоре щеки красные, щеки румяные, щеки подобны розам, вишням, щеки как маков цвет. В английском: Cheeks flushed like poppies; with a smile and a blush on her cheeks.

Различие составляет то, что в русском фольклоре щека является частью лица, которую иногда наказывают, щеку подставляют для битья, по щеке хлопают, колотят.

В английской картине мира cheek выступает как оценка, характеристика человека, которая определяется по теплу / холоду, по цвету. В фольклорной картине мира англичан cheek важный элемент образа.

В фольклорных текстах английского и русского этносов такие соматонимы, как ear, chin, forehead «ухо, подбородок, лоб» упоминаются в единичных случаях.

Лицо человека имеет топологическое единство во всех культурах. Потому оно способствует раскрытию тех приемов и форм познания и оценки внешности человека, свойственных для фольклорного познания различных этносов. На лице отражаются все происходящее вокруг – боль, радость, огорчение, сомнения, страх. Все элементы лица четко реализуют свои функции. Лицо выполняет функцию информационного обмена.

У каждого народа свои эталоны красоты. У англичан концепты «губы и щеки» наиболее распространены, с ними связано множество эпитетов.

Для русского человека дистрибуцией обладают концепты «глаза и брови». Женская и мужская красота подчеркивается именно через эти элементы лица.

Особенности семантической структуры фольклорной картины мира проявляются, кроме соматонимов, также и в колористике. Цвет начал служить инструментом в интерпретации картины мира народа. [2]

Цветообозначения имеют в обоих фольклорных картинах мира большое значение. Таким значениям придается большое значение, так как они включают своеобразные семантические компоненты [4].

Можно сказать, что сема цветообозначения доминирует в фольклоре. Цветовой символ представляет собой наглядно-чувственную, визуальную, речевую, языковую форму [7].

В русском языке, к примеру, в результате тотального синонимизма цветообозначений начинает функционировать лексемы с неопределенным семантическим содержанием: семицветный, цветик-семицветик. Данные понятия обозначают необычайно красивый, необычный.

Превалируют из цветообозначений в русском фольклоре такие цвета, как красный, зеленый, белый.

В английском фольклоре также доминируют цвета красный, белый, зеленый.

В языках приведенных этносов данные цвета отличающийся сходными характеристиками.

Выводы

Проведенный анализ выявил, что этнические автопортреты представляют собой обязательные фрагменты фольклорной картины мира. У каждого этноса они могут различаться. Дифферанс наблюдается в следующих звеньях: присутствие / недостаток аналогичных лексем; распространенность лексем; ассоциация.

В характере связей фольклорных лексем – этнически своеобразные совокупности постоянных эпитетов. Цветообозначения чаще всего выступают в роли эпитетов фольклорных персонажей.

Каждое слово в народнопоэтических текстах может обнаружить все признаки этничности, что дает нам право говорить о потенциальной этнической маркированности, проступающей в каждом фольклорном произведении.

В фольклорной картине мира англичан чаще упоминаются губы и щеки. В русской фольклорной картине мира – глаза, щеки и брови.

Из цветовой символики активно используются в фолклоре англичан красный, зеленый цвета. В русском фольклоре распространены красный, зеленый, белый.

Список источников

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. Москва: Наука, 1975. 288 с.
2. Вавилова К.Ю. Символика в английском и русском сказочном фольклоре: опыт сравнительного анализа // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 94 – 105.
3. Герасимова Н.М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура. Санкт-Петербург: РИИИ, 2012. 364 с.
4. Залевская Т.Е., Залова И.М. Термины цветообозначения в русском и немецком языках (на примере прилагательных «красный» и «желтый») // Modern Humanities Success. 2024. № 3. С. 85 – 89.
5. Межова М.В., Син Е.А. Анализ ментальности главных героев русских и английских сказок // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4 (64). С. 92 – 96.
6. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.
7. Рабаданова Л.Н. Прилагательное цвета «blue /синий» в устойчивых сочетаниях английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 7. С. 137 – 141.
8. Соловьева Н.В. Семиотика символов русских и британских народных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 423-428.
9. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. 512 с.
10. Черванёва В.А. Ремарка в сказочном и несказочном тексте: проблема речевого жанра // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 10 – 25.

References

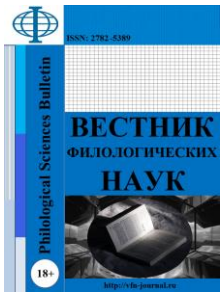
1. Bakhilina N.B. History of Color Terms in the Russian Language. Moscow: Nauka, 1975. 288 p.
2. Vavilova K.Yu. Symbolism in English and Russian Fairy-Tale Folklore: A Comparative Analysis. Philology: Scientific Research. 2021. No. 11. P. 94 – 105.
3. Gerasimova N.M. Text Pragmatics: Folklore, Literature, Culture. Saint Petersburg: RIII, 2012. 364 p.
4. Zalevskaya T.E., Zalova I.M. Color Terms in the Russian and German Languages (A Case Study of the Adjectives "Red" and "Yellow"). Modern Humanities Success. 2024. No. 3. P. 85 – 89.
5. Mezhova M.V., Sin E.A. An Analysis of the Mentality of Protagonists in Russian and English Fairy Tales. Bulletin of Culture and Arts. 2020. No. 4 (64). P. 92 – 96.
6. Putilov B.N. Methodology for the Comparative-Historical Study of Folklore. Leningrad: Nauka, 1976. 244 p.
7. Rabadanova L.N. The Color Adjective "Blue" in Fixed Expressions in English and Russian. Bulletin of Philological Sciences. 2026. Vol. 6. No. 7. P. 137 – 141.
8. Solovyeva N.V. Semiotics of Symbols in Russian and British Folk Tales. Philological Sciences: Issues of Theory and Practice. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 423 – 428.
9. Tolstoy N.I. Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. 2nd ed., rev. Moscow: Indrik, 1995. 512 p.
10. Chervaneva V.A. The Remark in Folktale and Non-Folktale Texts: The Problem of Speech Genre. Folklore: Structure, Typology, Semiotics. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 10 – 25.

Информация об авторах

Азизова Л.Р., *кандидат педагогических наук, доцент кафедры для гуманитарных факультетов ДГУ, г. Махачкала, satiust74@list.ru*

Гусейнова М.Ш., *кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов ДГУ, г. Махачкала, satiust74@list.ru*

© Азизова Л.Р., Гусейнова М.Ш., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.23
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-52-64

[1] Быкова К.И. ***[1] Дальневосточный федеральный университет***

Прецедентные феномены как триггер лингвистической креативности в англоязычном и русскоязычном политическом медиадискурсе

Аннотация: *цель статьи – выявить и систематизировать прецедентные феномены, выступающие триггерами возникновения лингвистической креативности в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе, а также определить механизмы их трансформации в лингвокреатемы. В содержании статьи рассматриваются основные типы прецедентных феноменов – антропонимы, политические лозунги, институциональные формулы и иронически переосмысленные события – и их роль в порождении окказиональных лексических единиц, игровых трансформаций и контекстуальных аллюзий. Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставительном анализе прецедентных феноменов как системообразующего фактора лингвокреативности в разноструктурных языках (английском и русском) на материале актуального политического медиадискурса 2025-2026 годов. В исследовании анализируются следующие механизмы трансформации: деривация, блендинг, семантический сдвиг, аллюзия, каламбур и медиатизация личного имени. Следует подчеркнуть, что новизна проведенного исследования определяется не одним лишь фактом сопоставления англоязычных и русскоязычных материалов, а выявлением общих прагматических моделей – среди них ирония, оценочная маркированность, поляризация, меметизация и политическая предвзятость языка. Полученные результаты дают основание утверждать, что прецедентные феномены выступают в качестве универсального когнитивного механизма, который активирует словообразование, семантическую деривацию и языковую игру. Согласно данным исследования, наибольшей продуктивностью в порождении лингвокреатем отличаются следующие области: антропонимы и личные нарративы, политические события и кризисы, институционально-нормативный дискурс, а также культурные и медийные мемы. Наконец, следует особо отметить, что адекватная интерпретация лингвокреатем становится возможной лишь при наличии у адресата общей когнитивной основы, которая предполагает узнавание прецедентных феноменов и их осмысление с учётом конкретного дискурсивного окружения.*

Ключевые слова: *прецедентные феномены, лингвистическая креативность, лингвокреатема, медиадискурс, политический дискурс, когнитивная база, языковая игра, антропоним, меметизация*

Для цитирования: Быкова К.И. Прецедентные феномены как триггер лингвистической креативности в англоязычном и русскоязычном политическом медиадискурсе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 52 – 64. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-52-64

Поступила в редакцию: 5 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] ***Bykova K.I.*** [1] ***Far Eastern Federal University***

Precedent phenomena as triggers of linguistic creativity in Russian and English political media discourse

Abstract: *the aim of this article is to identify and systematize precedent phenomena that act as triggers of linguistic creativity in English and Russian media discourse, as well as to determine the mechanisms of their transformation into linguocreatemes. The paper examines the principal types of precedent phenomena – anthroponyms, political slogans, institutional formulae, and ironically reinterpreted events – and their role in generating occasional lexical units, playful transformations, and contextual allusions. The scholarly novelty of this work lies in its comprehensive comparative analysis of precedent phenomena as a system-forming factor of linguistic creativity in structurally different languages (English and Russian), based on current political media discourse for 2025-2026. The study analyzes the following mechanisms of transformation: derivation, blending, semantic shift, allusion, punning, and the mediatization of personal names. It should be emphasised that the novelty of the conducted research is determined not solely by the mere comparison of English and Russian language materials, but by the identification of common pragmatic patterns: irony, evaluative markedness, polarisation, memeticisation and political bias of language. The findings substantiate the claim that precedent phenomena function as a universal cognitive mechanism that triggers word formation, semantic derivation and language play. According to the study, the areas that exhibit the highest productivity in generating linguocreatemes are anthroponyms and personal narratives, political events and crises, institutional normative discourse, as well as cultural and media memes. Finally, it is worth noting that an adequate interpretation of linguocreatemes becomes feasible only when the addressee possesses a shared cognitive foundation, which presupposes recognition of precedent phenomena and their contextual processing within the specific discursive environment.*

Keywords: *precedent phenomena, linguistic creativity, linguocreateme, media discourse, political discourse, cognitive base, language play, anthroponym, memeticization*

For citation: Bykova K.I. Precedent phenomena as triggers of linguistic creativity in Russian and English political media discourse. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 52 – 64. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-52-64

The article was submitted: August 5, 2026; Approved after reviewing: September 9, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Обращаясь к медиадискурсу последних лет, можно заметить тенденцию к ускоренному производству креатем, что напрямую связано с политическими процессами, кризисными явлениями и поляризацией общественных дискуссий. Примеры 2025-2026 годов, среди которых скандальные разоблачения, касающиеся Джеффри Эпштейна, американо-иранские переговоры, импичмент южнокорейского президента и семантическая трансформация риторики американской администрации, служат ярким подтверждением того, что современная политика выступает катализатором языковых инноваций. В этой связи журналисты и комментаторы всё чаще обращаются к уже сложившимся медийно-политическим сценариям, используя антропонимы, лозунги и институциональные формулы как ресурс для окказионального словообразования.

Актуальность обращения к прецедентным феноменам в медиадискурсе обусловлена тем, что современные СМИ, работающие в условиях высокой конкуренции за внимание аудитории, постоянно находятся в поиске инструментов, позволяющих мгновенно вызывать у читателя нужные ассоциации. Именно прецедентные феномены – фрагменты общего культурного опыта, которые без труда вызываются в сознании при развёртывании дискурса, служат основой для создания новых наименований. [3].

Неотъемлемой частью человеческого сознания является культурное пространство, в котором сквозь призму восприятия человека отражаются все феномены культуры. Любой представитель лингвокультурного сообщества может идентифицировать эти феномены ввиду наличия общей когнитивной базы и единой картины мира. Как отмечает Д.Б. Гудков, прецедентные феномены – это элементы коллективной памяти, которые легко активируются в дискурсе и становятся основой для вторичной номинации, определяя специфику национального характера, этнического и языкового сознания [2].

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать прецедентные феномены, выступающие триггерами возникновения лингвистической креативности в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе, а также определить механизмы их трансформации в лингвокреатемы.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Уточнить понятие «прецедентный феномен» и разграничить его с производной единицей – лингвокреатемой.
2. Предложить рабочую классификацию прецедентных феноменов с критериями узнаваемости, устойчивости в коллективной памяти и частотности медийной актуализации.
3. Выявить на материале англоязычных и русскоязычных медиатекстов конкретные примеры лингвокреатем, возникших на основе прецедентных феноменов.
4. Проанализировать механизмы трансформации прецедентных феноменов в лингвокреатемы – деривацию, блендинг, семантический сдвиг, аллюзию, каламбур и медиатизацию личного имени.
5. Определить факторы, обеспечивающие успешную интерпретацию лингвокреатем реципиентом.

Материалы и методы исследований

В качестве теоретического фундамента настоящего исследования привлекаются работы как отечественных, так и зарубежных специалистов в области прецедентности и лингвокультурологии. Среди них особое место занимают труды Д.Б. Гудкова [3], трактующего прецедентные феномены в качестве ядра когнитивной базы языковой личности; Ю.Н. Караулова [5], который вводит понятие прецедентного текста и связывает прецедентность с социализацией языковой личности; а также исследования В.В. Красных [6], заложившие основы типологизации прецедентных феноменов по критерию универсальности, и Г.Г. Слышкина [12], предложившего дополнительные типологические основания на основе лингвокультурного концептуального анализа, и работы С.Н. Должиковой [4], О.В. Наволоцкой [8], рассматривающих их сквозь призму социальной значимости и медийной актуализации. В русле критического дискурс-анализа данный аспект получает методологическое обоснование в дискурсивно-историческом подходе М. Райзигля и Р. Водак [11], который позволяет выявить стратегии манипулятивного использования прецедентных феноменов в политическом дискурсе через обращение к историческим аллюзиям и культурным символам. Для анализа дискурсивных механизмов, лежащих в основе порождения лингвокреатем, важное значение имеют исследования У.Л. Кшеновской [7], посвящённые когнитивно-дискурсивной природе лингвокреативности.

Особый интерес для нашей работы представляют публикации О.В. Николаевой [9, 10], в которых разрабатывается теория взаимодействия концептуальных картин мира: в рамках данного подхода прецедентные феномены интерпретируются как продукт когнитивного взаимовлияния и аксиологической рефлексии, тогда как креативные языковые единицы – как инструмент реализации персуазивного потенциала дискурса. Указанная теоретическая рамка позволяет рассматривать лингвокреатемы не изолированно, а в системе когнитивных, культурных и прагматических координат.

Методологический инструментарий работы складывается из нескольких взаимодополняющих процедур. Дискурс-анализ даёт возможность проследить функционирование лингвокреатем в конкретных медиатекстах; метод лингвокогнитивного моделирования ориентирован на экспликацию когнитивных стратегий их порождения и понимания; сопоставительный метод обеспечивает сравнение прецедентных феноменов и производных от них креатем в англоязычном и русскоязычном дискурсах. Кроме того, используются описательный метод и компонентный анализ лексических единиц.

Эмпирическую базу исследования сформировали тексты англоязычных изданий (The Guardian, The New York Times, The Economist, The Washington Post, Newsweek) и русскоязычных СМИ (Коммерсантъ, Известия, РИА Новости) за период 2025-2026 гг. Общий объём проанализированного материала составил 100 статей – по 50 из каждого языкового сегмента. Отбор осуществлялся методом сплошной выборки из актуальной политической повестки соответствующих изданий. При идентификации лингвокреатем мы опирались на критерий оригинальности формы и/или содержания языковой единицы: к таковым относились окказиональные и неологические образования, возникающие при творческой переработке прецедентных феноменов, а также случаи языковой игры, метафорического переосмысления и нетривиальных словообразовательных трансформаций. В результате первичного анализа было отобрано 131 лингвокреатема: 81 – из англоязычных СМИ и 50 – из русскоязычных. Для финального анализа, с целью избежать избыточности и сохранить фокус на наиболее показательных случаях, были отобраны самые яркие и репрезентативные примеры, иллюстрирующие различные словообразовательные модели и типы прецедентных феноменов в обоих языках.

Результаты и обсуждения

Количественный анализ отобранного материала позволил выявить распределение лингвокреатем по словообразовательным моделям как в целом, так и отдельно по каждому из рассматриваемых дискурсов. В англоязычном материале (81 креатема) наиболее продуктивными моделями оказались аффиксация (34%, 28 креатем) и метафорическая деривация (27%, 22 креатемы). В русскоязычном материале (50 креатем) также лидирует аффиксация (28%, 14 креатем), однако второе место занимает дискурсивная креативность (26%, 13 креатем), что указывает на более активное использование заголовочных каламбуров и языковой игры в русской журналистике. Блендинг представлен в обоих дискурсах примерно в равной степени: 17% в англоязычном (14 креатем) и 18% в русскоязычном (9 креатем). Институциональная номинация чаще встречается в англоязычном материале (9%, 7 креатем против 4%, 2 креатем в русскоязычном), что связано с большей распространённостью практики присвоения имён политических деятелей институциональным объектам в американском дискурсе. Если обратиться к количественным показателям, то словосложение и акронимия в обоих языках встречаются относительно редко – на их долю приходится лишь 3-4% в каждом из дискурсов.

Гораздо более показательной оказывается картина распределения прецедентных феноменов по трём группам, выделенным в типологии В.В. Красных: здесь межъязыковые расхождения становятся весьма отчётливыми. В англоязычном материале универсально-прецедентные единицы количественно доминируют над национально-прецедентными (55% – 45 креатем – против 42% – 34 креатем). Такое соотношение, на наш взгляд, объясняется глобальной направленностью англоязычной медийной повестки, ориентированной на международную, а не сугубо локальную аудиторию. Русскоязычный дискурс, напротив, демонстрирует обратную пропорцию: здесь первенство принадлежит национально-прецедентным феноменам (58%, 29 креатем), тогда как универсально-прецедентные составляют лишь 38% (19 креатем). Социумно-прецедентные явления в обоих случаях представлены минимально – в англоязычном сегменте их доля не превышает 3% (2 креатемы), в русскоязычном – 6% (3 креатемы). Из приведённых данных можно заключить, что англоязычный политический медиадискурс в большей степени использует образы и концепты, доступные для восприятия за пределами одной лингвокультуры. В то же время русскоязычные медиа чаще прибегают к национально-специфическим аллюзиям, которые предполагают у реципиента углублённое знание российского культурно-исторического контекста.

Что касается прикладной ценности проведённой работы, то её результаты могут быть востребованы как в учебном процессе – при разработке курсов по лексикологии, стилистике, лингвокультурологии, политической лингвистике и дискурс-анализу, – так и в практических сферах, связанных с медиамониторингом и анализом стратегий политической коммуникации.

Прежде чем перейти к эмпирическому анализу, необходимо, на наш взгляд, чётко разграничить два понятия: прецедентный феномен (культурно-когнитивный инвариант) и лингвокреатему (его дискурсивную, творческую реализацию). Это различение составляет методологическую основу нашей работы.

Обратимся к генезису термина. Понятие прецедентности вводится в научный оборот Ю.Н. Карауловым, который ещё в 1987 году предложил термин «прецедентный текст» – так он обозначил тексты, значимые для языковой личности на познавательном и эмоциональном уровнях, хорошо знакомые её окружению и регулярно воспроизводимые в дискурсе [5]. Исследователь выделяет два базовых свойства таких текстов – хрестоматийность и общеизвестность, – и именно они, по его мысли, обеспечивают узнаваемость и воспроизводимость. Но этим дело не ограничивается: из двух названных свойств логически вытекает третье – реинтерпретируемость. Будучи фактом культуры, прецедентный текст, как подчёркивает Караулов, всегда остаётся открытым для новых прочтений и смысловых трансформаций, которые привносятся последующими поколениями [5].

В дальнейшем Д.Б. Гудков расширяет это понятие, распространяя его не только на тексты, но и на имена, высказывания и ситуации [3]. В рамках нашего исследования мы принимаем гудковскую трактовку как рабочую – она позволяет охватить более широкий спектр явлений, регулярно актуализируемых в медиадискурсе: имена политических деятелей, исторические события, литературных персонажей, лозунги, институциональные формулы. Именно эти феномены, как будет показано ниже, служат питательной средой для порождения лингвокреатем. Терминология Ю.Н. Караулова приводится нами для исторического контекста и обоснования преемственности в развитии теории прецедентности. Как отмечает У.Л. Кшеновская, лингвокреативные процессы «одновременно являются когнитивными и коммуникативными»: порождение новой единицы связано как с когнитивным актом номинации, так и с реализацией речевой интенции в конкретном дискурсе [7]. Именно в этом смысле прецедентный феномен выступает триггером, а дискурс – средой его актуализации.

В данной работе вслед за О.В. Николаевой под лингвокреативностью мы понимаем процесс и результат оригинального и уместного в конкретной речевой ситуации вербального (языкового и дискурсивного) творчества, порождающего структурно-языковые, речевые и дискурсивные новации с наличным или латентным потенциалом к фиксации в языке, речи или дискурсе [10].

В наших предыдущих работах [1] был введён термин лингвокреатема для обозначения производной единицы, возникающей в результате творческой переработки прецедентного феномена. В настоящем исследовании мы используем это понятие в том же значении, понимая под лингвокреатемой окказиональное или неологическое образование, которое появляется в конкретном медиатексте и может либо закрепиться в языке, либо исчезнуть после однократного употребления. В отличие от прецедентного феномена, который существует в коллективной памяти как устойчивая когнитивная структура, лингвокреатема представляет собой дискурсивную актуализацию этого феномена – результат языковой игры, метафорического переосмысления или словообразовательной трансформации [1].

Так, имя собственное Дональд Трамп является прецедентным феноменом – оно известно большинству представителей англоязычного лингвокультурного сообщества, обладает устойчивым инвариантом восприятия и регулярно актуализируется в политическом дискурсе. Производные от этого антропонима единицы – Trumponomics (комплекс экономических мер администрации Трампа), Trumpland (используется для обозначения политического лагеря Трампа), Trumpian right (противопоставляется progressive left, что создаёт бинарную оппозицию, характерную для политического дискурса) – представляют собой лингвокреатемы, возникшие в конкретных медиатекстах и несущие оценочный, персуазивный заряд.

Для анализа прецедентных феноменов в медиадискурсе особую значимость приобретает типологизация, основанная на степени универсальности прецедентных феноменов и широте охвата акторов, ими оперирующих. Основополагающей в этом отношении является классификация В.В. Красных [6], которая впоследствии была развита и адаптирована для медиадискурса С.Н. Должиковой [4]. Данный подход позволяет учитывать не только национально-культурную специфику прецедентных феноменов, но и их актуальность для различных социальных групп – от узких профессиональных сообществ до всего национально-лингвокультурного коллектива. Согласно данному подходу, выделяются три группы: **социумно-прецедентные** – известные представителям определённого социума (в том числе возрастного, профессионального, конфессионального и т.д.) – например, в молодёжной субкультуре к таким феноменам относятся интернет-мемы: «воздухан» (человек, у которого слова расходятся с делами), «думер» (персонаж, олицетворяющий экзистенциальный кризис), «six-seven» и другие; **национально-прецедентные** – известные среднему представителю конкретного национально-лингвокультурного сообщества (примеры: для американского дискурса – Доктрина Монро, Уотергейт; для британского – Брексит, Палата общин; для русского – Жириновский, перестройка); и **универсально-прецедентные** – входящие в общечеловеческое когнитивное пространство (примеры: Франкенштейн, ядерная угроза, пандемия).

Переходя от теоретической типологизации к эмпирическому этапу работы, мы сталкиваемся с необходимостью выработать операциональные критерии, позволяющие дифференцировать прецедентные феномены в рамках конкретного корпуса медиатекстов. В основу нашего подхода положены четыре параметра. Первый – степень известности, то есть количество носителей языка, способных идентифицировать данный феномен. Второй – устойчивость в коллективной памяти, которая измеряется частотой воспроизведения феномена в дискурсе. Третий – транснациональная распознаваемость, иначе говоря, способность феномена быть узнанным за пределами одной лингвокультуры. И, наконец, четвёртый – частотность медийной актуализации, отражающая интенсивность использования феномена в СМИ в конкретный временной период.

Какие же события 2025-2026 годов оказались наиболее продуктивными с точки зрения запуска лингвокреативных процессов? Как показывает анализ, в фокусе внимания журналистов оказались сценарии, в которых прецедентные антропонимы, исторические доктрины, институциональные формулы и культурные коды переосмыслялись в новых политических контекстах. Среди таких событий – внешнеполитические инициативы (например, захват президента Венесуэлы Николаса Мадуро, торговые войны Дональда Трампа, угрозы в отношении Гренландии, а также предложение назвать часть Донбасса «Donnyland»); институциональные кризисы, включая скандал вокруг Джеффри Эпштейна и арест принца Эндрю, суд над президентом Южной Кореи Юн Сок Ёлем и борьбу с российским «теневым флотом»; дипломатические процессы – переговоры США и Ирана, инициатива Франции по распространению «ядерного зонтика» на Европу, пересмотр отношений Великобритании с ЕС после Брексита; санкционное противостояние, воплотившееся в 20 пакетах санкций ЕС против России; а также внутриполитические реформы, в частности ужесточение языковой политики в России. Медийное освещение перечисленных событий, как несложно заметить, актуализирует прецедентные феномены, инициируя их творческую переработку. Из этого следует, что преце-

дентные феномены выполняют функцию универсального катализатора лингвокреативности: чем выше общественная значимость события и чем более узнаваем его культурно-исторический фон, тем интенсивнее порождаются новые оценочные номинации, которые затем закрепляются в публичном дискурсе.

В медиадискурсе 2025-2026 годов одним из продуктивных источников креативности оказывается антропоним – имя политического деятеля. Высокая частотность таких образований объясняется тем, что имя собственное обеспечивает максимальную узнаваемость и даёт журналисту возможность одновременно выражать оценку, иронию и концептуализацию события. Особенно активна эта модель в англоязычной политической журналистике.

Рассмотрение конкретных примеров из англоязычного и русскоязычного медиадискурса демонстрирует, что трансформация прецедентных феноменов в лингвокреатемы осуществляется с использованием широкого арсенала словообразовательных средств. В статьях 2025-2026 годов выделяются следующие модели:

При анализе примеров мы будем последовательно маркировать каждую лингвокреатему по типу прецедентного феномена (в соответствии с типологией В.В. Красных [6] подробно изложенной выше): национально-прецедентный (н-п), универсально-прецедентный (у-п) или социумно-прецедентный (с-п). Это позволит читателю проследить, какие типы прецедентных феноменов наиболее продуктивны в каждом из рассматриваемых языков и в каких политических контекстах они актуализируются.

Аффиксация – присоединение словообразовательных аффиксов (префиксов, суффиксов) к основе прецедентного антропонима или события. Например: **trump-proof** (н-п) – прилагательное, образованное по модели «имя собственное + суффикс -proof» (защищённый от влияния Трампа). В статье New York Times о ядерной угрозе используется фраза the need to legislatively "Trump-proof" our system [NYT, 16.02.2026]. Здесь прецедентное имя трансформируется в функциональную характеристику политической системы; **trump-ier** (н-п) – сравнительная степень, позволяющая градуировать «трамповость» политика или явления. В статье The Economist о переговорах с Ираном встречается конструкция a Trump-ier foreign policy – «более трамповская внешняя политика» [The Economist, 15.01.2026]. Данная модель демонстрирует, как антропоним встраивается в стандартные словообразовательные схемы английского языка; **trumpiness** (н-п) – абстрактное существительное, объединяющее все качества (преимущественно отрицательные), приписываемые Трампу. В статье The Washington Post цитируется заголовок Trump without the Trumpiness would win reelection in a landslide [впервые в WP, 2019, переосмыслен в 2026], где trumpiness становится ёмким обозначением стиля и риторики политика. Конечно, имя действующего президента США является не единственным продуктивным стимулом для возникновения лингвистических креатем. Так, лексема, **followership** (у-п) – неологизм, антоним leadership, концептуализирующий роль Европы как «ведомого» союзника. Образован путём присоединения суффикса -ship к основе follower. В статье The Economist подчёркивается, что без европейского followership американская власть будет «чаще встречать сопротивление, чем терпимость» [The Economist, 30.12.2025]. В русскоязычном медиадискурсе примером служит креатема **эпштейновский позор** (н-п/у-п), образованная путём присоединения суффикса -овск- к фамилии Эпштейн с последующим сложением с лексемой позор; креатема возникла в связи со скандалом вокруг Джеффри Эпштейна и арестом принца Эндрю и передаёт резко негативную оценку ситуации [Коммерсантъ, 19.02.2026]. Или креатема **релоканты** (с-п), которая фиксирует новое социальное явление (массовый переезд россиян за рубеж после 2022 года) и прочно закрепилась в медиадискурсе как обозначение новой категории граждан [Вести, 31.01.2026]. Данная лексема, образованная от заимствованной основы «релокация» с помощью суффикса деятеля **-ант-**, в течение 2025-2026 годов прочно закрепилась в медиадискурсе. Её прагматический потенциал заключается в способности маркировать эмиграционные процессы с различной оценочной нагрузкой – от нейтральной («временный переезд») до негативной, особенно в контексте обсуждения «чуждых нарративов» и разрыва с российскими реалиями. Итак, на примере лексемы *релоканты* мы видим, как новый прецедентный феномен не просто обретает языковую форму, но и превращается в орудие идеологической маркировки – он позволяет фиксировать эмиграционные процессы с разной оценочной нагрузкой, от нейтральной до резко негативной, в зависимости от политического контекста употребления. Этот случай показателен и в другом отношении: он подтверждает, что аффиксация как словообразовательная модель работает в обоих рассматриваемых дискурсах примерно с равной интенсивностью, что свидетельствует об универсальности механизма, превращающего прецедентный антропоним в оценочную лингвокреатему.

Обратимся теперь к другой модели – словосложению. Под этим термином мы понимаем объединение двух или более самостоятельных лексем в единое целое, что в политическом медиадискурсе даёт возможность создавать компактные и при этом насыщенные образностью обозначения для сложных политических коллизий. Характерный пример – креатема **self-coup** (у-п) («самопереворот»), зафиксированная в материале

The Guardian, посвящённом судебному процессу над президентом Южной Кореи. Автор статьи прибегает к этому новообразованию, чтобы охарактеризовать ситуацию, в которой действующая власть предпринимает попытку переворота против собственного государства – парадоксальный, на первый взгляд, сценарий, который, однако, получает ёмкое и узнаваемое именование именно благодаря словосложению. Прецедентный феномен – институт военного переворота – переосмысляется через акцент на «само», что создаёт новый концепт: переворот, совершённый властью против самой себя [The Guardian, 17.02.2026]. Креатема **Greenland moment** (у-п) представляет собой окказиональное выражение по модели исторических кризисов, обозначающее момент, когда Дональд Трамп угрожал Дании из-за Гренландии, что, по мнению The Economist, «нанесло огромный ущерб доверию к Америке» [The Economist, 22.01.2026].

Помимо сложения самостоятельных основ, в медиадискурсе активно используется и слияние их фрагментов – блендинг, который позволяет создавать ещё более компрессивные и образные номинации. В медиадискурсе данный механизм активно используется для создания лингвокреатем на основе прецедентных антропонимов и событий. Примеры таких лингвокреатем: **Donroe doctrine** – бленд Donald и Monroe, обыгрывающий Доктрину Монро и превращающий её в агрессивную имперскую политику Трампа. Данная креатема относится к национально-прецедентным, поскольку требует знания американской истории [The Economist, 08.01.2026]; **trumptanic** (н-п) – слияние Trump и Titanic, создающее образ обречённого предприятия. Хотя эта креатема была зафиксирована ранее, она продолжает использоваться в новых контекстах, что свидетельствует о закреплении её в языке. Обратимся теперь к примерам из русскоязычного дискурса. Показательной здесь оказывается заголовочная креатема **«Проливные вожди»** (национально-прецедентный феномен) [Коммерсантъ, 18.04.2026], построенная на блендинге двух основ – *пролив* (Ормузский пролив) и *вожди* (иранские политические лидеры). Примечательно, что автор не ограничивается простым соединением: игра слов с прилагательным *проливной* (в значении «сильный, обильный») порождает дополнительный семантический пласт – действия иранского руководства предстают как интенсивные и решительные, что придаёт номинации отчётливый оценочный характер.

Переходя к акронимии – механизму, который предполагает образование новой единицы из начальных букв или слогов исходного словосочетания, – отметим, что в массмедийном дискурсе этот приём позволяет предельно сжато передавать сложные политические смыслы, одновременно отсылая к узнаваемым моделям. В русскоязычном материале к числу таких случаев относится графический символ **Ъ** – сокращённое обозначение газеты «Коммерсантъ», которое, как указывает само издание (*«often shortened to Ъ»*), превратилось в самостоятельный брендированный акроним. Твёрдый знак здесь уже не просто буква, а маркер принадлежности к издательскому дому и его стилистике – пример того, как акроним обретает статус полноценной лингвокреатемы.

В англоязычном дискурсе схожий механизм иллюстрирует креатема **TACO** (н-п), расшифровывающаяся как *Trump Always Chickens Out* («Трамп всегда струшивает»). Возникнув в финансовой прессе, этот акроним стал ёмкой характеристикой склонности Дональда Трампа отступать от собственных жёстких заявлений. Однако прагматический эффект здесь усиливается за счёт семантической омонимии: аббревиатура намеренно совпадает с названием мексиканского блюда, что вкупе с идиомой *to chicken out* («струсить», где *chicken* – ещё и «цыплёнок») создаёт многослойный иронический подтекст, хорошо считываемый читателем лишь при условии знакомства реципиента с американским политическим фоном и культурными кодами, что относит её к числу национально-прецедентных феноменов [The Economist, 22.01.2026].

Не менее интересен случай с креатемой **MIGA** (*Make Iran Great Again*), использованной Трампом в сообщении в Truth Social. Здесь мы имеем дело с трансформацией прецедентного лозунга MAGA (*Make America Great Again*), где при сохранении структуры и фонетического облика исходного акронима происходит замена второго компонента (*America* на *Iran*). Эта модель демонстрирует, как прецедентная формула превращается в продуктивный словообразовательный шаблон, порождающий множественные вариации в медиадискурсе (универсально-прецедентный тип, поскольку MAGA входит в мировое когнитивное пространство).

Метафорическая деривация – образование новой лексемы или устойчивого сочетания путём метафорического переноса значения с одной сферы действительности на другую. В медиадискурсе данный механизм позволяет в сжатой и экспрессивной форме передать критическую оценку политических явлений. Так, креатема **gunboat capitalism** (у-п) [The Economist, 2026] образована путём цепочечной замены компонента в историческом термине *gunboat diplomacy* («дипломатия канонерок») на *capitalism*, в результате чего возникает новый концепт, критикующий современный корпоративный империализм. Креатема **Golden Dome** (у-п), использованная в дискурсе Трампа [Washington Post, NYT, 2026], представляет собой метафорическое переосмысление мифологического образа «золотого купола» как символа защиты и неприступности, про-

ецируемого на систему противоракетной обороны. В качестве дополнительных иллюстраций обратимся ещё к двум случаям из англоязычного материала. Так, креатема **house of dynamite** (у-п) [Washington Post, 2026] прибегает к образу опасного, нестабильного объекта – дома, начинённого взрывчаткой, – чтобы передать хрупкость ситуации в ядерной гонке; метафора акцентирует риск непреднамеренной эскалации, последствия которой могут оказаться катастрофическими. Не менее показателен и случай с лексемой **cherry-picking** (у-п), которая в переговорной риторике ЕС используется для критики выборочного подхода Великобритании к правилам единого рынка. Следует оговориться: это устойчивое выражение, однако в контексте Брексита оно обретает отчётливую политическую маркированность, поскольку высвечивает недобросовестность попыток сохранить преимущества членства в союзе без принятия соответствующих обязательств [The Economist, 30.12.2025].

Аналогичные образные решения, как мы видим, встречаются и в русскоязычной журналистике. Характерный пример – заголовок «**Туман переговоров**» (у-п) в статье «Коммерсантъ», посвящённой американо-иранским переговорам. Здесь образ тумана – с его семантикой неясности и непрозрачности – проецируется на сложный дипломатический процесс, создавая эффект недосказанности и одновременно имплицитно выражая сомнение в успешности переговорной кампании [Коммерсантъ, 21.06.2026].

Институциональная номинация в настоящем исследовании трактуется как присвоение официальным объектам, программам или структурам имён, отсылающих к политическим деятелям или институциональным формулам. В медиадискурсе данный механизм позволяет зафиксировать связь политика (или политической концепции) с конкретным институциональным проектом и создать ассоциацию с властью и личной ответственностью. Этот механизм реализуется в двух основных формах. Во-первых, это присвоение антропонима – имени политического деятеля – государственным или военным объектам. Так, креатема **Trump class** (н-п) возникла в результате присвоения имени Дональда Трампа новому классу военных кораблей ВМС США, что, по мнению редакционной коллегии The New York Times, создаёт ассоциацию с милитаризацией и личной ответственностью за гонку вооружений [NYT, 16.02.2026]. Институциональная номинация здесь опирается на традиционную для военно-морской сферы модель именования классов кораблей в честь президентов (Nimitz* class, Ford class), однако в случае с Trump class номинация приобретает выраженный оценочный и политический подтекст, поскольку инициирована самим президентом и воспринимается как акт самопрославления. Во-вторых, это присвоение политической формулы – названия, отсылающего к существующим институциональным структурам и их переосмыслению. Особый интерес представляют случаи иронической институционализации, когда номинация создаётся с явным сатирическим или критическим подтекстом. Примером из русскоязычного дискурса служит креатема **«Совет мира» по Газе** (у-п) – название новой международной структуры, созданной по инициативе Дональда Трампа для управления сектором Газа. Здесь присваивается не антропоним, а политическая формула «совет мира», отсылающая к Совету Безопасности ООН, что создаёт иронический эффект за счёт несоответствия между возвышенным названием («Совет мира») и реальной природой организации, которая воспринималась как попытка подменить собой ООН и создать непрозрачный механизм глобального управления, контролируемый лично Трампом. Как отмечает «Коммерсантъ» [Коммерсантъ, 20.01.2026], «Совет мира» должен был «бросить вызов роли и влиянию ООН и де-факто заменить собой ту международную систему, которая сложилась после Второй мировой войны». Таким образом, институциональная номинация здесь выполняет не только номинативную, но и оценочную, сатирическую функцию, позволяя автору имплицитно выразить критическое отношение к политической инициативе.

Помимо словообразовательных моделей, лингвокреатемы могут возникать на уровне дискурсивной креативности, когда автор использует готовые языковые единицы, но помещает их в новый контекст или переосмысляет их значение через игру слов, каламбур или аллюзию. В отличие от аффиксации, блендинга или акронимии, здесь форма лексемы может не меняться, но возникает новый смысл за счёт полисемии, омонимии, фразеологической трансформации или контекстуального переосмысления. Примером из русскоязычного медиадискурса служит заголовок **«Пакет с пакетами»** (н-п) [Коммерсантъ, 2026], посвящённый хронике 20 санкционных пакетов ЕС против России. Креатема построена на игре слов, обыгрывающей полисемию лексемы пакет: с одной стороны, это набор санкционных мер (институциональное значение), с другой – упаковка, вместилище (бытовое значение). В результате такого обыгрывания возникает иронический параллелизм: с одной стороны, снижается пафос официальной бюрократической терминологии, с другой – материал систематизируется, поскольку перед читателем предстаёт «пакет» (комплекс мер), состоящий из «пакетов» (пронумерованных ограничений). Примечательно, что каждый из двадцати пакетов получает в статье неофициальное именование, также представляющее собой лингвокреатему: депутатский, банковский, потолочный, резиновый, дружеский, антитеневой, плавающий, урезанный (н-п) и другие. Указан-

ные номинации строятся на метонимии, метафоре или ироническом переименовании и выполняют функцию когнитивного сжатия – они позволяют читателю быстро идентифицировать содержание каждого пакета без дополнительных пояснений. К числу аналогичных примеров дискурсивной креативности в русскоязычном медиадискурсе принадлежат *«Интеллект искусственный, индийский»* (у-п; каламбур на основе термина «искусственный интеллект»), *«Наличная заинтересованность»* (у-п; игра слов на основе финансового оборота), *«Зонтичный бред»* (у-п; трансформация формулы «ядерный зонтик») и *«Русский язык до каждого доведут»* (у-п; ироническое переосмысление официально-нормативного дискурса). Все эти случаи, как видно, подтверждают, что дискурсивная креативность представляет собой продуктивный механизм порождения лингвокреатем, который, однако, предполагает у реципиента активную интерпретационную работу и знание прецедентных феноменов.

Из проведённого анализа словообразовательных механизмов вытекает возможность систематизировать прецедентные феномены по зонам их продуктивности. Выше уже было показано, что разные словообразовательные модели обнаруживают тяготение к определённым типам прецедентных феноменов. Так, антропонимы и персональные нарративы преимущественно трансформируются посредством аффиксации (Trump-proof, trumpiness) и блендинга (Donroe doctrine, Trumptanic) – это объясняется высокой деривационной гибкостью имён собственных. Политические события и кризисы, в свою очередь, чаще порождают метафорическую деривацию (gunboat capitalism, house of dynamite) и словосложение (self-coup, Greenland moment), поскольку требуют образного переосмысления для передачи оценочного содержания. Официально-нормативный дискурс служит почвой для институциональной номинации (Trump class, «Совет мира» по Газе»), предполагающей присвоение имён официальным структурам. Наконец, культурные и медийные мемы преимущественно актуализируются через дискурсивную креативность (hot, МАНА, «пакет с пакетами»), где центральную роль играет языковая игра и контекстуальное переосмысление. Остановимся на каждой из этих зон подробнее.

1. Антропонимы и персональные нарративы. Имена политических деятелей, как показывает материал, выступают в роли наиболее продуктивных деривационных баз. Именно они обеспечивают высокую степень узнаваемости и дают автору возможность одновременно выражать оценку, иронию и концептуализацию события.

2. **Политические события и кризисы.** Конкретные события – от Брексита до ядерной угрозы – порождают метафоры, бленды и устойчивые выражения. Наиболее продуктивными оказываются события, которые имеют длительный медийный цикл (Брексит, санкции); обладают высокой эмоциональной нагрузкой (скандалы, катастрофы); затрагивают несколько стран (ядерная угроза, военные действия).

3. **Официально-нормативный дискурс.** Особый интерес представляют случаи, когда лингвокреативность возникает в ответ на официальные институциональные формулы или, напротив, как реакция на их переосмысление. Одним из наиболее показательных примеров такого переосмысления в медиадискурсе служит трансформация термина «культура отмены» в «культуру последствий».

Лингвокреатема **consequence culture** (у-п) – яркий пример того, как в медиадискурсе переименовывается социальное явление через оценочный сдвиг. Этот термин, изначально использовавшийся левыми активистами для обозначения ответственности за слова, был подхвачен консерваторами для переосмысления практик отмены. Как пишет The New York Times, «In the last several years, some conservatives weaponized that term to attack those on the political left for trying to professionally harm or socially ostracize those who made statements or took actions deemed unacceptable. Now some Kimmel supporters and others are accusing the right of embracing the same “cancel culture” it once maligned. In response, some Trump supporters are reframing it as “consequence culture». (здесь и далее перевод автора «в последние несколько лет некоторые консерваторы использовали этот термин как оружие для атаки на политических левых за их попытки нанести профессиональный вред или социально изолировать тех, кто делал заявления или совершал действия, признаваемые неприемлемыми. Теперь некоторые сторонники Киммела и другие обвиняют правых в принятии той же самой "культуры отмены", которую те когда-то поносили. В ответ некоторые сторонники Трампа переосмысляют её как "культуру последствий"»). [NYT, 18.09.2025] Как справедливо отмечает О.В. Николаева, «в условиях межнациональной политической и экономической конфронтации уместность и эстетичность языковой или дискурсивной инновации нередко становится односторонней и трактуется только с точки зрения отправителя сообщения» [10, с. 145]. Этот тезис объясняет, почему одна и та же лингвокреатема может по-разному интерпретироваться в разных политических лагерях: например, рассматриваемая нами креатема consequence culture переосмысляется сторонниками Трампа как инструмент давления на оппонентов, тогда как для их критиков это остаётся «культурой отмены». Таким образом, оценка креатемы оказывается производной не от её формальных свойств, а от идеологического контекста.

Помимо ребрендинга социальных практик, лингвокреативность может инициироваться «сверху» - через официальные переименования и переопределение ключевых терминов. Так, креатема **Gulf of America** (н-п) появилась как результат переименования Мексиканского залива по указу президента Трампа. Как отмечает The New York Times, «целый лексикон прогрессивной терминологии, культивируемой предыдущей администрацией, был подавлен. На его месте – новый словарь, отточенный президентом и повторяемый его многочисленными подражателями в столице. Это словарь, содержащий множество любопытных примеров двуязычия / двусмысленности» [NYT, 11.02.2025].

Наряду с географическими переименованиями, не менее значимым механизмом является семантическое переосмысление идеологически заряженных терминов. Примером служит эволюция лексемы **woke** (у-п) как прецедентного ярлыка. Изначально означавшая «осознанный» в контексте социальной справедливости, она стала в медиадискурсе 2025-2026 годов маркером политической идентичности с негативной коннотацией. Как пишет The Washington Post в статье о рекламе American Eagle, президент Трамп заявил: «Being WOKE is for losers, being Republican is what you want to be» («быть "пробуждённым" – удел лузеров, вот быть республиканцем – это то, чего ты хочешь») [WP, 05.08.2025]. Данная фраза представляет собой яркий пример политической маркированности лексики. Конструкция «X is for losers, Y is what you want to be» создаёт бинарную оппозицию, характерную для популистской риторики, где одна идентичность дискредитируется, а другая возводится в ранг желаемой.

4. Культурные и медийные мемы. Некоторые креатемы возникают на основе культурных артефактов, которые становятся прецедентными для целого поколения. Примером такого слова, которое изначально принадлежало молодёжной культуре (Hot Girl Summer), а впоследствии превратилось в политический маркер, является лексема **hot** (у-п). Как пишет The New York Times, «Democrats and Republicans might not agree on much lately, but they seem to be converging on an unlikely political buzzword. Wherever you look on the political spectrum, organizers and strategists seeking to appeal to young audiences are describing their efforts as “hot”» («демократы и республиканцы могут не сходиться во мнении по многим вопросам, но они сходятся на неожиданном политическом словечке. Куда бы вы ни посмотрели на политическом спектре, организаторы и стратеги, стремящиеся привлечь молодую аудиторию, описывают свои усилия как "модные и привлекательные"») [NYT, 05.07.2025].

Отдельного внимания заслуживает феномен **мем**етизации, который объясняет, почему некоторые креатемы выходят за пределы одного заголовка и начинают жить как самостоятельные единицы публичного языка. Этот механизм особенно продуктивен в случае прецедентных антропонимов и политических лозунгов. Примером может служить трансформация прецедентного лозунга **«Make America Great Again»** в **«Make America Hot Again»** – иронический мем, использованный как правыми (The Conservateur, Raquel Debono), так и левыми (в сатирических контекстах). Мем «MAHA» (универсально-прецедентный) функционирует как ироническая трансформация прецедентного политического лозунга, где замена компонента (Great → Hot) при сохранении структуры и фонетического облика исходной фразы создаёт новый смысловой слой, связанный с молодёжной культурой, самопрезентацией и эстетикой правого движения.

Как отмечает The New York Times, “Injected into a political context, the word is an appealing mix of cheeky and flattering, smug and vague. We are not a party of bespectacled policy wonks, it implies; we are young, virile and fluent in the language of the internet” («облаченное в политический контекст, это слово представляет собой привлекательную смесь дерзости и лести, самодовольства и неопределённости. Мы не партия очкастых политических зануд, - подразумевает оно, - мы молоды, энергичны и бегло говорим на языке интернета») [NYT, 05.07.2025].

В русскоязычном дискурсе меметизация часто происходит через заголовочные каламбуры, которые затем подхватываются другими изданиями. Например, ранее нами уже рассмотренная креатема «Пакет с пакетами» [Коммерсантъ, 2025-2026] – заголовок, обыгрывающий нумерацию санкционных пакетов ЕС, стал моделью для описания каждого нового пакета. Как показывает анализ, названия пакетов (*депутатский, банковский, нефтяной, газовый* и др.) закрепляются в медиа и начинают функционировать в качестве ярлыков, доступных для широкой аудитории.

Сопоставление словообразовательных моделей в обоих языках даёт основание выделить ряд сквозных прагматических сценариев, в рамках которых рассмотренные лингвокреатемы реализуют свой коммуникативный потенциал. Среди них на первом месте по частотности, безусловно, стоит ирония: креатемы типа TACO, MAHA, «зонтичный бред», «интеллект искусственный, индийский» нацелены на снижение пафоса политических деятелей и ситуаций, переводя объект критики в плоскость насмешки. Оценочный компонент, как выясняется, пронизывает практически все выявленные единицы, однако его знак варьируется: положительный заряд несут, например, Golden Dome (сакрализация системы ПРО) или coalition of the willing

(легитимация оборонных инициатив), тогда как негативная окраска закреплена за gunboat capitalism, Donroe doctrine и «эпштейновским позором». Поляризация, в свою очередь, обнаруживается в способности креатем маркировать принадлежность к тому или иному политическому лагерю: показательно, что consequence culture переосмысляется сторонниками Трампа как инструмент давления на оппонентов, тогда как для их критиков это остаётся не чем иным, как «культурой отмены». Меметизационный потенциал обеспечивает выход креатем за пределы отдельного текста, превращая их в самостоятельные единицы языка – таковы MAGA, woke, trumpiness. Наконец, политическая маркированность делает креатемы индикаторами авторской позиции: так, обращение к gunboat capitalism сигнализирует о критике трамповской политики, тогда как апелляция к Trump-proof выдает настороженное отношение к его влиянию.

Перейдём теперь к рассмотрению **когнитивных механизмов**, лежащих в основе порождения и интерпретации лингвокреатем. Дискурс, как справедливо отмечает У.Л. Кшеновская, выступает не только средой для реализации творческого потенциала, но и каналом трансляции новых знаний и творческого опыта [7]. Именно через дискурс реципиент оказывается способен декодировать смысл, заложенный в лингвистической креатеме; при отсутствии же возможности соотнести новую лексическую единицу с предшествующим лингвистическим и концептуальным опытом её понимание и, соответственно, авторская интенция остаются недоступными.

Но каким именно образом прецедентный феномен обретает статус триггера лингвокреативности? В когнитивном плане этот процесс, на наш взгляд, включает две неразрывно связанные стороны – порождение (в сознании автора) и интерпретацию (в сознании реципиента). На этапе порождения автор актуализирует прецедентный феномен как узнаваемый культурный маркер, обладающий устойчивым инвариантом восприятия; этот маркер служит для него когнитивной опорой, вокруг которой выстраивается новая номинация. Трансформация может осуществляться по-разному: присоединение аффикса к прецедентному имени (*Trump-proof*), слияние с другим словом (*Donroe doctrine*), помещение в новый контекст (*consequence culture*) или обыгрывание фонетической структуры (*TACO*). Во всех перечисленных случаях решающую роль играют ассоциативные связи – автор опирается на те смыслы и коннотации, которые уже закреплены за прецедентным феноменом в коллективной памяти, и творчески переосмысляет их для решения конкретной коммуникативной задачи.

На этапе интерпретации реципиент, сталкиваясь с лингвокреатемой в медиатексте, должен распознать лежащий в её основе прецедентный феномен, а, следовательно, активировать фоновые знания и установить ассоциативные связи между новой формой и знакомым содержанием. Если прецедентный феномен остаётся нераспознанным – скажем, читатель не знаком со скандалом вокруг Эпштейна или с Доктриной Монро, – креатема не порождает нужных ассоциаций и утрачивает свою прагматическую эффективность. Напротив, успешная интерпретация создаёт эффект когнитивного резонанса: реципиент не просто понимает значение новой единицы, но и считывает её оценочный подтекст, иронию или критический посыл.

Итак, прецедентный феномен выступает триггером лингвокреативности в той мере, в какой он способен активировать ассоциативные сети в сознании как автора, так и читателя. Для автора он служит точкой опоры при создании новой номинации; для читателя – ключом к её расшифровке. При отсутствии общей когнитивной базы, обеспечивающей распознавание прецедентного феномена, лингвокреатема теряет свою коммуникативную состоятельность и превращается в непонятную языковую аномалию. В рассмотренных выше примерах ключевую роль неизменно играет прецедентное имя или ситуация, активирующая в сознании читателя целый комплекс ассоциаций. Аббревиатура TACO не поддаётся расшифровке без знания контекста торговой войны и поведенческих паттернов Трампа; Greenland moment требует осведомлённости об истории международных кризисов; эпштейновский позор – знакомства со скандальными обстоятельствами дела Джеффри Эпштейна.

Как уже упоминалось во Введении, О.В. Николаева подчёркивает, что прецедентные феномены, являясь элементами речевой культуры, фиксируют «исторически сформированный способ мировидения» [9]. В контексте настоящего исследования это положение конкретизируется следующим образом: прецедентные феномены, будучи носителями коллективной памяти, выступают ключевыми катализаторами лингвокреативности в медиадискурсе. Их узнаваемость и аксиологическая нагруженность позволяют авторам медиатекстов использовать их в качестве основы для создания лингвокреатем – окказиональных или неологических образований, несущих оценочный и персуазивный заряд. Следовательно, анализ прецедентных феноменов в политическом медиадискурсе даёт возможность проследить, каким образом устойчивые элементы коллективной памяти трансформируются в гибкие языковые инструменты, оперативно реагирующие на актуальную политическую повестку.

Выводы

Обобщая результаты проведённого исследования, можно утверждать, что прецедентные феномены выполняют функцию универсального когнитивного механизма, инициирующего процессы лингвистической креативности в медиадискурсе. Являясь фундаментом когнитивной базы языковой личности, они не только обеспечивают порождение новых языковых единиц, но и создают условия для их адекватной интерпретации – при том, разумеется, условии, что реципиент располагает соответствующими фоновыми знаниями.

На материале англоязычных и русскоязычных медиатекстов 2025-2026 годов нам удалось выявить и систематизировать лингвокреатемы, возникшие на основе прецедентных феноменов. Как показывает иерархия их продуктивности, наиболее активными источниками лингвокреативности оказываются те прецедентные феномены, которые отвечают сразу нескольким критериям. Во-первых, они должны быть социально узнаваемы – иными словами, широко известны в рамках данного лингвокультурного сообщества. Во-вторых, они должны обладать медийной тиражируемостью, то есть постоянно присутствовать в информационной повестке. В-третьих, они должны быть идеологически нагружены – вызывать эмоциональный отклик и ассоциироваться с ценностными конфликтами. И, наконец, они должны быть удобны для словообразовательной игры: их фонетические и структурные характеристики должны допускать аффиксальные наращения, блендинг и каламбурные обыгрывания.

Из сказанного вытекает, что лингвокреативность в медиадискурсе не является случайным феноменом – она возникает как реакция на прецедентные «узлы» общественной памяти и актуальной политической повестки. Журналист, прибегая к созданию креатемы, не ограничивается изобретением нового слова – он активирует коллективный опыт аудитории, опирается на разделяемые знания и использует их для достижения конкретных прагматических целей: иронии, критики, легитимизации или, напротив, дискредитации.

Особо продуктивной зоной, как подтверждает анализ, являются **антропонимы** – это справедливо как для англоязычного материала (Trump-proof, Trump-ier), так и для русскоязычного («эпштейновский позор»). Имя политического деятеля в таких случаях перестаёт быть простым обозначением личности и превращается в развёрнутый концептуальный комплекс, допускающий аффиксальные производные, блендинг и метафорическое переосмысление.

Второй по значимости зоной являются **политические события и кризисы**, которые порождают метафоры (house of dynamite) и каламбуры («пакет с пакетами»). Третья зона – **официально-нормативный дискурс**, где лингвокреативность проявляется как реакция на институциональные формулы (Gulf of America, consequence culture, woke). Четвёртая – **культурные и медийные мемы**, которые, подобно лексеме hot, мигрируют из молодёжной субкультуры в политическую коммуникацию.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением динамики закрепления лингвокреатем в языке, а также с анализом того, как прецедентные феномены разной природы (антропонимы, события, культурные артефакты) взаимодействуют в рамках одного медиатекста, создавая сложные многослойные смыслы.

Список источников

1. Быкова К.И. Прагматические аспекты лингвокреативности в политическом дискурсе англоязычных СМИ // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 3. С. 39 – 52.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... док. филол. наук. 10.02.19. М., 1999. 400с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис., 2003. 288 с.
4. Должикова С.Н. Прецедентные феномены в современном медиадискурсе: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. № 4. С. 45 – 52.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Кшеновская У.Л. Когнитивно-дискурсивная сущность лингвокреативности // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С.16 – 21.
8. Наволоцкая О.В. Медиапрецедентика: социально значимые тренды // Ученые записки НовГУ. 2025. № 1 (56). С. 68 – 75.
9. Николаева О.В. Семантика и прагматика противопоставления в политическом дискурсе китайских СМИ на английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 412 – 416. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/11/87.html (дата обращения: 11.03.2026).
10. Николаева О.В. Дискурсивно-прагматическая креативность в англоязычных китайских масс-медиа // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 221 – 238.

11. Райзигль М., Водак Р., Мейер М. Дискурсивно-исторический подход (DHA) // Методы критического дискурс-анализа. Лондон: Sage. 2009. С. 87 – 121.
12. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

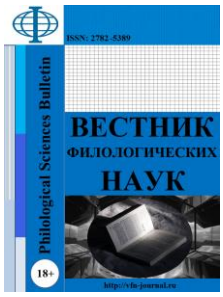
References

1. Bykova K.I. Pragmatic Aspects of Linguistic Creativity in the Political Discourse of English-Language Media. Far Eastern Philological Journal. 2023. Vol. 1. No. 3. P. 39 – 52.
2. Gudkov D.B. Precedent Phenomena in Linguistic Consciousness and Intercultural Communication: Doctoral Dissertation (Philology). 10.02.19. Moscow, 1999. 400 p.
3. Gudkov D.B. Theory and Practice of Intercultural Communication. Moscow: Gnozis, 2003. 288 p.
4. Dolzhikova S.N. Precedent Phenomena in Contemporary Media Discourse: A Cognitive-Pragmatic Aspect. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2011. No. 4. P. 45 – 52.
5. Karaulov Yu.N. The Russian Language and the Linguistic Personality. Moscow, 2010. 264 p.
6. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: A Course of Lectures. Moscow: Gnozis, 2002. 284 p.
7. Kshenovskaya U.L. The Cognitive-Discursive Essence of Linguistic Creativity. Eurasian Humanities Journal. 2020. No. 2. P. 16 – 21.
8. Navolotskaya O.V. Media Precedent Phenomena: Socially Significant Trends. Scholarly Notes of Novgorod State University (NovGU). 2025. No. 1 (56). P. 68 – 75.
9. Nikolaeva O.V. Semantics and Pragmatics of Contrast in the Political Discourse of Chinese Media in English. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2019. Vol. 12. No. 11. P. 412 – 416. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/11/87.html (accessed: 11.03.2026).
10. Nikolaeva O.V. Discursive-Pragmatic Creativity in English-Language Chinese Mass Media. Scientific Dialogue. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 221 – 238.
11. Reisigl M., Wodak R., Meyer M. The Discourse-Historical Approach (DHA). Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage. 2009. P. 87 – 121.
12. Slyshkin G.G. From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse. Moscow: Academia, 2000. 128 p.

Информация об авторах

Быкова К.И., *доцент, Дальневосточный федеральный университет, Bykova.ki@dvfu.ru*

© Быкова К.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1.09
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-65-72

[1] ***Ван Шусинь*** [1] ***Тяньцзиньский университет иностранных языков***

Поэтика памяти и забвения в романе М. Степановой «Памяти памяти»: образы, мотивы, символы

Аннотация: *статья посвящена исследованию поэтики памяти и забвения в романе-романсе Марии Степановой «Памяти памяти». Цель работы состоит в выявлении того, как система образов, мотивов и символов организует художественное осмысление индивидуальной, семейной и культурной памяти. Материалом исследования выступает текст романа, рассматриваемый в контексте современных концепций исторической памяти и исследований о постпамяти. Применяются структурно-поэтический, герменевтический и интертекстуальный методы, а также элементы сравнительно-типологического анализа. Особое внимание уделяется мотивам путешествия и поиска прошлого, пространственным образам дома, города и кладбища, семейному архиву, письмам, фотографиям, открыткам и другим вещным носителям памяти, а также символу «замороженной Шарлотты». Установлено, что память в романе не восстанавливает прошлое в завершенном и достоверном виде, а формирует его заново из фрагментов, лакун и материальных следов. Забвение при этом не противопоставляется памяти как ее простое отрицание, а входит в сам механизм воспоминания и определяет границы возможной реконструкции. Научная новизна заключается в рассмотрении мотивно-образной и предметно-символической систем как единого механизма поэтики памяти. Результаты могут быть использованы в курсах по современной русской литературе, теории памяти и анализу художественного текста.*

Ключевые слова: *Мария Степанова, память, забвение, постпамять, семейная память, культурная память, материальные носители, пространственные образы*

Для цитирования: Ван Шусинь. Поэтика памяти и забвения в романе М. Степановой «Памяти памяти»: образы, мотивы, символы // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 65 – 72. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-65-72

Поступила в редакцию: 6 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] ***Wang Shuxin*** [1] ***Tianjin Foreign Studies University***

Poetics of memory and oblivion in Maria Stepanova's novel in "Memory of Memory": images, motifs, and symbols

Abstract: *the article examines the poetics of memory and oblivion in Maria Stepanova's novel-romance in Memory of Memory. The study aims to determine how the system of images, motifs, and symbols structures the literary representation of individual, family, and cultural memory. The primary material is Stepanova's text considered in the context of contemporary memory studies and scholarship on postmemory. The research combines structural-poetic, hermeneutic, and intertextual approaches with elements of comparative typological analysis. Particular attention is paid to the motifs of travel and the search for the past, spatial images of the house, city, and cemetery, the family archive, letters, photographs, postcards, and other material carriers of memory, as well as the symbol of the "Frozen Charlotte." The analysis shows that memory in the novel does not restore the past as a*

complete and reliable reality; instead, it reconstructs it from fragments, gaps, and material traces. Oblivion is therefore not merely the opposite of memory but an internal component of remembering that determines the limits of reconstruction. The novelty of the study lies in treating the motif, image, object, and symbolic systems as an integrated mechanism of the novel's poetics of memory. The findings may be used in university courses on contemporary Russian literature, memory studies, and literary text analysis.

Keywords: *Maria Stepanova, memory, oblivion, postmemory, family memory, cultural memory, material carriers, spatial images*

For citation: Wang Shuxin. Poetics of memory and oblivion in Maria Stepanova's novel in "Memory of Memory": images, motifs, and symbols. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 65 – 72. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-65-72

The article was submitted: August 6, 2026; Approved after reviewing: September 10, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Роман-романс Марии Степановой «Памяти памяти» занимает заметное место в русской прозе 2010-х годов благодаря соединению автобиографического письма, семейной хроники, эссеистики, документального материала и культурно-исторической рефлексии. В центре произведения находится не столько последовательная история семьи, сколько сам процесс обращения к прошлому: поиск следов, проверка свидетельств, чтение писем, рассматривание фотографий, поездки по семейным адресам и постоянное осмысление того, что память способна сохранить, а что неизбежно утрачивает. Такая композиционная установка делает память не только тематическим ядром, но и принципом организации повествования [1].

В качестве теоретической основы для анализа романа следует обратиться к понятию постпамяти, разработанному М. Хирш. Под подстпамятью подразумевается связь последующих поколений с травматическими историческими событиями, которые не были пережит людьми непосредственно, но память о них сохраняется и передается посредством рассказов и различных образов. В романе Степановой подобная форма отношения к прошлому проявляется особенно отчетливо, поскольку семейная история открывается рассказчице преимущественно через различные формы материальных и нематериальных свидетельств, таких как например, архивные документы, фотографии, воспоминания других людей и многочисленные лакуны. Именно имеющиеся в семейной истории пробелы становятся основанием для реконструкции и интерпретации того, что не может быть восстановлено непосредственно [2].

Подобное понимание памяти соотносится с рядом имеющихся исследований романа, в которых его мемориальная поэтика рассматривается с различных позиций. Так, исследователи Я. Капичак и Х. Ульбрехтова связывают произведение с проблематикой постмемориальной искренности и этическими аспектами обращения к травматическому прошлому [3]. Обращаясь к взаимосвязи памяти и забвения в современной русской прозе, Д. Лугарич Вукас отмечает, что лакуны и утраты являются не помехами для памяти, а напротив участвуют напрямую в ее формировании [4]. Существенную роль в мемориальной структуре романа по мнению Ван Цзысюаня играют материальные аспекты памяти. В частности, исследователь уделил особое внимание фотографиям как интермедиальному компоненту произведения и заключил, что фотографии не ограничиваются лишь функцией иллюстрации прошлого, так как они становятся предметом словесного описания и интерпретации и включаются в процесс осмысления прошлого [5]. К. Ванескегян, в свою очередь, связывает пространственную организацию романа с проблематикой постпамяти и «памяти вещи» [6]. Коммеморативные стратегии и способы взаимодействия текста с читателем становятся предметом исследования в исследовании Н.Л. Зыховской и В.П. Топольской [7].

Отдельное направление исследований связано с особенностями соотношения частного опыта, времени и повествовательной организации произведения. В.Г. Моисеева обращает внимание на жанровую и композиционную двойственность романа, рассматривая особенности взаимодействия прошлого и настоящего [8]. У. Юйтин анализирует произведение с позиций нового историзма и акцентирует значение частной биографии для альтернативного осмысления исторического процесса [9]. Э. Федорушков рассматривает семейную историю Степановой в соотношении с «большой историей», обращая внимание на ценность судеб людей, чьи биографии не были связаны с публичной исторической репрезентацией [10]. В новейшем исследовании Д. Лугарич Вукас внимание сосредоточено на (пост)мемориальной временности романа и на особом типе повествовательной организации, в рамках которой прошлое и настоящее сосуществуют синхронно [11]. Рассмотренные исследования позволяют увидеть в романе «Памяти памяти» произведение, где проблема-

тика памяти раскрывается сразу в нескольких взаимосвязанных уровнях, будь то композиционном, пространственном, предметном, интермедиальном и этическом.

Обозначенные подходы позволяют уточнить направление настоящего исследования. Его актуальность связана с сохраняющимся интересом современных филологов к художественным формам осмысления памяти, а также к взаимодействию частной биографии и коллективного исторического опыта. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных постпамяти и пространственной организации романа, отдельные элементы его мотивно-образной и предметно-символической структуры чаще всего рассматриваются изолированно, а между тем именно их взаимосвязь позволяет наиболее полно раскрыть особенности художественной работы с памятью и забвением в исследуемом произведении.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей поэтики памяти и забвения в романе «Памяти памяти» М. Степановой на основе комплексного анализа образов, мотивов, пространств, материальных носителей памяти и ключевых символов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. определить роль постпамяти в организации повествования;
2. изучить функции мотивов поиска прошлого и путешествия;
3. охарактеризовать мемориальную семантику пространства;
4. выявить значение материальных носителей памяти;
5. раскрыть символическую роль образа куклы «замороженной Шарлотты»;
6. установить характер взаимодействия памяти и забвения.

Объектом исследования выступает сам роман-романс «Памяти памяти» как произведение современной русской литературы.

Предмет исследования составляют художественные способы репрезентации памяти и забвения, реализованные в мотивах путешествия и поиска, пространствах, семейном архиве, фотографиях, письмах, вещах и символических образах.

Научная новизна исследования определяется тем, что перечисленные элементы рассматриваются в качестве частей единого механизма художественной репрезентации памяти. Архив, пространства, путешествия, фотографии и символичесие вещи предстают как различные формы обращения к отсутствующему прошлому и, хотя каждый из этих элементов сохраняет определенный след прошлого, они одновременно и указывают на невозможность полного и окончательного его восстановления.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его результаты при дальнейшем изучении современной русской прозы и литературы, памяти, а также при анализе автофикциональных и документальных стратегий в художественном тексте. Материалы работы могут быть востребованы как в учебной практике, например, в курсах по истории современной русской литературы, теории литературы и анализу художественного текста.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования послужил текст романа М.М. Степановой «Памяти памяти» в издании 2021 года [1]. Теоретическую научную базу составили работы о постпамяти и современные литературоведческие исследования, посвященные роману, опубликованные преимущественно в период 2021-2025 годов [2-11]. Обращение к данному корпусу источников позволяет рассмотреть художественный текст произведения с учетом уже сложившихся подходов к изучению его жанровой, композиционной, пространственной и интермедиальной специфики и одновременно сосредоточиться на тех аспектах поэтики памяти, которые требуют дальнейшего осмысления.

Основным методом исследования является структурно-поэтический анализ, позволяющий определить характер повторяющихся мотивов, образов и предметных деталей, а также установить их роль в организации повествования. Дополнительно использовался герменевтический метод для выявления и интерпретации смысловых связей между памятью, забвением, утратой и попытками реконструкции прошлого, интертекстуальный метод применялся при рассмотрении связи романа с концепцией постпамяти М. Хирш и с более широким контекстом изучения исторической памяти. А сравнительно-типологический анализ применялся для сопоставления различных форм и носителей памяти, представленных в тексте.

Результаты и обсуждения

Постпамять и фрагментарная композиция

Значительная часть семейного опыта оказывается для рассказчицы недоступной как непосредственное воспоминание и существует лишь в рассказах других людей, письмах, фотографиях, вещах и архивах. Поэтому обращение к семейной истории неизбежно приводит к необходимости ее реконструкции посредством восстановления прошлого по отдельным следам, сопоставлению разрозненных сведений и заполне-

нию неизбежно возникающих пробелов. В соответствии с концепцией постпамяти М. Хирш связь с опытом предшествующего поколения в данном случае формируется благодаря воображаемому и аффективному освоению следов прошлого, сохранившихся в семейной и культурной среде [2]. В повествовании Степановой этот процесс выражается в постоянной динамике между документальными свидетельствами и их интерпретацией, между установленным фактом и предположением о том, что могло происходить в действительности.

Семейный архив не складывается в завершенную и последовательную историю, так отдельные периоды истории оказываются практически не освещены, свидетельства могут расходиться между собой, а фотографии требуют знания дополнительного контекста для их понимания. Возникающая из этих элементов повествовательная мозаика соотносится с самой природой памяти, которая не сохраняет прошлое в неизменном и полном виде, а каждый раз заново выстраивает его в зависимости от точки зрения и нужд настоящего. Поэтому роман не стремится восстановить семейную историю в форме непрерывной биографической хроники, напротив, разрывы и лакуны становятся частью его повествовательной структуры. Как отмечает Д. Лугарич Вукас, в подобной модели память и забвение оказываются тесно взаимосвязанными, поскольку отсутствие отдельных фрагментов позволяет увидеть границы того, что удалось сохранить и реконструировать [4].

Эта фрагментарность повествования важна не только с точки зрения его композиции, но и в этическом отношении. Рассказчица не претендует на возможность окончательно восстановить опыт предшествующих поколений. Сохраняющиеся пробелы, сомнения и несовпадения свидетельств оставляют дистанцию между современным представителем поколения, обращающимся к семейному прошлому, и людьми, чьи судьбы становятся предметом этого обращения. В таком случае постмемориальная искренность проявляется не в стремлении представить реконструкцию как достоверную и исчерпывающую картину прошлого, а, напротив, в осознании пределов собственного знания и неизбежной субъективности интерпретации [3].

Мотив путешествия и поиск прошлого

Одним из наиболее значимых динамических мотивов романа становится путешествие. Семейная память находится и за пределами домашнего архива, что побуждает рассказчицу путешествовать по конкретным местам, связанных когда-то с ее родственниками. Саратов, Одесса, Париж, Венеция и другие города, появляющиеся в маршруте повествования, становятся своеобразными точками соприкосновения настоящего с семейным прошлым. Но сам непосредственно визит в эти знаковые места еще не означает возвращение к определенному событию или чьей-то жизни. Поездка помогает обнаружить временную дистанцию, отделяющую современного человека от того мира, в котором жили его предки.

В романе встречаются ситуации, в которых поиски не приводят к ожидаемому результату, когда, например, обнаруженное место оказывается ошибочным либо не подтверждает предполагаемую связь с семейной историей. Тем не менее, подобные ошибки и становятся значимой частью самого процесса поиска, так как они помогают понять, что эмоциональное ощущение узнавания не всегда совпадает с реальными фактами и может вступать с ними в противоречие и таким образом, путешествие перестает быть исключительно способом восстановления утраченных деталей прошлого. Путешествие становится способом осознания границ такого восстановления и одновременно формирования собственного отношения к прошлому.

Мотив движения при этом непосредственно связан с временной организацией романа. Пребывание рассказчицы в современном городе позволяет особенно отчетливо почувствовать присутствие исчезнувшего семейного пространства за пределами непосредственного опыта. Д. Лугарич Вукас характеризует такое путешествие через современность прошлого и настоящего, при которой события различных исторических периодов оказываются соположены в сознании рассказчицы и в пространстве повествования [11]. Именно путешествие делает эту связь наглядной, позволяя современной городской среде накладываться на сохранившуюся в памяти семейную карту, а найденные, изменившиеся и утраченные адреса складываются в своеобразную топографию постпамяти.

Пространственные образы как носители памяти

Пространство в романе выполняет гораздо более сложную функцию, чем роль фона, на котором разворачивается действие. Дом, квартира, улица, вокзал, кладбище, музей и архив становятся местами, способными сохранять следы человеческого присутствия и тем самым связывать настоящее с прошлым. Однако эта способность пространства к сохранению оказывается ненадежной. Дом может быть перестроен или перейти к другим владельцам, улица изменить свой облик или название, а надпись на могиле со временем стереться. Поэтому пространство в романе обнаруживает двойственную природу оно с одной стороны, сохраняет след прошлого, но одновременно и демонстрирует его уязвимость перед временем и последующие в течении него изменения.

Отсюда следует, что понятие «пространства постпамяти», предложенное К. Ванескегян применительно к исследуемому роману. Исследователь связывает его с «памятью вещи», позволяя рассматривать пространство не только как совокупность географических координат, но и как среду, наполненную предметами, документами и бытовыми деталями, сохраняющими связь с людьми прошлого [6]. Показательна в этом отношении квартира умершего родственника: она воспринимается одновременно как конкретное место и как своеобразный архив, в котором предметы продолжают существовать, но из элементов повседневного быта они превращаются в свидетельства ушедшей жизни.

Стирание надписей или исчезновение могил обозначают ограниченность даже тех форм памяти, которые изначально создаются именно для ее сохранения. Кладбище таким образом становится пограничным пространством, в котором память постепенно заменяется забвением. Пока имя остается различимым, оно поддерживает связь между живыми и умершими; когда материальный знак исчезает, эта связь сохраняется уже только в форме предположения, воспоминания или попытки реконструкции. Тем самым пространственные образы романа продолжают общую линию его мемориальной поэтики: прошлое может быть обнаружено в сохранившихся следах, однако ни один из них не гарантирует его полного и окончательного присутствия.

Архив, письмо и документ

Семейный архив в романе становится одним из основных способов обращения рассказчицы к прошлому. Документ на первый взгляд обладает особой степенью достоверности, поскольку он содержит дату, подпись, адрес, имеет конкретную материальную форму и потому воспринимается как свидетельство, которому можно доверять. Однако Степанова в ходе повествования показывает обратное, за счет того, что сохранившийся текст зачастую нуждается в контексте, который далеко не всегда удается восстановить. Письмо может сохранить незначительную на первый взгляд бытовую подробность и при этом ничего не сообщить о событии, имевшем для человека принципиальное значение. Официальный документ, в свою очередь, способен зафиксировать факт, но оставить за пределами повествования эмоциональное содержание происходившего и его личное значение. Поэтому семейный архив предстает как материал, требующий постоянного прочтения, сопоставления и интерпретации.

Такая функция архива позволяет по-новому увидеть соотношение частной и «большой» истории в романе. Официальный исторический нарратив, как правило, сосредоточен на событиях, обладающих общественным и политическим масштабом, тогда как семейные документы сохраняют то, что с точки зрения большой истории может показаться случайным или незначительным. Именно обращение к подобным свидетельствам позволяет рассмотреть историческое событие через личный опыт. В исследовании У. Юйтин этот принцип связывается с возможностью представить историю посредством индивидуальных свидетельств и множества частных точек зрения [9]. Э. Федорушков, обращаясь к семейной истории Степановой, также подчеркивает значимость положения людей, остававшихся в стороне от крупных исторических событий: их относительная «невидимость» становится в романе самостоятельным предметом осмысления [10].

Таким образом, семейный архив в романе «Памяти памяти» приобретает двойственное значение. С одной стороны, он подтверждает факт существования человека, события или определенного момента его жизни, а с другой самим своим содержанием он обнаруживает границы того, что возможно узнать о прошлом.

Фотография и интермедиальная память

Фотография занимает особое место среди материальных носителей памяти, поскольку соединяет в себе вещественную и визуальную формы сохранения прошлого. Она фиксирует внешний облик человека или отдельный момент семейной жизни, однако сама по себе не способна объяснить увиденное. Отсутствующий контекст превращает изображение в своеобразную загадку, так как остается неясным, кто именно запечатлен на снимке, где и когда он был сделан, что предшествовало изображенному моменту и что происходило после него. Не менее существенным оказывается и то, что остается за пределами кадра. В результате фотография не устраняет пробелы в знании о прошлом, а, напротив, подчеркивает их.

Исследователь Ван Цзысюань выделил важный прием, к которому Степанова прибегает при описании фотографии – текстуализацию, под которой подразумевается перевод визуального образа в словесное описание и интерпретацию, за счет чего фотография включается в нарратив [5]. Однако словесное описание может создать новые смыслы, зависящие от современного взгляда рассказчицы. Между изображением и словом сохраняется дистанция, и именно она становится одним из художественных способов показать работу постпамяти.

Фотографический материал также меняет отношения автора и читателя. Читатель получает не только информацию о семейном прошлом, но и опыт рассматривания через чужой взгляд. Коммеморативные стратегии, описанные Н.Л. Зыховской и В.П. Топольской, включают читателя в процесс соотнесения личной

памяти с более широкой культурной памятью [7]. Поэтому фотография в романе функционирует не просто как иллюстрация, а как медиатор между семейным архивом, авторским сознанием и читательской интерпретацией.

Вещи, открытки и почтовые марки

Повседневные вещи в «Памяти памяти» приобретают повышенную семантическую нагрузку именно после утраты владельца. Пока вещь используется, ее значение определяется практической функцией; после смерти человека она начинает восприниматься как остаток его присутствия. Эта трансформация особенно заметна в отношении мелких и массовых предметов – открыток, марок, посуды, сувениров. Они не уникальны сами по себе, но индивидуализируются благодаря следу конкретного использования, надписи, почтовому штемпелю или месту хранения.

Вещная память отличается от документальной тем, что не обладает готовым высказыванием. Вещь молчит и потому допускает широкий диапазон интерпретаций. Вместе с тем именно материальная устойчивость делает ее убедительным знаком того, что прошлое имело физическое измерение. Концепция «памяти вещи», примененная К. Ванескегян к роману, помогает объяснить, как предмет организует вокруг себя пространство и время [6]. Вещь соединяет биографическое, историческое и культурное измерения, но не сводит их к единой версии.

Открытка с репродукцией известной картины или обычная почтовая марка демонстрируют пересечение массовой культуры и частной памяти. Серийный предмет становится уникальным, когда включается в семейную историю. Благодаря этому роман показывает, что культурная память существует не только в музеях и канонических текстах, но и в бытовом обращении с изображениями, письмами и предметами.

Символ «замороженной Шарлотты»

Наиболее концентрированным символом поэтики памяти и забвения является «замороженная Шарлотта» – небольшая фарфоровая кукла, образ которой появляется в композиционно значимых фрагментах романа. Ее хрупкость и серийность позволяют связать в одном образе несколько смысловых линий. Фарфор сохраняется дольше человеческой жизни, но легко разбивается; массовая игрушка лишена биографической уникальности, однако конкретный экземпляр может оказаться носителем частной истории. В образе куклы, таким образом, сочетаются сохранность и разрушение, типичность и индивидуальность, вещественность и антропоморфность.

В.Г. Моисеева отмечает двойственную композиционную организацию романа и особую роль сопоставления «аверса» и «реверса» [8]. В случае «замороженной Шарлотты» эта двойственность проявляется особенно отчетливо. Внешний облик предмета может восприниматься просто как нейтральный или декоративный, тогда как культурная история образа отсылает к мотивам смерти и утраты. Поэтому кукла выступает как отражение самого процесса ее формирования, в котором фактические сведения о происхождении предмета, легенда, семейные ассоциации и современная интерпретация соединяются между собой.

Образ куклы позволяет также раскрыть этическую установку романа на сохранение «малого» и «непримечательного». Подобно тому как отдельная кукла из ряда почти одинаковых предметов приобретает особое значение благодаря вниманию к ней, судьба человека, оставшегося за пределами официальной истории, может быть возвращена в культурную память через рассказ о нем. В этом отношении символика «замороженной Шарлотты» перекликается с наблюдениями Э. Федорушкова о «невидимых» членах семьи и с подходом У Юйтин, ориентированным на осмысление истории через частный опыт [9, 10].

Диалектика памяти и забвения

Забвение проникает в каждый акт памяти – оно прячется в именах, которые не названы, в датах, которых никто не помнит, в адресах, канувших в Лету, в лицах на старых карточках, которые не с кем сопоставить, в обрывках писем и безымянных предметах. Память же рождается как усилие, направленное на эти зияния. И чем настойчивее желание охватить всё, тем отчётливее проступает невозможность завершить этот процесс. Сама память здесь предстаёт как деятельность по осмыслению этих пробелов и потому всякое стремление к исчерпывающей полноте наталкивается на осознанную незавершимость.

Это соотносится с точкой зрения Д. Лугарич Вукаса, согласно которой забвение в новейшей литературе может трактоваться не как дефицит, а как неотъемлемая часть структуры воспоминания [4]. Для Степановой этот принцип приобретает поэтическую форму, так как текст не скрывает пробелы и не пытается заполнить их единообразным вымыслом, напротив, он сохраняет их видимость.

С точки зрения исторической поэтики романа важен и перенос внимания с события на след. «Большая история» присутствует в произведении, но чаще не как самостоятельный сюжет, а как сила, воздействующая на жизнь поколений людей. У. Юйтин и Э. Федорушков показывают, что такая перспектива позволяет

пересмотреть иерархию исторически значимого [9, 10]. Семейная память не противопоставляется истории, а выявляет то, что официальный исторический нарратив обычно оставляет за пределами своего описания.

Следовательно, центральной художественной идеей романа становится не победа памяти над забвением, а формирование ответственного отношения к неполноте прошлого. У памяти есть границы, а забвение становится контуром, внутри которого видимы сохранившиеся следы.

Выводы

Проведенный анализ позволяет рассматривать поэтику памяти и забвения в романе М.М. Степановой «Памяти памяти» как целостную систему, в которой взаимодействуют мотивы, образы, пространства и вещи. Память не сводится лишь к воспроизведению уже завершившегося прошлого, она возникает как процесс осмысления тех следов, которые сохранились в настоящем при этом принципиально важной оказывается неполнота такого опыта. Именно пробелы в семейной истории, утрата контекста и расхождения между воспоминанием и свидетелством заставляют повествование вновь и вновь обращаться к прошлому.

Особую роль в этой системе играет мотив путешествия, поскольку он показывает невозможность буквального возвращения к тому, что уже исчезло. Пространства, связанные с памятью, также оказываются изменчивыми и их значение определяется не только их физической сохранностью, но и тем, каким образом они воспринимаются в настоящем. Архив, письмо и документ, с одной стороны, создают ощущение достоверности, а с другой постоянно напоминают о невозможности восстановить прошлое во всей полноте. Фотография действует сходным образом: визуальный след становится отправной точкой для толкования. Бытовые вещи, в свою очередь, сохраняют связь с человеком, которого уже нет.

Особенно ясно эти свойства проявляются в образе фарфоровой куклы «замороженной Шарлотты». Хрупкость, серийность и способность к разрушению сочетаются с возможностью отдельного предмета обрести уникальную памятную ценность. Благодаря этому кукла становится своеобразной моделью отношения текста к «непримечательным» человеческим судьбам. То, что в масштабе истории может показаться незначительным, в пространстве личной памяти приобретает особый вес.

Забвение в романе оказывается частью самого процесса вспоминания, поскольку именно забытое определяет границы возможной реконструкции и заставляет задуматься об этике обращения к чужому прошлому. Поэтому художественная стратегия М.М. Степановой строится на признании неполноты памяти и отказе от иллюзии, будто прошлое можно восстановить окончательно.

Новизна настоящего исследования заключается в выявлении общего принципа, связывающего мотивный, пространственный, предметный и символический уровни произведения: каждый из них превращает отсутствие в некоторый след, доступный восприятию в настоящем, но одновременно сохраняет дистанцию между прошлым и тем, кто пытается его осмыслить.

Полученные результаты подтверждают продуктивность комплексного подхода к «Памяти памяти» и могут быть использованы в дальнейшем исследовании современной литературы памяти, автофикциональных и документальных форм, а также в учебных курсах по современной русской литературе и интерпретации художественного текста.

Список источников

1. Степанова М.М. Памяти памяти: романс. М.: Новое издательство, 2021. 408 с.

2. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 320 с.

3. Kapičiak J., Ulbrechtová H. Postmemorial sincerity in the writing of Sergei Lebedev and Maria Stepanova // World Literature Studies. 2023. Vol. 15. No. 1. С. 3 – 22. DOI: 10.31577/WLS.2023.15.1.1.

4. Lugarić Vukas D. Память и забвение в современной русской прозе (П. Барскова, Е. Водолазкин, М. Степанова) // Russian Literature. 2023. Vol. 140. С. 1 – 31. DOI: 10.1016/j.ruslit.2023.06.001.

5. Ван Цзысюань. Интермедиальные связи: литература и фотография (феномен фотографии в романе М.М. Степановой «Памяти памяти. Романс») // Мир русского слова. 2023. № 4. С. 77 – 86. DOI: 10.21638/spbu30.2023.409.

6. Ванескегян К. Пространство постпамяти и память вещи в романе Марии Степановой «Памяти памяти» // Иностранные языки в высшей школе. 2021. Т. 25. № 1 (30). С. 207 – 216. DOI: 10.46991/FLHE/2021.25.1.207.

7. Зыховская Н.Л., Топольская В.П. «Памяти памяти: романс» Марии Степановой: коммеморативные стратегии взаимодействия с читателем // Челябинский гуманитарий. 2021. № 2 (55). С. 50 – 55. DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10206.

8. Моисеева В.Г. «Памяти памяти» М. Степановой – романс о прошлом и настоящем // Stephanos. 2022. Т. 53. № 3. С. 20 – 27. DOI: 10.24249/2309-9917-2022-53-3-20-27.

9. У Юйтин. Анализ романа М.М. Степановой «Памяти памяти» с точки зрения нового историзма // Современные достижения гуманитарных наук. 2024. № 8. С. 58 – 63. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-8-58-63.

10. Федорушков Э. «Продержаться в стороне от большой истории». «Большая» история Марии Степановой в романсе «Памяти памяти» // Slavica Wratislaviensia. 2024. Т. 180. С. 39 – 51. DOI: 10.19195/0137-1150.180.3.

11. Lugarić Vukas D. Трансформация семейной истории: (пост)мемориальная временность в «Памяти памяти» Марии Степановой // Slavistična revija. 2025. Т. 73. № 1. С. 33 – 46. DOI: 10.57589/srl.v73i1.4205.

References

1. Stepanova M.M. In Memory of Memory: A Romance. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2021. 408 p.

2. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 320 p.

3. Kapičiak J., Ulbrechtová H. Postmemorial sincerity in the writing of Sergei Lebedev and Maria Stepanova. World Literature Studies. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 3 – 22. DOI: 10.31577/WLS.2023.15.1.1.

4. Lugarić Vukas D. Memory and Oblivion in Contemporary Russian Prose (P. Barskova, E. Vodolazkin, M. Stepanova). Russian Literature. 2023. Vol. 140. P. 1 – 31. DOI: 10.1016/j.ruslit.2023.06.001.

5. Wang Zixuan. Intermedial Connections: Literature and Photography (The Phenomenon of Photography in M.M. Stepanova's Novel «In Memory of Memory: A Romance»). World of the Russian Word. 2023. No. 4. P. 77 – 86. DOI: 10.21638/spbu30.2023.409.

6. Vaneskegyan K. The Space of Postmemory and the Memory of Objects in Maria Stepanova's Novel «In Memory of Memory». Foreign Languages in Higher Education. 2021. Vol. 25. No. 1 (30). P. 207 – 216. DOI: 10.46991/FLHE/2021.25.1.207.

7. Zykhovskaya N.L., Topolskaya V.P. «In Memory of Memory: A Romance» by Maria Stepanova: Commemorative Strategies of Interaction with the Reader. Chelyabinsk Humanities Journal. 2021. No. 2 (55). P. 50 – 55. DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10206.

8. Moiseeva V.G. «In Memory of Memory» by M. Stepanova: A Romance About the Past and the Present. Stephanos. 2022. Vol. 53. No. 3. P. 20 – 27. DOI: 10.24249/2309-9917-2022-53-3-20-27.

9. Wu Yuting. An Analysis of M.M. Stepanova's Novel «In Memory of Memory» from the Perspective of New Historicism. Modern Achievements in the Humanities. 2024. No. 8. P. 58 – 63. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-8-58-63.

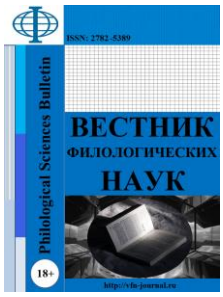
10. Fedorushkov E. "Staying on the Sidelines of 'Big' History": Maria Stepanova's "Big" History in the Romance "In Memory of Memory". Slavica Wratislaviensia. 2024. Vol. 180. P. 39 – 51. DOI: 10.19195/0137-1150.180.3.

11. Lugarić Vukas D. The Transformation of Family History: (Post)memorial Temporality in Maria Stepanova's «In Memory of Memory». Slavistična revija. 2025. Vol. 73. No. 1. P. 33 – 46. DOI: 10.57589/srl.v73i1.4205.

Информация об авторах

Ван Шусинь, *Тяньцзиньский университет иностранных языков, Тяньцзинь, Китай, 861428304@qq.com*

© Ван Шусинь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.221
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-73-78

[1] Власова Е.Е.

[1] Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Особенности языковой репрезентации невербального визуального поведения в русском и английском языках

Аннотация: *статья посвящена сравнительному анализу языковых средств, описывающих визуальное поведение на материале русского художественного текста и его англоязычных переводов. Цель исследования – выявить особенности перевода визуальных невербальных сигналов, а также оценить степень их переводческой эквивалентности в двух языках. Актуальность работы обусловлена развитием невербальной семиотики, а также потребностью в изучении этнокультурной специфики коммуникации. Материалом исследования послужили фрагменты художественных текстов на русском языке и их переводы на английский язык. В ходе работы применяется метод сплошной выборки, дефиниционный и компонентный анализ лексических единиц, а также метод контекстуального анализа и описательно-сопоставительный метод. Результаты исследования свидетельствуют о высокой коммуникативной значимости зрительного контакта в обеих культурах и богатстве лексики, используемой для описания взгляда. При этом в переводе иногда теряются смысловые и экспрессивные значения, например, при передаче повторяемости и длительности взгляда. Результаты анализа подтверждают значимость учета национально-культурных норм зрительного поведения для достижения адекватности и эквивалентности перевода. Описываются перспективные направления дальнейших исследований.*

Ключевые слова: *невербальное общение, окулесическое поведение, контакт глаз, невербальная семиотика, художественный текст, межкультурное взаимодействие, эмоциональное содержание*

Для цитирования: Власова Е.Е. Особенности языковой репрезентации невербального визуального поведения в русском и английском языках // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 73 – 78. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-73-78

Поступила в редакцию: 6 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Vlasova E.E.

[1] National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Language representation of nonverbal visual behavior in Russian and English

Abstract: *the article presents a comparative analysis of linguistic means used to describe visual behavior in Russian and English literary texts and their translations. The aim of the study is to identify the peculiarities of translating nonverbal visual elements and to assess the degree of their equivalence in translation. The relevance of the research is determined by the development of nonverbal semiotics and the need to study ethnocultural peculiarities of communication. The research is based on Russian literature excerpts and their English translation. In the course of the study the following methods were applied: continuous sampling, definitional and componential analysis of lexical units, contextual analysis, and a descriptive-comparative method. The findings indicate that eye contact is an important part*

of communication in both cultures. The analysis shows that the original text has lost some of its emotional and semantic qualities in translation related to the repetitiveness and duration of a gaze. To achieve adequacy and equivalence in translation it is necessary to take into account national and cultural norms of visual behavior. The promising directions for further research are described.

Keywords: *nonverbal communication, ocular behavior, eye contact, nonverbal semiotics, literary text, intercultural interaction, emotional content*

For citation: Vlasova E.E. Language representation of nonverbal visual behavior in Russian and English. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 73 – 78. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-73-78

The article was submitted: August 6, 2026; Approved after reviewing: September 10, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная лингвистическая парадигма, характеризующаяся антропоцентрической направленностью, ориентирована на решение междисциплинарных задач. Все чаще исследования направлены на изучение языка в неразрывной связи с культурой и познанием. В центре внимания исследователей конца XX – начала XXI столетий оказываются вопросы взаимодействия языка с когнитивными процессами и культурным контекстом, а также комплексный характер коммуникации, выходящей за рамки традиционного языкознания и охватывающей физиологические, психологические и социологические аспекты. Наблюдается рост научного интереса к исследованию невербальной коммуникации. В последние десятилетия объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей становится невербальная семиотика – молодая, активно развивающаяся научная дисциплина, предметом изучения которой является невербальное поведение и взаимодействие участников коммуникации. *Актуальность* данного исследования обусловлена необходимостью детального изучения компонентов невербального поведения и их функционирования в различных лингвокультурных сообществах, в том числе в рамках сравнительно-сопоставительного анализа.

Целью данного исследования является выявление особенностей перевода языковых единиц, описывающих невербальное окулесическое (визуальное) поведение в художественном тексте на английском и русском языках.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие *задачи:* 1) раскрыть специфику невербальной коммуникации как неотъемлемого компонента межличностного взаимодействия; 2) систематизировать основные компоненты невербального коммуникативного поведения; 3) охарактеризовать окулесический компонент невербальной коммуникации и выявить его роль в передаче эмоций в английской и русской культурах; 4) установить степень переводческой эквивалентности языковых единиц, описывающих окулесическое поведение в английском и русском языках.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования для подготовки учебных пособий, монографий и методических материалов по лингводидактике, а также в преподавании русского языка как иностранного. Материалы исследования могут быть интегрированы в программы дисциплин лингвистического цикла (языкознание, семиотика, межкультурная коммуникация). Результаты исследования могут представлять интерес для смежных гуманитарных дисциплин, таких как социология, культурология и психология. Кроме того, представленный анализ невербального поведения обладает прикладным потенциалом для совершенствования навыков эффективной коммуникации в повседневной практике общения.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили фрагменты художественных текстов на русском языке и их переводы на английский язык. Выбор художественного текста в качестве материала для анализа обусловлен тем, что он позволяет моделировать ситуации общения, которые максимально приближены к реальной коммуникации и предусматривают использование эмоционально окрашенных лексических единиц и невербальных средств коммуникации. Межкультурное взаимодействие служит оптимальным контекстом для изучения этнокультурной специфики эмоций [2, с. 337]. В данной работе художественный перевод и его восприятие носителями культуры анализируются как модель такого взаимодействия. Сравнительный анализ оригинала и двух переводческих версий позволяет выявить национально-культурные факторы, определяющие способы репрезентации эмоций, что обеспечивает высокую степень достоверности и обоснованности полученных результатов. Методология исследования опирается на комплекс методов, включающих

сплошную выборку материала, дефиниционный и компонентный анализ лексических единиц, а также метод контекстуального анализа и описательно-сопоставительный метод.

Результаты и обсуждения

Исследования в области невербальной коммуникации в отечественной и зарубежной лингвистике развивались синхронно. В частности, А. Пиз, ссылаясь на эмпирические данные А. Мерабиэна, указывает на распределение долей в структуре коммуникативного акта следующим образом: вербальный компонент – 7%, паралингвистический (интонационно-звуковой) – 38%, а невербальный – 55% [7, с. 13]. Функционально невербальные элементы служат инструментом семантической компенсации, уточняя содержание высказывания и снимая многозначность языковых единиц. Несмотря на то, что невербальные средства коммуникации традиционно рассматриваются как дополнение к вербальному коду, ряд исследователей обосновывает тезис о способности кинесических средств к автономному выполнению функций естественного языка [9, с. 29].

За последние несколько десятилетий невербальная коммуникация – наука, исследующая закономерности взаимодействия невербальных компонентов и их влияния на эффективность общения в различных контекстах, – значительно дифференцировалась. В ней сформировался ряд специализированных направлений, в соответствии с которыми в структуре невербального поведения принято выделять следующие компоненты: паралингвистический (интонация, громкость, паузы), кинетический (мимика, жесты, пантомимика), проксемический (пространственный), гаптический (использование прикосновений), окулесический (контакт глаз) и другие [5, с. 375]. Отмеченные выше составляющие невербального поведения служат индикаторами психического состояния коммуникантов и их взаимных установок [6, с. 94]. Говоря о специфике взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации следует отметить, что невербальные маркеры зачастую не только не поддерживают вербальный компонент, но и могут транслировать противоречащее ему содержание, создавая эффект коммуникативной неконгруэнтности (несогласованности) [1, с. 56].

В системе невербальной коммуникации значимым объектом исследования выступает окулесика – научная дисциплина, изучающая визуальное (окулесическое или глазное) поведение участников коммуникации [5, с. 374-375, 12, с. 27]. Традиционно при описании невербального визуального поведения понятия «визуальный контакт», «контакт глаз» и «зрительный контакт» используются как синонимы. Общеизвестная метафора «глаза – зеркало души» применительно к окулесике можно интерпретировать как способность визуального канала транслировать подлинные эмоциональные состояния и намерения личности. Ключевыми переменными окулесического анализа выступают мышечная активность в области вокруг глаз, движение глазных яблок, а также направленность и продолжительность визуального контакта. Дополнительными маркерами, обладающими определенной коммуникативной нагрузкой, признаются слезоотделение и длительность фиксации взгляда на собеседнике [5, с. 384-386].

Особый интерес в данной работе представляет описание функций невербального визуального поведения и его взаимодействие с вербальным рядом и другими компонентами невербального общения. В лингвистических исследованиях визуальный канал коммуникации рассматривается как многофункциональная система. Ключевыми функциями взгляда признаются регулятивная (управление ходом диалога или реакциями собеседника), контролирующая (проверка обратной связи и понимания сообщения), когнитивная (отражение мыслительных процессов) и эмотивная (трансляция и интерпретация эмоциональных состояний) [5, с. 387, 12, с. 25]. На основе данных функций формируются следующие коммуникативные интенции: демонстрация готовности к общению, установление контроля над поведением участников общения, выражение отношения к участникам коммуникации. Взаимосвязь невербальных средств с вербальным компонентом позволяет разделить их на две группы: автономные (независимые от речевого содержания) и контекстуально обусловленные (тесно связанные с вербальным высказыванием) [4, с. 116].

Данное исследование посвящено выявлению роли окулесического компонента невербальной коммуникации в передаче эмоций в английском и русском художественных текстах. Как показывает анализ исследований в данной области, зрительный контакт является наименее изученным компонентом невербальной коммуникации. Окулесическое поведение является значимым источником коммуникативной информации. Характер визуального поведения определяется как социокультурными нормами, так и индивидуально-психологическими особенностями личности. Так, в английской культуре прямой зрительный контакт интерпретируется как проявление уважения и вовлеченности. В американской практике взгляд в глаза собеседнику используется для контроля эффективности передачи информации и ее восприятия собеседником. В российском социокультурном пространстве, отличающимся многообразием культур, доминирует стратегия избегать контакта глаз при взаимодействии с незнакомцами, в ситуациях социального дискомфорта, потенциальной угрозы или в конфликтной ситуации. Кроме того, установление зрительного контакта свя-

зано с эмоциональным фоном общения: положительные эмоции стимулируют установление зрительного контакта, в то время как отрицательные ведут к его ограничению.

Чтобы проиллюстрировать отмеченные выше теоретические положения приведем несколько примеров. «Она взглянула на него и побледнела, потом ещё раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку» [8, с. 298]. Первая встреча главных героев после долгой разлуки автором описана очень эмоционально, внутреннее состояние героини передано с использованием нескольких компонентов невербальной коммуникации, а именно через её жесты, телодвижения и взгляд. Проанализируем насколько адекватно представлено исходное эмоциональное содержание в переводе. “She glanced up at him, and turned pale, then looked at him again in alarm, unable to believe her eyes, squeezing her fan and lorgnette in one hand” [11, с. 145]. “She glanced at him and turned pale, then glanced again with horror, unable to believe her eyes, and tightly gripped her fan and lorgnette in her hands” [10, с. 15].

“To glance (up) at” – “to look at someone or something quickly” [13, с. 600]; “to look” – “to turn your eyes towards something so that you can see it” [13, с. 845]; «взглянуть» – «смотреть наскоро, кинуть глаза» [3, с. 120]. Значение русского глагола «взглянуть» и английского глагола “to glance” полностью совпадают. Для описания взгляда в английском и в русском языках существует несколько глаголов, например, «смотреть» и его английский эквивалент “to look”, «взглянуть» – “to glance”, «уставиться» – “to glare”. Существуют эквивалентные устойчивые выражения, например, «не поверить своим глазам» – «видя что-либо неожиданное» [3, с. 173]; “do not believe one’s eyes” – “to be very surprised” [13, с. 487]. Результаты исследования свидетельствуют о высокой коммуникативной ценности взгляда в рассматриваемых культурах, что подтверждается наличием соответствующих языковых репрезентаций в английском и русском языках.

Для описания эмоционального состояния героев произведения в данном отрывке текста большое значение имеет взаимодействие зрительного и кинетического компонентов коммуникации: «сжимать» – «давить, нажимать, сдавливать» [3, с. 237], “to squeeze” – “to press something firmly inwards” [13, с. 1396], “to grip” – “to hold something tightly” [13, с. 626]. В русском языке эмоциональность достигнута при помощи наречия «крепко» – «сильно, мощно, упорно, резко» [3, с. 347]. Можно сделать вывод, что в обоих текстах переводов исходное эмоциональное содержание сохранено, перевод является адекватным с точки зрения передачи заложенных в оригинальном тексте эмоций.

Приведем еще один пример. «Она пожала ему руку и стала быстро спускаться вниз, все оглядываясь на него, и по глазам её было видно, что она в самом деле не была счастлива» [8, с. 299]. “She pressed his hand and hurried down the stairs, looking back at him continually, and her eyes showed that she was not happy” [11, с. 146]. “She pressed his hand and began rapidly going downstairs, looking round at him, and from her eyes he could see that she was unhappy” [10, с. 16].

В приведенном фрагменте текста эмоциональное состояние героини передается благодаря комплексу невербальных компонентов: гаптического, кинетического и окулесического. Рукопожатие, открывающее данный фрагмент, выступает в качестве тактильно-кинетического маркера, обладающего преимущественно эмоциональной, а не ритуальной семантикой. В сцене прощания авторское «пожала ему руку» служит выражением глубокой привязанности и скрытого драматизма расставания. Выбор переводчиками лексемы “pressed” вместо “shook” является стилистически оправданным. В англоязычной культуре “to shake hands” - “to clasp and move each other’s hands up and down as a greeting, sign of agreement, or in farewell” [13, с. 1251] является языковой репрезентацией социально-нейтрального этикетного жеста, в то время как “to press one’s hand” – “to hold and gently squeeze another person’s hand as a sign of affection, sympathy, or encouragement” [13, с. 1170] актуализирует коннотацию душевной близости и теплоты, что позволяет адекватно транслировать эмоциональное содержание оригинала в англоязычную культуру.

Кинетический компонент «повторяющееся оглядывание» играет важную роль в характеристике эмоционального состояния героини фрагмента. При этом важно отметить, что жест оглядывания тесно связан с окулесическим компонентом (контакт глаз, направление взгляда). Семантическая нагрузка авторской лексемы «все» в конструкции «все оглядывалась на него» является ключевой, поскольку актуализирует идею непрерывности действия, представляя внутренний конфликт героини – стремление к уходу и невозможность окончательного разрыва. Сравнительный анализ переводов показывает, что использование наречия “continually” адекватно передает исходное содержание, сохраняя динамику и эмоциональную напряженность жеста в русском языке. Напротив, в переводе “looking round at him” отсутствует указание на повторяемость жеста, что приводит к искажению авторского замысла. Отсутствие акцента на длительности снижает экспрессивную нагрузку эпизода, лишая читателя возможности считать глубинный конфликт героини.

Кульминацией анализируемого отрывка становится невербальная репрезентация эмоционального состояние героини через ее взгляд: “happiness” – satisfied or not worried” [13, с. 647], «счастливый» – «тот, кому

всё удаётся, удачливый» [3, с. 636]. Автор намеренно отказывается от прямого именования эмоции, используя взгляд как самостоятельный инструмент коммуникации, определяющий внутреннее состояние и истинные чувства героини, которые лишь косвенно прослеживаются в ее поведенческих реакциях.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что зрительный контакт как элемент невербальной коммуникации может выполнять различные функции, обусловленные эмоциями, которые испытывают участники общения. Окулесическое поведение выступает в единстве с другими невербальными средствами и играет ключевую роль в процессе общения. Результаты анализа показывают, что комплексное восприятие вербальной информации и визуального компонента обеспечивает адекватное понимание намерений собеседника. При этом даже при отсутствии согласованности между этими каналами коммуникации процесс понимания смысла сообщения не нарушается.

Проведенное исследование открывает ряд перспективных направлений для дальнейшего научного анализа. С целью повышения достоверности полученных результатов и более точного определения жанровой специфики языковой репрезентации окулесического поведения представляется возможным расширить корпус исследования, включив в него произведения разных авторов, а также тексты других жанров. Перспективным направлением последующих исследований является разработка классификации переводческих стратегий, применяемых при передаче окулесических единиц в переводе. В работе рассматриваются вопросы эквивалентности фразеологических единиц, описывающих зрительное поведение. Значительный интерес представляет анализ английских и русских фразеологизмов с целью выявления лексических лакун, полных и частичных эквивалентов, а также установления национально-культурных особенностей зрительного поведения.

Список источников

1. Власова Е.Е., Демьянова Ж.В. Взаимосвязь вербальных и невербальных коммуникативных компонентов как фактор успешности коммуникации (на материале английского и русского языков) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 54 – 59.

2. Власова Е.Е., Морозова М.В. Трудности понимания текста на иностранном языке и способы их преодоления // Глобальный научный потенциал. 2025. № 7 (172). С. 336 – 339.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 736 с.

4. Карташкова Ф.И. Коммуникативное поведение человека: ракурсы изучения в Ивановской научной школе // Мир лингвистики и коммуникации. 2023. № 3. С. 110 – 126. URL: http://tverlingua.ru/ (дата обращения: 13.09.2026).

5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.

6. Лабунская В.А. О смысловом пространстве невербального общения // Российский психологический журнал. 2014. Т 11. № 3. С. 93 – 109.

7. Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений: как читать мысли окружающих по их жестам. М.: Эксмо, 2024. 442 с.

8. Чехов А.П. Дама с собачкой // Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1980. С. 287 – 302.

9. Ю Е.Д. Репрезентация невербальных средств коммуникации в современном испанском языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.05. Иркутск, 2009. 222 с.

10. Chekhov A.P. The Lady with the dog: translated by Constance Garnett // Literature Reading. Fiction. Poetry. M.: Progress Publishers, 1990. C. 7 – 28.

11. Chekhov A.P. The Lady with the Dog: translated by Ivy Litvinov // Stories. M.: Raduga Publishers, 2001. C. 132 – 151.

12. Hall J.A., Knapp M.L., Horgan T.G. An Introduction to the Study of Nonverbal Communication // Nonverbal Communication in Human Interaction. Boston: Wadworth Cengage Leaning. 2014. C. 1 – 28.

13. Longman Dictionary of Contemporary English / edited by A. Gadsby, D. Summers, S. Engineer. Harlow: Longman, 2001. 1668 c.

References

1. Vlasova E.E., Demyanova Zh.V. The Interrelation of Verbal and Non-Verbal Communicative Components as a Factor in Communication Success (Based on English and Russian Language Data). Bulletin of Philological Sciences. 2026. Vol. 6. No. 9. P. 54 – 59.

2. Vlasova E.E., Morozova M.V. Difficulties in Comprehending Texts in a Foreign Language and Ways to Overcome Them. Global Scientific Potential. 2025. No. 7 (172). P. 336 – 339.

3. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern Version. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 736 p.

4. Kartashkova F.I. Human Communicative Behavior: Perspectives of Study within the Ivanovo Scientific School. World of Linguistics and Communication. 2023. No. 3. P. 110 – 126. URL: http://tverlingua.ru/ (accessed: 13.09.2026).

5. Kreidlin G.E. Non-Verbal Semiotics: Body Language and Natural Language. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2004. 581 p.

6. Labunskaya V.A. On the Semantic Space of Non-Verbal Communication. Russian Psychological Journal. 2014. Vol. 11. No. 3. P. 93 – 109.

7. Pease A., Pease B. Body Language: How to Read Others' Thoughts Through Their Gestures. Moscow: Eksmo, 2024. 442 p.

8. Chekhov A.P. The Lady with the Dog. Novellas and Short Stories. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1980. P. 287 – 302.

9. Yu E.D. Representation of Nonverbal Means of Communication in Modern Spanish: Candidate of Philological Sciences Dissertation: 10.02.05. Irkutsk, 2009. 222 p.

10. Chekhov A.P. The Lady with the Dog: translated by Constance Garnett. Literature Reading. Fiction. Poetry. Moscow: Progress Publishers, 1990. P. 7 – 28.

11. Chekhov A.P. The Lady with the Dog: translated by Ivy Litvinov. Stories. Moscow: Raduga Publishers, 2001. P. 132 – 151.

12. Hall J.A., Knapp M.L., Horgan T.G. An Introduction to the Study of Nonverbal Communication. Nonverbal Communication in Human Interaction. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2014. P. 1 – 28.

13. Longman Dictionary of Contemporary English. edited by A. Gadsby, D. Summers, S. Engineer. Harlow: Longman, 2001. 1668 p.

Информация об авторах

Власова Е.Е., *кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, reklama-peremena@yandex.ru*

© Власова Е.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81-2
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-79-85

[1] Гаврикова Ю.А., [1] Белова Е.Е., [1] Розина Т.Ю. ***[1] ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина***

Сложные окказионализмы как один из художественных приёмов в англоязычной литературе

Аннотация: *в данной статье описывается один из приёмов, используемых в качестве средства художественной выразительности или языковой игры – окказионализм. Окказионализмы представляют большой интерес не только с точки зрения литературы, но и с точки зрения лингвистики. Исследователи постоянно проявляют заинтересованность в вопросах, посвященных окказионализмам как части языковой системы английского языка, отражающим его динамику – и в этом состоит актуальность рассматриваемой темы. Также предпринимается попытка на основе англоязычных художественных произведений доказать продуктивность словосложения как способа словообразования окказионализмов в английском языке, и насколько часто встречаются те или иные типы окказиональных композитов в англоязычных литературных произведениях.*

Исследование показало, что окказионализмы являются часто используемым художественным приёмом, который применяют авторы для придания живости и яркости своим произведениям, а словосложение является одним из наиболее продуктивных способов окказионального образования. Сложные окказионализмы обладают тем же набором отличительных признаков, что и узуальные сложные слова: цельнооформленность, фиксированный порядок компонентов, единое грамматическое оформление и слитное или дефисное написание. Все рассматриваемые в статье вопросы, посвященные окказионализмам, позволяют говорить о них как части языковой системы английского языка, отражающей его динамику.

Ключевые слова: *окказиональный, сложный окказионализм, неузуальный, словосложение, продуктивный, художественная выразительность, экспрессивность*

Для цитирования: Гаврикова Ю.А., Белова Е.Е., Розина Т.Ю. Сложные окказионализмы как один из художественных приёмов в англоязычной литературе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 79 – 85. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-79-85

Поступила в редакцию: 7 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Gavrikova Yu.A., [1] Belova E.E., [1] Rozina T.Yu. ***[1] Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University***

Complex occasionalisms as an artistic device in English-language literature

Abstract: *this article describes one of the techniques used as a means of artistic expression or a language game – occasionalism. Occasionalisms are a very interesting phenomenon not only from the point of view of literature, but also from the point of view of linguistics. Researchers are constantly interested in questions devoted to occasionalisms as part of the language system of the English language, reflecting its dynamics – and this is the relevance of the topic under consideration. An attempt is also made, on the basis of English-language literary works,*

to prove the productivity of word-composition as a way of word-formation of occasionalisms in the English language, and how common are certain types of occasional composites in English-language literary works.

The study showed that occasionalisms are a frequently used artistic device that authors use to give liveliness and brightness to their works, and word-composition is one of the most productive ways of occasional education. Complex occasionalisms have the same set of distinguishing features as usual compound words: integral form, fixed order of components, uniform grammatical design and combined or hyphenated spelling. All the issues considered in the article devoted to occasionalisms allow us to talk about them as part of the language system of the English language, reflecting its dynamics.

Keywords: *occasional, complex occasionalism, non-standard, word composition, productive, artistic expressiveness, expressiveness*

For citation: Gavrikova Yu.A., Belova E.E., Rozina T.Yu. Complex occasionalisms as an artistic device in English-language literature. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 79 – 85. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-79-85

The article was submitted: August 7, 2026; Approved after reviewing: September 11, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

С целью захватить внимание читателя или слушающего и наиболее ярко и живо передать заложенную в его произведении идею автор прибегает к различного рода ухищрениям, представленными метафорами, эпитетами, сравнениями, аллюзиями, олицетворениями, антитезами, оксюморонами и т.д. Окказионализмы можно рассматривать как ещё один приём, используемый в качестве средства художественной выразительности или языковой игры. Окказионализмы являются очень интересным феноменом не только с точки зрения литературы, но с точки зрения лингвистики. Окказиональные образования не являются частью той языковой системы, в которой и по законам которой они создаются. Они индивидуальны, экспрессивны и могут быть использованы всего один раз в контексте, с которым они невероятно тесно связаны, будучи лишенными возможности быть корректно употреблёнными вне этого контекста.

Окказионализмы образуются посредством использования различных способов словообразования, в соответствии с которыми образуются те слова английского языка, которые успешно вошли в его состав и закрепились в нём. Уже не одно столетие, начиная с древнеанглийского периода, словосложение является одним из наиболее продуктивных способов словообразования в английском языке. Поэтому вполне логично предположить, что оно не потеряло своей актуальности и при образовании окказионализмов.

То, что они формируются натуральным образом без каких-либо преград в обычной живой речи, отмечается всеми исследователями. Окказионализмы являются факторами речи, не закрепляющимися в языке. Если же окказиональное слово становится общеупотребительным, часто всплывает в речи репортёров и популярных личностей в ходе новостных репортажей, телепередач, различных шоу, а также начинает постепенно употребляться обычными людьми в ходе разговорной речи, то оно переходит в разряд неологизмов, т.к. оно становится частью языковой системы [5].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования нами было проанализировано 605 окказионализмов из англоязычных литературных произведений «1984» Джорджа Оруэлла, «Большой и Добрый Великан» Роальда Даля, «Улисс» и «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса. Затем отобранные окказионализмы были проанализированы по типам словообразования. Наибольшую продуктивность для данной выборки показали окказионализмы, образованные с помощью словосложения, 42% от общего числа окказиональных образований, взятых для анализа (254 окказионализма). Вторым по частоте встречаемости способом словообразования стала аффиксация, 34% (206 лексических единиц), третьим способом словообразования по частоте встречаемости стала контаминация, 15% (90 лексических единиц). Доля остальных способов словообразования, которые оказались наименее продуктивными, составила 9% (55 лексических единиц). Дальнейший анализ проводился только по самому продуктивному способу в данном исследовании, а именно – словосложению. Следующие методы: сплошной выборки, словообразовательный, структурно-семантический, классификации, количественного анализа позволили попытаться комплексно описать сложный окказиональный лексикон.

Результаты и обсуждения

Окказионализмы всегда считались одним из доказательств продуктивности того или иного способа словообразования. В нашей статье исследуются сложные окказионализмы, поэтому то, что в одной лексиче-

ской единице «ёмко» и в то же время насыщенно, а с другой стороны, ярко и убедительно высказывается какая-то мысль, делает их статус в системе неузуального словообразования особенно значимым [7].

Окказионализмы противопоставляют общепринятой языковой системе. Они относятся к индивидуальным новшествам, которые являются продуктом творчества конкретного отдельно взятого человека, как правило, писателя. Вследствие этого окказионализмы различных видов определяют, как авторские и индивидуальные, тем самым делая акцент на принадлежность окказионализмов к известному создателю, а также на их новизну, необычность и отсутствие принадлежности к общепринятой языковой системе [6].

Однако считаем важным обратить внимание на то, что детерминирующей особенностью окказионализмов является не их принадлежность к определённому поэту или писателю, а их ненормативность, наличие отклонения или нарушения общепринятых правил образования, и на это тоже повлияла их незакреплённость в языке. В качестве примера можно привести сложное слово *Veribest* (very + i + best) – самый лучший (название вымышленного магазина) [12]. Обычно при словосложении соединяются основы отдельных слов, а в данном случае конечная буква основы *very* меняется на *“i”,* что напоминает нам одну из соединительных букв, используемых при морфологическом словосложении. Также к ненормативным можно отнести сложные окказионализмы асинтаксического типа, например: *battle-free, war-free* [9] (Noun+Adj.*)*.

Окказионализмы преимущественно используются в художественных текстах с целью придания им выразительности, яркости, живости и экспрессивности. Они являются индивидуально-авторскими новообразованиями, которые включаются в текст с целью поразить читателя своей необычностью и удивить его оригинальностью хода мыслей автора и его писательских навыков, именно в этом проявляется ингерентная природа экспрессивности окказионализмов. Благодаря этой их характеристике, они стали популярным средством художественной выразительности на протяжении уже последних 3-х веков, включая текущий 21-й. В подтверждение выше написанному тезису можно сказать, что окказионализмы начали изучаться сначала именно с литературоведческой позиции и только потом с лингвистической точки зрения [2].

Bonecrunch (bone + crunch) – костолом, ломающий кости.

Snotgreen (snot + green) – сопливо-зелёный.

Doubleplusgood (double + plus + good) – двойно-сверх-хороший.

Natterboxes (natter + boxes) – трепотушки, болтуны.

Эти и другие окказионализмы были созданы с целью вызвать у читателей те или иные чувства, как положительные, так и отрицательные.

Поскольку в нашей статье исследовались именно окказионализмы, образованные словосложением, в ходе исследования проводился анализ в нескольких направлениях: по типу синтаксической связи, по способу соединения компонентов сложного слова, по типу семантической спаянности.

1. Анализ окказиональных композитов по типу синтаксической связи (подчинительный, сочинительный)

В ходе анализа выборки по типу синтаксической связи между компонентами сложного окказионализма было выявлено, что в превалирующем числе сложных окказионализмов компоненты соединены **подчинительно** (один компонент окказионального композита является синтаксически главным, а другой синтаксически зависимым) (226 лексических единиц, 89%).

Ringbeller (ring + beller = звонящий (Куда? Во что?) в колокол) – звонельник. “It's a ***ringbeller***,” the BFG said. “It's whoppsy.” [13].

Echoland (echo + land = страна (Чего?) эха) – эхоземье. ‘Hush! Caution! ***Echoland***!’ [11, с. 5].

Speakwrite (speak + write = писать то, что говорится) – диктограф. *“Winston thought for a moment, then pulled* ***the speakwrite*** *towards him and began dictating in Big Brother's familiar style...”* [10, с. 26].

Этот случай представляется достаточно интересным с той точки зрения, что для образования этого сложного окказионализма были использованы два глагола *speak* и *write*, и без контекста можно подумать, что тип связи сочинительный (два глагола: *писать, говорить* – наверное, имеется ввиду говорение и написание чего-либо одновременно). Однако, исходя из контекста, мы видим, что это существительное. Помимо этого, из контекста мы можем заключить, что окказионализм был создан автором для обозначения некоего устройства для записи голоса и превращения его в текст. Таким образом, связь между компонентами в данном окказиональном композите не «говорить и писать» (“speak and write”), а «говорить, чтобы написать» или «писать то, что говорится» (“speak to write” или “write what is spoken”).

Данный пример также помогает проследить, что связь окказиональных слов с контекстом гораздо более значимая и глубокая по сравнению с узуальными лексическими единицами. Вне контекста они полностью теряют своё значение и становятся непонятными. Окказионализмы создаются для того, чтобы более ярко отразить то или иное событие в контексте, поэтому они не только утрачивают своё значение вне него, они

буквально создаются только для этой ситуации и для того, чтобы выразить определенные эмоции, связанные с ней [2]. Окказиональные композиты доказывают креативный и динамический потенциал лексикона [6].

В ходе анализа выборки по типу синтаксической связи между компонентами сложного окказионализма было выявлено, что **сочинительный тип связи** между компонентами (компоненты сложного окказионализма равноправны) сложных окказионализмов наблюдается только в 28 сложных окказионализмах (11%).

Lightandgayle (light + and + gay + суффикс "le") – лёгко-порывистый.

Piggery-jokery (piggery + joke + суффикс "ry") – свинячество-дурачество.

Blackwhite (black + white = чёрный и белый) – белочёрный (способность утверждать и безоговорочно верить, что белое это чёрное даже если это не так) [10].

В самом тексте произведения объясняется значение данного колоративного композита как одного из новых слов, вошедших в речевой обиход, которое сочетает в себе 2 взаимопротиворечащих друг другу значения. В одном – наглое утверждение, что чёрное – это белое, применяемое в отношении оппонента в другом – заявление, что чёрное – это белое, при требовании партийной дисциплины – достаточно запутанное объяснение, исходя из содержания книги.

Следует сказать, что данный и другие анализируемые в статье колоративные окказионализмы являются яркими, образными описаниями предметов или явлений и несут большую смысловую нагрузку [3].

2. Анализ окказиональных композитов по способу соединения компонентов сложного слова (тематический, атематический, синтаксический)

Атематический способ сложения двух основ (соединение основ композита непосредственно, без использования соединительной морфемы) показал наибольшую продуктивность для данной выборки сложных окказионализмов (249 окказиональный композита, 98%).

Sweetishsad (sweetish + sad) – сладко-грустный.

Joycamp (joy + camp) [10] – дословно «лагерь радости», но, опираясь на контекст использования окказионализма, мы можем заключить, что слово переводится скорее как «концлагерь», «исправительный лагерь», «колония». Окказионализм может переводится как «лагерь радости», «колония веселья», «концлагерь радости», но в контексте использования иронии автором.

Know-nothing (know + nothing) – ничего не знающий, незнайковый.

Rotten-wool (rotten + wool) – гнило-вата, гнило-глупость (искажённое от "cotton-wool" просто вата). *"They is common animals,' said the BFG contemptuously. 'I is not a very know-all giant myself, but it seems to me that you is an absolutely* ***know-nothing*** *human bean. Your brain is full of* ***rotten-wool****"* [13].

Синтаксический способ связи между компонентами сложных окказионализмов встречался гораздо реже. Синтаксически соединены основы 3 окказиональных композитов из представленной выборки (1,2%).

Lightandgayle (light + and + gay + суффикс "le") – лёгко-порывистый.

'I must dash to pour their peace in partial, sweetishsad ***lightandgayle,*** twittwintwosingwoolow.' [11].

Lickitup (lick + it + up) – до-дна-слизывательный [12].

Uwantit (you + want + it) – ты это хочешь (название вымышленного магазина) [12].

Тематический способ связи (соединения основ композита с использованием соединительной морфемы) между компонентами сложных окказионализмов встречается тоже редко. Тематически соединены основы 2окказиональных композитов из представленной выборки (0,8%).

Fishygods *(fish + y + gods) – рыбобоги* [11].

Veribest (very + i + best) – самый лучший (название вымышленного магазина) [12].

3. Анализ окказиональных композитов по типу семантической спаянности

В ходе анализа окказиональных композитов было выявлено, что наиболее частотными для данной выборки выступили **идиоматические** сложные окказионализмы, в которых значение целого не выводится из значений его компонентов (63,8%, 162 лексические единицы).

Bellyfeel (belly + feel) – нутрочувствие (слепая вера). *"And in addition, only a person thoroughly grounded in Ingsoc could appreciate the full force of the word* ***bellyfeel****, which implied a blind, enthusiastic acceptance difficult to imagine today; or of the word oldthink, which was inextricably mixed up with the idea of wickedness and decadence"* [10, с. 171].

Если мы попробуем вывести значение окказионального композита *bellyfeel* из составляющих его основ, то мы можем прийти к следующим вариантам перевода: «интуиция», «чутьё» (если мы соотнесём *bellyfeel* с русским фразеологизмом «чуять нутром»), «чувствовать некие процессы в желудочно-кишечном тракте» (если параллелей с русским фразеологизмом «чуять нутром» произведено не будет). Но, погружаясь в контекст литературного произведения, можно заключить, что *bellyfeel* переводится как «слепая вера в то,

что говорит партийный лидер, предполагающая полное внутреннее интуитивное ощущение невозможности наличия альтернативных точек зрения и сомнений относительно сказанного».

Goodthink (good + think) – благомыслить. *"The resulting amalgam was always a noun-verb, and inflected according to the ordinary rules. To take a single example: the word* ***goodthink****, meaning, very roughly, "orthodoxy", or, if one chose to regard it as a verb, 'to think in an orthodox manner"* [10].

Если брать данный композит отдельно от контекста и пытаясь перевести его исключительно как сумму двух его основ "*good"* и *"think"*, то можно перевести его как «хорошо думать, но непонятно в каком ключе», «позитивно мыслить», «хорошо думать о своих близких», «мысленно заботиться о ком-то» или же «стараться избегать негативных мыслей». Погружаясь в контекст литературного произведения, мы видим, что автором описывается антиутопия, в которой человек может быть отправлен в исправительную колонию за ненадлежащие мысли (например, сомнения относительно правильности идеологии правящей партии). Таким образом, мы можем сделать вывод, что *"goodthink"* это слово, обозначающее процесс мышления в соответствии с партийной идеологией, который предполагает полную и безоговорочную веру в то, что говорит партийный лидер.

Duckspeak (duck + speak) – уткоговорение.

Это слово так же, как и *Blackwhite*, входило в словарь неологизмов членов партии и которое аналогично ему обладало противоречивым значением в зависимости от его применения по отношению к однопартийцам или оппонентам. В первом случае оно применялось в качестве похвалы, в другом – как оскорбление.

Duckspeak тоже является идиоматическим окказиональным композитом. Если попытаться вывести его значение из суммы его компонентов, то итогом станет наличие таких вариантов перевода как «говорить, как утка», «крякать», «пародировать утку» и т.п. В то время как сложный окказионализм *"duckspeak"* является метафорой на бездумное повторение лозунгов, которое напоминает кряканье.

Вообще сложно понять значение неузуальных идиоматических композитов, но на помощь приходят словари. В случае с окказиональными идиоматическими сложными словами трудность удваивается. Но языковая игра в попытке догадаться, понять, что же имеет ввиду его автор, вовлекает нас, читающих, слушающих, в этот словотворческий процесс.

Недиоматических окказиональных композитов в ходе проведения анализа было найдено меньше, однако их доля от общего числа сложных окказионализмов из выборки всё ещё достаточно высока и составила 36,2% (92 лексические единицы).

Следующие 2 прилагательных описывают море:

Snotgreen (snot + green) – буквально сопливо-зелёный, зелёный как сопли.

*Scrotumtightening (*scrotum + tightening) – буквально стягивающий мошонку [12].

Noserag (nose + rag) – коврик для носа, коврик, чтобы протирать нос, носовой платок [12].

Sodachapped (soda + chapped) – потрескавшиеся от соды (речь идёт о руках) [12].

Необходимо отметить, что при переводе рассматриваемых в статье окказиональных композитов, особенно идиоматических, пользуются разными способами передачи безэквивалентной лексики такими как калькирование, адаптация, подбор функционального аналога [8], как например в романе-утопии Дж. Оруэлла.

Выводы

Таким образом, окказиональные композиты доказывают креативный и динамический потенциал лексикона. Сложные окказионализмы были проанализированы в соответствии с классификациями сложных слов по типу синтаксической связи, по способу соединения компонентов, по типу семантической спаянности.

Анализ по типу синтаксической связи продемонстрировал, что наиболее продуктивной является **подчинительная связь** (89%, 226 лексических единиц), при которой один компонент является синтаксически главным, а другой зависимым. Сочинительная связь встречается лишь в 11% случаев (28 лексических единиц). Данное распределение соответствует общей тенденции в системе английского словообразования, где подчинительные композиты традиционно преобладают над сочинительными.

Анализ по способу соединения компонентов показал, что доминирующим является **атематическое словосложение** (непосредственное соединение основ без соединительной морфемы) – 98% (249 лексических единиц). Тематический способ (с использованием соединительных гласных, как в *fishygods*) (0,8%, 2 лексических единицы) и синтаксический способ (с использованием союзов и предлогов, как в *lightandgayle*) (1,2%, 3 лексические единицы) встречаются крайне редко. Это объясняется тем, что атематическое словосложение представляет собой наиболее простой и прозрачный механизм создания новых слов в современном английском языке.

При **анализе по типу семантической спаянности** доля **идиоматических окказиональных** композитов составила 63,8% (162 лексические единицы). **Неидиоматические** композиты составили 36,2% (92 лексические единицы). Высокий процент идиоматических сложных окказионализмов объясняется непосредственной зависимостью окказионализмов от контекста и их экспрессивностью. Авторы литературных произведений используют окказионализмы как один из методов художественной выразительности, направленный на удержание интереса читателя. Закономерно, что они будут создавать идиоматические окказиональные композиты с целью удивить читателя и заставить его остановиться на том или ином месте в книге, чтобы на основе контекста постараться разобраться в значении только что увиденного слова.

Список источников

1. Захарова О.С. К проблеме соотношения понятий «Окказионализм» и «Потенциальное слово» // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. № 3. С. 14 – 25.
2. Лапина Ю.В. Окказионализмы как средство выразительности // Язык и текст. 2021. № 1. С. 50 – 58.
3. Макарова Ю.А. Колоративные окказионализмы как особое средство репрезентации скрытых смыслов идиостиля автора (на материале немецкоязычной поэзии Розы Ауслендер) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 11. С. 5034 – 5042.
4. Мелькаева Р.В. Окказионализмы как способ реализации лингвокреативности // Вопросы современной лингвистики. 2022. № 5. С. 59 – 65.
5. Несветайло Ю.Н. Трактовка понятий "нелогизм" и "окказионализм" в современной научной парадигме // Наука. Инновации. Технологии. 2008. № 4. С. 25 – 30.
6. Поздеева Т.С. Лексико-семантические и словообразовательные процессы в лексиконе визуального искусства (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. № 5. С. 2447 – 2452.
7. Чукина Е.С. Контаминация как средство окказиональной неологии социальных ярлыков в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. № 7. С. 2577 – 2585.
8. Юсупов Х.У. Перевод фантастики: создание новых вымышленных реалий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 107 – 115.
9. Cass K. The Crown. New York: HarperTeen, 2016.
10. George Orwell. 1984. M: Tion, 2023. 272 с.
11. Joyce James. Finnegans Wake. London: Read Books Ltd, 2012. 838 с.
12. Joyce James. Ulysses. Wordworth 2020. 414 с.
13. Roald Dahl. The BFG. London: Puffin Books, 2016. 142 с.

References

1. Zakharova O.S. On the Relationship Between the Concepts of "Occasionalism" and "Potential Word". RUDN Journal of Linguistics. 2013. No. 3. P. 14 – 25.
2. Lapina Yu.V. Occasionalisms as a Means of Expressiveness. Language and Text. 2021. No. 1. P. 50 – 58.
3. Makarova Yu.A. Color-Related Occasionalisms as a Specific Means of Representing Hidden Meanings in an Author’s Idiostyle (Based on the German-Language Poetry of Rose Ausländer). Philological Sciences. Theory and Practice. 2025. Vol. 18. No. 11. P. 5034 – 5042.
4. Melkaeva R.V. Occasionalisms as a Way of Realizing Linguistic Creativity. Issues in Modern Linguistics. 2022. No. 5. P. 59 – 65.
5. Nesvetaylo Yu.N. The Interpretation of the Concepts "Neologism" and "Occasionalism" in the Modern Scientific Paradigm. Science. Innovations. Technologies. 2008. No. 4. P. 25 – 30.
6. Pozdeeva T.S. Lexico-Semantic and Word-Formation Processes in the Vocabulary of Visual Art (Based on the German Language). Philological Sciences. Theory and Practice. 2026. Vol. 19. No. 5. P. 2447 – 2452.
7. Chukina E.S. Contamination as a Means of Occasional Neology for Social Labels in the German Language. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2026. Vol. 19. No. 7. P. 2577 – 2585.
8. Yusupov Kh.U. Translating Science Fiction: Creating New Fictional Realities. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 1. P. 107 – 115.
9. Cass K. The Crown. New York: HarperTeen, 2016.
10. George Orwell. 1984. Moscow: Tion, 2023. 272 p.
11. Joyce James. Finnegans Wake. London: Read Books Ltd, 2012. 838 p.
12. Joyce James. Ulysses. Wordsworth, 2020. 414 p.
13. Roald Dahl. The BFG. London: Puffin Books, 2016. 142 p.

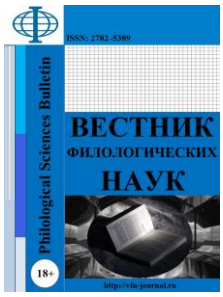
Информация об авторах

Гаврикова Ю.А., *ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

Белова Е.Е., *кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

Розина Т.Ю., *ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

© Гаврикова Ю.А., Белова Е.Е., Розина Т.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 398.91
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-86-90

[1, 2] Гасанова У.У., [2] Магомедова А.А.

[1] Дагестанский государственный университет
[2] Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Место пословичных единиц в фразеологии

Аннотация: *в статье рассматривается место пословичных единиц в фразеологии. Отмечается, что мало внимания уделено данной проблеме. Существует немало научных теорий относительно места и роли пословиц в языке. Они выступают как средства языка для более образного выражения мысли, идеи в речевой коммуникации. Распространено мнение о том, что рамки фразеологической системы для пословичных единиц являются тесными. Фразеологические сочетания, не вмещают всего богатства фразеологизмов. Вопрос о принадлежности пословиц к языковым единицам, является достаточно сложной. Принцип мотивированности относительно данных единиц не совсем точный, поскольку в каждом языке отмечаются немотивированные пословичные единицы. Многих исследователей вводит в заблуждение форма законченного предложения. Они существуют в языке и функционируют в нем также, как и другие фразеологические единицы. Семантико-стилистическая интеграция способствует отнесению пословицы к устойчивым словосочетаниям.*

Ключевые слова: *пословичные единицы, фразеология, лингвистическое явление, мотивированность, синтаксическое членение, крылатое выражение, лексическое значение*

Для цитирования: Гасанова У.У., Магомедова А.А. Место пословичных единиц в фразеологии // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 86 – 90. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-86-90

Поступила в редакцию: 7 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1, 2] Gasanova U.U., [2] Magomedova A.A.

[1] Dagestan State University
[2] North Caucasus Institute (branch) of the All Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The place of proverbial units in phraseology

Abstract: *the article examines the place of proverbial units in phraseology. It is noted that little attention has been paid to this issue. There are many scientific theories regarding the place and role of proverbs in language. They serve as linguistic means for more figurative expression of thought and ideas in speech communication. There is a widespread view that the framework of the phraseological system is too narrow for proverbial units. Phraseological combinations do not encompass the entire wealth of phraseological units. The question of whether proverbs belong to linguistic units is quite complex. The principle of motivation with regard to these units is not entirely accurate, since each language contains unmotivated proverbial units. Many researchers are misled by the form of a complete sentence. They exist in the language and function in it in the same way as other phraseological units. Semantic and stylistic integration contributes to classifying a proverb as a stable phrase.*

Keywords: *proverbial units, phraseology, linguistic phenomenon, motivation, syntactic division, крылатое выражение, lexical meaning*

For citation: Gasanova U.U., Magomedova A.A. The place of proverbial units in phraseology. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 86 – 90. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-86-90

The article was submitted: August 7, 2026; Approved after reviewing: September 11, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность работы. Пословичные единицы представляют собой языковые единицы, имеющие иносказательные значения. До середины прошлого столетия пословице, как лингвистическому явлению, не отводилось должного внимания. В настоящий период мало работ, касающихся места и роли пословиц в фразеологической системе языка. В существующих трудах данная проблема обозначается в поверхностном плане. Вопрос о различении пословиц и поговорок до сих пор является в науке не решенным [10].

Пословицы и поговорки изучались в разных аспектах, однако, глубоких, всесторонних обобщающих работ по данной проблеме мало, чем и обусловлена актуальность данной работы.

Основная цель – определить место пословичных единиц в фразеологической системе языка.

Задачи:

– дать обзор теоретической литературы по указанной теме;

– выяснить место и роль пословичных единиц в фразеологической системе языка.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования применялись метод контент-анализа и метод систематического обзора. Оба метода дают возможность объективно провести сбор данных и проанализировать имеющиеся работы по теме.

Результаты и обсуждения

Известно, что по своим свойствам пословичные единицы относятся к области фразеологических единств. Это и «мотивированность, семантическая неделимость при синтаксической разложимости» [2].

Исследователи отмечают, что такие предложения, как пословицы, могут автоматизироваться и принимать характер синтаксической неделимости.

Ряд ученых придерживались мнения о том, что рамки фразеологической системы для пословичных единиц являются тесными, так как фразеологические сочетания, не вмещают всего богатства фразеологизмов.

Отнесение пословиц к фразеологическим единствам по принципу мотивированности не совсем верное, так как в каждом языке немало немотивированных пословичных единиц. Например, в русском языке: на воре шапка горит.

Форма законченного предложения ставит пословицу отдельной категорией среди фразеологических единиц. Среди исследователей по настоящее время существуют разные подходы о включении или не включении пословиц в состав фразеологических единиц. Пословичные единицы выступают в качестве единиц языка из-за того, что они выступают как средства языка для более образного выражения мысли, идеи в речевой коммуникации.

К тому, чтобы включить пословицы в состав фразеологизмов выступает большая группа исследователей (В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, И.Р. Гальперин) и другие.

Вторая группа исследователей, считающих, что пословичные единицы не относящимися к фразеологии это А.М. Бабкин, Ю.Д. Апресян, А.И. Молотков, В.П. Жуков.

Данная проблема о принадлежности пословиц к языковым единицам, является весьма сложной. Здесь требуются специальные исследования, заключения которых будут основываться на обширном фактическом материале.

В большинстве своем, дискуссии происходят из-за структурного признака – наличии пословичной единицы формы законченного предложения.

Тем временем, в науке о языке происходят немало исследований, утверждающих о существовании в языке обширного количества единиц, имеющих форму законченного предложения как фразеологического, так и нефразеологического плана.

Так появились такие термины, как устойчивые фразы, фразеологические выражения, коммуникативные ФЕ.

Следующим фактом, над которым идет полемика между учеными, это семантика пословичных единиц, то есть семантика законченного предложения.

Для решения данной проблемы языковеды прибегают к иной терминологии. [7].

Н.Н. Амосова считает пословицы «самодостаточными и самоисчерпывающими единицами» [1]. В действительности, пословица в отрыве от контекста, это миниатюрное произведение фольклорного происхождения, законченное по смыслу. Это «формы, имеющие фольклорный характер» [5].

Фразеологические единицы, эквивалентные предложениям, входят в состав более сложного синтаксического целого.

А.В. Кунин рассматривает пословицы под термином «коммуникативная фразеологическая единица» [4]. Они считаются находящимися в широком употреблении в коммуникативном общении [3]. Изречение дидактического характера [6].

Целый ряд исследователей, которые наблюдали за функционированием ФЕ и их ролью в предложении, без сомнения включают пословицы в разряд фразеологии.

Причина заключается в многогранности, многоплановости пословиц как знаков и моделей различных жизненных ситуаций [8].

Объясняя изучением функциональных свойств пословиц и, считая, что единицы сообщения не имеют показателей способности какого-либо рода связи, они включаются в ткань предложения в соответствии с приемами цитирования, исследователи считают, что пословицы не могут входит в состав устойчивых структур как особые единицы языка.

Отмечают, что пословичные единицы существуют в языке и функционируют в нем также, как и другие фразеологические единицы.

Некоторые разработки ученых доказывают то, что посредством переменных элементов в их составе пословичные единицы соединяются с контекстом. Они формируются на основе определённых образцов, т.е. моделей. [9].

Примеры функционирования пословичных единиц в различных трудах лингвистов, в том числе и в работе А.В. Кунина, свидетельствуют о том, что пословица включается в контекст, как и все остальные фразеологизмы.

Немало дискуссий вызывает и синтаксическое членение пословичных единиц. Приводятся доводы против отнесения пословичных единиц к фразеологии. К примеру, пословицы, как и поговорки и другие образные выражения, состоят из слов с определенным значением и в них компоненты могут выделяться логическим ударением. В пословичных единицах слова обладают вполне определенным лексическим значением. Сложение смыслов дает новые смыслы.

Новый смысл, образованный в результате сложения смыслов, ее семантико-стилистическая интеграция способствует отнесению пословицы к устойчивым словосочетаниям и считать воспроизводящей единицей речи.

А тезис относительно выделения элементов пословичной единицы логическим ударением не является убедительным против их отнесения к фразеологизмам. Существует гораздо больше оснований придерживаться широкого понимания паремий [7].

Данный факт говорит о специфике пословичной единицы как законченного предложения, в котором не может быть логического ударения.

На наш взгляд, пословица есть продукт художественного творчества народа, с течением времени становится также и продуктом развития его языка. Мнение некоторых лингвистов, считающих, что пословицы и поговорки как явления поэтической речи остаются за рамками фразеологии и если входят в язык, то не в этот его структурный уровень, являются необоснованными. Между явлениями языка и поэтической речи не существует непроходимой грани.

Как писал В.В. Виноградов «любое языковое явление может приобрести характер поэтического, и не исключена возможность обратного явления» [2].

Как лингвистическое явление пословица может рассматриваться с различных точек зрения. В частности, изучение употребления различных выразительных средств может быть также предметом стилистики, которая является частью фразеологии как лингвистической дисциплины.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ о месте пословиц в фразеологии, приводит к следующим выводам:

– пословичные единицы являются продуктом художественного творчества народа – соответственно они становятся также и продуктом развития его языка;

– существующие точки зрения ученых, считающих, что пословицы и поговорки как явления поэтической речи остаются за рамками фразеологии и если входят в язык, то не в этот его структурный уровень, являются беспочвенными;

– между явлениями языка и поэтической речи не отмечается непроходимой грани;

– указывается на сложность и трудность универсального определения данных единиц;

– лингвисты отмечают в пословичных единицах разные черты, считая их ключевыми.

Список источников

1. Амосова Н.А. Основы английский фразеологии. 2-е изд., доп. Москва: URSS: Либроком, 2009. 206с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 588 с.
3. Гусейнова М.Б. Зоонимы в пословицах и поговорках дагестанских языков // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 10. С. 106 – 109.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр "Феникс", 1996. 381 с.
5. Мегентесов С.А., Сидорков С.В. Пословичные паремии как типологический критерий литературных форм // Германистика в современном научном пространстве: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар. 2011. С. 144 – 148.
6. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб., 2007. 256 с.
7. Никтовенко Е.Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013.
8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М. 1988. 235 с.
9. Турдалиева Д.С. К вопросу о месте народных пословиц в языковой системе // Вестник науки и образования. 2018. Т. 1. С. 87 – 95.
10. Шишкина А.С., Выхрыстюк М.С. Пословица и поговорка: к вопросу о их разграничении в языке // Студенческий научный форум: материалы X Международной студенческой научной конференции. URL: <ahref="https://scienceforum.ru/2018/article/2018007644?ysclid=mtzbpvz1yg34465155">https://scienceforum.ru/2018/article/2018007644?ysclid=mtzbpvz1yg34465155 (дата обращения: 13.09.2026).

References

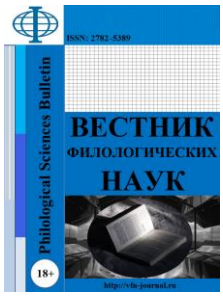
1. Amosova N.A. Fundamentals of English Phraseology. 2nd ed., supplemented. Moscow: URSS: Librokom, 2009. 206 p.
2. Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. Moscow: Nauka, 1977. 588 p.
3. Guseinova M.B. Zoonyms in Proverbs and Sayings of Dagestani Languages. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 10. P. 106 – 109.
4. Kunin A.V. A Course in Modern English Phraseology: A Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages. 2nd ed., revised. Moscow: Vysshaya Shkola; Dubna: Publishing Center "Phoenix", 1996. 381 p.
5. Megentesov S.A., Sidorkov S.V. Proverbial Paremias as a Typological Criterion for Literary Forms. Germanic Studies in the Modern Scientific Space: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference. Krasnodar. 2011. P. 144 – 148.
6. Mokienko V.M. Into the Depths of a Saying: Stories About the Origins of Catchphrases and Figurative Expressions. St. Petersburg, 2007. 256 p.
7. Niktovenko E.Yu. Structural Diversity of Paremias and Their Linguistic Status. Bulletin of the Maykop State Technological University. 2013.
8. Permyakov G.L. Fundamentals of Structural Paremiology. Studies in the Folklore and Mythology of the East. Moscow. 1988. 235 p.
9. Turdalieva D.S. On the Place of Folk Proverbs within the Linguistic System. Bulletin of Science and Education. 2018. Vol. 1. P. 87 – 95.
10. Shishkina A.S., Vykhrystyuk M.S. Proverbs and Sayings: On the Issue of Distinguishing Between Them in Language. Student Scientific Forum: Proceedings of the 10th International Student Scientific Conference. URL: https://scienceforum.ru/2018/article/2018007644?ysclid=mtzbpvz1yg34465155 (accessed: 13.09.2026).

Информация об авторах

Гасанова У.У., *доктор филологических наук, профессор ДГУ, профессор Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, uzlipat066@mail.ru*

Магомедова А.А., *Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала. uzlipat066@mail.ru*

© Гасанова У.У., Магомедова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 811.161.1'28
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-91-96

[1] Гауч О.Н. ***[1] Тюменский государственный институт культуры***

Влияние южнорусского и севернорусского наречий на формирование фольклорных текстов Тюменской области

Аннотация: *автор статьи анализирует песенные тексты Тюменской области. Цель исследования – выявить примеры влияния южнорусского и севернорусского наречий на формирование фольклорных текстов Тюменской области. В статье приведён обзор теоретических исследований в области отечественной диалектологии, а также научно-практических исследований, посвященных изучению особенностей формирования говоров Сибири. Источниковедческим материалом послужили работы современного фольклориста-собирателя Л.В. Дёминой, чей материал стал объектом исследования автора стоить. Автор работы акцентирует внимание на фонетические и морфологические особенности фольклорных текстов. В ходе исследования автор статьи приходит к выводам, что в фольклорных текстах Тюменской области наблюдается смешение южнорусского, севернорусского и среднерусского наречий. Материалы исследования могут быть использованы в практической деятельности фольклористов, исполнителей народного песенного творчества, а также обучающимися лингвистических специальностей для изучения истории становления и современного состояния фольклора в Тюменской области.*

Ключевые слова: *диалект, говор, южнорусское наречие, севернорусское наречие, старожилы, переселенцы*

Для цитирования: Гауч О.Н. Влияние южнорусского и севернорусского наречий на формирование фольклорных текстов Тюменской области // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 91 – 96. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-91-96

Поступила в редакцию: 8 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Gauch O.N. ***[1] Tyumen State Institute of Culture***

The influence of South Russian and North Russian dialects on the formation of folklore texts in the Tyumen Region

Abstract: *the author analyzes song lyrics from the Tyumen region. The study aims to identify instances where Southern Russian and Northern Russian dialects have influenced the formation of folklore texts in the area. The article reviews theoretical research in Russian dialectology as well as scholarly studies on the development of Siberian dialects. The primary source material consists of works by the contemporary folklorist and collector L.V. Dyomina, which serve as the object of the author's analysis. Particular attention is paid to the phonetic and morphological characteristics of the folklore texts. The study concludes that a blend of Southern Russian, Northern Russian, and Central Russian dialects is evident in the folklore texts of the Tyumen region. These findings may be utilized by folklorists, folk song performers, and linguistics students to explore the historical development and current state of folklore in the Tyumen region.*

Keywords: *dialect, local dialect (govor), Southern Russian dialect, Northern Russian dialect, long-term residents, settlers*

For citation: Gauch O.N. The influence of South Russian and North Russian dialects on the formation of folklore texts in the Tyumen Region. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 91 – 96. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-91-96

The article was submitted: August 8, 2026; Approved after reviewing: September 11, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная лингвистическая наука объектом исследования выбирает изучение лексики, отражающей традиции и обычаи народов, проживающих на территории России. Особый интерес вызывает фольклорное наследие регионов страны, так как на их территориях проживают не только коренные жители, но и переселенцы. В результате смешения культур происходит формирование самобытной культуры края. Интерес к изучению фольклора обоснован тем, что 2026 год в России объявлен Годом народного искусства и культурного наследия. Национальный фонд Тюменской области представлен многочисленными народностями: коренными малочисленными народами севера (манси, ханты, селькупы, ненцы), татарами, русскими, украинцами, белорусами и др. По данным Росстата, численность населения Тюменской области составляет около четырёх миллионов человек [16]. Большая часть – около 75 % от общего количества проживающих – русские, которые являются выходцами из различных регионов России, Украины и Беларуси.

Материалы и методы исследований

Источниковедческой базой исследования стали материалы фольклорных экспедиций под руководством Л.В. Дёминой, опубликованные в разные периоды: «Русские народные песни Тюменской области» (1991) [10], «Россияночка: песни д. Ермаки Викуловского района Тюменской области» (1995) [9], «Песенная жемчужина Исетского района» (1996) [8], «Традиционный фольклор Тюменской области: репертуарный сборник» (2013) [11], «Фольклор юга Тюменской области: старожилы, новопоселенцы» (2014) [17], – а также материалы из личного архива исследователя ранее не опубликованные.

Теоретической основой исследования стали работы известных лингвистов в области истории языка и диалектологии: очерк А.А. Шахматова «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» [15], научное исследование коллектива авторов под руководством В.Г. Орловой «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии» [12], очерк по исторической диалектологии К.В. Горшковой «Историческая диалектология русского языка» [6].

В основе статьи отражены научно-практические положения следующих работ: очерк А.Е. Аникина «К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири» [1], статьи С.М. Беляковой «О тюменских говорах» [2], Н.А. Лукьяновай «Сибирские говоры в общей системе русских народных говоров» [13], О.Н. Гауч «Особенности фонетического фона песенного народного творчества Викуловского района Тюменской области» и «Фольклорное наследие Сорокинского района Тюменской области» [4, 5].

Методологической базой исследования стал системный подход к изучения лексических единиц, отражающих особенности говора Тюменского региона. В ходе работы были использованы такие методы как сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, описательный, морфологический и фонетический.

В лингвистике интерес к изучению региональной языковой культуры появляется в середине XX века, когда формируется диалектология как отдельная отрасль языкознания. Появляются работы, авторы которых изучают понятие диалекта как единицы языка, особенности диалектов различных регионов страны. Особый вклад в развитие отечественной диалектологии как науки внесли Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Л. Васильев, К.Ф. Захарова, Л.Л. Касаткин, В.Г. Орлова. На развитие сибирской диалектологии повлияли работы С.М. Беляковой, О.Н. Блиновой, М.С. Выхрыстюк, Л.М. Городиловой, А.М. Кошкарева, Е.В. Купчик, Н.А. Лукьяновой, О.А. Любимовой, В.В. Палагиной, Н.Н. Парфеновой, О.Г. Пороховой, М.А. Романовой, В.Н. Светловой, Е.Н. Сухиной, А.И. Федорова, Л.С. Филинковой, Н.К. Фролова, Т.Х. Хайрутдиновой, Н.А. Цомакиона и других.

История словарного состава русского языка изучалась томскими историками языка (под руководством В.В. Палагиной, О.Н. Блиновой), основные положения отражены в работах Н.Т. Бухаревой («Сибирская лексика и фразеология», «Системный характер лексико-семантических отношений в русских говорах Сибири»), Н.А. Лукьяновой («Лексика современных говоров как объект изучения»). По данным лингвистических и этимологических исследований составлены «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв.» (автор-составитель Л.Г. Панин), «Словарь русских говоров Сибири»

(автор-составитель Н.Т. Бухарева), «Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области)» (А.М. Кошкарева), «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» (автор М.А. Романова, редактор С.М. Белякова) [3].

Систематическое изучение фольклорного наследия региона началось со второй половины XX в. Представители тюменской, новосибирской и екатеринбургской лингвистических школ: П.А. Словцов, Е.П. Багирова, С.М. Белякова, М.С. Выхрыстюк, Ф.М. Селиванов, Л.В. Дёмина, О.Н. Гауч, Т.В. Данилова и др., – акцентировали внимание на лингвистическом и фонетическом строе фольклорного наследия. Активные полевые исследования проводились и проводятся Тюменским государственным университетом, Институтом филологии СО РАН. Изучением культуры и фольклора региона занимались такие ученые, как Л.В. Дёмина (собирательская деятельность, О.Н. Гауч (научно-исследовательская), С.Н. Баландин, Ф.М. Селиванов, (взаимодействие литературы и фольклора). В работах исследователей фольклорный текст становится не только объектом изучения обрядовой культуры, но и лингвистическим источником, в котором отражается история развития языковой системы сибирского региона, представленной местными диалектами, стилистическими особенностями языка переселенцев из разных районов России и зарубежью.

В современный период фундаментальный вклад в изучение фольклорного наследия Тюменского региона внесла Лилия Васильевна Дёмина, научные работы которой посвящена детальному анализу песенного творчества старожилов и новопоселенцев [10, 17]. В конце XX века исследователем были организованы фольклорные экспедиции, в ходе которых был собран богатый материал по истории Западно-Сибирского фольклора. Материалы экспедиции стали объектом нашего исследования.

Результаты и обсуждения

Региональная культура и языковой фон Тюменской области формировались в результате культурных контактов старожилов и переселенцев. Старожилы или «чалдоны» являются основной группой русского населения региона. Старожилы – это выходцы из Вологодских, Пермских и Вятских губерний, в песенном творчестве которых представлены архаичные пласты, развитая плачевая традиция, сдержанный музыкальный стиль. Вторая группа – представлена новопоселенцами («расейцы», «лапотники») из южнорусских (Орловская, Воронежская, Тульская, Курская) и западнорусских (Брянская) губерний, а также Белоруссии и Украины. Песенное наследие представителей данной группы отличается динамичными формами, яркими образами, обогащённой ритмикой и мелодикой [17]. Следовательно, в фольклорных песенных текстах проявляются признаки южнорусского и севернорусского наречий. Каждое из наречий имеет ряд фонетических и морфологических особенностей, которые полностью или частично отражены в текстах.

Языковыми особенностями южнорусского наречия являются:

– наличие *аканья* и *яканья* при произношении слов: «*Я с милой простил(ы)ся, на серебре…н(ы)х(ы), да волнах(ы) на, / На желтом(ы) [п'а]сочеку. / На желтом(ы) [п'а]сочеку, дол(ы)га деву, м[а]ладую я, я искал(ы) с[л'а]дочику*» (д. Шаблыкино Ишимского района, исполнители З.К. Сычева, 1932 г.р., Т.М. Савкина, 1930 г.р.) [7], «*Слетайте вы, гал(ы)ки, [н'а]сите вы пал(ы)ки*» (запись 1994 с. Лариха Ишимского района, исполнитель А.Г. Белова, 1912 г.р) [7];

– произношение слов с вставными гласными между согласными звуками (*п[а]шаница* вместо *пшеница*): «*Мальчоноч(и)ка дев(ы)чон(ы)чку об(ы)мустил / Он с иё руки колеч(и)ко получил*» (д. Шаблыкино Ишимского района, исполнители З.К. Сычева 1932 г.р., Т.М. Савкина, 1930 г.р.) [11];

– замена гласного звука [э] на [и]: «*Прибудь же ко мне да дай м[и]не по порядочёк бедной сироте. / Бедной сироте, ох, рад бы дитя моё прибыть м[и]не к т[и]бе*» (запись 1989 г. д. Комиссаровка Сорокинского района, информатор Неонила Даниловна Зелинская, 1908 г.р.) [8];

– наличие [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица настоящего и будущего времени: «*З[э]л[э]н[э]я жито жнеци жну[т'], х[а]рошие гости водку пьют*» (запись 1990 в д. Завьялово Имшимского района, исполнитель Н.П. Попова, 1938 г.р.) [8];

– замена гласных в безударных окончаниях местоимений (имён прилагательных) *-ого/-его* на *-аво/-ево:* «*Не б[а]юсь я вечной муки / Б[а]юсь мила<u>ва</u> разлуки. / Не б[а]юсь я ника<u>во</u>, / Люблю друга св[а]ево*» (д. Шаблыкино Ишимского района) [11];

– окончание звука [э] в родительном и винительном падежах личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения: «у тебе тя… тебе тятеника, дак(ы) не…» (д. Гаёво Исетского района, информаторы Е.Е. Ощуркова, 1931 г.р и Г.М. Колесова, 1936 г.р) [7].

В репертуаре фольклорного ансамбля «Истоки» Ишимского района зафиксирована песня «Ты Егор(ы), ты Егоры(ы)»: «Уг[а]варивал м[и]ня, в[а]азьму замуж за с[и]бя, / Я пр[а]снулась, пр[а]будилась, (в)мене нету ник[а<u>в</u>о] / Я пр[а]снулась, пр[а]будилась, (в)мене нету ник[а<u>в</u>о] / З[и]л[и]на вина бутылочка в г[а]ловицах

ст[а]ит» [9]. В исполнении участников ансамбля прослеживаются особенности южного наречия: *аканье*, замена гласного звука *[э]* на *[и]*.

Для многих фольклорных песен зафиксированных в разных районах Тюменской области (Бердюжском, Сорокинском, Ишимском, Исетском и др.) характерны и другие особенности, которые рассмотрим ниже.

Языковой анализ фольклорных текстов показал, что в песнях Бердюжского района сильно влияние южнорусского наречия, что связано с массовым переселением крестьян из центральных и южных губерний в период Столыпинской реформы. Проанализируем некоторые тексты этого района Тюменской области.

При фонетическом анализе фольклорных текстов было выявлено сильное диссимилятивное начало в области гласных и согласных звуков. Диссимиляция гласных звуков представлена произношение звуков [э] и [и] вместо [а] в первом предударном слоге после мягкого согласного: «*Отец – старик коня седлает, / Товарищ пеку подает»* (д. Останина Бердюжского района, исполнитель М.В. Перевалова, 1909 г.р.) [7], «*Шура веником ломала, а я смородина убрала / А кинорейка да песню пела, / А я ниче не поняла»* (д. Гагарина Бердюжского района, исполнитель Т. Сухинина, 1941 г.р.) [7]. В первом контексте лексема «пеку» соответствует лексеме «пак» (форма И. п. ед. ч), которая имеет значение «пакет, связка».

Примером диссимиляции согласных звуков является рекрутская песня, записанная от информатора М.В. Переваловой: «*Быть может, еду в прай далёкий*» [7]. В данном контексте лексема «*прай*» может восходить к лексеме «край». Диссимиляция согласных отражена и в казачьих песнях: «*Поехал казак на чужбинушку да / Далеко па добырым коне верным*» (д. Песчаное, информатор К. Иванова, 1915 г.р.) [7].

В фольклорных текстах Бердюжского района нашли отражения морфологические особенности украинского языка: употребление имен существительных в форме В. п. единственного числа вместо Р. п. и инфинитивных форм глаголов: «*Галя моя Галя, дай воду напиться, / Да яка ты красивая, дай хоть подивитися*» (информатор Н.А. Страхов) [7].

В употреблении согласных звуков отмечен приём ассимиляции (уподобление звуков и упрощение их произношения), что характеризует разговорную речь: «*Я недорого за вечер заплатилы я бумажечку лехонькую (легонькую)»* [10]. Приёмы ассимиляции встречаются в фольклорных текстах и других районов Тюменской области: «*Пушщ(ш)у п(ы)ташку погулять, / Ох(ы), ля…, ляти, п(ы)ташеч(и)ка, ж(и) на волю*» (д. Шаблыкино Ишимского района, исполнители З.К. Сычева 1932 г.р., Т.М. Савкина, 1930 г.р.). В данном контексте отмечено наличие твёрдых долгих шипящих в произношении лексемы «*пушщу*» (в значении «*отпущу*»), что является особенностью среднерусского говора.

Севернорусское наречие отражает особенности древнерусского языка и имеет следующие признаки:

– чётко выраженное «оканье», наличие взрывного звука [г];

– замена согласного звука [ч'] на [т'] или [ц]: «*Да ей пустая нова хоромин[ы]ка / Да углы наплоть отвалилися*» (запись 1989 г. д. Комиссаровка Сорокинского района, информатор Неонила Даниловна Зелинская 1908 г.р.) [10];

– переход существительного м.р. с суффиксом -ушк-, -ишк- во 2-е склонение: «*Из-под камуш(и)ко, кам(ы)ня се(е)рого*», «*Ты, дон(ы)ско(и) казак, родный батюш(*и)ко*, / Ох(ы), не топи ж(и)меня <…> / Ох(ы), все сосе(е)душ(и)ки, ох(ы) … спать уляжут(ы)ца <…> / Ох(ы), малы детушки, ох(ы), крепким сном(м) зас(ы)ну*» (д. Шаблыкино Ишимского района, исполнители З.К. Сычева и Т.М. Савкина) [11];

– наличие конечного звука [т] вместо [т'] в окончаниях глаголов: «*Чья-то парочка вышла гулят / Наклонился близко к берегу, / Что-то стали друг другу шептат*» (д. Гагарина Бердюжский район, информатор Л.В. Красницкая, 1941 г.р.) [7].

Анализ фольклорного материала показал, что в песенных текстов Тюменского области, зафиксированных в разных районах, наблюдается смешение южного и северного наречий. Примером является свадебная песня, записанная в 1989 году в деревне Комиссаровка Сорокинского района в исполнении Неонилы Даниловны Зелинской 1908 г.р.: «*Ой, ходила у нас Манечка по крутой горе. / У крутой горе да набачила с[и]бе …ника… на тихой воде*» [11]. В приведённом отрывке отражено чёткое оканье, что является особенностью северного наречия, замена гласного звука *[э]* на *[и]* – особенность южного наречия.

В Сорокинском (1989 г., исполнитель А.П. Мещанкина 1900 г.р.) и Голышмановском (1999 г., исполнитель К.П. Скареднова 1917 г.р.) районах Тюменской области в разные годы была зафиксирована песня «Розан мой, розан», в которой отмечено наличие вставного гласного звука между согласными и замена безударных гласных *-ий (-ый)* в окончаниях прилагательных на *-ой*, что является особенностью южного наречия: «*Розан мой, розан, виног[ы]рад зелёной да, / Кто у нас хорошой, да кто у нас пригожой?*» [17]. В безударной позиции отмечено чёткое произношение звука *[о]* (северное наречие).

Анализ фольклорных текстов, зафиксированных в Ишимском и Голышмановском районах свидетельствует о проявлении восточного среднерусского говора: появление вставочных гласных: «*С кам(ы)нем(ы) в речку*

пала <…> / Кок[а]кол раз(ы)дал(ы)ся, сел(ы) я мигом на коня, шевельнул уз(ы)дою. / Шевельнул уз(ы)дою, тронул(ы) шпоры под(ы)бока, конь летит(ы) стрелою», «*Речка быс(ы)трая, вода чис(ы)тая, / Ох(ы), там(ы) да дон(ы)ско(и) казак … коня ж(и) поил*», (д. Шаблыкино Ишимского района, исполнители З.К. Сычева и Т.М. Савкина) [11], «На той ст(ы)роне пригл(ы)нулось мне, <…> / Дружинов шатёр хорошо с(ы)наряжён. / Хорошо с(ы)наряжён, пок(ы)рыт крышаю» (д. Иванково Ишимского района, исполнитель Н.А. Абрамова и З.К. Сычева) [10].

Выводы

Языковой анализ фольклорных текстов отдельных районов Тюменской области (Исетского, Ишимского, Бердюжского, Сорокинского) позволяет проследить пути формирования местной традиции как результата синтеза различных переселенческих говоров. В фольклорных песенных текстах выявлены особенности южного и северного наречий. Сопоставительной анализ показал, что в текстах преобладают элементы южнорусского наречия: наличие аканья и яканья, фонетические законы в области гласных и согласных (ассимиляция и диссимиляция), наличие [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица настоящего и будущего, замена гласных в безударных окончаниях местоимений (имён прилагательных), окончание звука [э] в родительном и винительном падежах личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения. Севернорусское наречие представлено Фольклорные тексты имеют неоднородный характер: в рамках одного текста выявлены особенности южного и северного наречий, что свидетельствует о распространении на территории Тюменской области среднерусских говоров.

Список источников

1. Аникин А.Е. К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 2025 – 2010.
2. Белякова С.М. О тюменских говорах // МИРС. 2008. № 2. С. 115 – 116.
3. Гауч О.Н. Семантико-этимологическая интерпретация предметно-бытовой лексики второй половины XVIII века: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01: Тюмень, 2009. 255 с.
4. Гауч О.Н., Халанчук Т.В. Особенности фонетического фона песенного народного творчества Викуловского района Тюменской области // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2022. № 2 (24). С. 161 – 163.
5. Гауч О.Н., Чернобородова Т.О. Фольклорное наследие Сорокинского района Тюменской области // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2022. № 1 (23). С. 54 – 67.
6. Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.
7. Дёмина Л.В. Личный архив. Тюмень, 2010.
8. Дёмина Л.В. Песенная жемчужина Исетского района. Тюмень: Культура, 1996. 102 с.
9. Дёмина Л.В. Россияночка: песни д. Ермаки Викуловского района Тюменской области. Тюмень: ООАТ, 1995. 83 с.
10. Дёмина Л.В. Русские народные песни Тюменской области. Тюмень: Культура, 1991. 53 с.
11. Дёмина Л.В. Традиционный фольклор Тюменской области. Репертуарный сборник. Тюмень: Титул, 2013. 163 с.
12. Захарова К.Ф, Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. Москва: Наука, 1970. 456 с.
13. Лукьянова Н.А. Сибирские говоры в общей системе русских народных говоров // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 2. С. 6 – 13.
14. Малахов А.С. Русская диалектология: теория и практика. Учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. 149 с.
15. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Спб: Типография В.С. Балашева и К°, 1899. 63 с. URL: http://e-heritage.ru/Book/10094394 (дата обращения: 02.12.2025).
16. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://72.rosstat.gov.ru/publication_collection2 (дата обращения: 02.05.2026)
17. Демина Л.В. Фольклор юга Тюменской области: старожилы и новопоселенцы: сборник (материалы по региональному фольклору). Тюмень: Титул, 2014. 239 с.

References

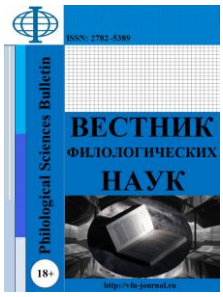
1. Anikin A.E. On the History and Typology of the Russian Settler Dialects of Siberia. Siberian Philological Journal. 2014. No. 1. P. 2025 – 2010.
2. Belyakova S.M. On the Dialects of the Tyumen Regio. MIRS, 2008. No. 2. P. 115 – 116.

3. Gauch O.N. Semantic-Etymological Interpretation of Everyday Material Culture Vocabulary from the Second Half of the 18th Century: Candidate of Philological Sciences dissertation, specialty 10.02.01. Tyumen, 2009. 255 p.
4. Gauch O.N., Khalanchuk T.V. Features of the Phonetic Background in the Folk Song Tradition of the Vikulovsky District, Tyumen Region. Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture. 2022. No. 2 (24). P. 161 – 163.
5. Gauch O.N., Chernoborodova T.O. Folklore Heritage of the Sorokinsky District, Tyumen Region. Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture. 2022. No. 1 (23). P. 54 – 67.
6. Gorshkova K.V. Historical Dialectology of the Russian Language. Moscow: Prosveshcheniye, 1972. 160 p.
7. Dyomina L.V. Personal Archive. Tyumen, 2010.
8. Dyomina L.V. A Song Pearl of the Isetsky District. Tyumen: Kultura, 1996. 102 p.
9. Dyomina L.V. Rossiyanochka: Songs from the Village of Yermaki, Vikulovsky District, Tyumen Region. Tyumen: OOAT, 1995. 83 p.
10. Dyomina L.V. Russian Folk Songs of the Tyumen Region. Tyumen: Kultura, 1991. 53 p.
11. Dyomina L.V. Traditional Folklore of the Tyumen Region: A Repertoire Collection. Tyumen: Titul, 2013. 163 p.
12. Zakharova K.F., Orlova V.G., Sologub A.I., Stroganova T.Yu. The Formation of the Northern Russian Dialect Group and Central Russian Dialects: Based on Linguistic Geography Data. Moscow: Nauka, 1970. 456 p.
13. Lukyanova N.A. Siberian Dialects within the General System of Russian Folk Dialects. Vestnik NSU. Series: History, Philology. 2012. Vol. 11. No. 2. P. 6 – 13.
14. Malakhov A.S. Russian Dialectology: Theory and Practice. A Textbook. Vladimir: Vladimir State University (VlSU) Press, 2012. 149 p.
15. Shakhmatov A.A. On the Question of the Formation of Russian Dialect Groups and Russian Ethnic Subgroups. St. Petersburg: V.S. Balashev & Co. Printing House, 1899. 63 p. URL: http://e-heritage.ru/Book/10094394 (accessed: 02.12.2025).
16. Federal State Statistics Service. URL: https://72.rosstat.gov.ru/publication_collection2 (accessed: 02.05.2026).
17. Demina L.V. Folklore of the Southern Tyumen Region: Old-Timers and New Settlers: A Collection (Materials on Regional Folklore). Tyumen: Titul, 2014. 239 p.

Информация об авторах

Гауч О.Н., *кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный институт культуры, ongauch@mail.ru*

© Гауч О.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.411.21
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-97-102

[1] Гаджимурадова Т.Э., [1] Байлулаева А.А. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Образы-символы романа Нагиба Махфуза «Уважаемый господин»

Аннотация: *в статье рассматриваются образы-символы романа «Уважаемый господин» лауреата Нобелевской премии, египетского писателя Нагиба Махфуза. Произведение относится к психологической прозе писателя, прочтение которой отличается многомерностью восприятия текста, возможностями аллегорического толкования и психологически углублённого прочтения. Махфуза интересует судьба человека, добившегося многого на карьерной лестнице, но потерявшего смысл жизни. В статье отмечается, что в романе проявляется тенденция, сформулированная писателем как отчуждение человека, психологический анализ его души, переживаний, увлечение морально-этической проблематикой, заинтересованность судьбой «маленького человека». Так же, как во многих других произведениях писателя позднего периода, в романе «Уважаемый господин» поднимается тема пути. Герой сознательно сошел с дороги, ведущей к настоящему счастью. Семье, любви, дружбе он противопоставил одну гипертрофированную черту – всепоглощающую страсть к работе, которая заняла непропорционально много места в его жизни, вытеснив из неё все остальные чувства и привязанности, заставляя испытывать постоянную тревогу и неудовлетворенность результатами своего труда. Особое внимание в статье уделяется образам-символам.*

Ключевые слова: *современная арабская литература, египетский писатель, роман, проблематика, образность, образы-символы*

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Байлулаева А.А. Образы-символы романа Нагиба Махфуза «Уважаемый господин» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 97 – 102. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-97-102

Поступила в редакцию: 8 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Gadzhimuradova T.E., [1] Baylulaeva A.A. ***[1] Dagestan State University***

Symbolic images of Naguib Mahfouz's novel «Dear Sir»

Abstract: *the article examines the symbolic images of the novel «Dear Sir» by Nobel Prize winner, Egyptian writer Naguib Mahfouz. The work belongs to the writer's psychological prose, the reading of which is distinguished by the multidimensionality of the perception of the text, the possibilities of allegorical interpretation and psychologically in-depth reading. Mahfuz is interested in the fate of a man who has achieved a lot on the career ladder, but has lost the meaning of life. The article notes that the novel reveals a tendency formulated by the writer as alienation of a person, a psychological analysis of his soul, experiences, passion for moral and ethical issues, interest in the fate of the «little man». Just like in many other works of the writer of the late period, the novel «Dear Sir» raises the theme of the path. The hero deliberately left the road leading to real happiness. He contrasted family, love, and friendship with one exaggerated trait – an all-consuming passion for work, which took up a disproportionate amount of space in his life, crowding out all other feelings and attachments, causing him to experience constant anxiety and dissatisfaction with the results of his work. The article pays special attention to symbolic images.*

Keywords: *modern Arabic literature, Egyptian writer, novel, problematics, imagery, images-symbols*

For citation: Gadzhimuradova T.E., Baylulaeva A.A. Symbolic images of Naguib Mahfouz's novel «Dear Sir». Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 97 – 102. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-97-102

The article was submitted: August 8, 2026; Approved after reviewing: September 11, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Роман «Уважаемый господин» относится к периоду жизненной и творческой зрелости Махфуза, поэтому его нельзя назвать случайным в биографии писателя. В 60-70-е гг. Махфуз начал экспериментировать в неожиданно новых для себя жанрах произведений, в которых продолжался поиск Бога, справедливости и счастья для всего человечества [4, с. 302]. Результатом этого стало «освобождение от традиционной манеры мышления и традиционного вкуса» [9, с. 6]. К этому периоду относятся произведения писателя («Вор и собаки», «Осенние перепела», «Путь», «Нищий», «Болтовня над Нилом», «Пансионат "Мирамар"» и др.), получившие определение – «романы пути».

Через частную жизнь, драматические и трагические судьбы своих персонажей писатель исследует состояние общества в сравнительно ограниченный промежуток времени и улавливает признаки нарастающего в нем внутреннего брожения [5, с. 340]. Главными героями этого «брожения» стали молодые выходцы из «среднего класса».

Мелкий буржуа, осознавший самоценность своей личности, стремящийся выйти за рамки среды, к которой он принадлежит по рождению, добиться успеха, занять подобающее положение в обществе, где власть принадлежит родовитым и богатым, и неизбежно терпящий крах, – таков основной романный герой Махфуза. Роман «Уважаемый господин» – яркое тому свидетельство. В нем писатель отразил период разложения традиционного общества, ломки прежних религиозных и нравственных представлений, распространения новых социальных теорий.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является психологический роман египетского писателя Нагиба Махфуза «Уважаемый господин»; научно-критическая литература о творчестве писателя; теоретические источники об идейно-художественном своеобразии «романов пути».

Методы исследования: в процессе написания статьи были использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический и аналитический методы.

Результаты и обсуждения

Тема карьерного роста в ущерб нравственным ценностям нашла отражение в романах «Новый Каир», «Осенние перепела», «Уважаемый господин». В каждом из героев сочетаются высокое, духовное и низкое, плотское начала. К каждому своему персонажу Махфуз подходит с некой идеальной меркой не для того, чтобы судить его, а проверяя сам идеал, испытывать духовные ценности материальной данностью мира, «хлебной лепешкой» [5, с. 342].

На фоне общественного противостояния автор подчёркивает значимость борьбы с самим с собой. Показывая на примере героев своих романов черты, которые он не приемлет в человеке: безответственность, иждивенчество, корыстолюбие, писатель произносит главную нравственную проповедь – труд во благо общества является высшим долгом человека на земле.

Роман «Уважаемый господин» состоит из 38 частей, в которые умещается вся человеческая жизнь – детство в воспоминаниях, юность, зрелость и завершение жизненного пути.

Завязкой повествования является встреча главного героя – Османа Буюми – с его превосходительством, «божеством, неподвижно восседавшим за огромным столом» [6, с. 319], генеральным директором. На встречу с ним пришли новые сотрудники, среди которых Осман Буюми, получивший степень бакалавра, но не закончивший образование (как потом выясняется, по причине ухода из жизни родителей, плативших за его обучение).

С первых минут присутствия в огромном кабинете гендиректора Осман испытывает благоговейный трепет, чувство покорности и веры, не может оторвать глаз «от недвижно сидевшего божества» [6, с. 319]. Через него словно прошёл электрический заряд, вызывающий одно желание – приобщиться к радостям жизни, царящим на этой величественной вершине. В завершение встречи Осман убеждён, что «услышал голос судьбы» [6, с. 320]. В этот момент всё для него окрашено лазурью, подобно цвету неба и воды. Данная цветовая символика обозначает особое состояние героя, его стремление к чему-то, возвышенному и недосягаемому. «Он воспарял всё выше, пока головой не вышел в облака» [6, с. 320]. В дальнейшем каждая сту-

пенька роста в карьере сопровождалась ощущением «головы в облаках», воздуха, окрашенного лазурью. Так начался карьерный путь Османа Буюми.

«Мир представился … волной блестящего света, он вбирал его в себя сердцем – и от этого безумие усиливалось» [6, с. 321]. Показательно, что мотив «безумия» повторяется очень часто и в размышлениях самого автора. Мотив безумства в литературе «является оригинальной формой внутреннего протеста против несправедливости общества, его ненавистных законов, кульминацией его психологического катарсиса» [1, с. 112]. Безумство может быть отражением творческого кризиса или противостояния человека и общества. «Безумство» Османа совершенно другой природы. Здесь это метафора страсти, которая одолевает человека и лишает его способности видеть и понимать. Главной страстью героя является желание подняться по карьерной лестнице и стать генеральным директором. Все остальные чувства и желания подчинены безумию.

Роман «Уважаемый господин» отличается сложностью, содержательностью и неслучайностью образных построений, символов, знаков. Рассказчик не раз возвращается к одним и тем же отправным точкам. Всякий раз, когда герой пытается достичь очередной ступени в карьере, настойчиво звучит его число, условно выражающее движение времени и «достижения». Повтор числа семь, других чисел – словесный знак, придающий живому существу какую-то затверженную механистичность, автоматизм.

Все люди, встречающиеся на пути Османа, воспринимаются как очередные этапы на пути продвижения к главной цели. Он не дорожит дружбой, не ценит любви и привязанности. Подспудно в нем живет мысль о людях как «препятствиях» на пути к цели. Их уход из жизни или болезни могли бы заметно ускорить его продвижение по карьерной лестнице. Он не испытывает сострадания к ушедшим сослуживцам.

Махфуз в романе изображает чиновничью среду, которая воспринимается Османом как «*священный механизм*» [6, с. 331]. Прошло совсем немного времени, и он говорит об управлении, как о месте, «где обитают *змеи и ящерицы*» [6, с. 348]. Семь лет находясь на восьмой (самой низкой) ступени в архиве, он «вооружается знаниями для тяжкой, изнурительной борьбы в *джунглях канцелярий*, где каждый деловой человек ищет себе жертву» [6, с. 346].

Весьма яркая метафора – сравнение бюрократического аппарата с «джунглями» – подчеркивает сложную, запутанную иерархию чиновничьего ведомства, характер решения вопросов через колоссальные трудности, неразбериху, бесконечные согласования, тонны отчетности, переписки.

Как змея, которую отличает способность распадаться на части и срастаться вновь [8, с. 20], бюрократический механизм способен к выживанию в самых непростых обстоятельствах, благодаря способности к мимикрии, адаптироваться, приспосабливаться к новым условиям.

Можно сказать, что чиновники, подобно змеям и ящерицам (те же змеи, только с ногами), «обитателям нижнего мира» [3, с. 26], проявляют «рептильное» поведение – они холодны, малоэмоциональны, лишены эмпатии, умеют легко менять свои взгляды в угоду начальству, редко прибегают к честному диалогу, хорошо знают подковерные игры, жестко защищают свое кресло от поползновений чужаков. Все эти «обстоятельства» проявляются в работе «священного» механизма, описываемого в «Уважаемом господине».

Осман представляет, как пройдет счастливый путь с восьмой ступени, завершив его в кабинете генерального директора. «Восьмая ступень, седьмая, шестая, пятая, четвертая, третья, вторая, первая… генеральный директор!» [6, с. 323]. Предел всех его желаний – «лотос крайнего предела» [6, с. 323].

Цветок лотоса имеет глубокий символический смысл. Раскрываясь при восходе солнца и закрываясь вечером, он уже в представлении людей доисторического времени был связан с освобождением света из ила [10, с. 960]. Лотос, укореняясь в тине, рвется вверх, к солнцу, являя собой образ «чистого устремления» [10, с. 962]. Таким же вышедшим из самых низов (тины и ила) представляется герой Махфуза, полный «чистого устремления» (чистого – в значении отсутствия внутренних конфликтов или сомнений, когда всё существо направлено на реализацию одной заветной цели). Герой отличается поглощенностью «великой идеей», «очищенностью» от всего, что не имеет прямого отношения к его интересам, железной волей и непоколебимой решимостью в достижении цели.

Лотос крайнего предела (араб. *сидрат аль-мунтаха*) в религиозной символике обозначает огромный лотос, который растет на седьмом небе возле Престола Всевышнего [7, с. 2]. Это метафора завершения пути, реализации конечной цели и высшая форма блаженства, к которой стремится верующий. В контексте романа Осман представляет себе высшую форму блаженства – в преодолении препятствий на пути к мечте, к «лотосу крайнего предела».

Осман пытается рассчитать, сколько лет пройдёт, прежде чем он станет его превосходительством господином генеральным директором. «Такое чудо может свершиться … через тридцать два года, если не позже» [6, с. 323]. Меньше всего Осман думает о тех обстоятельствах, которые ему могут помешать добиться успеха. Это другие могут оступиться в середине пути. Он же готов идти до конца в реализации своей мечты.

Отметим примечательную подробность, свойственную почти всем романам Махфуза, – особое отношение к месту действия. Здесь имеется в виду и топос городов – Каира и Александрии, – и исторически сложившихся каирских кварталов. Возникшее в средние века деление города на кварталы отражало традиционную стратификацию общества. Каждый квартал, огороженный стеной с воротами, которые закрывались на ночь, представлял собой отдельный, замкнутый в себе социум. Стены и ворота исчезли, но социальные перегородки остались. Поэтому переезды персонажей из одного квартала в другой означают большее, чем перемещения в пространстве, они влекут за собой серьёзные перемены в жизни, а порой и в социальном статусе [5, с. 340].

«Осевые» события в романе «Уважаемый господин» происходят в переулке аль-Хусейни. В третьей части романа даётся описание жилища Османа, которое остается неизменным в течение всей его жизни до женитьбы (32 часть). Только женившись, он переезжает в ту часть города, в которой жили обеспеченные люди. Показательно, как описывает Осман переулок, в котором родился: «Переулок аль-Хусейни был словно продолжением его души и тела. … Мало кто из уроженцев переулка покидал его навсегда, разве что сойдя в могилу. Работали они в самых разных местах: в прачечной, на молотилке, на новой дороге. Но в один прекрасный день они всё равно возвращались в этот переулок» [6, с. 324].

Преодолевая очередные ступени карьерного роста, Осман менялся внешне и внутренне. «Он был похож на переулок аль-Хусейни, который также изменил свой характер: многие дома развалились, и на их месте возникли новые постройки… жизнь меняется: в домах появляется свет, вода, радио орет днем и ночью, женщины перестают заматываться в покрывала, и кажется, что даже добро и зло меняют свой лик, обновляясь» [6, с. 408].

Переулок воспринимается как живое существо, со своими обязательными атрибутами, «лицом», неповторимым ритмом жизни. В то же время он становится метафорой души героя, отражением его детских воспоминаний, мечты. Как в переулке, так и в жизни героя «исчезли невинные детские чувства и неукротимые желания», похороненные «под густым слоем пыли» [6, с. 408]. Метафора переулка дается в контрасте с прямым проспектом. Именно в переулке можно укрыться от городской суеты. Его изолированность диктует свои законы, позволяет спрятаться, побыть наедине с собою.

Есть человеческие судьбы, подобные магистральным улицам. Они открыты новому, предсказуемы в проявлениях характера. Судьба же Османа – как переулок – с неожиданными поворотами, одиночеством, непониманием со стороны окружающих.

Жилище героя в переулке аль-Хусейни состоит из одной комнаты и прихожей. В романе нет его описания, зато переулок, в котором он родился и провел почти всю свою жизнь – «продолжение его души и тела» [6, с. 324], – описывается подробно и в деталях. Жизнь человека в своём жилище скучна и однообразна. Переулок же живет эмоциями, чувствами, событиями и ожиданиями перемен.

Карьерная лестница представлена восемью ступенями. Показательно, что и в другом романе Нагиба Махфуза – «Болтовня на Ниле» – подобная лестница тоже пронумерована. Писатель, долгие годы работавший в госаппарате, знал не понаслышке, как много сил, энергии отнимает подъём по служебной лестнице.

Египетская бюрократическая система должностей насчитывает восемь ступеней. В романе «Уважаемый господин» отсчет ведется от восьмой ступени – младший клерк в архиве. Затем клерк, старший клерк, глава отдела, помощник директора, директор департамента, заместитель генерального директора, генеральный директор. Восхождение напоминает реализацию религиозного культа, смысла всей его жизни.

Особое внимание в повествовании уделяется седьмой ступени, на которой он несколько задержался. Если восьмая ступень обозначена как начало работы в архиве, то «7» называется неоднократно. Возможно потому, что означает семь путей, которыми человек приходит к Всевышнему, семь видов порока, семь стадий развития человека, его души на пути духовного совершенствования и познания Всевышнего и мн. др.

Нагиб Махфуз не ограничивается ролью иллюстратора, фиксатора тех или иных событий. С присущим истинному писателю тактом он дает понять причины тех или иных жизненных явлений, сложных человеческих отношений, раскрывает их социальную основу (подоплёку). Писатель стремится привлечь внимание к болевым точкам общественной жизни, дойти до корней, чтобы обнажить самую существенную причину, породившую данное явление. Он видит болевые стороны бытия, уделяя особое внимание теме власти и бюрократии. Махфуз показывает влияние государственных институтов на судьбу человека. Являясь опорой государственности, они в то же время становятся причиной деградации личности, ограничения её свобод. В мире, в котором живет герой, фетишизируются карьера, деньги, богатство, собственность [2, с. 181]. Духовное одиночество, с которым столкнулся Осман, обусловлено размытыми нравственными устоями, моральной деградацией.

Используемые писателем символика и постоянно повторяющиеся мотивы безумия порождают комплекс неудовлетворенности, одиночества, бездомности, замкнутости.

Герой уходит из жизни, потому что не может вытравить из себя свой жизненный «удел», отказаться от служения чиновничьей среде, которая остается для него высшей ценностью. Концовка романа является знаком тупиковой безысходности самого пути, ведущего к измене собственному естеству – заложенному в человеке стремлению к самосовершенствованию, движению духа к развитию, постижению мира.

Выводы

Роман «Уважаемый господин» лауреата Нобелевской премии египетского писателя Нагиба Махфуза относится к психологической прозе. Махфуза интересует судьба человека, добившегося многого на карьерной лестнице, но потерявшего смысл жизни. Нет однозначности в оценке героя. Постепенно, шаг за шагом, писатель вводит читателя в духовный мир героя, изображая его в разные периоды жизни, в разном состоянии духа – то полностью убежденным в своей правоте, то на исходе дней мучительно сомневающимся. В повествовании сцепляются истинные и ложные ценности, выбор между которыми освещает правильность всей жизненной линии поведения, пути героя.

Список источников

1. Ахундов С.И. Лирика К. Закира: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1982. 15 с.
2. Гвердцители Гурам. Собственная точка зрения // Литературная Грузия. 1987. № 3. С. 164 – 193.
3. Добровольская В.Е. Змей в русской волшебной сказке: к вопросу о природе и генезисе персонажа // Традиционная культура. 2007. Т. 8. № 2. С. 26.
4. Зарытовская В.Н. Особенности позднего этапа творчества Нагиба Махфуза (анализ романов «Путешествие Ибн Фаттумы» и «Торжество возвышенного») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 300 – 311.
5. Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков. М.: Восточная литература, РАН, 2003. Т. 1. С. 340 – 342.
6. Махфуз Н. Уважаемый господин // Избранное: Пер. с араб. / Сост. О. Фроловой, К. Юнусова; вступ. ст. Л. Степанова. Л.: Худож. лит. 1990. С. 317 – 448.
7. Сидра аль-Мунтаха в литературе мусульманских народов // Исламосфера. Культура как образ жизни. С. 2. URL: http://islamosfera.ru/sidra-al-muntaxa-v-literature-musulmanskix-narodov/) (дата обращения: 23.07.2026).
8. Соболев А.И. Змеиные мотивы и образы в русской этнолингвистической традиции Андомского погоста (проблема вепсского субстрата) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 19 – 25.
9. Степанов Л. Предисловие // Махфуз Н. Любовь под дождем. М. 1975. С. 5 – 20.
10. Энциклопедический словарь символов / Авт.-сост. Н.А. Истомина. М.: ООО «Изд-во АСТ»: «Изд-во «Астрель», 2003. 1056 с.

References

1. Akhundov S.I. The Lyrical Poetry of K. Zakir: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Baku, 1982. 15 p.
2. Gverdtsiteli Guram. A Personal Point of View. Literary Georgia. 1987. No. 3. P. 164 – 193.
3. Dobrovolskaya V.E. The Serpent in the Russian Fairy Tale: On the Nature and Genesis of the Character. Traditional Culture. 2007. Vol. 8. No. 2. P. 26.
4. Zarytovskaya V.N. Features of the Late Period in the Work of Naguib Mahfouz (An Analysis of the Novels "The Journey of Ibn Fattouma" and "The Triumph of the Sublime"). RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 300 – 311.
5. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th–20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, Russian Academy of Sciences, 2003. Vol. 1. P. 340 – 342.
6. Mahfouz N. The Respected Gentleman. Selected Works: Translated from Arabic. Compiled by O. Frolova, K. Yunusov; introductory article by L. Stepanov. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura. 1990. P. 317 – 448.
7. Sidrat al-Muntaha in the Literature of Muslim Peoples. Islamosfera: Culture as a Way of Life. P. 2. URL: http://islamosfera.ru/sidra-al-muntaxa-v-literature-musulmanskix-narodov/ (accessed: 23.07.2026).

8. Sobolev A.I. Snake Motifs and Images in the Ethnolinguistic Tradition of the Andomsky Pogost (The Issue of the Vepsian Substrate). Vestnik of Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences. 2010. No. 3. P. 19 – 25.

9. Stepanov L. Preface. Mahfouz N. Love in the Rain. Moscow, 1975. P. 5 – 20.

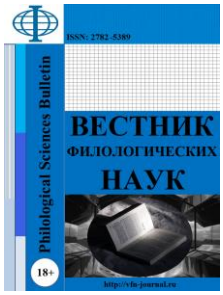
10. Encyclopedic Dictionary of Symbols. Compiled by N.A. Istomina. Moscow: AST Publishing House LLC; Astrel Publishing House, 2003. 1056 p.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., *кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 37, taiba1970@mail.ru*

Байлулаева А.А., *ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 37, bay.va.a1@mail.ru*

© Гаджимурадова Т.Э., Байлулаева А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-103-108

[1] Емельянов И.С.

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Социальная проблематика и ее трансформация в романе Владислава Авдеева «На качелях»

Аннотация: *в статье рассматривается роман В. Авдеева «На качелях» в контексте социальной проблематики, одной из важнейших во всем творчестве писателя. «На качелях» – произведение, в котором проявились характерные черты творческого почерка Авдеева, и в то же время в романе наметились тенденции, которые проявились в позднем творчестве писателя. Целью работы является исследование изменений, которые претерпевает социальная проблематика в романе. В связи с этим в работе ставятся следующие задачи: изучить новые для Авдеева аспекты проблематики; исследовать роль публицистического и рефлексивного элемента текста; выявить значение исторического материала в трансформации проблематики; определить значение романа в творчестве писателя. В результате исследования делается вывод, что публицистическое начало, авторефлексия, осмысление проблем современности в исторической перспективе стали характерными чертами поэтики романа «На качелях», придали прозе писателя новое качество. Для писателя роман стал важным опытом в работе с исторической темой и в создании произведений большой формы.*

Ключевые слова: *Владислав Иванович Авдеев, русская литература Якутии, литературная проблематика, социальное в литературе*

Для цитирования: Емельянов И.С. Социальная проблематика и ее трансформация в романе Владислава Авдеева «На качелях» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 103 – 108. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-103-108

Поступила в редакцию: 8 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Emelyanov I.S.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

Social concerns and their transformation in V. Avdeev's novel «On The Swings»

Abstract: *the article examines V. Avdeev's novel "On the Swing" in the context of social issues, which are among the most important in the writer's entire body of work. "On the Swing" is a work in which the characteristic features of Avdeev's creative style are evident, and at the same time, the novel reveals trends that would become prominent in the writer's later works. The aim of the work is to investigate the changes that social issues undergo in the novel. In this regard, the work sets the following tasks: to study new aspects of the subject matter for Avdeev; to examine the role of the journalistic and reflective elements in the text; to identify the significance of the historical material in the transformation of the subject matter; to determine the significance of the novel in the writer's oeuvre. The study concludes that the journalistic element, self-reflection, and the осмысление of contemporary problems from a historical perspective have become characteristic features of the poetics of the novel "On the*

Swing", giving the writer's prose a new quality. For the writer, the novel became an important experience in working with historical themes and in creating works of large form.

Keywords: *Vladislav Ivanovich Avdeev, Russian literature of Yakutia, literary themes, social dimensions of literature*

For citation: Emelyanov I.S. Social concerns and their transformation in V. Avdeev's novel «On The Swings». Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 103 – 108. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-103-108

The article was submitted: August 8, 2026; Approved after reviewing: September 12, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Владислав Иванович Авдеев (1942-2017) относится к тем писателям, о которых редко пишут литературные критики. Имя писателя и его произведения мало известны массовому читателю. Однако за свою писательскую карьеру Владислав Иванович создал большое количество произведений разных жанров, а в 1990-2000-х был одним из самых активно работающих русских писателей Якутии. Интерес к его творчеству растет, появляются переводы его произведений на якутский язык [8, с. 19], статьи о нем появляются в энциклопедиях [4, с. 26-27].

Актуальность статьи связана с необходимостью изучения творчества В. Авдеева как составной части литературного процесса в Якутии. В прозе В. Авдеева зафиксированы драматические изменения, которые происходили в жизни страны в постсоветское время. *Научная новизна* работы связана с тем, что творчество писателя изучено недостаточно, первый роман писателя ранее практически не исследовался. Между тем вклад В. Авдеева в русскую прозу Якутии значителен. К сожалению, творчество писателя в целом и в отдельных его аспектах до сих пор остается малоизученным.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования является роман В. Авдеева «На качелях. Производственный роман о Ремонте, написанный методом социалистического реализма», опубликованный в 2001 г. Предмет исследования – социальная проблематика романа и ее трансформация. Теоретической основой исследования являются монографии Н. Лейдермана и М. Липовецкого [1, 2], З. Башариной [3], О. Пашкевич [4]. В статьях А. Гагановой [5] и В. Крикливец [6] изучаются особенности производственной, социально-психологической прозы и ее эволюция. В статьях Д. Гоголевой [7], Л. Манчуриной и А. Максимовой [8], А. Шапошниковой [9], И. Шеметова [10] рассматриваются отдельные аспекты творчества писателя. В исследовании применяются историко-типологический, сравнительно-сопоставительный методы. Полученные результаты можно использовать в практике вузовского и школьного преподавания истории литературы Якутии, в исследованиях специфики развития русской литературы в Якутии и региональных литератур.

Результаты и обсуждения

Владислав Авдеев начинал свой путь в литературе на рубеже 1970-1980-х, в ранних его произведениях – рассказах и повестях – отчетливо проявлялись черты распространенных в русской советской литературе жанровых форм. Тематически это были социально-психологические, а точнее социально-бытовые произведения, в которых писатель уделял большое внимание перипетиям личной жизни своих героев, простых советских людей – речников, шоферов, рабочих, сельских тружеников. По своему генезису раннее творчество Авдеева связано с городской и деревенской прозой, обострившей внимание к сложным проблемам современности. Отсюда проистекает особенность, которая проявилась уже в первых его текстах: при всей внешней приземленности сюжетов и героев, эти сюжеты позволяют поставить перед героями «серьезные нравственные проблемы чести, ответственности, дружбы и любви» [9, с. 11]. В этом писатель был продолжателем тех тенденций, которые были развиты русской советской прозой 1960-1970-х и проявились в творчестве таких писателей, как В. Распутин, В. Белов, Ю. Трифонов, Г. Семенов. Герой Авдеева часто оказывается в ситуации морально неоднозначной, он должен сделать выбор, принять ту или иную сторону в разворачивающемся конфликте. В лучших своих произведениях писатель сумел показать за всей обыденностью и даже невзрачностью быта рядового советского человека сложность и неоднозначность того мира, в котором этот герой живет. За внешним благополучием героя, который следует идеологическим советским нормам, вдруг проявляется сложная, неоднозначная правда жизни. Она требует от человека совершать поступки, которые самым неприятным для него образом не совпадают с общественно одобряемыми нормами поведения (рассказы «Механик Деревцов и спрятанные поршни», «Лосиный гон», «Няня»). Или герой оказывается перед необходимостью принять сложное решение, последствия которого отразятся не только на его

жизни, но и на других людях (повести «На рейде», «Случайный отстой»). Рассказы и повести Авдеева, таким образом, отражали особенности развития русской советской прозы 1970-1980-х годов. Это характерная для литературы того времени социально-психологическая проза с большим вниманием к бытовой, «приземленной» стороне жизни, но «не убогой и ограниченной, как предполагала соцреалистическая традиция, а насыщенной сложными философскими коллизиями, разворачивающимися в ежедневной борьбе «маленького человека» с безличным, отчужденным житейским хаосом» [6, с. 67].

Однако на рубеже 1990-х годов все изменилось. Изменилась как сама действительность, так и литературный процесс. Возник кризис жанра реалистического романа, причину которого исследователи видят в том, что исчезла «общая концепция социально-исторической реальности, разделяемая писателем и читателем» [7, с. 527]. Многие писатели советского времени практически перестали печататься, некоторые занялись публицистикой. Однако были и другие писатели, которые сумели адаптироваться к изменившимся условиям существования литературы. Советская социально-психологическая проза, в частности, такие жанры как рассказ и повесть, оказались достаточно гибкими для того, чтобы измениться и отразить новое в жизни. Именно таким путем развивалось творчество Авдеева в постсоветские годы. В 1990-е и начале 2000-х он публикует рассказы и повести, в которых больше внимания уделяется напряженному сюжету, отражающему неспокойную криминальную обстановку этого времени (повести «Страна Адрай», «Илоты»). Однако в напряженном «криминальном» сюжете заметна прежняя основа прозы писателя – интерес к человеку и социальным проблемам. Новое для общества и литературы время, обнажившее противоречия, давало писателю возможность трансформировать советскую социально-психологическую повесть в жанр литературного боевика, криминальной повести. Авдеев начинает уделять сюжету больше внимания, его произведения становятся более напряженными, повествование более стройным и последовательным.

Эти качества присущи и первому большому роману Авдеева «На качелях. Производственный роман о Ремонте, написанный методом социалистического реализма». Роман печатался в журнале «Полярная звезда» в течение 2001 г. Название романа звучало полемически во время его публикации, так как сам метод соцреализма в это время подвергался критике, высмеивался. Таким образом, название показывало, что писатель не отказывался от своего литературного прошлого. Разумеется, здесь можно отметить и самоиронию автора. Название романа имеет прямое отношение к сюжету, так как одной из его главных линий является ремонт корабля. В то же время слово «ремонт», написанное с большой буквы, придает названию смысл символический: это ремонт всего общества и государства. Название романа метафорически осмысляет образ качелей как зыбкое, неустойчивое состояние страны на рубеже веков. Нельзя не вспомнить, и на это наверняка рассчитывал Авдеев, классический советский роман Л. Соболева «Капитальный ремонт», показывающий русский флот в переломное время Первой мировой войны и революции. Таким образом, название романа многозначно, оно отражает неустойчивое состояние государства и общества на рубеже XX и XXI веков. Ремонт в романе – это ремонт конкретного корабля и тот социальный и экономический «ремонт», который происходил в это время в России.

Роман отразил размышления писателя о судьбе российского общества в смутную эпоху, наступившую после краха советского проекта. В нем писатель осмысливает свой литературный опыт. Роман наполнен приметами современности, он публицистичен, открыто полемичен, в нем соединяются художественное и почти документальное, история и современность. Для самого Авдеева его первый роман был своего рода экспериментом: экспериментом с формой литературного произведения, свободно совмещающей временные пласты (прошлое и настоящее); экспериментом с повествовательной техникой, когда текст словно бы рождается на глазах читателя (текст в тексте); экспериментом соединения художественного и публицистического, когда в текст включены размышления о роли и месте писателя в новой действительности (здесь выделяется персонаж во многом автобиографический – писатель Антипин, который пишет книгу о Поселке).

В романе проявляются разные жанровые, стилистические, повествовательные, исторические тенденции. На сюжетном уровне это проявляется в том, как писатель выстраивает историю семьи главного героя Федора Шлыкова, в которой отражается история Поселка, а история Поселка отражает историю всей страны. Далекие события конца XIX века оказываются очень похожи на происходящее в современной России. Судьба рода и отдельного человека неразрывно связана с историй всего народа – вот одна из важных для писателя идей. Она выражается в размышлениях героев книги, например, писателя Антипина: «*Китаева листала альбом, называла фамилии, многие уже были знакомы Антипину, знакомы были и лица, и он снова подумал, что нельзя жизнь страны делить на периоды, история России – это бесконечный поток, с перекатами и плесами, а прошлое – исток, и какой бы он ни был, но исчезни, не станет и потока, реки*» [1, с. 33].

Писатель показывает, как в течение нескольких поколений формировались традиции речников и речного флота, возникали целые династии, славные своим трудом. Однако новое «лихое» время как будто заставля-

ет людей забыть прошлое семьи, Поселка, страны. Для автора романа обращение к прошлому – не эскапизм, не любование «лубочной» Россией, а попытка восстановить связь времен, найти основу, которая скрепляет жизнь человека, рода, страны в единое целое. Главные герои романа, и сам писатель, постоянно ищут ответы на «проклятые» вопросы, остро стоявшие перед российским обществом в постперестроечные годы. Разруха в Поселке, которую описывает Авдеев, это прежде всего отражение социального неблагополучия, деградации общества. И Шлыков, и Антипин остро переживают не только свою личную невостребованность. Для них важны проблемы социума, потому что его распад, атомизация, забвение своей истории самым жестоким образом отражаются на жизни каждого: «*Тут мне часто женщина встречается и всегда спрашивает одно и то же: «Время не скажете?» /.../ Она спросит, я только на часы, а она проходит мимо и у других время спрашивает. Спрашивает у всех встречных, словно заблудилась во времени. Вот так и мы, Россия, заблудились. Какой у нас год? Шестнадцатый, девяносто девятый? Или времена Бориса Годунова? Какой у нас строй? Куда идем? Вот уж действительно безвременье. Прервалась связь времен*» [1, с. 40].

Из приведенной цитаты видно, что Авдеев в своем романе обращается к самым насущным в то время проблемам, делает это публицистически открыто. Рубеж 1990-2000-х осмысливается им как безвременье, когда трудно различить правильное и неправильное, плохое и хорошее. Поэтому герои романа постоянно размышляют над той катастрофой, которая произошла со страной, в которой они жили и трудились, и которая отразилась на их жизнях самым непосредственным образом. Многие друзья, знакомые, сослуживцы не выдержали испытаний, спились, ушли из жизни, покинули Поселок, которому отдали годы. Кто-то, наоборот, неплохо устроился, «вписался в рынок», фактически присвоив материальные ресурсы флота. Таким успешным деятелем зарождавшегося российского капитализма стал один из героев романа – Виктор Башев. Между Шлыковым и Башевым разворачивается основной конфликт романа, причем конфликт давний, уходящий в прошлое, в родовое наследие двух этих людей. Здесь писатель снова возвращается к своей мысли о том, что общественные конфликты прошлого отражаются в настоящем, черты личности человека отражают накопленный опыт всего его рода. Если Федор Шлыков переживает за судьбу не только свою, но и всего Поселка, всей страны, то Башевы показаны как хищники, в любое время, при любой власти готовые идти к цели - личному материальному благополучию, переступая любые преграды, ломая человеческие судьбы и жизни. Так оценивают Башева жители Поселка: «*Не любили Башева, нынешний директор в него - порченая порода*» [1, с. 33]. Конфликт Шлыкова и Башева, как считает писатель, отражает основной конфликт всей современной российской жизни. Это конфликт не только межличностный или родовой, это конфликт социальный, мировоззренческий, нравственный.

В романе отразились актуальные проблемы развития российского общества рубежа столетий. Авдеев, обращаясь к прошлому, размышлял прежде всего о современности, о самом злободневном и насущном. Его роман, включающий в себя исторический материал дореволюционного времени, событий революции и гражданской войны в Якутии, даже время сталинских репрессий, – это прежде всего роман о современности, о современной России, о современном российском обществе самого конца 1990-х и начала 2000-х годов. В нем постоянно встречаются приметы времени: называются точные даты событий, которые происходили в эти годы, имена популярных политиков и общественных деятелей. Герои постоянно ведут споры о текущих политических делах, по-разному понимают причины тяжелого положения страны. Кто-то видит причину всех невзгод в коммунистическом прошлом, кто-то считает виновником президента Б.Н. Ельцина, кто-то придерживается строго левых, коммунистических взглядов. Как показывает писатель, дисгармоничность общества выражается прежде всего в неустроенности личного и общественного сознания. Люди лишились прежних идеалов и ориентиров, а новых, которые могли бы в той или иной мере объединить значительную часть общества, не сформировалось. Федор Шлыков, постоянно находящийся в центре этих споров, не встает ни на чью сторону. Видимо, в этом заключается и позиция самого писателя: для него важно осмыслить происходящее, он не склоняется ни к условным «левым», ни условным «правым», считая и тех и других частью того «бесконечного потока с перекатами и плесами», который и есть история России.

Авдеев понимал трудность своей задачи: запечатлеть и по возможности осмыслить становящуюся, еще не ставшую историей действительность. Эта мысль отражена в эпиграфе, которым является фраза Р. Музиля: «Признак времени, утратившего внутреннюю уверенность здоровых времен, в том и состоит, что в такое время трудно признать что-либо самым важным и самым великим». Эта мысль отражена в словах alter ego писателя – Антипина, который собирается написать книгу о Поселке, и который задумывается о том, чему же отдать предпочтение, о чем писать легче, о неясном сегодня или об историческом вчера: «*Конечно, знать историю своей страны важно, но их* (исторические события – И.Е) *писать легче, в том плане, что все отстоялось и сделать оценки. А писать о настоящем, когда все меняется, течет - трудно. Боюсь, как бы не пройти мимо главного*» [1, с. 40-41]. Настоящее, в котором все меняется, все течет, Антипин сравни-

вает с качелями: «*Мы, русские, точно на качелях, туда-сюда, туда-сюда, если хорошие, то хоть святыми объявляй, если плохие – то и в аду вздрогнут*» [1, с. 43].

В романе фиксируются изменения, которые происходят в смутное время с людьми: кто-то, как Шлыков, Чегодайкин, Амперыч, продолжает работать на флоте, кто-то ушел в бизнес, немало и таких, кто спился, скатился на дно общества. Особенно тяжело складываются, как считает писатель, женские судьбы в такое тяжелое время. Люди теряют представление о том, что является нормой, что можно и чего нельзя, где ложь, где правда и есть ли эта правда вообще. Бывшие капитаны, механики, рулевые, годы, отдавшие речному флоту, теперь обворовывают корабли, продают детали на запчасти. Все это видит Федор Шлыков, с горечью отмечая, как изменило безвременье человека.

Однако не только фиксацией состояния общества и человека в определенную историческую эпоху интересен роман «На качелях». Писатель не только описывает разруху и опустошение, но и выражает надежду на возрождение, на восстановление в героях их человеческого и профессионального достоинства. Таким событием, которое дает Шлыкову и его друзьям надежду и смысл после, казалось бы, окончательной потери общественного статуса, краха семейной жизни, становится ремонт корабля «Верный» для новой навигации. И хотя, как становится известно герою, это очередная подлость со стороны Башева, который поручил ему ремонт корабля, но капитаном назначит совсем другого человека, Шлыков решает все же довести ремонт до конца. В свою команду он берет самых надежных людей, с которыми много лет проработал на реке. Именно во время этого ремонта, то есть во время созидательного труда, как показывает Авдеев, утихают споры между «левыми» и «правыми», все объединены общей целью, с удовольствием и энтузиазмом трудятся, восстанавливая корабль, несколько лет простоявший без движения. Таким образом, ремонт корабля приобретает в романе символический смысл, связанный с мыслью писателя о необходимости капитального ремонта всего общества и государства. Роман Авдеева, следовательно, отражает надежды писателя на обновление и оздоровление, на преодоление социальных противоречий. Даже своего рода социальный детерминизм, который проявляется в судьбах двух семей – Шлыковых и Башевых, оказывается в итоге преодолен силой любви сына Шлыкова и дочери Башева. Следует отметить, что в своем романе писатель не только отражает проблемы современности, не только пытается увидеть закономерность исторической, родовой памяти и индивидуальной судьбы, но и задумывается о будущем Поселка и всей страны. К концу романа заметно возрастает роль молодых героев, детей главных антагонистов. Они отказываются от продолжения конфликта, начинают строить новые, не отягощенные прошлыми конфликтами отношения. Видимо, в этом Авдеев видел залог будущего развития страны, возлагал надежды на поколение, вступающее в жизнь, которое будет способно произвести тот самый нужный стране и людям ремонт.

Выводы

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что в первом большом романе Владислава Авдеева, с одной стороны, были продолжены тенденции, уже проявившиеся в его творчестве ранее. Это интерес к современности и его проблемам, социальная проблематика, внимание к жизни обычного, «простого» человека. Социальное у Авдеева всегда плотно связано с вниманием к бытовой, личной жизни героя, к семейным драмам, поданным порой в мягкой ироничной манере. Все эти черты уже проявлялись в ранних рассказах и повестях писателя. В то же время в романе заметно проявляются публицистическое начало, авторефлексия, размышления о сути писательского ремесла. Авдеев начинает экспериментировать с формой произведения, используя прием текста в тексте, включая в художественное повествование открытый авторский комментарий, размышления о современной политической, социальной и экономической ситуации. В целом роман «На качелях» стал важным этапом в творчестве писателя. Роман отразил возрастающий интерес писателя к историческому материалу. Уже в первом романе Авдеев пытается осмыслить проблемы современности в исторической перспективе, увидеть связь настоящего с прошлым, в судьбе отдельного человека он видит продолжение жизни рода. Это ключевое новое качество получило продолжение в творчестве писателя, в частности, Авдеев написал несколько больших произведений, основанных на историческом материале – «Запретная любовь», «Смерть и похороны красноармейца», «Уйти, чтобы остаться» и ряд других.

Список источников

1. Авдеев В. На качелях. Производственный роман о Ремонте, написанный методом социалистического реализма // Полярная звезда. 2001. № 4. С. 33 – 51.

2. Башарина З. Русская проза Якутии (50-80 гг.). Якутск: Изд- во ЯГУ, 1995. 56 с.

3. Гаганова А. «Маленький человек» производственного романа и хронологические границы жанра // Филология и культура. 2022. № 1 (67). С. 135 – 144.

4. Гоголева Д. Авдеев Владислав Иванович // Энциклопедия Якутии. Академия наук РС(Я). Якутск. 2024. Т. 1. С. 26 – 27.

5. Крикливец Е. Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 28. С. 113 – 119.

6. Лейдерман Н. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2005. 244 с.

7. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 688 с.

8. Манчурина Л., Максимова А. Современные переводы русскоязычной художественной литературы на якутский язык (на основе переводов, опубликованных в литературном альманахе «Күрүлгэн») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. 2001. № 4. С. 14 – 25.

9. Пашкевич О., Алисин В.В., Литвинский В.М., Пашкевич О.И. [и др.] Северная ментальность в русскоязычной прозе Якутии // Развитие науки и образования: монография. Чебоксары: ИД «Среда». 2019. 180 с.

10. Шапошникова А.В начале пути // Полярная звезда. 1989. № 1. 107 с.

11. Шеметов И. Желание высказаться… [о прозе Владислава Авдеева] // Полярная звезда. 2007. № 4. С. 93 – 96.

References

1. Avdeev V. On the swing. Industrial novel about Repair, written using the method of socialist realism. Polar Star. 2001. No. 4. P. 33 – 51.

2. Basharina Z. Russian prose of Yakutia (50-80 gg.). Yakutsk: YSU Publishing House, 1995. 56 p.

3. Gaganova A. “Little Man” of the industrial novel and the chronological boundaries of the genre. Philology and culture. 2022. No. 1 (67). P. 135 – 144.

4. Gogoleva D. Avdeev Vladislav Ivanovich. Encyclopedia of Yakutia. Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk 2024. Vol. 1. P. 26 – 27.

5. Kriklivets E. Socio-psychological story in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century. Scientific notes of the Voronezh State University. P.M. Masherova. 2018. Vol. 28. P. 113 – 119.

6. Leiderman N. Postrealism: a theoretical essay. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2005. 244 p.

7. Leiderman N., Lipovetsky M. Modern Russian literature: 1950-1990s. M.: Publishing center "Academy", 2003. Vol. 2. 688 p.

8. Manchurina L., Maksimova A. Modern translations of Russian-language fiction into the Yakut language (based on translations published in the literary almanac “Kurulgen”). Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova. Series: Questions of national literatures. 2001. No. 4. P. 14 – 25.

9. Pashkevich O., Alisin V.V., Litvinsky V.M., Pashkevich O.I. [and others] Northern mentality in Russian-language prose of Yakutia. Development of science and education: monograph. Cheboksary: Publishing House "Sreda". 2019. 180 p.

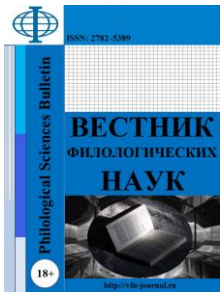
10. Shaposhnikova A. At the beginning of the journey. Polar Star. 1989. No. 1. 107 p.

11. Shemetov I. The desire to speak out... [about the prose of Vladislav Avdeev]. Polar Star. 2007. No. 4. P. 93 – 96.

Информация об авторах

Емельянов И.С., *кандидат филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова*

© Емельянов И.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81-13
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-109-121

[1] Иконникова Я.В., [1] Толстых С.Г., [1] Глазкова М.М., [1] Захаров В.А., [1] Меркурьев Я.В.Х.

[1] Тамбовский государственный технический университет

Проблема обсценной лексики в речи студентов и цифровые средства её преодоления: технологические решения для поддержки самовоспитания в области речевой культуры

Аннотация: *цель исследования – выявить отношение к обсценной лексике в речи студентов и разработать прикладные инструменты для формирования у них навыков осознанного отбора языковых средств. Научная новизна работы состоит в создании и апробации программного инструмента для коррекции речевого поведения – мобильного приложения «Анализатор речи». Решение адаптировано под цифровую среду, привычную для студентов, и реализует подход к осознанной детоксикации речи. Проведённое исследование показало, что использование обсценной лексики в студенческой среде демонстрирует устойчивую динамику и детерминировано совокупностью социокультурных факторов: трансформацией ценностных установок молодёжи, влиянием цифровизации на коммуникативные практики, снижением эффективности социального контроля, а также невысокой результативностью нормативно правовых ограничений. Эмпирические данные свидетельствуют о значимом различии в отношении к речевой культуре: в тех группах, где реализуется системная просветительская и воспитательная работа, заметно выше доля обучающихся, выступающих за соблюдение языковых норм и бережное отношение к языку. При этом бессистемные мероприятия не формируют у студентов осознанного отношения к проблеме. Разработка приложения стала ответом на запрос студенческой аудитории на инструменты самостоятельной работы над речью, а также на недостаточную эффективность традиционных ограничительных методов.*

Ключевые слова: *мат, обсценная лексика, сквернословие, речевое поведение, языковая норма, коммуникативная среда, языковая стратегия, речевая среда организации*

Для цитирования: Иконникова Я.В., Толстых С.Г., Глазкова М.М., Захаров В.А., Меркурьев Я.В.Х. Проблема обсценной лексики в речи студентов и цифровые средства её преодоления: технологические решения для поддержки самовоспитания в области речевой культуры // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 109 – 121. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-109-121

Поступила в редакцию: 8 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Ikonnikova Ya.V., [1] Tolstykh S.G., [1] Glazkova M.M., [1] Zakharov V.A., [1] Merkur'ev Ya.V.Kh.

[1] Tambov State Technical University

The problem of profanity in students' speech and digital tools to overcome it: technological solutions to support self-improvement in the area of speech culture

Abstract: *the aim of the study is to identify attitudes toward obscene language in student speech and to develop applied tools for fostering students' skills in the conscious selection of linguistic means. The scientific novelty of the work lies in the creation and validation of a software tool for correcting speech behavior – the mobile application «Speech Analyzer». The solution is adapted to the digital environment familiar to students and implements an ap-*

proach based on the conscious detoxification of speech. The conducted study has shown that the use of obscene language in the student environment exhibits a steady dynamic trend and is determined by a combination of socio-ocultural factors: the transformation of young people's value orientations, the impact of digitalization on communicative practices, a decline in the effectiveness of social control, as well as the limited efficacy of regulatory and legal restrictions. Empirical data indicate a significant difference in attitudes toward speech culture: in groups where systematic educational and upbringing work is carried out, the proportion of students advocating for the observance of language norms and a careful attitude toward language is noticeably higher. At the same time, unsystematic measures do not foster a conscious attitude toward the problem among students. The development of the application was a response to the student audience's demand for tools to work on their speech independently, as well as to the insufficient effectiveness of traditional restrictive methods.

Keywords: *profanity, obscene language, foul language, speech behavior, language norm, communicative environment, language strategy, organizational speech environment*

For citation: Ikonnikova Ya.V., Tolstykh S.G., Glazkova M.M., Zakharov V.A., Merkur'ev Ya.V.Kh. The problem of profanity in students' speech and digital tools to overcome it: technological solutions to support self-improvement in the area of speech culture. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 109 – 121. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-109-121

The article was submitted: August 8, 2026; Approved after reviewing: September 12, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В эпоху цифровой коммуникации и изменения аксиологических установок российского общества наблюдается экспансия обсценной лексики в речевой практике студентов. Происходит деконструкция традиционных языковых табу, при которых обсценная лексика функционирует как инструмент эмоциональной экспрессии и маркер социальной идентификации молодёжи. В современных условиях актуализируется необходимость педагогического сопровождения процессов сохранения и развития языковой культуры как стратегического направления государственной образовательной политики. Традиционные способы нередко являются неэффективными из-за неприятия студентами императивного подхода, в результате чего требуется разработка новых инструментов речевой коррекции.

Объектом исследования является обсценная лексика в речи студентов.

Предмет исследования – особенности социолингвистического употребления обсценной лексики в студенческой среде, механизмы коррекции речи.

Новизна исследования заключается в том, что впервые разработано и предложено к практическому применению программное обеспечение для индивидуального анализа речи, позволяющее осуществлять осознанную детоксикацию речи в формате привычной для студентов цифровой среды.

Теоретическую базу исследования составили работы В.И. Шаховского, осуществившего анализ обсценной лексики в рамках разработанного направления – лингвоэкологии; Л.С. Выготского с идеей о корреляции искажения языковой нормы и деформации структуры мыслительной деятельности и др.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили результаты, полученные в ходе анонимного социолингвистического анкетирования, проведённого среди студентов первого курса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» (далее – ТГТУ); научные публикации, посвящённые изучению обсценной лексики в студенческой среде. В ходе исследования были применены следующие методы: критический анализ научной литературы; эмпирический метод, реализованный в проектировании анкеты как инструмента измерения, обработке и анализе данных (количественный и качественный); сопоставительный метод, реализованный в сравнении частотных распределений ответов между группами респондентов; метод контент-анализа, реализованный в представлении результатов и их интерпретации; метод объектно-ориентированного проектирования, реализованный в разработке мобильного приложения. Все методы последовательно интегрированы.

Цель исследования – выявить отношение к обсценной лексике в речевой практике студентов и разработать прикладные инструменты для формирования у них навыков осознанного отбора языковых средств.

Задачи исследования:

1. Систематизировать теоретическую базу по проблематике обсценной лексики с фокусом на молодёжной / студенческой среде;

2. Разработать опросник, ориентированный на студенческую аудиторию;

3. Провести анкетирование среди студентов (с учётом разных профилей обучения) и обработать результаты статистическими методами;

4. Спроектировать и реализовать программное решение, адаптированное для студентов.

Необходимо определить понятийный аппарат: обсценная лексика, мат, ненормативная лексика. Обсценная лексика – это ядро табуированной лексики: грубейшие, вульгарные выражения, как правило, связанные с табуированными темами (телесный низ, физиологические функции), которые в обществе считаются неприемлемыми для публичного употребления. В лингвистике этот термин считают наиболее точным для научного описания явления. Обсценная лексика может включать не только мат в привычном смысле, но и близкие по степени табуированности единицы. Ненормативная лексика – понятие более широкое, охватывающее не только обсценную лексику, мат, но и другие стилистически сниженные пласты: слова и выражения, которые выходят за рамки литературной нормы, но не обязательно являются грубейшими табу. В сознании носителей языка эти термины сближаются, в том числе по причине частотного употребления этих понятий в СМИ, в период информационных и просветительских кампаний (например, отмечаемый 3 февраля День борьбы с ненормативной лексикой как день борьбы с матом), поэтому в контексте проводимого исследования эти термины используются как синонимичные, но, безусловно, не являются идентичными в плане содержания; в контексте более узкого лингвистического исследования подобная синонимия может противоречить принципам терминологической точности.

Результаты и обсуждения

Употребление обсценной лексики представителями молодого поколения в последние десятилетия становится всё более значимым объектом научного исследования и предметом общественной дискуссии. Распространённость мата в молодёжной среде фиксируется как в неформальном общении, так и в цифровом коммуникативном пространстве – в социальных сетях, мессенджерах, интернет-форумах, на видеоплатформах. Особую тревогу вызывает нормализация обсценной лексики в сознании молодёжи: она всё чаще воспринимается не как нарушение этико-речевых норм, а как допустимый, а порой и предпочтительный способ выражения эмоций, установления групповой идентичности или маркирования неформального регистра общения. В связи с этим сохранение языковой культуры и формирование этичного речевого поведения выступают значимыми задачами современной лингводидактики.

Сложность решения данной проблемы обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, значительную роль играет трансформация ценностных ориентиров в обществе: в условиях ослабления социального осуждения обсценной лексики традиционная аксиологическая дихотомия «допустимое – недопустимое» утрачивает чёткие границы, а оценочный статус использования мата становится ситуативным и контекстно зависимым. Во-вторых, цифровизация общения, характеризующаяся анонимностью, высокой скоростью обмена репликами и ориентацией на экспрессию, способствует легитимации сниженных форм речи. В-третьих, императивный подход к регулированию речевого поведения зачастую оказывается малопродуктивным при работе с молодежной аудиторией: он может вызывать отторжение, поскольку интерпретируется как ограничение права на свободное выражение собственных мыслей и эмоций.

Проблема экспансии мата не сводится к стигматизации обсценной лексики, поскольку затрагивает не просто нормативную оценку слова, а систему аксиологических координат общества, представления о риторическом идеале как о модели образцового речевого поведения, а также фундаментальную связь языка и мышления – именно она объясняет, как речевые практики становятся инструментом трансляции ценностей и одновременно механизмом их трансформации.

Согласно концепции Л.С. Выготского, мысль не просто выражается в слове, но и совершается в нём: язык выступает не только как средство передачи информации, но и как инструмент формирования самого мышления [1]. Мыслеформирующая функция языка онтологически сопряжена с его коммуникативной функцией – они образуют единый функциональный комплекс, в рамках которого речевая практика напрямую влияет на когнитивное развитие личности.

О.М. Крайник также отмечает тесную связь языка и культуры человека, подчеркивая, что «именно речевая практика есть средство создания внутреннего мира личности, богатства ее содержания, отражающего жизненные идеалы, направленность личности, жизненное самоопределение» [2].

В.И. Шаховский осуществляет анализ обсценной лексики в рамках нового направления лингвистики – эмотивной лингвоэкологии. Использования мата в современной речи ученый называет пандемичным ввиду его широкого распространения, охватившего значительную часть населения. Употребление обсценной лексики в условиях отсутствия социального осуждения предстаёт как маркер трансформации традиционной дихотомии «допустимое / недопустимое» в системе языковых ценностей. Ученый говорит о том, что про-

исходит трансформация самого мата как лингвистического явления: снижается его экспрессивность и утрачивается оскорбительный элемент, появляется «когнитивная несостоятельность коммуникантов» [3]. По аналогии с термином «геноцид» вводится термин «экоцид», под которым, в русле идей В. Гумбольдта, понимается разрушение духовного начала народа, воплощённого в его языке. Решение задачи ученый видит в реализации национальной программы, приоритетной задачей которой должно стать создание методической основы для формирования у личности механизма внутреннего контроля речевой деятельности (внутренней цензуры), а также развитие навыков саморегуляции и соотнесения эмоционального состояния с коммуникативными условиями и нормами речевого этикета.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН А.Н. Баранов выделяет несколько режимов использования мата, подчеркивая опасность его фонового использования: «Использование мата напоминает полуязычие: фоновое употребление этой лексики приводит к тому, что люди не в состоянии передать свои мысли с помощью литературного языка» [4]. Ученый подчеркивает, что только запреты не могут решить эту проблему, а на первом месте должно стоять обучение владения языком.

Проведенные опросы общественного мнения приводит в своем исследовании А.К. Брюханова, отмечая, что менее половины опрошенных относятся отрицательно к употреблению мата, а каждый десятый пропагандирует снисходительное отношение к мату, при этом наиболее активно обсценную лексику используют представители молодого поколения [5]. В этом контексте работа над чистотой речи студентов приобретает не узколингвистическое, а фундаментальное образовательное значение.

Как отмечают И.В. Приорова, А.Ф. Гершанова: «Проблема состоит в том, что защитные меры, законодательно закрепленные в разделе документа «Задачи государственной культурной политики», не работают без образовательной политики. <…> Запреты, репрессии и всякого рода кары не работают, если не учить, не образовывать, не окультуривать» [6]. Можно сделать вывод, что без создания условия для языкового развития личности в образовательной организации борьба с экспансией обсценной лексики не может быть названа эффективной. Такая работа должна быть интегрирована в образовательный процесс как компонент интеллектуального и нравственного воспитания будущего специалиста.

Феномен употребления ненормативной лексики в речи молодёжи, прежде всего студенческой, выступает предметом научного анализа в работах таких ученых, как Р.Р. Сунгатуллин, В.П. Евдокимов, П.Д. Ковалев, А.С. Волошина, М.Н. Смердова, Е.В. Стурова, И.С. Степанова, О.А. Машкович, О.П. Михановa, И.В. Высоцкая, Н.В. Максимова, Е.В. Лесных и др.

Исследования отношения студентов к мату были проведены на базе Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ) [7], Тихоокеанского государственного медицинского университета [8], Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ) [9], Пензенского государственного университета (ПГУ) [10], ряда новосибирских вузов [11, 12], Липецкого института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права [13]. Анализ проведенных исследований позволил сделать следующие выводы:

1) современное информационное пространство оказывает значительное влияние на экспансию мата в молодежной среде;

2) недостаточность словарного запаса, недостаточная сформированность комплекса метаязыковых умений (речевой рефлексии, самоконтроля и самооценки речи) также влияет на распространение мата в молодежной среде;

3) наблюдается амбивалентное отношение к мату в среде молодежи: респонденты, с одной стороны, выражают мнение о нецелесообразности либо бесперспективности борьбы с ненормативной лексикой, при этом большая часть опрошенных декларируют стремление к исключению обсценной лексики из собственной речи и речи участников своего коммуникативного круга;

4) только запретительные меры не являются эффективными;

5) необходима комплексная программа по формированию культуры речи (сочетание учебной и внеучебной работы).

Н.В. Пономарева в статье «Развивающая речевая среда в образовательной организации как основа повышения культуры владения русским языком», анализируя работы Л.П. Федоренко, М.Р. Львова, О.Е. Дроздовой, делает вывод, что «именно речевая среда, в которой постоянно находится школьник, должна формировать культуру владения русским языком» [14]. Работы Л.П. Луневой [15], И.В. Долининой [16], О.Р. Афоньшиной и др. [17] посвящены комплексным мероприятиям в образовательной организации. Л.П. Лунева подчеркивает важность языковой политики университета как важнейшего компонента форми-

рования высококультурной воспитательной среды, создание которой «невозможно без основательной языковой стратегии» [15].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1) студенты активно используют обсценную лексику под влиянием средств массовой информации и интернета, важным фактором экспансии мата можно назвать низкий словарный запас и неумение сформулировать мысль, а также в целом изменение отношения общества к мату;

2) при том, что в целом отношение к мату нейтральное либо положительное, многие студенты хотят улучшить свою речь;

3) мероприятия, организуемые вузами, имеют положительный эффект.

Но, как правило:

1) эти мероприятия не охватывают всех студентов;

2) не помогают индивиду оценить себя со стороны;

3) не оказывают влияние на инфополе, которое является основной коммуникативной средой современного студента.

Таким образом, по результатам первой части исследования (анализ опросов, проведенных в других вузах, анализ результатов кампаний по борьбе с обсценной лексикой) мы подготовили свой опросник, ориентированный в том числе на анализ эффективности борьбы с матом в учебных заведениях и возможных способах борьбы с матом, предлагаемых самими студентами. Целью работы было оценить, как меры по борьбе с ненормативной лексикой влияют на частоту её употребления, а также выяснить, считают ли молодые люди такую борьбу целесообразной.

Респондентами выступили студенты Тамбовского государственного технического университета, обучающиеся по программам бакалавриата (технический и экономический профиль обучения). Наряду с количественным методом применялся качественный анализ открытых вопросов. Анкетирование проводилось анонимно. Выборка составила 165 студентов первого года обучения. Всего в опросе приняли участие 167 человек, но 2 анкеты были исключены из общего подсчета: анкета иностранного студента (ответы нерелевантны для проводимого исследования), анкета русского студента, заполненная некорректно.

В данной статье проанализированы вопросы, содержательно значимые для данного исследования. Комплексную оценку всех вопросов анкетирования целесообразно выделить в отдельное исследование, иначе фокус будет смещен на анализ причин функционирования мата в молодежной среде, а не на борьбу с ним.

В практике вузовского преподавания в аудиторных условиях случаи употребления обсценной лексики не фиксируются, поэтому важно отметить, что результаты анкетирования отражают результаты многолетней работы прежде всего образовательной организации среднего образования (школа, колледж, техникум), так как опрос проводился в сентябре, т.е. сразу после поступления в высшее учебное заведение.

Для определения степени влияния образовательной организации на речь обучающихся анкеты были разделены на три группы:

– первая группа ответивших положительно на два вопроса: 1) используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими; 2) используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками, однокурсниками (таблица 1);

– вторая группа ответивших отрицательно на два вопроса: 1) используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими; 2) используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками, однокурсниками (таблица 2);

– третья группа ответивших отрицательно на вопрос, используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими, и положительно на вопрос, используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками, однокурсниками (таблица 3).

В группе тех, кто использует мат в различных сферах своей жизни, процент ответивших про отсутствие работы в школе составил 31,5%, про работу лишь некоторых участников педагогического коллектива – 37%. При этом более половины родителей не используют дома мат. Отсутствие замечаний либо их редкое использование отметили 16% и 58% соответственно, то есть только 16% респондентов видят значимую отрицательную реакцию окружающих. При этом 84% опрошенных положительно относятся к борьбе с обсценной лексикой, но при этом только 5% считают, что борьба необходима в любом случае; 79% не уверены в эффективности подобной борьбы. К сожалению, 16% респондентов расценивают употребление обсценной лексики как допустимое, не усматривая в ней негативной семантической окраски.

Таблица 1

Первая группа: результаты анкетирования.

Table 1

Group one: survey results.

№	Вопрос	Ответ	%
1	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими?	Да 19 Нет –	100% –
2	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками однокурсниками?	Да 19 Нет –	100% –
3	Боролись ли с употреблением мата в учебном заведении, которое Вы окончили?	Да, все члены коллектива 6 Да, но только некоторые учителя 7 Нет, не боролись 6	31,5% 37% 31,5%
4	Часто ли использовали мат в учебном заведении, которое Вы окончили?	Постоянно 2 Достаточно часто 4 Редко 11 Никогда 2	10,5% 21% 58% 10,5%
5	Используют ли Ваши родители дома мат?	Часто 1 Редко 8 Никогда 10	5% 42% 53%
6	Используют ли друзья, одноклассники, однокурсники мат?	Часто 12 Редко 6 Никогда 1	63% 32% 5%
7	В общественных местах, на улицах делают ли замечания молодым людям, использующим мат?	Часто 3 Редко 11 Никогда 5	16% 58% 26%
8	Стоит ли бороться с употреблением нецензурных слов?	Нет, не вижу в мате ничего плохого 3 Можно попробовать, но не думаю, что изменится что-либо 15 Борьба необходима в любом случае 1	16% 79% 5%

Таблица 2

Вторая группа: результаты анкетирования.

Table 2

The second group: survey results.

№	Вопрос	Ответ	%
1	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими?	Да – Нет 34	– 100%
2	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками однокурсниками?	Да – Нет 34	– 100%
3	Боролись ли с употреблением мата в учебном заведении, которое Вы окончили?	Да, все члены коллектива 16 Да, но только некоторые учителя 10 Нет, не боролись 8	47% 29% 24%
4	Часто ли использовали мат в учебном заведении, которое Вы окончили?	Постоянно 1 Достаточно часто 3 Редко 12 Никогда 18	3% 9% 35% 53%
5	Используют ли Ваши родители дома мат?	Часто 1 Редко 13 Никогда 20	3% 38% 59%

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

6	Используют ли друзья, одноклассники, однокурсники мат?	Часто 13 Редко 17 Никогда 4	38% 50% 12%
7	В общественных местах, на улицах делают ли замечания молодым людям, использующим мат?	Часто 3 Редко 20 Никогда 11	9% 59% 32%
8	Стоит ли бороться с употреблением нецензурных слов?	Нет, не вижу в мате ничего плохого 5 Можно попробовать, но не думаю, что изменится что-либо 20 Борьба необходима в любом случае 9	15% 59% 26%

В группе тех, кто не использует мат, процент ответивших про отсутствие работы в школе составил 24%, работу всех членов коллектива отметили 47%. При этом более 80% опрошенных положительно относятся к борьбе с обсценной лексикой. При этом 15% респондентов расценивают употребление обсценной лексики как допустимое, не усматривая в ней негативной семантической окраски. Вероятно, что именно проводимая работа заставляет респондентов не использовать мат, но отношение к мату в целом не является отрицательным. Наиболее значительная разница показателей заметна в группе тех, кто считает, что борьба необходима в любом случае – 5% в первой группе и 26% во второй. Процент отметивших работу всех членов педагогического коллектива – 31,5 % в первой группе и 47% во второй соответственно. При этом процент употребления мата в учебных заведениях также имеет корреляцию с работой коллектива: никогда не использовали/редко/часто использовали мат в учебном заведении 10,5% / 58% / 21% в первой группе и 53% / 35% / 9% во второй.

Таблица 3

Третья группа: результаты анкетирования.

Table 3

Group three: survey results.

№	Вопрос	Ответ	%
1	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с родными, близкими?	Да – Нет 112	– 100%
2	Используете ли Вы ненормативную лексику в общении с друзьями, одноклассниками однокурсниками?	Да 112 Нет –	100% –
3	Боролись ли с употреблением мата в учебном заведении, которое Вы окончили?	Да, все члены коллектива 47 Да, но только некоторые учителя 32 Нет, не боролись 33	42% 29% 29%
4	Часто ли использовали мат в учебном заведении, которое Вы окончили?	Постоянно 7 Достаточно часто 31 Редко 58 Никогда 16	6% 28% 52% 14%
5	Используют ли Ваши родители дома мат?	Часто 6 Редко 74 Никогда 31 Не ответил на вопрос 1	5% 66% 28% 1%
6	Используют ли друзья, одноклассники, однокурсники мат?	Часто 63 Редко 47 Никогда 1 Оба варианта (часто и редко) с пометой «зависит от человека» 1	56% 42% 1% 1%

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

7	В общественных местах, на улицах делают ли замечания молодым людям, использующим мат?	Часто 16 Редко 71 Никогда 25	14,3% 63,4% 22,3%
8	Стоит ли бороться с употреблением нецензурных слов?	Нет, не вижу в мате ничего плохого 19 Можно попробовать, но не думаю, что изменится что-либо 68 Борьба необходима в любом случае 25	17% 61% 22%

Группа, использующая мат с друзьями, но не использующая его в кругу семьи, оказалась самой многочисленной. Работу всех членов коллектива отметили 42%, процент ответивших про отсутствие работы в школе составил 29%. Этот процент ближе к показателям второй группы (47% и 24% соответственно), чем к показателям первой группы (31,5% и 31,5% соответственно). Никогда не использовали/редко/часто использовали мат в учебном заведении соответственно 14% / 52% / 28%. Этот показатель ближе к показателям первой группы (10,5% / 58% / 21%), чем к показателям второй (53% / 35% / 9%). При этом процент родителей, которые никогда не используют мат, в третьей группе оказался значительно ниже, чем в первых двух группах: 28% и 53% / 59% соответственно. При этом процент тех, кто считает, что борьба необходима в любом случае, составляет 22%. Этот показатель ближе показателям второй группы – 26%, чем первой – 5%. Таким образом, можно сделать вывод, что организация работы по борьбе с матом существенно влияет на процент тех, кто считает борьбу с обсценной лексикой необходимой.

Интересным представляются ответы обучающихся на открытый вопрос «Какие мероприятия по борьбе с матом проводились (лекции, классные часы)?» В скобках были даны подсказки (лекции, классные часы). Среди ответивших отрицательно на вопрос «Боролись ли с употреблением мата в учебном заведении, которое Вы окончили?», были подчеркнуты классные часы, а также даны такие ответы: классные часы / 1 классный час за 11 лет учебы / вроде 1 раз классный час / выговор, предупреждение, замечание / никаких / не помню / ни единого. Можно сделать вывод, что бессистемная работа не воспринимается обучающимся как борьба со сквернословием.

Кроме того, обучающимся был предложен вопрос, какой они видят борьбу со сквернословием, с возможностью не только выбрать вариант ответа, но и предложить свой (таблица 4).

Таблица 4

Как бороться со сквернословием: обобщенные результаты.

Table 4

How to combat the use of foul language: summarized findings.

Вопрос	Ответы
Как бороться со сквернословием?	Системой штрафов 12 Воспитанием 30 Самовоспитанием 61 *Отметили оба варианта:* Воспитание + самовоспитание 36 *Отметили оба варианта:* Системой штрафов и воспитанием 3 *Отметили оба варианта:* системой штрафов и самовоспитанием 1 *Отметили все варианты* 4 Свой вариант

Как видно из таблицы 4, система штрафов стала самым непопулярным ответом. Самовоспитание стало самым частым ответом на вопрос либо как самостоятельный ответ, либо в сочетании с воспитанием. Этот результат, на наш взгляд, показывает понимание того, что необходимо самостоятельно работать над своей речью, а также отражает потребность в воспитательной работе со стороны образовательной организации.

Интересны также предложения обучающихся (свой вариант) (таблица 5).

Таблица 5

Варианты борьбы со сквернословием, предложенные студентами.

Table 5

The methods proposed by students to combat swearing.

Положительные	Отрицательные
Проводить лекции об истории данных слов	Невозможно
Читать побольше	Зачем
Стоит употреблять в меру и по ситуации	Никак
Привитие того, что мат – это неплохо, но при умеренном использовании (или разрешение им пользоваться с определенного возраста)	Ничем, бессмысленно
	Оно того не стоит
	Не знаю
Повышение словарного запаса	

С учетом двух этапов проведенного исследования (анализ проведенной работы в других высших учебных заведениях и непосредственно анкетирование студентов ТГТУ) был найден вариант решения проблемы, который отвечает запросам студентов. Было разработано программное обеспечение (ПО) – мобильное приложение «Анализатор речи», которое соответствует основному запросу студентов в самовоспитании: анализ собственной речи активизирует возможности самостоятельной работы над ней.

Функционально приложение представляет собой комплексный анализатор речи, допускающий гибкую настройку анализируемых категорий: в зону анализа могут быть включены не только обсценизмы, но и иные типы лексики, выходящей за рамки литературной нормы (слова-паразиты, просторечные формы и др.). Перспективным направлением развития системы является дальнейшая категоризация таких лексических единиц, что позволит детализировать типологию отклонений от литературной нормы и повысить точность диагностики речевых практик.

Существенным преимуществом системы является возможность пополнения лексического корпуса по инициативе самих пользователей: студенты могут предлагать свои варианты лексем, в том числе завуалированные способы выражения обсценной лексики, эвфемистические замены и иные маскирующие формы, что обеспечит релевантность данных. Предполагается, что работа над приложением будет постоянной и ее продолжат студенты нашего университета.

В сравнении с традиционными подходами к развитию речевых навыков (тренинги, курсы риторики, информационно-просветительские мероприятия и т.п.) цифровые программные решения обладают рядом существенных преимуществ. Во-первых, они релевантны запросу на самовоспитание, предоставляя пользователю инструменты для автономного формирования речевой культуры. Во-вторых, высокая доступность, обусловленная мобильностью платформы (размещение в смартфоне среди регулярно используемых приложений), позволяет встраивать речевую практику в повседневный распорядок. В-третьих, программный инструментарий поддерживает рефлексивные механизмы, что усиливает осознанность речевых действий.

Программное обеспечение целесообразно интегрировать в комплексную систему мероприятий по противодействию экспансии обсценной лексики. Подобная интеграция позволит избежать превращения приложения в эпизодический развлекательный продукт. Возможности программного обеспечения в среде образовательной организации будут реализованы за счет уже существующих каналов коммуникации с обучающимися: сообщества в социальных сетях, чаты в мессенджерах.

Мобильное приложение не должно стать обязательным элементом образовательного процесса, оно создано как инструмент для самостоятельного анализа собственной речи. Таким образом, интеграция в образовательный процесс условна: преподаватель при изучении соответствующей темы рассказывает о приложении и демонстрирует его возможности, после чего дальнейшая работа реализуется в информационном коммуникативном пространстве. Приложение также планируется включить в кампании по борьбе с обсценной лексикой, в кампании, направленные на повышение культуры речи обучающихся в целом. В качестве механизмов поддержания вовлечённости предлагаются флешмобы, опросы, голосования в социальных сетях, при этом участие в них должно носить исключительно добровольный характер, что соответствует целевой установке на автономию обучающегося.

Приложение также должно быть интегрировано в повседневную коммуникацию обучающихся: сравнение личных результатов с результатами других участников создаёт естественные поводы для обсуждения при онлайн- и офлайн-общении.

Важно отметить, что приложение разработано как инструмент самовоспитания, в связи с чем в его архитектуре не предусмотрены ограничительные механизмы, что соответствует принципам автономии обучающегося, где ключевым фактором выступает внутренняя мотивация, а не внешнее нормирование активности.

Разработанная автоматизированная система «Анализатор речи» предназначена для автоматического распознавания слов, их классификации по заранее определенным категориям и формирования статистических данных.

Система состоит из двух компонентов:

- серверное приложение;
- Android приложение.

Мобильное приложение устанавливается на устройства пользователей. Посредством работы микрофона производится запись того, что говорит пользователь.

Модель распознавания голоса VOSK (библиотека для автономного распознавания речи с открытым исходным кодом, разработанная специально для работы на мобильных и автономных устройствах) слушает пользователя, переводит речь в текст и отправляет его на обработку в обработчик.

Обработчик речи разделяет слова на категории по выражениям и сохраняет их в буфер для дальнейшей отправки на сервер.

Сервер выполняет функции администрирования, хранения данных, расчета статистики и предоставления API (программный интерфейс, набор правил и протоколов, который позволяет разным приложениям и системам «общаться» друг с другом, обмениваться данными и использовать функции друг друга без необходимости знать внутреннюю реализацию) для мобильного приложения. Разработанное серверное приложение предназначено для хранения следующих данных:

- информация о пользователях;
- категории слов и выражений;
- регулярные выражения для каждой категории;
- регулярные выражения для исключений (некоторые слова могут подходить под шаблоны жаргонизмов и т.д., но не являться ими);
- распознанные слова и выражения пользователей с категориями.

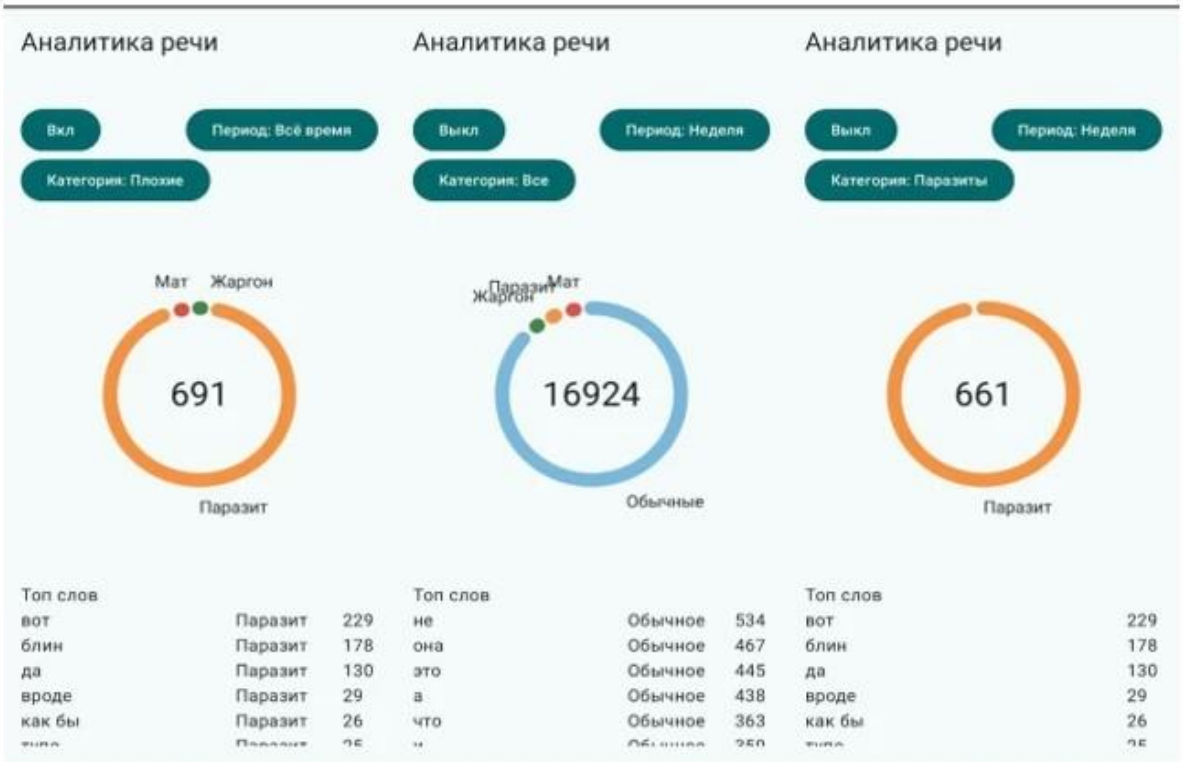

Рис. 1. Примеры UI приложения.
Fig. 1. Examples of UI applications.

Мобильное приложение осуществляет:
- запись речи пользователя и перевод ее в текст;
- подсчет количества жаргонизмов, слов-паразитов и нецензурной лексики;
- отправление произнесенных слов и их категорий на сервер;
- получение с сервера статистики;
- отображение статистики пользователю (рисунок 1).

Также мобильное приложение позволяет хранить следующие данные:
- произнесенные слова (слово, категория);
- выражения по категориям;
- статистику (количество слов по категориям, наиболее часто произносимые слова).

Выводы

В результате исследования доказано, что распространение обсценной лексики в студенческом социуме характеризуется устойчивой тенденцией и обусловлено комплексом социокультурных факторов, среди которых изменение ценностных ориентиров в молодёжной среде, цифровизация общения, ослабление социального контроля и относительная эффективность правовых запретов. В результате проведённого анализа анкетирования студентов, обучающихся в ТГТУ, выявлено, что речевая культура 79% респондентов отмечена включённостью мата в общении с друзьями. Огромное значение имеет тот факт, что свыше 80% опрошенных поддерживают идею борьбы с ненормативной лексикой, а самовоспитание признают приоритетным методом коррекции и совершенствования речевой культуры.

Сделан вывод о прямом воздействии и системной работе учебного заведения по воспитанию речевой культуры у обучающихся и осознанном отношении студентов к употреблению мата во всех сферах и ситуациях речевого взаимодействия. Выявлено, что в коллективах с системной работой доля студентов, поддерживающих борьбу с матом, соблюдение речевых норм, чистоту языка и бережное отношение к нему, существенно выше. Бессистемные мероприятия не вызывают у обучающихся серьёзного отношения к проблеме.

В ответ на запрос студентов о самостоятельной работе над речью и на низкую результативность традиционных ограничительных методов разработано мобильное приложение «Анализатор речи». Оно осуществляет автономное распознавание и классификацию речевой информации, выявляет языковые единицы, не входящие в поле литературного языка (нецензурную лексику, слова-паразиты, жаргонизмы и т.д.), формирует для пользователя индивидуальную статистическую отчётность. Платформа становится частью цифрового формата, привычного студентам, тем самым создавая условия для возникновения у них речевой рефлексии, а затем – внутреннего самоконтроля, поэтому подход имеет большие перспективы стать важным элементом языковой стратегии вуза.

Список источников

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 431 с.
2. Крайник О.М. Культура речи и речевая культура учащихся: к проблеме понимания с позиции текстологии // Вестник ТГПУ. 2009. № 10. С. 76 – 80.
3. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология русского мата // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. № 23. С. 1 – 12.
4. Баранов А.Н. Кто «сломал» язык // Семья и школа. 2021. № 4 (844). URL: https://семьяишкола.рф/wp-content/themes/familyschool/docs/winter21.pdf (дата обращения: 05.05.2026).
5. Брюханова А.К. Отношение молодежи к обсценной // Проспект Свободный-2024: материалы юбилейной XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4 частях. Часть III. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2024. С. 275 – 278.
6. Приорова И.В., Гершанова А.Ф. К вопросу о мерах противодействия ненормативному беспределу в социокультурной среде // Каспийский научный журнал. 2024. № 4 (3). С. 32 – 38. URL: https://www.kaspianjournal.ru/jour/article/view/45/64-ysclid=msg3447wi4862116183 (дата обращения: 01.06.2026).
7. Сунгатуллин Р.Р., Евдокимов В.П., Ковалев П.Д. Исследование обсценной лексики как индикатора культурной деградации // Социум. Наука. Образование: материалы IX Региональной молодежной научно-практической конференции. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина. 2024. С. 134 – 140.
8. Волошина А.С., Смердова М.Н., Стурова Е.В., Степанова И.С. Исследование ненормативной лексики у студенческой молодежи // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2025. № 2 (38). С. 13 – 20.

9. Машкович О.А. Ненормативная лексика в социальных сетях и на видео-платформах как способ формирования ценностно-речевой картины молодого поколения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 5. С. 191 – 196.

10. Михановa О.П. Обсценная лексика в студенческой среде вуза: как к этому относиться? // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. № 2 (50). С. 84 – 89.

11. Высоцкая И.В., Максимова Н.В. Обсценная лексика в современной коммуникативной ситуации (по результатам анкетирования студентов новосибирских вузов) // Коммуникативная культура: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 2022. С. 265 – 273.

12. Максимова Н.В., Высоцкая И.В. Обсценная речь в современной коммуникативной ситуации // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 239 – 252.

13. Лесных Е.В. Речевая культура будущего бакалавра: формирование и развитие в условиях вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (49). С. 96 – 98.

14. Пономарева Н.В. Развивающая речевая среда в образовательной организации как основа повышения культуры владения русским языком // Педагогический ИМИДЖ. 2020. Т. 14. № 3 (48). С. 375 – 381.

15. Лунева Л.П. Языковая политика университета как важнейший компонент формирования высококультурной воспитательной среды // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. 16. № 2. С. 138 – 141.

16. Долинина И.В. Кампания «Студенты-против мата» // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 231.

17. Афоньшина О.Р., Волегова Е.О., Калябина П.Д., Кондрашук Д.В. Из опыта проектной деятельности по теме «Университет – территория без мата» // Образование в сложном нестабильном мире: материалы общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Пермь. 2022. С. 14 – 20. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/obrazovanie-v-slozhnom-nestabilnom-mire.pdf (дата обращения: 02.07.2026).

References

1. Vygotsky L.S. Thinking and Speech. Saint Petersburg: Piter, 2021. 431 p.

2. Kraynik O.M. Speech Culture and the Culture of Language Use Among Students: On the Problem of Understanding from the Perspective of Textology. Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University (TSPU). 2009. No. 10. P. 76 – 80.

3. Shakhovsky V.I. Emotive Linguoecology of Russian Profanity. World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal. 2011. No. 23. P. 1 – 12.

4. Baranov A.N. Who "Broke" the Language? Family and School (Semya i shkola). 2021. No. 4 (844). URL: https://семьяишкола.рф/wp-content/themes/familyschool/docs/winter21.pdf (accessed: 05.05.2026).

5. Bryukhanova A.K. Youth Attitudes Toward Obscene Language. Prospekt Svobodny-2024: Proceedings of the 20th Anniversary International Scientific Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists: in 4 parts. Part III. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 2024. P. 275 – 278.

6. Priorova I.V., Gershanova A.F. On the Issue of Countermeasures Against Unregulated Profanity in the Sociocultural Environment. Caspian Scientific Journal. 2024. No. 4 (3). P. 32 – 38. URL: https://www.kaspianjournal.ru/jour/article/view/45/64-ysclid=msg3447wi4862116183 (accessed: 01.06.2026).

7. Sungatullin R.R., Evdokimov V.P., Kovalev P.D. A Study of Obscene Vocabulary as an Indicator of Cultural Degradation. Society. Science. Education: Proceedings of the IX Regional Youth Scientific and Practical Conference. Ivanovo: Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin. 2024. P. 134 – 140.

8. Voloshina A.S., Smerdova M.N., Sturova E.V., Stepanova I.S. A Study of Non-Standard Vocabulary Among University Students. Human Health, Theory and Methodology of Physical Culture and Sports. 2025. No. 2 (38). P. 13 – 20.

9. Mashkovich O.A. Non-Standard Vocabulary on Social Networks and Video Platforms as a Means of Shaping the Value-Linguistic Perspective of the Younger Generation. Modern Science: Current Issues in Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2024. No. 5. P. 191 – 196.

10. Mikhanova O.P. Obscene Vocabulary in the University Student Environment: How Should It Be Viewed? Professional Education in Russia and Abroad. 2023. No. 2 (50). P. 84 – 89.

11. Vysotskaya I.V., Maksimova N.V. Obscene Vocabulary in the Contemporary Communicative Situation (Based on a Survey of Students at Novosibirsk Universities). Communicative Culture: History and Modernity: Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. 2022. P. 265 – 273.

12. Maksimova N.V., Vysotskaya I.V. Obscene Speech in the Contemporary Communicative Situation. Communicative Studies. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 239 – 252.

13. Lesnykh E.V. Speech Culture of Future Bachelor's Degree Students: Formation and Development within a University Setting. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2015. No. 7-2 (49). P. 96 – 98.

14. Ponomareva N.V. A Developmental Speech Environment in an Educational Institution as a Basis for Improving Proficiency in the Russian Language. Pedagogical IMAGE. 2020. Vol. 14. No. 3 (48). P. 375 – 381.

15. Luneva L.P. University Language Policy as a Crucial Component in Forming a Highly Cultured Educational Environment. Social Sciences and Humanities in the Far East. 2019. Vol. 16. No. 2. P. 138 – 141.

16. Dolinina I.V. The "Students Against Profanity" Campaign. Bulletin of the Faculty of Humanities, Ivanovo State University of Chemistry and Technology. 2007. No. 2. 231 p.

17. Afonshina O.R., Volegova E.O., Kalyabina P.D., Kondrashuk D.V. From the Experience of Project-Based Activity on the Topic "University – A Profanity-Free Zone". Education in a Complex, Unstable World: Proceedings of the University-Wide (Open) Conference on Pedagogy for Undergraduate, Master's, and Postgraduate Students. Perm. 2022. P. 14 – 20. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/obrazovanie-v-slozhnom-nestabilnom-mire.pdf (accessed: 02.07.2026).

Информация об авторах

Иконникова Я.В., *кандидат филологических наук, Тамбовский государственный технический университет, janakareva@yandex.ru*

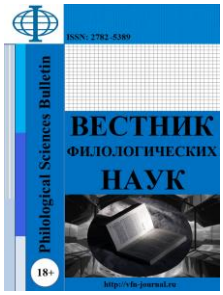
Толстых С.Г., *кандидат технических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет, svetlanatolstyh@mail.ru*

Глазкова М.М., *кандидат филологических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет, rusfilol37@mail.ru*

Захаров В.А., *Тамбовский государственный технический университет, vlaadmai005@gmail.com*

Меркурьев Я.В.Х., *Тамбовский государственный технический университет, yaroslavmerkurevmkk@yandex.ru*

© Иконникова Я.В., Толстых С.Г., Глазкова М.М., Захаров В.А., Меркурьев Я.В.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`42
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-122-131

[1] Колмаков Я.В. ***[1] Донской государственный технический университет***

Разновекторная статусно-ролевая коммуникация в консультативном дискурсе: фактор адресата

Аннотация: *статья посвящена исследованию разновекторной статусно-ролевой коммуникации в консультативном дискурсе, с основным акцентом на фактор адресата. Исследуются устойчивые статусно-ролевые отношения «консультант – клиент» с точки зрения коммуникативной цели клиента, выбора коммуникативных стратегий, языковых средств и степени популяризации профессионального знания. На материале 1007 запросов клиентов-пенсионеров/предпенсионеров, размещённых на сайте общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России», произведен анализ оппозиции «индивидуальный адресат – массовый адресат». Показано, что в консультативном дискурсе фактический адресат является двойным: ответ строится как персональная консультация конкретному лицу (индивидуальный адресат), но транслируется для широкой аудитории (массовый адресат). Результаты исследования показали, что в консультативном дискурсе принятие во внимание фактора адресата и адаптация к нему позволяет оптимизировать коммуникацию в социально значимых институциональных сферах, повысить эффективность консультирования и учесть ожидания разных типов получателей информации.*

Ключевые слова: *консультативный дискурс, статусно-ролевая коммуникация, разновекторная направленность, специалист-консультант, адресат, институциональный дискурс*

Для цитирования: Колмаков Я.В. Разновекторная статусно-ролевая коммуникация в консультативном дискурсе: фактор адресата // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 122 – 131. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-122-131

Поступила в редакцию: 9 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Kolmakov Ya.V. ***[1] Don State Technical University***

Multivector status role communication in consultative discourse: the addressee factor

Abstract: *the article is devoted to the study of multi vector status role communication in consultative discourse, with a primary focus on the addressee factor. The study examines stable status role relationships "consultant – client" from the perspective of the client's communicative goal, the choice of communicative strategies, linguistic means, and the degree of popularization of professional knowledge. Based on 1,007 requests from clients who are pensioners/pre pensioners and posted on the website of the all Russian public organization "Union of Pensioners of Russia," an analysis was carried out of the opposition "individual addressee – mass addressee." It has been shown that in advisory discourse, the actual addressee is dual: the response is structured as a personal consultation for a specific individual (individual addressee), but it is broadcast to a wide audience (mass addressee). The study's results have shown that in advisory discourse, taking the addressee factor into account and adapting to it*

makes it possible to optimize communication in socially significant institutional spheres, increase the effectiveness of counseling, and take into account the expectations of different types of information recipients.

Keywords: *consultative discourse, status role communication, multi vector orientation, specialist consultant, addressee, institutional discourse*

For citation: Kolmakov Ya.V. Multivector status role communication in consultative discourse: the addressee factor. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 122 – 131. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-122-131

The article was submitted: August 9, 2026; Approved after reviewing: September 13, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена современной коммуникативной ситуацией, для которой характерны разнообразие типов общения и необходимость автора текста ориентироваться на определённый адресат. Проблема адресации охватывает широкий круг вопросов – от прагматических параметров речевого акта до способов организации текста с учётом получателя – и является одной из ключевых в отечественной лингвистике последних десятилетий. В консультативном дискурсе фактор адресата становится определяющим, поскольку именно от характеристик клиента зависят коммуникативная стратегия консультанта.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей разновекторной статусно-ролевой коммуникации в консультативном дискурсе с учётом фактора адресата.

Задачи исследования: определить особенности функционирования индивидуального, массового и двойного адресата на материале обращений по вопросам пенсионного права, размещенных в открытом доступе на публичном сайте.

Современная коммуникативная ситуация характеризуется разнообразием типов общения и необходимостью авторов текста работать на определенного адресата. Проблема адресации, охватывающая широкий спектр вопросов от прагматических параметров речевого акта до способов организации текста с учётом его получателя, является одной из ключевых в отечественной лингвистике (Д.Н. Шмелев [12], Н.Д. Арутюнова [1], Г.Я. Солганик [10] и др.).

Лингвист Д.Н. Шмелёв [12] подходил к проблеме адресации через функциональные стили и стилистическую дифференциацию языка. Н.Д. Арутюнова [1] разработала параметризованную модель адресата для любого речевого акта, куда входят социальный статус, пол, возраст адресата, коррелирующие с параметрами адресанта и социальной ситуацией. Исследователь Н.Д. Арутюнова [1] делает акцент на влиянии адресата на отбор языковых средств, жанр и коммуникативную стратегию адресанта. Исслдователь Г.Я. Солганик [10] рассматривал адресацию как одно из важнейших средств организации медийного и научного текстов, ориентированных на массовую аудиторию, подчёркивая диалогическую природу текста.

Дискурсивный аспект профессиональной коммуникации находит отражение в трудах современных отечественных ученых: В.Г. Борботько [3], В.И. Карасика [7], Н.Д. Голева и М.Е. Воробьевой [4], Л.С. Бейлисон [2], А.А. Дьяковой [5], С.В. Первухиной [9] и др. Наиболее значимы для настоящего исследования труды В.И. Карасика, посвященные институциональному дискурсу со свойственными лингвистически релевантными признаками типов сложившихся в обществе социальных институтов, где важнейшими выступают цель общения, представительская коммуникативная функция его участников и фиксированные типовые обстоятельства общения. Изучению адаптации текста посвящены труды Н.Д. Голева [4], Л.С. Бейлисон [2], С.В. Первухиной [9], А.А. Дьяковой [5] и др. Адаптация текста достигается преимущественно при помощи механизмов вторичной категоризации и концептуализации информации путем экспликации текстообразующих концептов посредством тождественных языковых средств [5]. Так, например, в институциональном консультативном дискурсе специалистом проводится личностно-ориентированная лингвистическая адаптация юридического текста и создается вторичный юридический текст, выполняющий интерпретирующую и разъяснительную функции [8].

Консультативный дискурс как тип институционального дискурса представляет собой устойчивую систему статусно-ролевых отношений в рамках коммуникативного пространства определенных социальных институтов. Основной целью консультативного дискурса выступает оказание помощи клиенту: информирование, разъяснение, рекомендация, сопровождение принятия решения. Статусно-ролевая коммуникация в консультативном дискурсе представляет участников общения как клиентов и специалистов-консультантов. Для консультативного дискурса характерна разновекторная коммуникация, представляющая собой сосуще-

ствование нескольких направлений взаимодействия коммуникантов в едином коммуникативном пространстве при одновременной реализации нескольких статусно ролевых линий с разной направленностью (векторами) и нередко с противоречивыми ожиданиями. Вектор коммуникации в консультативном дискурсе отражает взаимодействия: «клиент → специалист» и «специалист → клиент», «индивидуальный адресат → массовый адресат», «специалист → двойной адресат».

В настоящей работе под клиентом понимается гражданин пенсионного и предпенсионного возраста, обратившийся с персонализированным запросом по имеющейся или возникшей проблеме в сфере пенсионного права. Под специалистом понимается компетентное лицо, имеющее соответствующее образование и наделенное полномочиями выступать в роли консультанта по проблемам клиентов, которые содержатся в запросах. Под индивидуальным адресатом следует понимать конкретную личность, указывающую персональные данные в запросе и задающую вопрос исходя из жизненной ситуации. Под массовым адресатом следует понимать потенциального получателя информации по схожим с индивидуальным адресатом проблемам. Под двойным адресатом следует понимать персонализированную личность, сделавшую запрос, и потенциального массового получателя информации, который имеет доступ к ответу специалиста-консультанта, с учетом одновременности адресации.

Наиболее значимый интерес в рамках настоящей работы представляет проблема отношения «автор-адресат» в консультативном дискурсе, где фактор адресата определяет организацию коммуникации.

В консультативном дискурсе при характеристике адресанта и адресата принципиально важна социологическая составляющая. Адресант оценивает адресата в зависимости от относительных статусов речевых партнеров в социальной, возрастной или иной иерархии. Социологические характеристики адресанта прямо коррелируют с теорией пресуппозиций и теорией референций, поскольку в каждом из перечисленных случаев адресант пользуется гипотезами об информированности и личностных/групповых характеристиках адресата, продуцируя их на основе анализа социологических особенностей речевого партнера в данной коммуникативной ситуации.

Консультант как адресант в консультативном дискурсе является носителем профессионального знания и институциональным агентом. В коммуникации он выполняет следующие роли: диагност (устанавливает проблему); информант (сообщает профессиональные сведения); интерпретатор-популяризатор (переводит знание на язык клиента); советчик (дает рекомендации); партнер (учитывает эмоциональное состояние клиента). Речевое поведение консультанта отличается компетентностью, адаптацией к адресату, стремлением к диалогу в коммуникации, апелляцией к авторитету и нормам и др. При массовом адресате консультант выступает как публичный эксперт, медиатор между профессией и обществом. Он должен удерживать баланс между точностью профессионального знания и доступностью его изложения.

Адресат в консультативном дискурсе – это клиент, неспециалист или полуспециалист. Его основные характеристики: низкий уровень знания предметной области; коммуникативная цель (получить информацию, решение); эмоциональное состояние (тревога, неуверенность); степень активности (задает вопросы, уточняет).

В консультативном дискурсе вопрос задает конкретный клиент, но ответ адресован одновременно и массовой аудитории. Индивидуальный адресат становится «поводом», а массовый – основным получателем информации. По мнению исследователя Т.Л. Каминской, наблюдаемое явление массового адресата под видом индивидуального указывает, что реальный адресат множественен и анонимен [6]. Возникает так называемый «двойной адресат» [11].

Индивидуальный адресат характеризуется конкретностью: это реальное лицо с индивидуальной проблемой и биографическими деталями; возможностью обратной связи; высокой персонализацией рекомендаций; конфиденциальностью; диалогом в реальном времени или личной перепиской. В этом случае степень популяризации должна быть точно настроена под уровень знаний конкретного клиента.

Массовый адресат характеризуется анонимностью и гетерогенностью аудитории; отсутствием непосредственной обратной связи или ее отсроченностью; необходимостью типизации проблем и обобщенных примеров; максимальной доступностью языка и т.д., что требует избыточности и эксплицитности. При массовом адресате популяризация становится более интенсивной: терминологическая плотность снижается, усиливается метатекстовость. Ориентированность на адресата с его конкретными социальными характеристиками – один из важнейших признаков консультативного дискурса, как и любого другого профессионального текста.

Материалы и методы исследований

Материалом для написания статьи послужили сведения из актуальных современных теоретических и прикладных исследований. Практическим материалом для исследования послужили 1007 запросов клиен-

тов-неспециалистов по вопросам пенсионного права, размещённых на сайте общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России» https://www.rospensioner.ru/ [13] в разделе «Консультации» за период с 2024 года по 2026 год [13].

Автором статьи был разработан перечень характеристик с учетом основных параметров фактора адресата в консультативном дискурсе. Обработка первичных данных и статистические расчёты были выполнены с использованием инструментов на базе искусственного интеллекта с округлением до целых чисел при подсчете количества обращений. Промежуточные результаты верифицировались вручную, окончательные значения и выводы получены и интерпретированы автором статьи.

В работе использованы метод сплошной выборки, количественный и статистический методы, метод дискурсивного анализа, метод интерпретативного анализа, метод компонентного анализа, а также метод кейс-анализа.

Результаты и обсуждения

Современная коммуникативная ситуация может быть описана через ряд признаков, значимых для организации консультативного дискурса (табл. 1). Анализ запросов граждан, обратившихся за консультацией к специалистам по вопросам пенсионного права, проводился по 12 параметрам: персональные данные клиента, половая принадлежность, социальный статус (пенсионер, предпенсионер, без указания статуса), возраст, регион проживания, стаж работы, цель запроса, степень активности клиента, проблемы по вопросам пенсионного права, структурированные в соответствии условиями начисления пенсии и категориями льгот, жалобы клиентов.

Таблица 1

Консультативный запрос: фактор адресата.

Table 1

Consultative inquiry: the addressee factor.

Наименование параметра	Содержание запроса-обращения	Количество обращений	Доля обращений, %
Персональные данные	указаны фамилия, имя, отчество	422	41,9
	указаны имя, отчество	32	3,2
	указано имя	76	7,5
	указаны фамилия и инициалы	40	4,0
	указан псевдоним	7	0,7
	не указаны данные	430	42,7
Пол	мужской	286	28,4
	женский	709	70,4
	не указаны данные	12	1,2
Социальный статус	пенсионер	895	88,9
	предпенсионер	67	6,7
	не указаны данные	45	4,4
Возраст	указан	339	33,7
	не указан	668	66,3
Регион проживания	указан	621	61,7
	не указан	386	38,3
Стаж работы	указан	721	71,6
	не указан	286	28,4
Коммуникативная цель	получить информацию	449	44,6
	получить инструкцию	286	28,4
	получить поддержку	195	19,4
	получить решение	77	7,6
Степень активности	задает вопросы	712	70,7
	проявляет нейтральный тон	143	14,2
	уточняет информацию	122	12,1
	проявляет агрессию	30	3,0

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Вопросы стажа	страховой стаж	498	49,5
	исчисление стажа	147	14,6
	подтверждение стажа	239	23,8
	специальный стаж	95	9,4
	иные вопросы по стажу	28	2,7
Вопросы пенсионного права	исчисление и перерасчет пенсий	566	56,3
	пенсионные процедуры (установление страховых пенсий, выплата страховых пенсий, доставка пенсий и др.)	197	19,6
	пенсии за выслугу лет	11	1,1
	пенсии по возрасту	62	6,2
	выплаты по накопительной части пенсии	31	3,1
	пенсии по инвалидности	7	0,7
	пенсии по случаю потери кормильца	2	0,2
	иные вопросы	129	12,8
Льготы пенсионерам	жилищные льготы	48	4,8
	льготы по проезду на городском, пригородном и междугородном транспорте (бесплатно или по льготной цене)	14	1,4
	обеспечение транспортными средствами и средствами передвижения, их содержание и обслуживание; протезирование	8	0,8
	льготы по медицинскому и санаторно-курортному обслуживанию, обеспечению лекарственными средствами	35	3,5
	льготы на содержание детей	2	0,2
	льготы по налогам	5	0,5
	иные льготы	80	8,0
	льготы не упоминаются	811	80,6
Жалобы	содержится	393	39,0
	не содержится	614	61,0

Проведенный анализ показал, что значительно чаще за консультацией обращаются женщины – 709 обращений (70,4%). Обращения мужчин составили 28,4% (286 обращений). Отмечено 12 обращений (1,2%), где не указан пол клиента.

Из обратившихся за консультацией граждан 422 клиента (41,9%) представили свои полные данные: фамилия, имя, отчество, которые указывают на конкретную личность. Запросы этих клиентов направлены прежде всего на решение индивидуальной проблемы, однако это не означает, что схожие проблемы не могут быть у других людей, обратившихся за консультацией. Иными словами, в перечисленных случаях ответы на вопросы индивидуального адресата могут полезны и массовому адресату. В запросах клиентов, где содержится указание только на имя и отчество (3,2%), имя (7,5%), псевдоним (0,7%) или данные не указа-

ны (42,7%). Самой распространенной стала категория, где данные клиента не указаны – 430 обращений, что, безусловно, указывает на анонимный характер многих вопросов. Ответы специалистов, адресованные конкретному лицу, в большинстве случаев (54,1%) следует расценивать как направленные на двойной адресат: на индивидуальный и массовый.

Социальный статус клиента-адресата таков. Абсолютное большинство клиентов (88,9%) – действующие пенсионеры (895 обращений). Статус предпенсионера указан в 67 обращениях (6,7%). Не указан статус в 45 случаях (4,4%). Целевая аудитория граждан, разместивших запрос на сайте, нуждается в консультационной помощи. Произведенный анализ данных по возрасту клиента показал, что возраст не указан в 668 обращениях (66,3%), указан – в 339 запросах (33,7%).

Согласно данным по региону проживания клиента-адресата, часто упоминаются проблемные или особые регионы (ЛНР, ДНР, Запорожская область, Москва, Московская область, Крым, районы Крайнего Севера: 621 обращения (61,7%). Указание на регион принципиально важно при назначении, исчислении и перерасчете пенсии для граждан, работавших в указанных регионах. В 386 обращениях не указан регион проживания (38,3%). Следует отметить, что сведения, содержащиеся в ответах специалистов, для адресатов, указавших свой регион проживания, помогут найти решение идентичной проблемы многим другим гражданам.

Сведения о стаже работы содержатся в 721 запросах (71,6%). Не указан стаж в 286 обращениях (28,4%). Полученная адресатами сайта «Союз пенсионеров России» информация от специалистов актуальна для двойного адресата: индивидуального и массового. Стаж работы является ключевым параметром для пенсионных вопросов.

Обращаясь к анализу коммуникативной цели клиента-адресат, следует отметить, что клиенты хотят разъяснений по порядку начисления пенсий или своим правам. В 44,6% (449 обращений) цель запроса – получить информацию. Обращения по четкому плану действий: «как быть», «что делать», «куда обратиться» – 286 обращений (28,4%): цель запроса – получить инструкцию. Желание добиться конкретного результата (перерасчет, выплата, изменение статуса) содержится в 195 обращениях (19,4%): цель запроса – получить решение. Запросы, связанные с эмоциональной поддержкой, жалобами присутствуют в 77 обращениях (7,6%), цель запроса – получить поддержку. Содержащиеся в запросах проблемы созвучны многим гражданам пенсионного и предпенсионного возраста, поэтому ответы специалистов имеют двойной адресат: направлены индивидуальному клиенту и массовому адресату.

Анализ степени активности клиента-адресата показал, что в подавляющем большинстве случаев: 712 обращений (70,7%) клиенты задают конкретные вопросы, что подчеркивает индивидуальность адресата. Констатируют свою проблему и ждут предложения специалиста-консультанта по ее решению в 143 случаях обращений (14,2%). С целью уточнения ранее полученного ответа от специалиста зафиксировано 122 обращения (12,1%). В 30 обращениях (3%) встречается агрессивный тон, что констатирует личную неприязнь и имеет индивидуальный характер.

По вопросам страхового стажа на сайте размещено 498 обращений, что составило 49,5% от общего числа обратившихся граждан. Основной тип запроса касался учета общего трудового стажа. Вопросы исчисления стажа насущны для 147 клиентов (14,6%). С вопросами о подтверждении стажа обратились 239 человека (23,8%), преимущественно граждане, работавшие в других странах (Украина, Казахстан, Узбекистан). Запросы о «специальном» стаже сформированы в 95 обращениях (9,4%) и касаются досрочного выхода на пенсию педагогических или медицинских работников, а также военных. Иные вопросы по стажу содержатся в 28 запросах, что составило всего 2,7%.

Таким образом, обращения клиентов по вопросам стажа, в большей степени представляют собой не только персонифицированный запрос, но и массовую проблему некомпетентности граждан, нуждающихся в получении информации от специалиста. Запросы по вопросам учета стажа и исчисления стажа составили в совокупности 645 обращений (64,1%), а также подтверждения стажа – 239 человек, в том числе и граждане РФ (23,8%).

Запросы клиентов-адресатов в консультативном дискурсе могут содержать в себе сразу несколько вопросов: об исчислении и перерасчете пенсии, об алгоритме пенсионных, о праве выхода на пенсию по старости, о выплатах по накопительной части пенсии и др. В этой группе самую большую категорию (566 обращений, 56,3%) составляют вопросы от граждан, недовольных размером пенсии, вследствие чего они хотят получить ответ, как начислялась пенсия и почему размер пенсии невысок. В 197 обращениях (19,6%) адресаты задают вопросы о последовательности действий по оформлению документов и сроках их подачи при выходе на пенсию. В 62 запросах (6,2%) клиенты задают вопросы о праве выхода на пенсию по старо-

сти. Таким образом, в 72% случаев ответ индивидуальному адресату направлен и массовому адресату, что позволяет указать на явление двойного адресата.

Вопросы по видам пенсии и условиям ее назначения можно объединить в одну группу: выплаты по накопительной части пенсии – 31 обращение (3,1%), пенсии за выслугу лет – 11 обращений (1,1%), пенсии по инвалидности – 7 обращений (0,7%), пенсии по случаю потери кормильца – 2 обращения (0,2%). Значительная часть запросов содержит иные вопросы 129 обращений (12,8%). Ответы, данные специалистами, предназначены, в первую очередь, непосредственно тем, кто задает вопрос, однако это не значит, что означенные проблемы не будут актуальны для других граждан, то есть для массового адресата.

Запросы клиентов-адресатов по льготам пенсионерам на сайте «Союз пенсионеров России» немногочисленны. Так, в 811 обращений (80,6%) отсутствуют вопросы о предоставлении льгот. Менее чем в 20% обращениях имеются вопросы о льготах: иные льготы(чаще всего вопросы о звании «Ветеран труда» и единой денежной выплате (ЕДВ) – 80 обращений (8,0%), жилищные льготы (компенсация ЖКХ, субсидии, капитальный ремонт) – 48 обращений(4,8%), льготы по медицинскому обслуживанию (вопросы о лекарствах, санаторно-курортном лечении.) – 35 обращений (3,5%), льготы по проезду – 14 обращений (1,4%), обеспечение транспортными средствами – 8 обращений (0,8%), льготы по налогам – 5 обращений (0,5%), льготы на содержание детей – 2 обращения (0,2%). Таким образом, запросы клиентов-адресатов по предоставлению льгот не носят массовый характер, поскольку решение индивидуальной проблемы требует непосредственного обращении в органы социальной защиты населения.

Обращения клиента-адресата с жалобами по вопросам деятельности/бездеятельности органов социального обеспечения составляют 393 обращения (39,0%). В 614 запросах жалобы отсутствуют. Несмотря на значительное количество запросов с жалобами, говорить о массовости и индивидуальности адресата весьма затруднительно, поскольку жалобы имеют персонализированныйхарактер и функционал специалистов сайта «Союз пенсионеров России» не предусматривает координацию работы Социального фонда РФ, а консультирует граждан по вопросам пенсионного права.

Проиллюстрируем на конкретных примерах, взятых с сайта общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России» (https://www.rospensioner.ru/consultation1095/), оппозицию «индивидуальный – массовый» адресат.

Пример 1. Запрос о выходе на досрочную пенсию https://www.rospensioner.ru/consultation218/ – Клиент: *Дружаева Татьяна Викторовна.*

Запрос: *Здравствуйте, я 1967 года рождения. Могу ли я, в возрасте 56 лет выйти на досрочную пенсию по уже выработанному стажу 37 лет?*

Ответ специалиста: *Уважаемая Татьяна Викторовна! В 2024 году право на назначение досрочной страховой пенсии у женщин наступает на 2 года ранее определенного законом возраста по условиям выработки страхового стажа не менее 37 лет. Обратитесь уже сейчас в СФР к специалисту клиентской службы, он проверит наличие у Вас страхового стажа по сведениям ИЛС. При этом периоды отпусков по уходу за ребенком не учитываются в данный стаж, будет учтен только стаж, за который уплачивались страховые взносы и налоги.*

В запросе о выходе на досрочную пенсию (Пример 1) указан автор вопроса: фамилия, имя, отчество клиента, пол и социальный статус. Возраст хотя и не указан, однако есть год рождения и стаж работы. Коммуникативная цель запроса – получить информацию о возможности выйти на досрочную пенсию «по уже выработанному стажу 37 лет». Клиентский запрос не содержит жалоб, льготы не упоминаются. В приведенном примере клиент-адресат позиционирует себя как конкретную личность, то есть выступает как адресат индивидуальный. Ответ специалиста имеет двойной адресат: индивидуальный адресат – в лице автора запроса Дружаевой Татьяны Викторовны и массовый адресат в лице потенциальных читателей.

Пример 2: Запрос на перерасчет пенсии https://www.rospensioner.ru/consultation131/ – Клиент: *Лысенко Василий Сергеевич.*

Запрос: *Здравствуйте. Я проживаю на территории ЛНР. Два года назад вышел на пенсию, мне насчитали пенсию ЛНР. 17.10.2023 г. я подал документы на перерасчёт на российскую пенсию, а 16.12.2023 г. мне пришел письменный отказ о перерасчёте, не понятно по какой причине. Стажа у меня 25 лет, работал на шахте и сварщиком. Подскажите, как быть в такой ситуации?*

Ответ специалиста: *Уважаемый Василий Сергеевич! Возможно, у Вас не соблюдены условия ФЗ-17 от 17.02.2023 года? Согласно данному закону право на перерасчет размера пенсии (учет стажа после 2002 года) получают граждане, имеющие отметку в паспорте гражданина РФ о постоянной регистрации в ДНР с 11 мая 2014 года по 29 сентября 2022 года. Возможно, что весь стаж у Вас уже учтен при*

назначении пенсии. Специалист СФР должен был Вам это разъяснить, можно и сейчас обратиться к нему за устной консультацией.

В запросе на перерасчет пенсии (Пример 2) указан автор вопроса, его персональные данные клиента: фамилия, имя, отчество, указан пол, возраст, социальный статус, регион проживания (ЛНР). Коммуникативная цель – получить решение вопроса по пенсионному праву: исчисление и перерасчет пенсий с учетом специального стажа (учет вредного стажа для досрочной пенсии). В запросе также содержится жалоба на отказ СФР учесть специальный стаж. В ответе специалиста можно наблюдать персонализированное обращение с соблюдением речевого этикета к клиенту «Уважаемый Василий Сергеевич!», что подтверждает индивидуальность адресата. Однако отсылка адресата к федеральному законодательству РФ свидетельствует о типовой ситуации подачи документов на перерасчет пенсии для всех граждан-пенсионеров, столкнувшихся с этой проблемой. В этом случае ответ специалиста следует расценивать как направленный на двойной адресат: индивидуальный и массовый.

Пример 3: Запрос о выходе на пенсию по возрасту https://www.rospensioner.ru/consultation198/ – Клиент: *Валентина.*

Запрос: *Здравствуйте, подскажите. Если у меня не хватает баллов для ухода на пенсию по возрасту, полагается ли мне пенсия?*

Ответ специалиста: *Уважаемая Валентина! Для получения права на назначение страховой пенсии по старости в 2024 году женщине нужно достичь возраста 58 лет, иметь стажа работы не менее 15 лет и количество пенсионных баллов не менее 28,2. Если какое-то из условий не соблюдено, страховая пенсия по старости не может быть назначена. По достижении женщиной возраста 65 лет ей будет назначена социальная пенсия.*

В вышеприведенном запросе о выходе на пенсию по возрасту (Пример 3) содержится только указание на имя и пол. Нет сведений о социальном статусе и возрасте, не указан регион проживания, отсутствуют сведения о стаже. Коммуникативная цель – получить информацию о возможности выхода на пенсию при недостающем количестве баллов. Ответ специалиста содержит обращение специалиста-консультанта «Уважаемая Валентина и направлен персональному лицу. При этом следует отметить, что ответ имеет условно адресный характер. Содержащаяся в письменной консультации информация актуальна для многих женщин, имеющих статус предпенсионера. Следовательно, ответ консультанта-специалиста имеет двойной адресат: индивидуальный и массовый.

Таким образом, в представленных примерах ответы специалистов содержат персонализированное обращение, но при этом включают типовые разъяснения законодательства, актуальные для массовой аудитории. Это позволяет говорить о двойном адресате: индивидуальный запрос становится поводом для публичной консультации, адресованной массовому адресату с аналогичными проблемами.

Выводы

В заключение следует отметить, что в рамках консультативного дискурса статусно-ролевая коммуникация разновекторна и определяет особенности коммуникации в оппозиции «клиент – специалист», где адресатом выступает клиент. Анализ 1007 обращений по вопросам пенсионного права показал, что большинство запросов исходит от конкретных лиц, однако публичный характер размещения делает ответы специалистов значимыми для массовой аудитории. Возникает двойной адресат: текст строится как ответ конкретному клиенту, но публикуется для широкого круга лиц с идентичными проблемами. Массовый адресат моделируется через индивидуальный: персональный случай становится иллюстрацией общего правила.

Индивидуальность адресата проявляется в значительном количестве запросов-обращений, исходящих от конкретного лица с указанием фамилии, имени, отчества, личных обстоятельств, возраста, стажа, региона проживания. Ответы консультанта-специалиста содержат прямое обращение по имени- отчеству или имени с обязательным этикетным определением «уважаемый», что маркирует индивидуального адресата, и нацелены на решение индивидуальной проблемы, воспринимаемой как персонализированная консультация.

Массовый адресат в консультативном дискурсе маркирован следующими особенностями. Запросы и ответы на них размещены на публичном сайте, то есть фактическим адресатом становится массовая аудитория – все посетители портала, которые могут оказаться в аналогичной ситуации. Это явление двойного адресата: текст строится как ответ конкретному лицу, но публикуется для широкого круга лиц, имеющих идентичные проблемы. Тем самым массовый адресат моделируется через индивидуального: персональный случай становится иллюстрацией общего правила.

В консультативном дискурсе образ адресата конструируется текстом, и даже при формальной адресации конкретному лицу реальный адресат множественен и анонимен. Оппозиция «массовый адресат / индивидуальный адресат» в консультативном дискурсе не жесткая, а континуальная: от персонализированной консультации через публичную консультацию до массовой рекомендательной пресуппозиции.

Высокая востребованность консультаций по пенсионному праву среди граждан пенсионного и предпенсионного возраста определяет практическую ценность проведенного исследования. Учет адресатных характеристик позволит оптимизировать коммуникацию в социально значимых институциональных сферах, повысить эффективность консультирования и учесть ожидания разных типов получателей информации.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356 – 367.

2. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. … док. филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с. URL: https://www.dissercat.com/content/professionalnyi-diskurs (дата обращения: 29.08.2026).

3. Борботько В.Г. Общая теория дискурса: принципы формирования и смыслопорождения: дис. … док. филол. наук. Краснодар, 1998. 250 с. URL: https://www.dissercat.com/content/obshchaya-teoriya-diskursa-printsipy-formirovaniya-i-smysloporozhdeniya (дата обращения: 29.08.2026).

4. Голев Н.Д., Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. 117 с.

5. Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 189 с. URL: https://www.dissercat.com/content/interdiskursivnaya-adaptatsiya-teksta (дата обращения: 15.08.2026).

6. Каминская Т.Л. Адресат в массовой коммуникации. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2008. 166 с.

7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена. 2000. С. 5 – 20.

8. Колмаков Я.В. Лингвистические аспекты сложности юридического текста и направления его адаптации // Актуальные проблемы науки и техники. 2026: сборник научных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 11-13 марта 2026 года. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет. 2026. С. 720 – 722.

9. Первухина С.В. Виды пресуппозиций в адаптированном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Вып. 6 (24). Ч. 1. С. 165 – 169.

10. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7 – 15.

11. Суханова О.В. Диалог с двойным адресатом в текстах СМИ Современные СМИ в контексте информационных технологий: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции – 2015, Санкт-Петербург, 18-19 мая 2015 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 2016. С. 76-80.

12. Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 168 с.

13. Общероссийская общественная организация «Союз пенсионеров России». URL: https://www.rospensioner.ru/consultation1095/ (дата обращения 30.08.2026).

References

1. Arutyunova N.D. The Addressee Factor. Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series. 1981. Vol. 40. No. 4. P. 356 – 367.

2. Beylinson L.S. Professional Discourse: Characteristics, Functions, and Norms (Based on the Communicative Practice of Speech Therapists): Abstract of a Doctoral Dissertation in Philology. Volgograd, 2009. 39 p. URL: https://www.dissercat.com/content/professionalnyi-diskurs (accessed: 29.08.2026).

3. Borbotko V.G. General Theory of Discourse: Principles of Formation and Meaning Generation: Doctoral Dissertation in Philology. Krasnodar, 1998. 250 p. URL: https://www.dissercat.com/content/obshchaya-teoriya-diskursa-printsipy-formirovaniya-i-smysloporozhdeniya (accessed: 29.08.2026).

4. Golev N.D., Vorobyeva M.E. Interpretive Functioning of Legal Language in Everyday Consciousness. Kemerovo: Kemerovo State University, 2017. 117 p.

5. Dyakova A.A. Interdiscursive Adaptation of a Text: Candidate Dissertation in Philology. Volgograd, 2009. 189 p. URL: https://www.dissercat.com/content/interdiskursivnaya-adaptatsiya-teksta (accessed: 15.08.2026).

6. Kaminskaya T.L. The Addressee in Mass Communication. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2008. 166 p.

7. Karasik V.I. On Types of Discourse. Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse. Volgograd: Peremena, 2000. P. 5 – 20.

8. Kolmakov Ya.V. Linguistic Aspects of the Complexity of Legal Texts and Approaches to Their Adaptation. Current Issues in Science and Technology. 2026: Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, March 11–13, 2026. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2026. P. 720 – 722.

9. Pervukhina S.V. Types of Presuppositions in Adapted Texts. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2013. No. 6 (24). Part 1. P. 165 – 169.

10. Solganik G.Ya. Toward Defining the Concepts of "Text" and "Media Text". Bulletin of Moscow State University. Series 10: Journalism. 2005. No. 2. P. 7 – 15.

11. Sukhanova O.V. Dialogue with a Dual Addressee in Media Texts . Modern Media in the Context of Information Technologies: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (2015). Saint Petersburg, May 18–19, 2015. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. 2016. P. 76 – 80.

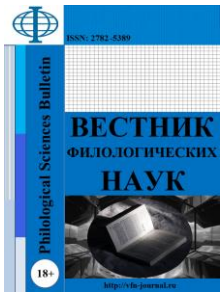
12. Shmelev D.N. The Russian Language in Its Functional Varieties (Towards Defining the Problem). Moscow: Nauka, 1977. 168 p.

13. All-Russian Public Organization "Union of Pensioners of Russia." URL: https://www.rospensioner.ru/consultation1095/ (accessed: 30.08.2026).

Информация об авторах

Колмаков Я.В., *Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, steam21346547@mail.ru*

© Колмаков Я.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82-1/29
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-132-137

[1] Щептева В.Э., [1] Крашенинников А.Е. ***[1] Северо-Восточный государственный университет***

Анималистический образ коня (лошади) в поэзии Ли Бо и Ли Хэ: семантический и поэтологический аспекты

Аннотация: *центральное место в классической китайской словесности занимают природные образы, которые выполняют функцию художественного средства репрезентации неразрывной связи между человеком и природой, подчеркивая их взаимное влияние и взаимозависимость. Поэзия в данном контексте выступает в качестве своеобразного зеркала, отражающего это онтологическое единство.*

Настоящая статья посвящена исследованию одного из ключевых анималистических образов поэта эпохи Тан Ли Бо – образа коня (лошади). Также в ходе работы проведён сопоставительный анализ образа коня в поэзии Ли Бо и Ли Хэ, входящих, наряду с Ли Шанъинем, в «Трое Ли». Несмотря на принадлежность обоих поэтов к одной культурно-исторической эпохе, их поэтические системы демонстрируют существенные различия в стиле, тематике и мировоззренческих установках: Ли Бо олицетворяет романтическую, экспрессивную линию, тогда как Ли Хэ ближе к более субъективной, «внутренней» поэзии. Результаты сопоставительного анализа наглядно демонстрируют тенденцию использования образа коня в различные периоды эпохи Тан: в «золотой век» эпохи и следующую за ним среднюю Тан.

Настоящая работа представляет собой первый этап более масштабного компаративного исследования анималистических образов обоих авторов. Материалом послужили наиболее репрезентативные произведения литераторов, отобранные из корпуса их поэтических текстов.

Ключевые слова: *Ли Бо, китайская поэзия, танская поэзия, анималистические образы, Ли Хэ, образность, символизм, поэтика*

Для цитирования: Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Анималистический образ коня (лошади) в поэзии Ли Бо и Ли Хэ: семантический и поэтологический аспекты // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 132 – 137. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-132-137

Поступила в редакцию: 9 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Shchepteva V.E., [1] Krasheninnikov A.E. ***[1] North-Eastern State University***

Animalistic image of a horse in the poetry of Li Bo and Li He: semantic and poetological aspects

Abstract: *natural images occupy a central place in classical Chinese literature, serving as an device of representing the inseparable connection between humans and nature, emphasizing their mutual influence and interdependence. Poetry in this context acts as a kind of mirror reflecting this ontological unity.*

This article examines one of the key animalistic images of the Tang-dynasty poet Li Bai – the horse. A comparative analysis of the horse's imagery in the poetry of Li Bai and Li He, who, along with Li Shangyin, are part of the "Three Lis," is also conducted. Despite both poets belonging to the same cultural and historical era, their poetic systems demonstrate significant differences in style, theme, and ideological orientation: Li Bai embodies a romantic, expressive line, while Li He is closer to a more subjective, "inner" poetry. The results of the compara-

tive analysis clearly demonstrate the trend in the use of horse's image across different periods of the Tang Dynasty: during the "Golden Age" of the dynasty and the subsequent Middle Tang.

This work represents the first stage of a larger comparative study of both authors' animalistic imagery. The material used is the most representative works of the writers, selected from their corpus of poetic texts.

Keywords: *Li Bai, Chinese poetry, Tang poetry, animalistic images, Li He, imagery, symbolism, poetics*

For citation: Shchepteva V.E., Krasheninnikov A.E. Animalistic image of a horse in the poetry of Li Bo and Li He: semantic and poetological aspects. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 132 – 137. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-132-137

The article was submitted: August 9, 2026; Approved after reviewing: September 13, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Идея единства человека и природы, являясь одной из фундаментальных в китайской культуре, занимает центральное место в классическом китайском песенно-поэтическом творчестве. Глубоко укоренившийся в мировоззрении мотив проявляется в стремлении поэтов достичь гармонии с окружающим миром, созерцании природных красот и осмыслении своего места во Вселенной.

Литераторы часто прибегали к использованию природных образов (растения, животные, насекомые, природные явления и др.) для выражения чувств, мыслей и философских воззрений. Например, стихотворения, посвящённые смене времен года, отражают цикличность бытия и неизбежность перемен, что в свою очередь является проявлением даосского принципа постоянного движения и трансформации. Изображение природы также служило инструментом для передачи моральных и этических норм, поскольку природные объекты зачастую ассоциировались с определенными добродетелями. Можно сказать, поэты «заимствовали» метафоры и аллегории из мира флоры и фауны. В качестве показательного примера приведём «четыре благородных» растения (四君子). Это традиционный символ, объединяющий четыре растения-символа, которые олицетворяют высокие нравственные качества «благородного мужа» (君子).

В поле интересов настоящего исследования центральное место занимают анималистические образы. Они широко представлены в мифологии и фольклоре, включая как реальных, так и мифических существ. Китайский анималистический символизм подчёркивает гармонию человека и природы, где животные воплощают космические силы (дракон символизирует ян, феникс – инь). Трансформация социальной системы и развитие литературы привело к расширению спектра анималистических образов параллельно с обогащением символических значений уже существующих.

В продолжение одного из наших предыдущих исследований [7], посвящённого анималистическим образам в творчестве Ли Хэ (李贺; 790-816), поэта периода «средней Тан» [1, с. 38], мы считаем необходимым добавить сопоставительный анализ. Для выявления общих тенденций и индивидуальных особенностей в изображении животного мира представляется целесообразным сопоставить творчество Ли Хэ с наследием одного из ярчайших представителей «золотого века» династии Тан – Ли Бо (李白; 701-762). Творчество поэта приходится на периоды Кайюань (713-741) и Тяньбао (742-756), пик могущества и расцвета династии Тан. Сопоставление позволит не только уточнить характерные черты поэтики Ли Хэ, но и проследить, как менялись и трансформировались анималистические образы под влиянием изменяющейся историко-культурной ситуации, от расцвета к надвигающемуся закату.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются поэтические тексты китайского поэта эпохи Тан Ли Бо, китайский толковый словарь, а также труды отечественных китаеведов и китайских исследователей. В работе применялись следующие методы: биографический метод, семиотический анализ, поэтологический анализ, культурно-исторический метод.

Результаты и обсуждения

Ли Бо называют «вторым величайшим романтическим поэтом в китайской истории после Цюй Юаня» [2, с. 45]. В его творческом наследии органично сочетаются романтическое мировосприятие и виртуозное поэтическое мастерство. Значительная часть его выдающихся стихотворных произведений сформировалась под непосредственным влиянием социально-экономического процветания Китая в период «золотого века» династии Тан. При этом в произведениях Ли Бо встречается критика государственного управления. Литера-

тор обвиняет правителей «в уходе с истинного Пути» и «в нарушении естественных Небесных ритмов», по его мнению, трагедия состоит в извечном конфликте деградирующей власти и мудрого советника [4, с. 58].

В поэзии Ли Бо образы природы – ключевое средство выражения духовного мира. Например, образ Луны встречается в 499 из 1059 стихотворений поэта, включая её косвенные, метонимические упоминания [6, с. 719]. Литератор интегрировал романтические чувства и стремление к свободе в пейзаж, сформировав систему природных образов. Растения и животные, в том числе мифические, являясь её неотъемлемыми компонентами, выполняют двойственную семантическую функцию: с одной стороны, они репрезентируют объективную картину природного мира, с другой – выступают в качестве символических маркеров внутреннего состояния лирического героя. Член секретариата Китайского общества изучения Ли Бо Лян Сэнь (梁森) отмечает [5, с. 182-183], что в поэтическом цикле «Дух старины» («古风») существенная часть стихотворений характеризуется опосредованной передачей перипетий судьбы именно через эмоциональные состояния животных и растений. В этой тенденции с наибольшей полнотой раскрывается стремление Ли Бо к диалогу с предшествующей поэтической традицией, а также его усилия по постижению и воспроизведению её духовной сути.

Один из наиболее часто используемых анималистических образов Ли Бо является конь (лошадь). В контексте эпохи Тан его можно условно разделить на две категории: превосходный конь (宝马, 骏马, 千里马) и старый, больной конь (病马, 老马, 瘦马) [11]. Первый тип чаще встречается в раннетанской поэзии и поэзии «золотого века» эпохи Тан: литераторы демонстрировали высокий уровень социальной активности и устремлённости, и в этом контексте образ лошади стал отражением динамики эпохи и её культурного пафоса. Больную худую лошадь чаще можно встретить в средне- и позднетанской поэзии.

Обратимся к стихотворению Ли Бо «白马篇» («Белый конь»; ок. 744) [9]: «龙马花雪毛，/ 金鞍五陵豪 / 秋霜切玉剑，/ 落日明珠袍。» («Дракон-конь со снежной шерстью, / На золотом седле избранник Улин. / Меч цвета инея может рассечь нефрит, / Жемчужные одежды сияют, словно заходящее солнце.») (здесь и далее – подстрочник наш). Лексему «龙马» (досл. дракон-конь) используют для описания резвого, благородного скакуна. «五陵豪» относится к богатым и влиятельным молодым людям, проживающим в «Пяти императорских мавзолеях династии Хань» («Улин»). В то время императоры переселяли влиятельные семьи из отдалённых районов в окрестности своих мавзолеев, поэтому они стали известны как места сбора могущественных кланов.

Здесь представлен образ доблестного героя, который более детально раскрывается в последующих четверостишиях: второе посвящено его высокому мастерству в боевых искусствах, третье – пренебрежению этикетом и ненависти ко всякого рода злу, четвёртое – патриотическим чувствам и стремлению к подвигам. В пятом четверостишии выражено ключевое качество героя: после победы над врагом и триумфального возвращения, он не собирается «кланяться» (拜) перед высокопоставленными лицами или искать наград. Последние строки объясняют решение героя: «羞入原宪室，/ 荒淫隐蓬蒿。» («Стыдясь войти в дом Юань Сяня, / [Они предаются] праздности и распутству, выражая неприязнь к отдалённой глуши.»). 原宪 (Юй Сянь), известный так же как 子思 (Цзы-сы) – ученик Конфуция, который жил в бедности, находя счастье в духовном опыте: философ полностью посвятил себя развитию и систематизации конфуцианского учения.

Использование визуально выразительного образа позволяет автору создать архетип доблестного героя, который, достигнув вершин успеха, отказывается подчиниться могущественным покровителям, что в полной мере отражает мировоззренческие идеалы и жизненные устремления Ли Бо.

В стихотворении «送蔡山人» («Провожаю Цая, человека гор», 744) [3, с. 72-73] езда на лошади символизирует достижение успеха: «燕客期跃马，/ 唐生安敢讥。» («Гость из Янь готов вскочить на коня, / Господин Тан смеет насмехаться.»). Это аллюзия на «史记·范雎蔡泽列传» («Исторические записи. Жизнеописания Фань Цзюя и Цай Цзэ»). Под «燕客» (гость из Янь) подразумевается Цай Цзе, влиятельный сановник царства Цинь. Согласно этому жизнеописанию Тан Цзю (唐举; господин Тан), специалист своего времени в области физиогномики, предсказал политическому деятелю траекторию карьерного пути и продолжительность жизни, пошутив про внешность Цай Цзе (вздёрнутый нос, широкие плечи и др.) Отметим, что в эпоху Тан лексема «唐举» стала нарицательной для людей, обладающих знаниями в области физиогномики.

Несмотря на ранние неудачи Цай Цзе проявил настойчивость и в конечном итоге добился больших успехов, став министром. Через прощание с другом Ли Бо выражает чувство социального отторжения и разочарование в нереализованных амбициях. В первых двух строках стихотворения отражено стремление

поэта к интеграции в общественную среду, однако окружающий мир отвергает его («自弃»). Вследствие этого он принимает решение отказаться от мирских забот и обрести духовную свободу, проводя параллель с Цай Цзе, чей опыт служит для него образцом и обоснованием возможности достижения аналогичного состояния.

Стихотворение «送友人» («Прощание с другом»; 738/747) [3, с. 52-53] также посвящено прощанию с близким для автора человеком. Ли Бо передаёт эмоциональную неготовность к разлуке с другом через описание пейзажа и систему конкретных природных образов: «青山横北郭» (простирающиеся на север зелёные холмы), «白水绕东城» (огибающий город водоём), «孤蓬» (перекати-поле), «落日» (заход солнца) и др. Первые два ярко изображают бескрайние просторы места расставания, усиливая мотив фатального отчуждения, возникающего между героями. 孤蓬 – устоявшаяся метафора путешественника, которому предстоит долгий и извилистый путь. В данном случае лексема относится к другу автора.

Обратимся к последнему двустишью: «挥手自兹去， / 萧萧班马鸣。» («На прощание взмахнули руками и отбыли, / Одинокая лошадь печально ржёт.»). Лексемой «班马» обозначают отделившуюся от своего табуна лошадь. В контексте классической китайской поэзии данный образ часто используется для репрезентации разлуки и одиночества.

В произведении «天马歌» («Песня о небесном коне»; ок. 759) [10] Ли Бо изображает небесного коня из древнекитайской мифологии. Образ довольно яркий: спина животного покрыта тигровыми полосами («背为虎文»), кости подобны крепким крыльям дракона («龙翼骨»), окрас гривы скакуна – зелёный («绿发»). Для описания способности коня развивать высокую скорость Ли Бо использует лексическую единицу «兰筋权奇» (досл. превосходные мышцы над глазами). Единицей «兰筋» называют мышцы над глазами лошади. Согласно трактату Чэнь Линя (陈琳; ? – 217) «为曹洪与魏文帝书» [8] («Послание для Цао Хуна и вэйского Вэнь-ди») лошадь с крепкими мышцами может преодолевать тысячу миль в день, отсюда метафора превосходного рысака.

Нарратив стихотворения состоит из пяти частей, каждая из которых переплетается с периодами жизни автора:

1. Описание величественного коня (1-8 строки). Он парит над Куньлунем, его ржание разносится по облакам, скорость подобна молнии, конь пролетает так быстро, что никто не может его разглядеть. За этим описанием скрывается изображение необыкновенного таланта Ли Бо.

2. Моменты триумфа (9-18 строки). Небесный конь летает подобно дракону, глаза сверкают, как Венера, хвост напоминает падающую звезду, рот извергает красный свет. Когда он проезжает мимо других благородных коней на небесном пути (столичная улица), его золотая узда освещает всю столицу. Ценность коня превышает горы белого нефрита, даже Пурпурная Ласточка (превосходная лошадь, стоящая в одном ряду с Читу) не идёт ни в какое сравнение с ним. Расцвет сил животного символизирует привилегированное положение Ли Бо как представителя литературной элиты в период Тяньбао.

3. Пренебрежение к Небесному коню (19-26 строки). Времена изменились, и несмотря на то, что скакун ещё испытывал привязанность к императорской колеснице и не хотел покидать двор, ему не удалось повторно завоевать расположение государя. Положение Небесного Коня схоже с положением самого Ли Бо после его изгнания из Чанъаня.

4. Последние годы жизни (27-30 строки). Небесный конь, запряжённый в повозку для соли, с трудом поднимается по крутому склону, только Бо Лэ (伯乐; легендарный знаток лошадей) смог бы утешить брошенное в старости животное. Соляная повозка (盐车) – метафора унизительной службы, ситуации, когда талантливого человека оттесняют на более низкую должность [12]. Страдающий Небесный Конь символизирует самого Ли Бо во время инцидента с Юнваном (永王): литератор встал на сторону принца, когда тот противостоял мятежникам во время восстания Ань Лушаня, затем Юнван был обвинён старшим братом-императором в узурпации власти. За поддержку принца Ли Бо был заключён в тюрьму.

5. Надежда Небесного коня (31-38 строки). Скакун надеется встретить доброжелательного человека, подобного Тянь Цзыфану (田 子 方), полулегендарному древнекитайскому мыслителю. Согласно «Хуайнань-цзы. Наставления для людей» («淮南子·人间训»), когда философ увидел старого, уже никому не нужного коня, он пожалел его и выкупил у извозчика. Здесь отражена надежда автора: несмотря на возраст, он ещё в состоянии служить придворным литератором и вносить вклад в развитие страны и двора. Майский мороз, о котором говорится в 35 строке, отсылает к истории Цзоу Яня (邹衍; 336-280 гг. до н. э). Философ был оклеветан чиновниками и заключен в тюрьму, где он воззвал к небесам, и в мае наступил сильный мороз.

Здесь скрыто отношение Ли Бо к собственному аресту и последующему изгнанию: он считал их несправедливыми, но подобно Небесному коню, «покорно переносил несправедливость, нахмурив брови» («伏枥衔冤摧两眉»).

Образ коня в творчестве Ли Хэ так же является повторяющимся. Поэт прибегает к образу коня для усиления эмотивного фона, зачастую негативного. Ли Хэ использует такие лексемы, как «瘦骨» (досл. тонкие кости; крепкая лошадь, не отличающаяся упитанностью), «果下马» (низкорослая лошадь), «瘦马» (тощий конь), «赤兔» (конь Читу). Образ содержит в себе такие коннотации, как печаль по поводу несбывшихся мечт, посредственность, сильный духом человек и др. [7]

В результате проведённого сопоставительного анализа можно заключить, что образ коня в поэзии Ли Бо характеризуется преобладанием положительных коннотаций над отрицательными. В творчестве Ли Хэ наблюдается противоположная тенденция: доминирующими являются негативные смысловые оттенки. Также лексемы, использованные поэтами, наглядно демонстрируют тенденцию использования образа коня в различные периоды эпохи Тан, о которой мы писали выше.

Выводы

Образы коня в поэзии Ли Бо и Ли Хэ демонстрируют семантическую асимметрию: у Ли Бо доминируют положительные коннотации (благородство, могущество), тогда как негативные (одиночество, утрата) встречаются реже и связаны преимущественно с мотивом невостребованности таланта. Сопоставление с поэзией Ли Хэ выявляет различие в эмоционально-смысловом наполнении: у Ли Хэ образ коня тяготеет к состоянию безысходности, символизируя упадок и невозможность реализации.

Настоящее исследование открывает перспективу для построения целостной модели анималистической поэтики Ли Бо и Ли Хэ, что будет способствовать более глубокому пониманию их художественных миров и поэтического диалога между традицией и новаторством.

Список источников

1. Блюмхен С.И. Жизнь и творчество танского поэта Ли Хэ // Общество и государство в Китае, 2021. № 1. С. 37 – 67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-tvorchestvo-tanskogo-poeta-li-he (дата обращения: 22.08.2026).
2. Ван Кай. История китайской поэзии / Пер. с кит. Поверинова Н.О. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 183 с.
3. Гость со звезды – Ли Бо: стихи и эссе / Пер. с кит. Торопцев С. А.; науч. консультант проф. Гу Юй. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023. 221 с.
4. Ли Бо. Дух старины. Поэтический цикл, перевод и исследования / Сост., пер. с кит., коммент., примеч. С.А. Торопцева; РАН. Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2004. 224 с. URL: https://djvu.online/file/X0wM7YutICca9?ysclid=mtb7qqa48594895923 (дата обращения: 23.08.2026).
5. Лян Сэнь. Рассуждения о поэтическом цикле Ли Бо «Дух старины» // Ли Бо. Дух старины. Поэтический цикл, перевод и исследования / Сост., пер. с кит., коммент., примеч. С.А. Торопцева; РАН. Ин-т Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2004. С. 173 – 189. URL: https://djvu.online/file/X0wM7YutICca9?ysclid=mtb7qqa48594895923 (дата обращения: 23.08.2026).
6. Чжао Паньпань. Перевод смыслосодержания иероглифа 月"луна" в поэзии Ли Бо // Вестник Башкирского университета. 2019. № 3. С. 718 – 724. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-smyslosoderzhaniya-ieroglifa-luna-v-poezii-li-bo?ysclid=mtb8x5e1335456701 (дата обращения: 25.08.2026).
7. Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Анималистические образы в поэзии Ли Хэ // Современный ученый. 2026. № 5. С. 126 – 131.
8. 兰筋 // 汉典. URL: https://zdic.net/hans/兰筋 (дата обращения: 30.08.2026).
9. 李白. 白马篇//古文岛. URL: https://www.gushiwen.cn/shiwenv_760fb93642ca.aspx (дата обращения: 29.08.2026).
10. 李白. 天马歌//古文岛. URL: https://www.gushiwen.cn/shiwenv_b4d8c54ba952.aspx (дата обращения: 30.08.2026).
11. 浅论唐代诗文中“马”意象的嬗变 // 应届毕业生网. 2025. URL: https://www.yjbys.com/fanwen/gudaiwenxuebiyelunwen/162265.html (дата обращения: 27.08.2026).
12. 盐车// 汉典. URL: https://zdic.net/hans/盐车 (дата обращения: 31.08.2026).

References

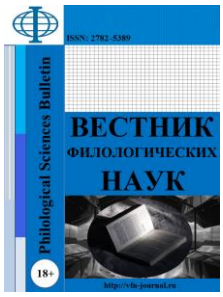
1. Blumkhen S.I. The Life and Work of the Tang-Dynasty Poet Li He. Society and State in China. 2021. No. 1. P. 37 – 67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-tvorchestvo-tanskogo-poeta-li-he (accessed: 22.08.2026).
2. Wang Kai. A History of Chinese Poetry. Translated from Chinese by N. O. Poverinova. Moscow: International Publishing Company "Chance" LLC, 2020. 183 p.
3. A Guest from the Stars – Li Bo: Poems and Essays. Translated from Chinese by S.A. Toroptsev; academic consultant: Prof. Gu Yu. Moscow: International Publishing Company "Chance" LLC, 2023. 221 p.
4. Li Bo. The Spirit of Antiquity. A Poetic Cycle, Translation, and Research. Compiled, translated from Chinese, annotated, and with notes by S. A. Toroptsev; Russian Academy of Sciences, Institute of Far Eastern Studies. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 224 p. URL: https://djvu.online/file/X0wM7YutICca9?ysclid=mtb7qqa48594895923 (accessed: 23.08.2026).
5. Liang Sen. Reflections on Li Bo's Poetic Cycle "The Spirit of Antiquity". Li Bo. The Spirit of Antiquity. A Poetic Cycle, Translation, and Research. Compiled, translated from Chinese, annotated, and with notes by S.A. Toroptsev; Russian Academy of Sciences, Institute of Far Eastern Studies. Moscow: Vostochnaya Literatura. 2004. P. 173 – 189. URL: https://djvu.online/file/X0wM7YutICca9?ysclid=mtb7qqa48594895923 (accessed: 23.08.2026).
6. Zhao Panpan. Translating the Semantic Content of the Character 月 ("Moon") in the Poetry of Li Bo. Bulletin of Bashkir University. 2019. No. 3. P. 718 - 724. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-smyslosoderzhaniya-ieroglifa-luna-v-poezii-li-bo?ysclid=mtb8x5e1335456701 (accessed: 25.08.2026).
7. Shchepteva V.E., Krasheninnikov A.E. Animalistic Imagery in the Poetry of Li He. Modern Scholar. 2026. No. 5. P. 126 – 131.
8. 兰筋 (Lánjīn). Hàndiǎn (Chinese Dictionary). URL: https://zdic.net/hans/兰筋 (accessed: 30.08.2026).
9. Li Bo. "Song of the White Horse" (白马篇). Gǔwéndǎo. URL: https://www.gushiwen.cn/shiwenv_760fb93642ca.aspx (accessed: 29.08.2026).
10. Li Bo. "Song of the Heavenly Horse" (天马歌). Gǔwéndǎo. URL: https://www.gushiwen.cn/shiwenv_b4d8c54ba952.aspx (accessed: 30.08.2026).
11. 浅论唐代诗文中“马”意象的嬗变. 应届毕业生网. 2025. URL: https://www.yjbys.com/fanwen/gudaiwenxuebiyelunwen/162265.html (accessed: 27.08.2026).
12. 盐车 // 汉典. URL: https://zdic.net/hans/盐车 (accessed: 31.08.2026).

Информация об авторах

Щептева В.Э., *Северо-Восточный государственный университет*

Крашенинников А.Е., *кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет*

© Щептева В.Э., Крашенинников А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-138-147

[1] Ломанцов М.В. ***[1] Новосибирский государственный университет***

Интеграция концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русскоязычных некрологах

Аннотация: *целью данной работы является установление характера взаимодействия концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русскоязычных текстах, относящихся к жанру некролога. В основе исследования лежит гипотеза о том, что характером взаимодействия рассматриваемых единиц является не традиционная для них бинарная оппозиция, а интеграция, выраженная в слиянии их содержания на лексико-семантическом уровне. Методологическое основание работы составляет метод концептоцентричного анализа текста, разработанный на основе методов анализа структуры концепта и концептуального пространства текста и апробированный в рамках данного исследования. Текстовый корпус, рассмотренный с его помощью, состоял из 25-и некрологов, опубликованных в различных академических изданиях в период с 2004-го по 2021-й годы. В ходе работы было выявлено, что именно интегративными отношениями, в которые вступают концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, обусловлена специфика некролога как биографического речевого жанра, описывающего жизнь и деятельность личности в контексте их окончательного прекращения.*

Ключевые слова: *некролог, концепт ЖИЗНЬ, концепт СМЕРТЬ, концептуальная оппозиция, концептуальная интеграция, концептоцентричный анализ текста*

Для цитирования: Ломанцов М.В. Интеграция концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русскоязычных некрологах // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 138 – 147. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-138-147

Поступила в редакцию: 10 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Lomantsov M.V. ***[1] Novosibirsk State University***

Integration of concepts of Life and Death in Russian obituaries

Abstract: *the goal of this work is to establish the nature of the interaction between the concepts of Life and Death in Russian texts belonging to the obituary genre. The study is based on the hypothesis that the nature of the interaction between the units under consideration is not the traditional binary opposition, but integration expressed in the merging of their contents on the lexico semantic level. The methodological basis of the work is the concept centred text analysis method which was developed on the basis of methods for analysing the structure of a concept and the conceptual space of a text, and approbated within the framework of this study. The text corpus which was analysed via this method consisted of 25 obituaries published in various academic periodics between 2004 and 2021. The study revealed that it is the integrative relationships between the concepts of Life and Death that determines the specificity of the obituary as a biographical speech genre, describing a person's life and activities in the context of their final cessation.*

Keywords: *obituary, concept of Life, concept of Death, conceptual opposition, conceptual integration, concept-centred text analysis*

For citation: Lomantsov M.V. Integration of concepts of Life and Death in Russian obituaries. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 138 – 147. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-138-147

The article was submitted: August 10, 2026; Approved after reviewing: September 14, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Некролог, традиционно понимаемый как *статья о недавно умершем человеке, содержащая биографические сведения о нём и оценку его деятельности* [17, с. 630], относится к кругу речевых жанров, обращение к которым инвариантно мотивировано фактом смерти отдельно взятого человека.

Несмотря на то, что некрологу как жанру было посвящено множество исследований, поднимавших вопросы о его социокультурном [8, 18], институциональном [7, 19], прагматическом [20] и стилистическом [6] аспектах, ранее такие тексты не рассматривались с точки зрения их концептуального наполнения и механизмов взаимодействия ментальных единиц, вовлечённых в выстраивание их содержания, чем обусловлена **актуальность** данной работы.

Тексты данного жанра представляют особый интерес в контексте изучения форм языковой реализации концепта **СМЕРТЬ**, однако даже первичное рассмотрение некрологов показывает, что данный концепт не является, несмотря на первичность факта смерти в умозрительном толковании прагматики рассматриваемого жанра, ни единственным жанрообразующим, ни наиболее частотно репрезентированным в соответствующих текстах. Ввиду того, что любой некролог по определению направлен на сообщение биографических сведений и, более конкретно, изложение совокупности результатов деятельности умершего и влияния, оказанного им на институциональное окружение, в качестве части которого он был позиционирован при жизни и от лица которого излагается его посмертная характеристика (для авторов некрологов частотно представление в формате *коллективного говорящего*, иными словами: *в качестве адресанта выступает все учреждение, в котором работал покойный* [19, с. 19]), второй ключевой единицей ментального пространства для таких текстов оказывается концепт **ЖИЗНЬ**.

Поскольку обозначенные концепты традиционно представляют собой взаимосвязанные, но по определению противопоставленные элементы языковой картины мира [16, с. 117], для них типичны оппозитивные отношения, ранее рассматривавшиеся в ряде работ, посвящённых различным контекстам и формам их реализации ([5, 13, 14, 16]). Данное исследование, однако, основывается на **гипотезе** о том, что в рамках русскоязычных некрологов концепты **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ** вступают вместо этого в отношения интеграции, обусловливающие специфику жизнеописания как посмертного, итогового обобщения деятельности человека в контексте этого речевого жанра, а **целью** этой работы, как следствие, является установление точного характера взаимодействия данных ментальных единиц в соответствующих текстах.

Материалы и методы исследований

Для проведения данного исследования был сформирован корпус из 25-и некрологов, опубликованных в различных академических изданиях в период с 2004-го по 2021-й годы. При определении хронологических рамок выборки внимание было уделено её верхнему порогу: так, некрологи, касающиеся личностей, с момента смерти которых прошло менее пяти лет не рассматриваются по этическим причинам (таким образом, исключается период с 2022-го по 2026-й годы); нижний порог был определён произвольно, с опорой на поисковую систему сайта, использованного для их отбора.

Тексты, составившие корпус, были отобраны с помощью поиска по названиям и ключевым словам на сайте научной электронной библиотеки открытого доступа КиберЛенинка [12]. Обращение к данному интернет-ресурсу обусловлено, во-первых, охватом всего содержания академических изданий, включая сопутствующие материалы, рассматриваемые в рамках данной работы; во-вторых, возможностью поиска языкового материала с опорой на ключевые слова и выявления искомых текстов вне зависимости от наличия или отсутствия заглавия; в-третьих, безотносительностью содержания итоговой выборки к обозрению того или иного отдельно взятого академического издания, её условной усреднённостью; в-четвёртых, опорой поисковой системы сайта на предоставление релевантных публикаций, что позволяет условно рассматривать все полученные таким образом некрологи как актуальные. Ввиду того, что этот сайт использовался только для поиска и отбора материала, а сами тексты рассматривались в их изначальном виде, то есть как фрагменты соответствующих изданий (в том числе с указанием номеров страниц и разделов, в которых они были опубликованы), далее при цитировании даны ссылки на первоначальные их источники.

Основной единицей анализа в рамках данной работы является концепт (лингвокультурный концепт). Ввиду того, что обращение к данному термину традиционно сопряжено с затруднениями, обусловленными тем, что его толкования разнятся в зависимости от того, в каком научном контексте он задействован, нами была предложена интегративная дефиниция, согласно которой **концепт – это структурно-содержательная единица сознания, закреплённая за одним или несколькими языковыми знаками и обобщающая культурно обусловленные представления о материальном либо идеальном объекте воспринимаемой действительности и опыт взаимодействия с ним**. Её формирование мотивировано необходимостью рассмотрения концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ как активных мыслительных категорий в контексте культурно-ценностного аспекта русского языка, выраженного в том числе в ритуализованном характере текстов, относящихся к жанру некролога, что требует обобщения принципов лингвокультурного [4, 11] и лингвокогнитивного [22] подходов к толкованию и употреблению данного термина.

Для изучения форм реализации отдельно взятых концептов в рамках одного текста либо их совокупности (в частности, концептуальной пары **ЖИЗНЬ** – **СМЕРТЬ**) нами был разработан метод **концептоцентричного анализа текста**, заимствующий элементы методов анализа структуры концепта, в частности – обращение к лексическому уровню слова, репрезентирующего концепт [21], и концептуального пространства текста, акцентирующего роль рамочных компонентов и обобщения репрезентантов концептов [1, с. 336-346].

Основная задача **концептоцентричного анализа текста** – изучение репрезентации отдельно взятого концепта либо совокупности концептов в конкретном тексте или корпусе текстов, родственных с точки зрения структуры, темы и/или жанровой принадлежности. Репрезентация при этом рассматривается как в **семантическом** аспекте, подразумевающем анализ содержательных свойств репрезентантов концепта через рассмотрение их лексико-грамматическим свойств и/или тематическую группировку, так и в **синтагматическом**, для которого являются значимыми связи исследуемой единицы с репрезентированными в том же контекстуальном пространстве.

Анализ каждого текста осуществляется на **внешнем** (значимые жанровые признаки и рамочные компоненты) и **внутреннем** (собственно репрезентация в семантико-синтаксическом плане текста) **уровнях концептуальной репрезентации**.

Применение метода концептоцентричного анализа текста разворачивается на протяжении **восьми этапов**, характеристика которых представлена ниже.

Первый этап – постулирование по меньшей мере одного **искомого концепта** в соответствии с внешней исследовательской задачей, что подразумевает предварительную определённость его имени (основного лексического репрезентанта). При работе со множеством исследуемых единиц также определяется предполагаемый характер их взаимодействия, который может быть предварительно сведён к **интеграции** (контекстуальному слиянию, продуктом которого является преобразование семантики репрезентантов либо формирование новых концептов), **оппозиции** (эксплицитному либо имплицитному значимому противопоставлению), **транспозиции** (трансформации одной единицы в другую под влиянием тех или иных аспектов контекста с сохранением либо изменением части семантических свойств) или **сопозиции** (присутствию в одном пространстве без ярко выраженного значимого взаимодействия).

Второй этап – определение ядра **искомого концепта** через обращение к толкованию его имени с опорой на словарные источники, в частности – идеографические и семантические словари, предпочтительные ввиду наиболее полного отражения ветвлений смысла той или иной лексемы в их содержании.

Третий этап вариативен зависимости от того, является ли рассматриваемый текст художественным. Если он не относится к художественной литературе, задача данного этапа – рассмотрение **дефиниции** речевого жанра, к которому принадлежит текст, и его **внутренней формы**, представленной этимологическим толкованием его наименования, с точки зрения наличия в них репрезентации **искомого концепта**. Сведения, необходимые для этого, могут быть заимствованы как из толковых, так и из этимологических словарей. Если текст относится к какому-либо из жанров художественной литературы, вместо этого рассматриваются роль и толкование **искомого концепта** в рамках поэтики соответствующего автора, что подразумевает опору на общие ориентиры соответствующего периода его творчества, выявленные устойчивые мотивы и др. При отсутствии указанных либо иных уместных оснований данный этап анализа пропускается.

Четвёртый этап – выявление концептуальных репрезентантов в **рамочных компонентах** текста (заглавии, эпиграфе и др.) при их наличии. В том случае, когда тот или иной компонент содержит имплицитную семантику (метафоризацию, языковую игру и др.), рассматривается его подразумеваемое значение. При работе с корпусом, состоящим из ряда текстов, для каждого из типов рамочных компонентов выделяются частотно репрезентированные в них концепты.

Третий и четвёртый этапы совокупно охватывают составляющие **внешнего уровня репрезентации**, выделяемого в рамках данного метода. В случае отсутствия на каком-либо из них репрезентантов **искомого концепта** выявляются семантические связи такового с **актуально значимыми**. Если отсутствие наблюдается на протяжении всех трёх, **искомый концепт** не может рассматриваться как эксплицитно текстообразующий, тогда как сквозное наличие утверждает статус такового, а частичное присутствие потенциально указывает на значимую контекстуальную связь с другими концептами.

На **пятом**, **шестом** и **седьмом этапах** изучается содержание **внутреннего уровня концептуальной репрезентации**, рассмотрение которого опирается на результаты, полученные при анализе **внешнего уровня**.

Пятый этап – деление текста на сложные синтаксические целые (*компоненты текста, представляющие собой ряд высказываний, объединенных темой и имеющих структурные показатели связи* [9], далее – ССЦ), границы которых предлагается считать совпадающими с актуальным абзацным членением текста (они также могут быть расширены при наличии значимых структурно-содержательных связей между разными абзацами), и последующий анализ получившихся составляющих посредством предельного обобщения их тема-рематического компонента и сведения их содержания к одному или нескольким (в случае их явного взаимодействия) из концептов, выделенных на предыдущих этапах работы в формате семантической репрезентации. Ситуация, когда таким образом был обозначен как репрезентированный концепт, выходящий за рамки обозначенных на **внешнем уровне**, может потребовать дополнительного рассмотрения текста с опорой на соответствующую единицу. При наличии у текста явной композиции определяется также положение репрезентантов относительно неё.

Шестой этап – анализ репрезентации в рамках предикативных и полипредикативных конструкций, составляющих отдельно взятые ССЦ, в ходе которого рассматриваются репрезентанты как **искомых** и **актуально значимых**, так и всех **частотных** концептов, фиксируемых в ССЦ, которые на **пятом этапе** были определены как сводящиеся к **искомым**. Ввиду заведомой неопределённости границ ССЦ критерием частотности считается двукратный и более повтор лексико-грамматической и/или семантической репрезентации любой такой единицы в соответствующем синтаксическом пространстве.

Седьмой этап – соотнесение **конституируемых** (выделенных на **шестом этапе**) и **конституирующих** (полученных в ходе **седьмого этапа**) концептов, то есть формирование выводов о том, какие единицы, находясь в рамках одного семантико-синтаксического пространства, ведут к совокупному представлению иных единиц, и выявление значимых семантических закономерностей данного процесса, на основе чего формируется **контекстуальная дефиниция**, отражающая содержательные особенности репрезентации **искомого концепта** в рассматриваемом контексте.

Восьмой этап – поиск лексико-грамматических и/или семантических показателей, подтверждающих либо опровергающих изначально постулированный характер связи **искомых концептов** (при их множественности). Рассматриваются при этом только случаи их парной репрезентации, учитываемые на всех уровнях анализа отдельно от индивидуальной. Для **интеграции** таким показателем может считаться факт их репрезентации посредством одного и того же репрезентанта, для **оппозиции** – формирование бинарных оппозиций, **транспозиция** потенциально проявляется в наличии у репрезентантов вторичного концепта свойств первичного, тогда как о **сопозиции** свидетельствует отсутствие любых значимых связей.

Таким образом, **итогом** применения метода **концептоцентричного анализа текста** становится получение сведений о частотности и формах репрезентации **искомого концепта** на различных текстовых уровнях, его значимости для построения текста и/или рассматриваемого речевого жанра в целом, наличии либо отсутствии и характере связи с другими концептами.

Результаты и обсуждения

Процесс и результаты анализа текстового корпуса представлены далее в соответствии с вышеописанным порядком применения апробируемого метода.

На **первом этапе** были обозначены как **искомые** концепты **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ**, основные единицы, рассматриваемые в данной работе. В соответствии с гипотезой в качестве их предполагаемого характера взаимодействия была определена **интеграция**.

В качестве имён данных концептов рассматриваются соответствующие субстантные лексемы, задействованные на **втором этапе**. Их определения были заимствованы из Русского идеографического словаря [27]. Выбор этого источника обусловлен семантико-тематической группировкой представленных в нём дефиниций и связанных с ними языковых единиц. Ядро семантики концепта **ЖИЗНЬ**, таким образом, было сведено к следующей дефиниции: «*…существование, бытие от появления на свет до смерти, необратимого конца; всё время такого существования или какой-н. его период; общественная или личная деятельность человека в различных её проявлениях, его биография; вообще бытие всего сущего*». Для концепта

СМЕРТЬ, соответственно, оно представлено данным определением: «*…необратимое прекращение жизни, существования, часто олицетворяемое в сознании как та, чей приход страшен и неизбежен; … вообще полное прекращение существования чего-нибудь*».

Для **третьего этапа** для анализа содержательных черт некролога как речевого жанра были задействованы Литературная энциклопедия терминов и понятий [17] и Большой толковый словарь русского языка [15], отобранные с опорой на терминологическую ориентированность и охват словарных единиц соответственно. Согласно толкованию из первого источника, некролог – это *статья о недавно* ***умершем (СМЕРТЬ)*** *человеке, содержащая* ***биографические (ЖИЗНЬ)*** *сведения о нём и оценку его* ***деятельности (ЖИЗНЬ)***»; во втором он представлен как «*статья по поводу* ***смерти (СМЕРТЬ)*** *кого-л. с сообщением сведений о* ***жизни (ЖИЗНЬ)*** *и* ***деятельности (ЖИЗНЬ) умершего (СМЕРТЬ)***, там же дана следующая этимология его наименования: «*от греч. nekros –* ***мёртвый (СМЕРТЬ)*** *и logos – слово*». Во всех приведённых дефинициях выделены репрезентанты и указаны единицы, ими представленные. Таким образом, на данном этапе **было выявлено**, что концепты **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ** с одинаковой (двукратной) частотностью представлены в определениях из обоих задействованных источниках, тогда как именование жанра полностью опирается на второй из них.

На **четвёртом этапе** было выявлено, что для некрологов наиболее типичны заглавия, содержание которых ограничено фамилиями, именами и отчествами умерших, по которым они написаны. Из **25-и** рассмотренных текстов такой формуле следовало **17**, тогда как в оставшихся **8** заглавия преимущественно соответствовали схеме «Памяти + ФИО»: ***Памяти*** *профессора А.В. Бондарко* [3], *Светлой* ***памяти*** *Павла Александровича Леканта – большого ученого и замечательного человека* [24], ***Памяти*** *профессора МГУ Александра Алексеевича Соловьева (некролог)* [2]. Кроме того, в ряде изданий некрологи размещаются в разделе, озаглавленном «***In Memoriam / Памяти***» (например, [26]), предназначенном специально для них и потому рассматриваемом в контексте анализа рамочных компонентов. Исходя из этого, можно сделать **вывод** о частотности репрезентации концепта **ПАМЯТЬ** (*способность хранить и воспроизводить в сознании прошлые впечатления, образы, полученные знания, а также самый запас таких образов, впечатлений, знаний* [27, с. 218]) на соответствующем уровне. Кроме того, для академических некрологов типично статейное оформление, включающие аннотации, также рассмотренные как рамочные компоненты. В ходе их анализа было выявлено, что аннотация некролога также формульна и преимущественно включает представленные в том или ином порядке указания на факт смерти, посвящение памяти, прижизненный статус и основные аспекты деятельности умершего: *В* ***некрологе*** *по поводу* ***кончины кандидата исторических наук****, исследователя древней и средневековой истории финских народов Поволжья В.В. Гришакова раскрываются основные вехи его* ***жизненного*** *и творческого* ***пути*** [25, с. 245]; *Настоящая статья является* ***некрологом доктору филологических наук, профессору*** *Института литературы Болгарской академии наук Камену Михайлову* [10, с. 141]. В качестве частотных для аннотации единиц были, таким образом, обозначены концепты **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ** (**7** и **9** репрезентантов на **12** контекстов соответственно; в **4-х** случаях они репрезентированы одновременно, в прочих – индивидуально).

В рамках **пятого этапа** выделенные в анализируемых текстах ССЦ сводились, вследствие результатов предшествующих этапов, к концептам **ЖИЗНЬ**, **СМЕРТЬ** и **ПАМЯТЬ**. Далее их репрезентации рассматриваются индивидуально; в сопровождающих их примерах выделены репрезентанты, указывающие на сведение к соответствующей единице и анализируемые на следующем этапе работы.

Так, фрагменты текста, соотносящиеся с концептом **ЖИЗНЬ**, оказались наиболее частотны (**68** случаев репрезентации), тогда как их положение в композиции текста не является закреплённым. Пример: «*В 2003-2016 гг. Юрий Дмитриевич* ***работал*** *в научно-исследовательском отделе книговедения Российской государственной библиотеки (как с 1992 г. стала называться «Ленинка»), с 2012 г. преобразованного в научно-исследовательский отдел книги и чтения. В 2016 г. ученый* ***перешел*** *в архивохранилище лично-монастырских фондов РГАДА. Здесь он* ***продолжил*** *свои источниковедческие и археографические исследования,* ***принимал*** *активное участие в научных конференциях, вел публикационную деятельность*» [26, с. 225].

ССЦ, содержание которых сводилось к концепту **СМЕРТЬ**, были наименее частотны (**12**) и занимали более фиксированную позицию, фигурируя либо в вводной, либо в заключительной части текстов, что позволяет сделать **вывод** о рамочной роли постулирования факта смерти в статьях, им мотивированных. Пример: «*22 апреля 2020 г.* ***оборвалась жизнь*** *Юрия Дмитриевича Рыкова, выдающегося археографа и историка эпохи Ивана Грозного*» [26, с. 223].

Отдельно рассматривались случаи совместной репрезентации в ССЦ концептов **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ**, вторые по частотности (**57**) и не связанные с конкретными местами в композиции; подробнее её семантическая значимость рассматривается далее. Пример: «***Вся жизнь*** *Александра Владимировича* ***была связана*** *с*

нашей северной столицей: в 1957 г. он закончил филологический факультет Ленинградского университета, здесь же в 1958 г. защитил кандидатскую, а в 1968 г. – докторскую диссертацию, здесь работал в вузах и научных учреждениях. Мне посчастливилось слушать лекции Александра Владимировича в 1969 г. на факультете повышения квалификации Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, и надо сказать, что он ***был*** *не только глубоким и интересным учёным, но и прекрасным лектором*» [3, с. 137].

Частотность репрезентации концепта **ПАМЯТЬ** в данном контексте почти совпала с количеством рассмотренных текстов (**24**), а соответствующие ССЦ встречались только в позиции заключения, что **указывает** на значимость обращения к идее памяти после обозрения жизни и утверждения смерти человека. Пример: «*Нет сомнения, что работы А.В. Бондарко будут ещё долго служить делу углублённого образования филологов в области постижения существа грамматики, её связи с другими составляющими семантической системы языка, а идеи выдающегося языковеда получат дальнейшее развитие в работах его учеников и коллег.* ***Память же о замечательном учёном и человеке навсегда останется в наших сердцах***» [3, с. 138].

Данные, полученные на **шестом этапе**, приводятся в контексте всего текстового корпуса и состоят из показателя частотности репрезентации, типичных репрезентантов, сгруппированных по лексико-грамматическим признакам (в частности, принадлежности к той или иной части речи) и комментариев (при необходимости). Единицы группируются по степени их значимости в контексте исследования рассматриваются в следующем порядке: **искомые** концепты // **актуально значимые** концепты // **частотные** концепты (**ЖИЗНЬ**, **СМЕРТЬ** // **ПАМЯТЬ** // **СКОРБЬ**, **УТРАТА**, **РОЖДЕНИЕ**, **УСПЕХ**, **ЗАСЛУГА**, **ВРЕМЯ**).

Концепт **ЖИЗНЬ** репрезентирован в **29** контексте, его типичные репрезентанты – субстантная (*жизнь*), адъективная (*жизненный*) и глагольная (*жить*) лексемы. В соответствии с дефиницией концепта в контексте ССЦ как представляющие данную единицу рассматривались также акциональные глаголы, заключающие в себе семантику *деятельности* (*работал*; *изучал* и др.) и представляющие собой основу биографического компонента некрологического текста.

Концепт **СМЕРТЬ** репрезентирован в **61** контексте, его типичные репрезентанты – субстантные (*смерть*; *кончина*; *похороны*), глагольные (*скончаться*; *умереть*; *сгубить*; *уйти*; *не стало*; *не дожив*; *покинуть*), модальная (*нет*) и адъективные (*ушедший*; *покойный*; *новопреставленный*; *усопший*) лексемы, фраземы (*уйти из жизни*; *уход из жизни*; *унести с собой*; *окончить земной путь*), метафоризованные фраземы (*жизнь оборвалась*). Следует отметить, что репрезентация данной единицы отличается наибольшим разнообразием, стилистически сводящимся при этом к эвфемизации и/или поэтизации семантического компонента (к примеру, лексемы *смерть* и *умереть* значительно уступают в своей частотности лексемам *кончина* и *скончаться*).

Концепт **ПАМЯТЬ** репрезентирован в **34** контекстах, его типичные репрезентанты – субстантная (*память*) и глагольные (*помнить*; *запомниться*) лексемы, метафоризованные фраземы (*навсегда останется в сердцах*; *будет жить в сердцах*). Следует отметить частотность субстантной лексемы «*сердце*» в метафорическом выражении данного концепта, указывающей на эмоциональную значимость факта сохранения памяти.

Концепт **СКОРБЬ** репрезентирован в **9** контекстах, семантически связанных с определением «*Глубокая печаль, горе, страдание*» [23, с. 250]; его типичные репрезентанты – субстантные (*скорбь*; *(с) прискорбием*), глагольная (*скорбеть*) и адъективная (*прискорбный*) лексемы. Для данного концепта наиболее частотна репрезентация через лексемы с приставкой *при-*, соотносимые с высоким стилем, что потенциально акцентирует формализованность выражения данного чувства в некрологических текстах.

Концепт **УТРАТА** репрезентирован в **13** контекстах, соотносимых с дефиницией «*Потеря, урон (чаще о чьей-нибудь смерти)*» [23, с. 175]; его типичные репрезентанты – субстантные (*утрата*; *потеря*) и глагольные лексемы (*потерять*; *проститься*; *покинуть*). Несмотря на возможность выделения самостоятельного концепта **ПОТЕРЯ**, лексемы, производные от его имени, в силу контекстуальной связи с постулированием факта смерти также рассматриваются как репрезентанты данной единицы.

Концепт **РОЖДЕНИЕ** репрезентирован в **17** контекстах, трактуемым как «*появление на свет младенца … из утробы матери*» [23, с. 121]; его типичный репрезентант – глагольная лексема *родиться*. Репрезентация данного концепта единична для каждого отдельно взятого некролога, семантически представляет собой спорадическое проявление концепта **ЖИЗНЬ** и выделяется как самостоятельная единица ввиду своей устойчивости в рамках рассматриваемого жанра.

Концепт **УСПЕХ** репрезентирован в **210** контекстах, обусловленных толкованием «*удача в достижении чего-нибудь; общественное признание*» [23, с. 19]; его типичные репрезентанты – фразы, опирающиеся на мелиоративно окрашенные субстантные (*успех*; *талант*; *мастер* и др.), глагольные (*закончить*; *защитить*;

почитаться и др.), адъективные (*успешный*; *выдающийся*; *талантливый*; *известный*; *замечательный* и др.), адвербиальные (*успешно*; *прекрасно* и др.) лексемы, фраземы (*всегда в центре внимания*) и другие формы передачи семантики успеха, соответствующие следующим признакам: деятельность личности здесь самонаправленна (умерший действовал в собственных интересах) и характеризуется с точки зрения отношения к некоему внутреннему пределу (поставленной задаче); акциональность автора и/или лиц, им представляемых, по отношению к личности имеет характер субъективной оценки и включает компонент признания; позитивная оценка индивидуальных качеств умершего выступает как показатель успешности в контексте социального взаимодействия и памяти.

Концепт **ЗАСЛУГА** репрезентирован в **235** контекстах, сводящихся к семантике *общепризнанной полезности, важности чьих-нибудь поступков, деятельности; самих таких поступков, действий* [23, с. 177]; его типичные репрезентанты – фразы, опирающиеся на мелиоративно окрашенные субстантные (*заслуга*; *полнота*; *глубина*; *оригинальность* и др.), глагольные (*позволить*; *оказать*; *создать* и др.), адъективные (*заслуженный* и др.), нумеральные (*впервые*) лексемы, фраземы (*внести вклад*; *оказать влияние*; *своими руками*) и построенные с их помощью указания на признание описываемой деятельности, характеризуемые внешней её направленностью (умерший действовал в интересах общества) и постулированием её важности, полезности, новизны, полноты и др.

Концепт **ВРЕМЯ** репрезентирован в **223** контекстах с семантикой *необратимой и неповторимой последовательности существования в мире всего материального и нематериального, характеризующейся непрестанной сменой прошедшего, настоящего и будущего* [23, с. 8]; его типичные репрезентанты – субстантно-нумеральные сочетания (*22 сентября 2020 года*; *лет 40-50* и др.), датировки (*1964-1969 гг.*), адвербиальные лексемы (*скоро*; *рано*; *поздно*). Частотность этой единицы обусловлена значимой ролью временных показателей в структуризации последовательного изложения событий, составляющих жизнеописание.

Вышеописанные концепты как **конституирующие** соотносятся с единицами, репрезентированными в ССЦ, как **конституируемыми** на **седьмом этапе**.

Обобщённая семантика концепта **ЖИЗНЬ** в контексте некрологов складывается из совокупности репрезентированных концептов **РОЖДЕНИЕ**, **ВРЕМЯ**, **УСПЕХ** и **ЗАСЛУГА**, что отражает характер изложенных в текстах данного жанра биографических сведений как хронологически упорядоченных свидетельств результативной и положительно оцениваемой деятельности. Таким образом, **контекстуальной дефиницией** данного концепта может быть сформулирована как **протяжённые во времени результаты деятельности человека**.

В семантико-синтаксическом пространстве некрологических текстов область обобщения концепта **СМЕРТЬ** конституирована концептами **УТРАТА**, **СКОРБЬ** и **ВРЕМЯ**, акцентирующими негативную реакцию эмотивного характера, провоцируемую соответствующим событием, его инвариантно итоговый характер и хронологическую определённость. Следовательно, в контексте некрологов эта единица может быть истолкована как **наблюдаемый итог временной протяжённости человеческого существования, столкновение с которым сопровождается болезненным чувством потери**.

На **восьмом этапе** сопоставляются данные о формах репрезентации концептов **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ** с точки зрения их контекстуального взаимодействия. Данная концептуальная пара репрезентирована в **54** контекстах, учтённых и рассмотренных **отдельно** от случаев индивидуальной репрезентации её составляющих, а её репрезентантами являются глагольные лексемы в форме прошедшего времени (*был*; *являлся*, *жил*; *прожил*; *мог*) и фразы (*последние дни жизни*; *вся оставшаяся жизнь*; *до конца своих дней*; *отдать жизнь*) с контекстуально обусловленной семантикой прекращения жизни. Факт выражения через одни и те же лексические либо синтаксические единицы с явным взаимопроникновением элементов семантики (так, лексема *был* одновременно заключает в себе и бытийный компонент, соответствующий содержанию концепта **ЖИЗНЬ**, и контекстуальную семантику окончательности, отражающую концепт **СМЕРТЬ**, а фраза «*до конца своих дней*» описывает жизнь с учётом установленного момента её прекращения) свидетельствует о том, что данные концепты находятся в отношениях **интеграции**.

Выводы

Применение метода **концептоцентричного анализа текста** к корпусу русскоязычных некрологов позволило выявить, во-первых, что концепты **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ** являются ключевыми ментальными единицами данного жанра, разнящимися в частотности в зависимости от уровня репрезентации (концепт **ЖИЗНЬ** обобщает значительную часть содержания соответствующих текстов, тогда как концепт **СМЕРТЬ** насчитывает большее число репрезентантов, отличающихся как лексическим, так и стилистическим разнообразием, в тех композиционных частях некрологов, где постулируется факт смерти описываемой личности), но вступающие при этом в отношения **интеграции**, обусловливающие специфику некролога как био-

графического речевого жанра, описывающего жизнь и деятельность личности в контексте их окончательного прекращения, что подтверждает гипотезу, лежащую в основе данного исследования; во-вторых, что с данными категориями также тесно связан концепт **ПАМЯТЬ**, характеризующий тенденцию сохранения сведений об итогах жизни человека после его смерти и имеющий устойчивый оттенок эмотивной значимости.

Список источников

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика: учебник для студентов вузов – 2-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2004. 495 с.
2. Безруких П.П., Грибков С.В. Памяти профессора МГУ Александра Алексеевича Соловьева (некролог) // Окружающая среда и энерговедение. 2020. № 2. С. 4 – 5.
3. Воейкова М.Д. Памяти Александра Владимировича Бондарко // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 114 – 115.
4. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма. 2005. Т. 1. С. 10 – 12.
5. Готовцева Л.М. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 21 – 30.
6. Евдокимова О.Н. Языковые и структурно-семиотические особенности речевого жанра "газетный некролог" // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 2 (8). С. 32 – 39.
7. Еремеева С.А. Бремя памяти: некролог как академическая практика // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2012. № 11 (91). С. 196 – 207.
8. Еремеева С.А. Отношение к смерти как социокультурный маркер // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 2 (11). С. 42 – 53.
9. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 2010. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm (дата обращения: 28.08.2026).
10. Залепеев В.Н. Реквием о Камене Михайлове // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 3 (12). С. 141 – 147.
11. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: сборник научных трудов. Серия «Теория и история языкознания». Москва: ИНИОН РАН. 2008. С. 127 – 155.
12. КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 01.08.2026).
13. Косинцева Е.В. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в лирике С.С. Динисламовой // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 421 – 428.
14. Коурова О.И. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в русской романтической поэзии (на материале традиционно-поэтической лексики и фразеологии) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 122 – 125.
15. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 28.08.2026).
16. Логинова М.М. Структура концептов «Жизнь» и «Смерть» (на материале русских паремий) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 1. С. 117 – 123.
17. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва: Интелвак, 2001. 1600 с.
18. Никулин П.П. Газетный некролог как современный публицистический жанр // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 47 – 51.
19. Онипко К.А. Некролог как институциональное высказывание // Фольклор и антропология города. 2025. Т. 7. № 1. С. 14 – 36.
20. Онипко К.А. Прагматика некролога: позиция автора // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 9 (42). С. 50 – 60.
21. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма. 2005. Т. 1. С. 15 – 19.
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
23. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. Т. 3. Москва: Азбуковник, 2003. 720 с.

24. Самсонов Н.Б. Светлой памяти Павла Александровича Леканта – большого учёного и замечательного человека // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2020. № 1. С. 54 – 56.
25. Седышев О.В. Валерий Васильевич Гришаков (1963-2019) // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 245 – 247.
26. Филюшкин А.И. Юрий Дмитриевич Рыков (07.12.1946-22.04.2020) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 223 – 227.
27. Шведова Н.Ю. [и др.]. Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире: (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека). Москва: Азбуковник, 2011. URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485 (дата обращения: 02.08.2026).

References

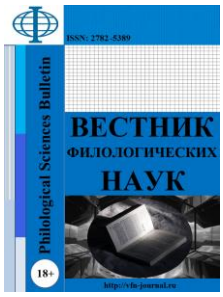
1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic Analysis of Literary Texts: Theory and Practice: A Textbook for University Students – 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2004. 495 p.
2. Bezrukikh P.P., Gribkov S.V. In Memory of MSU Professor Alexander Alexeyevich Solovyov (Obituary). Environment and Energy Studies. 2020. No. 2. P. 4 – 5.
3. Voeykova M.D. In Memory of Alexander Vladimirovich Bondarko. The World of the Russian Word. 2016. No. 2. P. 114 – 115.
4. Vorkachev S.G. Postulates of Linguoconceptology. Anthology of Concepts. ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volgograd: Paradigma. 2005. Vol. 1. P. 10 – 12.
5. Gotovtseva L.M. Basic Binary Concepts as Fragments of the Yakut Linguistic Worldview. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. 2017. No. 3 (17). P. 21 – 30.
6. Evdokimova O.N. Linguistic and Structural-Semiotic Features of the "Newspaper Obituary" Speech Genre. Theory of Language and Intercultural Communication. 2010. No. 2 (8). P. 32 – 39.
7. Eremeeva S.A. The Burden of Memory: The Obituary as an Academic Practice. RSUH/RGGU Bulletin. Series "Cultural Studies. Art History." Museology." 2012. No. 11 (91). P. 196 – 207.
8. Eremeeva S.A. Attitude Toward Death as a Sociocultural Marker. RSUH/RGGU Bulletin. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies." 2016. No. 2 (11). P. 42 – 53.
9. Zherebilo T.V. Dictionary of Linguistic Terms. 2010. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm (accessed: 28.08.2026).
10. Zalepeev V.N. A Requiem for Kamen Mikhailov. New Historical Perspectives: From the Baltic to the Pacific. 2018. No. 3 (12). P. 141 – 147.
11. Karasik V.I. Linguocultural Concepts: Approaches to Study. Sociolinguistics Yesterday and Today: A Collection of Scientific Papers. Series "Theory and History of Linguistics." Moscow: INION RAN. 2008. P. 127 – 155.
12. CyberLeninka: Scientific Electronic Library. URL: https://cyberleninka.ru (accessed: 01.08.2026).
13. Kosintseva E.V. The Conceptual Opposition "Life – Death" in the Lyrical Poetry of S.S. Dinislamova. Bulletin of Ugric Studies. 2025. Vol. 15. No. 3 (62). P. 421 – 428.
14. Kourova O.I. The Concepts of "Life" and "Death" in Russian Romantic Poetry (Based on Traditional Poetic Vocabulary and Phraseology). Vestnik of Orenburg State University. 2004. No. 11. P. 122 – 125.
15. Kuznetsov S.A. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 2000. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (accessed: 28.08.2026).
16. Loginova M.M. The Structure of the Concepts "Life" and "Death" (Based on Russian Paremias). Vestnik of the V.N. Tatishchev Volga Region University. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 117 – 123.
17. Nikolyukin A.N. Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow: Intelvak, 2001. 1600 p.
18. Nikulin P.P. The Newspaper Obituary as a Modern Journalistic Genre. RSUH/RGGU Bulletin. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies." 2019. No. 9. P. 47 – 51.
19. Onipko K.A. The Obituary as an Institutional Utterance. Folklore and Anthropology of the City. 2025. Vol. 7. No. 1. P. 14 – 36.
20. Onipko K.A. The Pragmatics of the Obituary: The Author's Position. RSUH/RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2018. No. 9 (42). P. 50 – 60.
21. Pimenova M.V. Methodology of Conceptual Research. Anthology of Concepts. Ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volgograd: Paradigma. 2005. Vol. 1. P. 15 – 19.
22. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics: A Monograph. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
23. Russian Semantic Dictionary: An Explanatory Dictionary Systematized by Classes of Words and Meanings: in 6 vols. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik, 2003. 720 p.

24. Samsonov N.B. In Fond Memory of Pavel Alexandrovich Lekant – A Great Scholar and a Remarkable Man. Professors' Journal. Series: Russian Language and Literature. 2020. No. 1. P. 54 – 56.
25. Sedyshev O.V. Valery Vasilyevich Grishakov (1963–2019). Volga Region Archaeology. 2020. No. 1 (31). P. 245 – 247.
26. Filyushkin A.I. Yuri Dmitrievich Rykov (07.12.1946–22.04.2020). Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. No. 1 (27). P. 223 – 227.
27. Shvedova N.Yu. [et al.]. Russian Ideographic Dictionary: The Human World and the Human Being in the Surrounding World (80 concepts pertaining to the spiritual, mental, and material spheres of human life). Moscow: Azbukovnik, 2011. URL: https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485 (accessed: 02.08.2026).

Информация об авторах

Ломанцов М.В., *Новосибирский государственный университет, m.lomantsov@g.nsu.ru*

© Ломанцов М.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:316.77:302.164
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-148-153

[1] Манылова Д.В., [1] Васильева М.Г.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Эффект фрейминга в новостных материалах российских интернет-СМИ

Аннотация: *в статье рассматривается эффект фрейминга в новостных заметках российских интернет-СМИ. Материал исследования составили синхронный корпус из 900 публикаций «Газеты.Ru», РБК и RT за 2025-2026 гг. и диахронический корпус из 180 публикаций за 2005, 2010, 2015 и 2025 гг. Предлагается процедура кодирования, согласно которой оценочная лексика и тематический ракурс не признаются искажением без контекстного подтверждения. Признаки фрейминга выявлены в 2 из 900 заметок синхронного корпуса (0,22%) и в 7,22% материалов диахронического корпуса. При этом линейной динамики по временным срезам не установлено. Результаты показывают, что анализ фрейминга требует разграничения структурной организации новостного сообщения и потенциального воздействия текста на аудиторию.*

Ключевые слова: *эффект фрейминга, интернет-СМИ, контент-анализ, заголовок, когнитивные искажения*

Для цитирования: Манылова Д.В., Васильева М.Г. Эффект фрейминга в новостных материалах российских интернет-СМИ // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 148 – 153. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-148-153

Поступила в редакцию: 10 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Manylova D.V., [1] Vasilyeva M.G.

[1] Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

The framing effect in Russian online news

Abstract: *the article examines the framing effect in news reports published by Russian online media. The study draws on a synchronic corpus of 900 articles from Gazeta.Ru, RBC, and RT published in 2025-2026, as well as a diachronic corpus of 180 articles from 2005, 2010, 2015, and 2025. The paper proposes a coding procedure according to which evaluative language and thematic framing are not treated as distortions without contextual confirmation. Indicators of framing were identified in 2 out of 900 articles in the synchronic corpus (0.22%) and in 7.22% of the diachronic corpus. No linear trend across the time periods was found. The findings demonstrate that framing analysis requires a distinction between the structural organization of a news report and the text's potential influence on its audience.*

Keywords: *framing effect, news brief, online media, content analysis, cognitive biases*

For citation: Manylova D.V., Vasilyeva M.G. The framing effect in Russian online news. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 148 – 153. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-148-153

The article was submitted: August 10, 2026; Approved after reviewing: September 14, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Фрейминг – это понятие, которое используют в исследованиях медиа, но при практическом кодировании содержание фрейминга часто оказывается размытым. Это может завесить от того, что любое новостные сообщение может сокращать описываемое событие, так, редакция оправляет заголовок, структуру изложения, список источников и объём разъяснительного контекста.

Но такая работа с информацией не является доказательством наличия когнитивного искажения. Если фрейм аутентифицируется с предвзятостью, до изучения материала вывод ученого фактически переопределяется. Поэтому, основная исследовательская проблема работы заключается не в выявлении большего количества выразительных заголовков, а в выработке критерия, который позволит отличить обычное журналистское сжатие информации от текста, который направлен на интерпретацию иных фактов.

В рамках психологического подхода эффект фрейминга связывают с изменением решения при сохранении аналогичного содержания, представленного в терминах приобретений либо потерь [1], но следует отметить, что коммуникационный подход трактует фрейм более широком смысле, а именно выделение с помощью фрейма отдельных аспектов реальности делает их заметными и способствует определению проблемы, ее причин, оценок и возможных способов решения [2]. Дискурсивное же направление сосредоточено на конкретных языковых и композиционных средствах текста, и включает синтаксис, тематическое построение, сценарные модели и лексику [3].

Данные исследовательские направления взаимосвязаны, но не тождественны, психологический подход изучает реакцию аудитории, а текстовый анализ выделяет лишь потенциально значимые особенности сообщения. Поэтому в работе используется аккуратная формулировка «признаки эффекта фрейминга», которая не заменяет экспериментальную проверку его воздействия.

Для новостной заметки это различие имеет значение. В новостной заметке её краткость и фокус на одном событии ограничивают целостность представления позиций. Искажение возникает не из-за выразительного стиля, а когда редакция навязывает единственную оценку, и целенаправленно преувеличивает масштаб события.

В исследованиях медийных фреймов отмечают универсальные рамки конфликта, ответственности, экономических последствий и человеческих историй, а также тематически специализированные рамки [5, 6]. При этом составные модели, наоборот, ориентированы на установление рамки по совокупности устойчиво сочетающихся признаков, а не по отдельной лексеме [7]. Такой подход снижает вероятность ошибочной классификации. Например, слово «кризис» может соответствовать объективной ситуации, а вот резкая оценка слова в цитате, будет принадлежать не редакции, а конкретному комментатору. Поэтому, фрейм-анализ должен учитывать атрибуцию высказывания и учитывать сопоставление заголовка с фактическим содержанием заметки [12].

Цель статьи – это определить границы эффекта фрейминга в российской интернет-журналистике, проверить гипотезу о росте использования фрейминга на сбалансированном корпусе данных. Для достижения этой цели решаются взаимосвязанные задачи: восстанавливается логика отбора новостных материалов, описывается процедура кодирования, рассматриваются положительные и отрицательные случаи выявления когнитивных искажений, после чего сопоставляется частота соответствующих эпизодов в зависимости от времени, издания и тематической рубрики.

Материалы и методы исследований

Эмпирический материал исследования представлен двумя корпусами.

Первый корпус (синхронный) насчитывает 900 новостных заметок, которые размещены на сайтах «Газеты.Ru», РБК и русскоязычной версии RT в период с 1 января 2025 года по 31 июля 2026 года. Издания представлены 300 материалами. «Газеты.Ru», РБК и русскоязычной версии RT содержат тематические рубрики, такие как спорт, политика, культура и финансы, и содержат по 75 заметок в каждой. Из анализа были исключены интервью, обзоры, аналитические публикации, колонки, редакционные комментарии, и тексты с ярко выраженной авторской позицией.

Второй корпус (диахронический) состоит из 180 заметок. Из них по 45 материалов относятся к 2005,2010,2015 и 2025 гг. В каждом пятилетии было обнаружено раневое присутствие 3 изданий и тех же тематических рубрик. Отсутствие архивных страниц было отмечено как характеристика доступного источникового материала и публикации не привлекались для восполнения пропусков. Подобная организация выборки дает возможность сопоставлять доли внутри сформированных корпусов текстов, однако не позволяет рассматривать собранные тексты как вероятностную выборку всей совокупности российских новостных публикаций.

Источниками сбора корпуса служили официальные страницы и архивы изданий, их карты сайта и доступные архивные копии. Для каждой единицы проверялись дата, принадлежность к рубрике, жанр, сохранность исходного текста и отсутствие признаков пересказа другой публикации. Внутри заданных временных и тематических страт отбор проводился детерминировано, с распределением материалов по месяцам. При избытке текстов-кандидатов использовалась сортировка по хеш-значению устойчивого идентификатора. Повторный запуск процедуры при неизменном списке кандидатов дает тот же состав корпуса. Единицей анализа выступала – новостная заметка, включавшая заголовок, лид и основной текст, как объект наблюдения. Для каждой публикации фиксировались основные библиографические и кодировочные данные, а именно: рубрика, заголовок, автор, адрес страницы, полный доступный текст.

В первую очередь определялся первичный медиафрейм – конфликт, ответственность, экономические последствия, спорт, культура, безопасность, успех и другие виды. Выбор отражал композиционный центр сообщения, но не свидетельствовал об искажении. После этого анализировались семантико-прагматические маркеры, такие как оценочность, категоричность, причинно-следственная заданность, противопоставление «своих» и «чужих», экспрессивность, угроза, генерализация и неопределенный источник.

Признаки эффекта фрейминга кодировались по трехзначной шкале, где 0 – это оснований нет, 1 – основания есть, а знак вопроса «?» – доступного текста недостаточно для вывода. Код 1 требовал одновременного выполнения трех условий, и спорный признак учитывался только при соблюдении всех трех условий. Во-первых, потенциально спорный элемент должен относиться к редакционной организации сообщения, и не ограничиваться высказыванием, представленным как цитата источника информации. Во-вторых, код 1 обязан формировать определенное направление интерпретации через номинацию, последовательность предъявления фактов, сопоставление либо отсутствие значимой информации. И в-третьих, заданная таким образом перспектива должна выходить за рамки нейтрального фактического содержания и сохранять свою роль при прочтении заметки.

Содержательный анализ осуществлялся по следующей схеме: фрагмент – далее наблюдаемый признак, затем соответствие рабочему определению и степень уверенности. При положительной кодировке в карточку переносился корректный текстовый фрагмент, отрицательные случаи также проходили проверку, поскольку именно они позволяют уточнить пределы исследуемой категории. Так, резкое цитирование, вынесенное в заголовок, не всегда представляло позицию редакции. Например, слово «разгромил» в спортивных рубриках может точно передать счет игры.

Количественный анализ показал сколько раз что-то происходило, и 95% доверительные интервалы Уилсона. Сопоставление изданий проверили статистическим методом - критерием хи-квадрат Пирсона, а изменение доли во времени тестом линейного тренда. Если событие происходило реже пяти раз, то просто описывали, что было. Потому что на таких маленьких цифрах нельзя строить надёжные заключения такая случайность может исказить картину.

Размер эффекта оценивался коэффициентом V Крамера, независимая кодировка вторым экспертом на данном этапе не проводилась, следовательно, результаты следует считать итогом экспертной процедуры, а не полностью валидированной измерительной шкалой.

Результаты и обсуждения

Первичный фрейм был установлен для всех 900 заметок. Чаще всего встречалась рамка спортивного соревнования – 194 публикации (21,56%). Далее следовали конфликт –147 (16,33%), экономические последствия – 138 (15,33%) и культурная значимость – 137 (15,22%). Рамка ответственности зафиксирована в 68 материалах (7,56%), порядка и контроля – в 50 (5,56%), успеха – в 45 (5,00%), угрозы и безопасности – в 42 (4,67%). Остальные типы составляли менее 3% каждый. Это распределение показывает, что рамочная организация является обычным свойством новости: тема спорта закономерно описывается через соревнование, а финансовая новость – через последствия для показателей и участников рынка. Из частоты таких рамок нельзя непосредственно вывести частоту когнитивного искажения.

Всего в текстах обнаружено 525 семантико-прагматических маркеров. Наиболее распространена оценочность – 191 случай, или 1,217 на тысячу слов. Категоричность отмечена 85 раз (0,542 на тысячу слов), причинная уверенность – 71 раз (0,452), противопоставление групп – 68 раз (0,433). Экспрессивность дала 40 случаев, угроза и экстремальность – 38, генерализация – 32. При этом заголовочная зона содержала 35 маркеров при плотности 4,196 на тысячу слов, лид – 50 при плотности 3,164, основной текст – 440 при плотности 3,314. Более высокая плотность в заголовках объяснима их функцией: малая по объему зона должна назвать событие и привлечь внимание. Поэтому сам этот показатель характеризует редакционную компрессию, но не доказывает искажение.

После проверки контекста признаки эффекта фрейминга получили код 1 только в двух публикациях из 900 – 0,22%. Доверительный интервал Уилсона составляет 0,06-0,81%, то есть точечная оценка мала и вместе с тем статистически неопределенна из-за редкости наблюдений. В 898 материалах (99,78%) достаточных оснований для положительной классификации не найдено. Ни одна публикация основного корпуса не получила знак вопроса: полнота доступного текста позволила принять бинарное решение в рамках кодировочной инструкции.

Первый положительный случай выявлен в заметке «Газеты.Ru»: «Продажи премиальных машин в России рухнули» от 28 февраля 2025 года [13]. Доказательный фрагмент находится в заголовке: «продажи … рухнули». В подзаголовке и первом абзаце снижение конкретизировано как 20%, с 9801 до 7856 автомобилей. Наблюдаемый признак – замена измеримого изменения метафорой резкого разрушения до предъявления цифры. Эта номинация задает исходный масштаб оценки: читатель сначала получает рамку обвала и лишь затем величину динамики. Код 1 относится к эффекту фрейминга в данном тексте с высокой уверенностью. Основанием служит несоответствие интенсивности редакционной номинации нейтральному способу сообщения того же факта.

Второй случай – спортивная заметка: «Российская теннисистка сенсационно вылетела с турнира в Канаде» от 31 июля 2025 г. [14]. Фрагмент «сенсационно вылетела» предваряет сведения о поражении Анастасии Павлюченковой Еве Лис со счетом 3:6, 4:6. В тексте приведены счет и статистика матча, однако не названы коэффициенты, положение соперниц в рейтинге или иной критерий, который обосновывал бы статус сенсации. Признак фрейминга состоит в том, что редакционная оценка сенсационности дана как готовая рамка до фактического описания. Конечно, в спортивном дискурсе слово «сенсационно» конвенционально, а сведения о рейтинге могли быть известны аудитории. Вместе с тем в самой заметке опора для объективной оценки отсутствует.

Оба примера демонстрируют композиционную роль заголовка. Фрейм создается не ложным сообщением, а первым интерпретационным ориентиром. В одном случае процентное снижение предстает как крушение, в другом поражение – как сенсация. Основной текст затем сообщает проверяемые данные, но не пересматривает исходную оценку. Такая структура согласуется с представлением о заметности отдельных аспектов события, также она показывает, почему автоматический словарный поиск недостаточен. Один и тот же глагол может быть оправдан фактическим масштабом в одном и усиливать событие в другом тексте.

И отрицательные случаи важны не меньше положительных.

Заголовок в тексте «Надо не позориться» в высказывании Дмитрия Губерниева о допинге Камиллы Валиевой содержит оценочную формулировку, но кавычки трактуют это как личную позицию комментатора.

Редакция сообщает о высказывании, а не присваивает его себе. Одной цитаты поэтому, недостаточно для кода 1.

В заметке, где говорится о том, что актриса Лада Сизоненко заявила, что смерть Натальи Теняковой повергла её в шок описание состояния также относится к конкретному лицу. В спортивной рубрике глагол «разгромил» также не считался искажением, так как счет подтверждал крупное преимущество. Наконец, выражение «диагностировали коллапс легкого» не трактовалось как драматизация: это название медицинского состояния. Эти решения препятствуют смешению фрейминга с цитированием, жанровой лексикой и терминологией.

На уровне изданий оба положительных случая пришлись на «Газету.Ru»: 2 из 300, или 0,67% (95%-й доверительный интервал 0,18-2,40%). В выборках РБК и RT положительных кодов нет. Следовательно, корпус не дает основания ранжировать издания по склонности к фреймингу. Стоит учитывать, что нулевой результат означает отсутствие выявленных случаев в конкретной выборке, а не доказанное отсутствие явления в редакционной практике как таковое.

По рубрикам один случай обнаружен в спорте и один в экономике и финансах: по 1 из 225, или 0,44%. В культуре и политике положительных кодов нет, верхняя граница 95%-го интервала для каждой нулевой доли равна 1,68%. Критерий хи-квадрат равен 2,004 при $p = 0,571$, V Крамера = 0,047, минимальная ожидаемая частота составляет 0,5. Эти значения не подтверждают тематических различий. На содержательном уровне примеры относятся к разным профессиональным конвенциям – рыночной метафоре и спортивной оценке неожиданности, – но двух наблюдений недостаточно для вывода о свойственности фрейма конкретной рубрике.

Диахронический корпус дает иную точечную оценку: 13 положительных случаев из 180, или 7,22%. В 2005 г. отмечено 3 случая из 45 (6,67%), в 2010 г. – 5 из 45 (11,11%), в 2015 г. – 2 из 45 (4,44%), в 2025 г. – 3 из 45 (6,67%). При этом обнаруженная последовательность не образует монотонного роста: после максимума 2010 г. доля снижается, а к 2025 г. возвращается к уровню первого среза. Тест линейного тренда дает

z = −0,386 и p = 0,699. Данные не позволяют отвергнуть гипотезу об отсутствии направленной динамики в появлении когнитивных искажений в российских новостных интернет-СМИ.

Исторические примеры показывают, что механизм не ограничен одной тематикой. Заголовок РБК 2005 г. «Спектакль поставят на вонючей реке» выдвигал локальное прозвище водоема на позицию главной характеристики культурного события. Формула «Новый тренер = победа» в спортивной заметке того же года представляла причинную связь как закономерность. В 2010 г. заголовки «Агента 007 застукали в гей-баре с любовником» и «Голая Анджелина Джоли сунула голову в петлю» строили новость вокруг сенсационной номинации и визуально-драматического элемента. В материале «Украинские националисты угрожают стотысячными акциями протеста» исходной рамкой становился масштаб угрозы, хотя он относился к заявленному намерению. Эти случаи кодировались не за эмоциональность как таковую, а потому, что сильная характеристика организовывала восприятие события до появления уточняющего контекста.

Методологически обосновать различие между 7,22% в историческом и 0,22% в синхронном корпусе как снижение частотности фреймов в новостных заметках невозможно. Связано это с тем, что корпусы различаются по временному охвату, принципам формирования перечней текстов-кандидатов и степени сохранности архивных материалов. Наиболее ранние публикации также чаще представлены неполными архивными подборками, где могли сохраниться наиболее заметные заголовки, тогда как основной корпус формировался помесячно и выравнивался. Исходя из этого выводы о динамике должны основываться исключительно на четырех внутренних, сопоставимых срезах диахронического корпуса, а их анализ не выявляет направленного тренда. Медийная рамка помогла структурно сформировать новость, так как без отбора и расстановки аспектов сообщение в принципе невозможно организовать, искажение же образует ограниченную категорию и предполагает доказательство неоправданного смещения интерпретации.

Поэтому, данная позиция согласуется с различением фрейминга как процесса производства сообщения и эффекта как результата его восприятия [4, 8]. Исследование новостного текста обнаруживает потенциальный стимул, но не измеряет изменение убеждений, памяти о событии или последующего выбора аудиторией. Для доказательства психологического эффекта необходим эксперимент, в котором эквивалентные версии одной новости предъявляются сопоставимым группам читателей.

Практическое значение процедуры связано прежде всего с редакционной экспертизой заголовков. Проверка может быть встроена в предпубликационный контроль, который способен обнаружить, соответствует ли интенсивность глагола числу или масштабу события, указано ли, кому принадлежит оценка, присутствует ли в тексте основание для слов «сенсация», «крах», «угроза», не превращает ли порядок фактов предположение в установленную причинность. Такой контроль не требует устранения выразительности. Его задача сделать различимой границу между фактом, чужой оценкой и редакционной интерпретацией.

Выводы

Анализ показал, что строгий отбор текстов для изучения меняет картину фрейминга в новостных заметках российских интернет-СМИ.

В основном корпусе редакционное интерпретационное смещение подтверждено всего в 2 из 900 заметок, при этом тематические рамки и отдельные оценочные маркеры наблюдаются значительно чаще.

При этом было выявлено, что различие связано не с несогласованностью результатов, а с тем, что сравниваются разные уровни анализа. Рамка задает, о чем идет речь в тексте, маркер позволяет выделить важное слово в тексте, чтобы его заметили. И если мы ставим код 1, это значит, что мы вышли за пределы того, что реально было в тексте. Просто так поставить код 1 недопустимо, для этого необходимо подтверждение.

Положительнее случаи чаще всего были отмечены в заголовках, также отмечено, что небольшое количество наблюдений не позволяет корректно установить различия между изданиями и тематическими рубриками, диахронический материал не подтверждает линейного роста, поэтому значения изменяются в пределах от 4,44 до 11,11%.

Таким образом, на основе анализа приходим к выводу, что вероятность интерпретационного смещения в первую очередь связана с заголовком. Заголовок может сбить с толку, так слово в нём одно, а смысл в тексте другой, поэтому необходимо учитывать весь текст целиком о чём речь, какой контекст.

Для последующей проверки гипотезы необходимо привлечение независимых кодировщиков. Также необходимо увеличить объём анализируемых изданий, и проведение эксперимента с аудиторией. Такое совмещение текстового анализа с данными о восприятии позволит перейти от выявления признаков воздействия к подтвержденному выводу о наличии когнитивного эффекта в тексте.

Список источников

1. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. Vol. 211. No. 4481. P. 453 – 458. DOI: 10.1126/science.7455683.
2. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51 – 58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
3. Pan Z., Kosicki G.M. Framing analysis: An approach to news discourse // Political Communication. 1993. Vol. 10. No. 1. P. 55 – 75. DOI: 10.1080/10584609.1993.9962963.
4. Scheufele D.A. Framing as a theory of media effects // Journal of Communication. 1999. Vol. 49. No. 1. P. 103 – 122.
5. de Vreese C.H. News framing: Theory and typology // Information Design Journal + Document Design. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 51 – 62. DOI: 10.1075/idjdd.13.1.06vre.
6. Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news // Journal of Communication. 2000. Vol. 50. No. 2. P. 93 – 109. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x.
7. Matthes J., Kohring M. The content analysis of media frames: Toward improving reliability and validity // Journal of Communication. 2008. Vol. 58. No. 2. P. 258 – 279. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2008.00384.x.
8. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. No. 1. P. 9 – 20. DOI: 10.1111/j.0021-9916.2007.00326.x.
9. Iyengar S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 206 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226388533.001.0001.
10. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2019. 320 с.

References

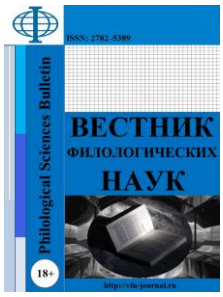
1. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and the psychology of choice. Science. 1981. Vol. 211. No. 4481. P. 453 – 458. DOI: 10.1126/science.7455683.
2. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. Journal of Communication. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51 – 58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
3. Pan Z., Kosicki G.M. Framing analysis: An approach to news discourse. Political Communication. 1993. Vol. 10. No. 1. P. 55 – 75. DOI: 10.1080/10584609.1993.9962963.
4. Scheufele D.A. Framing as a theory of media effects. Journal of Communication. 1999. Vol. 49. No. 1. P. 103 – 122.
5. de Vreese C.H. News framing: Theory and typology. Information Design Journal + Document Design. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 51 – 62. DOI: 10.1075/idjdd.13.1.06vre.
6. Semetko H.A., Valkenburg P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news. Journal of Communication. 2000. Vol. 50. No. 2. P. 93 – 109. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x.
7. Matthes J., Kohring M. The content analysis of media frames: Toward improving reliability and validity. Journal of Communication. 2008. Vol. 58. No. 2. P. 258 – 279. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2008.00384.x.
8. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effect models. Journal of Communication. 2007. Vol. 57. No. 1. P. 9 – 20. DOI: 10.1111/j.0021-9916.2007.00326.x.
9. Iyengar S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 206 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226388533.001.0001.
10. Tertychny A.A. Genres of periodicals: a textbook. 6th ed., rev. and additional Moscow: Aspect Press, 2019. 320 p.

Информация об авторах

Манылова Д.В., *Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, dianaderivas@mail.ru*

Васильева М.Г., *кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, VASMSE@yandex.ru*

© Манылова Д.В., Васильева М.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1:81.255.2(=512.1)
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-154-158

[1] Межмединова Г.А., [1] Ресутова Э.И.

[1] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Из истории переводов произведений И.А. Крылова в крымскотатарской литературе

Аннотация: *в данной статье рассматривается история переводов басен классика русской литературы, известного баснописца Ивана Андреевича Крылова на крымскотатарский язык. Даётся обзор переводов басен И. Крылова в крымскотатарской и других национальных литературах. Освещаются некоторые вопросы перевода произведений баснописца на родной язык, прослеживается хронология переводов. Отмечается, что первые переводы басен И. Крылова появились в 1900 году (О. Акъчокъракълы, А. Шейхзаде), однако процесс актуализации переводов приходится на тридцатые годы XX столетия (А. Къадризаде, О. Амит).*

Ключевые слова: *крымскотатрский язык, перевод, басня, И.А. Крылов, национальная литература*

Для цитирования: Межмединова Г.А., Ресутова Э.И. Из истории переводов произведений И.А. Крылова в крымскотатарской литературе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 154 – 158. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-154-158

Поступила в редакцию: 11 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Mezhmedinova G.A., [1] Resutova E.I.

[1] Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

From the history of translations of I.A. Krylov's works in Crimean Tatar literature

Abstract: *this article examines the history of translations of the fables of Ivan Andreevich Krylov, a classic of Russian literature and renowned fabulist, into Crimean Tatar. It provides an overview of translations of Krylov's fables in Crimean Tatar and other national literatures. It also highlights some aspects of translating the fabulist's works into the native language and traces the chronology of these translations. It is noted that the first translations of Krylov's fables appeared in 1900 (O. Akchokrakly, A. Sheikhzade), but the process of updating these translations began in the 1930s (A. Kadrizade, O. Amit).*

Keywords: *the Crimean Tatar language, translation, fable, I.A. Krylov, national literature*

For citation: Mezhmedinova G.A., Resutova E.I. From the history of translations of I.A. Krylov's works in Crimean Tatar literature. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 154 – 158. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-154-158

The article was submitted: August 11, 2026; Approved after reviewing: September 15, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В крымскотатарской литературе процесс литературного перевода начался в середине Х1Х века и к 1930-м годам получил широкий импульс. В крымскотатарском литературоведении тема исследования и изучения переводов басен И.А. Крылова сегодня остаётся наименее изученной, поэтому считаем её актуальной. В статьях учёных, литературоведов Керимова И.А. [2], Фазылова Р. и Нагаева С. [9], Рафили М. [8] данная тема рассматривалась фрагментарно.

Цель данной статьи: изучить историю переводов басен И.А. Крылова в крымскотатарской литературе, в хронологическом порядке представить обзор переведённых произведений баснописца.

Материалы и методы исследований

В работе использованы метод сбора и обработки данных, историко-литературный, библиографический, описательный методы исследований, которые дают возможность анализировать заявленную тему. Переводы произведений И. Крылова на родной язык, выполненные разными авторами в течение сорока лет являются материалами данного исследования.

Результаты и обсуждения

Иван Андреевич Крылов (1769-1844) – русский поэт, издатель, прозаик, написавший более 200 басен, которые нашли место в девяти сборниках, изданных при жизни (первая книга – в 1809 году, последняя – в 1843 году).

Творческий путь баснописца начался с перевода произведений Лафонтена на русский язык (его произведения также переводили К. Тредиаковский, А. Сумароков, Д. Фонвизин и другие русские писатели). А со временем он и сам начал писать басни, около тридцати басен из 236 основаны на сюжетах античных авторов – Эзопа, Федра и французского поэта, баснописца Жан де Лафонтена (1621-1695) [7].

Темы басен Крылова – пороки общества, социальная несправедливость, политические и злободневные события, явления общественной жизни. Народность и реализм, живой язык, мастерство автора в создании ярких образов, «жгучая сатира» – вот особенности произведений И. Крылова. Известный писатель и критик Н.В. Гоголь высоко ценил творчество Крылова и отмечал, что его сборник басен – это «…книга мудрости самого народа». В баснях Крылова великий русский поэт А.С. Пушкин рассмотрел глубокий национальный характер, выраженный в «весёлом лукавстве ума, насмешливости и живописном способе выражаться». А язык его произведений, как отмечают критики, признан «образцом художественного слова» [7].

Известно, что басни И.А. Крылова были переведены более чем на пятьдесят языков мира (французский, итальянский, английский, немецкий, китайский и другие), в том числе и на языки тюркских народов, проживавших в Российской империи, в республиках Советского союза.

Басня Крылова «Осёл и соловей» впервые была переведена на азербайджанский язык писателем Аббасом-Кули-Агой Бакихановым (Кудси, 1794-1847) в 1830-е годы, ещё при жизни автора. А уже в 1880-х годах поэт Гасанали Хан Карадаги (1848-1929) перевёл более 60 произведений русского писателя. К творчеству Крылова в начале ХХ века обращались такие азербайджанские писатели, как Абдуррагим Бек Ахвердов, Рашид Бек Ефендиев, Аббас Сихат, Абдулла Шаиг и другие [8]. На армянский язык первый перевод басен относится 1849 году, а на грузинский – 1860 году. Следует отметить, что многие басни И.А. Крылова в разные годы были переведены на узбекский (А. Чулпан, С. Абдукаххар), татарский (Г. Тукай, Т. Яхин), киргизский (К. Тыныстанов, Ж. Боконбаев), таджикский (Х. Шодикулов, С. Дехоти), казахский (Абай Кунанбаев, И. Алтынсарин) языки.

Первым переводчиком произведений баснописца на крымскотатарский язык был Осман Нури Акъчокъракълы – писатель, этнограф, педагог. Переведённые им басни «Ворона и лисица», «Мартышка и очки», «Петух и жемчужное зерно», «Лебедь, щука и рак», «Скворец», «Мышь и крыса», «Зеркало и обезьяна», «Две бочки», «Пчела и мухи», «Лисица и виноград» были изданы отдельной книжицей (16 страниц) под названием «Десять басен из Крылова» («Крыловдан он къысса») в 1901 году в типографии И. Бораганский и Компания в С.-Петербурге [2, с. 91].

По поводу года издания исследователь довоенной крымскотатарской прессы, профессор И.А. Керимов в своей монографии пишет, что несмотря на то, что на обложке книжицы год издания – 1901, на самом деле она была издана в 1900 году. Этот факт подтверждается в статье И. Гаспринского «Янъы китаплар» («Новые книги»), опубликованная в газете «Терджиман» в сентябре 1900 года. В ней говорится: «На моём письменном столе лежит книжица «Крыловдан он къыссе», изданная в С.-Петербурге. Её автор – Осман-эфенди Акъчокъракълы из Бахчисарая…» [2, с. 91].

В 1901 году уже в Бахчисарае в типографии газеты «Терджиман» («Переводчик») вышел второй сборник басен «Переводы из И.А. Крылова» («Крылов темессюлятындан терджимелер» (17 страниц) в переводе талантливого педагога (получил образование в «Зынджырлы медресе») Абдульгъафара Шейхзаде [1, с. 80].

В книжицу вошли такие басни, как «Ворона и лисица», «Лягушка и вол», «Ларчик», «Обезьяны», «Лев на ловле», «Дуб и трость», «Старик и трое молодых», «Разборчивая невеста» [2, с. 98]. Крымскотатарские читатели в начале XX века впервые получили возможность познакомиться с творчеством русского баснописца на родном языке.

Как отмечают литературоведы, в тридцатых годах двадцатого столетия вопросу литературного перевода придавалось большое значение, объём переведённых на крымскотатарский язык произведений русской и мировой классики в данный период значительно возрос [9].

Следует отметить, что переводы басен Крылова в национальной литературе актуализировались в предвоенный период.

В 32-м номере журнала «Козьайдын» («Благая весть») за 1928 год были опубликованы замечательные переводы басен Крылова «Ворона и лисица» («Тилькимен къаргъа»), в 38-39-ом номере – «Волк и ягнёнок» («Къашкъыр ве къозу», «Зеркало и обезьяна» («Шамек ве кузьгю»), переведённые поэтом Абрурахман Къадризаде [1, 6].

Крымское государственное издательство в Симферополе в 1932 году издаёт книжицу с переводом двух басен И. Крылова «Квартет» и «Ворона и лисица» (8 с.). К сожалению, назвать автора переводов не представляется возможным, так как на обложке фамилия не указана [1, с. 80, 3].

В довоенный период увидела свет ещё одна книга переводов басен И.А. Крылова на крымскотатарский язык, в которую вошли 20 произведений. Издана книга Крымским государственным издательством в 1939 году в Симферополе (40 с.). Автор, вошедших в книгу «Басни» («Баснялар») переводов – поэт Осман Амит [1, с. 80, 2].

Наряду с переводами произведений русской классики, произведения И. Крылова, переведенные на крымскотатарский язык (имена переводчиков неизвестны) в 30-40 годы XX века были включены в учебники по литературе, хрестоматии, книги для чтения по литературе для 3-6 классов.

Переводы басен «Зеркало и обезьяна» («Кузьгю ве шамек»), «Волк и журавль» («Къашкъыр ве турна»), «Слон и моська» («Филь ве тараш») вошли в изданную в 1938 году «Хрестоматию по литературе» для третьего класса начальной школы (составитель – Э. Шемьи-заде).

В «Книге для чтения» для пятого класса неполных средних школ представлены переводы нескольких басен Крылова – «Волк и ягнёнок» («Къашкъыр ве къозу»), «Игра рыб» («Балыкъларнынъ ойнавы»), «Волк и кот» («Къашкъыр ве мышыкъ»), «Квартет». Год издания – 1939. (Составитель – Ю. Болат, ответственный секретарь – Э. Шемьи-заде).

В 1940 году под редакцией Э. Шемьи-заде был издана «Книга для чтения» для четвёртого класса начальной школы (составитель – А. Алиев), в неё вошли переводы таких басен, как «Стрекоза и муравей» («Чегертки ве къырмыскъа»), «Мартышка и очки» («Шамек ве козылюк»), «Лебедь, щука и рак» («Акъкъуш, къыскъач ве балыкъ»), «Кукушка и петух» («Кукуккъуш ве хораз»).

В учебнике по «Литературе», изданном в 1940 году (составители – М. Сулейман, Э. Шемьи-заде) для шестого класса средних школ находим только одну басню – «Осёл и соловей» («Эшек ве бульбуль»).

Важно отметить, что поучительные басни И. Крылова оказывают положительное влияние на подрастающее поколение, учат детей быть трудолюбивыми, отзывчивыми, ответственными, прививают любовь к чтению, к знаниям.

И в наши дни интерес к басням И.Крылова сохраняется. В 2021 году Ульвие Изетова перевела басню «Стрекоза и муравей» («Къыз боджеги ве къарынджа»).

Следует сказать и о том, что одни и те же басни были неоднократно переведены разными переводчиками в разные годы. Полагаем, уместно будет дать образцы переводов какой-либо басни И. Крылова, например, «Зеркало и обезьяна» («Кузьгю ве шамек»), выполненные А. Къадризаде в 1928 году и Осман Амитом в 1939 году.

Текст оригинала:

«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

В переводе А.Къадризаде:

Аюв дей: – Не аджет, саймагъа ойле,
Озюнъе бир бакъсанъ, анъларсынъ денкинъ.
Аювнынъ сёзюни анъламай шамек,
Бош ерге кете сёз, бош кете эмек [5, с. 133].

У Осман Амита эти строки звучат так:
«Я, къуда, кучюнъни сарф этип,
Таныштан сайгъанджек
Озюнъни косьтерсенъ олмазмы?»
Аюв Шамекке шойледже сёз этти.
Лякин бу Аювнынъ кенъеши бош кетти [4, с. 8].

Выводы

Таким образом, в статье сделана попытка показать историю переводов басен классика русской литературы Ивана Андреевича Крылова в национальной литературе. В хронологическом порядке представлен обзор переводов баснописца на крымскотатарский язык и языки национальных литератур народов Российской империи, республик Советского союза.

Выявлено, что первыми переводчиками басен И. Крылова были Осман Акъчокъракълы (1900) и Абдульгъафар Шейхзаде (1901), однако процесс актуализации переводов приходится на тридцатые годы XX столетия (Абдурахман Къадризаде (1928), неизвестный автор (1932), Осман Амит (1939).

Замечательные переводы басен русского классика И.А. Крылова были изданы отдельными книгами (1900, 1901, 1932, 1939), опубликованы в довоенной периодической печати (журнал «Козьайдын»), включены в школьную программу (учебники для 3-6 классов).

Каждый переводчик, сохранив стиль оригинала, внёс в произведение что-то своё, оставил печать своей творческой индивидуальности. Переводчики, используя различные методы, приёмы перевода, сохраняют ясность мысли, эмоциональную окраску, простоту изложения, басни легко читаются и запоминаются.

Художественные переводы басен И.А. Крылова на крымскотатарский язык являются неотъемлемой частью нашего национального литературного наследия.

Список источников

1. Керим И.А. Библиографик косьтергич. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618-1944 гг. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2009. 324 с.
2. Керимов И.А. Художественные искания в крымскотатарской литературе 1850-1917 гг.: монография. Белгород: Константа, 2018. 312 с.
3. Крылов И.А. «Квартет». «Къаргъа иле тильки». (Мютерджими косьтерильмеген). Ресимли нешир. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты, 1932. 8 с.
4. Крылов И.А. Баснялар. (Мютерджими: О. Амит). Экинджи нешри. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты, 1939. 40 с.
5. Къадризаде Ш. Къадризаде ве онынъ деври // Йылдыз. 1990. № 6. С. 124 – 133.
6. Межмединова Г. Переводческая деятельность Абдуррахман-Рахми Къадризаде // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2025. № 20. С. 65 – 68.
7. Разумихин А. Иван Крылов: Звери мои за меня говорят. М.: Молодая гвардия, 2024. 271 с.
8. Рафили М. И.А. Крылов и азербайджанская литература. Баку: Азернешр, 1944. с. 62.
9. Фазылов Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. 640 с.

References

1. Kerim I.A. Bibliographic kostergich. Bibliographic index of printed books, articles and works in the Crimean Tatar language: 1618-1944. Simferopol: Simferopol City Printing House, 2009. 324 p.
2. Kerimov I.A. Artistic quests in Crimean Tatar literature 1850-1917. Monograph. Belgorod: Constanta, 2018. 312 p.
3. Krylov I.A. "Quartet". “Karga ile tilki.” (Müterjimi kösterilmegen). Resimli non-shir. Akmeszhit: Kyrym Devlet neshriyati, 1932. 8 p.
4. Krylov I.A. Basnyalar. (Muterjimi: O. Amit). Ekinci Neshri. Akmesjit: Kyrym Devlet Neshriyati, 1939. 40 p.
5. Kaadrizade Sh. Kaadrizade ve onyn devri. Yildiz. 1990. No. 6. P. 124 – 133.
6. Mezhmedinova G. Translation activities of Abdurrahman-Rahmi Kaadrizadeh. Questions of Crimean Tatar philology, history and culture. 2025. No. 20. P. 65 – 68.
7. Razumikhin A. Ivan Krylov: My animals speak for me. M.: Young Guard, 2024. 271 p.

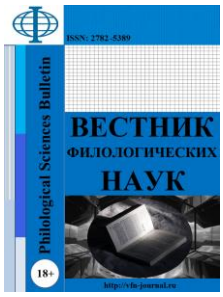
8. Rafili M.I.A. Krylov and Azerbaijani literature. Baku: Azerneshr, 1944. 62 p.
9. Fazylov R., Nagaev S. Kyrymtatar edebiyatynyn tarikh. Kyska bir nazar. Simferopol: Kyrymdevokuvpedneshir, 2001. 640 p.

Информация об авторах

Межмединова Г.А., *ГБОУВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, g.mezhmedinova@yandex.ru*

Ресутова Э.И., *ГБОУВО РК Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, elvira.ilimdarovna@mail.ru*

© Межмединова Г.А., Ресутова Э.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’25
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-159-165

[1] Николенко О.В. ***[1] Донской государственный технический университет***

Деструктивное и конструктивное в речевом воздействии

Аннотация: *в статье рассматривается один из ключевых теоретических и практических вопросов современной лингвистики – проблема разграничения конструктивных и деструктивных форм речевого влияния на адресата. Автор показывает, что персуазия, суггестия и провокация обладают свойством дихотомичности: в зависимости от интенции говорящего (толерантной или интолерантной) и ситуации общения одно и то же воздействие может быть, как конструктивным, так и деструктивным. Манипуляция при этом определяется как изначально деструктивный тип, не имеющий конструктивной формы. В работе систематизируются стратегии и тактики деструктивной и конструктивной персуазии, суггестии и провокации.*

Актуальность исследования определяется беспрецедентным ростом объемов целенаправленного воздействия во всех областях, затрагивающих коммуникацию. Это делает необходимым создание научно обоснованных критериев этической оценки речевого воздействия и поиска системообразующих факторов, которые формируют воздействующий потенциал дискурса.

Ключевые слова: *лингвистика, персуазия, суггестия, манипуляция, провокация, провокативность, речевое воздействие, конструктивное воздействие, деструктивное воздействие, этическая оценка*

Для цитирования: Николенко О.В. Деструктивное и конструктивное в речевом воздействии // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 159 – 165. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-159-165

Поступила в редакцию: 11 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Nikolenko O.V. ***[1] Don State Technical University***

Destructive and constructive in speech influence

Abstract: *this article examines one of the key theoretical and practical issues in modern linguistics: distinguishing between constructive and destructive forms of verbal influence on the addressee. Linguistic literature traditionally distinguishes between persuasive, suggestive, and manipulative influence. The author supplements this classification with provocation and demonstrates that persuasion, suggestion, and provocation are dichotomous: depending on the speaker's intention (tolerant or intolerant) and the communicative situation, the same influence can be either constructive or destructive. Manipulation is defined as an inherently destructive type, lacking a constructive form. The paper systematizes the strategies and tactics of destructive and constructive persuasion, suggestion, and provocation.*

The relevance of this research is determined by the unprecedented growth in the volume of targeted influence in all areas of communication. This makes it necessary to create scientifically based criteria for the ethical assessment of speech impact and to search for system-forming factors that shape the influencing potential of discourse.

Keywords: *linguistics, persuasion, suggestion, manipulation, provocation, provocativeness, speech influence, constructive influence, destructive influence, ethical assessment*

For citation: Nikolenko O.V. Destructive and constructive in speech influence. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 159 – 165. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-159-165

The article was submitted: August 11, 2026; Approved after reviewing: September 15, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Речевое воздействие – одно из центральных понятий современной лингвистики. Оно определяется как произвольное или непроизвольное влияние субъекта на объект в процессе речевого общения; формируется толерантными или интолерантными интенциями, целями коммуникации, пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией. В лингвистической литературе традиционно выделяются три основных типа речевого воздействия: персуазивное (убеждение), суггестивное (внушение) и манипулятивное (скрытое принуждение). Однако такая классификация не охватывает всего многообразия коммуникативных практик, поэтому в настоящей работе предлагается дополнить ее провокацией.

Центральный тезис исследования состоит в том, что персуазия, суггестия и провокация дихотомичны: в зависимости от интенции говорящего и ситуации общения одно и то же воздействие может быть, как конструктивным, так и деструктивным. При конструктивном речевом воздействии интенция говорящего направлена на развитие адресата, сохранение его независимости и индивидуальности. При деструктивном – на подавление его воли, утилизацию сознания и извлечение выгоды. Дихотомичность форм речевого воздействия проявляется на всех уровнях: от выбора лексики и синтаксических конструкций до прагматической направленности и перлокутивного эффекта. Системообразующим критерием остается интенция говорящего (толерантная / интолерантная) и характер ситуации общения (кооперативная / конфликтогенная). В связи с этим автор настоящей работы ставит перед собой следующие задачи: проанализировать существующие подходы к классификации речевого воздействия; обосновать введение провокации как самостоятельного типа воздействия; описать стратегии и тактики деструктивных и конструктивных форм персуазии, суггестии и провокации; разработать систему критериев разграничения деструктивных и конструктивных видов речевого воздействия.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты, представляющие четыре типа дискурса: бытовой (транскрипты бытовых диалогов), психотерапевтический (выдержки из психотерапевтических сеансов), рекламный (рекламные ролики) и политический (фрагменты публичных выступлений политиков). Выбор данных типов обусловлен необходимостью сопоставительного анализа конструктивных и деструктивных форм речевого воздействия в различных коммуникативных сферах.

Методологическая основа исследования – синтез лингвистического, психолингвистического и этического подходов – соответствует междисциплинарному характеру изучаемого феномена. В работе применяется комплекс взаимодополняющих методов: дискурс-анализ при выявлении связи между речевыми стратегиями и ситуацией общения; интент-анализ при разграничении конструктивных и деструктивных форм воздействия; контент-анализ при определении частотности воздействующих речевых стратегий и тактик в дискурсе; методика модифицированного контент-анализа при фиксации случаев актуализации речевых стратегий скрытого воздействия через выбор грамматических и текстуальных единиц.

Результаты и обсуждения

В лингвистической литературе речевое воздействие имеет широкую и узкую трактовку. В первом случае под ним понимается всякое речевое взаимодействие, взятое в аспекте его целевой обусловленности и описанное с позиции одного из участников речедействия [2, с. 55]. Во втором – речевое воздействие определяется как способность языковых знаков произвольно или непроизвольно внедрять в сознание адресата некоторые оценки и установки [16, с. 125] для реорганизации его мировосприятия и поведения.

К основным способам речевого воздействия на адресата относят убеждение (персуазию), внушение (суггестию), провокацию и манипуляцию.

Персуазия – информационно-психологическое речевое воздействие, направленное на рациональное убеждение адресата через некую систему аргументов [16, с. 125]. Суггестия определяется как побуждение к некритическому восприятию информации – процесс, по своей сути инструментальный и предполагающий в качестве цели управление. Провокация представляет собой особый тип речевого поведения. Это действие одной стороны, направленное на вызов прогнозируемой реакции у другой стороны через изменение эмоционального состояния, провоцируемого посредством реализации имплицитных или эксплицитных речевых

действий [11, с. 159]. Манипуляция характеризуется исследователями как вид речевого воздействия, обладающий сквозной негативностью [2, с. 58].

Комплексное рассмотрение речевого воздействия отождествляет его с любым целенаправленным речевым общением, связанным с перестройкой индивидуальной картины мира человека через формирование у него «определенных эмоций, отношений, оценок, необходимых отправителю речи» [2, с. 55] и направленных во благо или во вред получателя. Это обосновывает мысль, что вектор любого воздействия задается интенцией адресанта совершить речевой акт, лоббируя либо свои интересы (при деструктивном воздействии), либо интересы собеседника (при конструктивном воздействии).

Согласно современным научным представлениям, деструктивное речевое воздействие – это вербальные проявления, направленные на разрушение мировоззренческих установок адресата, причинение ему нравственных страданий и вреда его психическому здоровью [1, с. 83]. К деструктивному воздействию относят не только агрессивную и конфликтную коммуникацию, но и ложь, обман, манипуляцию и другие формы влияния, движимые эгоистическими мотивами.

В данном исследовании под конструктивностью понимается интенциональная приоритетность отравителя сообщения действовать в интересах своего получателя. В перлокуции – результате речедействия – это предполагает реконструкцию негативных мировоззренческих установок последнего, стабилизацию его физического и ментального здоровья, решение проблем и т.д. Конструктивное речевое воздействие позволяет говорящему достичь поставленной цели и при этом сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие). Оно учитывает ближние и отдаленные интересы адресата, не наносит вреда его психике и не оказывает негативного влияния.

Практически все формы речевого воздействия (персуазия, суггестия, провокация) дихотомичны. В зависимости от интенционального состояния говорящего – толерантного или интолерантного [14], – его этической позиции и речевой ситуации одно и то же воздействие может быть как конструктивным, так и деструктивным Манипуляция составляет исключение: она беспрецедентно определяется в гуманитарных исследованиях как конфликтогенный тип воздействия, поэтому во многих научных работах выступает синонимом к деструкции (Ю.В. Вознесенская, Н.К. Данилова О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, Е.А. Филатова, М.А. Черезова и др.), реализующейся через конфликтные (конфронтационные, дисгармонизирующие) стратегии. Этическая оценка речевого воздействия является контекстно зависимой и фокусируется на том, каким образом (во вред или во благо) воздействие структурирует поле доступных альтернатив для адресата.

Опишем деструктивные (манипулятивные, конфликтные, (конфронтационные, дисгармонизирующие) стратегии речевого воздействия – общий план речевого поведения, определяющий выбор конкретных тактических ходов говорящего в персуазии, суггестии и провокации.

Деструктивная персуазия (часто в мошеннической коммуникации и агрессивном бытовом общении) представляет собой форму речевого воздействия, при которой убеждение трансформируется в скрытое или открытое принуждение, а его целью становится подавление индивидуальности адресата:

К основным деструктивным персуазивным стратегиям относятся:

1. Стратегия дискредитации [6, с. 90] – подрыв доверия к адресату без использования содержательных аргументов. Ее тактики: навешивание собеседнику оскорбительных ярлыков, постановка под сомнение его личных и профессиональных качеств.

2. Стратегия имплицитной или эксплицитной критики [14, с. 158] – открытое или скрытое приписывание адресату неподобающего поведения или ответственности. Ее тактики: бездоказательное обвинение в преступных или аморальных действиях, осуждение.

3. Стратегия подчинения – лишение адресата возможности защититься от воздействия, навязывание враждебной картины мира. Ее тактики: приказ, угроза и упрек [3].

Рассмотрим деструктивное персуазивное речевое воздействие на примере:

Ваш муж в плену. Если вы не переведете деньги прямо сейчас, он умрет. У вас пять минут, чтобы принять решение.

Эта фраза – классический пример мошеннического сценария, цель которого вызвать у собеседника стресс и панические эмоции для импульсивного поступка. Стратегией подчинения преступники создают дефицит времени, угрозами блокируется возможность рационального обдумывания. Формально это убеждение (вам объясняют последствия), но фактически – принуждение под давлением.

Деструктивная суггестия направлена на подавление критического мышления получателя сообщения и устранение механизмов его психологической защиты. Говорящий использует когнитивные пробелы адре-

сата для насильственного навязывание ему идей и установок. Внушение направлено на разрушение целостности личности, ослабление критического мышления и утилизацию сознания.

К основным деструктивным суггестивным стратегиям относятся:

1. Стратегия эмоциональной дестабилизации через тактики драматизации и запутывания сознания (преувеличения значимости события или угрозы), апелляции к страху (смерти, потери близких, материального краха).

2. Стратегия создания круга «своих» и «чужих» через тактики формирования групповой идентичности и подавления индивидуального критического мышления.

3. Стратегия навязывания ложных пресуппозиций через включение в высказывание имплицитного допущения, намеренных логических ошибок или создание видимости компромисса [11].

Указанными стратегиями и тактиками деструктивное суггестивное речевое воздействие подавляет критическое мышление получателя сообщения и устранят механизмы его психологической защиты:

Ты плохая. Ты должна умереть (фильм «Пункт назначения 2», 2003 г.). Говорящий использует когнитивные пробелы адресата для насильственного навязывание ему идей и установок. Внушение направлено на разрушение целостности личности, ослабление критического мышления и утилизацию сознания.

Деструктивная провокация, или манипуляция (часто в политическом дискурсе) – это речевое воздействие, направленное на принуждение адресата к невыгодным для него действиям или реакциям путем целенаправленного влияния на его эмоциональную сферу. Ее цель – нагнетание конфликтной ситуации, дискредитация, подавление воли и критического мышления. Для достижения цели провокатор может использовать внешне позитивные тактики (похвалу, извинения, заверения, восхищения), которые в контексте деструктивной провокации служат манипулятивным инструментом.

К основным деструктивным провокационным стратегиям относятся:

1. Стратегия на понижение через угрозы, обвинения, оскорбления и давление.

2. Конвенциональная стратегия через манипуляцию социальными сценариями, правилами, нормами.

3. Стратегия эксплуатации личности через побуждение к действию, имитацию процесса поиска смысла и принятия решения) [5, с. 56].

Анализ деструктивных стратегий и тактик персуазии, суггестии, провокации (манипуляции) позволяет сделать следующие выводы. Все деструктивные формы речевого воздействия объединены субъект-объектным отношением к адресату: последний рассматривается не как равноправный партнер, а как средство достижения целей говорящего, препятствие или мишень. Системообразующей является интолерантная интенция, направленная на подавление воли, утилизацию сознания или извлечение выгоды из ситуации за счет адресата. Деструктивные стратегии реализуются через тактики дискредитации, подчинения, эмоциональной дестабилизации, навязывания ложных пресуппозиций, создания образа врага, манипуляции социальными сценариями и эксплуатации личностных слабостей. Общим для всех деструктивных тактик является блокирование критического мышления адресата и сужение поля доступных ему альтернатив. Манипуляция занимает среди них особое положение, поскольку является изначально деструктивным типом, не имеющим конструктивной формы. Деструктивное воздействие в любом из рассмотренных типов (персуазия, суггестия, провокация) подчинено задаче нанесения ущерба адресату: от эмоциональной дестабилизации до разрушения целостности личности.

Опишем конструктивные персуазивные, суггестивные и провокативные формы речевого воздействия, которые, в отличие от деструктивных, ориентированы на развитие личности. Их объединяет толерантная интенция говорящего и установка на конструктивный диалог. Ниже представлена систематизация стратегий и тактик для каждого из трех феноменов.

Конструктивная персуазия – это открытое убеждение, основанное на уважении к индивидуальности адресата. Говорящий предлагает систему аргументов, оставляя за собеседником право на осознанный выбор. Конструктивная персуазия, реализуемая в научном, педагогическом, медицинском и других дискурсах, – это открытое убеждение, основанное на аргументации и уважении к автономии адресата. Говорящий предлагает собеседнику систему аргументов, оставляя за ним право на осознанный выбор.

Основополагающие конструктивные стратегии персуазивного дискурса направлены на убеждение аудитории принять точку зрения адресанта, но при этом адресат осознает намерения говорящего и добровольно принимает его доводы.

К основным конструктивным персуазивным речевым стратегиям относятся:

1. Стратегия самопрезентации, реализующаяся через тактики, ориентированные на формирование категоричности и уверенности, а также убеждения адресата в правильности авторской позиции [7].

2. Стратегия кооперативного сотрудничества – установление истины и получение нового знания через смягчение противостояния, апелляцию к ценностям, значимым для адресата, двустороннюю аргументация (рассмотрение преимуществ и недостатков как собственной позиции, так и позиции оппонента).

3. Стратегия искренности через тактики признания, обещания, уверения и призыва к откровенности [4, с. 92].

Понимаю, что Вы опасаетесь переходить на инсулин. Давайте рассмотрим альтернативы: мы можем начать с корректировки диеты и физической активности, а через месяц оценить динамику. Если показатели не улучшатся, вернемся к обсуждению медикаментозной терапии (бытовая беседа доктора и пациента).

Стратегией кооперативного сотрудничества врач признает право пациента на выбор. Характер его аргументации открытый, допускающий альтернативные интерпретации. Цель такого убеждения – поиск решения проблемы совместно с пациентом как равноправным партнером, способным к критическому мышлению.

Конструктивная суггестия (чаще в психотерапевтическом дискурсе) – это внушение, направленное на актуализацию ресурсных состояний адресата. Она оставляет пространство для альтернативных реакций, не элиминирует возможность сопротивления и признает адресата носителем собственных смыслов и чувств.

К основным конструктивным суггестивным речевым стратегиям относятся:

1. Стратегия формирования эмоционального настроя через тактики одобрения и комплимента.

2. Стратегия суггестивного побуждения – прямое или косвенное внедрение конструктивных формул в психику адресата.

3. Стратегия закрепления результата через формирование саногенных убеждений (лишенных деструкции) [12].

Ваше сердце бьется ритмично. Вы спокойны. У вас есть все ресурсы для восстановления (сеанс гипнотерапии В. Егорычева).

Гипнотерапевт использует технику наведения трансового состояния для активизации непроизвольного внимания и облегчения симптомов. Внушение работает в резонансе с эмоциональным состоянием адресата и актуализирует его физические и психологические ресурсы, расширяет возможности.

Конструктивная провокация (в педагогике, искусстве, литературе, спорте, психотерапии) – это тип речевого воздействия, направленный на стимулирование мышления, пробуждение рефлексии и расширение сознания адресата. В теории В.Н. Степанова конструктивная провокация определяется как толерантное интенциональное состояние [13]; в своих работах автор данного исследования предлагает именовать провокацию во благо адресата провокативностью и понимать под ней способность речевых единиц вызывать у реципиента управляемый, прогнозируемый ментальный конфликт, который, будучи разрешенным в ситуации общения, приводит к позитивным изменениям эмоционального состояния адресата и развитию его критического мышления [8].

К основным провокативным речевым стратегиям относятся:

1. Стратегия вызова (стимулирования) гнева – состояния, сопровождающегося желанием измениться – через юмор, высмеивание, передразнивание [10].

2. Стратегия мотивирующего намека через тактики актуализации обобщения, интертекстуальности, противопоставления или неопределенности [9].

3. Стратегия оспаривания ограничений через вербализацию табу и интеграцию реакций.

*Я предположу просто, что Вам очень льстит идея Ваших внутренних принципов, построенных на верности, которые Вы нарушили (*С. Насибян радиопрограмма «Провокация»).

Временное нарушение, вызванное провокативным речевым шагом психотерапевта привычных, интерпретирующих информацию в сознании клиента когнитивных схем, ослабляет его психологические защиты, разрывает шаблоны и в итоге вынуждает делать новые интерпретации своей проблемы.

Как показывает анализ, конструктивные стратегии и тактики персуазии, суггестии и провокации объединены субъект-субъектным отношением к адресату: он признается равноправным носителем смыслов, интересов и чувств, способным к самостоятельному выбору. Системообразующей является толерантная интенция, направленная на развитие личности, актуализацию ее ресурсов и сохранение автономии. Общее для всех конструктивных форм речевого воздействия – сохранение возможности альтернативного ответа и расширение поля доступных адресату интерпретаций.

Выводы

Разграничение конструктивных и деструктивных форм речевого воздействия в персуазии, суггестии и провокации представляет собой многоуровневую задачу, решение которой требует синтеза лингвистического, психологического и этического знания. Предложенная система критериев охватывает лексико-

семантический, синтаксический, прагматический, психологический и этический уровни анализа. Системообразующим критерием выступает интенция говорящего (толерантная / интолерантная) и характер отношения к адресату. Производными от этого базового отношения являются все остальные признаки: от выбора лексики и синтаксических конструкций до психологических механизмов воздействия.

Введение деструктивного и конструктивного в систему разграничения позволяет охватить больший спектр речевого воздействия и решить ряд теоретических и практических задач в психотерапии, педагогике, юрислингвистике и т.д. Вместе с тем необходимо признать, что граница между деструктивным и конструктивным не всегда может быть проведена с абсолютной однозначностью, потому что этическая оценка существенно зависит от речевой ситуации: одно и то же воздействие может быть конструктивным, например, в терапевтической беседе и деструктивным, например, в рекламе.

Список источников

1. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя. Lex russica. 2021. 74 (6). С. 79 – 94. DOI: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094.

2. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53 – 59.

3. Зиско О.Ю. Репрезентация конфронтационной коммуникативной стратегии подчинения и убеждения при помощи имплицитного приказа в выступлениях Нэнси Пелоси // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 10. (70). DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.19.

4. Иванов А.Э. Кооперативная стратегия искренности и ее актуализация в разговорных диалогах англоязычного и русскоязычного кинодискурса // Вестник полоцкого государственного университета. Серия А. 2020. № 10. С. 87 – 93

5. Исмаилова О.И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 54 – 59.

6. Крячкова А.П. Реализация стратегии дискредитации оппонента в политических дебатах немецкого Бундестага // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-1 (52). С. 89 – 92.

7. Кукуева Г.В. Авторская речь как стилистическая категория (на материале рассказов Е.Д. Айпина) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 70 – 79.

8. Николенко О.В., Матвеева Г.Г. Речевой портрет отправителя провокативных текстов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 136 – 150. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-11.

9. Николенко О.В., Муругова Е.В. Мотивирующие провокативные речевые стратегии и тактики в спортивном дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 257 – 264.

10. Николенко О.В., Матвеева Г.Г. Категоричность высказывания как проявление авторитетности (на материале речи психотерапевта) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2026. Т. 25. № 1. С. 157 – 169. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.11.

11. Плахотная Ю.И. Прагматика лжи в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). С. 123 – 130.

12. Рогожникова Т.М. Предиктивные инструменты для анализа суггестивного потенциала вербальной модели // Психолингвистика. 2025. № 3. С. 15 – 22.

13. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. Монография. СПб.: Роза мира. 2008. 268 с.

14. Черезова М.А. Данилова Н.К. Деструктивные стратегии участников онлайн-коммуникации (на материале немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105). С. 148 – 158.

15. Шелестюк Е.В. Фасцинация и ее феномены: фасцины, фасциномы, фасцимемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 124 – 133. DOI: https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-500-6-124-133.

References

1. Galyashina E.I., Nikishin V.D. Destructive Speech Behavior in the Digital Environment: Factors Determining a Negative Impact on a User's Worldview. Lex russica. 2021. 74 (6). P. 79 – 94. DOI: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.175.6.079-094.

2. Grishechko E.G. Defining the Concept of Speech Influence and Its Types. Humanities and Social Sciences. 2008. No. 4. P. 53 – 59.

3. Zisko O.Yu. Representation of a Confrontational Communicative Strategy of Subjugation and Persuasion via Implicit Commands in the Speeches of Nancy Pelosi. Russian Linguistic Bulletin. 2025. No. 10 (70). DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.19.

4. Ivanov A.E. The Cooperative Strategy of Sincerity and Its Realization in Conversational Dialogues within English- and Russian-Language Film Discourse. Herald of Polotsk State University. Series A. 2020. No. 10. P. 87 – 93.

5. Ismailova O.I. Linguistic Means of Implementing Destructive Speech Strategies in Russian and British Media-Political Discourse. Political Linguistics. 2019. No. 3 (75). P. 54 – 59.

6. Kryachkova A.P. Implementation of the Strategy of Discrediting an Opponent in Political Debates of the German Bundestag. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2015. No. 10-1 (52). P. 89 – 92.

7. Kukueva G.V. Authorial Speech as a Stylistic Category (Based on the Short Stories of E.D. Aipin). Bulletin of Ugric Studies. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 70 – 79.

8. Nikolenko O.V., Matveeva G.G. Linguistic Portrait of the Sender of Provocative Texts. Bulletin of Cherepovets State University. 2025. No. 5 (128). P. 136 – 150. DOI: https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-11.

9. Nikolenko O.V., Murugova E.V. Motivating Provocative Speech Strategies and Tactics in Sports Discourse. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 12. P. 257 – 264.

10. Nikolenko O.V., Matveeva G.G. Categoricalness of Utterance as a Manifestation of Authoritativeness (Based on the Speech of a Psychotherapist). Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. 2026. Vol. 25. No. 1. P. 157 – 169. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.11.

11. Plakhotnaya Yu.I. The Pragmatics of Lying in Political Discourse. Political Linguistics. 2023. No. 5 (101). P. 123 – 130.

12. Rogozhnikova T.M. Predictive Tools for Analyzing the Suggestive Potential of a Verbal Model. Psycholinguistics. 2025. No. 3. P. 15 – 22.

13. Stepanov V.N. Provocation in Social and Mass Communication. Monograph. St. Petersburg: Roza Mira. 2008. 268 p.

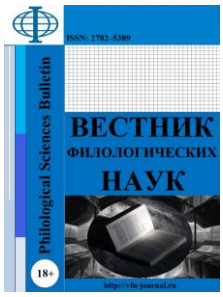
14. Cherezova M.A., Danilova N.K. Destructive Strategies of Participants in Online Communication (Based on German-Language Media). Political Linguistics. 2024. No. 3 (105). P. 148 – 158.

15. Shelestyuk E.V. Fascination and Its Phenomena: Fascinas, Fascinomes, and Fascinemes. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025. No. 6 (500). P. 124 – 133. DOI: https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-500-6-124-133.

Информация об авторах

Николенко О.В., *кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, факультет «Прикладная лингвистика», заведующая кафедрой «Русский язык как иностранный в профессиональной деятельности», olganikolenko15011977@gmail.com*

© Николенко О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81.23
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-166-170

[1] Скрипченко С.Н. ***[1] Владимирский государственный университет***

Интертекстуальность художественной литературы (лингвистический анализ)

Аннотация: *интертекстуальность художественной литературы является одной из ключевых тем, постоянно исследуемых и обсуждаемых в научных работах разного уровня, относящихся к лингвистике текста. Постоянное взаимодействие текстов друг с другом, опосредованное присутствие одного текста в другом проявляющееся через, например, цитаты, аллюзии, реминисценции, пародии, взаимодействие текстов разных стилей и жанров, – все это определяет и характеризует понятие интертекстуальности.*

Текст художественной литературы является богатым материалом для проведения различных лингвистических анализов с учетом детального рассмотрения интертекстуальности. Для этого, на наш взгляд, необходимо начать с лингвистического анализа, основанного на выделении текстовых категорий, то есть групп разноуровневых языковых средств, отражающих аспекты смысла текста. Интертекстуальность в лингвистике рассматривается и как самостоятельная категория текста, и как составляющая, входящая в одну из таких категорий. При этом сам текст определяется как лингвистическая единица высшего уровня, обладающая собственной структурой и характеристиками.

Интертекстуальность имеет большое значение в развитии художественной литературы и проведении научных исследований разного уровня в области лингвистики.

Ключевые слова: *лингвистика текста, интертекстуальность, текстовые категории, лингвистический струкрализм, транстекстуальность, содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная информация, содержательно-подтекстовая информация*

Для цитирования: Скрипченко С.Н. Интертекстуальность художественной литературы (лингвистический анализ) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 166 – 170. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-166-170

Поступила в редакцию: 11 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Skripchenko S.N. ***[1] Vladimir State University***

Intertextuality in literary fiction (a linguistic analysis)

Abstract: *intertextuality of fiction is one of the key topics constantly studied and discussed in research works of various levels related to text linguistics. The constant interaction of texts with one another, the mediated presence of one text within another, manifested through, for example, quotations, allusions, reminiscences, and parodies, as well as the interaction of texts of different styles and genres – all these define and characterize the concept of intertextuality.*

A literary text serves as rich material for conducting various linguistic analysis with a detailed consideration of intertextuality. For this purpose, we think, it is necessary to begin with a linguistic analysis based in the defining of text categories, that is, groups of multilevel linguistic means reflecting aspects of the text meaning. In linguistics, intertextuality is considered both as an independent category of the text and as a component that is part of one of

such categories. At the same time, the text itself is defined as a linguistic unit of the highest level, possessing its own structure and characteristics.

Intertextuality is regarded in linguistics both as an independent text category and as a part of one of such categories. At the same time, the text itself is defined as a linguistic unit of the highest level, possessing its own structure and characteristics. Intertextuality is of great importance in the formation and development of fiction and in conducting scientific researches of various levels in the field of linguistics.

Keywords: *text linguistics, intertextuality, text categories, linguistic structuralism, transtextuality, content-factual information, content-conceptual information, content-subtextual information*

For citation: Skripchenko S.N. Intertextuality in literary fiction (a linguistic analysis). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 166 – 170. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-166-170

The article was submitted: August 11, 2026; Approved after reviewing: September 16, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Интертекстуальность художественной литературы является одной из ключевых тем, постоянно исследуемых и обсуждаемых в научных работах разного уровня, относящихся к лингвистике текста. Этот научный термин, введенный французским семиотиком и философом Ю. Кристевой [2], стал результатом ее глубокого анализа и переосмысления трудов выдающего русского мыслителя М.М. Бахтина [2], который ввел такие литературоведческие термины, как полифонизм, диалогизм, смеховая культура, карнавализация. Постоянное и непрерывное взаимодействие текстов друг с другом, опосредованное присутствие одного текста в другом проявляющееся через, например, цитаты, аллюзии, реминисценции, пародии, взаимодействие текстов разных стилей и жанров, – все это определяет и характеризует понятие интертекстуальности.

Материалы и методы исследований

Материалом для статьи явились фундаментальные труды и исследования в этой области 20-нач. 21 вв., научные работы по анализу интертекстуальности литературы различных стилей и жанров за последние 5 лет. В данной статье использовались следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный, анализ и систематизация.

Результаты и обсуждения

Отрицание лингвистического структурализма Фердинанда де Соссюра [7], рассматривающего язык как жесткую систему взаимосвязанных и взаимоопределяющих элементов (знаков), легло в основу концепции М.М. Бахтина. Следовательно, структура текста не подчинена своду правил, разработанных на основе существующей научной логики. Текст находится в постоянном развитии, изменении и взаимодействием с другими текстами, которые он перерабатывает и, следовательно, подвергается в той или иной степени их влиянию. Исходя из концепции Ю. Кристевой [2], слово не рассматривается как статичная точка, но как диалог различных видов письменной речи: писателя, персонажа и текста, образованного настоящим и предшествующим культурными контекстами.

Таким образом, интертекстуальность – неотъемлемая характеристика художественной литературы, а понятие полифонического романа М.М. Бахтина [2] можно сравнить с музыкальным многоголосьем, состоящим из самостоятельных равноправных мелодических линий -голосов с характерным несовпадением в них кульминаций, акцентов, каденций и цезур. Интертекстуальность основана на карнавальной структуре текста, которая в силу своей диалогичности состоит из признающих друг друга оппозиций, соотношений, аналогий и разрывов. В такой структуре сталкивающиеся между собой тексты релятивизуют друг друга, демонстрируя относительность всяких жизненных принципов. Сама же жизнь рассматривается как непрерывный диалог, в котором множественность и противоречивость обогащают смыслы, стимулируя к двойному и более прочтению слова и текста в целом, выступающего в форме рассказа, повести или романа.

Следовательно, текст художественной литературы является богатым материалом для проведения различных лингвистических анализов с учетом детального рассмотрения интертекстуальности. Для этого, на наш взгляд, необходимо начать с лингвистического анализа, основанного на выделении текстовых категорий, то есть групп разноуровневых языковых средств, отражающих аспекты смысла текста. Интертекстуальность в лингвистике рассматривается и как самостоятельная категория текста, и как составляющая, входящая в одну из таких категорий. При этом сам текст определяется как лингвистическая единица высшего уровня, обладающая собственной структурой и характеристиками.

Текстовые категории, или критерии текстуальности, выделены в зарубежной лингвистике текста Р. Де Богрaндом и В. Дресслером [9] в их концепции процедурного подхода, согласно которому текст предстает в виде процесса. Другими словами, фокус исследования смещен с текста как с уже готового феномена лингвистики на процесс и механизмы его создания, которые делают его завершенным и понятным. К таким категориям-критериям относятся когезия (связанность элементов текста, например, слов, конструкций), когерентность (смысловая связанность), интенциональность (коммуникативная цель автора), адресованность (учет социальных и ролевых особенностей адресата для восприятия текста), информативности (мера ожидаемой и новой информации), ситуативность (соотнесенность текста с контекстом) и интертекстуальность (связь с другими текстами). Ученые рассматривают эти категории как взаимосвязанные и взаимозависимые, при этом отсутствие даже одной из них делает текст, являющийся высшей единицей письменной речи, неполноценным и требующим развития.

Исходя из вышеизложенного, лингвистический анализ предполагает учитывать влияние всех текстовых категорий на формирование интертекстуальности. Например, когерентность создает основу для формирования связей между текстами через тематические и формальные зависимости. Формальная зависимость может проявляться через синтаксические связи (союзы и союзные слова, порядок слов, грамматические формы слов и т.д.). При этом сама интертекстуальность рассматривается как один из способов создания когерентности текста, проявляясь через гипертекстуальность, метатекстуальность, архитекстуальность, интертекстуальность. Таким образом, мы подошли к терминологии, введенной французским структуралистом Ж. Женеттом [10], который расширил понимание интертекстуальности, рассматривая ее как составную часть транстекстуальности, охватывающей все типы отношений анализируемого текста с другими текстами и контекстами.

Следовательно, при проведении лингвистического анализа интертекстуальность можно понимать намного глубже, начиная с исследования паратекста, то есть сведения о тексте, находящиеся как внутри него (перитекст), так и вне текста (эпитекст) и непосредственно влияющие на восприятие его читателем. Перитекст включает, например, заглавие, предисловие, эпиграф, сноски. Эпитекст – это интервью автора, рецензии, реклама произведения. Все эти составляющие перитекста и эпитекста, бесспорно, оказывают значительное влияние на формирование и развитие таких текстовых категорий-критериев, как интенциональность, адресованность, информативность. Метатекстуальность, при которой один текст открыто или неявно рассуждает и дает свою оценку или скрытые рекомендации в адрес другого текста, очевидно, оказывает влияние на категории интенциональности, адресованности, ситуативности. Гипертекстуальность, при которой более поздний текст (гипертекст) трансформирует. имитирует и пародирует более ранний текст (гипотекст), также оказывает немалое влияние на формирование других критериев текстуальности. Архитекстуальность определяет принадлежность к тому или иному стилю и жанр анализируемого текста.

Таким образом, используя критерии текстуальности Р. де Богранда и В. Дресслера [9], понятие интертекстуальности Ю. Кристевой [2] вместе с транстекстуальностью Ж. Женетта [10] можно проводить достаточно глубокий лингвистический анализ, в частности, современной литературы постмодернизма и метамодернизма, особо выделяя интертестуальность как ключевую категорию постмодернизм, а в метомодернизме как средство реконструкции нового смысла и установления искреннего контакта автора с читателем. Но полнота исследуемой темы невозможна без обращения к отечественным работам по лингвистике текста и прежде всего к рассмотрению фундаментального труда И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» [1].

Являясь отражением фрагмента окружающей человека действительности, зафиксированного в письменной речи, текст, согласно И.Р. Гальперину, сочетает в себе как упорядоченное и организованное содержание, так и возникающее случайно. Поиски системности и упорядоченности в объективной реальности привели к установлению закономерностей, то есть категорий, в явлениях действительности, философии и разных отраслях научного знания. Как результат, возникла необходимость определения категорий текста для описания этого лингвистического феномена. И.Р. Гальперин определяет текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1, с. 18]. Исходя из темы данной статьи, представляется интересным исследовать, в какой степени интертекстуальность как лингвистическое понятие, свойственное в большей мере тексту художественной литературы, отражена в категориях И.Р. Гальперина.

Информацию, содержащуюся в тексте, И.Р. Гальперин [1] рассматривает как основную категорию и делит ее на содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую. Ученый рассматривает тексты различных стилей и жанров, но для художественной литературы большое значение, бесспорно, имеет содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация, которая является главной как в прозаических, так и поэтических произведениях. Если содержательно-фактуальная информация является вербальной по своей сути, а слова употребляются в своих прямых значениях, то содержательно-концептуальная информация представляет собой творческое переосмысление писателем процессов в обществе и событий в созданном им мире своего художественного произведения. С другой стороны, благодаря способностям единиц языка продуцировать ассоциативные и коннотативные значения возникает содержательно-подтекстовая информация, извлекаемая из информации содержательно-фактуальной. Таким образом, согласно И.Р. Гальперину [1], следует констатировать наличие скрытой информации и, соответственно, способность предложений приращивать смыслы в самой фактульной информации.

Следовательно, интертекстуальность не рассматривается ученым как отдельная категория текста, но она находит активное применение в содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовых информациях. Это легко проследить при анализе конкретного произведения художественной литературы. Например, на синтаксическом уровне интертекстуальность может проявляться через аллюзивные синтаксические параллелизмы, когда автор выстраивает структуру предложений так, что она явно имитирует структуры предложений известных текстов. Использование автором диалогических и вопросно-ответных форм также отсылает к прецедентным текстам. Например, вопросно-ответные формы характерны для философских трактатов и религиозных текстов, что также указывает на присутствие интертекстуальности. На лексическом уровне интертекстуальность может проявляться через использование слов, словосочетаний и фразеологизмов, отсылающих к прецедентным текстам. Это ведет к возникновение смысловой переклички между текстами.

Интертекстуальность художественной литературы и литературы других стилей и жанров активно исследуется в современных научных работах. Интертекстуальность литературы постмодернизма, обладающей особым эмоциональном воздействием на читателя, анализируется в работах В.С. Рыжакова [5, 6]. Анализ структуры медиатекстов, пронизанных цитатами, гиперссылками и прецедентными феноменами, проводит в своих работах Л.В. Кудрина [3]. Д.А. Щукина [8] исследует заголовки произведений художественной литературы, содержащие цитаты и явные аллюзии на произведения других авторов. Работы Г.И. Мейстер [4] посвящены языковым средствам выражения интертекстуальности в современных маркетинговых текстах.

Выводы

Интертекстуальность имеет большое значение в художественной литературе. Автор вступает в диалог с другими писателями своей и предыдущих эпох через цитаты, аллюзии, переосмысление, что создает многослойность и новые смыслы. Он играет с жанровыми ожиданиями читателя, создавая иронию, пародию и стилизацию посредством интертекстуальности, которая таким образом выступает его инструментом. Следовательно, интертекстуальность как текстовая категория представляет большой интерес для проведения научных исследований разного уровня в области лингвистики.

Список источников

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Комкнига, 2007. 136 с.
2. Кристева Ю. (пер. Костиков Г.К.) Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 427 – 457.
3. Кудрина Л.В. Интертекстуальность новостных текстов интернет-СМИ // Art Logos. 2025. № 3. С. 149 – 161.
4. Мейстер Г.И. Интертекстуальность в современном маркетинговом тексте // Филология и культура. 2025. № 2 (80). С. 48 – 54.
5. Рыжаков В.С. Лингвистические основы теории интертекстуальности // Litera. 2024. № 1. С. 58 – 63
6. Рыжаков В.С. Интертекстуальность: феноменологический и понятийный анализ и классификация типов интертекстов // Международный научно- исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). С.1 – 5.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Уральский университет, 1999. 432 с.
8. Щукина Д.А. Интертекстуальность заголовка художественного текста // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 325 – 336.
9. Bauegrande R. Dressler W. Introduction to Text Linguistics. Routledge, 2002. 288 c.
10. Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 491 c.

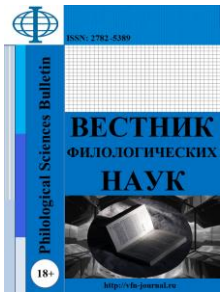
References

1. Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: Komkniga, 2007. 136 p.
2. Kristeva J. (trans. G.K. Kostikov) Bakhtin, the Word, Dialogue, and the Novel. Dialog. Karnaval. Khronotop. 1993. No. 4. P. 427 – 457.
3. Kudrina L.V. Intertextuality in News Texts from Online Media. Art Logos. 2025. No. 3. P. 149 – 161.
4. Meister G.I. Intertextuality in Contemporary Marketing Texts. Philology and Culture. 2025. No. 2 (80). P. 48 – 54.
5. Ryzhakov V.S. Linguistic Foundations of the Theory of Intertextuality. Litera. 2024. No. 1. P. 58 – 63.
6. Ryzhakov V.S. Intertextuality: Phenomenological and Conceptual Analysis and Classification of Intertext Types. International Research Journal. 2022. No. 8 (122). P. 1 – 5.
7. Saussure F. de. Course in General Linguistics. Yekaterinburg: Ural University, 1999. 432 p.
8. Shchukina D.A. Intertextuality in the Titles of Literary Texts. Siberian Philological Journal. 2023. No. 4. P. 325 – 336.
9. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. Routledge, 2002. 288 p.
10. Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. University of Nebraska Press, 1997. 491 p.

Информация об авторах

Скрипченко С.Н., *кандидат педагогических наук, Владимирский государственный университет, sveta95@gmail.com*

© Скрипченко С.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-116
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-171-176

[1] Стренева Н.В. ***[1] Оренбургский государственный университет***

Фреймовая репрезентация пунктуационных норм в текстах граффити

Аннотация: *в статье представлены результаты исследования пунктуационного оформления текстов граффити с позиции фреймовой семантики. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления спонтанных письменных практик как особой формы репрезентации когнитивных структур в естественной письменной речи. Цель работы заключается в выявлении и описании фреймовых стратегий расстановки знаков препинания в граффити как типизированном жанре городской коммуникации. Задачи включают: 1) обоснование применения фреймового подхода к анализу пунктуации в спонтанных текстах; 2) анализ корпуса граффити (355 текстов, 2738 словоформ) с использованием методом факторного и корреляционного анализа; 3) выделение и характеристику типов пунктуационных фреймов; 4) построение графосемантической модели связей между пунктуационными маркерами. Материалом послужили тексты, воспроизведенные информантами в ходе эксперимента. В результате проведенного исследования было выделено шесть устойчивых типов пунктуационных стратегий, соответствующих различным фреймам сознания скрипторов (авторов граффити): нормативный, нулевой, логический (с доминантой тире), терминальный (с доминантой точки), эмотивный (с доминантой восклицательного знака) и рефлексивный (с доминантой многоточия). Построена графосемантическая модель, демонстрирующая корреляционные связи между пунктуационными маркерами и объемом текста. Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятия «композиционно-графический фрейм» применительно к спонтанным письменным жанрам; практическая – в возможности использования результатов в курсах когнитивной лингвистики, теории текста и социолингвистики.*

Ключевые слова: *пунктуационные стратегии, фреймовый подход, тексты-граффити, когнитивные механизмы, графосемантическое моделирование, факторный анализ*

Для цитирования: Стренева Н.В. Фреймовая репрезентация пунктуационных норм в текстах граффити // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 171 – 176. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-171-176

Поступила в редакцию: 11 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Streneva N.V. ***[1] Orenburg State University***

Frame representation of punctuation norms in graffiti-texts

Abstract: *the article presents the results of a study on the punctuation formatting of graffiti-texts from the perspective of frame semantics. The relevance of the work is due to the need to understand spontaneous writing practices as a distinct form of representation of cognitive structures in natural written speech. The aim of the study is to identify and describe the frame strategies for punctuation placement in graffiti as a typified genre of urban communication. The tasks include: 1) justifying the application of a frame-based approach to the analysis of punctuation in spontaneous texts; 2) analyzing a corpus of graffiti (355 texts, 2738 word-forms) using factor and correlation analysis methods; 3) identifying and characterizing types of punctuation frames; 4) constructing a graphic and semantic model of the relationships between punctuation markers. The material consisted of texts reproduced by informants during the ex-*

periment. As a result of the study, six stable types of punctuation strategies were identified, corresponding to different frames of mind of the writers (graffiti authors): normative, null, logical (with a dominance of the dash), terminal (with a dominance of the period), emotive (with a dominance of the exclamation mark), and reflexive (with a dominance of the ellipsis). A graphic and semantic model demonstrats the correlational relationships between punctuation markers and the volume of text. The theoretical significance of the work lies in expanding the concept of "compositional and graphic frame" as applied to spontaneous writing genres; the practical significance lies in the potential use of the results in courses on cognitive linguistics, text theory, and sociolinguistics.

Keywords: *punctuation strategies, frame approach, graffiti-texts, cognitive mechanisms, graphic and semantic modelling, factors' analysis*

For citation: Streneva N.V. Frame representation of punctuation norms in graffiti-texts. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 171 – 176. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-171-176

The article was submitted: August 11, 2026; Approved after reviewing: September 16, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная лингвистика характеризуется устойчивым интересом к проблемам «живой» коммуникации и тем формам речевой деятельности, которые долгое время оставались на периферии научного внимания. В фокусе исследователей оказываются не только кодифицированные формы литературного языка, но и рекламные тексты [4, 8, 9], спонтанные письменные практики, к числу которых относятся граффити. Как отмечают М.Р. Бабикова и О.В. Кружкова, в современной урбанистической среде граффити представляют собой «мультимодальные тексты», восприятие которых строится на пересечении визуальных и вербальных кодов [6].

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. В лингвистике последних лет наблюдается сдвиг от изучения статичных структур к анализу когнитивных механизмов порождения и восприятия текста [3, 6]. Граффити как феномен естественной письменной речи остаются недостаточно изученными именно в аспекте их графической организации. Кроме того, пунктуация, будучи менее жестко нормированной областью, чем орфография, предоставляет пишущему определенную свободу выбора, что делает ее релевантным материалом для реконструкции стоящих за текстом когнитивных структур – фреймов [4, 5].

В современной научной литературе проблема пунктуационного оформления спонтанных текстов получает новое осмысление. И.Е. Ким, исследуя границы между графическими и параграфемными средствами письма, приходит к выводу, что пунктуационные знаки занимают пограничное положение между собственно лингвистическими и паралингвистическими средствами, причем эта граница является «размытой» и составляет обширную зону [2]. Данное наблюдение особенно значимо для анализа граффити, где пунктуация часто выполняет не столько грамматическую, сколько экспрессивно-стилистическую функцию.

Особого внимания заслуживает работа М.Р. Бабиковой и О.В. Кружковой, в которой на материале восприятия граффити жителями мегаполиса выделяются факторы оценки этих текстов: «измерение позитивного/негативного отношения к изображениям и их вербальному наполнению, а также масштаб тематики – от глобальных до локальных проблем, затрагиваемых граффити» [6, с. 253]. Данные факторы, как будет показано далее, коррелируют с типами пунктуационных стратегий.

В зарубежной лингвистике последних лет также усиливается интерес к когнитивным аспектам граффити. М.Л. Моджапело и Д.Е. Мутаса, исследуя граффити, приходят к выводу, что «анализ граффити должен проводиться с учетом двух ключевых аспектов: ситуации создания граффити и когнитивного уровня их автора» [7, с. 187]. Это положение созвучно нашему пониманию пунктуационной стратегии как проекции когнитивного фрейма в графическую форму.

Материалы и методы исследований

Формирование исследовательского корпуса осуществлялось посредством экспериментальной провокации письменной памяти. Информантам предлагалось вербализовать и зафиксировать на бумажном носителе те образцы спонтанной письменной речи, которые они наблюдали на различных поверхностях городской среды (парты, стены, ограждения) либо продуцировали самостоятельно. Совокупный объем документированного материала составил 355 единиц. При объеме выборки в 2738 словоформ средняя длина отдельного текста фиксируется на уровне 7,69. Показательным для характеристики материала является отсутствие нулевых реакций (отказов от участия) при высокой степени продуктивности информантов: средний индекс

воспроизведения составил 3,5 текста на одного респондента, что косвенно свидетельствует о значительной роли граффити в повседневной языковой практике социума.

Методологическая стратегия работы строилась на сочетании нескольких подходов. Классификация пунктуационных маркеров. При анализе текстов фиксировалось наличие/отсутствие следующих знаков препинания: точка, запятая, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие, тире, точка с запятой, двоеточие, скобки, кавычки. Дополнительно вводились критерии фиксации отсутствия точки (конец текста/предложения при наличии прописной буквы, если это не имя собственное) и отсутствия запятой (при перечислении, при отделении частей предложения), поскольку их использование диктуется грамматической структурой текста, а отсутствие противоречит общепринятым правилам.

Основным методом обработки данных выступил факторный анализ, реализованный в программе Statistica. Как отмечает К.И. Белоусов, факторный анализ «позволяет выделить из общего множества переменных разные их подмножества, коррелирующие между собой и независимые от других элементов» [1, с. 69]. Данный метод особенно эффективен при выявлении латентных структур, стоящих за наблюдаемыми переменными, что соответствует задачам реконструкции фреймов. Для визуализации корреляционных связей между переменными применялся метод графосемантического моделирования, который позволяет интерпретировать структуры семантических связей и выявить «инвариант структуры семантической близости объектов, в основе которого лежат максимальные показатели проявленности того или иного фактора» [1, с. 72].

Результаты и обсуждения

В результате применения процедуры факторного анализа исходная совокупность признаков была редуцирована до восьми латентных факторов. Два фактора, продемонстрировавших низкую репрезентативность ввиду незначительного количества соответствующих им текстовых реализаций, были исключены из дальнейшего рассмотрения. Интерпретация оставшихся шести факторов позволила построить типологию текстового материала, включающую шесть устойчивых моделей. Каждый из выделенных типов коррелирует с определенной когнитивной рамкой (фреймом), репрезентирующей инвариантную стратегию пунктуационного оформления высказывания.

Тип 1 – нормативный фрейм. Корпус текстов, отнесенных к первой группе, репрезентирует нормативную пунктуационную модель. Для данных вербальных реакций характерна экспликация полной парадигмы знаков препинания, включая как терминальные маркеры (точка, вопросительный/восклицательный знаки, многоточие), так и межфразовые разделители. Установлена статистически значимая корреляционная зависимость между протяженностью текста и частотностью употребления запятой, которая выступает инструментом создания особого просодического рисунка письменной речи, придающего ей динамизм и прерывистость, что наглядно подтверждается иллюстративным материалом.

Встану утром рано, выпью стакан ртути... Не могу стоять, когда другие работают, пойду полежу. (Во всех приводимых в работе примерах сохранены авторская пунктуация и орфография).

Подобное использование пунктуации характерно для автора, который мыслит в рамках фрейма «нормативная компетенция». Для него пунктуационная система – обязательная часть текста, а себя он относит к носителям литературной нормы.

Тип 2 – нулевой фрейм. К данному типу относятся тексты, где вообще нет никаких знаков препинания. Установлена корреляционная зависимость между объемом высказывания и отсутствием запятой, т.е. чем короче высказывание, тем чаще пропущена запятая, и это не случайная ошибка, а устойчивый признак данной группы. Пунктуационное оформление в данном случае может отсутствовать по двум причинам: либо человек просто не владеет этими правилами, либо сознательно имитирует спонтанную устную речь.

Например: *если хочешь стать солдатом отругай декана матом.*

Таким образом, тексты 2 типа репрезентируют фрейм «игнорирование нормы», который может реализовываться либо как осознанный протест/отказ от правил, либо как свидетельство несформированности навыка расстановки знаков препинания.

Тип 3 – логический фрейм. Характерной особенностью третьей группы является наличие тире. В данном случае, тире рассматривается не просто как единица пунктуации, а как индикатор прагматики и мышления. Особый интерес представляют тексты, где тире – единственный знак препинания.

Например: *Л – любить Е – его Б – буду Е – если Д – даже И – изменит.*

Здесь тире выступает не как знак пунктуации, а как индикатор структурирования, помогая автору выстроить жесткую логическую цепочку. Это явление выходит за рамки нормативной пунктуации и тяготеет к телеграфному стилю или стилю когнитивных карт (схем, конспектов).

Во многих текстах этой группы тире выполняет рамочную функцию. Например, при написании названий групп: *09 СК – 1; 05 – ГК.*

В подобных случаях мы выходим на уровень метатекста. Здесь тире показывает не предикативность, а служит для разделения и идентификации.

Корреляционный анализ подтверждает, что использование тире не зависит ни от размера текста, ни от использования других знаков пунктуации. Данный тип текстов реализует фрейм «логическая схема», где тире обозначает структуру и логичность высказывания.

Тип 4 – финишный фрейм. Это самая многочисленная группа. Характерный признак этих граффити – наличие точки в конце высказывания. Точка, как правило, выполняет функцию членения текста на отдельные самостоятельные фрагменты. В результате корреляционного анализа выявлена небольшая положительная зависимость между объемом текста, наличием точки и отсутствием запятых. Автор ставит точку, чтобы обозначить границу высказывания, но игнорирует запятые внутри него.

Например: *Не говори старшине что земля круглая а то равнять заставит.*

Данный тип граффити соответствует фрейму «завершенное высказывание», где основная задача – показать границы текста, а не его внутреннюю структуру.

Тип 5 – эмотивный фрейм. Здесь доминируют восклицательный знак. Средняя частотность употребления данного маркера составляет приблизительно три единицы на текст. Такая пунктуационная стратегия демонстрирует, что экспрессия важнее информации и создает эффект гипертрофированной эмоциональности.

Например: *Эй!!! вы! Все!!! Не пишите на партах!!! Хочу домой!!! и сосиску в тесте.*

В данной группе выявлена значительная положительная корреляция между наличием запятой и объемом текста, т.е. чем больше размер текста, тем больше вероятность его членения с помощью запятых. Кроме того, установлена небольшая положительная корреляция между наличием кавычек и тире, что позволяет рассматривать «эмотивный фрейм» как когнитивную структуру, где экспрессия сочетается с грамотным оформлением высказывания.

Тип 6 – рефлексивный фрейм. Характеристикой данной группы служит многоточие, которое указывает на нерешительность или медленный темп речи. Этот знак можно рассматривать как графический аналог неуверенной интонации, обрыва фразы или намеренной паузы. Таким образом, наличие многоточия в тексте мы интерпретируем его не только как результат речи, но и как отражение самого процесса порождения мысли.

Если точка является маркером синтаксической и смысловой исчерпанности высказывания, сигналом завершения коммуникативного такта, то многоточие выполняет функцию деструкции линейности текста, вводя в нарратив измерение имплицитности, указывая на наличие подтекста, скрытых смыслов, не вербализованных, но подразумеваемых.

Например: *Здесь я боролся со сном и обедом...*

Маша меня бросила... Я ее больше не люблю. хотя ... Life is life…

На рисунке 1 представлена графосемантическая модель связей между пунктуационными маркерами. Толщина линий отражает глубину корреляционных связей.

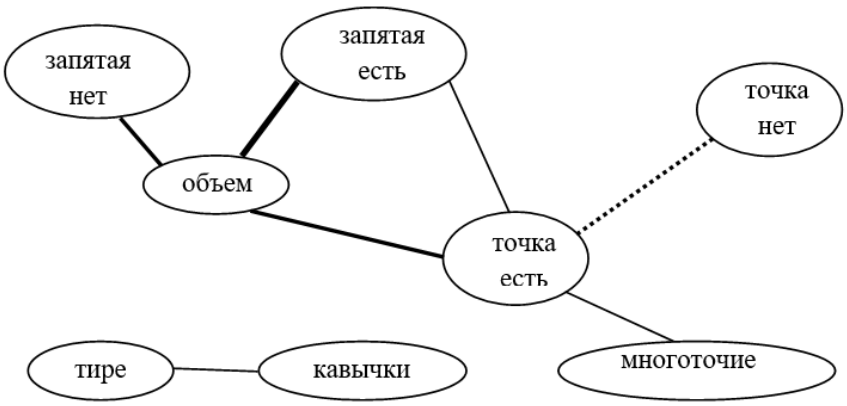

Рис. 1. Графосемантическая модель пунктуационных знаков в граффити.
Fig. 1. Graphosemantic model of punctuation marks in graffiti.

Корреляционный анализ показал положительную связь между объемом текста и наличием точки, а также между наличием точки и употреблением многоточия. Данный тип репрезентирует фрейм «рефлексия», где пишущий предстает как человек обстоятельный, мыслящий, сомневающийся.

На рисунке видно, что самая сильная связь прослеживается между объемом текста и наличием запятой. Примечательно, что с объемом связано и отсутствие запятой, но в меньшей степени.

Точка демонстрирует наибольшее количество связей (валентность 4), что подтверждает ее статус основного пунктуационного знака членения текста. Отрицательная корреляция между наличием и отсутствием точки обозначена пунктиром. Связь «тире – кавычки» является изолированной и статистически незначимой.

Выводы

Полученные результаты позволяют перейти от эмпирического описания к теоретической интерпретации выделенных типов текстов как репрезентантов определенных фреймов сознания. Применительно к пунктуации это означает, что каждый пишущий обладает набором типизированных моделей оформления текста, активируемых в зависимости от коммуникативной ситуации. Выделенные шесть типов текстов представляют собой именно такие модели – устойчивые, воспроизводимые сценарии пунктуационного поведения.

Условное разделение пишущих на две большие группы (нормативное/ ненормативное использование знаков) соответствует более глубокому когнитивному различению: ориентации на внешний, социально одобряемый образец (фрейм «грамотность») и ориентации на внутренние, спонтанные критерии (фреймы «игнорирование», «стихийная речь»). Однако, как показывают типы 3, 5 и 6, между этими полюсами существует континуум промежуточных стратегий, где отклонение от нормы не является следствием неграмотности, но выполняет экспрессивные или смыслоразличительные функции.

Важный теоретический вывод состоит в том, что выбор того или иного пунктуационного знака связан с когнитивным стилем автора граффити. Так, «логический фрейм», основу которого составляет тире, стремиться к схематизации и структурированию информации. Эмотивный фрейм с восклицательными знаками – к экспрессивному выделению. Многоточие в «рефлексивном фрейме» сигнализирует о незавершенности и открытости высказывания. Это подтверждает наблюдения М.Л. Моджапело и Д.Е. Мутаса о необходимости учитывать «когнитивный уровень автора» при анализе граффити [7].

Построенная графосемантическая модель иллюстрирует не только набор корреляций, но и показывает, как устроены глубинные фреймы. Центральное положение точки и ее многочисленные связи подтверждают, что членение текста является основной когнитивной операцией. Поэтому группа текстов с «финишным фреймом» – самая многочисленная. А специализированные знаки, такие как тире и кавычки, находятся н периферии и используются только при особых условиях.

Наши результаты согласуются с выводами И.Е. Кима о «размытости границ» между графическими и параграфемными средствами [2]. В граффити это проявляется особенно отчетливо. Один и тот же знак, например, точка, может выполнять грамматическую функцию и выступать элементом визуального образа. Это также соотносится с данными М.Р. Бабиковой и О.В. Кружковой о двухфакторной модели восприятия граффити, где оценка текста зависит от отношения (позитивное/негативное) и «масштаба тематики» [6].

Таким образом, пунктуация в граффити не случайна. Она подчинена устойчивым когнитивным моделям – фреймам, которые задают типичные способы графической организации текста. Кроме того, пунктуационное оформление можно считать одним из маркеров, по которым читатель оценивает и тему, и эмоциональный тон высказывания.

В результате факторного анализы было выделено шесть типов стратегий использования пунктуационных знаков. Каждый из которых можно интерпретировать как реализацию определенного фрейма сознания пишущего. Установлено, что применение того или иного знака пунктуации также отражается в когнитивном стиле авторов граффити. Логическая направленность проявляется через использование тире, эмоции выражают с помощью восклицательного знака, рефлексию – через многоточие. Фреймовый подход при анализе жанров спонтанной письменной речи позволяет выявить определенные стратегии оформления текста разными авторами.

Список источников

1. Белоусов К.И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста: дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. Оренбург, 2005. 374 с.

2. Ким И.Е. Графика и параграфемика: где граница между лингвистикой и паралингвистикой письма? // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 225 – 249.

3. Моисеева И.Ю., Щербакова М.В. Значение прайминга в процедуре неосознаваемой обработки информации при восприятии текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 382 – 385.

4. Свистунова Н.И., Кадерова А.С. Фрейм как форма репрезентации знаний (на материале рекламы британской недвижимости) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76. Ч. 3. С. 85 – 88.

5. Синяговская Л.И. Frame Representation of "Professional" London (by the Material of the Novel "Bleak House" by Charles Dickens) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (48). С. 108 – 114.

6. Babikova M.R., Kruzhkova O.V. A Two-Factor Model for Perception of Graffiti by Metropolis Dwellers // Научный диалог. 2025. Vol. 14. No. 8. С. 255 – 276.

7. Mojapelo M.L., Mutasa D.E. Artist‘s cognitive level and the style and form trails in graffiti: An analysis of graffiti from selected Bikita-Matsai secondary schools // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. 2025. Vol. 43. No. 2. С. 183 – 194.

8. Strizhkova O.V., Kabanova O.V., Shcherbakova M.V. [et al.] The main features of speech acts usage in food advertising discourse // Espacios. 2018. Vol. 39. No. 36. С. 11 – 15.

9. Strizhkova O.V., Streneva N.V., Fomichenko A.S. Representation of the Category of Persistence in the Advertising Discourse of Healthy Food Products // Global Scientific Potential. 2023. No. 12-2 (153). С. 204 – 207.

References

1. Belousov K.I. An Activity-Ontological Concept of Text Formation: Doctoral Dissertation in Philology (Specialty 10.02.19). Orenburg, 2005. 374 p.

2. Kim I.E. Graphics and Paragraphemics: Where Is the Boundary Between Linguistics and the Paralinguistics of Writing? Criticism and Semiotics. 2025. No. 2. P. 225 – 249.

3. Moiseeva I.Yu., Shcherbakova M.V. The Role of Priming in the Unconscious Information Processing During Text Perception. Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No. 3 (28). P. 382 – 385.

4. Svistunova N.I., Kaderova A.S. The Frame as a Form of Knowledge Representation (Based on British Real Estate Advertising). Trends in the Development of Science and Education. 2021. No. 76. Part 3. P. 85 – 88.

5. Sinyagovskaya L.I. Frame Representation of "Professional" London (Based on the Novel "Bleak House" by Charles Dickens). Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2024. No. 1 (48). P. 108 – 114.

6. Babikova M.R., Kruzhkova O.V. A Two-Factor Model for the Perception of Graffiti by Metropolis Dwellers. Scientific Dialogue. 2025. Vol. 14. No. 8. P. 255 – 276.

7. Mojapelo M.L., Mutasa D.E. Artist’s cognitive level and the style and form trails in graffiti: An analysis of graffiti from selected Bikita-Matsai secondary schools. Southern African Linguistics and Applied Language Studies. 2025. Vol. 43. No. 2. P. 183 – 194.

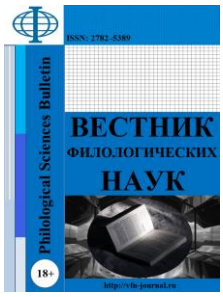
8. Strizhkova O.V., Kabanova O.V., Shcherbakova M.V. [et al.] The main features of speech acts usage in food advertising discourse. Espacios. 2018. Vol. 39. No. 36. P. 11 – 15.

9. Strizhkova O.V., Streneva N.V., Fomichenko A.S. Representation of the Category of Persistence in the Advertising Discourse of Healthy Food Products. Global Scientific Potential. 2023. No. 12-2 (153). P. 204 – 207.

Информация об авторах

Стренева Н.В., *кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Оренбургский государственный университет, nstreneva@yandex.ru*

© Стренева Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’373
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-177-182

[1] Схаляхо Е.Н., [1] Сасина С.А., [1] Бричева М.М. ***[1] Адыгейский государственный университет***

Когнитивная метафора в терминологии искусственного интеллекта (на материале английского языка)

Аннотация: *в статье рассматривается когнитивная метафора как продуктивный семантический способ терминообразования в сфере искусственного интеллекта (ИИ). Цель исследования – выявить и систематизировать концептуальные сферы-источники метафорического переноса, лежащие в основе англоязычных терминов ИИ и оценить их продуктивность. Метафорические термины трактуются как единицы вторичной номинации, возникающие в результате взаимодействия концептуальной сферы-источника и сферы-мишени. Исследование основывается на положениях теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, позволяющие интерпретировать метафору как механизм мышления и инструмент номинации новых понятий. Материалом послужили 172 метафорических термина, отобранные методом сплошной выборки из англоязычного глоссария. Использованы методы когнитивного, компонентного и семантического анализа, категоризации, систематизации и количественного подсчёта. В результате стратификации терминологии выделены концептуальные сферы-источники в рамках когнитивной модели «Человек-Машина», а также периферийные группы (зооморфные, фитоморфные и натуроморфные метафоры). Доминирующей признана антропоморфная модель: термины преимущественно строятся на уподоблении технических систем человеческим свойствам – нейрофизиологическим, когнитивным и другим характеристикам. Наиболее продуктивной оказалась сфера «Learning and Knowledge Acquisition / Обучение и приобретение знаний». Делается вывод о том, что становление терминологии ИИ подчиняется универсальным когнитивно-языковым закономерностям освоения новых знаний и отражает основные механизмы номинации в научных и профессиональных областях. Результаты вносят вклад в развитие когнитивного терминоведения и могут быть использованы при систематизации лексикографического материала.*

Ключевые слова: *когнитивная метафора, концептуальная метафора, метафорический термин, термин-метафора, терминология искусственного интеллекта, терминообразование, семантическое терминообразование, метафоризация*

Для цитирования: Схаляхо Е.Н., Сасина С.А., Бричева М.М. Когнитивная метафора в терминологии искусственного интеллекта (на материале английского языка) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 177 – 182. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-177-182

Поступила в редакцию: 12 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Skhalyakho E.N., [1] Sasina S.A., [1] Bricheva M.M. ***[1] Adyghe State University***

Cognitive metaphor in artificial intelligence terminology (based on the English language)

Abstract*: the article examines cognitive metaphor as a productive semantic method of term formation in the field of artificial intelligence (AI). The study aims to identify and systematize the conceptual source domains of metaphorical English AI terms and to evaluate their productivity. Metaphorical terms are treated as units of sec-*

ondary nomination arising from the interaction between a conceptual source domain and a target domain. The research draws on the cognitive metaphor theory of G. Lakoff and M. Johnson, which interprets metaphor as a mechanism of thought and a tool for naming new concepts. The study analyzes 172 metaphorical terms selected from an English-language glossary. Methods employed include cognitive, componential, and semantic analysis, as well as categorization, systematization, and quantitative counting. Stratification of the terminology revealed conceptual source domains within the "Human-Machine" cognitive model, alongside peripheral groups (zoomorphic, phytomorphic, and naturomorphic metaphors). The anthropomorphic model was found to be dominant: terms are primarily constructed by comparing technical systems to human attributes – such as neurophysiological and cognitive characteristics. The "Learning and Knowledge Acquisition" domain proved to be the most productive. The study concludes that the development of AI terminology follows universal cognitive-linguistic patterns of knowledge acquisition and reflects fundamental nomination mechanisms in scientific and professional fields. These findings contribute to the development of cognitive terminology studies and can be applied to the systematization of lexicographical material.

Keywords: *cognitive metaphor, conceptual metaphor, metaphorical terms, artificial intelligence terminology, term formation, semantic term formation, metaphorization*

For citation: Skhalyakho E.N., Sasina S.A., Bricheva M.M. Cognitive metaphor in artificial intelligence terminology (based on the English language). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 177 – 182. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-177-182

The article was submitted: August 12, 2026; Approved after reviewing: September 17, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) относится к числу активно развивающихся направлений научно-технической области, которое сопровождается интенсивным ростом терминологического аппарата. Возникновение новых понятий приводит к появлению новых номинаций, что актуализирует необходимость их лингвистического описания. Закономерным является возрастающий исследовательский интерес к сфере искусственного интеллекта. Так, изучению языковой организации данной предметной области посвящены работы С.В. Остапенко [7], С.Ю. Двининой [2], А.С. Мусаевой [5], О.В. Шадриной [9], Т.В. Копаевой [3], A. Muñoz-Ortiz, Gómez-Rodríguez [12] и других современных лингвистов, что свидетельствует об актуальности изысканий в сфере искусственного интеллекта.

Одним из способов образования терминов является метафоризация – процесс, который на современном этапе все больше изучается с позиции когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения. Метафора при этом рассматривается как механизм мышления. Как отмечают Е.Н. Схаляхо, С.А. Сасина, «термин-метафора образуется на основе переосмысления окружающей действительности, способности найти сходство между уже существующим явлением и новым, требующим наименования. Метафорический термин может быть образован на основе сходства по внешним признакам, функциональным особенностям, а также на основе любых ассоциативных связей, возникающих у представителя лингвокультуры, в языке которой появляется термин» [8, с. 107].

Х. Ортега-и-Гассет полагает, что «метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля» [6, с. 72]. Ученый описывает процесс метафоризации в языке следующим образом: «Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение» [6, с. 69].

По словам Л.М. Алексеевой, метафорические термины выполняют важнейшую функцию в развитии терминологий, поскольку «именно через них передаются динамика и новизна знания» [1, с. 10].

Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают метафоризацию как процесс переноса информации из одной когнитивной области в другую [4]. Теория, изложенная учеными в труде «Metaphors We Live by» [4], стала фундаментальной для изучения метафоры как способа выражения абстрактных понятий через конкретные образы и ложится в основу современных исследований когнитивной метафоры.

Материалы и методы исследований

В данной статье анализируются термины сферы ИИ, образованные при помощи метафоризации. Материал был отобран методом сплошной выборки из англоязычного глоссария «Glossary of Artificial Intelligence», который содержит 522 термина сферы искусственного интеллекта и позиционируется как

наиболее полный справочник по терминологии ИИ («The world's most extensive glossary of Artificial Intelligence») [11]. Из общего количества методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 172 термина-метафоры. Исследование базируется на положениях теории когнитивной метафоры, согласно которой метафорический термин образуется путем переосмысления лексической единицы и ее переноса из сферы-источника в сферу-мишень [4].

Основным критерием выделения термина-метафоры послужило наличие образной внутренней формы термина или терминоэлемента, предполагающей семантический перенос в результате функционального переосмысления исходного значения.

В исследовании применяются методы когнитивного анализа, компонентного анализа, семантического анализа, категоризации, систематизации, количественного подсчета.

Результаты и обсуждения

Название предметной области «Искусственный интеллект / Artificial Intelligence» говорит о том, что она базируется на сопоставлении структуры и функциональных характеристик искусственных систем со строением и работой человеческого организма – в частности, с его когнитивными способностями. Терминоэлемент *intelligence (интеллект)* в данном контексте приобретает расширенное семантическое наполнение, охватывая как способность к целеполагающей когнитивной деятельности, так и способность к обработке информации с целью принятия решений.

Сфера-мишень, таким образом, наделяется антропоморфными характеристиками, несмотря на техногенную природу самой предметной области, и в качестве макросферы-источника для формирования метафорических терминов закономерным образом выступает концептуальная область «Human / Человек».

В результате стратификации метафорической терминологии нами были выделены 15 основных концептуальных сфер-источников внутри когнитивной модели «Human / Человек»-«Machine / Машина». Проанализируем каждую из них.

Рассмотрим сферу-источник «Neurophysiological Structure / Нейрофизиологическое строение», к которой мы отнесли термины, образованные на основе метафорического переноса нейрофизиологических характеристик человека на структуру искусственных систем, что достигается использованием, например, таких терминоэлементов, как *neuro-/ neural (нейро-/ нейронный), brain (мозг)* и др. Примерами могут послужить такие единицы как *artificial neural network (искусственная нейронная сеть), capsule neural network (капсульная нейронная сеть), convolutional neural network (сверточная нейронная сеть), neural machine translation (нейронный машинный перевод), brain technology (технологии мозга) и др.*

Сфера-источник «Intelligence and Cognitive Abilities» / «Интеллект и познавательные способности» актуализирует сходство с интеллектуальной деятельностью человека. Данная подгруппа включает такие термины, как, например, *artificial general intelligence (общий искусственный интеллект), artificial narrow intelligence («узкий искусственный интеллект», то есть системы, предназначенные для выполнения конкретных задач и функционирования в условиях ограничений), computational intelligence (вычислительный интеллект) и др.*

Также к группе закономерно принадлежат термины с компонентами *cognitive (когнитивный) / cognition (когниция, познание),* репрезентирующие процессы, аналогичные познавательным процессам человека. Например, *cognitive computing (когнитивные вычисления), machine cognition (машинное познание) и др.*

Сфера-источник «Learning and Knowledge Acquisition / Обучение и приобретение знаний» реализует метафорический перенос человеческой способности к обучению на процессы настройки алгоритмов. В качестве примеров можно привести следующие единицы: *adaptive learning (адаптивное обучение), automated machine learning (автоматизированное машинное обучение), computational learning theory (теория вычислительного обучения), pretraining (предобучение) и др.*

Интересным представляется пример, который метафорически переносит на систему ИИ такие сугубо человеческие характеристики, как лень и стремление к активной деятельности. Так, *eager learning (досл. «усердное обучение, активное обучение, обучение с большим желанием»)* это тип машинного обучения, при котором система формирует обобщенную модель на этапе обучения, еще до поступления каких-либо запросов. Противопоставлен ему термин *lazy learning (досл. «ленивое обучение»)*, которое откладывает большую часть обработки и вычислений до момента запроса или прогнозирования.

К сфере-источнику «Memory / Память» принадлежат номинации, ассоциированные с мнестическими функциями человека. Метафорический перенос строится на уподоблении механизмов хранения и извлечения данных в системах ИИ процессам человеческой памяти. Метафора данного типа в значительной степени стала привычной, так как давно используется для любых цифровых носителей информации, что переводит ее в разряд общеотраслевых по области применения и стертых по характеру употребления. Приведем

примеры: *limited memory (ограниченная память), long short-term memory (долгая краткосрочная память), external memory (внешняя память), working memory (рабочая память) и др.*

Термины сферы-источника «Perception / Восприятие» номинируют способность ИИ-систем к восприятию информации по аналогии с перцептивными свойствами человека: *machine perception (машинное восприятие), pattern recognition (распознавание образов), image recognition (распознавание изображений), speech recognition (распознавание речи).*

К данной группе мы отнесли и термины *hallucination (галлюцинация), hallucinate (галлюцинировать),* которые применительно к человеку связаны с «мнимым восприятием» несуществующей действительности, а в сфере ИИ термин используется для обозначения ситуации, когда ИИ производит контент, который является бессмысленным или не соответствующим действительности. Интересно, что за короткое время термин стал настолько употребимым, что в 2023 году Кембриджский словарь признал глагол *hallucinate* словом года в связи с его активным использованием в контексте ИИ [12].

Сфера-источник «Sensory Perception / Сенсорика» связана с техническими процессами, которые наделяют ИИ способностью анализировать изображения и звуки. Термины основаны на аналогии с тем, как человек воспринимает зрительную и слуховую информацию. В качестве примеров служат единицы *computer vision (компьютерное зрение), machine vision (машинное зрение), machine listening (машинное прослушивание), synthetic voice (синтетические голос; синтетическая речь) и др.*

Сфера-источник «Reasoning and Logic / Рассуждение и логика» отражает процессы логического вывода в ИИ через метафору человеческого рассуждения. К данной группе относятся такие единицы как *automated reasoning (автоматизированное рассуждение), commonsense reasoning (рассуждение на основе здравого смысла), constraint logic programming (логическое программирование с ограничениями), dynamic epistemic logic (динамическая эпистемическая логика) и др.*

В сфере-источнике «Language» / «Язык» метафорический перенос строится на уподоблении искусственных знаковых систем естественному языку. Термин «язык» давно стал номинацией для многих кодовых систем и закономерным образом перешел в разряд стертых метафор. Например, *programming language (язык программирования), query language (язык запросов), R-programming language (язык программирования R), action language (язык действий) и др.*

Термины из сферы-источника «Agents / Агенты» наделены чертами самостоятельного действующего субъекта. Например, *intelligent agent (интеллектуальный агент), multi-agent system (мультиагентная система), software agent (программный агент) и др.*

В сфере-источнике «Behavior / Поведение» поведенческие паттерны описываются терминами *behavior tree (дерево поведения), emergent behavior (непредсказуемое поведение), action selection (выбор действия) и др.* и отражают процесс принятия решения, сопоставимый с волевым действием человека.

Термины сферы-источника «Генерирование и творчество / Generation and Creativity» репрезентируют способность ИИ-систем к созданию нового контента по аналогии с творческой деятельностью человека. Например, *generative AI (генеративный ИИ), generative pretrained transformer (генеративный предобученный трансформер), computational creativity (вычислительная креативность), creative AI (креативный ИИ) и др.*

Сфера «Ethics / Этика» содержит единицы, в которых морально-этическая сторона метафорически проецируется на область техногенных систем. К данной группе относятся такие термины как *AI ethics (этика ИИ), ethics of Artificial Intelligence (этика искусственного интеллекта), responsible AI (ответственный ИИ), machine ethics (машинная этика), existential risk (экзистенциальный риск), guardrails (гардрейлы; ограничители) и др.*

В терминологии искусственного интеллекта присутствует ряд терминов, отражающих попытки концептуализировать эмоционально-аффективную сферу человека в рамках вычислительных моделей. Такие термины мы отнесли к сфере-источнику «Emotions / Эмоции». Например, *emotion AI (эмоциональный ИИ), affective computing (аффективные вычисления), computational humor (вычислительный юмор) и др.* Термин *computational humor (вычислительный юмор)* выражает уподобление эмоционально-когнитивному феномену.

Периферийными сферами-источниками выступают зооморфные, фитоморфные, натуроморфные сферы, которые мы отнесли к сфере-источнику «Nature / Природа». Примерами выступают термины, образованные на основе сходства характеристик живых организмов, растений и природных явлений со структурой и функционированием искусственного интеллекта.

Приведем примеры метафор, основанных на уподоблении вычислительных процессов коллективному поведению насекомых: *ant colony optimization (муравьиный алгоритм), bees algorithm (пчелиный алгоритм), glowworm swarm optimization (оптимизация роя светлячков), swarm intelligence (роевой интеллект), particle swarm optimization (оптимизация роя частиц), multi-swarm optimization (многороевая оптимизация) и др.*

Примерами фитоморфных метафор могут послужить термины, образованные по аналогии с разветвленным строением растений (часто деревьев): *binary tree (бинарное дерево), category trees (деревья категорий), decision tree learning fast-and-frugal trees (быстрые и экономичные деревья), issue tree (дерево проблем), junction tree algorithm (алгоритм дерева соединений), tree traversal (обход дерева), treemap (древовидная карта) и др.*

Заключительную группу составили термины, которые не вошли в вышеуказанные группы. Мы объединили их под названием «Other Source Domains / Другие сферы-источники». В данную группу вошли также такие единицы, как, например, термин *black box (черный ящик),* который используется для обозначения системы, внутреннее устройство и принцип работы которой неизвестны или непонятны наблюдателю. Метафора подчеркивает непрозрачность алгоритмов ИИ.

Также в данную группу вошли единицы *evolutionary algorithm (эволюционный алгоритм), artificial life (искусственная жизнь), genetic algorithm (генетический алгоритм) и др.*

Таким образом, анализ эмпирического материала демонстрирует, что когнитивная метафора выступает одним из продуктивных механизмов формирования терминологии данной области. Благодаря метафорическому переносу новые технические реалии получают осмысление через известные концептуальные области.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее продуктивной когнитивной моделью образования терминов-метафор в терминологии искусственного интеллекта выступает антропоморфная модель, при которой компьютерным системам и процессам приписываются свойства, характерные для человека. Метафорические термины строятся на уподоблении технической системы человеку и образуют доминантную макросферу-источник «Human / Человек», которая включает широкий спектр понятийных доменов. Так, терминология ИИ в значительной степени строится на уподоблении нейрофизиологическим свойствам человека, его когнитивным способностям, а также этическим и эмоциональным характеристикам.

В рамках указанной макросферы была произведена стратификация концептуальных сфер-источников. Наиболее продуктивной оказалась сфера «Learning and Knowledge Acquisition / Обучение и приобретение знаний» (30 единиц, 17,4% от общего количества метафорических терминов), что отражает важнейшую роль настройки алгоритмов в искусственных системах и концептуализацию этих процессов через человеческую способность к обучению. Значительную долю составляют сферы-источники «Reasoning and Logic / Рассуждение и логика» (15 терминов, 8,7%), «Intelligence and Cognitive Abilities» / Интеллект и познавательные способности» (14 единиц, 8,1%), «Perception / Восприятие» (14 терминов, 8,1%) и «Neurophysiological Structure / Нейрофизиологическое строение» (12 терминов, 7,0%), каждая из которых отвечает за концептуализацию структурных, функциональных и поведенческих аспектов сферы ИИ. Сферы-источники «Agents / Агенты» (12 терминов, 7,0%) и «Behavior / Поведение» (10 единиц, 5,8%) наделяют искусственные системы чертами самостоятельного действующего субъекта. Сфера «Language» / Язык» (9 терминов, 5,2%) уподобляет искусственные знаковые системы естественному языку. Также были выделены сферы-источники «Sensory Perception / Сенсорика» (8 терминов, 4,7%), «Generation and Creativity / Генерирование и творчество» (7 терминов, 4,1%) и «Ethics Этика» (7 терминов, 4,1%). Количественно менее значимыми оказались сферы «Memory / Память» (4 термина, 2,3%) и «Emotions / Эмоции» (3 термина, 1,7%).

Периферийное положение занимает сфера-источник «Природа» (16 терминов, 9,3%), включающая зооморфные, фитоморфные и общебиологические метафоры. Термины, не вошедшие в основные сферы-источники, были объединены в группу «Other Source Domains / Другие сферы-источники» (11 единиц, 6,4%) и включает метафоры, опирающиеся на иные концептуальные области.

Таким образом, становление терминологии искусственного интеллекта подчиняется универсальным когнитивно-языковым закономерностям освоения новых знаний и отражает основные механизмы номинации в научных и профессиональных областях.

Список источников

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.

2. Двинина С.Ю. Анализ сгенерированных текстов как активация креативного и критического мышления у магистрантов-филологов // Вестник ЧелГУ. 2025. № 9 (503). С. 163 – 172.

3. Копаева Т.В. От английского к русскому: классификация и перевод терминологии в сфере искусственного интеллекта // Молодой учёный. 2025. № 51 (602). С. 331 – 334.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. Н.В. Перцова // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс. 1990 С. 387 – 415.

5. Мусаева А.С. Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 166 – 173.

6. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / пер. с исп. Н.Д. Арутюновой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс. 1990. С. 68 – 81.

7. Остапенко С.В. Антропоморфные метафоры как механизм гуманизации искусственного интеллекта в генеративных текстах // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 4. С. 54 – 61.

8. Схаляхо Е.Н., Сасина С.А. и др. Метафоризация как способ образования терминов сферы туризма // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 11. С. 106 – 110.

9. Шадрина О.В. Лексические аспекты разработки онлайн-глоссария по искусственному интеллекту // Гуманитарные и социальные науки. 2025. № 1. С. 105 – 114.

10. Cambridge English // URL: https://www.cambridgeenglish.org/news/view/hallucinate-is-cambridge-dictionarys-word-of-the-year-2023/ (дата обращения: 11.09.2026).

11. Glossary of Artificial Intelligence // URL: https://www.aifalabs.com/ai-glossary (дата обращения: 29.06.2026).

12. Muñoz-Ortiz A., Gómez-Rodríguez C., Vilares D. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text // Artificial Intelligence Review. 2024. Vol. 57. 265 p.

References

1. Alekseeva L.M. Term and Metaphor. Perm: Perm University Press, 1998. 250 p.

2. Dvinina S.Yu. Analysis of Generated Texts as a Means of Activating Creative and Critical Thinking in Philology Master's Students. Bulletin of Chelyabinsk State University (Vestnik ChelGU). 2025. No. 9 (503). P. 163 – 172.

3. Kopaeva T.V. From English to Russian: Classification and Translation of Terminology in the Field of Artificial Intelligence. Young Scientist. 2025. No. 51 (602). P. 331 – 334.

4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. trans. from English by N.V. Pertsov. Theory of Metaphor. Introductory article and compilation by N.D. Arutyunova. Moscow: Progress. 1990. P. 387 – 415.

5. Musaeva A.S. Term Formation in the Field of Artificial Intelligence.Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2022. No. 2 (29). P. 166 – 173.

6. Ortega y Gasset J. Two Great Metaphors. trans. from Spanish by N.D. Arutyunova. Theory of Metaphor. Introductory article and compilation by N.D. Arutyunova. Moscow: Progress. 1990. P. 68 – 81.

7. Ostapenko S.V. Anthropomorphic Metaphors as a Mechanism for Humanizing Artificial Intelligence in Generative Texts. Issues in Modern Linguistics. 2025. No. 4. P. 54 – 61.

8. Skhalyakho E.N., Sasina S.A., et al. Metaphorization as a Method of Term Formation in the Tourism Sector. Humanities Scientific Bulletin. 2024. No. 11. P. 106 – 110.

9. Shadrina O.V. Lexical Aspects of Developing an Online Glossary on Artificial Intelligence. Humanities and Social Sciences. 2025. No. 1. P. 105 – 114.

10. Cambridge English. URL: https://www.cambridgeenglish.org/news/view/hallucinate-is-cambridge-dictionarys-word-of-the-year-2023/ (accessed: 11.09.2026).

11. Glossary of Artificial Intelligence. URL: https://www.aifalabs.com/ai-glossary (accessed: 29.06.2026).

12. Muñoz-Ortiz A., Gómez-Rodríguez C., Vilares D. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text. Artificial Intelligence Review. 2024. Vol. 57. 265 p.

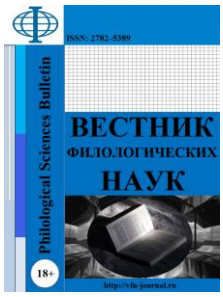
Информация об авторах

Схаляхо Е.Н., *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет, shn01@yandex.ru*

Сасина С.А., *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет, shn01@yandex.ru*

Бричева М.М., *кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет, shn01@yandex.ru*

© Схаляхо Е.Н., Сасина С.А., Бричева М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’42
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-183-188

[1] Тарасова Ю.В.

[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Поэтика «черного юмора» в контексте американского постмодернизма

Аннотация: *в статье речь идет о формировании и функционировании поэтики «черного юмора», которая стала ядром американского литературного постмодернизма. Генезис школы прослежен от статьи Лесли Фидлера «Cross the Border – Close the Gap» (1969) до теоретических манифестов Джона Барта. На материале произведений Томаса Пинчона, Джона Барта, Доналда Бартелми, Джона Хоукса и Джеймса Патрика Донливи разобраны основные черты поэтики: пародия, гротеск, фрагментарность, игровое начало, энтропийная образность. «Черный юмор» при этом не сводится к сатире или нигилистическому отрицанию. Он дает способ художественного освоения абсурдности бытия, при котором смех выполняет терапевтическую и структурообразующую роль. Отдельно рассмотрено влияние поэтики «черного юмора» на позднейший американский постмодернизм.*

Ключевые слова: *американский постмодернизм, школа «черного юмора», поэтика, пародия, гротеск, энтропия*

Для цитирования: Тарасова Ю.В. Поэтика «черного юмора» в контексте американского постмодернизма // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 183 – 188. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-183-188

Поступила в редакцию: 12 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Tarasova Yu.V.

[1] Rostov State University of Economics (RSUE)

The poetics of “black humour” in the context of American postmodernism

Abstract: *the article examines the formation and functioning of the poetics of “black humor,” which became the core of American literary postmodernism. The genesis of the school is traced from Leslie Fiedler’s article “Cross the Border – Close the Gap” (1969) to John Barth’s theoretical manifestos. Drawing on works by Thomas Pynchon, John Barth, Donald Barthelme, John Hawkes, and James Patrick Donleavy, it analyzes the principal features of this poetics: parody, the grotesque, fragmentation, the ludic element, and entropic imagery. At the same time, “black humor” is not reducible to satire or nihilistic negation. It offers a mode of artistic appropriation of the absurdity of being in which laughter plays a therapeutic and structure-forming role. The influence of the poetics of “black humor” on later American postmodernism is considered separately.*

Keywords: *American postmodernism, “black humour” school, poetics, parody, grotesque, entropy*

For citation: Tarasova Yu.V. The poetics of “black humour” in the context of American postmodernism. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 183 – 188. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-183-188

The article was submitted: August 12, 2026; Approved after reviewing: September 17, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В литературе США постмодернизм складывается раньше, чем в большинстве стран Европы. Его появление относят к рубежу 1950-1960-х годов [5]. Такое опережение объясняется не только послевоенной социокультурной ситуацией, но и интенсивной рецепцией идей французского постструктурализма. Прежде всего речь идет о работах Жака Деррида, некоторое время преподававшего в Йельском университете [14]. Американские интеллектуалы получили инструментарий, позволивший концептуализировать процессы, которые уже шли в национальном искусстве.

Знаковой стала статья Лесли Фидлера «Засыпайте рвы, пересекайте границы» (1969). Уже само название декларировало отказ от иерархического разделения элитарной и массовой культур [6]. С 1975 года журнал «Октябрь» выходит под редакцией Розалинды Краусс. На его страницах пропагандируется новая французская философия, а усилия американских теоретиков объединяются [3]. Системную форму теория постмодернизма обретает в трудах Ихаба Хасана [12] и Чарльза Дженкса [14]. Наиболее рельефно художественная практика американского постмодернизма выразилась в творчестве группы писателей, которых принято называть школой «черного юмора».

Американский литературный постмодернизм принадлежит к числу наиболее обсуждаемых явлений второй половины XX века. Особое место в нем отведено школе «черного юмора». Через нее проходят ключевые линии послевоенной прозы: кризис рационализма, недоверие к метарассказам, интерес к травме, игра с массовой культурой.

В отечественном литературоведении творчество Томаса Пинчона, Джона Барта, Доналда Бартелми, Джона Хоукса и Джеймса Патрика Донливи изучено неравномерно. Поэтика «черного юмора» нередко сводится к сатире, нигилизму или набору формальных приемов. Между тем она образует самостоятельную эстетическую систему. Эта система связана с философией постструктурализма, с теорией травмы и с проблемами комического.

Актуальность работы определяется потребностью в системном описании названной системы. Кроме того, поэтика «черного юмора» повлияла на позднейшую американскую прозу. Без ее анализа трудно понять поэтику Пола Остера, Дона Делилло, Майкла Каннингема.

Цели и задачи исследования связаны с анализом поэтики «черного юмора» в американском литературном постмодернизме. Часто внимание останавливается на отдельных приемах комического или на биографических обстоятельствах писателей. Сам феномен «черного юмора» как эстетическая система при этом не получает объяснения.

Структура этой поэтики неоднородна. В ней выделяются четыре слоя. Первый образуют ее основные черты: пародия, гротеск, фрагментарность, игровое начало, энтропийная образность. Второй связан с теоретической рефлексией внутри школы, прежде всего с эссеистикой Джона Барта. Третий составляет прагматическая специфика смеха, его амбивалентность и терапевтическая функция. Четвертый охватывает место школы в контексте американского постмодернизма и ее влияние на позднейшую литературу.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования служат произведения Томаса Пинчона, Джона Барта, Доналда Бартелми, Джона Хоукса и Джеймса Патрика Донливи, а также теоретические эссе Джона Барта и критические работы по американскому постмодернизму. Методологическую основу образует сочетание сравнительно-исторического, структурно-семиотического и нарратологического анализа, дополненное элементами биографического метода, культурно-исторического подхода и интертекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Школа «черного юмора» складывается в 1950-е годы, но наиболее ярко заявляет о себе в 1960–70-е. Термин восходит к французской традиции (Андре Бретон). В американском контексте он приобретает специфическое значение: речь идет не о юморе как таковом, а о способе мироощущения. Смех становится реакцией на абсурдность и хаотичность бытия [4].

Курта Воннегута и Джозефа Хеллера часто называют предшественниками «черных юмористов». Однако между ними и самой школой есть принципиальная разница. К. Воннегут и Дж. Хеллер обращаются к эстетике абсурда ради гуманистической задачи: разбудить сознание читателя. У «черных юмористов» с самого начала нет сомнений: любой воспитательный процесс завершится пессимистично. Они уверены, что люди раз за разом повторяют одни и те же ошибки [2].

Теоретическое самоопределение школы связано прежде всего с именем Джона Барта. В эссе «Литература исчерпанности» (1967) Дж. Барт констатирует, что определенные формы и возможности романа «израсходованы». Писатель после Владимира Набокова, Сэмюэля Беккета и Хорхе Луиса Борхеса не может просто повторять освоенные приемы. Однако исчерпанность не означает конца литературы. Дж. Барт предлагает иной путь: техника, которая одновременно и захватывает читателя, и не упрощает текст. Такой роман, если следовать его мысли, не встает на чью-то сторону в споре реализма с ирреализмом, формализма с содержанием, элитарного искусства с массовым [1]. В статье «Литература нового наполнения» (1980) Дж. Барт уточняет свою позицию. Он говорит о необходимости «восстановления беллетристической сути рассказываемого» и приоткрытия двери реализму, но реализму, обогащенному игрой и иронией [9].

Теоретическая рефлексия внутри школы неотделима от художественной практики. Многие писатели выступают одновременно и теоретиками. Эта особенность, тесная связь теории и практики, отличает именно американский постмодернизм [5].

Поэтика «черного юмора» конституируется как система художественных приемов, ориентированных на деконструкцию привычных иерархий и смысловых оппозиций. Ее формируют следующие черты: пародийное переосмысление мифов, стереотипов и философских теорий, включая концепции Ж.-П. Сартра, К.Г. Юнга и З. Фрейда [4]; сквозной гротеск, основанный на осмеянии страшного и отталкивающего [13]; традиция небылицы, восходящая к американскому фольклору и раннему творчеству Марка Твена [2]; высокая плотность реминисценций и аллюзий, превращающая текст в палимпсест [7]; фрагментарность алогичного сюжета и монтажная организация композиции [10]; условные персонажи-марионетки, лишенные психологической глубины [11]; игра как эстетическая и философская категория, задающая как принцип текстостроения, так и способ отношения к миру [9].

Ирония здесь не сводится к риторическому приему. Она становится фундаментальным принципом интерпретации всего происходящего. Она не обличает и не разоблачает, поскольку ее цели не конкретизируются. Смех направлен на все без исключения, включая самого смеющегося [6]. Этот смех чаще всего невесел. Но он выполняет терапевтическую функцию. Он помогает сохранить дух здоровым в ситуации, где рациональные стратегии бессильны.

Е.А. Стеценко отмечает, что создание комической ситуации означает «организацию, усложнение исходного состояния», появление второго смысла в дополнение к исходному. Это приводит к самоорганизации когнитивной системы [5]. В этом смысле «черный юмор» не столько разрушает порядок, сколько порождает новый, синергетический тип упорядоченности.

Центральное место в школе «черного юмора» занимает творчество Томаса Пинчона. Его поэтика строится вокруг категории энтропии. Эта категория заимствуется из термодинамики, космологии, теории информации, но наделяется собственными смыслами.

В новелле «Энтропия» (1960) событийное пространство организовано как топографическая антитеза двух уровней одного дома. Нижний ярус, связанный с Митболлом Маллиганом, отмечен динамикой шумного, хаотического разгула; верхний, принадлежащий Калипсо и Обаду, репрезентирует статику, покой и замкнутую гармонию. К финалу эти противоположные состояния приходят к взаимному равновесию. Кульминационный жест Обада – разбитое окно оранжереи – приобретает амбивалентный смысл: он одновременно вносит хаос и разрушает изолированную систему. Такой системе предстоит «тепловая смерть». Каллисто безуспешно пытается отогреть птицу, но та уже мертва [15]. Фоном идут эксперименты джазистов, пустые споры полиглотов, перекличка голосов. Из этого складывается атмосфера 1950-х годов, холодной войны, безвременья.

Первый роман Т. Пинчона «V.» (1963) показывает, как энтропия проникает в жизнь людей XX столетия. Самого слова «энтропия» в тексте нет, но речь идет именно об этом процессе. Линия Бенни Профейна, который называет себя «йо-йо и шлемилем», вводит тему неодушевленности. Параллельно поиски загадочной V Стенсилом показывают превращение человека в автомат: при каждой новой встрече облик V механизируется все сильнее, и личность уступает место действиям механизма [18]. Исторический слой романа охватывает несколько эпох: от Александрии 1898 года до Мальты 1956-го. Прогресса здесь нет. Историческое повествование подается как пародия. У Т. Пинчона история оборачивается джойсовским «кошмаром, от которого мы пытаемся пробудиться». История наций автора не интересует. Его занимает история сознания и «кризис рационализма». Социальные и духовные потрясения XX века, по его убеждению, порождены этим кризисом [2].

В романе «Радуга земного притяжения» (1973) мистификация становится основным принципом. Хронотоп первой части приурочен к осени 1944 года и локализован в Лондоне, подвергающемся бомбардировкам «Фау-2». Реалистический модус повествования чередуется с фантастическим. Среди пепелищ разворачи-

ваются эротические оргии; ракетные удары приходятся именно на тот дом, где герой накануне одержал любовную победу. Практически все действующие лица оказываются агентами, причем преимущественно двойными. Война репрезентирована через бюрократическую систему, для которой бомбардировки и человеческие потери служат лишь поводом для учреждения новых отделов. В финале к Лос-Анджелесу неумолимо приближается баллистическая ракета. Энтропия здесь получает двойной смысл: она означает деструкцию и одновременно становится силой, которая противостоит «новому порядку». Зона, которой стала Германия, принадлежит всем. В энтропии видится обновляющее начало, альтернатива системе [16].

В поздних романах «Вайнленд» (1990) и «Мейсон и Диксон» (1997) Т. Пинчон пересматривает идею «проекта под названием США». Американскую систему ценностей и современную мифологию он высмеивает, а историю трактует как литературный нарратив, отказывая ей в статусе объективного процесса. Смешивая фаблио, травестии и пастиши, автор моделирует историю США в романном окружении, демонстрируя принципиально иной взгляд на исторический процесс, нежели в прежнем творчестве [17].

Как теоретик Дж. Барт авторитетнее Т. Пинчона, хотя популярностью ему уступает. Его поэтика строится на том, что повествовательные приемы обнажаются, а связи с классическими фабульными «архетипами» («Панчатантра», «Тысяча и одна ночь», Библия, античная мифология) выходят на поверхность [8]. В центре повествования – и в этом главная интенция – оказывается история самого рассказчика. Свои конструкции Дж. Барт квалифицирует как модификацию «романа воспитания». Себя он называет автором «романов унижения, осмеяния». В них говорится о том, как воспитательный процесс дает сбой, не достигает цели или терпит неудачу [1].

В первых романах – «Плавучая опера» (1956) и «Конец пути» (1958) – Дж. Барт еще держится экзистенциализма. Абсурдность бытия для него здесь – условие поиска самоидентичности; заодно он высмеивает штампы массового сознания [4]. Постмодернистские эксперименты начинаются у него со сборника «Заблудившись в комнате смеха» (1968). Там он ставит опыты над языком: текст приобретает форму ленты Мебиуса, одна фраза растягивается на несколько страниц, появляется модель писателя, пишущего о писателе, который, в свою очередь, пишет о писателе. Центральной становится мысль об относительности повествовательного голоса и самого литературного произведения. Повесть «Менелайада» удерживает рекорд по длине цепочки «рассказ в рассказе». Разобрать гроздья кавычек и установить, кому принадлежит голос в том или ином отрезке текста, там не удается [8].

Игровая поэтика Дж. Барта полнее всего проявляется в «Химере» (1972) – сборнике из трех повестей: «Дуньязадиада», «Персеида» и «Беллерофониада». В его основе – травестийное переосмысление греческой мифологии и «Тысячи и одной ночи». Шахразада, Персей и Беллерофонт выведены здесь не величественными героями: это «потускневшие, потрепанные жизнью папики», которых мучает «интеллектуальная и духовная дезориентация» [7]. Беллерофон хочет стать легендарным героем и точно следует ритуальной схеме. В итоге он превращается не в историю собственных подвигов, а всего лишь в текст истории «Беллерофониада». Композиция книги приобретает кольцевую структуру: финальные слова смыкаются с начальными, благодаря чему «Химера» обретает модус бесконечного повторения. Дуньязада прерывает Шахразаду, а та, в свою очередь, рассказывает «Беллерофониаду». Эта повесть оказывается включенной в состав «Дуньязадиады», так что в итоге ее рассказчицей выступает сама Дуньязада. В итоге ее рассказывает сама Дуньязада. Химера – существо с телом козы, змеиным хвостом и человеческим лицом. Через этот образ передается мысль о том, как разнородные повествовательные традиции соединяются в одно целое.

Поэтика Дж. Барта – игровая. Автор в ней уподобляется Богу: творит вселенную, но сам остается в ином измерении. Художественный мир, создаваемый писателем, живет по своим законам и с объективной реальностью не соотносится [9].

Доналд Бартелми (1931-1989) доводит до предела принцип фрагментарности. Его «Белоснежка» (1967) переписывает сказку братьев Гримм, превращая архетипических персонажей в разочарованных антигероев [10]. Техника монтажа становится для Д. Бартелми определяющей: «Фрагмент – единственная форма, которой я доверяю» [10, с. 45]. Произведения Бартелми имеют несколько уровней прочтения, заранее закодированных в тексте. Деталь всегда семантически активна и динамична, а письмо осуществляется на границе интермедиальных средств и приемов [10].

Джон Хоукс (1925-1998) считается одним из зачинателей школы. Его проза проникнута ощущением банкротства рационалистического миропонимания перед реальностью XX века. Абсурд у Дж. Хоукса не является тупиковой точкой бытия. Он служит материалом для гротескного осмысления, при котором смех становится способом дистанцирования от ужаса [13].

Джеймс Патрик Донливи (1926-2017) – представитель «черного юмора», наиболее известный романом «Человек с огоньком» (1955) [11]. Его стиль остается узнаваемым на протяжении десятилетий. «Черно-

гумористическая» техника повторяется в «Нью-йоркской сказке» и других произведениях с незначительными адаптациями. Повторяющаяся жизненная история оказывается для Дж.П. Донливи практически неисчерпаемым художественным материалом [11].

Проза представителей «черного юмора» отличалась экспериментальным характером и выступила предтечей постмодернистской эстетики. Этот вектор был воспринят писателями младшего поколения – П. Остером, Д. Делилло и М. Каннингемом, – которые наследуют у «черных юмористов» усложненную нарративную организацию, аллюзивность и ироническую интонацию. В творчестве П. Остера постмодернистская поэтика достигает высшей точки и одновременно исчерпывает себя. Остранение национальной традиции, демифологизация ее институций и метанарративов выражены у него значительно рельефнее, нежели у Д. Делилло. Ключевые темы П. Остера – случайность и ее роль в человеческой жизни, аскетизм как средство противостояния хаосу, приверженность искусству, а также неспособность людей к взаимопониманию [5]. Д. Делилло с иронией воссоздает сложную картину жизни американского социума. Главный его персонаж – Америка, причем далеко не в положительном свете. М. Каннингем в романах «Часы» (1998) и «Избранные дни» (2005) продолжает переосмыслять национальную историю и культурные мифы [3].

Современная постмодернистская литература заново осмысляет мифологемы Америки. Проблемы национального сознания, обостряющиеся в условиях глобализации, вновь оказываются в центре внимания писателей [5]. Их интересуют демократия и сложности ее воплощения, свобода личности, ироничное отношение к «американской мечте». К этому добавляются развенчание нарративов исключительности и деконструкция национальной истории [4]. Катастрофическое мироощущение становится одним из главных настроений эпохи. Его часто передают через антиутопию [5].

Выводы

Школа «черного юмора» выходит за рамки одного из течений американской литературы XX века. Вокруг нее кристаллизовался американский постмодернизм, и она оказалась его ядром. Через ее поэтику (пародия, гротеск, фрагментарность, игра, энтропийная образность) сложился тот художественный язык, которым американская литература описывает хаос современного мира. Теория и практика в этой школе связаны тесно. Благодаря этому удалось выработать не только набор приемов, но и способ рефлексии о самом искусстве. «Черный юмор» не сводится к сатире или нигилизму. Он предлагает терапевтическую стратегию, при которой смех становится средством сохранения духа в ситуации, где рациональные стратегии бессильны. Именно эта стратегия оказалась востребованной и продуктивной для последующих поколений американских писателей.

Список источников

1. Барт Дж. Литература исчерпанности // Писатели США о литературе: В 2 т. М.: Прогресс, 1982. Т. 2. С. 295 – 306.

2. Денисова Т.Н. На пути к человеку. Борьба реализма и модернизма в современном американском романе. К.: Наукова думка, 1971. 339 с.

3. Засурский Я.Н. Американская литература XX века. М.: Изд-во МГУ, 1984. 503 с.

4. Мулярчик А.С. Спор идет о человеке: О литературе США второй половины XX века. М.: Советский писатель, 1985. 359 с.

5. Стеценко Е.А. Концепты хаоса и порядка в литературе США: от дихотомической к синергетической картине мира. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 258 с.

6. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология. Самоубийство дискурса. М., 1993. С. 462 – 518.

7. Barth J. Chimera. New York: Dalkey archive press, 2023. 302 с.

8. Barth J. Lost in the Funhouse. New York: Knopf Doubleday Publishing Group Doubleday, 1988. 224 с.

9. Barth J. The Literature of Exhaustion // The Atlantic Monthly. August. 1967. С. 29 – 34.

10. Barthelme D. Snow White. New York: Simon & Schuster, 2026. 192 с.

11. Donleavy J.P. The Ginger Man. London: Abacus, 2017. 346 с.

12. Hassan I. The postmodern turn essays in postmodern theory and culture. Columbus: Ohio State University Press, 1987. 267 с.

13. Hawkes J. The Cannibal. New York: New Directions Publishing, 1962. 195 с.

14. Jencks C. What Is Postmodernism? London: Academy Editions, 1986. 128 с.

15. Pynchon T. Entropy // The Kenyon Review. 1960. Vol. 22. No. 2. С. 277 – 292.

16. Pynchon T. Gravity's Rainbow. New York: Random House, 2013. 912 с.

17. Pynchon T. Mason & Dixon. London: Vintage, 2007. 784 с.
18. Pynchon T.V. New York: HarperPerennial Modern Classics, 2005. 547 с.

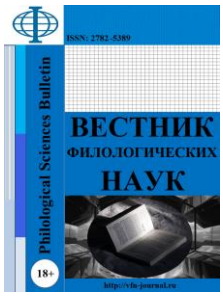
References

1. Barth John. The Literature of Exhaustion. In U.S. Writers on Literature. Moscow: Progress,1982. Vol. 2. P. 295 – 306.
2. Denisova T.N. Toward the Human Being: The Struggle Between Realism and Modernism in the Contemporary American Novel. Kyiv: Naukova Dumka, 1971. 339 p.
3. Zasursky Ya.N. American Literature of the 20th Century. Moscow: Moscow State University Press, 1984. 503 p.
4. Mulyarchik A.S. The Debate Over the Human Being: On U.S. Literature in the Second Half of the 20th Century. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1985. 359 p.
5. Stetsenko E.A. Concepts of Chaos and Order in U.S. Literature: From a Dichotomous to a Synergetic Worldview. Moscow: IMLI RAS, 2009. 258 p.
6. Fiedler Leslie. Cross the Border, Close the Gap. In Contemporary Western Cultural Studies: The Suicide of Discourse. Moscow, 1993. P. 462 – 518.
7. Barth John. Chimera. New York: Dalkey Archive Press, 2023. 302 p.
8. Barth John. Lost in the Funhouse. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 1988. 224 p.
9. Barth John. The Literature of Exhaustion. The Atlantic Monthly. August. 1967. P. 29 – 34.
10. Barthelme Donald. Snow White. New York: Simon & Schuster, 2026. 192 p.
11. Donleavy J.P. The Ginger Man. London: Abacus, 2017. 346 p.
12. Hassan I. The postmodern turn essays in postmodern theory and culture. Columbus: Ohio State University Press, 1987. 267 p.
13. Hawkes J. The Cannibal. New York: New Directions Publishing, 1962. 195 p.
14. Jencks C. What Is Postmodernism? London: Academy Editions, 1986. 128 p.
15. Pynchon T. Entropy. The Kenyon Review. 1960. Vol. 22. No. 2. P. 277 – 292.
16. Pynchon T. Gravity's Rainbow. New York: Random House, 2013. 912 p.
17. Pynchon T. Mason & Dixon. London: Vintage, 2007. 784 p.
18. Pynchon T.V. New York: HarperPerennial Modern Classics, 2005. 547 p.

Информация об авторах

Тарасова Ю.В., *доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), andramaha@inbox.ru*

© Тарасова Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-189-194

[1] Уракова Ф.К. ***[1] Адыгейский государственный университет***

Типологическая интерференция и лингводидактический потенциал сопоставления строевых единиц текста (на материале русского и адыгейского языков)

Аннотация: *статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу строевых единиц текста в разноструктурных русском и адыгейском языках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания эффективной методики обучения русской связной речи в национальной школе, основанной на прогнозировании межъязыковой интерференции. В работе рассматриваются лексический, морфологический и синтаксический уровни, определяющие специфику построения сложного синтаксического целого (ССЦ). Особое внимание уделяется различиям в актуальном членении предложения, порядке слов и полиперсональности глагола, которые оказывают существенное влияние на построение микротекста. Научная новизна заключается в систематизации типологических расхождений, влияющих на текстообразование, с опорой на данные корпусных и дискурсивных исследований последних лет. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов для разработки лингводидактических стратегий предупреждения и преодоления интерференции в речи учащихся-билингвов.*

Ключевые слова: *сопоставительная типология, русский язык, адыгейский язык, сложное синтаксическое целое, интерференция, транспозиция, обучение связной речи, билингвизм, корпусные исследования*

Для цитирования: Уракова Ф.К. Типологическая интерференция и лингводидактический потенциал сопоставления строевых единиц текста (на материале русского и адыгейского языков) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 189 – 194. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-189-194

Поступила в редакцию: 13 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Urakova F.K. ***[1] Adyghe State University***

Typological interference and linguodidactic potential of comparing structural text units (based on the Russian and Adyghe languages)

Abstract: *the article is devoted to the comparative-typological analysis of the structural units of the text in the differently structured Russian and Adyghe languages. The relevance of the study is due to the need to create an effective methodology for teaching Russian coherent speech in national schools, based on predicting interlingual interference. The paper examines the lexical, morphological, and syntactic levels that determine the specifics of constructing a complex syntactic whole (CSW). Particular attention is paid to differences in the actual division of the sentence, word order, and polypersonalism of the verb, which have a significant impact on microtext construction. The scientific novelty lies in the systematization of typological divergences affecting text formation, drawing on recent corpus and discourse studies. The practical significance consists in the possibility of using the results to develop linguodidactic strategies for preventing and overcoming interference in the speech of bilingual students.*

Keywords: *comparative typology, the Russian language, the Adyghe language, complex syntactic whole, interference, transposition, teaching coherent speech, bilingualism, corpus studies*

For citation: Urakova F.K. Typological interference and linguodidactic potential of comparing structural text units (based on the Russian and Adyghe languages). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 189 – 194. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-189-194

The article was submitted: August 13, 2026; Approved after reviewing: September 18, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная лингводидактика, ориентированная на обучение русскому языку как неродному, базируется на принципах учёта родного языка учащихся. В условиях национально-русского билингвизма (в частности, в Республике Адыгея) особую значимость приобретает выявление типологических сходств и различий между контактирующими языками. Л.В. Щерба подчёркивал, что сопоставительный метод даёт возможность не только углубить понимание изучаемого языка, но и заранее определить те трудности, которые возникают у обучающихся под воздействием родного языка [1]. Изучение строевых единиц текста, прежде всего сложного синтаксического целого (ССЦ), в русском и адыгейском языках служит основой для построения методик обучения, позволяющих преобразовать отрицательный перенос (интерференцию) в положительный (транспозицию).

За последние годы сопоставительная типология русского и кавказских языков привлекла значительно больше внимания, что связано с активным внедрением корпусных методов и дискурсивного анализа [11, 13, 15]. Публикации, посвящённые полисинтетизму адыгейского языка [11], лабильности глаголов [14] и закономерностям порядка слов в языках с развитой морфологией [13], дают возможность более точно описать механизмы межъязыковой интерференции на текстовом уровне. Помимо этого, современные работы по билингвальному образованию указывают на важность учёта когнитивных особенностей двуязычных школьников [12, 16].

Хотя сопоставительная грамматика русского и адыгейского языков описана в фундаментальных исследованиях (М.Х. Шхапацева [6] и др.), текстовый уровень и закономерности порождения связного высказывания в условиях двуязычия остаются малоизученными. Цель настоящей статьи – сопоставить ключевые текстовые единицы, отвечающие за структурную организацию связной речи, в русском и адыгейском языках и на основе новейших данных выявить зоны наиболее вероятной межъязыковой интерференции.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили данные грамматик русского и адыгейского языков, образцы связной речи на обоих языках, а также наблюдения над устной и письменной речью учащихся адыгейских школ. В качестве дополнительного источника использовались размеченные корпуса адыгейского языка, позволяющие верифицировать частотность тех или иных конструкций [15]. Методологическую основу составили положения общей и частной типологии, разработанные В.Д. Аракиным, В.Г. Гаком, М.Х. Шхапацевой [2, 4, 6], а также принципы дискурсивной типологии, изложенные в современных работах [13, 14]. При анализе применялись сопоставительный метод, метод типологического моделирования, элементы компонентного и трансформационного анализа, а также количественные методы корпусной лингвистики. Отбор языковых явлений производился по принципу релевантности для порождения текста: лексическая семантика и сочетаемость, морфологическая техника, синтаксическая структура предложения и словопорядок.

Результаты и обсуждения

Лексический уровень: семантический объём и сочетаемость. Сопоставление лексических систем показывает наличие как универсальных категорий (полисемия, синонимия, антонимия, фразеология), так и существенных расхождений. Совпадение семантических полей и сочетаемостных моделей создаёт базу для положительного переноса (например, фразеологизмы «еле живой» – ынэис, ыпсэпыт демонстрируют образную эквивалентность).

Однако более значимы для прогнозирования ошибок зоны расхождений, которые в последние годы активно изучаются с привлечением корпусных данных [12]:

1. Дифференциация значений. Наблюдается синкретизм сем в адыгейском языке. Русская пара «тонкий» и «жидкий» покрывается одной лексемой пIуакIэ; «вкусный» и «сладкий» – IэшIу. Это порождает ошибки типа «вкусный чай» в значении «сладкий чай» [6, с. 120, 12].

2. Лакунарность в синонимических рядах. Русскому разветвлённому синонимическому ряду «большой, крупный, великий, громадный» в адыгейском часто соответствует одна лексема (ины). Следствием этого является бедность словаря русской речи учащихся и неразличение стилистических нюансов [3, 12].

3. Метафорическая сочетаемость. Различия в лексической валентности приводят к интерференции. Например, русское словосочетание «обочина дороги» соответствует адыгейскому гъогунапц (букв. «бровь дороги»), что провоцирует буквальный перенос в русскую речь [15].

Сопоставление морфологии русского (флективного, синтетического) и адыгейского (агглютинативного, полисинтетического) языков выявляет кардинальные различия, напрямую влияющие на связность текста.

В русском языке имя существительное обладает категориями рода, числа и падежа (шестичленная парадигма). В адыгейском языке грамматическая категория рода отсутствует, а падежная система четырёхчленна (Им., Эрг., Тв., Превр.).

Ключевым отличием является наличие в адыгейском языке категории определённости/неопределённости, выражаемой падежными флексиями (определённое склонение: унэ-р «дом (тот самый)»; неопределённое: унэ «дом (какой-то)»). Неразличение этой оппозиции в русском языке создаёт трудности при актуальном членении текста, так как носитель адыгейского языка привык грамматически маркировать «данное» и «новое» [7, 11].

Наибольшие расхождения наблюдаются в глаголе. Адыгейский глагол характеризуется полиперсонализмом: в его составе выражаются субъект, прямой и косвенный объекты. Глагольная словоформа может быть эквивалентна целому русскому предложению.

Грамматические категории каузатива, версии, совместности и взаимности, свойственные адыгейскому глаголу, не имеют прямых соответствий в русском языке, что затрудняет восприятие русских синтаксических конструкций носителями адыгейского языка [11, 14]. Русская категория залога и разветвлённая видовременная система также не находят параллелей в адыгейском языке, и этот факт необходимо учитывать при организации обучения [6, 8, 11].

На уровне словосочетания и предложения различия между языками проявляются особенно отчётливо. В русском языке связь между компонентами словосочетания обеспечивается в основном словоизменением (согласованием и управлением), тогда как в адыгейском языке действует принцип единооформленности: грамматические показатели присоединяются лишь к одному элементу комплекса. Например, в конструкции «прилагательное + существительное» падежно-числовые флексии оформляют только последний компонент (чырбыщ унэ-р – «кирпичный дом»), поэтому согласование как тип подчинительной связи здесь фактически не представлено [6, 11].

Особую роль в организации текста играет порядок слов. Благодаря флективному строю русский язык допускает достаточно свободное варьирование позиций членов предложения: их расположение определяется актуальным членением и стилистическими задачами. Адыгейский язык, напротив, характеризуется фиксированным порядком слов (SOV): глагольное сказуемое всегда завершает предложение, а последовательность второстепенных членов жёстко закреплена [7, 13].

В результате в русской речи адыгейских школьников регулярно встречается ошибка, связанная с переносом этой модели: сказуемое ставится в конец высказывания, ср. «Вчера мы в лес ходили» вместо нормативного «Вчера мы ходили в лес». При построении ССЦ это ведёт к нарушению тема-рематической прогрессии. В русском тексте новая информация (рема) часто располагается в конце предложения. В адыгейском языке, где позиция сказуемого фиксирована, рема маркируется иначе – лексически или с помощью категории определённости [13].

Специфика актуального членения в адыгейском языке такова, что все слова, относящиеся к «данному» (теме), тяготеют к началу, а «новое» (рема) – к сказуемому в конце. При переносе этой модели на русский язык возникает монотонность текста, нарушается логическое выделение информативного центра, страдает связность ССЦ [13, 16].

Кроме того, полиперсонализм адыгейского глагола делает избыточным употребление личных местоимений. Это вызывает две противоположные ошибки в русской речи: опущение необходимого подлежащего («Пошёл в школу») или, наоборот, избыточное употребление местоимений, вызванное гиперкоррекцией [11, 16].

Сложное синтаксическое целое (ССЦ). Структура микротекста (зачин, основная часть, концовка) в целом совпадает в обоих языках, как и типы связи (цепная, параллельная) и функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Это создаёт платформу для транспозиции навыков построения логики высказывания.

Однако внутренняя структура предложений, входящих в ССЦ, различается кардинально. Типичные различия ССЦ в русском и адыгейском языках представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставительная характеристика ССЦ.

Table 1

Comparative characterization of complex syntactic units (CSUs).

Параметр сопоставления	**Русский язык**	**Адыгейский язык**	**Зона интерференции**
Структурная схема	Зачин – Осн. часть – Концовка	Зачин – Осн. часть – Концовка	Совпадает
Порядок слов	Свободный (SVO), рема-выделение позиционное	Твёрдый (SOV), сказуемое финально	Вынос сказуемого в конец в русской речи
Выражение субъекта	Обязательное местоимение или имя	Инкорпорирован в глагол (полиперсонализм)	Пропуск или избыточность подлежащего
Средства связи	Местоимения, синонимы, лексический повтор	Послелоги, причастные и деепричастные обороты, инфинитные конструкции	Замена СПП инфинитными оборотами, неверный выбор средства связи
Актуальное членение	Рема обычно в конце	Рема привязана к сказуемому в абсолютном конце	Нарушение темарематической цепочки, монотонность интонации

Как видно из таблицы, типологическая идентичность на макроуровне текста сочетается с конфликтующими микроструктурами предложений. Современные дискурсивные исследования подтверждают, что именно эти микроструктурные расхождения являются основным источником интерференции при порождении связного высказывания на неродном языке [13, 16].

Выводы

Проведённый сопоставительно-типологический анализ с опорой на современные данные позволяет сделать следующие выводы:

1. Русский и адыгейский языки принадлежат к разным морфологическим типам – флективному и агглютинативному, поэтому между ними наблюдаются закономерные расхождения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Наиболее заметные различия связаны со средствами выражения предикативности и с организацией актуального членения.

2. Отрицательная интерференция при построении текста возникает главным образом не из-за различий в общей структуре ССЦ (она в сопоставляемых языках совпадает), а вследствие несовпадений во внутреннем устройстве предложений. К таким факторам относятся фиксированный порядок слов SOV, полиперсональность глагола и отсутствие в адыгейском языке грамматической категории рода.

3. Специфика лексико-семантической и грамматической системы адыгейского языка определяет особый способ маркирования компонентов «данного» и «нового». Если этот механизм без изменений переносится в русскую речь, страдают связность и логическая последовательность высказывания.

4. Обучение русской связной речи целесообразно выстраивать на функционально-коммуникативных основаниях. Первостепенное внимание следует уделять подвижности русского словопорядка, обязательному выражению подлежащего и перестройке инфинитных конструкций в придаточные предложения. Привлечение корпусных данных и результатов дискурсивных исследований делает методику более обоснованной и позволяет точнее прогнозировать трудности [12, 15, 16].

Полученные результаты могут найти применение при создании системы упражнений, направленных на преодоление типологической интерференции на уровне текста, а также при разработке учебных материалов, учитывающих условия адыгейско-русского двуязычия.

Список источников

1. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: URSS, 2004. 432 с.

2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков.3-е изд. М.: Физматлит, 2005. 232 с.

3. Блягоз З.У. Двуязычие и культура русской речи. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. 196 с.

4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.

5. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1966. 462 с.

6. Шхапацева М.Х. Сопоставительная грамматика русского и адыгейского языков. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2005. 328 с.

7. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

8. Arkadiev P., Lander Y. The Syntax and Semantics of Non-Finite Verb Forms in Circassian // Nominalization in Languages of the Americas.т–John Benjamins Publishing Company. 2021. P. 121 – 152.

9. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 1138 с.

10. Уракова Ф.К. Лингводидактические основы обучения русскому произношению и интонации в условиях двуязычия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2020. № 4 (268). С. 89 – 95.

11. Lander Y., Testelets Y. Adyghe // The Oxford Handbook of Polysynthesis. Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 948 – 970.

12. Гасанова Р.Х. Лексическая интерференция в русской речи учащихся-адыгейцев: корпусное исследование // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2022. № 2 (289). С. 45 – 52.

13. Кибрик А.А. Дискурсивная структура и порядок слов в полисинтетических языках (на примере адыгейского) // Вопросы языкознания. 2021. № 4. С. 75 – 92.

14. Letuchiy A. Labile verbs in Russian and Adyghe: Towards a typology of transitivity // Lingua. 2019. Vol. 221. P. 37 – 59.

15. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А. Корпус адыгейского языка: принципы разметки и перспективы использования // Труды Института лингвистических исследований РАН. 2020. Т. 16. № 2. С. 250 – 270.

16. Берсирова С.А. Когнитивные аспекты обучения русской связной речи в условиях адыгейско-русского двуязычия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2. С. 615 – 620.

References

1. Shcherba L.V. Language System and Speech Activity. Moscow: URSS, 2004. 432 p.

2. Arakin V.D. Comparative Typology of the English and Russian Languages. 3rd ed. Moscow: Fizmatlit, 2005. 232 p.

3. Blyagoz Z.U. Bilingualism and the Culture of Russian Speech. Maykop: Adygea Republic Book Publishing House, 2017. 196 p.

4. Gak V.G. Comparative Lexicology. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1977. 264 p.

5. Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammar of the Adyghe Language. Krasnodar. Maykop: Adyghe Book Publishing House, 1966. 462 p.

6. Shkhapatseva M.Kh. Comparative Grammar of the Russian and Adyghe Languages. Maykop: Adygea Republic Book Publishing House, 2005. 328 p.

7. Kumakhov M.A. Comparative-Historical Grammar of the Adyghe (Circassian) Languages. Moscow: Nauka, 1989. 384 p.

8. Arkadiev P., Lander Y. The Syntax and Semantics of Non-Finite Verb Forms in Circassian. Nominalization in Languages of the Americas. John Benjamins Publishing Company. 2021. P. 121 – 152.

9. Vinogradov V.V. History of Words. Moscow: Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, 1999. 1138 p.

10. Urakova F.K. Linguodidactic Foundations for Teaching Russian Pronunciation and Intonation in a Bilingual Context. Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2020. No. 4 (268). P. 89 – 95.

11. Lander Y., Testelets Y. Adyghe. The Oxford Handbook of Polysynthesis. Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 948 – 970.

12. Gasanova R.Kh. Lexical Interference in the Russian Speech of Adyghe Students: A Corpus-Based Study. Bulletin of the Adyghe State University. Series: Philology and Art Studies. 2022. No. 2 (289). P. 45 – 52.

13. Kibrik A.A. Discourse Structure and Word Order in Polysynthetic Languages (A Case Study of Adyghe). Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language). 2021. No. 4. P. 75 – 92.

14. Letuchiy A. Labile Verbs in Russian and Adyghe: Towards a Typology of Transitivity. Lingua. 2019. Vol. 221. P. 37 – 59.

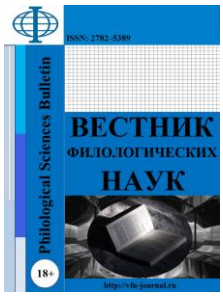
15. Arkadiev P.M., Lander Y.A. The Adyghe Language Corpus: Annotation Principles and Prospects for Use. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies (RAS). 2020. Vol. 16. No. 2. P. 250 – 270.

16. Bersirova S.A. Cognitive Aspects of Teaching Coherent Russian Speech in the Context of Adyghe-Russian Bilingualism. Philological Sciences. Issues in Theory and Practice. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 615 – 620.

Информация об авторах

Уракова Ф.К., *доктор педагогических наук, профессор кафедры предметной и профессиональной подготовки педагога, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, urakova.fatima@mail.ru*

© Уракова Ф.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.531
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-195-202

[1] Семенова А.Л., [1] Сон С., [1] Фарукшина А.А. ***[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет***

Проблема использования неофициально-вежливого стиля речи при обучении корейскому языку

Аннотация: *в данной статье рассматриваются проблемы использования неофициально-вежливого стиля речи при обучении корейскому языку русскоговорящих участников образовательного процесса. Для этого был проведен анализ современных учебных пособий по корейскому языку на предмет теоретических примеров, иллюстрирующих особенности неофициально-вежливого стиля в рамках определенного контекста использования иерархической системы корейского языка. Исследуются грамматические формы для обозначения субъекта действия и ситуативности их использования, сложность перевода на русский язык смежных стилей речи для обучающихся, чей родной язык не является корейским. Следует отметить, что корейская иерархическая система обладает своей спецификой, которая вынуждает использовать отличные друг от друга стили речи для соблюдения учтивости в общении. Однако понимание, своевременное их использование и стилистически верный перевод на русский язык являются недоступными для русскоговорящего обучающегося. Это объясняется недостаточной ситуативностью примеров в современных учебных пособиях по обучению корейскому языку. Соответствующий стиль в той или иной ситуации определяется с помощью верного грамматического окончания в зависимости от статуса собеседников, личности говорящего, слушателя или третьего лица, о котором идет речь. Основываясь на результатах исследования, были выявлены методические рекомендации и рекомендации по классификации форм почтительных обращений, являющихся неотъемлемой частью идентичности неофициально-вежливого стиля речи, на категории, учитывая их сложность и частоту использования.*

Ключевые слова: *корейский язык, неофициально-вежливый стиль, почтительные обращения, обучение корейскому языку, иерархическая система, уважение, речевой этикет*

Для цитирования: Семенова А.Л., Сон С., Фарукшина А.А. Проблема использования неофициально-вежливого стиля речи при обучении корейскому языку // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 195 – 202. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-195-202

Поступила в редакцию: 13 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Semenova A.L., [1] Son S., [1] Farukshina A.A. ***[1] Kazan (Volga region) Federal University***

The problem of using informal-polite style of speech in teaching the Korean language

Abstract: *this article examines the use of informal polite speech in teaching Korean to Russian-speaking students. Actual Korean language textbooks were analyzed for theoretical examples illustrating the features of informal polite speech within the specific context of the Korean language's hierarchical system. Grammatical forms for denoting the subject of an action and the situational context of their use are examined, as well as the difficulty of translating related speech styles into Russian for students whose native language is not Korean. It should be noted that the Korean hierarchical system has its own specific features, which necessitate the use of different speech*

styles to maintain politeness in communication. However, understanding, timely use, and stylistically correct translation into Russian are inaccessible to Russian-speaking students. This is explained by the insufficient contextualization of examples in actual Korean language textbooks. The appropriate style in a given situation is determined by the correct sentence-final ending, depending on the status of the speaker and addressee and the identity of the speaker, listener, or third party being discussed. Based on the research results, methodological recommendations and guidelines were developed for classifying forms of honorifics, which are an integral part of the identity of the informal-polite style of speech, into categories based on their complexity and frequency of use.

Keywords: *the Korean language, informal polite style, honorifics, Korean language teaching, hierarchical system, respect, speech etiquette*

For citation: Semenova A.L., Son S., Farukshina A.A. The problem of using informal-polite style of speech in teaching the Korean language. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 195 – 202. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-195-202

The article was submitted: August 13, 2026; Approved after reviewing: September 18, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена особой, присущей корейскому языку, сложной и тщательно продуманной системой уважения, которая отличается от подобных систем других языков. Данное явление имеет отношение ближе к социальному алгоритму, чем просто к вопросу грамматики, поскольку он должен рассчитывать социальный статус субъекта и объекта, степень близости между говорящим и собеседником и даже уровень формальности ситуации, в которой происходит разговор [4, 10]. В корейских учебниках стоит задача познакомить обучающихся с этой системой речевого этикета и выстроить понимание ее основных принципов уже на начальном уровне. Однако разница языковых культур и этикета препятствуют прямому понимаю особенностей корейской иерархической системы для русскоговорящих участников образовательного процесса [3].

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов использования неофициально-вежливого стиля речи при обучении корейскому языку применялись следующие методы: обзор, изучение, описательный метод и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. С целью выявления методических рекомендаций для языковых направлений и анализа лексических единиц в качестве примеров из учебного пособия применялись методы: метод репрезентативной выборки примеров, морфемный и синтаксический анализ.

Результаты и обсуждения

В учебниках корейского языка, как правило, используется фамильярный стиль 해체 [хэчхе] с добавлением вспомогательной частицы -요 [ё] к окончаниям или с использованием так называемого неофициально-вежливого стиля 해요체 [хэёчхе], который представляет собой форму уважительного обращения к слушателю [9, 10]. Далее рассмотрим примеры использования данных стилей изложения из учебного пособия для изучения корейского языка иностранными студентами Сеульского национального университета уровня 2B [21], поскольку фамильярный стиль речи изучается в основном на 2 уровне.

Если к окончаниям -아 [а] или -어 [о], иллюстрируемым в примере 2, присоединяется частица -요 [ё], выражающая уважение к слушателю, говорящий может донести до оппонента мысль, предполагающую, что слушатель не ниже его по статусу, как в примере 1. Приведенные выше примеры просто и точно иллюстрируют основное различие между двумя стилями – фамильярным и неофициально-вежливым [12]. Однако подобное объяснение грамматических различий между данными стилями может привести к затруднительным для понимания моментам со стороны учащихся, так как в переводе на русский язык данные пример переводятся аналогично. Обучающиеся могут воспринять простое добавление уважительной вспомогательной частицы -요 [ё] к окончанию предложения фамильярного стиля как проявление реального уважения к слушателю.

Сложность корейской системы почтительных обращений заключается не только в том, что она подразделяется в зависимости от того, кто является субъектом действия, кто является фактическим слушателем и,

кто является объектом сказуемого в данном высказывании, но и в том, что ее трудно объяснить одним грамматическим правилом, поскольку эти системы почтительных обращений используются по-разному, как по отдельности, так и в сочетании [13, с. 109]. Это объясняется тем, что, как показано в приведенных выше примерах, данное правило не ограничивается ситуациями, когда почтительные обращения к слушателю используются только с учетом его личности [5, с. 89].

Таблица 1

Примеры предложений в стилях хэёчхе и хэчхэ.

Table 1

Examples of sentences in the haeyoche and haeche speech styles.

№	Стиль речи	Пример	Перевод
1	хэёчхе	극장에 사람이 정말 많네요. [21, с. 21] 같이 커피 마시러 가요. [21, с. 21]	В театре много людей. / Идем пить кофе вместе.
2	хэчхе	극장에 사람이 정말 많네. / 같이 커피 마시러 가.	В театре много людей. / Идем пить кофе вместе.
3	хэёчхе	- 여행 즐거웠어요? - 네, 정말 즐거웠어요. 또 가고 싶어요. [19, с. 159]	- Тебе понравилась поездка? - Да, очень. Хочу поехать снова.
4	хэчхе	- 여행 즐거웠어? - 네, 정말 즐거웠어. 또 가고 싶어.	- Тебе понравилась поездка? - Да, очень. Хочу поехать снова.

В действительности при обучении корейскому языку с использованием учебников необходимо доносить до студентов не только подразделенные характеристики корейской системы почтительных обращений – которые возвышают субъект, объект и слушателя, – но и тот факт, что эти подразделенные характеристики реализуются также в сочетании во время высказывания [8]. Многие современные учебники корейского языка [15-21], посвященные отработке устной речи, не предоставляют учащимся в достаточной мере разнообразных контекстов. Несмотря на то, что это могут быть ограничения, связанные с объемом учебников или нехваткой времени, отведенного на занятие, ограниченность числа контекстов для изучения и проработки обусловлена высокой вероятностью совершения ошибок в следствие чрезмерного изобилия материала для изучения. Это, в свою очередь является препятствием к правильному пониманию и использованию корейской системы почтительных обращений.

Рассмотрим несколько проблем, встречающихся в современных учебниках корейского языка. Большинство учебников в основном описывают беседы между друзьями или коллегами. В таких случаях их разговоры обычно протекают в равноправных отношениях, однако учебники часто представляют эти отношения как беседу, в которой существует иерархия между говорящим и слушающим.

В приведенном диалоге из примера 3 собеседники – друзья примерно одного возраста. Когда говорящий и слушающий являются субъектами примерно одной возрастной категории и принадлежат к одной социальной группе, корейцы обычно используют грамматические формы фамильярного стиля, как показано в примере 4 выше.

Однако в учебниках корейского языка даже в этой ситуации используется вспомогательная частица -요 [ё], так же, как и в примере 3, приведенном выше – говорящий проявил уважение к собеседнику. Однако из данного примера неясно, было ли действительно проявлено говорящим уважение к собеседнику, так как говорящим использовалось лишь частица -요 [ё], которое используется исключительно для ведения повседневных разговоров, чтобы речь звучала ни слишком формально (присуще официальному стилю изложения), ни слишком грубо (характерно для фамильярного стиля изложения) [7]. Если бы целью высказывания являлось выражение уважения к собеседнику, то уместным было бы использование суффикса -시- [си] в составе сказуемого для выражения уважения непосредственно к объекту высказывания [22, с. 193]. Тем не менее, данный грамматический прием не был использован, поэтому данный пример вызывает противоречие: говорящим было выражено уважение к собеседнику как к слушателю, не имеющего прямого отношения к теме разговора, но не как к действующему подлежащему в предложении. Таким образом, в учебниках

корейского языка в основном используется система почтительного обращения, которая учитывает говорящего и собеседника только как слушателя, уделяя мало внимания нюансам контекста разговора.

Теперь рассмотрим другой пример из учебного пособия по корейскому языку университета Соган уровня 2B [18], касающийся системы уважительного отношения, которая учитывает собеседника как слушателя, так и в качестве личности.

Таблица 2

Примеры предложений с использованием уважения к субъекту сказуемого в стиле хэёчхе.

Table 2

Examples of sentences using respect for the subject of the predicate in the haeyoche speech style.

№	Пример	Перевод
1.	- 어렸을 때 스케이트 타는 것을 좋아했어요?	- Тебе нравилось в детстве кататься на коньках?
2.	- 네, 좋아했어요.	- Да, нравилось.
3.	- 요즘도 스케이트 타세요? [18, с. 80]	- Вы и сейчас катаетесь?
4.	다른 분들보다 승진을 빨리 하신 편인데 특별한 방법이 있어요? [20, с. 264]	По сравнению с другими сотрудниками вы достаточно быстро достигли повышения. Есть ли у вас особый способ?
5.	(저기요), 여기 앉아요. [16, с. 67]	(Прошу прощения), присаживайся сюда.
6.	할머니, 여기 앉으세요. [15, с. 35]	Бабушка, присядьте здесь.
7.	- 지금 뭐 하세요? - 산책해요. [17, с. 54]	- Что вы сейчас делаете? - Гуляю.

В примере 1 со стороны говорящего была использована вежливая форма речи, чтобы выразить уважение к собеседнику. Однако в середине разговора неожиданно повысился статус собеседника, так как в примере 3 прослеживается использование суффикса -시- для выражения уважения к действующему подлежащему в предложении несмотря на то, что контекст разговора остался неизменным. Говорящий повысил сказуемое <좋아하다> [чоахада] относительно действия собеседника до уровня <좋아하시다> [чоахасида]. В этой ситуации говорящему нет необходимости проявлять уважение к слушателю, так как в подобной ситуации сложно представить то, как друзья говорят уважительным тоном между собой. Даже среди носителей корейского языка часты случаи, когда люди, сталкивающиеся с подобной проблемой подбора стилей и форм речи, нередко используют сочетание уважительного суффикса -시- [си] с окончанием -아요 [аё] / 어요 [оё] вместо окончания неофициально-вежливого стиля, когда не требуется уважительное обращение к подлежащему [14]. Это также является ошибкой, ведущей к неправильному использованию родного языка его же носителями.

Пример 4 – одна самых частых ошибок в системе почтительных обращений к подлежащему, которая часто встречается даже в средах, где корейский язык является родным. В примере 4, который был взят из беседы между интервьюером и уважаемым сотрудником компании, уходящим на пенсию, говорящий (интервьюер) имеет более низкий ранг. В данной ситуации следовало бы использовать как уважительное обращение к слушателю, так и уважительные обращения к подлежащему. Однако, поскольку они к подлежащему не были использованы для сказуемого <있어요> [иссоё] в виде <있으세요> [иссысеё], в результате к почтенному сотруднику не было выражено должное уважение [6].

Помимо ошибок, допускаемых носителями корейского языка, существуют системы почтительных обращений, которые учащиеся должны изучать и использовать осознанно в процессе обучения корейскому языку. Далее представлены примеры учебников университета Кёнхи [15, 16], иллюстрирующие разницу между неофициально-вежливым стилем изложения и его сочетанием с уважительным обращением к подлежащему.

Примеры 5 и 6 выше похожи тем, что используется вспомогательная частица -요 [ё]. Однако в примере 5 слушатель не может быть выше говорящего по рангу или статусу при использовании данной частицы. В примере 6 же приведена ситуация, когда участников разговора разделяют социальные и возрастные условия. Говорящий обращается к человеку пожилого возраста – окончание предложения должно включать в себя уважительную к субъекту морфему. Слушатель должен быть возвышен, поскольку в большинстве ситуаций считается менее уместным сказать бабушке: <할머니, 여기 앉아요.> (Бабушка, присаживайся сюда.), несмотря на то что данное обращение будет приемлемо в рамках стилистики русского языка [1, 2]. Сравнивая данные примеры, приведенные выше, мы видим, что добавление частицы -요 [ё] не позволяет в полной мере возвысить слушателя и проявить к нему уважение. Как и в примере в 6, уважение часто проявляется через уважительный суффикс -시- [си], который в неофициально-вежливом стиле приобретает форму –세요 [сеё].

В то же время имеет место противоречие ранее описанному правилу. Корейские учебники допускают ошибку, утверждая, что формы -아요 [аё] / 어요 [оё] нельзя использовать по отношению к человеку более высокого ранга. Такое допущение возможно, например, в отношении членов семьи или между коллегами разных возрастов [11]. В подобных ситуациях при изучении корейского языка желательно представлять в учебниках примеры того и иного случая использования, сочетающиеся с уважительными окончаниями, чтобы учащиеся могли их распознавать и понимать.

Мы рассмотрели проблемы, присущие неофициально-вежливому стилю. Исходя из этого, можно заключить, что наиболее важным аспектом обучения данному стилю с использованием корейских учебных пособий является не только учет собеседника в системе уважительных обращений, но и обязательное рассмотрение того, кто является субъектом речевого акта во время разговора. Следовательно, мы можем заключить, что создание образов в разговоре, где иерархические отношения между говорящим и слушателем неясны, недостаточно для понимания неофициально-вежливого стиля. Желательным является усвоение данного стиля при очевидных иерархических отношениях между говорящим и слушателем, где слушатель занимает более высокое положение, чем говорящий.

В примере 7 оппонент говорящего не только слушатель, но и субъект – человек, которого следует уважать, поэтому говорящий использует уважительный к субъекту стиль «хэёчхе» с окончанием -세요 [сеё]. В ответе примера 7 собеседник использует частицу -요 [ё], чтобы выразить уважение к слушателю; однако, поскольку собеседник сам является субъектом сказуемого, он не сочетает почтительную морфему с конечным окончанием предложения.

При использовании неофициально-вежливого стиля учащимся необходимо четко разъяснять разницу между употреблением грамматических частиц, относящихся к действиям других лиц (как показано в вопросе примера 7), и предикатов, относящихся к собственным действиям (как показано в ответе примера 7). Непонимание этого различия ведет к ошибкам: например, к пропуску показателя вежливости -시- [си] по отношению к субъекту действия там, где он необходим, или же к его ошибочному присоединению к предикатам, описывающим собственные действия.

Выводы

Неофициально-вежливый стиль хэёчхе занимает значительную часть преподавания корейского языка. Поэтому вполне естественно, что учебники по корейскому языку составляются с упором на этот стиль. Тем не менее, тот факт, что учащиеся, изучавшие стиль хэёчхе все еще допускают ошибки при использовании этой системы обращения, говорит о проблеме в том, как диалоги, относящиеся к этому разделу, представлены в учебниках. В связи с этим были изучены данные вопросы и результаты можно резюмировать следующим образом:

Во-первых, при представлении диалогов в неофициально-вежливом стиле в учебниках по корейскому языку целесообразно вводить и обучать сложным формам, которые сочетают неофициально-вежливый стиль изложения с уважительным обращением к подлежащему (-세요), прежде чем переходить к формам без них. Это связано с тем, что стиль хэйочхе – неотъемлемая часть системы обращения, основанной на уважении к слушателю. С этой целью следует избегать разговорного стиля, встречающегося в современных учебниках, в котором в основном используются -아요 [аё] / 어요 [оё].

Во-вторых, в обучении необходимо различать случаи, когда субъектом действия является слушатель, говорящий или третье лицо. Поскольку стиль, рассматриваемый нами стиль в основе своей, предполагает проявление уважения к слушателю, контекст диалога должен быть установлен исходя из предположения, что слушатель и третье лицо занимают более высокое положение, чем говорящий, и это должно быть отражено в диалогах в учебнике.

В-третьих, система почтительных обращений гораздо сложнее, чем другие грамматические категории. Поэтому целесообразно сначала разделить систему на подкатегории и представить их, учитывая такие факторы, как «сложность» и «частота использования» для каждой подкатегории. Например, в зависимости от получателя уважительных обращений, их следует сначала разделить на субъектные, объектные и обращения, направленные на слушателя, и для каждого уровня следует представить определенный порядок их расположения.

Список источников

1. Айгенграу Д.Б. О формах и степенях вежливости в корейском и русском языках // III Костомаровский форум. Язык и культура: взгляд молодых. 2023. С. 24 – 30.
2. Ан Дэсеоб. Выражение вежливости в русском и корейском языках // Филология: научные исследования. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-vezhlivosti-v-russkom-i-koreyskom-yazykah (дата обращения: 30.05.2026).
3. Ким Хван, Ден А., Кагирова В. К вопросу о правильном понимании выражений вежливости в современном корейском языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2023. № 205. С. 89 – 96.
4. Кым Джантэ. Конфуцианство в Корее / Перевод: Ко Ен Чоль, Д.Е. Мартынов. Казань: издательство Казанского университета; 2022. 182 с.
5. Манеры нашей речи. Чосонский национальный институт корейского языка. Газета «Чосон ильбо», 1991. 112 с.
6. Мирзиева Л.Р., Семенова А.Л. Культурно-прагматический аспект вежливого отказа в китайском и корейском языках // Казанский лингвистический журнал. 2026. № 9 (2). С. 272 – 280.
7. Окладникова Л.В. Проблема универсальности вежливости // Известия БГУ. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-universalnosti-vezhlivosti (дата обращения: 20.06.2026).
8. Попова М.И., Семенова А.В. Анализ современного учебного пособия по корейскому языку и его влияние на языковое и межкультурное образование // Развитие социально-устойчивой инновационной среды непрерывного педагогического образования. 2021. С. 173 – 175.
9. Тюрина С.Ю. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // Вестник ИГЭУ. 2008. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-vezhlivosti-v-delovom-obschenii (дата обращения: 21.06.2026).
10. Хан Н.Ч. Особенности системы вежливости в корейском языке // Кореееведение Казахстана. 2015. № 3. С. 110 – 118.
11. Чжу С., Ко Е. Особенности речевого этикета в корейском языке // Казанский вестник молодых учёных. 2020. Т. 4. № 2. С. 87 – 91.
12. Юдичева Е.Ю. Специфика вежливости в корейском языке и ее категории // Кореееведение в России: направление и развитие. 2022. № 2. С. 30 – 34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vezhlivosti-v-koreyskom-yazyke-i-ee-kategorii (дата обращения: 23.05.2026).
13. Jae Jung Song. The korean language: structure, use and context. L.; N.Y.: Taylor & Francis e-Library, 2006. 185 c.
14. Lukman K., H. Ryu Korean Honorificsin Flux: A Case Study of Seoul National University LEI Textbooks // Acta Linguistica Asiatica. 2023. № 13 (2). P. 88 – 112.
15. 경희대학교 국제교육원. 경희 한국어 초급 2: 읽고 쓰기. 서울: 경희대학교 출판문화원, 2020. 180 c.
16. 경희대학교 국제교육원. 경희 한국어 중급 1: 듣고 말하기. 서울: 경희대학교 출판문화원, 2020. 162 c.
17. 서강대학교 한국어교육원. 서강 한국어 1B Student’s Book. 서울: 서강대학교 한국어교육원 출판부, 2024. 208 c.
18. 서강대학교 한국어교육원. 서강 한국어 2B Student’s Book. 서울: 서강대학교 한국어교육원 출판부, 2024. 216 c.
19. 서울대학교 언어교육원. 서울대 한국어 1B Student’s Book. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 243 c.

20. 서울대학교 언어교육원. 서울대 한국어 2B Student's Book. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 275 с.

21. 서울대학교 언어교육원. 서울대 한국어 2B Workbook. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 211 с.

22. 이익섭, 이상억, 채완. 한국의 언어. 서울: 신구문화사, 2001. 239 с.

References

1. Aigengrau D.B. On the Forms and Degrees of Politeness in the Korean and Russian Languages. III Kostomarov Forum. Language and Culture: A Youth Perspective. 2023. P. 24 – 30.

2. Ahn Dae-seob. The Expression of Politeness in the Russian and Korean Languages. Philology: Scientific Research. 2019. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-vezhlivosti-v-russkom-i-koreyskom-yazykah (accessed: 30.05.2026).

3. Kim Hwan, Den A., Kagirova V. On the Proper Understanding of Politeness Expressions in Modern Korean. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2023. No. 205. P. 89 – 96.

4. Keum Jang-tae. Confucianism in Korea. Translated by Ko Young-chul and D.E. Martynov. Kazan: Kazan University Press; 2022. 182 p.

5. Manners in Our Speech. The National Institute of the Korean Language (Joseon). «Chosun Ilbo» newspaper, 1991. 112 p.

6. Mirzieva L.R., Semenova A.L. The Cultural-Pragmatic Aspect of Polite Refusal in the Chinese and Korean Languages. Kazan Linguistic Journal. 2026. No. 9 (2). P. 272 – 280.

7. Okladnikova L.V. The Problem of the Universality of Politeness. Izvestia BSU. 2009. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-universalnosti-vezhlivosti (accessed: 20.06.2026).

8. Popova M.I., Semenova A.V. Analysis of a modern Korean language textbook and its impact on linguistic and intercultural education. Development of a socially sustainable innovative environment for continuous pedagogical education. 2021. P. 173 – 175.

9. Tyurina S.Yu. Discursive markers of politeness in business communication. Bulletin of ISPU (Ivanovo State Power University). 2008. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-markery-vezhlivosti-v-delovom-obschenii (accessed: 21.06.2026).

10. Khan N.Ch. Features of the politeness system in the Korean language. Korean Studies in Kazakhstan. 2015. No. 3. P. 110 – 118.

11. Zhu S., Ko E. Features of speech etiquette in the Korean language. Kazan Bulletin of Young Scientists. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 87 – 91.

12. Yudicheva E.Yu. Specifics of politeness in the Korean language and its categories. Korean Studies in Russia: Directions and Development. 2022. No. 2. P. 30 – 34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-vezhlivosti-v-koreyskom-yazyke-i-ee-kategorii (accessed: 23.05.026).

13. Jae Jung Song. The Korean language: structure, use and context. L.; N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2006. 185 p.

14. Lukman K., H. Ryu Korean Honorificsin Flux: A Case Study of Seoul National University LEI Textbooks. Acta Linguistica Asiatica. 2023. No. 13 (2). P. 88 – 112.

15. 경희대학교 국제교육원. 경희 한국어 초급 2: 읽고 쓰기. 서울: 경희대학교 출판문화원, 2020. 180 p.

16. 경희대학교 국제교육원. 경희 한국어 중급 1: 듣고 말하기. 서울: 경희대학교 출판문화원, 2020. 162 p.

17. 서강대학교 한국어교육원. 서강 한국어 1B Student's Book. 서울: 서강대학교 한국어교육원 출판부, 2024. 208 p.

18. 서강대학교한국어교육원. 서강 한국어 2B Student's Book. 서울: 서강대학교 한국어교육원 출판부, 2024. 216 p.

19. 서울대학교 언어교육원. 서울대 한국어 1B Student's Book. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 243 p.

20. 서울대학교언어교육원. 서울대 한국어 2B Student's Book. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 275 p.

21. 서울대학교 언어교육원. 서울대 한국어 2B Workbook. 서울: TWOPONDS Co., Ltd, 2013. 211 p.

22. 이익섭, 이상억, 채완. 한국의 언어. 서울: 신구문화사, 2001. 239 p.

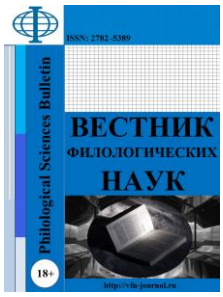
Информация об авторах

Семенова А.Л., *институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского Федерального университета (КФУ), AdeLSemenova@kpfu.ru*

Сон С., *институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского Федерального университета (КФУ), SSon@kpfu.ru*

Фарукшина А.А., *институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского Федерального университета (КФУ), AdeAFarukshina@kpfu.ru*

© Семенова А.Л., Сон С., Фарукшина А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.19
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-203-208

[1] Хованова Е.В.

[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Лексические средства эмоционального воздействия в рекламном дискурсе российских банков

Аннотация: *на смену традиционным рационально-консервативным подходам к рекламированию банковских продуктов и услуг приходят высокоэмоциональные клиентоориентированные кампании, предполагающие использование особых лексических средств. Целью работы является анализ лексических средств эмоционального воздействия, используемых в видеорекламе ведущих российских банков (Сбер, Альфа-Банк, ВТБ) 2025-2026 годов. Для исследования рекламных материалов был применен комплексный подход, включающий описательный метод для фиксации и систематизации лексических средств, сопоставительный анализ для выявления общих закономерностей, коммуникативно-прагматический анализ, раскрывающий реализацию прагматических задач рекламных сообщений банков. В статье проанализированы три ключевые группы лексических средств эмоционального воздействия: оценочно-мелиоративная лексика, включающая единицы с сильной положительной коннотацией; лексические тропы, выполняющие образно-усилительную функцию; лексические инновации и заимствования, обеспечивающие эффект новизны и преодоление дистанции. Автор отмечает размывание границ официального банковского рекламного дискурса, показывает значимость выделенных группы лексических средств для построения ярких образов брендов, формирования ощущения комфорта и безопасности от использования сервисов, развития коммуникации с молодой аудиторией. Полученные выводы могут быть использованы для разработки рекламных материалов коммерческих банков в контексте происходящих изменений.*

Ключевые слова: *банковский рекламный дискурс, эмоциональное воздействие, оценочно-мелиоративная лексика, лексические тропы, лексические заимствования*

Для цитирования: Хованова Е.В. Лексические средства эмоционального воздействия в рекламном дискурсе российских банков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 203 – 208. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-203-208

Поступила в редакцию: 14 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Khovanova E.V.

[1] Plekhanov Russian University of Economics

Lexical means of emotional impact in the advertising discourse of Russian banks

Abstract: *traditional rational and conservative approaches to advertising banking products and services are being replaced by highly emotional, customer oriented campaigns that involve the use of specific lexical means. The aim of the work is to analyse the lexical means of emotional impact used in video advertising by leading Russian banks (Sber, Alfa Bank, VTB) in 2025-2026. To study advertising materials, complex approach was applied, including descriptive method for recording and systematizing lexical means, comparative analysis to identify common patterns, and communicative pragmatic analysis to reveal pragmatic goals of bank advertising messages. The author analyzes*

three key groups of lexical means of emotional impact: evaluative and meliorative vocabulary, which includes units with strong positive connotation; lexical tropes that perform figurative and intensifying function; lexical innovations and borrowings that create sense of novelty and overcome distance. The author notes the blurring of the boundaries of official banking advertising discourse and highlights the significance of the identified groups of lexical means for building vivid brand images, creating sense of comfort and safety when using services, and developing communication with younger audience. The results can be used to develop advertising materials for commercial banks in the context of the ongoing changes.

Keywords: *banking advertising discourse, emotional impact, evaluative and meliorative vocabulary, lexical tropes, lexical borrowings*

For citation: Khovanova E.V. Lexical means of emotional impact in the advertising discourse of Russian banks. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 203 – 208. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-203-208

The article was submitted: August 14, 2026; Approved after reviewing: September 19, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Российская банковская система за последние пять лет сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными ведением санкционных ограничений, новых регуляторных требований, резким изменением ключевой ставки, переходом от классической к цифровой модели предоставления банковских услуг [4, 13]. Это значительным образом влияет на изменение рекламных приоритетов с учетом новых банковских продуктов и клиентского опыта. В условиях жесткой борьбы банки вынуждены использовать высококреативные, нестандартные приемы в видеорекламе для удержания клиентов.

Банковская реклама, с одной стороны, относится к категории продвижения с повышенными репутационными рисками. Финансовые продукты и услуги (кредиты, депозиты, инвестиции) отличаются высокой сложностью и требуют детального разъяснения. Ключевым элементом банковского дискурса выступает доверие [12]. Потребитель доверяет банку свои сбережения и финансовую безопасность, поэтому коммуникация должна быть надежной и прозрачной. С другой стороны, банковский сектор характеризуется сверхвысокой конкуренцией и строгим государственным регулированием, что существенно сужает арсенал стандартных рекламных инструментов [3, 13].

В рекламной коммуникации банки изначально формировали образ стабильности и институционального доверия через традиционные визуальные и вербальные коды. Однако в условиях информационного перенасыщения аудитории рациональные стратегии построения аргументации теряют эффективность. На первый план выходит построение эмоциональной связи с клиентом. Как отмечают Костин К.Б., Мамедова Л.Э. и Ленская В.А., подсознание человека крайне восприимчиво к эмоциям, поэтому рекламные ролики часто основаны на чувствах. Неосознанно начинается процесс привязки эмоций к продуктам, услугам, бренду или бизнесу [6]. Эмоциональное воздействие в рекламе формирует внутреннее убеждение в необходимости приобретения финансовой услуги.

Рекламный дискурс традиционных банков носит мультимодальный характер, выражающийся в параллельном использовании нескольких семиотических модусов (например, речи, письма, изображений, жестов и др.) [12]. Использование языковых средств является одним из ключевых факторов эмоционального воздействия, т.к. они позволяют представить абстрактные финансовые концепты в виде запоминающихся образов [10].

Проблематика заявленной темы связана с возникающим противоречием между жесткими регулятивными ограничениями, требованиями к достоверности, юридической точности и прозрачности, с одной стороны, и необходимостью использования ярких, эмоционально-экспрессивных лексических средств для привлечения внимания аудитории, с другой. Целью работы является анализ лексических средств эмоционального воздействия, используемых в видеорекламе ведущих российских банков 2025-2026 годов. Данная цель достигается путем последовательного решения задач: обобщить теоретические подходы к анализу эмоционального воздействия в рекламном дискурсе, представить классификацию лексических средств эмоционального воздействия, проанализировать видеорекламу ведущих российских банков (Сбер, Альфа-Банк, ВТБ) за 2025-2026 гг., определить лексические средства, используемые банками для эмоционального воздействия на аудиторию.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили видеоролики трех ведущих системно значимых российских банков (Сбер, ВТБ, Альфа-Банк) за 2025-2026 годы. Методом сплошной выборки было отобрано 15 единиц по 5 роликов каждого банка. Анализировались следующие материалы Сбер: «Дотянуться до мечты» (2025), «Где всё возможно» (2025), «Приложение Сбера» (2025), «Улыбайтесь чаще» (2025) и «Иззи бизнес» (2026); материалы ВТБ: «Три Мушкетёра» (2026), «Мёртвые души» (2025), «Пиковая дама» (2025), «12 стульев» (2025), «Преступление и наказание» (2025); материалы Альфа-Банка: «Туда-сюда» (2025), «Не смотри» (2026), «Это не игрушки (2026), «Альфа-Онли» (2026), новогодняя реклама (2025).

Для исследования рекламных материалов был применен комплексный подход, включающий описательный метод для фиксации и систематизации лексических средств, сопоставительный анализ для выявления общих закономерностей, коммуникативно-прагматический анализ, раскрывающий реализацию прагматических задач рекламных сообщений банков.

Аспекты эмоционального воздействия рекламы раскрываются в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Общие механизмы речевого воздействия и функционирования рекламных сообщений описаны А.Р. Рюковой [10], рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии, и тактики рекламы раскрываются в работе С.В. Оленева, Л.С. Тихомировой и К.В. Пермяковой [9]. Особенности речевого воздействия в интернет-рекламе изучались Е.В. Сергеевой и Ву Хонг Нгок. Авторы показывают усиление воздействия рекламного сообщения через эмоциональные аргументы, подкрепляющиеся эмотивной и положительной оценочной лексикой. В работе подчеркивается важность баланса между логической информативностью и эмоциональностью [11].

Т.Е. Алексеева и Л.Н. Федосеева фокусируются на рекламных слоганах и выделяют лексические, синтаксические и фонетические выразительные средства, позволяющие сделать их более привлекательными и запоминающимися [1]. Роль лексических новообразований (неологизмов, окказионализмов, англицизмов) как маркеров современности и престижа бренда обоснована в исследовании А.М. Хилана [14]. Экспрессивный потенциал повторов как фактор эмоционального вовлечения обоснован А. Р. Бодулевой [2].

Диапазон средств эмоционального рекламного воздействия, представленный в работах исследователей достаточно широк: гендерно-маркированная экспрессивность [7], культурно-специфические стилистические приемы репрезентации эмотивности [5], кликбейтные стратегии (вводящие в заблуждение или сенсационные заголовки для привлечения внимания) [15], стилистическое использование эмодзи в убеждающей коммуникации [16]. В статье К.Б. Костина, Л.Э. Мамедовой и В.А. Ленской анализируется совершение импульсивных покупок под влиянием эмоций Авторы раскрывают влияние рекламной информации на психологическое состояние аудитории, предлагают способы оптимального транслирования рекламы потенциальным потребителям [6].

Отдельного внимания заслуживают работы, в которых представлены средства эмоционального воздействия в рекламном дискурсе банков. О.А. Синиченко и А.П. Ерофеева фокусируются на ключевых особенностях и инструментах, используемых коммерческими банками при рекламе своих продуктов и услуг [12]. Семиотические особенности репрезентации брендов традиционных банков и необанков раскрыты Я.В. Сидоренко [12]. Несмотря на наличие значительного массива публикаций, лексические средства эмоционального воздействия в рекламном банковском видеодискурсе 2025-2026 гг. не подвергались комплексному лингвистическому анализу.

Анализ литературы позволил выделить три ключевых группы лексических средств эмоционального воздействия. Во-первых, оценочно-мелиоративная лексика, включающая единицы, выражающие положительное эмоционально-оценочное отношение говорящего, слова с сильной положительной коннотацией [2, 8]. Во-вторых, лексические тропы (метафоры, эпитеты, гиперболы, оксюмороны), выполняющие образно-усилительную функцию [1]. В-третьих, лексические инновации и заимствования (неологизмы, англицизмы, разговорная лексика и молодежный сленг), обеспечивающие эффект новизны и преодоление дистанции [14].

Результаты и обсуждения

Проанализируем лексические средства эмоционального воздействия в конкретных рекламных материалах банков, на основе выделенных в теоретической части групп. Рассмотрим конкретные лексические маркеры (примеры из видеороликов) и их прагматическую функцию в рекламном дискурсе.

Оценочно-мелиоративная лексика. Данный пласт лексики в банковском рекламном дискурсе направлен на формирование ощущения комфорта, безопасности и мгновенного удовольствия от использования сервисов. В рекламе обновленного приложения Сбер активно использует утилитарные и психологические оцен-

ки для репрезентации легкости бытия. Например, *«быстро получил помощь», «заправился, не выходя из машины – легко», –* оценка безопасности и оперативного решения проблем. Через использование лексемы *«легко»* минимизируется когнитивная сложность финансовых процессов. В рекламе терминалов оплаты эмоция радости передается напрямую через лексику здоровья и счастья: *«Улыбайтесь чаще. Плати самым безопасным способом – улыбкой»*. Мы можем выделить выражения с положительной коннотацией, апеллирующие к духовной самореализации адресата: *«Мечтать совсем не сложно», «дотянуться до мечты»*; мелиоративные побудительные стимулы личностного и карьерного роста: *«смелей», «расти быстрее»*, а также конструкцию, подчёркивающую исключительность премиального пакета услуг: *«роскошный максимум»*.

Альфа-Банк фокусируется на рациональном концепте выгоды. *«Выгодно»/«Альфа-выгодно»* – эмоционально-оценочные лексемы, выражающие высшую степень полезности. *«Лучший банк для бизнеса»* – превосходная степень, транслирующая престиж и лидерство банка. *«Премиальный статус»/«безупречный сервис»* – ценностно-маркированная лексика элитарности и высокого социального статуса. Можно отметить снижение рационального барьера через усиление гедонистических мотивов потребления.

ВТБ опирается на оценки надежности и безопасности: *«ВТБ – это надежно», «верное решение», «выгодные вклады».* В рекламе ВТБ используются интеллектуально-оценочные лексемы, подчеркивающие простоту и технологическое превосходство финансовых инструментов *(«Гениально!»/«гениальное решение»);* мелиоративная лексема *«надёжно»*, формирующая доверие, выступающее фундаментальным концептом банковского дискурса; разговорная мелиоративная лексема с яркой положительной коннотацией одобрения *«молодец»;* возвышенная оценочная лексика, апеллирующая к этическим ценностям *(«честь»/«спасти честь королевы»)*

Лексические тропы выполняют образно-усилительную функцию, создают яркие визуальные и концептуальные ассоциации у аудитории, снижая критичность восприятия банковской рекламы. Например, метафорические эпитеты, описывающие целеустремленного человека *«горящим, настоящим»* (Сбер), гиперболизированный эпитет, искусственно повышающий значимость продукта эпитеты *«легендарную кредитную карту»* (Альфа-Банк), ироничный архаичный эпитет в диалоге Остапа Бендера *«дражайший»* (ВТБ), отрицательно-оценочный эпитет, противопоставляемый безопасной карте *«сомнительных денег»* (ВТБ).

В имиджевом гимне Сбера «Где всё возможно» используется развернутая метафора света и огня, символизирующая внутреннюю энергию корпорации, созидание и технологическое просвещение: *«свет в глазах твоих отражается», «Сбер будто огонь, что горит всё сильнее», «видим тебя горящим». «ВТБ – это классика»,* метафора-символ, связывающая образ банка с вечными культурными ценностями русской литературы.

Гиперболы применяются для преувеличения уникальности продукта в рекламе всех проанализированных банков. Например, у Сбера для обозначения космических масштабов и гиперболизации технологического развития *(«Эпицентре возможностей»/«запуска новых реальностей»)*. Альфа-Банка использует количественную гиперболу, стимулирующую импульсивный потребительский спрос: *«Суперкэшбэк до 100% на покупки…»* и временную гиперболу для премиального обслуживания *(«Безупречный сервис навсегда»*). В рекламе ВТБ используется драматическая гипербола для усиления важности своевременного получения кредитной карты *(«Судьба любимой и королевство висит на волоске»)*.

Лексические инновации и заимствования активно используются для привлечения молодой аудитории, что размывает границы официального банковского рекламного дискурса. Необходимо отметить активное использование разговорной лексики и молодежного сленга, например разговорной ритмизованной конструкции, символизирующей простоту оборота денег *«туда-сюда»* (Альфа-Банк); разговорные глаголы, подчеркивающие динамику, свободу и легкость *«забронил»/«сорвался»* (Сбер); молодежный сленг, выражающий уверенность в успехе «*любой проект затащим»* (Сбер).

Сбер в рекламе премиальной карты использует *«Иззи бизнес»* (от английского easy – легко) для разрушения стереотипа о «тяжелом» ведении бизнеса. В текстах Сбера можно отметить лексемы *«визионер», «забронил отель».* В рекламе всех трех банков встречается заимствование, ассоциирующееся с мгновенной гедонистической выгодой *«кэшбэк» («Суперкэшбэк до 100%» «кэшбэк рублями», «с кэшбэком до 50% бонусами»).* Альфа-Банк использует окказиональные композиты для создания яркого образа и повышения узнаваемость бренда *(«Альфа-карта», «Альфа-выгодно»).*

Выводы

Анализ рекламных материалов трех ведущих системно значимых российских банков (Сбер, ВТБ, Альфа-Банк) за 2025-2026 показал, что традиционный рационально-консервативный подход к рекламированию банковских продуктов и услуг уступает место высокоэмоциональным стратегиям, реализующимся через использование особых лексических средств, сокращающих дистанцию с аудиторией.

Оценочно-мелиоративная лексика позволяет банкам сформировать ощущения комфорта и безопасности от использования сервисов и снизить страх перед технологической сложностью. Для построения ярких образов в рекламе банков используются лексические тропы, выполняющие образно-усилительную функцию. Лексические инновации и заимствования обеспечивают эффект новизны, подчеркивают инновационность брендов и способствуют построению коммуникации с молодой аудиторией.

Научная новизна работы заключается в описании лексических средств эмоционального воздействия в рекламе российских банков с использованием актуального эмпирического материала 2025-2026 годов. Направление дальнейших исследований связано с расширением эмпирической базы с акцентом на традиционные банки и цифровые необанки в контексте происходящих изменений рынка и клиентского опыта.

Список источников

1. Алексеева Т.Е., Федосеев Л.Н. Средства выразительности и их функции в англоязычных рекламных слоганах автомобилей // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 2. С. 35 – 44.
2. Бодулева А.Р. Экспрессивный потенциал повтора в научном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 1 (116). С. 338 – 342.
3. Бут А.А. Реклама банковских услуг: состояние, проблемы, направления совершенствования // Вестник науки. 2025. № 2 (83). С. 11 – 18.
4. Голикова О.А. Цифровизация банковской отрасли: основные направления трансформации и современные тренды // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. 2024. № 3 (11) С. 60 – 72. DOI:10.24412/2782-4845-2024-11-60-72.
5. Егорова Л.А., Рябова М.Э., Эльясов А.А. Стилистические особенности выражения эмотивности в социальной рекламе современного медиапространства // Политическая лингвистика. 2025. № 1 (109). С. 118 – 126.
6. Костин К.Б., Мамедова Л.Э., Ленская В.А. Влияние рекламы на формирование эмоционального потребительского спроса // Креативная экономика. 2024. № 6. С. 1487 – 1510. DOI: 10.18334/ce.18.6.121092.
7. Кудрявцева М.В. Экспрессивность рекламного текста в контексте гендера // Язык и текст. № 12 (3). С. 5 – 16. URL: https://doi.org/10.17759/langt.2025120301.
8. Николаев С.Г., Доля А.Б. Семантический параметр мелиоративности/пейоративности как эмоционально-оценочная основа этнических стереотипов в английском языковом сознании // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3 (99). С. 94 – 98.
9. Оленев С.В., Тихомирова Л.С., Пермяков К.В. Рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии, и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевых журналов // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 5. С. 205 – 223. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-205-223.
10. Рюкова А.Р. Языковые средства воздействия в рекламном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2021. № 4. С. 1049 – 1056.
11. Сергеева Е В., Ву Хонг Нгок Особенности речевого воздействия в интернет-рекламе образовательных услуг // Медиалингвистика. № 8 (1). С. 71 – 82. URL: https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.106.
12. Сидоренко Я.В. Семиотический аспект рекламы для бизнеса от традиционных банков и необанков // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 3. С. 28 – 56. DOI: 10.55959/msu.vestnik. journ.3.2025.2856.
13. Синиченко О.А., Ерофеева А.П. Реклама банковских услуг: анализ особенностей и инструментов // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 1 (45). С. 37 – 41.
14. Хилан А.М. Лексические новообразования в языке рекламы // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4 (52). С. 102 – 111.
15. Ma Q., Wang S., Yan M., Yao Yu., Yao L. When headlines betray: The emotional cost of clickbait advertising on purchase intention. Journal of Retailing and Consumer Services. Volume 93. 2026. 104962. URL: https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2026.104962.
16. Luo Y, Liao J., Zhang W., Guan S., Xu Z. Emotional or semantic persuasion? Delivery receipt design through emoji and S-O-R paradigm. International Journal of Hospitality Management. Volume 138. 2026. 104723. URL: https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2026.104723.

References

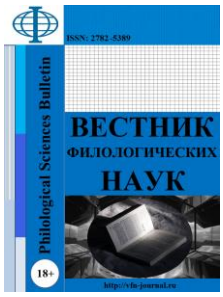
1. Alekseeva T.E., Fedoseev L.N. Expressive Means and Their Functions in English-Language Automotive Advertising Slogans. PNRPU Bulletin. Issues in Linguistics and Pedagogy. 2022. No. 2. P. 35 – 44.

2. Boduleva A.R. The Expressive Potential of Repetition in Scientific Texts. World of Science, Culture, and Education. 2026. No. 1 (116). P. 338 – 342.
3. But A.A. Advertising of Banking Services: Current State, Challenges, and Avenues for Improvement. Bulletin of Science. 2025. No. 2 (83). P. 11 – 18.
4. Golikova O.A. Digitalization of the Banking Sector: Key Transformation Areas and Modern Trends. EFO: Economics, Finance, Society. 2024. No. 3 (11). P. 60 – 72. DOI: 10.24412/2782-4845-2024-11-60-72.
5. Egorova L.A., Ryabova M.E., Elyasov A.A. Stylistic Features of Expressing Emotivity in Social Advertising within the Modern Media Space. Political Linguistics. 2025. No. 1 (109). P. 118 – 126.
6. Kostin K.B., Mamedova L.E., Lenskaya V.A. The Influence of Advertising on the Formation of Emotional Consumer Demand. Creative Economy. 2024. No. 6. P. 1487 – 1510. DOI: 10.18334/ce.18.6.121092.
7. Kudryavtseva M.V. Expressiveness of Advertising Text in the Context of Gender. Language and Text. No. 12 (3). P. 5 – 16. URL: https://doi.org/10.17759/langt.2025120301.
8. Nikolaev S.G., Dolya A.B. The Semantic Parameter of Meliorativity/Pejorativity as an Emotional-Evaluative Basis for Ethnic Stereotypes in the English Linguistic Consciousness. Scientific Thought of the Caucasus. 2019. No. 3 (99). P. 94 – 98.
9. Olenev S.V., Tikhomirova L.S., Permyakov K.V. Rational and Emotional Communicative Strategies and Tactics of Advertising in the Discourse of Russian Glossy Magazines. Scientific Dialogue. 2025. Vol. 14. No. 5. P. 205 – 223. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-205-223.
10. Ryukova A.R. Linguistic Means of Influence in Advertising Discourse. Bulletin of Bashkir University. 2021. No. 4. P. 1049 – 1056.
11. Sergeeva E.V., Vu Hong Ngoc. Features of Verbal Influence in Online Advertising for Educational Services. Medialinguistics. No. 8 (1). P. 71 – 82. URL: https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.106.
12. Sidorenko Ya.V. The Semiotic Aspect of Advertising for Business: Traditional Banks vs. Neobanks. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. 2025. No. 3. P. 28 – 56. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.3.2025.2856.
13. Sinichenko O.A., Erofeeva A.P. Advertising of Banking Services: An Analysis of Features and Tools. Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2025. No. 1 (45). P. 37 – 41.
14. Khilan A.M. Lexical Neologisms in the Language of Advertising. Proceedings of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and Social Sciences. 2025. No. 4 (52). P. 102 – 111.
15. Ma Q., Wang S., Yan M., Yao Yu., Yao L. When headlines betray: The emotional cost of clickbait advertising on purchase intention. Journal of Retailing and Consumer Services. Volume 93. 2026. 104962. URL: https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2026.104962.
16. Luo Y., Liao J., Zhang W., Guan S., Xu Z. Emotional or semantic persuasion? Delivery receipt design through emoji and S-O-R paradigm. International Journal of Hospitality Management. Volume 138. 2026. 104723. URL: https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2026.104723.

Информация об авторах

Хованова Е.В., *кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Стремянный пер., 36, Khovanova.EV@rea.ru*

© Хованова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.77:070
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-209-213

[1] Красильникова А.М., [1] Шакурова А.Р. ***[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет***

Модели сегментации и вовлечения аудитории на музыкальном телеканале в условиях постмедийной трансформации

Аннотация: *в статье рассматривается адаптация музыкального телевидения к условиям постмедийной трансформации на примере телеканала «МУЗ-ТВ». Актуальность обусловлена оттоком аудитории на стриминговые сервисы и в социальные сети, однако при сохранении значимой роли традиционного вещания формируются две параллельные медиареальности. Цель исследования – систематизация моделей сегментации и вовлечения аудитории, применяемых каналом в эфире и во «ВКонтакте». На основе качественного контент-анализа программной сетки, публикаций и комментариев сообщества выявлены модели мозаичной сегментации эфира и параллельной мультисегментной адресации в социальных медиа. Установлено, что «МУЗ-ТВ» использует комплекс стратегий вовлечения: интерактивность, геймификацию, кросс-промоушен, нарративизацию и аффективную экономику. Обоснован переход канала от репликации контента к трансмедийной адаптации, включающей атомизацию, реконтекстуализацию, паратекстуальное расширение и темпоральную автономию. Делается вывод о трансформации телеканала из производителя программ в куратора дискуссионного пространства.*

Ключевые слова: *постмедийная трансформация, музыкальное телевидение, сегментация аудитории, вовлечение аудитории, МУЗ-ТВ, ВКонтакте*

Для цитирования: Красильникова А.М., Шакурова А.Р. Модели сегментации и вовлечения аудитории на музыкальном телеканале в условиях постмедийной трансформации // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 209 – 213. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-209-213

Поступила в редакцию: 14 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Krasilnikova A.M., [1] Shakurova A.R. ***[1] Kazan Federal University***

Audience segmentation and engagement models for a music TV channel in the context of post-media transformation

Abstract: *the article examines the adaptation of music television to post-media transformation using the "MUZ-TV" channel as a case study. The relevance stems from the audience drain to streaming services and social networks, while traditional broadcasting retains a significant role, resulting in two parallel media realities. The study aims to systematize the audience segmentation and engagement models employed by the channel on air and on VKontakte. Through qualitative content analysis of the program schedule, publications and community comments, the author identifies models of mosaic on-air segmentation and parallel multi-segment addressing in social media. It is established that "MUZ-TV" employs a comprehensive set of engagement strategies: interactivity, gamification, cross-promotion, narrativization and the affective economy. The channel's shift from content replication to transmedia adaptation is substantiated, encompassing atomization, recontextualization, paratextual expansion and*

temporal autonomy. The conclusion argues that the TV channel is transforming from a program producer into a curator of discursive space.

Keywords: *post-media transformation, music television, audience segmentation, audience engagement, MUZ-TV, VKontakte*

For citation: Krasilnikova A.M., Shakurova A.R. Audience segmentation and engagement models for a music TV channel in the context of post-media transformation. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 209 – 213. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-209-213

The article was submitted: August 14, 2026; Approved after reviewing: September 19, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Актуальность исследования. В условиях современной постмедийной среды наблюдается глубокая фрагментация аудитории и смещение потребительского фокуса в сторону цифровых платформ. Традиционные медиа, включая телевидение, вступают в конкурентную борьбу с цифровыми источниками контента. В этом контексте музыкальные телеканалы, исторически выполнявшие функцию детерминант культурных трендов в сфере популярной музыки [1], сталкиваются с системными вызовами. Их ключевая компетенция – трансляция музыкального видеоконтента, клипов – в значительной степени перехвачена персонализированными онлайн-платформами [7]. Для таких каналов, как «МУЗ-ТВ», это означает фундаментальную необходимость пересмотра всей бизнес-модели и стратегий взаимодействия с аудиторией.

Исследования подтверждают сложность и противоречивость текущей медиасреды. С одной стороны, эксперты говорят о кризисе традиционного телевидения, главенстве социальных сетей в медиапотреблении [6, 8], особенно среди молодёжной аудитории. С другой стороны, свежие данные ВЦИОМ показывают, что телевидение сохраняет сильные позиции: 82% россиян смотрят телепрограммы, а доля ежедневных зрителей за год выросла до 57%. Данные свидетельствуют о формировании двух параллельных медиареальностей: инертной, возрастной аудитории традиционного телевидения и молодой, активной аудитории, мигрировавшей в цифровую экосистему.

Однако, несмотря на растущее число исследований цифровой трансформации медиа и феномена платформизации [4, 7, 8], остается недостаточно изученным вопрос о том, какие конкретные механизмы и стратегии используют традиционные телеканалы для построения присутствия в социальных сетях и как эти стратегии соотносятся с задачей вовлечения разнородных сегментов аудитории.

Работы, посвященные функционированию музыкальных медиа в сетевом обществе [1-3, 9], датируются преимущественно периодом 2015-2018 годов, что в условиях стремительной эволюции цифровой экосистемы представляет собой значительный исследовательский пробел. В результате научное поле располагает преимущественно концептуальными рамками для осмысления кризиса музыкального телевидения, но испытывает дефицит конкретных знаний о том, как конкретные телеканалы адаптируются к изменившимся условиям.

Цель исследования – проанализировать и систематизировать модели сегментации и вовлечения аудитории, которые телеканал «МУЗ-ТВ» использует для адаптации к новым медийным реалиям и построения долгосрочных отношений с аудиторией через традиционное вещание и социальные сети.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование построено на методологии качественного анализа контента. Материалом выступили программы телеканала «МУЗ-ТВ», выходившие в течение 2025 года, программная сетка телеканала в период с 3 по 9 ноября 2025 года и публикации в официальном сообществе «МУЗ-ТВ» в социальной сети «ВКонтакте».

Основными методами сбора и анализа данных выступили: качественный контент-анализ (анализ выборки постов для выявления основных тематических рубрик, типов контента), структурно-функциональный анализ (изучение тематики, временных слотов, содержательных характеристик контента и направленности на различные аудиторные сегменты в программной сетке телеканала, социальной сети).

В качестве вспомогательных методов используются: типологизация, классификация, сравнительный анализ, интерпретация (попытка охарактеризовать стратегию и модель телеканала). Работа с теоретической базой включила в себя методы обзора теоретических подходов к сегментации и вовлечению аудитории в медиа, анализа научной литературы.

Результаты и обсуждения

Телеканал «МУЗ-ТВ» – один из российских телеканалов, который комбинирует как традиционное эфирное телевещание, так и деятельность в онлайн-пространстве и социальных медиа, в обеих формах контента стремясь затронуть интересы разных аудиторных групп. Кроме прочего, канал функционирует в условиях конкуренции не только с другими телевизионными платформами, но и с цифровыми музыкальными сервисами (Яндекс. Музыка, Apple Music), социальными сетями и стриминговыми платформами. Телевизионное вещание телеканала «МУЗ-ТВ» с позиции сегментации аудитории демонстрирует отход от монолитной модели вещания в пользу мозаичной структуры, где каждый программный блок адресован специфическому сегменту аудитории, при этом сохраняется возможность перекрёстного потребления контента различными демографическими группами.

Вовлечение аудитории охватывает когнитивное, аффективное и поведенческое измерения взаимодействия зрителей с медиаконтентом и брендами [5, 10]. На «МУЗ-ТВ» используется комплексный подход к вовлечению (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии вовлечения аудитории на телеканале «МУЗ-ТВ».

Table 1

Audience engagement strategies on the "MUZ-TV" channel.

Стратегия	Описание	Примеры реализации
Интерактивность	Предоставление зрителям возможности влиять на эфир или становиться его частью.	Голосование: «Лайкер», «Кто следующий?». Пользовательский контент: «#ЯНАМУЗТВ», «Страна на МУЗ-ТВ». Сообщения в эфире: бегущая строка в «Love Radio чат».
Геймификация и партиципация	Внедрение игровых механик и форматов, предполагающих активное участие зрителя.	Викторина: «Прогноз по году». Домашнее участие: «Караокинг» (пение с субтитрами).
Кросс-промоушен и партнёрство	Симбиоз с радиостанциями и цифровыми сервисами для обмена аудиторией и делегирования курирования.	Совместные чарты: «ЯНДЕКС.МУЗЫКА чарт», «ТОР чарт Европы плюс», «Новое Радио чарт» и др.
Нарративизация и трансмедийность	Создание долгосрочных повествований и контента, который "живёт" за пределами телеэфира, в соцсетях.	Ежегодное событие: «ПРЕМИЯ МУЗ-ТВ». Трансмедийное шоу: «Битва поколений» (генерация вирусных фрагментов, каверов, скандалов для соцсетей).
Аффективная экономика	Эксплуатация сильных эмоций (ностальгия, скандал, восторг) для повышения виральности контента.	Ностальгия: ретро-программы, реконтекстуализация старых хитов в «Битве поколений».

Если традиционная модель предполагала линейную коммуникацию, то современный телеканал функционирует как узел в сетевой экосистеме, где контент циркулирует между множественными платформами, а аудитория участвует в его производстве и распространении [7].

Анализ активности телеканала во «ВКонтакте» демонстрирует не дублирование телевизионного контента, а создание параллельного медиапространства с собственными конвенциями. Страница канала функционирует не как канал односторонней коммуникации, а как платформа для горизонтального общения внутри аудитории.

Кросс-платформенная стратегия «МУЗ-ТВ» демонстрирует переход от модели репликации (дублирование контента) к модели трансмедийной адаптации, где контент трансформируется в соответствии с логикой каждой платформы. Этот процесс включает в себя несколько ключевых принципов (табл. 2).

Таким образом, кросс-платформенная стратегия «МУЗ-ТВ» является образцом адаптации медиаинститута к постмедийной эпохе.

Таблица 2

Принципы трансмедийной адаптации в стратегии «МУЗ-ТВ».

Table 2

Principles of transmedia adaptation in the MUZ-TV strategy.

Принцип	Описание	Пример реализации
Атомизация контента	Распад длинных форматов на короткие, эмоционально насыщенные фрагменты (сниппеты), способные к вирусной циркуляции.	Нарезка шоу «Битва поколений» на отдельные выступления, конфликтные моменты, реакции жюри для постов в соцсетях.
Реконтекстуализация	Обретение контентом новых смысловых рамок при попадании на другую платформу за счет комментариев и интерпретаций пользователей.	Телевизионное выступление в соцсетях переосмысливается как политический манифест или объект для иронии.
Паратекстуальное расширение	Формирование вокруг основного контента экосистемы вторичных текстов (обзоры, реакции, мемы), создаваемых аудиторией.	Обзоры на премию «МУЗ-ТВ» от блогеров в YouTube, которые генерируют больше вовлечения, чем сама трансляция.
Темпоральная автономия	Освобождение от линейной логики телевещания; контент становится перманентно доступным в архиве для асинхронного просмотра.	Пользователи могут смотреть фрагменты шоу через недели после эфира, пересматривать их, начинать с любого момента.

Выводы

В части вовлечения аудитории установлено, что «МУЗ-ТВ» использует комплексный набор механик – интерактивность, геймификацию и партиципацию, кросс-промоушен с радиостанциями и цифровыми сервисами, нарративизацию и трансмедийность, а также аффективную экономику, эксплуатирующую ностальгию и скандализацию. Особое значение имеет стратегия делегированного кураторства: канал не создаёт собственную аналитику музыкального рынка, а встраивается в существующие системы легитимации (радиочарты, стриминговые данные), получая взаимную выгоду от партнёрства с потенциальными конкурентами.

Реконструкция цифровой стратегии канала во «ВКонтакте» продемонстрировала переход от логики темпоральной сегментации эфира к принципу параллельной мультисегментной адресации, при котором алгоритмы ленты определяют показ разнородного контента конкретным пользователям. Систематизация принципов трансмедийной адаптации – атомизации контента, реконтекстуализации, паратекстуального расширения и темпоральной автономии – показала, что канал отходит от простого дублирования эфирного контента в пользу его полноценной трансформации под логику каждой платформы.

Список источников

1. Белевский Р.А. Интернет как средство свободного доступа к музыкальным произведениям // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 154 – 157.

2. Евстифеева А.Г. Конвергенция музыкальных телепрограмм и ее основные особенности // Век информации. 2018. № 2-2. С. 257 – 258.

3. Катаев П.В. Музыкальные медиа в сетевом обществе: возможности и вызовы функционального многообразия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 1. С. 104 – 114

4. Кемарская И.Н. Третья парадигма телевидения: зрительский фактор // Меди@льманах. 2018. № 3 (86). С. 114 – 122. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2018.114122.

5. Кметь Е.Б. Возможности использования сегментирования целевой аудитории для планирования продвижения продукта // Практический маркетинг. 2023. С. 11 – 22.

6. Козолупенко Д.П. Искусство в эпоху постмедиа // Медиаискусство – XXI век. Генезис, художественные программы, вопросы образования: международная научно-практическая конференция. Москва, 1-3 ноября 2022 года. Москва: Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова. 2023. С. 41 – 52.

7. Конкина К.М., Лапина П.А., Храпова Д.М., Штифанова П.В. Контент телевизионных развлекательных каналов в социальных сетях (на примере VK и «TELEGRAM») // Вестник Московского университета. Журналистика. 2024. № 1. С. 29 – 48. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.2948.

8. Сергеев А.С. Изменение медиапотребления молодежи в пользу социальных сетей по сравнению с телевидением // Universum: общественные науки. 2025. № 8 (123). С. 48 – 53.

9. Стогова Е.С. Причины спада популярности музыкальных телеканалов на отечественном телевидении // Горизонты мировой журналистики: история и современность. Москва: Российский университет дружбы народов. 2015. С. 311 – 317.

10. Тюлягин С.И. Получение сетевого эффекта при продвижении музыкального канала в интернет-среде // Вопросы и проблемы экономики и менеджмента в современном мире: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Омск, 11 мая 2016 года. Том III. Омск: Инновационный центр развития образования и науки. 2016. С. 232 – 235.

References

1. Belevsky R.A. The Internet as a Means of Free Access to Musical Works. Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2017. No. 1 (70). P. 154 – 157.

2. Evstifeeva A.G. Convergence of Music Television Programs and Its Key Features. Age of Information. 2018. No. 2-2. P. 257 – 258.

3. Kataev P.V. Music Media in a Networked Society: Opportunities and Challenges of Functional Diversity. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2018. No. 1. P. 104 – 114.

4. Kemarskaya I.N. The Third Paradigm of Television: The Viewer Factor. Medi@lmanakh. 2018. No. 3 (86). P. 114 – 122. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2018.114122.

5. Kmet E.B. Possibilities of Using Target Audience Segmentation for Product Promotion Planning. Practical Marketing. 2023. P. 11 – 22.

6. Kozolupenko D.P. Art in the Post-Media Era. Media Art – 21st Century. Genesis, Artistic Programs, and Issues in Education: International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 1-3, 2022. Moscow: S.G. Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts. 2023. P. 41 – 52.

7. Konkina K.M., Lapina P.A., Khrapova D.M., Shtifanova P.V. Content of Television Entertainment Channels on Social Media (Case Studies of VK and Telegram). Bulletin of Moscow University. Journalism. 2024. No. 1. P. 29 – 48. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2024.2948.

8. Sergeyev A.S. Shifts in Youth Media Consumption: From Television to Social Media. Universum: Social Sciences. 2025. No. 8 (123). P. 48 – 53.

9. Stogova E.S. Reasons for the Decline in Popularity of Music Television Channels in the Domestic (Russian) Television Landscape. Horizons of World Journalism: History and Modernity. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). 2015. P. 311 – 317.

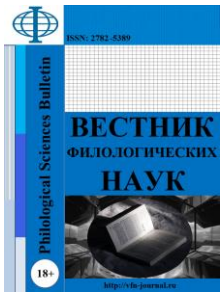
10. Tyulyagin S.I. Achieving a Network Effect in the Promotion of a Music Channel within the Online Environment. Issues and Challenges in Economics and Management in the Modern World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, May 11, 2016. Vol. III. Omsk: Innovation Center for the Development of Education and Science. 2016. P. 232 – 235.

Информация об авторах

Красильникова А.М., *Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, Alina_krasilnikova_02@mail.ru*

Шакурова А.Р., *кандидат филологических наук, доцент кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, veiy@mail.ru*

© Красильникова А.М., Шакурова А.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)
УДК 81.272
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-214-219

[1] Яковлева С.В. ***[1] Псковский государственный университет***

О способах образования и перевода неологизмов в английском и немецком языках (на материале тематических групп «Искуственный интеллект», «Криптовалюта»)

Аннотация: *статья посвящена выявлению и описанию особенностей ведущих способов образования и способов перевода неологизмов в английском и немецком языках. Цель исследования – выявление особенностей и сравнительный анализ способов образования и способов перевода неологизмов в английском и немецком языках. Новизна исследования состоит в отборе фактического материала, репрезентующего лексику наиболее стремительно развивающихся технологических сфер «Искусственный интеллект», «Криптовалюта». Английский и немецкий языки демонстрируют гибкость, комбинируя способы словообразования и перевода в зависимости от семантической сложности термина и степени его укоренённости в профессиональном лексиконе. В технической сфере доминируют калькирование и транскрипция, описательные и функциональные подходы применяются для перевода лексики, обладающей новизной или абстракций. Сочетание различных способов перевода позволяет эффективно адаптировать новые термины, сохраняя баланс между точностью, понятностью и языковой естественностью. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских учебных курсах по культурологии, неологии, теории и практике перевода, стилистике и др., при разработке словарей неологизмов, исследовании лексических единиц других тематических групп.*

Ключевые слова: *неология, неологизм, словообразование, лексикография, искусственный интеллект, криптовалюта, способы перевода*

Для цитирования: Яковлева С.В. О способах образования и перевода неологизмов в английском и немецком языках (на материале тематических групп «Искуственный интеллект», «Криптовалюта») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 214 – 219. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-214-219

Поступила в редакцию: 15 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Yakovleva S.V. ***[1] Pskov State University***

On the formation and translation of neologisms in English and German (based on the thematic groups "Artificial Intelligence" and "Cryptocurrency")

Abstract: *this article identifies and describes the key methods of neologism formation and translation in English and German. The study aims to identify the characteristics of these methods and conduct a comparative analysis of how neologisms are formed and translated in both languages. The study's novelty lies in its selection of empirical data representing the vocabulary of rapidly evolving technological fields, specifically «Artificial Intelligence» and «Cryptocurrency». English and German demonstrate flexibility by combining word-formation and translation techniques based on a term's semantic complexity and its degree of entrenchment in professional lexicon. Calquing and transcription dominate the technical sphere, while descriptive and functional approaches are employed to translate novel or abstract terms. Combining various translation methods allows for the effective adaptation of new*

terms while maintaining a balance between accuracy, clarity, and naturalness. The study's practical significance lies in the potential application of its findings to university courses in cultural studies, neology, translation theory and practice, and stylistics, as well as in the compilation of neologism dictionaries and the analysis of lexical units from other thematic domains.

Keywords: *neology, neologism, word formation, lexicography, artificial intelligence, cryptocurrency, translation methods*

For citation: Yakovleva S.V. On the formation and translation of neologisms in English and German (based on the thematic groups "Artificial Intelligence" and "Cryptocurrency"). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 214 – 219. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-214-219

The article was submitted: August 15, 2026; Approved after reviewing: September 19, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В любом языке, который является непрерывно изменяющейся и развивающейся системой, в результате прогресса, происходящего в социуме, возникает потребность в его адаптации к новым реалиям и условиям. Следствием общественных трансформаций является появление неологизмов. Неологизмы как языковые инновации отражают стремительное развитие общества, его потребности в обозначении новых явлений. Современный этап общественного развития характеризуется бумом неологизмов, имеющих отношение к глобализации, развитию технологий, новым привычкам и образу жизни социума.

Английский язык, считающийся одним из самых распространенных глобальных языков и международным инструментом общения, демонстрирует удивительную способность к заимствованию и адаптации актуальной лексики. Немецкий язык не менее активно внедряет неологизмы, нередко используя один из самых распространенных способов словообразования - словосложение. Сложные слова охватывают традиционно разные концепты и мысли, отражая культурные и социальные факторы.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого научного подхода к определению природы неологизмов, с одной стороны, и необходимостью исследования способов образования и перевода новой лексики как инструмента непрерывного и стремительного обновления языка и мира и эффективного межкультурного и профессионального взаимодействия. Существует необходимость структурирования и лексикографирования неологизмов различных функциональных сфер, которые вошли в употребление совсем недавно и еще не успели послужить предметом для изучения.

В лингвистической науке существует проблема способов перевода неологизмов, особенно в ситуации, когда в переводящем языке отсутствует эквивалент. Перевод неологизмов требует баланса между сохранением оригинального смысла, адаптацией к культурному контексту и соблюдением языковых норм. Быстрое развитие технологий, опережающее формирование устойчивой терминологии превращает процесс перевода в творческий, но рискованный, так как ошибки или несогласованность могут исказить смысл и затруднить коммуникацию.

Цель работы – исследование и сравнительный анализ способов образования и способов перевода неологизмов в английском и немецком языках (на материале лексико-тематических групп «Искусственный интеллект», «Криптовалюта»).

Материалы и методы исследований

В работе использовались изучение опыта ведущих научных школ в области неологии, метод лингвистического описания; сравнительно-сопоставительный метод; метод классификации, базирующийся на родовидовых и других отношениях; контекстный анализ; метод сплошной выборки при отборе материала и др.

Количество работ, посвященных неологизмам, увеличивается, однако, отдельные сферы функционирования неологизмов исследованы в меньшей степени. Общетеоретическую базу исследования составляют работы по общим проблемам неологии Алаторцевой С.И., Вендиной Т.И., Поповой Т.В., Касьяновой Л.Ю., Фельдман Н.И. и др.

В XX веке появился ряд теорий, объясняющих природу языковых новообразований, среди которых выделяются денотативная, стилистическая и лексикографическая, структурная, психолингвистическая и др. Однако существующие теоретические подходы остаются противоречивыми, и ни один из них не решает ключевые вопросы неологии.

Согласно денотативному подходу (О.С. Ахманова, В.А. Козырев, В.Д. Черняк) неологизмы – это слова, обозначающие новейшие феномены, денотаты или термины. К ним лексические единицы, созданные для

наименования прежде неизвестных предметов или понятий. Словарь неологизмов предстает как «тип словаря, в котором описываются слова или обороты речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия» [3, с. 95].

Согласно стилистической теории (А.Г. Лыков, А.В. Калинин, Е.В. Сенько) к неологизмам относят «стилистически маркированные» слова, понятия, фразеологизмы, применение которых вызывает чувство новизны. При этом восприятие новизны субъективно и относительно [4, с. 4]. Вводится понятие «стилевого» или «индивидуально-стилистического» неологизма, относящегося к авторским новообразованиям, созданным в рамках художественной литературы.

Согласно лексикографической теории (М.Т. Кабре, К. Барнхарт) неологизмами считаются слова, отсутствующие в актуальных словарях, включая семантические новообразования. М.Т. Кабре к неологизмам относит «термин, если он не встречается в лексикографическом источнике, выбранном в качестве справочного» [14, с. 205].

Психолингвистическая теория (С.И. Тогоева, Н. Костюшина) рассматривает неологизмы как феномены, возникающие в персональном лексиконе индивида и функционирующие во время общения. С.И. Тогоева обозначает неологизм как языковую единицу, не появлявшуюся ранее в персональном речевой практике языкового носителя [9, с.88].

Современные неологизмы возникают преимущественно в тех областях, которые находятся в фокусе общественного внимания и активно освещаются медиа. Чем значимее событие или тренд, породивший новое слово, тем выше вероятность его закрепления в языке. Такие новые термины часто пересекают границы, становясь интернациональными, особенно если явление носит глобальный характер.

Можно отметить несколько основных семантических сфер, где наиболее активно появляются и используются неологизмы. Одной из самых стремительно развивающихся областей можно назвать компьютерные технологии, где технологический прорыв остается ключевым источником языковых инноваций. Многие понятия рождаются через переосмысление старых слов: «облако» (англ. cloud) в IT-контексте обозначает удалённое хранение данных, а «бот» (от robot) теперь ассоциируется с автоматизированными аккаунтами в соцсетях. Социально-политический дискурс также обогащается новыми терминами [4, 6]. Пандемия подарила миру «ковидный» и «зум-усталость» (англ. zoom fatigue), а климатические инициативы ввели в обиход «зелёный курс» (англ. Green New Deal). Детально изучались неологизмы периода пандемии [5, 11]. Геополитические кризисы рождают слова-символы, например, «санкционное давление». Изменения в общественных нормах отражаются в языке через переосмысление идентичности и отношений. Термин «небинарный» (англ. non-binary) описывает гендерную идентичность вне бинарной системы. Появляются слова, характеризующие новые типы отношений, а также отношение общества к ним.

Особенно ярко процесс неологизации проявляется в области информационных технологий, где инновации возникают с огромной скоростью. Лексика, связанная с компьютерами и цифровыми технологиями, постоянно обновляется, пополняясь новыми терминами и понятиями [10, с. 54].

Результаты и обсуждения

Для сравнительного анализа в нашем исследовании была выбрана технологическая сфера, внутри которой вследствие технологического прогресса выделяются две ведущие лексико-тематические группы «Искусственный интеллекта» и «Криптовалюта». Методом сплошной выборки было отобрано 100 неологизмов английского языка и 100 неологизмов немецкого языка

Большинство терминов, связанных с искусственным интеллектом, являются заимствованиями из английского языка, что объясняется доминированием английского как языка технологий и науки. Для выполнения сравнительного анализа был составлен минисловарь лексики на тему «Искусственный интеллект», отобранной по критерию наибольшей актуальности. Фактический материал отбирался из публицистических текстов новостных агентств «Der Spiegel» и «Manager», а также статей в интернет-энциклопедии «Wikipedia».

Сравнительный анализ английской и немецкой лексики в сфере искусственного интеллекта обнаруживает, что оба языка очень быстро адаптируют новые технические слова, но способы образования терминов и их встраивания в языковую систему заметно расходятся.

В немецком особенно много англицизмов, и чаще всего они приходят именно из технологической сферы. Слова «Bias», «Token» и «Deepfake» сохраняют оригинальное написание, но легко подчиняются немецкой грамматике благодаря присвоению им артиклей. Некоторые заимствования, например, «Chatbot» и «Deepfake» заимствуются напрямую. Это наглядно показывает сближение языков и интернационализацию лексики в области высоких технологий.

Среди способов появления новых слов заметное место занимает калькирование. Например, «Internet der Dinge» – это дословная передача английского «Internet of Things», только оформленная по правилам немецкой грамматики. То же самое демонстрирует выражение «Ende-zu-Ende-Lernen»: оно передаёт смысл «End-to-end learning», но использует привычные для немецкого языка компоненты и дефисы. Сочетание «Künstliche Intelligenz» тоже соответствует английскому «Artificial Intelligence» и выражает тот же смысл, сохраняя немецкую грамматическую структуру. Примерами калькирования являются также, например, Bull market (der Bullenmarkt), Bear market (der Bärenmarkt), Crypto Farm (die Cryptofarm), Trolley-Problem (das Trolley-Problem) и др. В приведенных примерах иностранные элементы заменяются эквивалентами родного языка, сохраняя семантику, но адаптируя форму.

Распространенным способом словообразования является префиксация и суффиксация. Словообразование с помощью приставок и суффиксов особенно заметно в терминологии, потому что немецкий язык активно использует свои собственные морфологические ресурсы. Например, «Maschinelles Lernen» (Machine Learning) образовано от слова «Maschine» с помощью суффикса -ell, который превращает его в прилагательное. В английском языке, наоборот, употребляется существительное «machine» вместе с герундием «learning». В слове «artificial» (искусственный) суффикс -ial делает из существительного «artifice» (искусность, ухищрение) прилагательное. Это имеет большое значение для появления ключевого понятия «Artificial Intelligence» (искусственный интеллект). Аналогичными примерами выступают в немецком языке: das neuronale Netz, die generierten Antworten и др., в английском языке: encrypted wallet, predictive maintenance, generated responses и др.

В обоих языках новые слова часто возникают за счёт соединения основ и сокращений. Так, термины Chatbot (чат-бот) и Deepfake (поддельное видео или аудио) состоят из двух частей: «chat» + «bot» и «deep» + «fake». Аббревиатуры тоже очень широко используются. К ним относятся, например, IoT (Internet of Things) и AI (Artificial Intelligence). Указанный способ словообразования демонстрируют слова Jailbreaking (das Gefängnisausbrechen), Guardrails (die Leitplanke). В немецком языке данный способ превалирует: der Kühllager, der Staubangriff, die Investitionsfähigkeit, die Marktkapitalisierung и др.).

Семантические неологизмы в обоих языках часто возникают из метафор или тогда, когда уже знакомому слову придают новый смысл. Так, выражение «stochastischer Papagei» (Stochastic parrot) отсылает к образу попугая и используется для описания ИИ-моделей, которые могут воспроизводить речь, но не понимают, о чём говорят. В немецком этот образ сохраняется: слово parrot передаётся как «Papagei», а сам термин получает новое, более узкое значение. То же самое происходит со словом «Hallucination» в английском и «die Halluzination» в немецком: ими называют ложные сведения, которые генерирует ИИ. Изначально этот термин относился к психологии и обозначал обманчивые восприятия, а в области искусственного интеллекта стал означать недостоверную информацию, выдаваемую моделью.

При переводе терминов искусственного интеллекта с немецкого и английского на русский задействованы различные переводческие стратегии. Самый распространённый приём перевода – калька: в этом случае сохраняется структура термина, но её элементы заменяются русскими словами. Так появляются пары вроде «Machine Learning» – «машинное обучение», «Artificial Intelligence» – «искусственный интеллект», «Natural Language Processing» – «обработка естественного языка». Этот способ удобен тем, что он точно передаёт смысл и при этом остаётся понятным русскоговорящему рецепиенту.

Если речь идёт о заимствованных словах, чаще всего используют транскрипцию и транслитерацию. Именно так передаются, например, «Bias» – «биас», «Token» – «токен», «Jailbreaking» – «джейлбрейкинг». В отличие от транскрипции, транслитерация в первую очередь опирается на буквенное соответствие. Это хорошо видно на примере «ChatGPT» – «Чат GPT», где исходное написание просто адаптируется под кириллицу. При этом жёсткую границу между этими способами провести не всегда возможно: у некоторых слов они смешиваются. Например, «Keylogger» – «кейлоггер» можно считать транскрипцией с элементами транслитерации.

Описательный перевод применяют в тех случаях, когда нужно передать сложное или составное понятие, которое невозможно выразить одним словом. К примеру, «Trolley-Problem» переводят как «ситуация, когда оба решения задачи нежелательны», «Deepfake» – как «поддельное видео или аудио, созданное с помощью ИИ», а «Stochastischer Papagei» – как «модели ИИ, генерирующие текст без смыслового понимания», der Kühllager – как «холодный кошелек, (устройство, которое полностью поддерживает криптовалюту в автономном режиме)», die Geistesarbeit – как скрытая работа (форма работы, при которой люди работают в фоновом режиме, поддерживая или улучшая системы ИИ, выполняя задачи, с которыми ИИ пока не может справиться). Такой способ делает текст более объёмным, но помогает точно показать, в чём суть явления.

Функциональный перевод работает иначе: здесь важна не форма термина, а то, какую роль он выполняет. Например, «Guardrails» передают как «ограничения и правила», и это довольно точно раскрывает значение. К такому приёму особенно часто обращаются в технической сфере, когда нужно подчеркнуть именно назначение термина.

В целом, английский и немецкий языки довольно свободно выбирают разные способы перевода, ориентируясь на смысловую сложность термина и на то, насколько он уже укоренился в профессиональной речи. В технической лексике чаще всего используют калькирование и транскрипцию, а описательный и функциональный перевод выбирают тогда, когда слово отличается новизной или высокой степенью абстрактности. Благодаря этому международные термины можно адаптировать так, чтобы они оставались точными, понятными и обладали языковой естественностью.

В английском языке термины из лексико-тематической группы «Криптовалюта» часто образуются через соединение морфем и прямое заимствование. Так, слово «Altcoin» появилось из «alt» – сокращения от «alternative» – и «coin», что сразу показывает его отличие от «Bitcoin».

Суффиксы тоже работают на смысл: окончание -tion превращает глагол transact в существительное «transaction», а -or в «investor» четко указывает на человека, который это действие совершает. Это позволяет носителям интуитивно понимать новые понятия. При этом английский чаще использует префиксы из латыни и греческого (decentralized или hyperledger).

Немецкий язык адаптирует международные термины, часто трансформируя их под свои правила. Например, die Kryptowährung: английская приставка соединяется с родным немецким корнем Währung (валюта). Некоторые термины, такие как «Blockchain» или «Mining», заимствуются без изменений, демонстрируя глобализацию технической лексики. Характерную для немецкого языка склонность к словосложению отражает ряд слов, среди которых, например, Bitcoin-Halbierung, то есть уполовинивание биткоина, в котором несколько корней сливаются в один емкий термин.

Многие термины являются заимствованиями. Например, «Bitcoin», «Blockchain» и «Mining» интегрировались в немецкий язык практически без изменений, сохранив свою оригинальный облик, что свидетельствует о глобальности многих феноменов и унификации терминов.

Задача адаптации криптотерминов требует сохранения международных стандартов и сохранения языкового своеобразия одновременно. В некоторых ситуациях используются укоренившиеся в глобальном лексиконе термины. Так появляются стейблкоины, биткоины и догикоины. Для сложных или метафоричных вещей работает описательный перевод – скажем, когда Bitcoin Halving превращается в понятное «сокращение биткоина вдвое». В отдельных случаях прибегают к прямому калькированию: Public Key становится открытым ключом, Market Capitalization – рыночной капитализацией, а Atomic Swap – атомным обменом.

Выводы

Технологический мир меняется стремительно, язык вынужден интегрировать в языковую систему новые лексические единицы. В настоящей работе корпус анализируемых лексических единиц был ограничен двумя технологическими лексико-тематическими группами «Искусственный интеллект» и «Криптовалюта». Перспективы работы видятся в анализе других тематических сфер с целью систематизации и обобщения особенностей способов образования и перевода неологизмов на русский язык и составления тематических словарей.

Анализ материала позволяет среди способов словообразования выделить в немецком языке словосложение, полные заимствования, аффиксальный способ. В английском преобладают профессиональные заимствования, аффиксальный способ и семантическая деривация. Среди способов перевода неологизмов технологической сферы на русский язык доминируют транскрипция и калькирование. Оба языка демонстрируют высокую степень гибкости в создании новых слов, однако способы формирования неологизмов имеют как общие черты, так и существенные различия. Неологизмы отражают не только технологический прогресс, но и культурные особенности каждого языка. Английский язык, благодаря своей гибкости и статусу международного языка, задает тренды, которые немецкий творчески переосмысляет, сохраняя свои уникальные черты.

Список источников

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. … док. фил. наук. СПб, 1999. 40 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: СЭ, 1969. 606 с.

3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка. 2-е изд. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.

4. Медведева Т.С., Шахметова А.М. Неологизмы периода пандемии COVID-19 в аспекте перевода (на материале англоязычных и немецкоязычных СМИ) // Многоязычие в образовательном пространстве». Том 17. Выпуск 1. С. 70 – 80.

5. Палкова А.В. Искусственный интеллект: семантическая реактивация термина в английском, немецком и русском языках // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 4. С. 97 – 104.

6. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.

7. Семенова Э.В. Неологизмы в современном английском языке и причины их возникновения // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 02 (70). Режим доступа: https://scipress.ru/philology/articles/neologizmy-v-sovremennom-anglijskom-yazyke-i-prichiny-ikh-vozniknoveniya.html (дата обращения: 13.09.2026).

8. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: дис. … док. фил. наук: 10.02.19. Тверь, 2000. 251 с.

9. Хакиева З.У., Цукаева З.Р. Неологизмы в англоязычной сфере информационных и компьютерных технологий // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 53 – 61.

10. Шидловская И.А., Симутова О.П. Коронавирусные неологизмы в немецком языке: Способы образования и передачи на русский язык // Известия ВГПУ. 2021. № 9. С. 153 – 156.

11. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K. A dictionary of New English. London: Longman, 1973. 512 с.

12. Ayto J. A Century of New Words. Oxford: Oxford University Press, 2007. 250 с.

References

1. Alatortseva S.I. Problems of Neology and Russian Neography: Abstract of a Doctoral Dissertation in Philology. St. Petersburg, 1999. 40 p.

2. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. 606 p.

3. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Lexicography of the Russian Language. 2nd ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2015. 631 p.

4. Medvedeva T.S., Shakhmetova A.M. Neologisms of the COVID-19 Pandemic Period: A Translation Perspective (Based on English- and German-Language Media). Multilingualism in the Educational Space. Vol. 17. No. 1. P. 70 – 80.

5. Palkova A.V. Artificial Intelligence: Semantic Reactivation of the Term in English, German, and Russian. Bulletin of Tver State University. Series: Philology. No. 4. P. 97 – 104.

6. Popova T.V. Russian Neology and Neography. Yekaterinburg: UGTU-UPI, 2005. 96 p.

7. Semenova E.V. Neologisms in Modern English and the Reasons for Their Emergence. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2021. No. 02 (70). Access mode: https://scipress.ru/philology/articles/neologizmy-v-sovremennom-anglijskom-yazyke-i-prichiny-ikh-vozniknoveniya.html (accessed: 13.09.2026).

8. Togoeva S.I. Psycholinguistic Problems of Neology: Doctoral Dissertation (Philology): 10.02.19. Tver, 2000. 251 p.

9. Khakieva Z.U., Tsukaeva Z.R. Neologisms in the English-Language Sphere of Information and Computer Technologies. Proceedings of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and Social Sciences. 2024. No. 2. P. 53 – 61.

10. Shidlovskaya I.A., Simutova O.P. Coronavirus-Related Neologisms in the German Language: Methods of Formation and Translation into Russian. Proceedings of the VSPU (Volgograd State Pedagogical University). 2021. No. 9. P. 153 – 156.

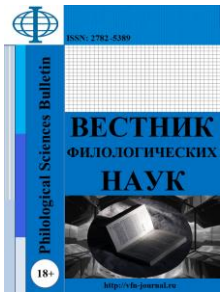
11. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K. A Dictionary of New English. London: Longman, 1973. 512 p.

12. Ayto J. A Century of New Words. Oxford: Oxford University Press, 2007. 250 p.

Информация об авторах

Яковлева С.В., *Псковский государственный университет, atevsa@inbox.ru*

© Яковлева С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 82-1/29
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-220-225

[1] Щептева В.Э., [1] Крашенинников А.Е. ***[1] Северо-Восточный государственный университет***

Орнитологические образы в поэтике Ван Бо: от природной детали до саморепрезентации

Аннотация: *поэзия эпохи Тан (618-907) справедливо считается вершиной китайской лирической традиции. Именно в этот период китайская поэзия достигает небывалого совершенства, и природа становится не просто художественным фоном, а активным участником поэтического высказывания, что связано в том числе с одной из ключевых тенденцией эпохи: возрастание интереса к человеку как к личности и вызванное этим вниманием обращение к человеческим чувствам и эмоциям.*

Настоящая статья посвящена исследованию орнитологических образов китайского поэта ранней Тан Ван Бо (650-676). Будучи одним из «Четырёх выдающихся», он занимает особое место в истории китайской литературы: его поэзия синтезирует традиции предыдущих эпох и открывает пути для последующих поколений. Среди многообразия природных образов особое место в поэтике Ван Бо занимают именно образы птиц, выполняя целый спектр функций – от пейзажной детали до философской аллегории. В его творчестве наблюдение за природой перерастает в осмысление судьбы.

Проведённый анализ позволил выделить две ключевые функции орнитологических образов в поэтике Ван Бо – лирическую (связанную с выражением авторского «я») и эмотивную (функцию эмотемы).

Ключевые слова: *Ван Бо, китайская поэзия, раннетанская поэзия, орнитологические образы, образность, символизм, поэтика*

Для цитирования: Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Орнитологические образы в поэтике Ван Бо: от природной детали до саморепрезентации // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 220 – 225. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-220-225

Поступила в редакцию: 15 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Shchepteva V.E., [1] Krasheninnikov A.E. ***[1] North-Eastern State University***

Ornithological imagery in the poetics of Wang Bo: from natural detail to self-representation

Abstract: *the poetry of the Tang Dynasty (618-907) is rightly considered the pinnacle of the Chinese lyric tradition. It was during this period that Chinese poetry reached an unprecedented level of perfection, and nature became not just an artistic background, but an active participant in poetic expression. This is due, in part, to one of the key trends of the era: a growing interest in humans as individuals and the resulting appeal to human feelings and emotions.*

This article examines the ornithological imagery of the early Tang Chinese poet Wang Bo (650-676). As one of the "Four Great Poets of Early Tang", he occupies a special place in the history of Chinese literature: his poetry synthesizes the traditions of previous eras and opens the way for future generations. Among the diversity of natural imagery, bird imagery occupies a special place in Wang Bo's poetry, fulfilling a wide range of functions – from landscape detail to philosophical allegory. In his work, observation of nature evolves into an understanding of fate.

The conducted analysis allowed us to identify and generalize two key functions of ornithological images in the poetics of Wang Bo – lyrical (associated with the expression of the author's voice) and emotive (the function of the emotheme).

Keywords: *Wang Bo, Chinese poetry, Early Tang poetry, ornithological images, imagery, symbolism, poetics*

For citation: Shchepteva V.E., Krasheninnikov A.E. Ornithological imagery in the poetics of Wang Bo: from natural detail to self-representation. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 220 – 225. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-220-225

The article was submitted: August 15, 2026; Approved after reviewing: September 19, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В танской поэзии природные элементы зачастую выполняли не только декоративную пейзажную функцию, но и играли роль инструмента имплицитного выражения чувств и мыслей автора, его идеалов и философских воззрений. Эта тенденция наглядно проявляется в орнитологической образности, ставшей одним из наиболее востребованных природных мотивов. В танской поэзии образы птиц представлены значительным разнообразием: дикие гуси (鸿雁), куропатки (鹧鸪), чайки (沙鸥), цапли (白鹭) и др.

В контексте птичьей образности творчество Ван Бо (王勃; 649-676) представляет собой показательный материал: его лирика насыщена орнитологическими мотивами, а сам автор относится к «четырём корифеям начала Танской эпохи» («初唐四杰»; «Четверо выдающихся»), являясь одним из ключевых представителей этого периода. Стихотворения поэта отличаются энергичным и простым стилем, ярко демонстрируя величественный дух эпохи. В рамках литературной деятельности, характерной для «Четырёх выдающихся», Ван Бо активно расширял идейное содержание произведений, отказавшись от тематики придворной поэзии [2, с. 41].

В словесном творчестве раннетанских поэтов наблюдается смещение фокуса в сторону социальной проблематики: темы общественной жизни и нужд народа начинают занимать значимое положение, а образы городской среды – улиц и рыночных площадей – всё чаще становятся объектами поэтической рефлексии. Ван Бо с иронией и самообличением задаёт вопрос о своих «добродетелях» [3, с. 117, 8]: «不蚕而衣，不耕而食，吾何德以当哉。» (Не развожу шелкопрядов, а одеваюсь; не обрабатываю землю, а ем. За какие же мои добродетели все это?) Поэт написал эти строки вскоре после начала карьеры на государственной службе. Он честно констатирует свою отстранённость от традиционных форм труда (шелководство, земледелие) при сохранении доступа к материальным благам – пище и одежде. Подобная самокритика, самообличение впоследствии станет «обычным делом» для танской поэзии [3, с. 117].

Творческое наследие Ван Бо знаменует собой переходный этап от упадка придворной поэзии эпохи Шести династий к периоду высочайшего расцвета, «золотому веку китайской поэзии».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются поэтические тексты китайского поэта ранней Тан Ван Бо, китайский толковый словарь, а также труды отечественных китаеведов и китайских исследователей. В работе применялись следующие методы: биографический метод, семиотический анализ, поэтологический анализ, культурно-исторический метод.

Результаты и обсуждения

Одним из характерных и классических орнитологических образов Ван Бо является одинокая дикая утка (孤鹜), которая впоследствии стала наиболее узнаваемым литературным символом, ассоциирующимся с автором. Обратимся к произведению «滕王阁序» («Предисловие к терему царя Тэнвана»; 675) [9]. Будучи написанным в стиле *пяньвэнь* (骈文), текст считается предшественником популяризации и формализации параллельной прозы. Отметим, что именно *пяньвэнь* называют величайшим литературным достижением Ван Бо [6].

Содержательно текст «滕王阁序» можно разделить на четыре части.

Первая описывает величественные пейзажи Хунду (洪都; другое название городской округа Наньчан), его богатые ресурсы («物华天宝»), талантливых людей и красоту природы («人杰地灵»), совершенных хозяев («宾主尽东南之美») и многочисленных выдающихся гостей («高朋满座»). В последнем предложении кратко объясняется причина присутствия автора на банкете, величие события упоминается вскользь.

Вторая часть содержит более подробное описание не только ближайшего окружения терема, но и открывающегося вдали пейзажа. Поэт ярко изображает переливы света и изменения цвета: «潦水尽而寒潭清，烟光凝而暮山紫。» («Ливневые воды отступают, оставляя холодную заводь прозрачной; облачная дымка сгущается, [окрашивая] вечерние горы в фиолетовый.») (здесь и далее – подстрочник наш).

В данном отрывке присутствует интересующий нас образ: «落霞与孤鹜齐飞，秋水共长天一色。» («Одинокая утка пролетела при свете вечерней зари, осенняя вода сливается с бескрайним небом.») Это самый известный фрагмент произведения. Терем царя расположен в естественной среде обитания диких уток и других водоплавающих птиц. Одинокая особь создаёт яркий контраст с картиной в предыдущем абзаце: «鹤汀凫渚，穷岛屿之萦回。» («Журавлиные отмели и утиные островки в полной мере [подчёркивают] извилистость островов.»).

Третья часть выражает положительные эмоции группы гостей, поднимающихся в горы во время банкета. Здесь же автор размышляет о прошлом, превратностях судьбы и переменчивости мира: «逸兴遄飞» («вспыхнул вдохновенный порыв»), «兴尽悲来» («уходит радость, приходит печаль»). Акцент смещается с бесконечности Вселенной на конечные взлеты и падения. Поэт называет себя «失路之人» («заблудшая душа»), сетуя на фатальную цикличность бытия и демонстрируя свою беспомощность перед лицом невозможности изменить свою судьбу. Автор использует примеры конкретных исторических личностей, таких как Фэн Тан (冯唐), Ли Гуан (李广), Цзя И (贾谊), Лян Хун (梁鸿), чтобы описать своё нынешнее затруднительное положение. Тем не менее, пессимистичный настрой носит переходящий характер: поэт предлагает более тонкую интерпретацию своего сетования, что позволяет ему сохранить оптимистическую установку.

Завершающий отрывок кратко описывает путь и стремления автора, выражает благодарность хозяину и гостям. Автор отмечает, что присутствие на банкете и возможность написать данное предисловие является для него большой честью. Эта часть перекликается с началом произведения и снова строго соответствует теме.

Образ одинокой утки на фоне бескрайнего неба легко сопоставим с «заблудшей душой» из третьей части. Во время написания произведения, Ван Бо совершал одиночные поездки, в том числе с целью навестить своего отца. Скитания и бедность поэта нашли отражение в образе одинокой птицы, символизирующий состояние лирического героя и самого автора.

Изображение одинокой утки встречается в прозаическом произведении «江曲孤凫赋» («Фу ободинокой утке в излучине реки»; 669) [7]: «常有孤凫。栖荡其侧。飞沈翻唼。而天性不违。» («Здесь можно часто встретить одинокую утку. Поселилась и слоняется на краю [заводи]. Взлетает и садится, кружась, щёлкает клювом. Её природа не меняется.»). Произведение написано во время путешествия Ван Бо по Шу (蜀; совр. пров. Сычуань) после его изгнания со двора императора за написание шуточной параллельной прозы «檄英王鸡文» («Вызов против петуха князя Ин»; 668) [10]. В это время поэт столкнулся с различными трудностями в построении служебной карьеры, однако именно этот период стал временем его интенсивного творческого роста.

В произведении изображается свободный и беззаботный образ жизни утки, её гармоничное сосуществование с окружающей средой: переворачивание листьев лотоса (翻碧莲), сметание тумана и росы (刷雾露), обитание в облаках и дымке (栖云烟), движения птицы безупречны (无失), умение плавать непринуждённое (自然). Образ птицы противопоставлен фениксу (灵凤), садовым курам (园鸡) и диким гусям (塞鸿).

В первом случае привычное следование утки законам природы контрастирует со способностью феникса парить на большой высоте: «虽凭力而易举。终候时而难发。… 心非系于城阙。» («Пусть он [феникс] может энергично и легко подняться. Когда придёт время, ему будет тяжело взлететь…Сердце [утки] не связано с дворцом»).

В случае с садовой курицей автор противопоставляет свободную жизнь утки с привязанностью садовой курицы к замкнутому, ограниченному существованию: «耻园鸡之恋。» («Позор садовой курице, испытывающей привязанность к тесноте.»). Одинокая птица презирает положение садовых кур, запертых в маленьком пространстве и отказывающихся от свободы ради небольшого пайка. Здесь имплицитно выражено нежелание автора быть связанным славой и богатством чиновничества. Мысль перекликается со цитируемой нами выше строкой об отсутствии привязанности сердца утки с дворцом, а также с предпоследним предложением произведения: «甘辞稻粱之惠焉。» («[Я] вежливо отказываюсь от милостей в виде риса и проса.»).

Перейдём к третьему противопоставлению: «悲塞鸿之赴永。» («[Я] жалею вечный полёт диких гусей с пограничной полосы.»). Лексическую единицу «塞鸿» используют для обозначения пролетающих за Великой Китайской стеной диких гусей, а также как метафору постоянных скитаний, тоски по родным местам и воспоминаний о них [5]. Здесь выражено сострадание утки к гусям, которые преодолевают большие расстояния, непрерывно мигрируют из одного места в другое, но при этом никогда не смогут достичь комфортной среды обитания. Проецируя образность на жизненный путь поэта с учётом обстоятельств его изгнания, можно заключить, что в тексте отражено отторжение модели поведения, ассоциируемой с гусями. Данная модель характеризуется отсутствием внутреннего покоя в достижении цели и непрерывным движением, лишённым остановки ради обретения славы или материального благополучия.

Анализ контрастирующих образов (одинокая утка – с одной стороны, феникс, домашние куры, дикие гуси – с другой) позволяет выявить центральную идею произведения. Данное противопоставление акцентирует внимание на необходимости отрешения от суетных мирских забот, избегания как соблазнов материальной выгоды, так и неминуемых потерь, а также на принятии предопределенной судьбы. В совокупности эти мотивы указывают на стремление к соответствию своей природе, преодолению земных привязанностей и формированию независимой, самодостаточной личности.

Отметим, что стремление Ван Бо выйти за пределы мирского мира и обрести духовную свободу является одним из повторяющихся мотивов его творчества. В уже упомянутом тексте «滕王阁序» мы находим его мысль «穷且益坚，不坠青云之志» («Бедный, но остаюсь непоколебимым, не отказываясь от высоких устремлений»). Другой репрезентацией мотива служит стихотворение «忽梦游仙» («Нежданный сон унёс меня в святой предел»; ок. 673-675) [1, с. 22-23]: «流俗非我乡，/ 何当释尘昧。» («Обывательщина – не мой дом, / Когда же я освобожусь от мирского невежества!»).

Образ диких гусей можно встретить в четверостишии «蜀中九日» («В День девятый я в Шу»; 670) [1, с. 46-47]. Будучи написанным во время скитаний Ван Бо по Шу, оно выражает тоску по родным местам. Герой пребывает на прощальном банкете, устроенном в честь отъезда его знакомых, и видит с возвышения родной город (望乡台). В качестве средств создания эмотивной доминанты текста выступают лексическая единица «他乡» (чужбина), которая является контекстуальной антитезой упомянутой «乡», и орнитологический образ, функционирующий как дополнительный код для репрезентации чувств лирического героя: «人情已厌南中苦，/ 鸿雁那从北地来。» («Чувства пресытились горечью юга, / И вот дикие гуси с севера летят.»). Обращение к образу птиц, мигрирующих с севера, служит средством экспликации внутреннего конфликта героя: желание вернуться на родину, реализуемое гусями, оказывается недостижимым для него самого, что усугубляет тоску лирического субъекта.

В первом стихотворении поэтического цикла «寒夜怀友(杂体)二首» («Холодной ночью полон мыслями о друге (вольный жанр, 2 стихотворения)»; 675) [1, с. 14-15] образ перелётных гусей является одной из эмотем текста: «秋深客思纷无已，/ 复值征鸿中夜起。» («Глубокой осенью мысли скитальца без конца блуждают в беспорядке, / Снова вижу, как среди ночи поднимаются перелётные гуси.»). Безлюдная сцена на берегу реки в полной мере эксплицирует чувства путника в чужих краях. Образ гусей гармонично дополняет эмотивный фон, который составляют другие единицы: «北山» (северные горы), «烟雾始茫茫» (бескрайний туман), «霜月» (морозная луна), «秋深» («поздняя осень»). Отметим, что в китайской поэтической традиции образ диких гусей занимает устойчивое место в системе культурных кодов, где он выполняет функцию символа эпистолярной коммуникации и сохранения связи между людьми, разделёнными большим расстоянием [4].

Во втором стихотворении тоска лирического героя выражена открыто: «故人故情怀故宴，/ 相望相思不相见。» («Старый друг, старые чувства, старые пиршества, / Смотрим друг на друга, тоскуя в разлуке, но не можем встретиться.»).

Стихотворный цикл «寒夜思友三首» («Холодной ночью думаю о друге (3 стихотворения); 670») [1, с. 16-17] продолжает линию, намеченную в предыдущих произведениях, в равной мере воплощая мотивы дружеской привязанности и ностальгии по родному краю, а также передавая чувство одиночества лирического субъекта. В первом стихотворении запечатлено меланхоличное состояние лирического героя, его измождённый облик, а также попытки приглушить душевную боль посредством игры на цитре. Второе произведение описывает его странствие в чужие края и вызванные путешествием мысли и чувства. Третье подчёркивает неизбывность тоски героя, которая остаётся неизменной несмотря на смену окружающей обстановки или времени суток.

Во втором стихотворении наблюдается повторное использование образа диких гусей, реализованное посредством употребления той же самой лексической единицы, что и в предшествующем стихотворении: «鸿雁西南飞，/ 如何故人别？» («Дикие гуси летят на юго-запад, / Почему же я расстался со старым другом?»). Подобно рассмотренному выше примеру, данный орнитологический образ выступает в качестве эмотемы, усиливая чувство тоски, испытываемое героем.

Выводы

На основе проведённого анализа можно выделить две основные функции, которые орнитологические образы выполняют в произведениях Ван Бо:

1. Лирическая функция. Зачастую использованные образы служили для раскрытия внутреннего мира автора, его отношения к тому или иному вопросу.

2. Функция эмотемы. Рассмотренные нами орнитологические образы усиливали эмотивный фон текста.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что обращение Ван Бо к орнитологическим образам выходит далеко за рамки простого описания природы. Подобное проявление субъективизма является одной из ключевых тенденций эпохи Тан, что связано с возросшим интересом литераторов к человеческой личности. Рассматривая творчество Ван Бо в контексте развития китайской поэзии, можно сказать, что поэт, будучи одним из первых литераторов ранней Тан, не только уловил эту тенденцию, но и активно формировал её, закладывая основы для последующего развития поэтической традиции.

Список источников

1. Божественный отрок Ван Бо. Стихи / Пер. с кит., сост., послесловие Торопцева С.А. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2025. 63 с.

2. Ван Кай. История китайской поэзии / Пер. с кит. Поверинова Н.О. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 183 с.

3. Желоховцев А.Н., Лисевич И.С., Рифтин Б.Л. и др. Танская поэзия VII-IX вв. // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука. Т. 2. 1984. С. 116 – 129. URL: https://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-1162.htm (дата обращения: 12.09.2026)

4. 鸿雁 // **百度百科**. URL: https://baike.baidu.com/item/鸿雁/19701594 (дата обращения: 21.09.2026).

5. **塞**鸿比喻什么意思 // **百度文**库. 2026. URL: https://wenku.baidu.com/view/66a8b14aceaedd3383c4bb4cf7ec4afe04a1b106?bfetype=new&_wkts_=1789607063364&bdQuery=%E2%80%8C **塞**鸿%E2%80%8C **是前程而**长途跋涉、漂泊无定的人&needWelcomeRecommand=1(дата обращения: 18.09.2026).

6. **唐代**诗人王勃生平简介 // **百度文**库. 2019. URL: https://wenku.baidu.com/view/6ce92ccbb94ae45c3b3567ec102de2bd9705def2?aggId=2a6bb7cdbbf67c1cfad6195f312b3169a451eaf7&fr=catalogMain_text_ernie_recall_v1%3Awk_recommend_main3&_wkts_=1789870944851&bdQuery= **王勃**%E2%80%8C 诗歌的特色百度文库&needWelcomeRecommand=1 (дата обращения: 10.09.2026).

7. **王勃. 江曲孤**凫赋 // **搜韵**. URL: https://sou-yun.cn/Query.aspx?type=poem&id=1364038 (дата обращения: 14.09.2026).

8. **王勃. 送劼赴太學序** // 维基文库. URL: https://zh.wikisource.org/zh-hant/**送劼赴太學序** (дата обращения: 13.09.2026).

9. **王勃. 滕王**阁序 // **百度**汉语. URL: https://hanyu.baidu.com/s?wd=**滕王**阁序&from=poem (дата обращения: 17.09.2026).

10. **檄英王**鸡 // **百度百科**. URL: https://baike.baidu.com/item/**檄英王**鸡/4741863 (дата обращения: 17.09.2026).

References

1. Divine youth Wang Bo. Poems. Trans. from Chinese, comp., afterword by Toroptsev S.A. M.: LLC "International Publishing Company "Chance", 2025. 63 p.

2. Wang Kai. History of Chinese poetry. Trans. from China Poverinova N.O. M.: LLC International Publishing Company "Chance", 2020. 183 p.

3. Zhelohovtsev A.N., Lisevich I.S., Riftin B.L. and others. Tang poetry of the 7th-9th centuries. History of world literature: in 9 volumes. M.: Science. Vol. 2. 1984. P. 116 – 129. URL: https://feb-web.ru/feb/ivl/vl2/vl2-1162.htm (accessed: 12.09.2026)

4. 鸿雁. 百度百科. URL: https://baike.baidu.com/item/鸿雁/19701594 (accessed: 21.09.2026).

5. 塞鸿比喻什么意思. 百度文库. 2026. URL: https://wenku.baidu.com/view/66a8b14aceaedd3383c4bb4cf7ec4afe04a1b106?bfetype=new&_wkts_=1789607063364&bdQuery=%E2%80%8C 塞鸿 %E2%80%8C 是前程而长途跋涉、漂泊无定的人&needWelcomeRecommand=1(accessed: 18.09.2026).

6. 唐代诗人王勃生平简介. 百度文库. 2019. URL: https://wenku.baidu.com/view/6ce92ccbb94ae45c3b3567ec102de2bd9705def2?aggId=2a6bb7cdbbf67c1cfad6195f312b3169a451eaf7&fr=catalog-Main_text_ernie_recall_v1%3Awk_recommend_main3&_wkts_=1789870944851&bdQuery= 王勃 %E2%80%8C诗歌的特色百度文库&needWelcomeRecommand=1 (accessed: 10.09.2026).

7. 王勃. 江曲孤凫赋. 搜韵. URL: https://sou-yun.cn/Query.aspx?type=poem&id=1364038 (accessed: 14.09.2026).

8. 王勃. 送劼赴太學序. 维基文库. URL: https://zh.wikisource.org/zh-hant/送劼赴太學序 (accessed: 13.09.2026).

9. 王勃. 滕王阁序. 百度汉语. URL: https://hanyu.baidu.com/s?wd=滕王阁序&from=poem (accessed: 17.09.2026).

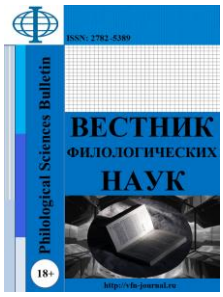
10. 檄英王鸡. 百度百科. URL: https://baike.baidu.com/item/檄英王鸡/4741863 (accessed: 17.09.2026).

Информация об авторах

Щептева В.Э., *Северо-Восточный государственный университет*

Крашенинников А.Е., *кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет*

© Щептева В.Э., Крашенинников А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’44
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-226-232

[1] Алиева В.С. ***[1] Азербайджанский университет языков***

Сопоставительный анализ гендерно маркированных фразеологических единиц английского и азербайджанского языков

Аннотация: *статья посвящена сопоставительному анализу гендерно маркированных фразеологических единиц в английском и азербайджанском языках. Цель исследования состоит в выявлении сходств и различий в семантической, оценочной и культурной репрезентации маскулинности и феминности. В связи с трансформацией традиционных социальных ролей женщин под влиянием эмансипации изучение гендерно маркированной фразеологии в английском и азербайджанском языках приобретает особую актуальность. Анализ идиоматики позволяет выявить культурные представления о маскулинности и феминности, а также переосмыслить сходства и различия в репрезентации гендера в условиях динамики современных ценностей. В статье представлен краткий обзор исследованной литературы по данной тематике. Результаты исследования показывают, что в обеих лингвокультурах фразеология формирует схожую модель мужчины, ассоциирующуюся с силой, мужеством, честью и авторитетом. Однако в представлении женского образа обнаруживаются специфические особенности, присущие разным культурам: в английском языке акцент делается на индивидуальных качествах, социальной активности и внешности, в то время как в азербайджанском - на семейно-брачных отношениях, субординации и традиционных социальных ролях. Выявлена общая для обоих языков оценочная асимметрия гендерной транспозиции: наделение женщины «мужскими» качествами нередко имеет положительную коннотацию, тогда как приписывание мужчине «женских» черт сопровождается пренебрежительной или отрицательной оценкой.*

Ключевые слова: *фразеологическая единица, гендер, английская фразеология, азербайджанская фразеология, асимметрия*

Для цитирования: Алиева В.С. Сопоставительный анализ гендерно маркированных фразеологических единиц английского и азербайджанского языков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 226 – 232. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-226-232

Поступила в редакцию: 16 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Aliyeva V.S. ***[1] Azerbaijan University of Languages***

A comparative analysis of gender-marked phraseological units in the English and Azerbaijani languages

Abstract: *the article is devoted to a comparative analysis of gender-marked phraseological units in the English and Azerbaijani languages. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the semantic, evaluative, and cultural representation of masculinity and femininity. The study of gender-marked phraseology in English and Azerbaijani is relevant due to the transformation of traditional social roles of women under the influence of emancipation. The analysis of idiomatic expressions allows to uncover cultural perceptions of masculinity and femininity and to revise the similarities and differences in gender representation amid the dynamics of modern*

values. The article presents a brief literature review on the topic. The results of the study show that in both cultures, phraseology forms a similar model of a man associated with strength, courage, honor, and authority. However, the representation of the female image reveals specific characteristics belong to different cultures: in English, the emphasis is placed on individual qualities, social activity, and appearance, whereas in Azerbaijani, it is on family and marital relations, subordination, hierachy and traditional social roles. An evaluative asymmetry of gender transposition common to both languages was identified: attributing "male" qualities to a woman often carries a positive connotation, whereas attributing "female" traits to a man is accompanied by a derogatory or negative assessment.

Keywords: *phraseological unit, gender, English phraseology, Azerbaijani phraseology, asymmetry*

For citation: Aliyeva V.S. A comparative analysis of gender-marked phraseological units in the English and Azerbaijani languages. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 226 – 232. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-226-232

The article was submitted: August 16, 2026; Approved after reviewing: September 20, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Фразеология любого современного языка формируется в тесной взаимосвязи с историей языка и культурой народов-носителей. Устойчивые выражения ярко отображают систему ценностей, особенности мировосприятия стереотипов и верований. По ним можно отследить процесс наслоения друг на друга множества исторических событий. Их можно рассматривать как своеобразный языковой носитель коллективного опыта и моделей поведения, в том числе и гендерных. Характеризуя человека, фразеологизмы свидетельствуют не только о качествах и моделях поведения человека, но и оценивают его, способствуя тем самым формированию представлений о социально детерминированных ролях мужчин и женщин.

Гендер является социально-культурной, а не лингвистической категорией, однако его проявление может быть выявлено посредством анализа языковых структур, что обосновывает лингвистическое изучение репрезентации пола. Именно поэтому изучение способов репрезентации гендера в языке представляет значительный интерес для современной лингвистики. Гендерно маркированные фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой особый сегмент фразеологии, семантика, коннотация или употребление которого связаны с образом мужчины или женщины, а также с признаками, традиционно ассоциируемыми с маскулинностью или фемининностью. Их изучение находится на пересечении фразеологии, гендерной лингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Как отмечает К.А. Покоякова, репрезентация гендера в идиоматике позволяет получить более широкое представление о социальных ролях, выполняемых мужчинами и женщинами в определённом обществе. Она подчёркивает, что гендерный компонент помогает раскрыть представления о культурных категориях маскулинности и феминности, а также отражает историческую динамику противопоставления мужского и женского начал [5, с. 111].

Тенденции современного западного общества направленные на установление равноправия полов в настоящее время находят отклик и в восточной культуре. В условиях эмансипации и феминизации общества актуальность исследования гендерной репрезентации во фразеологии обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к изучению взаимосвязи культуры, языка и гендера. Благодаря трансформации традиционных гендерных представлений, женщина всё чаще выступает не только в традиционных ролях матери, жены или хозяйки, но и как самостоятельная, профессионально активная, образованная и социально влиятельная личность. В этой связи фразеологизмы и другие лингвистические единицы, несущие в своей семантике гендерную тематику, требуют переосмысления. Особый интерес вызывают сходства и различия в фразеологическом фонде различных лингвокультур. В нашем случае английской и азербайджанской.

Материалы и методы исследований

Материалом нашего исследования являются гендерно маркированные и гендерно обусловленные ФЕ английского и азербайджанского языков, отражающие образы мужчины и женщины, а также их социальные, личностные и семейные характеристики. Для исследования нами были применены описательный метод, метод семантического анализа, сопоставительный метод, а также методы контекстуальный и лингвокультурологического анализа.

Английские и азербайджанские гендерно маркированные ФЕ представляют собой значимый источник изучения национальных представлений о мужчине и женщине. В исследованиии «Gender and evaluation in contemporary American English: A corpus study based on pronominal and nominal expressions with male and female reference» Катон С. проводит корпусный анализ оценочного компонента гендерно-маркированных фразеологизмов и устойчивых сочетаний. Автор демонстрирует, что фразеологизмы в которых присутствует женский компонент значительно чаще, содержат отрицательную или ироничную экспрессивную окраску по сравнению с мужскими [9]. В научной статье «The Gender Marked Phraseological Units Coding Female Intelligence in the Russian and English Languages» авторами Тарасовой А. и Кормильцевой А. изучены английские и русские ФЕ репрезентирующие женский интеллект. Они выделяют три группы: единицы с очевидным гендерным потенциалом; ФЕ с женской семантикой; и единицы без ярко выраженной гендерной маркированности, которые приобретают гендерную направленность в определённом употреблении. Авторы также обнаруживают значительную долю отрицательно оцениваемых характеристик женского интеллекта [15].

В своем исследовании “The Representation of Gender Stereotypes in Phraseological Units in Uzbek and English Languages” Хидирова Ш. приводит сравнительный анализ английских и узбекских ФЕ, рассматривая социальную и культурную репрезентацию мужского и женского образа в фразеологии [10]. Исследований касательно азербайджанской гендерной фразеологии значительно меньше, по сравнению с объемом исследований гендерной фразеологии английского языка. Здесь нужно отметить диссертационную работу Алиевой К. «Phraseological units expressing gender relations in the Azerbaijani language». Диссертация посвящена ФЕ выражающим гендерные отношения в азербайджанском языке. В данном исследовании автор рассматривает лакунарность, семантическую/гендерную асимметрию, компоненты *kişi, oğul/oğlan,* пейоративность и мелиоративность, родственные компоненты, когнитивно-лингвопрагматические характеристики [6]. Гендерно маркированная фразеология является объектом научных работ и таких исследователей как Добровольский Д. [7], Горагузиева Д. [18], Гусейнова Т. [1], Зыкова И. [2], Пауэлс А. [16], Пиирайнен Э. [17] и других.

Результаты и обсуждения

Гендерные стереотипы проявляются в языковой репрезентации социальных ролей, способностей и личностных качеств, традиционно ассоциируемых с мужчинами и женщинами. При этом часто подразумевается, что «любая деятельность, связанная с женщинами, по своей сути является тривиальной или второстепенной по отношению к деятельности мужчин» [12, с. 14].

На протяжении веков мужчина и маскулинность во фразеологии ассоциировались с силой, храбростью, решительностью, способностью защитить. Однако, наряду с восприятием женщины как хранительницы очага, матери, жены, носительницы нравственных норм и символа красоты, образ женщины также зачастую связывали и с отрицательными стереотипичными характеристиками, такими как болтливость, недалекость, слабость, хитрость, коварство, зависимость от мужчин и другими. Например, выражение *the weaker sex,* традиционно относящееся к женщинам, не просто обозначает женщин, а содержит оценочное представление об их физической или социальной слабости. Так как ФЕ отражают исторический опыт, культурные ценности, уклад жизни и стереотипные представления носителей определённой лингвокультуры, данные тенденции нашли в них яркое отражение. Устойчивое выражение воспринимается носителем языка как готовая, общественно признанная характеристика. Поэтому многократное употребление определённых выражений может способствовать закреплению стереотипов о типично «мужском» и «женском» поведении. Особый интерес представляет выявление гендерной асимметрии, различий в способах номинации и оценочной характеристике мужчин и женщин. Положительное качество применительно к мужчине, не всегда получает такую же оценку применительно к женщине. И наоборот, определённые характеристики могли становиться объектом критики именно тогда, когда они приписывались женщине.

Согласно исследованию Ф.А. Исламовой, эмансипация женщин, происходящая на всех уровнях, включая правовой и социальный, затрагивает различные сферы современной жизни и способствует переосмыслению ряда языковых явлений [3, с. 1383]. В начале XX века сформировалось направление, получившее название феминистской критики языка, представители которого исследуют неравномерную представленность мужчин и женщин в языке. Одним из центральных вопросов феминистской лингвистики является выявление гендерной асимметрии. Согласно представленному подходу, язык может отражать преимущественно мужскую перспективу и тем самым закреплять андроцентрическую картину мира.

В своей монографии Спендер Д. утверждала, что понятия и значения являются продуктами доминирующего пола, призванными выражать его собственный опыт, и поэтому мир посредством языка отражается как мир мужчин, в котором «женщины оказываются в ловушке, становятся невидимыми и лишёнными го-

лоса» [14, с. 15]. К примеру, профессиональные наименования для женщин редко имеют морфологически выраженную гендерную маркированность (слово *actress* «актриса» является одним из редких исключений), и в английском языке значительно чаще гендер эксплицитно обозначается применительно к женщинам (*female teacher* – «женщина-учитель»), чем к мужчинам (*male secretary* – «мужчина-секретарь») [11, с. 250]. Однако в современном английском языке всё более активно применяется нейтрализующая стратегия, направленная на использование профессиональных наименований, не маркированных по гендеру.

Гендерный аспект в идиомах может быть затронут как эксплицитно (т.е. явно, открыто) так и имплицитно (т.е. скрыто, подразумеваемо) [4, с. 135]. К примеру, в идиоматическом выражении, *a man of the hour – человек*, который на данный момент находится в центре внимания, слово «man» употреблено в прямом значении. В идиоме же *old trout,* которая означает «старая кошелка», нет прямого указания на гендер, хотя подразумевается пожилая склочная, неприятная женщина. Здесь используется образное, метафорическое описание человека. Количество эксплицитных идиом в английском языке превосходит количество имплицитных. Однако, стоит отметить, что если в целом количество эксплицитных ФЕ, относящихся к мужскому полу, значительно превышает количество ФЕ, относящихся к женскому полу, то количество имплицитных ФЕ, относящихся к женскому полу, несколько превышает численность ФЕ, относящихся к мужскому полу [8, с. 202].

В формировании гендерно маркированных эксплицитных ФЕ участвуют лексемы man, woman, boy, girl, he, she, lady, а также имена собственные, такие как Mary, Tom и другие. В качестве примера можно привести идиомы: *a girl Friday,* (помощница), *a chit of a girl* (миниатюрная или легкомысленная девочка, *a ladies' man* (дамский угодник), *every Tom, Dick, and Harry* (каждый встречный), *doubting Thomas* (Фома неверующий), *proud Mary* (гордячка, высокомерная женщина), *plain Jane* (серая мышь, ничем непримечательная женщина), *lazy Daisy* (лентяйка), *Bob's your uncle* (дело в шляпе), *smart Alec* (умник, всезнайка), *Silly Billy* (дурачок) и другие. Среди эксплицитных ФЕ много таких, которые указывают на род деятельности человека – *a boy in buttons* (коридорный), *a cabin boy* (юнга), *hello girl* (девушка-телефонистка) и другие. Эта группа является самой многочисленной в ряду гендерно окрашенных фразеологизмов. Сопоставление английских и азербайджанских гендерно маркированных ФЕ позволяет выявить общие для этих двух культур представления. Кроме того, обнаруживаются национально-специфические особенности типических мужского и женского образов, что способствует более глубокому раскрытию особенностей национальных языковых картин мира. В этой связи Х. Сайфуллаев отмечает: фразеологические системы разных языков могут отражать универсальные представления о мужественности и женственности, однако способы их языковой репрезентации и оценочная интерпретация способны существенно различаться [13, с. 201]. В английском языке образ мужчины во фразеологии часто ассоциируется с силой, мужеством, честью, ответственностью и социальным авторитетом**.** Например: *a real man* (настоящий мужчина), *be a man* (проявить мужество, стойкость), *a man of his word* (человек, который держит своё слово), *a man of honour* (человек чести), *a man of action* (деятельный, решительный человек), *the man of the house* (глава семьи), *a man's man* (мужчина, предпочитающий мужское общество и традиционно маскулинные модели поведения) и другие. Реже с той же целью используется лексема “boy”, например, *good old boy* (мужчина, придерживающийся традиционных местных ценностей).

Похожая концептуальная модель обнаруживается и в азербайджанском языке. Особое место занимают выражения с компонентом «kişi»: *kişi kimi (как мужчина), kişi olmaq (быть мужчиной), kişilikdən düşmək (*утратить мужскую честь, опозориться), *kişilikdən məhrum etmək (*унизить, растоптать мужскую гордость) и др. Компонент «oğul/oğlan» также встречается в азербайджанской фразеологии: *anasından doğulan oğul* (настоящий мужчина), *oğul toyu görmək* (дождаться счастья детей) и подобные. Таким образом, напрашивается вывод о том, что как английская, так и азербайджанская фразеология часто формирует модель мужчины, сопряженную с мужественностью, силой, честью, ответственностью и авторитетом.

В отношении женщины картина оказывается более сложной. В английской фразеологии большое место занимают выражения, связанные с внешностью, красотой, семейным статусом, моральными качествами и сексуальностью: *the fair sex* (рекрасный пол), *the weaker sex* (слабый пол), *a woman of the world* (опытная, светская женщина), *a woman of easy virtue* (женщина лёгкого поведения), *a damsel in distress* (девушка, попавшая в беду и нуждающаяся в помощи), *an old maid* (старая дева), *the angel in the house* (жена и мать, хранительница очага), a battle-axe (властная, резкая женщина), *a mother hen* (чрезмерно заботливая женщина), *her indoroos* (чья-то жена, домохозяйка) и другие.

Таким образом, в английской фразеологии одновременно сосуществуют идеализация и стереотипизация женского образа. В азербайджанской фразеологии женский образ часто привязан к семье, замужеству, отношениям между родственниками и традиционным социальным ролям. Имплицитная ФЕ *başına örpək*

bağlamaq, применительно к женщине, означает выйти замуж (дословно – покрыть голову платком). Выражение *qızım, sənə deyirəm, gəlinim eşit* буквально означает «дочка, говорю тебе, а невестка пусть слышит (т.е. принимает во внимание)» отражает не просто семейные отношения, но и определённую модель субординации и социальной дистанции**,** характерную для традиционной азербайджанской семейной системы. Идиома *ipək qarı* применима к пожилой доброжелательной женщине с кротким нравом.

Однако, справедливо будет отметить, что в азербайджанской фразеологии по сравнению с английской фразеологией значительно большая часть идиом применимых к женскому полу носит негативную семантику. В азербайджанской речи довольно распространенными считаются идиомы *Fatma-Tükazban* (собирательное обозначение традиционной, необразованной, бесправной восточной женщины), *arvad bazarı* (шумное, многолюдное место, в котором царит сильный гул, неразбериха и крики), *arvad ağız* (человек, который не умеет держать язык за зубами, постоянно разносит слухи, также может употребляться в адрес мужчины, чьи слова не имеют веса, или того, кто ведет себя излишне эмоционально, капризно).

Одной из характерных особенностей гендерно маркированной фразеологии как английского, так и азербайджанского языков является асимметричность оценки мужских и женских качеств. В традиционной языковой картине мира наделение женщины «мужскими» качествами нередко воспринимается как повышение её социально-личностной ценности. В то же время качества, традиционно ассоциируемые с женственностью, при их переносе на мужчину чаще приобретают отрицательную или пренебрежительную коннотацию.

Например, применительный к женщине фразеологизм *wear the pants* чаще всего несет в себе положительную коннотацию и означает, что женщина обладает твердым, властным характером и принимает все ключевые решения сама. К тому же типу можно отнести ФЕ *an iron butterfly* (женщина, которая внешне выглядит очень женственной, хрупкой и мягкой, но на самом деле обладает железным мужским характером). Показателен в этом отношении и азербайджанский фразеологизм *erkək Tükəzban* (мужеподобная Тукезбан). Само сочетание erkək («мужской», «мужчина») с женским именем демонстрирует перенос мужского признака на женщину. При этом данный перенос не обязательно является отрицательным: образ Тукезбан в азербайджанской культуре связан с силой характера, смелостью, независимостью и способностью действовать решительно. Азербайджанские лексикографические источники определяют *erkək Tükəzban* как выражение, характеризующее женщину, которая имеет мужской характер, ведёт себя как мужчина и отличается от традиционно представляемой женской мягкости. Схожая картина наблюдается в употреблении выражениия *kişi kimi qadın* («женщина подобная мужчине»), употребляемое для положительной характеристики женщины, наделённой такими качествами, как мужество, достоинство, стойкость и смелость. Таким образом, мужское начало в данном случае выступает своеобразной положительной оценкой.

Обратная оценочная модель наблюдается при характеристике мужчины посредством женских признаков. В английском языке выражение *a mummy's boy* применяют в отношении взрослого мужчины, который чрезмерно привязан к своей матери, во всем от нее зависит и не способен принимать самостоятельные решения. Словари прямо фиксируют неодобрительную или пренебрежительную оценку данного фразеологизма. Выражение *a sissy boy* имеет похожее значение, не соответствующие традиционному представлению о маскулинности. ФЕ *a hen-pecked husband* также подчеркивает неподходящие для сильного пола характеристики у мужчины, и имеет значение мужчина, который боится своей жены и во всем ей подчиняется. ФЕ *under the thumb* (находиться под каблуком»), *under petticoat government* (находиться под властью жены) тоже свидетельствуют о нарушении семейной иерархии.

Таким образом, в обоих языках прослеживается оценочная асимметрия гендерной транспозиции: перенос мужских качеств на женщину может сопровождаться положительной оценкой, тогда как перенос женских качеств на мужчину значительно чаще сопровождается отрицательной оценкой. Данная закономерность отражает традиционную иерархическую модель гендерных признаков. Следовательно, гендерно маркированная фразеология не только фиксирует различия между мужскими и женскими образами, но и репрезентирует иерархию гендерных качеств.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить, что фразеологическая система каждого языка избирательно фиксирует те характеристики мужчины и женщины, которые на протяжении исторического развития общества приобретали особую социальную и ценностную значимость. В азербайджанской фразеологии значительный пласт гендерно маркированных единиц связан с семьёй, браком, родством, материнством, отцовством, честью, воспитанием детей и социальными обязанностями членов семьи. В английской гендерно маркированной фразеологии наряду с семейной тематикой наиболее заметно представлены индивидуальные качества и социальная

активность личности: самостоятельность, профессиональная деятельность, социальный статус, внешний вид, лидерство и способность принимать решения. Однако это различие нельзя радикально оценивать как абсолютное противопоставление «коллективистской» азербайджанской и «индивидуалистической» английской культуры. В обоих языках присутствуют как семейно ориентированные, так и личностно ориентированные гендерные модели. Различается прежде всего их количественная представленность, степень фразеологической закреплённости и характер оценочности.

Список источников

1. Гусейнова Т. Фразеологические единицы английского языка, характеризующие мужчину // Вестник ЧелГУ. 2010. № 29. С. 57 – 60.

2. Зыкова И. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: диссертация. Москва, 2002. 219 с.

3. Исламова Ф.А. К вопросу о гендерных отношениях в языке // Вестник Башкирского университета. 2015. № 4. С. 1383 – 1385.

4. Насруллаева Н.З. Способы выражения коннотаций гендерно маркированных фразеологических единиц современного английского языка // Вестник ЧелГУ. 2015. № 27. С. 135 – 139.

5. Покоякова К.А. Особенности репрезентации гендерных стереотипов в американских идиомах и паремиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 9-1. С. 109 – 112.

6. Əliyeva K.R. Azərbaycan dilində gender münasibətlərini əks etdirən frazeoloji vahidlər. Disser. Avtoref. Bakı, 2017. 26 c.

7. Dobrovolskij D. Phraseology and Figurative Language: Some Basic Concepts and Future Prospects / Yearbook of Phraseology. 2025. 50 c.

8. Getman T., Stanchulyak G. Gender Asymmetry in The English Phraseology: Sociocultural Peculiarities // Institute of Foreign Languages Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow. 2021. Vol. 8. C. 200 – 204.

9. Kathon S. Gender and evaluation in contemporary American English: A corpus study based on pronominal and nominal expressions with male and female reference. // ICAME Journal. 2023. No 47 (1). C. 39 – 61.

10. Khidirova Sh. The Representation of Gender Stereotypes in Phraseological Units in Uzbek and English Languages. European science international conference: Modern Problems in Education and Their Scientific Solutions. 2025.Vol. 2. No. 1. C. 519 – 520.

11. Marco M. J.L. Linguistic Choices for the Representation of Women in Discourse. Bells: Barcelona English Language and Literature Studies, 1997. No 8. C. 247 – 259.

12. Mills S. Language and Sexism. United Kingdom, Cambridge University Press. 2008. 178 c.

13. Sayfullayev X. Cultural Study of Gender Stereotypes in The English and Uzbek Phraseological Units // Журнал иностранных языков и лингвистики. 2023. № 6 (2). С. 192 – 200.

14. Spender D. Man Made Language. Routledge & Kegan Paul, 1985. 250 c.

15. Tarasova F.H., Kormiltseva A.L. The Gender Marked Phraseological Units Coding Female Intelligence in the Russian and English Languages. // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. No 11 (7). C. 2015 – 2024.

16. Pauwels A. Linguistic Sexism and Feminist Linguistic Activism. In Holmes, J. and Meyerhoff, M., eds. / The Handbook of Language and Gender. Oxford: Blackwell, 2005. C. 550 – 570.

17. Piirainen E. Figurative Phraseology and Culture. / In Phraseology: An International: Cambridge University Press, 2008. C. 207 – 228.

18. Qoraquziyeva D. Gender aspects of phraseological units in English // In ZDIT. 2024. Vol. 3. Issue 3. C. 96 – 100.

References

1. Guseinova T. English Phraseological Units Characterizing Men. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 29. P. 57 – 60.

2. Zykova I. The Gender Component in the Structure and Semantics of Phraseological Units in Modern English: Dissertation. Moscow, 2002. 219 p.

3. Islamova F.A. On the Issue of Gender Relations in Language. Bulletin of Bashkir University. 2015. No. 4. P. 1383 – 1385.

4. Nasrullaeva N.Z. Methods of Expressing Connotations in Gender-Marked Phraseological Units of Modern English. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 27. P. 135 – 139.

5. Pokoyakova K.A. Features of the Representation of Gender Stereotypes in American Idioms and Paremias. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 9-1. P. 109 – 112.

6. Aliyeva K.R. Phraseological Units Reflecting Gender Relations in the Azerbaijani Language. Dissertation Abstract. Baku, 2017. 26 p.

7. Dobrovolskij D. Phraseology and Figurative Language: Some Basic Concepts and Future Prospects.Yearbook of Phraseology. 2025. 50 p.

8. Getman T., Stanchulyak G. Gender Asymmetry in English Phraseology: Sociocultural Peculiarities. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Moscow. 2021. Vol. 8. P. 200 – 204.

9. Kathon S. Gender and evaluation in contemporary American English: A corpus study based on pro-nominal and nominal expressions with male and female reference. ICAME Journal. 2023. No. 47 (1). P. 39 – 61.

10. Khidirova Sh. The Representation of Gender Stereotypes in Phraseological Units in Uzbek and English Languages. European science international conference: Modern Problems in Education and Their Scientific Solutions. 2025.Vol. 2. No. 1. P. 519 – 520.

11. Marco M.J.L. Linguistic Choices for the Representation of Women in Discourse. Bells: Barcelona English Language and Literature Studies, 1997. No. 8. P. 247 – 259.

12. Mills S. Language and Sexism. United Kingdom, Cambridge University Press. 2008. 178 p.

13. Sayfullayev X. Cultural Study of Gender Stereotypes in The English and Uzbek Phraseological Units. Journal of Foreign Languages and Linguistics. 2023. No. 6 (2). P. 192 – 200.

14. Spender D. Man Made Language. Routledge & Kegan Paul, 1985. 250 p.

15. Tarasova F.H., Kormiltseva A.L. The Gender Marked Phraseological Units Coding Female Intelligence in the Russian and English Languages. International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. No. 11 (7). P. 2015 – 2024.

16. Pauwels A. Linguistic Sexism and Feminist Linguistic Activism. In Holmes, J. and Meyerhoff, M., eds. The Handbook of Language and Gender. Oxford: Blackwell, 2005. P. 550 – 570.

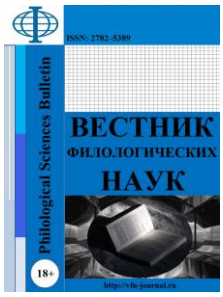
17. Piirainen E. Figurative Phraseology and Culture. In Phraseology: An International: Cambridge Uni-versity Press, 2008. P. 207 – 228.

18. Qoraquziyeva D. Gender aspects of phraseological units in English. In ZDIT. 2024. Vol. 3. Issue 3. P. 96 – 100.

Информация об авторах

Алиева В.С., *кандидат филологических наук, Азербайджанский университет языков, sevinc.n@mail.ru*

© Алиева В.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 378.147:811
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-233-239

[1] Бочкарева Т.С., [1] Хон И.А.

[1] Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко

Психолого-педагогические аспекты формирования языковой готовности мультиязычного контенгента студентов к профессиональной иноязычной коммуникации

Аннотация: *современные изменения в академической среде и рост межкультурных контактов требуют пересмотра языковой подготовки в вузах. Традиционные методы, ориентированные на базовые навыки, недостаточно эффективны для реальной полиязычной рабочей среды. Цель – выявить и обосновать факторы, формирующие потребность мультиязычного сообщества в иноязычной профессиональной коммуникации. Исследование базируется на системно-деятельностном и компетентностном подходах. Использованы теоретический анализ, синтез педагогического опыта и анализ нормативных документов. Обоснован переход от монокультурной модели к полисубъектной парадигме. Систематизированы макро- (социоэкономические, институциональные) и микрофакторы (психологические, ценностные), формирующие запрос студентов на профессиональный иностранный язык. Уточнено понятие «иноязычный профессиональный дискурс» в мультиязычной среде. Доказано, что анализ потребностей студенческого сообщества служит концептуальной основой для создания образовательных систем, развивающих поликультурную коммуникативную компетентность будущих специалистов.*

Ключевые слова: *полиязычная среда, мультиязычный контингент, иноязычный профессиональный дискурс, лингводидактическая подготовка, компетентностная модель*

Для цитирования: Бочкарева Т.С., Хон И.А. Психолого-педагогические аспекты формирования языковой готовности мультиязычного контенгента студентов к профессиональной иноязычной коммуникации // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 233 – 239. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-233-239

Поступила в редакцию: 16 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Bochkareva T.S., [1] Hon I.A.

[1] V.A. Bondarenko Orenburg State University

Psychological and pedagogical aspects of developing the linguistic readiness of a multilingual student body for professional communication in a foreign language

Abstract: *contemporary changes in the academic environment and the growing intensity of intercultural contacts necessitate a revision of language training in higher education. Traditional methods focused on basic skills prove insufficiently effective for the real multilingual working environment. The aim is to identify and substantiate the factors that shape the multilingual community's need for foreign-language professional communication. The research is grounded in system-activity and competence-based approaches. It employs theoretical analysis, synthesis of pedagogical experience, and analysis of regulatory documents. The transition from a monocultural model to a polysubject paradigm is substantiated. Macro-level (socio-economic, institutional) and micro-level factors (psychological, value-related) that shape students' demand for professional foreign language proficiency are systematized. The concept of "foreign-language professional discourse" in a multilingual environment is refined. It is prov-*

en that analyzing the needs of the student community serves as a conceptual foundation for designing educational systems that develop future specialists' polycultural communicative competence.

Keywords: *multilingual environment, multilingual student body, foreign-language professional discourse, language didactic training, competence-based model*

For citation: Bochkareva T.S., Hon I.A. Psychological and pedagogical aspects of developing the linguistic readiness of a multilingual student body for professional communication in a foreign language. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 233 – 239. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-233-239

The article was submitted: August 16, 2026; Approved after reviewing: September 20, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная эпоха развития высшей профессиональной школы сопряжена с ужесточением требований к уровню подготовленности кадров, способных к результативной профессиональной интеракции в условиях культурно-языкового многообразия. Процессы глобализации научно-образовательной сферы, усиление академической мобильности и интеграция отечественного образования в общемировой контекст актуализируют вопросы качественной подготовки специалистов, владеющих иностранным языком как инструментом профессиональной деятельности [3, 7, 9].

Анализ теоретических источников позволяет заключить, что проблематика языковой подготовки традиционно локализовалась в рамках формирования коммуникативной компетенции, включающей языковые, речевые и социокультурные компоненты [2, 8]. Однако в последние годы все более явственной становится тенденция к трансформации целей и контента обучения в сторону усиления профессиональной направленности и практико-ориентированности.

Категория «профессиональный дискурс» занимает центральное место в современной лингводидактике. Под профессиональным дискурсом понимается институционально маркированный тип коммуникации, отличающийся специфическими языковыми паттернами, коммуникативными ходами и системой профессиональных ценностей [4]. Иноязычный профессиональный дискурс, соответственно, есть коммуникативная практика специалиста на неродном языке в контексте значимых профессиональных ситуаций.

Особую значимость приобретает феномен «мультиязычного контингента». В отличие от традиционной трактовки студенческого состава как количественной совокупности, данное понятие фокусируется на языковом многообразии субъектов педагогического взаимодействия [13]. В условиях современного университета мультиязычный контингент интегрирует не только отечественных студентов, осваивающих иностранные языки, но и иностранных обучающихся, а также студентов-билингвов.

Несмотря на обилие исследований, посвященных лингвоподготовке специалистов [2, 5, 15], проблема детерминации потребностной сферы мультиязычного контингента в профессионально-ориентированном иноязычном общении остается недостаточно разработанной. В научном дискурсе отсутствует целостное представление о факторном поле, определяющем объективную необходимость освоения обучающимися иноязычного дискурса. Не в полной мере эксплицированы внешние и внутренние детерминанты данной потребности, не определены оптимальные педагогические условия её реализации.

Цель настоящего исследования – идентифицировать и теоретически обосновать систему детерминант, формирующих объективную потребность мультиязычного контингента студентов в освоении иноязычного профессионального дискурса как интегративного свойства современного профессионала.

Задачи:

1. Рассмотреть современные теоретические подходы к интерпретации феномена иноязычного профессионального дискурса в контексте высшего образования.
2. Концептуализировать категорию «мультиязычный контингент» как активного субъекта образовательного процесса.
3. Выявить и систематизировать внешние и внутренние факторы, обусловливающие потребность разноязычного контингента в профессионально-дискурсивной подготовке.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую платформу исследования образовали:

1. Системно-деятельностный подход, позволяющий трактовать процесс овладения иноязычным профессиональным дискурсом как мотивированную, целенаправленную и рефлексивную активность обучающихся, включённую в контекст предстоящей профессиональной деятельности [6].

2. Компетентностный подход, в русле которого иноязычный профессиональный дискурс осмысляется как интегративная составляющая профессиональной компетентности, обеспечивающая конкурентные преимущества на международном рынке труда [3].

3. Аксиологический подход, акцентирующий ценностно-смысловое измерение овладения иноязычным дискурсом, формирование у студентов ценностного отношения к полилингвизму и поликультурности как сущностным характеристикам современного специалиста [9, 12].

Исследовательские методы:

- Теоретические: компаративный анализ научной литературы (педагогика, психолингвистика, социолингвистика, методика); историко-ретроспективный анализ эволюции подходов к языковой подготовке; анализ образовательных стандартов и профессиональных требований [2, 4, 5].
- Эмпирические: обобщение инновационного педагогического опыта; анализ данных мониторинга трудоустройства выпускников в аспекте требований к иноязычной компетенции [1].

Эмпирическая база:

- Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям, включающим иностранный язык как обязательную дисциплину [10, 11];
- Профессиональные стандарты, фиксирующие требования к иноязычной коммуникативной подготовке специалистов;
- Результаты опроса студентов (n=210) и анкетирования представителей работодателей (n=15) из числа партнёров университетов Оренбургского региона.

Результаты и обсуждения

Концептуальные основания понимания иноязычного профессионального дискурса

Теоретический анализ, проведённый в рамках настоящего исследования, позволяет – с определённой долей условности, разумеется, – уточнить содержание понятия «иноязычный профессиональный дискурс» применительно к образовательному контексту. Мы определяем данный феномен как коммуникативную деятельность специалиста на неродном языке, разворачивающуюся в профессионально значимых ситуациях и объединяющую языковые, речевые, социокультурные и ценностно-смысловые компоненты. Последнее – неразрывное единство – принципиально, хотя на практике его зачастую игнорируют [4, 8].

Структура иноязычного профессионального дискурса, по нашим представлениям, включает:

- языковая составляющая – владение лексико-грамматическими и фонетическими средствами, достаточными для профессиональной речевой деятельности [15];
- речевая – способность порождать и интерпретировать устные и письменные тексты профессиональной направленности [14];
- социокультурная – знание норм, конвенций и традиций профессионального общения в иноязычной среде [8, 9];
- ценностно-смысловая – осознание значимости иноязычного дискурса для эффективной реализации профессиональных функций [12].

Здесь, пожалуй, стоит оговориться: выделение компонентов носит аналитический характер. В реальной коммуникации они не существуют изолированно – что, впрочем, не отменяет необходимости их теоретического разграничения.

Существенной характеристикой иноязычного профессионального дискурса выступает его контекстуальная детерминированность: содержание, форма и языковые средства дискурса определяются конкретной профессиональной ситуацией, коммуникативными целями и ролевыми позициями участников взаимодействия [4].

В процессе исследования дана характеристика категории «мультиязычный контингент» как субъекту образовательной деятельности. В отличие от статистического понимания контингента как совокупности обучающихся, мультиязычный контингент трактуется как динамическая, полисубъектная общность, отличающаяся языковой гетерогенностью и выраженной потребностью в овладении несколькими иностранными языками для решения профессиональных задач [13].

В структуре мультиязычного контингента выделены три основные группы обучающихся:

1. Монолингвальные студенты – владеющие одним иностранным языком (преимущественно английским) и мотивированные к изучению второго.
2. Билингвальные студенты – владеющие двумя иностранными языками на различных уровнях.
3. Инофоны – иностранные студенты, для которых русский язык не является родным, владеющие одним или несколькими иностранными языками [5].

Данные опроса студентов (n=210) показывают, что 67,1% опрошенных признают необходимость владения минимум двумя иностранными языками для построения успешной профессиональной карьеры. При этом 78,6% респондентов указывают на недостаточность традиционной языковой модели, ориентированной на освоение одного иностранного языка.

Ключевым результатом исследования выступает идентификация и теоретическое обоснование совокупности факторов, обусловливающих потребность мультиязычного контингента в овладении иноязычным профессиональным дискурсом.

Факторы дифференцированы на две группы: экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние).

Экзогенные факторы:

1. Социоэкономические: глобализационные процессы на рынке труда, интернационализация профессиональных практик, расширение международного сотрудничества, требования работодателей к иноязычной компетенции [1, 9].

Анкетирование работодателей (n=15) свидетельствует, что 82,8% респондентов рассматривают владение иностранным языком как обязательное условие при приёме на позиции, предполагающие международное взаимодействие. При этом 71,3% отмечают недостаточный уровень кандидатов в части владения профессиональным иноязычным дискурсом.

2. Институциональные: требования образовательных стандартов к результатам освоения программ в части универсальных и общепрофессиональных компетенций, связанных с иноязычной коммуникацией; развитие академической мобильности; включение российских вузов в международные образовательные и научные сети [10, 11, 12].

Анализ ФГОС ВО 3++ показал: компетенции, связанные с иноязычной коммуникацией (УК-4, ОПК-3, ОПК-4), присутствуют во всех направлениях подготовки. Но вот незадача – их формулировки настолько обобщённые, что специфика профессионального дискурса в них попросту исчезает [11, 12]. Это не упрёк разработчикам стандартов, скорее констатация: универсальное по определению не может быть конкретным.

Среди эндогенных факторов, влияющих на потребность в иноязычном дискурсе, мы выделяем две группы. Первая – индивидуально-психологические: профессиональная идентичность, мотивация достижения, когнитивные способности, языковой опыт, толерантность к неопределённости в межкультурном общении [7, 14]. Вторая – ценностно-профессиональные: осознание значимости иноязычного дискурса для карьерного роста и профессиональной самореализации; ценностное принятие полиязычия как ресурса профессиональной мобильности [3, 12].

Опрос студентов дал любопытную картину. Карьерные ожидания оказались ведущим фактором – 74,3% респондентов. На втором месте – познавательный интерес к культуре стран изучаемого языка (65,7%). Далее следуют потребность в академической мобильности (48,6%) и ориентация на международное сотрудничество (42,9%). Обратим внимание: прагматические мотивы явно преобладают над собственно познавательными. Стоит ли этому удивляться? Вряд ли.

Модельная репрезентация детерминационного процесса

На основе идентифицированных факторов разработана структурно-функциональная модель детерминации потребности мультиязычного контингента в иноязычном профессиональном дискурсе. Модель включает четыре взаимосвязанных блока:

1. Целевой – становление иноязычной профессионально-дискурсивной компетенции как интегративного свойства личности специалиста [3, 7].

2. Детерминантный – совокупность внешних и внутренних факторов, формирующих объективную необходимость и субъективную готовность к освоению иноязычного дискурса [1; 10, 14].

3. Содержательно-процессуальный – отбор учебного материала на основе принципов профессиональной направленности, контекстности, мультиязычности и дискурсивности [2; 15].

4. Результативно-оценочный – критерии и уровни сформированности иноязычной профессионально-дискурсивной компетенции [16].

Здесь стоит оговориться: модель – не догма. Это скорее рабочий инструмент, который может уточняться по мере накопления эмпирических данных.

Полученные данные позволяют сформулировать ряд положений, значимых для развития теории и методики профессионального лингвообразования.

Во-первых, результаты подтверждают необходимость перехода от монолингвальной модели языковой подготовки к полилингвальной парадигме профессионального образования [12, 16]. Этот вывод согласуется с тенденциями, фиксируемыми в работах отечественных и зарубежных учёных, и дополняет их примени-

тельно к российской образовательной практике. Хотя, признаться, переход этот видится нам процессом небыстрым и нелинейным.

Во-вторых, введённая в научный оборот категория «мультиязычный контингент» позволяет преодолеть ограничения традиционного понимания контингента как пассивного объекта педагогических воздействий. Мультиязычный контингент – активный субъект образовательного процесса, имеющий специфические языковые потребности и образовательные запросы [13]. Смена оптики здесь принципиальна.

В-третьих, идентифицированные детерминанты создают основу для педагогического проектирования. Учёт как экзогенных, так и эндогенных факторов позволяет конструировать образовательные системы, адекватные актуальным и перспективным запросам обучающихся и требованиям профессиональной среды [1, 3].

Сопоставление полученных результатов с данными иных исследований [2, 6] показывает: традиционные подходы ориентированы преимущественно на формирование языковой компетенции в ущерб дискурсивной и профессионально-коммуникативной составляющим. Это, пожалуй, главный вывод. И одновременно – главная проблема, которую предстоит решать. Настоящее исследование компенсирует этот дефицит, акцентируя дискурсивную природу профессионального общения [4].

Практическая значимость исследования

Практическая значимость проведённой работы обусловлена возможностью применения её результатов в системе высшего образования при проектировании и корректировке программ лингвоподготовки, а также при проектировании дисциплин «Иностранный язык в профессиональной сфере деятельности», «Профессиональная коммуникация на иностранном языке», «Деловой иностранный язык» с учётом объективных и субъективных факторов и детерминации потребностей мультиязычного контингента [1].

Эмпирические данные могут быть использованы для:

- корректировки содержания рабочих программ дисциплин (увеличение доли профессионально-ориентированных заданий) [6, 3];
- обоснования введения второго иностранного языка в учебные планы [6, 3];
- приведения компетенций ФГОС ВО в соответствие с реальными запросами профессиональной среды [6, 3].

Выделенные группы обучающихся позволяют осуществлять дифференцированный подход при организации образовательного процесса, включая выбор методов, форм и средств обучения в зависимости от исходного языкового опыта и образовательных потребностей каждой категории [6, 3].

Выводы

В итоге проведённого исследования сформулированы следующие выводы:

1. Иноязычный профессиональный дискурс представляет собой интегративное качество современного специалиста, обеспечивающее его способность к эффективной профессиональной коммуникации в поликультурной среде. Его структура включает языковой, речевой, социокультурный и ценностно-смысловой компоненты [4, 8].

2. Мультиязычный контингент – динамическая, полисубъектная общность, характеризующаяся языковой гетерогенностью и осознанной потребностью в овладении несколькими иностранными языками. Выделены три основные группы: монолингвальные, билингвальные студенты и инофоны [5, 13].

3. Детерминация потребностной сферы мультиязычного контингента обусловлена совокупностью экзогенных (социоэкономических и институциональных) и эндогенных (индивидуально-психологических и ценностно-профессиональных) факторов. Ведущими выступают требования работодателей (82,8%), карьерные ожидания (74,3%) и требования ФГОС ВО [1, 3, 10].

4. Разработанная структурно-функциональная модель детерминации потребностей включает целевой, детерминантный, содержательно-процессуальный и результативно-оценочный блоки. Модель может применяться при проектировании образовательных программ лингвоподготовки в системе высшего профессионального образования [2, 15].

Перспективные направления исследований предполагают разработку диагностического инструментария для оценки уровня сформированности иноязычной профессионально-дискурсивной компетенции, а также экспериментальную проверку педагогических условий её становления у различных групп мультиязычного контингента.

Список источников

1. Бочкарева Т.С., Кабанова О.В. К вопросу о кросс-культурном взаимодействии в рамках дисциплины "Деловой иностранный язык" у магистрантов неязыковых специальностей // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 2 (230). С. 6 – 12.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 7-е изд., стер. М.: Академия, 2019. 368 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2019. 42 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. 2-е изд. М.: Гнозис, 2019. 390 с.
5. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 176 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2019. 352 с.
7. Пассов Е.И. Методология методики: теория и опыт применения (избранное). Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. 264 с.
8. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа, 2018. 285 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 3-е изд. М.: КДУ, 2019. 268 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. М., 2021. 28 с.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика. М., 2020. 32 с.
12. Халеева И.И. Языковая политика и полилингвальное образование в современном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 4 (790). С. 9 – 22.
13. Кабанова О.В., Хон И.А. К вопросу о репрезентации концепта "семья" в китайской и русской лингвокультурах // Вестник филологических наук. 2026. Т. 6. № 2. С. 96 – 100.
14. Шамов А.Н. Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2019. 278 с.
15. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. 6-е изд. М.: Филоматис, 2020. 480 с.
16. Little D. The Common European Framework of Reference for Languages: A critical analysis of its impact on language education // Language Teaching. 2020. Vol. 53. No. 2. P. 131 – 146.

References

1. Bochkareva T.S., Kabanova O.V. On the Issue of Cross-Cultural Interaction within the Framework of the "Business Foreign Language" Course for Master's Students in Non-Linguistic Majors. Vestnik of Orenburg State University. 2021. No. 2 (230). P. 6 – 12.
2. Galskova N.D., Gez N.I. Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methodology. 7th ed., stereotyped. Moscow: Akademiya, 2019. 368 p.
3. Zimnyaya I.A. Key Competencies as a Result-Oriented Basis for the Competency-Based Approach in Education. Moscow: Research Center for Problems of Quality of Specialist Training, 2019. 42 p.
4. Karasik V.I. The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. 2nd ed. Moscow: Gnozis, 2019. 390 p.
5. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow: Russkiy Yazyk. Kursy, 2018. 176 p.
6. Leontiev A.N. Activity, Consciousness, Personality. Moscow: Smysl; Akademiya, 2019. 352 p.
7. Passov E.I. Methodology of Teaching: Theory and Practical Application (Selected Works). Lipetsk: P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 2020. 264 p.
8. Safonova V.V. A Sociocultural Approach to Foreign Language Teaching. Moscow: Vysshaya Shkola, 2018. 285 p.
9. Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication. 3rd ed. Moscow: KDU, 2019. 268 p.
10. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree Program in the Field of Study 40.03.01 Jurisprudence. Moscow, 2021. 28 p.
11. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree Program in the Field of Study 45.03.02 Linguistics. Moscow, 2020. 32 p.

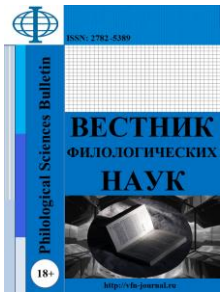
12. Khaleeva I.I. Language Policy and Multilingual Education in the Modern World. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2018. No. 4 (790). P. 9 – 22.
13. Kabanova O.V., Khon I.A. On the Representation of the Concept "Family" in Chinese and Russian Linguocultures. Bulletin of Philological Sciences. 2026. Vol. 6. No. 2. P. 96 – 100.
14. Shamov A.N. A Cognitive Approach to Teaching Vocabulary: Modeling and Implementation. Nizhny Novgorod: Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2019. 278 p.
15. Shchukin A.N. Teaching Foreign Languages: Theory and Practice. 6th ed. Moscow: Filomatis, 2020. 480 p.
16. Little D. The Common European Framework of Reference for Languages: A critical analysis of its impact on language education. Language Teaching. 2020. Vol. 53. No. 2. P. 131 – 146.

Информация об авторах

Бочкарева Т.С., *кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, РФ, Оренбург, пр. Победы, 13, bockarevatc@rambler.ru*

Хон И.А., *преподаватель кафедры иностранных языков, Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко, РФ, Оренбург, пр. Победы, 13, honirina087@gmail.com*

© Бочкарева Т.С., Хон И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`33
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-240-243

[1] Нихаева Е.Д., [1] Георгиевская Е.А. ***[1] РГУ им. А.Н. Косыгина***

Анализ произведений Терри Пратчетта в контексте нейродегенеративных заболеваний

Аннотация: *в статье рассматривается влияние нейродегенеративного заболевания на письменную речь на материале произведений Терри Пратчетта. Анализ основан на корпусе из 33 романов цикла «Discworld», обработанных с использованием платформы Sketch Engine. В качестве ключевого показателя используется коэффициент лексического разнообразия (TTR). Результаты демонстрируют тенденцию к снижению лексического разнообразия в поздних произведениях автора, особенно в отношении существительных и прилагательных. Установлено, что изменения языковых характеристик могут проявляться за значительное время до постановки клинического диагноза. Полученные данные сопоставляются с результатами других исследований в области нейролингвистики. Делается вывод о потенциальной применимости лингвистического анализа для раннего выявления когнитивных нарушений при условии учета ограничений метода.*

Ключевые слова: *нейродегенеративные заболевания, Терри Пратчетт, деменция, лингвистический анализ, коэффициент лексического разнообразия, болезнь Альцгеймера*

Для цитирования: Нихаева Е.Д., Георгиевская Е.А. Анализ произведений Терри Пратчетта в контексте нейродегенеративных заболеваний // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 240 – 243. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-240-243

Поступила в редакцию: 17 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Nikhaeva E.D., [1] Georgievskaya E.A. ***[1] Kosygin Russian State University***

Analysis of the works of Terry Pratchett in the context of neurodegenerative diseases

Abstract: *the article examines the impact of a neurodegenerative disease on written language based on the works of Terry Pratchett. The analysis is carried out on a corpus of 33 novels from the "Discworld" series using the Sketch Engine platform. The type-token ratio (TTR) is used as the main indicator of lexical diversity. The results demonstrate a decrease in lexical diversity in the author`s later texts, especially in the categories of nouns and adjectives. It is shown that changes in linguistic characteristics may appear long before the clinical diagnosis was established. The obtained results are compared with data from other studies. It is concluded that linguistic approach for the early detection of cognitive impairment, provide that the limitations of the method are taken into account.*

Keywords: *neurodegenerative diseases, Terry Pratchett, dementia, linguistic analysis, type-token ratio, Alzheimer`s disease*

For citation: Nikhaeva E.D., Georgievskaya E.A. Analysis of the works of Terry Pratchett in the context of neurodegenerative diseases. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 240 – 243. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-240-243

The article was submitted: August 17, 2026; Approved after reviewing: September 20, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Творчество Терри Пратчетта представляет интерес для междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, когнитивной науки и нейропсихологии. Цикл романов «Discworld», создававшийся автором на протяжении нескольких десятилетий и характеризирующийся относительной стилистической стабильностью, стал удобным материалом для анализа того, как нейродегенеративное заболевание могло отразиться в языке автора. Особую значимость этому материалу придаёт то, что в 2007 году английскому писателю Терри Пратчетту был поставлен диагноз задней корковой атрофии – редкой формы болезни Альцгеймера, которая в первую очередь затрагивает зрительное восприятие и пространственное мышление, но также способна влиять на языковые функции [8].

Ряд исследований показывает, что изменения в языке могут проявляться задолго до клинической диагностики, в частности, в снижении лексического разнообразия и упрощении синтаксических структур [3]. Схожие тенденции были обнаружены при анализе творчества других писателей таких как Айрис Мердок [4] и Агата Кристи [6].

Целью данной статьи является обзор и анализ исследования Pattison, Begde и Wilcockson [9], посвящённого выявлению лингвистических маркеров деменции на материале произведений Терри Пратчетта.

Материалы и методы исследований

В основе анализа, представленного в настоящей статье, лежит исследование Pattison, Begde и Wilcockson [9].

Материалом исследования послужили 33 романа цикла «Discworld» – 29 текстов, опубликованных до постановки Пратчетту диагноза задней корковой атрофии в 2007 году, и 4 текста, опубликованных после. Для обработки текстов авторы использовали платформу Sketch Engine [5], которая позволяет автоматически извлекать статистические показатели из больших текстовых массивов.

В качестве основного количественного показателя авторы применяли коэффициент лексического разнообразия (Type-Token Ratio, TTR) – отношение числа уникальных слов к общему количеству слов в тексте. Показатель рассчитывался как для текста в целом, так и отдельно для четырёх частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

Для сравнения групп текстов авторы рассчитывали p-значения для каждого показателя. Дополнительно был проведён линейный регрессионный анализ связи TTR с возрастом автора, а также ROC-анализ, который оценивал, насколько точно каждый показатель TTR способен отличать тексты, написанные после начала заболевания, от текстов, написанных до его начала.

Результаты и обсуждения

Книги, которые были написаны после постановки диагноза, содержат значительно больше слов всех частей речи: общее количество существительных выросло с 21 819 до 29 195 ($p=0,001$), прилагательных – с 5422 до 7394 ($p<0,001$), общая длина текста также значимо увеличилась ($p<0,001$).

Рост объёма текста сопровождался снижением лексического разнообразия, но не для всех частей речи одинаково. Значимое снижение TTR авторы [9] зафиксировали для существительных (с 0,197 до 0,170; $p=0,044$) и прилагательных (с 0,241 до 0,213; $p=0,028$); для глаголов ($p=0,138$) и наречий ($p=0,076$) изменения оказались статистически незначимыми, как и общий показатель TTR ($p=0,114$). Другими словами, снижение затронуло только отдельные аспекты языка.

Линейный регрессионный анализ связи TTR с возрастом Терри Пратчета дал значимые результаты для всех моделей ($p<0,001$); сильнее всего с возрастом был связан TTR прилагательных ($F(1,31)=73,101$, $p<0,001$).

ROC-анализ показал, что наивысшую диагностическую точность имеет TTR прилагательных (AUC=0,91; 95% ДИ: 0,80–1,02; $p<0,001$): при пороговом значении 0,227 он дал 76% чувствительности и 100% специфичности. TTR наречий (AUC=0,90) и TTR существительных (AUC=0,87) показали немного меньшую точность, а TTR глаголов и общий TTR – более скромную, но статистически значимую (оба AUC=0,80).

Отдельно стоит отметить роман «The Last Continent», опубликованный в мае 1998 года. Это первое произведение, в котором TTR прилагательных опустился ниже порогового значения 0,227 – за 9 лет и 7 месяцев до официальной постановки диагноза. Сравнение текстов, опубликованных до и после этой книги, показало значимые различия по всем измеренным показателям ($p<0,001$ для каждого). Авторы связывают это с длительным доклиническим периодом развития заболевания, хотя и признают, что точная хронология

написания произведений неизвестна – доступны только даты их публикации, и неясно, работал ли Терри Пратчетт над несколькими книгами параллельно]9].

Результаты согласуются с данными и по другим писателям. Снижение лексического разнообразия на поздних этапах творчества было показано и на материале Айрис Мердок [4], и Агаты Кристи [6]. Это говорит в пользу того, что подобные языковые изменения не являются особенностью одного автора или жанра.

У методологии есть ограничения, которые признают сами авторы [9]. Выборка текстов, написанных после диагноза, невелика (n=4), из-за чего доверительные интервалы получаются широкими – например, для общего TTR 95% ДИ составил 0,55–1,04. Кроме того, наблюдаемые изменения стиля могли быть связаны не только с болезнью: авторы допускают влияние сокращения времени на написание текста, возможного соавторства, редакторской правки, а также естественного возрастного изменения языка, которое само по себе не указывает на патологию.

Выводы

Рассмотренное исследование показывает, что лингвистический анализ может служить инструментом для выявления ранних признаков когнитивного снижения. На материале произведений Терри Пратчетта было продемонстрировано, что болезнь Альцгеймера отражается в письменной речи через снижение лексического разнообразия и изменение структуры текста, причём эти изменения начинают проявляться задолго до клинической постановки диагноза.

Эти результаты согласуются с данными исследований, выполненных на материале творчества других писателей [4, 6], и указывают на перспективность лингвистического анализа для ранней диагностики деменции. При этом методологические ограничения рассмотренной работы – малый объём выборки и неопределённость хронологии создания текстов делают необходимыми дальнейшие исследования на более широком материале.

Список источников

1. Begde A., Wilcockson T., Brayne C., Hogervorst E. Visual processing speed and its association with future dementia development: EPIC-Norfolk // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. № 1. Art. 5016.
2. Calzà L., Gagliardi G., Favretti R.R., Tamburini F. Linguistic features and automatic classifiers for identifying mild cognitive impairment and dementia // Computer Speech & Language. 2021. Vol. 65. Art. 101113.
3. Fotuhi M., Hachinski V., Whitehouse P.J. Changing perspectives regarding late-life dementia // Nature Reviews Neurology. 2009. Vol. 5. № 12. P. 649 – 658.
4. Garrard P., Maloney L.M., Hodges J.R., Patterson K. The effects of very early Alzheimer's disease on writing // Brain. 2005. Vol. 128. № 2. P. 250 – 260.
5. Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J. et al. The Sketch Engine: ten years on // Lexicography. 2014. Vol. 1. № 1. P. 7 – 36.
6. Le X. Longitudinal detection of dementia through lexical and syntactic changes in writing: a case study of three British novelists // Literary and Linguistic Computing. 2011. Vol. 26. № 4. P. 435 – 461.
7. Maseda A., Lodeiro-Fernández L., Lorenzo-López L. [et al.]. Verbal fluency, naming and verbal comprehension // Aging & Mental Health. 2014. Vol. 18. № 8. P. 1037 – 1045.
8. Mendez M.F., Ghajarania M., Perryman K.M. Posterior cortical atrophy // Dementia and Geriatric Cognitive Disorders. 2002. Vol. 14. № 1. P. 33 – 40.
9. Pattison M., Begde A., Wilcockson T. Detecting dementia using linguistic analysis: Terry Pratchett's Discworld tells a more personal story // Brain Sci. 2026. 16 p.

References

1. Begde A., Wilcockson T., Brayne C., Hogervorst E. Visual processing speed and its association with future dementia development: EPIC-Norfolk. Scientific Reports. 2024. Vol. 14. No. 1. Art. 5016.
2. Calzà L., Gagliardi G., Favretti R.R., Tamburini F. Linguistic features and automatic classifiers for identifying mild cognitive impairment and dementia. Computer Speech & Language. 2021. Vol. 65. Art. 101113.
3. Fotuhi M., Hachinski V., Whitehouse P.J. Changing perspectives regarding late-life dementia. Nature Reviews Neurology. 2009. Vol. 5. No. 12. P. 649 – 658.
4. Garrard P., Maloney L.M., Hodges J.R., Patterson K. The effects of very early Alzheimer's disease on writing. Brain. 2005. Vol. 128. No. 2. P. 250 – 260.
5. Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J. et al. The Sketch Engine: ten years on. Lexicography. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 7 – 36.

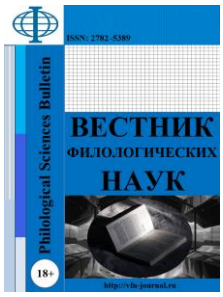
6. Le X. Longitudinal detection of dementia through lexical and syntactic changes in writing: a case study of three British novelists. Literary and Linguistic Computing. 2011. Vol. 26. No. 4. P. 435 – 461.
7. Maseda A., Lodeiro-Fernández L., Lorenzo-López L. [et al.]. Verbal fluency, naming and verbal comprehension. Aging & Mental Health. 2014. Vol. 18. No. 8. P. 1037 – 1045.
8. Mendez M.F., Ghajarania M., Perryman K.M. Posterior cortical atrophy. Dementia and Geriatric Cognitive Disorders. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 33 – 40.
9. Pattison M., Begde A., Wilcockson T. Detecting dementia using linguistic analysis: Terry Pratchett's Discworld tells a more personal story. Brain Sci. 2026. 16 p.

Информация об авторах

Нихаева Е.Д., *кафедра филологии и лингвокультурологии ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», РФ, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 240271@stud.rguk.ru*

Георгиевская Е.А., *преподаватель кафедры филологии и лингвокультурологии ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», РФ, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, georgievskaya-ea@rguk.ru*

© Нихаева Е.Д., Георгиевская Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004.738.5
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-244-251

[1] Дорофеев М.А.

[1] Московский государственный институт культуры

Профессиональный инструментарий мультимедийного журналиста в современной индустрии

Аннотация: *в статье представлен системный анализ трансформации профессионального инструментария мультимедийного журналиста в условиях зрелой цифровой индустрии. Опираясь на теоретические концепции медиаконвергенции и результаты эмпирических исследований последних лет, мы рассматриваем эволюцию журналистского инструментария не просто как набор технологических навыков (мультискиллинг), а как сложную когнитивно-технологическую систему. В работе детализируется переход от механического соединения разнородных элементов к их органическому синтезу в рамках трансмедийного сторителлинга. Особое внимание уделяется праксиологическому аспекту: как изменение инструментария перестраивает производственные рутины, ролевую структуру редакции и, в конечном счете, эпистемологию журналистского текста. Мы обосновываем тезис о том, что в современной индустрии инструментарий журналиста детерминирует не только форму, но и содержание, выступая активным агентом смыслообразования.*

Ключевые слова: *мультимедийная журналистика, конвергенция, профессиональный инструментарий, трансмедийный сторителлинг, цифровая индустрия, мультискиллинг, конвергентная редакция, семантические CMS, эпистемология текста*

Для цитирования: Дорофеев М.А. Профессиональный инструментарий мультимедийного журналиста в современной индустрии // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 244 – 251. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-244-251

Поступила в редакцию: 17 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Dorofeev M.A.

[1] Moscow State Institute of Culture

Professional toolkit of a multimedia journalist in the modern industry

Abstract: *the article presents a systematic analysis of the transformation of a multimedia journalist's professional toolkit in the context of a mature digital industry. Drawing on theoretical concepts of media convergence and the results of recent empirical research, we examine the evolution of the journalistic toolkit not simply as a set of technological skills (multiskilling), but as a complex cognitive-technological system. The work details the transition from a mechanical combination of heterogeneous elements to their organic synthesis within transmedia storytelling. Particular attention is paid to the praxeological aspect: how the change in the toolkit restructures production routines, the role structure of the newsroom, and, ultimately, the epistemology of the journalistic text. We substantiate the thesis that in the modern industry, the journalist's toolkit determines not only the form but also the content, acting as an active agent of meaning formation.*

Keywords: *multimedia journalism, convergence, professional toolkit, transmedia storytelling, digital industry, multiskilling, converged newsroom, semantic CMS, text epistemology*

For citation: Dorofeev M.A. Professional toolkit of a multimedia journalist in the modern industry. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 244 – 251. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-244-251

The article was submitted: August 17, 2026; Approved after reviewing: September 20, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

За последнее десятилетие медиаиндустрия претерпела глубокие структурные изменения, затронувшие как технологическую базу профессии, так и саму логику журналистской деятельности. Если на рубеже веков конвергенция воспринималась преимущественно как технологический и корпоративный феномен, связанный со слиянием телекоммуникационных и медийных компаний [9, 12], то сегодня мы наблюдаем ее глубинное проникновение в микроструктуру журналистского труда. Границы между профессиями, каналами и даже ролями отправителя и получателя информации становятся все более проницаемыми. В этой связи проблема профессионального инструментария мультимедийного журналиста выходит за рамки узкоприкладной дискуссии о владении видеокамерой или навыках верстки лендингов. Речь идет о фундаментальной пересборке журналистской идентичности и методологии работы с реальностью.

Постановка задачи нашего исследования продиктована теоретическим и эмпирическим разрывом, зафиксированным еще в работах А.В. Вырковского и его коллег [2], которые показали, что, несмотря на декларируемую мультимедийность, редакции зачастую используют «чужой» контент, а уровень реальной «конвергентности» текстов остается невысоким. Возникает закономерный вопрос: какова же природа профессионального инструментария сегодня? Является ли он простой суммой навыков (мультискиллингом) или представляет собой качественно иную системную целостность? Цель данной работы – выявить и описать эволюцию профессионального инструментария мультимедийного журналиста, доказав, что на современном этапе он превращается в сложный когнитивно-технологический комплекс, где технологическая оснастка неразрывно сплетена с нарративными стратегиями и этическими регулятивами.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, который объединяет теории медиаэкономики и культурных индустрий. Медиаконвергенция была рассмотрена не в виде линейного процесса, но как комплексное явление, включающее в себя профессиональную, культурную, экономическую и технологическую сферы. Подобный подход помогает проанализировать профессиональные инструменты современного журналиста в достаточно широком контексте происходящих в современной медиасистеме изменений.

Для того, чтобы проанализировать поставленную проблему в актуальном состоянии, в основу работы были положены соответствующие тематике научные исследования последних лет, в которых отразилась динамика отрасли в постпандемийный период. Данный массив статей был дополнен и рядом более ранних работ, закладывающих теоретическую основу исследования. Подобный выбор статей и временных рамок весьма оправдан, коль скоро пандемия COVID-19 привела к запуску ряда процессов, например, удаленная работа, цифровизация производственных процессов и изменения в привычках потребления контента.

Так, в основу была положена коллективная монография под редакцией Б. Медиероса Нето, И. Амарал и Г. Гинеа [10], где на базе значительного объема практического материала в редакциях Бразилии, Коста-Рики и Англии, исследуется, как новостные СМИ обращаются к цифровым технологиям и видоизменяют свою повестку. Исключительно важными для работы стали выводы о переходе новостных редакций от модели 1.0 к модели 4.0, где все большее значение имеют совместные цифровые системы работы и семантические CMS.

Работа М.Н. Ким [4] заставило задуматься о том, насколько меняются требования к профессиональным навыкам и умениям журналиста. Насколько востребованным остается универсальный специалист, выполняющий разнообразные задачи, либо же в современной медиасреде важнее обладать более глубокой специализацией. Автор склонен считать, что современной редакции нужны не столько универсальные специалисты, сколько специалисты, прошедшие высокую технологическую подготовку, работающие со сложными мультимедийными продуктами. Однако, как будет далее рассмотрено, однозначного ответа на этот вопрос пока не найдено.

Также была рассмотрена работа А. Зальцманн, Ф. Гурибю и А. Гиннильд [13], в которой исследуется интеграция мобильной журналистики (mojo) в традиционные печатные издательства. Для настоящей статьи исследование ценно, в первую очередь, тем, что в нем исследуется трансформация профессионального мышления. То, как журналистам приходится переходить от работы с текстом к работе с аудиовизуальным контентом. И именно этот переход становится одним из главных психологических барьеров при работе с новыми инструментами. Исследование работы П.Г. Эстеллы [6] позволило рассматривать инструментарий как своеобразную «систему компетенций», которую необходимо постоянно адаптировать и переосмысливать в условиях глобальной цифровой среды. Дополнительным ориентиром послужило учебное пособие Б. Элисен и др. [5], систематизирующее базовые журналистские компетенции и позволившее соотнести теоретическую рамку исследования с практическими требованиями профессии. Методом анализа выступила герменевтическая интерпретация научных текстов и кейсов, направленная на выявление причинно-следственных связей между технологическими инновациями и изменением профессиональных практик.

Результаты и обсуждения

Наше исследование позволяет констатировать, что профессиональный инструментарий мультимедийного журналиста прошел в своем развитии несколько качественных этапов, каждый из которых характеризовался специфической конфигурацией технологических средств и соответствующих им профессиональных компетенций.

Первый этап (условно 1990–2000-е гг.) можно охарактеризовать как период экстенсивной конвергенции. В это время, как отмечали в своих работах Е.Л. Вартанова [1] и Г. Дженкинс [8], доминировала логика механического соединения. Журналисту вменялось в обязанность «уметь всё»: написать текст для газеты, снять сюжет для телевидения, записать подкаст для радио. Инерция подобной логики оказалась устойчивой: как показал контент-анализ А.В. Вырковского и др. [2], она порождала скорее эклектику, нежели синтез, вплоть до 2010-х годов. Инструментарий воспринимался как набор внешних приспособлений, которые лишь сопровождают основной (как правило, текстовый) продукт. Глубинная причина этого явления коренилась в инерционности профессионального мышления: журналисты переносили сложившиеся в эпоху мономедийности паттерны работы в новую цифровую среду, не рефлексируя ее имманентных свойств.

Второй этап (2010-е гг.) связан с переходом к интенсивной, или органической, мультимедийности. Инструменты больше не являются лишь дополнительными средствами журналистской работы, но становятся важной частью самого журналистского материала. Результаты нашего исследования показывают, что формируется новый профессиональный тип, своеобразный «журналист-архитектор», задача которого состоит не только в том, чтобы на одном сайте были объединены текст, фотографии и видео, но и в том, чтобы в них прослеживалась четкая структура, связный рассказ при использовании возможностей различных медиаформатов. В этой связи мы обращаемся к понятию Newsroom 4.0, описанному в работе [10]. В таком контексте инструментарий состоит не только из устройств для создания контента (экшн-камеры, смартфоны, портативные аудиостудии), но и программ для совместной работы, систем управления контентом (CMS/WMS/KMS), а также немаловажных инструментов анализа соцсетей и онлайн-дискуссий (social listening tools) [14]. Именно они делают возможным обратную связь, делая журналистику диалогом, а не монологом, где аудитория не просто потребляет информацию, но активно участвует в обсуждении и формировании смыслов.

Современные цифровые технологии создают и совершенно новые журналистские жанры, такие, как интерактивные видеоколонки, лонгриды с параллакс-эффектом, другие форматы, представить которые было невозможно до появления цифровых технологий. База для распространения подобных форматов появилась уже в первых исследованиях, которые были посвящены применению интернет-технологий в журналистике [3], однако сами эти форматы получили широкое распространение несколько позже, во второй половине 2010-х годов. Важно, что инструментарий здесь выступает не просто пассивным средством передачи информации, но влияет на то, каким в результате становится само сообщение. Об этом упоминал М. Маклюэн, утверждая, что средство передачи и само сообщение тесно связаны. В таком ключе переход к мобильной журналистике (mojo) [13] можно рассматривать как следующий, еще более радикальный шаг, который сокращает дистанцию между событием и репортажем, но требует от журналиста не только технических навыков, но и компетентности в этических вопросах, поскольку съемка на смартфон предполагает довольно тесное участие в происходящем.

Третий этап (2020-е гг.), продолжающийся и в настоящее время, определяется не только сочетанием разнообразных форматов, но и их динамичным смешением. Вместе с этим возникает и новый феномен под названием «мета-инструментальность», под которым понимается способность журналиста не только использовать уже существующие инструменты, но и создавать или адаптировать их под ту или иную задачу,

объединять программные интерфейсы, данные и способы построения материала. Журналист при этом является не просто пользователем технологий, но и в какой-то мере соразработчиком, что требует более высокого уровня технологической подготовки, коль скоро журналисту необходимо иметь как минимум базовое представление о принципах программирования, алгоритмов, машинного обучения и устройстве систем хранения и обработки данных.

Базовой спецификой этого этапа является внедрение искусственного интеллекта в ежедневную журналистскую работу. Речь идет не только об автоматическом рерайте или генерации коротких новостных заметок, но и о более сложных операциях: анализе больших массивов неструктурированных данных, выявлении скрытых корреляций, персонализации контента под конкретного пользователя. Инструментарий журналиста сегодня – это еще и набор алгоритмических фильтров и моделей, которые требуют критической рефлексии, поскольку они имплицитно содержат в себе определенные ценностные установки и могут воспроизводить существующие социальные предубеждения.

Важно подчеркнуть, что эти этапы не сменяют друг друга линейно, а сосуществуют в синхронии, образуя сложную стратификацию профессиональных практик. В одной и той же редакции могут работать журналисты, находящиеся на разных стадиях освоения инструментария, что создает внутреннее напряжение и требует выработки новых механизмов координации. Это наблюдение коррелирует с выводами М. Менке и С. Киннеброк [11] о том, что культурные изменения в европейских редакциях движутся медленно, но неуклонно, и сосуществование различных профессиональных культур является скорее нормой, нежели исключением.

Типология современного инструментария. Для систематизации полученных результатов мы предлагаем трехчастную типологию современного профессионального инструментария мультимедийного журналиста, выделяя технико-аппаратный, программно-алгоритмический и когнитивно-нарративный уровни.

Технико-аппаратный уровень включает в себя физические устройства фиксации и передачи информации. Основной тенденцией в настоящее время становится уменьшение размеров используемых устройств и объединение в них сразу ряда функций. Современный смартфон давно перестал быть просто телефоном с камерой, но стал полноценным устройством для записи звука, видео и их обработки. Ряд моделей также обладает ограниченными возможностями спутниковой связи, хотя эта функция еще не обрела массовость. Развитие экшн-камер, портативных стабилизаторов и беспилотников открывает новые возможности для иммерсивной журналистики. С их помощью можно создавать эффект присутствия и показывать события с высокой степенью реалистичности. Однако широкое распространение подобных технологий приводит и к проблемам необходимости проверки достоверности контента. Это особенно важно иметь в виду в случае материалов, созданных непрофессиональными пользователями или измененных с помощью технологий дипфейк.

Программно-алгоритмический уровень включает операционные среды, системы управления контентом (CMS), аналитические платформы и различные алгоритмические сервисы. Современные CMS уже не просто хранят и помогают публиковать тексты. Они могут автоматически распознавать упоминаемые в них объекты и понятия, устанавливать связи между ними и предлагать читателю похожие или связанные материалы. Это существенно меняет привычную работу редакции, коль скоро часть задач по организации и распространению контента теперь выполняют сами цифровые системы. Журналист сегодня работает не с отдельным текстом, а с узлом в гипертекстовой сети, который должен быть органично встроен в общую семантическую архитектуру издания. Аналитические инструменты позволяют отслеживать поведение аудитории в реальном времени, но их использование требует методологической строгости: некорректная интерпретация метрик может привести к подмене редакционной политики погоней за сиюминутными показателями вовлеченности.

Когнитивно-нарративный уровень является, на наш взгляд, наиболее важным и наименее исследованным. Он включает в себя способы мышления, нарративные стратегии и этические регулятивы, которые опосредуют использование технологических средств. Овладение этим уровнем требует от журналиста не просто технической грамотности, но и развитой рефлексии по поводу того, как выбор того или иного инструмента влияет на итоговое сообщение. Съемка на смартфон в вертикальном формате (сторителлинг) диктует не только композиционные решения, но и определенную интимность, камерность высказывания, в то время как съемка на профессиональную камеру с оператором создает дистанцию и пафос. Инструментарий, таким образом, не нейтрален: он содержит в себе имплицитную риторику.

Полученные результаты вступают в продуктивный диалог с более ранними исследованиями. Если в работе А.В. Вырковского и др. [2] фиксировалась пассивность редакций в отношении производства собственного мультимедийного контента и высокая доля заимствований, то современные реалии (и данные иссле-

дований [4, 7]) указывают на обратный тренд. В условиях борьбы за внимание аудитории и необходимости верификации информации редакции вынуждены культивировать уникальные компетенции. Происходит то, что можно назвать «ремесленным ренессансом» внутри цифровой среды. Инфографика, таймлайны, подкасты и спецпроекты становятся не просто дополнением, а визитной карточкой изданий, произведенной собственными силами. Это свидетельствует о зрелости индустрии, которая прошла этап первичного освоения цифровых инструментов и перешла к их творческому переосмыслению.

Дискуссионным остается вопрос, сформулированный М.Н. Ким [4]: вытеснит ли углубленная специализация «транспрофессионализм»? Нам представляется, что диалектика этого процесса сложнее. Инструментарий журналиста сегодня – это не пирамида, а скорее ризома в смысле, близком понятию Ж. Делёза и Ф. Гваттари: не иерархическая структура с единым центром, а разветвленная сеть равноправных связей. Она включает как «горизонтальные» навыки универсального мобильного репортера (mojo), способного выдать оперативный новостной материал с места событий, так и «вертикальные» компетенции специалиста по дата-журналистике или созданию иммерсивных проектов (VR/360). Эти два направления не противоречат, а дополняют друг друга, вместе формируя современное медиапроизводство, но выполняя разные функции. Специалисты с «вертикальными» компетенциями чаще играют ключевую роль в создании уникального, авторского редакционного продукта. «Горизонтальные» навыки, напротив, помогают поддерживать регулярность и оперативность ежедневного новостного потока. Это не значит, что одни навыки важнее других. Речь идет о разных задачах в рамках одной системы.

Сравнение с зарубежными источниками [7, 10], описывающими опыт Бразилии, Коста-Рики, Англии и Индонезии, позволяет предположить, что российская медиаиндустрия следует за мировыми трендами; проверка этого предположения на отечественном материале остается задачей дальнейших исследований. Культурная специфика, о которой писали М. Менке и С. Киннеброк [11], сохраняется. В российских редакциях новые профессиональные роли, например, продюсер трансмедийных проектов, появляются и закрепляются постепенно, хотя этот процесс идет довольно медленно. Об этом свидетельствуют и изменения в повседневной работе редакций, где работа с сайтом уже давно не является дополнительной задачей, но стала неотъемлемой частью и одним из основных элементов редакционного процесса. Показательно, что даже в тех изданиях, которые, по данным более ранних исследований [2], демонстрировали низкий уровень конвергентности, сегодня наблюдается качественный сдвиг в сторону интеграции мультимедийных форматов.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как изменение инструментария влияет на эпистемологический статус журналистского текста. Традиционная журналистика исходила из презумпции достоверности, основанной на авторитете институции и профессионализме автора. Цифровая среда подрывает эту презумпцию, делая возможным манипулирование любыми форматами – от фотографии до видео. Инструментарий, позволяющий создавать фотореалистичные изображения событий, которые никогда не происходили (дипфейки), ставит под вопрос саму возможность верификации. В этих условиях на первый план выходит не столько технологическая оснащенность, сколько методологическая культура журналиста, его способность выстраивать цепочки доказательств, перекрестно проверять источники и рефлексировать по поводу границ собственного познания. Инструментарий расширяет наши возможности, но одновременно обнажает и ограниченность любого медиума.

Праксиологический аспект: как инструментарий перестраивает редакционные рутины. Анализ современной редакционной практики показывает, что внедрение новых инструментов неизбежно влечет за собой реконфигурацию всей системы разделения труда. Традиционная модель в виде «конвейера», где каждый сотрудник ответственен лишь за одну определенную операцию, постепенно сменяется более гибкой проектной работой, когда важно не только качественно выполнять свою часть работы, но и уметь собрать команду под определенную задачу. В подобных условиях журналист, владеющий различными навыками и инструментами, становится не просто исполнителем, но и организатором, привлекая специалистов из разных отделов и объединяя их знания и навыки для создания единого материала или продукта.

Вышеуказанное требует пересмотра привычного подхода к управлению редакцией. Вместо жесткой иерархии всё чаще используются более горизонтальные структуры, в которых работа строится не столько на подчинении руководителю, сколько на общем понимании задач и использовании единых инструментов и правил работы. Цифровые инструменты для совместной работы становятся базой работы всей редакции, помогая организовать коммуникацию, управлять задачами, фиксируя весь процесс. Работа в такой среде требует от журналиста не только профессиональных, но и метакогнитивных навыков: умения планировать свое время в условиях многозадачности, отслеживать статус выполнения задач коллегами, оперативно вносить коррективы в производственный план.

Еще одним важным следствием трансформации инструментария является изменение режима рабочего времени. Мобильные устройства и облачные технологии стирают границы между рабочим и личным пространством, делая журналиста доступным 24/7. Это порождает новую проблему профессионального выгорания, которая сегодня активно исследуется в зарубежной литературе [10]. Инструментарий, призванный облегчить труд, парадоксальным образом интенсифицирует его, требуя от журналиста постоянного включения в информационный поток. Формирование здоровых практик использования технологий становится важной задачей не только индивидуальной, но и корпоративной культуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать ряд выводов и рекомендаций.

Во-первых, профессиональный инструментарий мультимедийного журналиста в современной индустрии представляет собой сложную, иерархически организованную когнитивно-технологическую систему. Ее элементами выступают не только гаджеты и софт, но и нарративные компетенции, навыки коллаборации и этическая рефлексия, опосредованная цифровой средой. Редукция инструментария к технологической составляющей является серьезной методологической ошибкой, ведущей к непониманию глубинных трансформаций профессии.

Во-вторых, эволюция инструментария идет по пути от экстенсивного мультискиллинга к интенсивному трансмедийному сторителлингу и далее – к мета-инструментальности, где журналист выступает конструктором собственных средств производства. Журналист сегодня – это «архитектор смыслов», который выбирает оптимальную медийную конфигурацию для каждой истории, а не просто переупаковывает текст в разные форматы.

В-третьих, внутренние факторы (стратегия редакции, видение руководства, корпоративная культура) оказываются определяющими для выбора конкретной конфигурации инструментария. В этом отношении наши данные подтверждают более раннее наблюдение А.В. Вырковского и др. [2] о ключевой роли организационных факторов, хотя сам характер редакционной практики с тех пор существенно изменился: если авторы [2] фиксировали преимущественно пассивное заимствование контента, то сегодня, как показано выше, наблюдается обратная тенденция к самостоятельному производству уникальных мультимедийных форматов. Внешнее технологическое давление всегда опосредуется внутренними организационными и культурными фильтрами.

В-четвертых, изменение инструментария неизбежно влечет за собой трансформацию эпистемологического статуса журналистского текста, требуя от профессионала не только технологической, но и методологической культуры, способности к рефлексии границ собственного познания и критическому анализу алгоритмических посредников.

Рекомендации для индустрии и образовательных программ очевидны: подготовка журналиста не может сводиться к тренингам по работе с техникой. Необходимо формировать у будущих профессионалов системное понимание медиа, способность к технологической рефлексии и проектное мышление, которое позволит им не просто следовать за инструментарием, а конструировать с его помощью новые социально значимые реальности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение влияния инструментов искусственного интеллекта на творческую составляющую журналистского труда, а также на анализ этических коллизий, порождаемых новыми технологическими возможностями. Это станет следующим вызовом для профессиональной идентичности и потребует выработки новых нормативных регулятивов.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11 – 14. Режим доступа: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32 (дата обращения: 05.03.2026).

2. Вырковский А.В., Галкина М.Ю., Колесниченко А.В., Образцова А.Ю., Вартанов С.А. Мультимедийные элементы в современном медиатексте // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2364 (дата обращения: 05.03.2026).

3. Зиновьев И.В. Интернет-технологии в журналистике: возможности мультимедийной журналистики на современном этапе развития российских масс-медиа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 95. № 4. С. 117 – 125.

4. Ким М.Н. Особенности работы мультимедийных журналистов и редакторов в конвергентных редакциях // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 130 – 139. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-12-130-139.

5. Alysen B., Oakham M., Patching R., Sedorkin G. Reporting in a Multimedia World: An introduction to core journalism skills. 2nd ed. London: Routledge, 2021. 342 p.

6. Estella P.G. The journalist's 'toolbox' of competencies in the digital-global age: reflections on the global state of research // Pacific Journalism Review. 2021. Vol. 27. No. 1&2. P. 194 – 214. DOI: 10.24135/pjr.v27i1and2.1158.

7. Indrati I., Santi M.R., Irawan R.E. Media Group Strategy to Change the Mindset of Multitasking Ability in the Era of Media Convergence: Case Studies in Medcom.id, Metro TV, and Media Indonesia // Proceedings of the 2nd Southeast Asian Academic Forum on Sustainable Development (SEA-AFSID 2018). Amsterdam: Atlantis Press, 2021. P. 173 – 181. DOI: 10.2991/aebmr.k.210305.032.

8. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006. 336 p.

9. Latzer M. Media convergence // Handbook on the Digital Creative Economy / R. Towse, Ch. Handke (eds.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2013. P. 123 – 134.

10. Medeiros Neto B. Digital Convergence in Contemporary Newsrooms: Media Innovation, Content Adaptation, Digital Transformation, and Cyber Journalism / B. Medeiros Neto, I. Amaral, G. Ghinea (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2021. 214 p.

11. Menke M., Kinnebrock S., Kretzschmar S., Aichberger I., Brodnig M., Hummel R., Kirchhoff S. Convergence Culture in European Newsrooms: Comparing editorial strategies for cross-media news production in six countries // Journalism Studies. 2016. P. 1 – 21. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1232175.

12. Murdock G. Digital Futures: European Television in the Age of Convergence // Television Across Europe. A Comparative Introduction / J. Wieten, G. Murdock, P. Dahlgren (eds.). London: Sage, 2000. P. 35 – 57.

13. Salzmann A., Guribye F., Gynnild A. Adopting a mojo mindset: Training newspaper reporters in mobile journalism // Journalism. 2021. Vol. 24. No. 6. P. 1186 – 1204. DOI: 10.1177/1464884921996284.

14. University of South Wales. Curriculum Information: BJ4S20 - Media Research Toolkit [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://curriculum.southwales.ac.uk/Module/Details?moduleId=MOD012102 (дата обращения: 05.03.2026).

References

1. Vartanova E.L. Where Does Media Convergence Lead? Information Society. 1999. No. 5. P. 11 – 14. Available at: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32 (accessed: 05.03.2026).

2. Vyrkovsky A.V., Galkina M.Yu., Kolesnichenko A.V., Obraztsova A.Yu., Vartanov S.A. Multimedia Elements in Contemporary Media Texts. Mediascope. 2017. Issue 3. Available at: http://www.mediascope.ru/2364 (accessed: 05.03.2026).

3. Zinovyev I.V. Internet Technologies in Journalism: The Potential of Multimedia Journalism at the Current Stage of Development of Russian Mass Media. Izvestia of the Ural Federal University. Ser. 1. Problems of Education, Science and Culture. 2011. Vol. 95. No. 4. P. 117 – 125.

4. Kim M.N. Specifics of the Work of Multimedia Journalists and Editors in Convergent Newsrooms. Administrative Consulting. 2021. No. 12. P. 130 – 139. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-12-130-139.

5. Alysen B., Oakham M., Patching R., Sedorkin G. Reporting in a Multimedia World: An Introduction to Core Journalism Skills. 2nd ed. London: Routledge, 2021. 342 p.

6. Estella P.G. The journalist's 'toolbox' of competencies in the digital-global age: reflections on the global state of research. Pacific Journalism Review. 2021. Vol. 27. No. 1&2. P. 194 – 214. DOI: 10.24135/pjr.v27i1and2.1158.

7. Indrati I., Santi M.R., Irawan R.E. Media Group Strategy to Change the Mindset of Multitasking Ability in the Era of Media Convergence: Case Studies in Medcom.id, Metro TV, and Media Indonesia. Proceedings of the 2nd Southeast Asian Academic Forum on Sustainable Development (SEA-AFSID 2018). Amsterdam: Atlantis Press, 2021. P. 173 – 181. DOI: 10.2991/aebmr.k.210305.032.

8. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006. 336 p.

9. Latzer M. Media convergence. Handbook on the Digital Creative Economy. R. Towse, Ch. Handke (eds.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2013. P. 123 – 134.

10. Medeiros Neto B. Digital Convergence in Contemporary Newsrooms: Media Innovation, Content Adaptation, Digital Transformation, and Cyber Journalism. B. Medeiros Neto, I. Amaral, G. Ghinea (eds.). Cham: Springer International Publishing, 2021. 214 p.

11. Menke M., Kinnebrock S., Kretzschmar S., Aichberger I., Brodnig M., Hummel R., Kirchhoff S. Convergence Culture in European Newsrooms: Comparing editorial strategies for cross-media news production in six countries. Journalism Studies. 2016. P. 1 – 21. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1232175.

12. Murdock G. Digital Futures: European Television in the Age of Convergence. Television Across Europe. A Comparative Introduction. J. Wieten, G. Murdock, P. Dahlgren (eds.). London: Sage, 2000. P. 35 – 57.

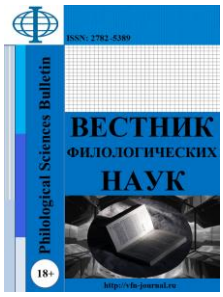
13. Salzmann A., Guribye F., Gynnild A. Adopting a mojo mindset: Training newspaper reporters in mobile journalism. Journalism. 2021. Vol. 24.No. 6. P. 1186 – 1204. DOI: 10.1177/1464884921996284.

14. University of South Wales. Curriculum Information: BJ4S20 - Media Research Toolkit [Electronic resource]. Access mode: https://curriculum.southwales.ac.uk/Module/Details?moduleId=MOD012102 (accessed: 05.03.2026).

Информация об авторах

Дорофеев М.А., *кафедра журналистики, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Fotobrick@gmail.com*

© Дорофеев М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.511.152
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-252-257

[1] Корнеев О.А.

[1] Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева

Жанровый синкретизм в лирике мордовской поэтессы Р.К. Орловой (на материале стихотворения «Черная речка»)

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению жанрового синкретизма в лирике мордовской поэтессы Раисы Константиновны Орловой на материале стихотворения «Черная речка» из сборника «Письма странницы» (2014). Цель работы – определение специфики контаминации различных жанровых моделей в художественной структуре произведения. Базовыми методами исследования стали жанрово-типологический и структурно-семантический анализ в сочетании с интерпретационным подходом. Было установлено, что жанровое многообразие в рамках художественного целого складывается из элегического, песенного, балладного, романсового, эпистолярного и молитвенного начал. Их взаимодействие прослеживается в композиции, образно-символическом строе, интонации и речевой организации текста. Показано, что мотив странствия получает событийное и психологическое наполнение, природные и бытовые детали приобретают символическую семантику, фольклорная стилизация подкрепляется использованием повторов, диминутивов, вокативных конструкций, психологического параллелизма и других приемов. Особое внимание уделено орнитоморфной и акватической образности – ее роли в передаче внутреннего состояния лирического субъекта. Сделан вывод о системном характере жанрового синкретизма, благодаря которому частная история утраченного счастья перерастает в обобщенное размышление о духовном состоянии человека и современного общества. Результаты работы окажутся полезными при изучении современной мордовской поэзии, регионального литературного процесса и жанровых трансформаций в русскоязычной литературе народов России.*

Ключевые слова: *жанровый синкретизм, современная мордовская поэзия, жанровая трансформация, сборник «Письма странницы», Рая Орлова, лирика*

Для цитирования: Корнеев О.А. Жанровый синкретизм в лирике мордовской поэтессы Р.К. Орловой (на материале стихотворения «Черная речка») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 252 – 257. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-252-257

Поступила в редакцию: 17 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Korneev O.A.

[1] Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev

Genre syncretism in the lyric poetry of the Mordovian poet R.K. Orlova (based on the poem “The Black River”)

Abstract: *the article examines genre syncretism in the lyric poetry of the Mordovian poet Raisa Konstantinovna Orlova, focusing on the poem “The Black River” from the collection Letters of a Wanderer (2014). The study aims to identify the specific features of the interaction of different genre models within the artistic structure of the poem. The research is based on genre-typological and structural-semantic analysis combined with an interpretative ap-*

proach. It is established that the genre diversity of the poem emerges from the interaction of elegiac, folk-song, ballad, romance-song, epistolary, and prayer elements. Their convergence is manifested in the composition, image-symbolic structure, intonation, and verbal organization of the text. The study demonstrates that the motif of wandering acquires both narrative and psychological meanings, while natural and everyday details gain symbolic significance. Folkloric stylization is reinforced through repetitions, diminutives, vocative constructions, psychological parallelism, and other devices. Particular attention is paid to ornithomorphic and aquatic imagery and its role in conveying the inner state of the lyrical subject. The article concludes that genre syncretism is systemic in nature: due to the interaction of several traditions, a personal story of lost happiness develops into a broader reflection on the spiritual condition of the individual and contemporary society. The findings may be useful for further studies of contemporary Mordovian poetry, regional literary processes, and genre transformations in Russian-language literatures of the peoples of Russia.

Keywords: *genre syncretism, contemporary Mordovian poetry, genre transformation, Letters of a Wanderer, Raisa Orlova, lyric poetry*

For citation: Korneev O.A. Genre syncretism in the lyric poetry of the mordovian poet R.K. Orlova (based on the poem “The Black River”). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 252 – 257. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-252-257

The article was submitted: August 17, 2026; Approved after reviewing: September 21, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Современная мордовская поэзия складывается на пересечении национальной традиции, опыта русской словесности и индивидуально-авторских поисков [9, с. 64]. Поэтому неудивительно, что жанровое своеобразие отдельных произведений вызывает неподдельный научный интерес. В литературе Мордовии конца XX – начала XXI века заметно стремление к сочетанию в пределах одного художественного текста признаков нескольких жанровых моделей [4, 17]. Сказанное в полной мере применимо к творческому наследию Р.К. Орловой, чьей лирике в силу обозначенных предпосылок также присущ жанровый синкретизм: песня сближается с исповедью, стихотворение о любви приобретает повествовательные черты, элегическое умонастроение переходит в нравственно-философское размышление и т.п. Цель статьи – определить специфику контаминации жанров в стихотворении Р.К. Орловой «Черная речка».

Несмотря на наличие трудов, посвященных поэзии автора, вопрос о ее жанровых особенностях практически не изучен. Так, О.И. Налдеева, Е.И. Азыркина и Е.Н. Дьячкова сосредоточиваются на любовной лирике Р.К. Орловой, характеризуя образ лирической героини и динамику эмоциональных состояний [11]; Н.Н. Левина рассматривает мотивно-образную организацию и тематические доминанты русскоязычного сборника «Письма странницы» [8]; в центре внимания А.А. Арзамазова – художественные контексты мокшанско-русского языкового «переключения» поэтессы [1]; С.В. Шеянова обращается к ее творчеству с позиции осмысления национальной картины мира в мордовской женской лирике [16], интерпретации архетипа матери [14] или поэтики мифологизма [15], однако диффузия жанров в произведениях Р.К. Орловой не становится самостоятельным предметом анализа. Именно эту лакуну призвано восполнить настоящее исследование.

Научная новизна предлагаемой работы заключается в том, что стихотворение Р.К. Орловой «Черная речка» впервые получает специальное прочтение с учетом выраженной полижанровости: проявления синкретизма жанров прослеживаются на уровне композиции, в системе образов, интонационном рисунке и речевом строе художественного текста.

Материалы и методы исследований

В качестве базовых методов исследования используются жанрово-типологический и структурно-семантический анализ, дополненные интерпретационным подходом. Жанрово-типологический анализ служит для установления соотношения различных жанровых признаков; структурно-семантический – для рассмотрения композиционного строя, образной системы и речевых средств; интерпретационный подход – для раскрытия смысловой нагрузки мотивов, символов и художественных деталей.

Материалом для настоящей статьи послужило стихотворение Р.К. Орловой «Черная речка», вошедшее в сборник «Письма странницы» (2014) [12].

Результаты и обсуждения

Жанровые рефлексивы стихотворения «Черная речка» обнаруживаются уже с первых строк, которые явственно намечают драматический сюжет: *«Потерял, ищу по свету дорогую Настю. / В уголке России моей станция Ненастье»* [12, с. 36]. Лирическое «я» предстает в образе одинокого странника, пустившегося на поиски возлюбленной, поэтому мотив дороги изначально наделяется двойственной семантикой – событийной (реальное перемещение в пространстве) и психологической (путешествие как способ справиться с потерей). На этом фоне топоним «станция Ненастье» воспринимается одновременно и как буквальный этап маршрута, и как условное обозначение душевного неблагополучия. Исходная ситуация разлуки, глубокие переживания и окрашенная печалью тональность роднят фрагмент с элегией [2, с. 15-16], для которой характерны пристальное внимание к интимному миру личности и медитативность.

Мотив «пути-дороги» подкрепляется описанием перрона и уходящего вдаль пейзажа: *«Сосны за окном плывут. А вагон качается...»* [12, с. 36]. Приведенные приметы создают ощущение бесконечной дорожной ленты, в которой внешний план движется вместе с внутренним состоянием лирического субъекта.

Вторая строфа сближает текст с жанром послания, для которого принципиальна ориентация монологической речи на конкретное лицо или формального собеседника [17, с. 159], и именно такую коммуникативную установку читатель обнаруживает в стихотворении Р.К. Орловой. Герой взывает к незнакомым людям: *«Если повстречается девица прекрасная, / Вы спросите, может быть зовут ее Настею»* [12, с. 36]. Адресат коллективный и как будто случайный – любой встречный, кому может быть знакома пропавшая девушка. Подобный прием расширяет географию поиска: частный опыт рассказчика выносится за пределы индивидуального чувства, оборачивается открытой просьбой, устремленной ко всем соотечественникам. Заключительное обращение *«Вы скажите, ищут вас по России, милая»* [12, с. 36] сплавляет исповедальную манеру с гражданским пафосом.

О.И. Налдеева исследует современную мордовскую лирику в типологической соотнесенности с фольклорной традицией, подчеркивая непосредственное влияние музыкальных жанров [9, с. 173]. В «Черной речке» данная преемственность находит выражение с точки зрения организации поэтической речи: неоднократно встречаются лексические и синтаксические повторы (*«Потому что брошена, потому что черная…»*, *«Потерял я Настеньку. Потерял я счастье…»* [12, с. 36]), диминутивные формы (*«горюшко»*, *«полюшко»*, *«думушки»* [12, с. 36]) и вокативные конструкции (*«Ох, ты речка, реченька, почему ты Черная?»* [12, с. 36]), что также является характерной особенностью народно-песенного творчества [16, с. 138].

Фольклорную стилизацию поэтического текста обеспечивает употребление орнитоморфной и акватической символики. С точки зрения жанровой структуры весьма красноречиво упоминание перепелки, входящей в устойчивый круг образов народной и свадебной песни [3, с. 28]. Птичий крик в произведении прямо уподоблен плачу, а непрекращающаяся «песня» делается своеобразным звуковым эквивалентом сердечной тоски протагониста: *«Избы все заброшены, перепелка в полюшке / Плачет, надрывается, песня не кончается...»* [12, с. 36]. Использование психологического параллелизма также отсылает к архаическим истокам, где природный голос часто подхватывает человеческое страдание [6, с. 3050].

Существенную роль играет образ Черной речки. Он вынесен в заглавие и постепенно позиционируется как смысловой центр повествования. Водная стихия связывается с эмоциональной сферой, прежде всего с горем: *«Течет речка Черная, почернела с горюшка»* [12, с. 36]. Вода стала темной, «почернела», словно вобрала в себя накопившуюся скорбь. Способность водного пространства быть своего рода проекцией человеческих чувств и страстей подтверждается и наблюдениями исследователей: «Через образы различных водоемов репрезентуется как состояние мира, так и ощущения лирического героя» [5, с. 43]. Вопросно-ответная форма изложения поддерживает прием олицетворения и усиливает экспрессию – река выступает чутким и вовлеченным слушателем, готовым откликнуться на чужую боль.

Балладная основа обусловливает лаконичность повествовательного сюжета, драматизм, тревожную атмосферу стихотворения. О.Ю. Осьмухина и Е.В. Пивкина, рассматривая балладу в современной русской поэзии Мордовии, акцентируют ее лиро-эпическую природу и склонность к жанровому синтезу [13, с. 248]. «Черная речка» хотя не названа балладой, но обладает памятью жанра: присутствуют герой, переживающий утрату, мотив странствия, таинственный, мрачный локус и смысловая недосказанность. Фабульное время предельно сжато, однако даже за несколькими эпизодами угадывается полноценная история о разлуке, ожидании воссоединения, несчастной любви.

Центральная женская фигура так и остается вне изображенного действия – мыслится видением, призрачной грезой. При этом облик избранницы постоянно возникает в сознании говорящего, и именно ее физическая незримость становится импульсом сюжетного развития. Через мотив недосягаемой возлюбленной, идеализацию женщины и ретроспективную направленность высказывания в стихотворении отчетливо про-

ступает романсовая поэтика. Ненаглядная Настенька практически лишена индивидуальных черт. Все, что о ней известно, сообщается посредством высокой оценочной лексики, в частности эпитетов: *«девица прекрасная»*, *«милая»*, *«самая добрая, красивая»*, *«русская красавица»* [12, с. 36]. Такой портрет выводит персонажа за рамки бытовой конкретики, невольно превращая в воплощение прежней полноты бытия. Для лирического романса закономерно тяготение к минувшему – «воспоминанию несбывшегося прошлого» [7, с. 5].

Кольцевая композиция подсвечивает данную художественно-стилевую тенденцию. Финал вновь отсылает к начальной ситуации, что созвучно свойственному романсу возвращению лирического «я» к первопричине душевного волнения [7, с. 10]. За счет такого обрамления герой продолжает пребывать во власти прошлого, а романсовая составляющая получает выражение в тоске по недостижимому и невозвратному.

Особого внимания заслуживает религиозно-нравственный план произведения. В четвертой строфе повествование неожиданно расширяется до обобщенного суждения о моральном упадке современного общества. Лирическая речь переключается от интимного, сокровенного к вопросу о ценностном кризисе человечества. В тексте появляются слова *«смирение»*, *«Бог»*, *«Всевышний»*, рядом с ними проступают более негативные по семантике лексемы – *«гордыня»*, *«грех»*, *«коварство»*, *«неприкаянных»* [12, с. 36]. Личная драма начинает осмысляться как проявление более масштабной социокультурной катастрофы: *«Только деньги и гордыня на земле стали в чести»* [12, с. 36].

Нравственно-религиозный аспект принципиален для понимания жанрового синкретизма анализируемого текста. О.И. Налдеева, обращаясь к жанру поэтической молитвы в современной мордовской лирике, выделяет его апеллятивный характер, устремленность к Богу и связь с просительной, покаянной, благодарственной или хвалебной интонацией [10, с. 1578]. В «Черной речке» отсутствует развернутая молитвенная структура, тем не менее явные элементы религиозной поэзии наблюдаются в апеллятиве *«милосердный Бог, прости»* и риторическом вопросе *«Как же может нас Всевышний неприкаянных спасти?»* [12, с. 36]. Так, мирское стенание приобретает сакральный смысл, а единичное лирическое «я» перерастает в коллективное «мы»: герой говорит уже от имени тех, кто действительно осознает свое несовершенство и нуждается в спасении.

Выводы

Проведенное исследование показало, что стихотворение «Черная речка» Р.К. Орловой строится на свободном взаимодействии нескольких жанровых разновидностей. Ведущий элегический модус перекликается с адресностью послания, народной напевностью, балладной напряженностью, романсовой мелодикой и отдельными признаками поэтической молитвы. Их контаминация подчинена внутренней логике и динамике произведения: частная история постепенно выходит за пределы любовной коллизии и получает нравственно-философское и религиозное наполнение.

Полижанровость прослеживается во всей художественной организации «Черной речки». Сюжетное движение развивается от странствия и розысков таинственной Настеньки к диалогу с природной стихией и размышлению о духовном состоянии современников. Природный ландшафт и бытовые зарисовки утрачивают исключительно предметную функцию и оказываются символическим отражением эмоционального переживания героя. Синтез жанров раскрывается и в речевой ткани стихотворения посредством повторов, диминутивов, вокативных конструкций, риторических вопросов, элементов параллелизма и кольцевой композиции.

Таким образом, жанровый синкретизм имеет системный характер и затрагивает композицию, образно-символический строй, интонацию и способы речевого оформления. Взаимодействие жанровых традиций сообщает тексту смысловую многослойность, позволяет трактовать лирический рассказ о потерянной Настеньке как печальное воспоминание о невозвратном счастье, песенно-фольклорное повествование, искреннее признание в чувствах или раздумье о морали и духовности. Именно присущая синтетичность жанрового толкования составляет существенную особенность идиостиля Р.К. Орловой, проявившуюся в стихотворении «Черная речка» с наибольшей отчетливостью.

Благодарность и финансирование

Публикация подготовлена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме «Филологические механизмы трансляции культурных кодов и национальных ценностей в современном социокультурном пространстве».

Список источников

1. Арзамазов А.А. Художественные контексты мокшанско-русского языкового «переключения» Раисы Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 7. С. 2037 – 2042.
2. Артёмова С.Ю. Жанровые черты современной элегии // Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 15 – 23.
3. Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 22 – 34.
4. Гудкова С.П., Хозяйкина А.В. Особенности развития книги стихов в современной русскоязычной поэзии Мордовии (на материале поэтических книг А.М. Шаронова «Монологи» и С.Ю. Сеничева «ВИНоГРАДвШОКоЛАДе, или Словосложение») // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 16 – 24.
5. Духнова М.А., Ерофеева Е.В. Функции лексем тематической группы «вода» в лирике Мандельштама // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 3. С. 35 – 49.
6. Жабина Е.М. Народная песенная традиция в поэзии пушкинской поры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 10. С. 3049 – 3053.
7. Жиляков С.В. Мнемонический мотив как маркер поэтики русского лирического романса классического периода // Filologos. 2024. № 3 (62). С. 5 – 11.
8. Левина Н.Н. Мотивно-образный диапазон русскоязычного сборника стихов Раи Орловой «Письма странницы» // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2 (30). С. 65–71.
9. Налдеева О.И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография. Саранск: МГПУ им. М.Е. Евсевьева, 2013. 283 с.
10. Налдеева О.И. Жанрово-стилистические особенности поэтической молитвы в современной мордовской лирике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (6). С. 1577 – 1580.
11. Налдеева О.И., Азыркина Е.И., Дьячкова Е.Н. Художественные особенности любовной лирики Р.К. Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 217 – 221.
12. Орлова Р.К. Письма странницы: стихотворения, песни. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2014. 104 с.
13. Осьмухина О.Ю., Пивкина Е.В. Особенности трансформации и пути развития жанра баллады в русской поэзии Мордовии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 248 – 259.
14. Шеянова С.В. Архетипический образ матери в мордовской женской лирике // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 328 – 336.
15. Шеянова С.В. Мифологизм в лирике мордовского поэта Раи Орловой // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 118 – 126.
16. Шеянова С.В. Национальная художественная картина мира в мордовской женской лирике // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 132 – 141.
17. Шеянова С.В., Юсупова Н.М., Маскаева А.В. Жанр послания в творчестве Марины Слугиной // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 159 – 168.

References

1. Arzamazov A.A. Artistic contexts of Raisa Orlova’s Moksha-Russian language “switching”. Philology. Theory & Practice. 2023. Vol. 16. Iss. 7. P. 2037 – 2042.
2. Artemova S.Yu. Genre features of the contemporary elegy. Chelyabinsk Humanitarian. 2023. № 2 (63). P. 15 – 23.
3. Bernshtam T.A. Ornithomorphic symbolism among the Eastern Slavs. Soviet Ethnography. 1982. № 1. P. 22 – 34.
4. Gudkova S.P., Khozyaykina A.V. Peculiarities of the development of a book of poems in contemporary Russian-language poetry of Mordovia (based on the poetry books by A.M. Sharonov “Monologues” and S.Yu. Senichev “GRAPESinCHOCOLATE, or Word Formation”). Bulletin of Ugric Studies. 2021. Vol. 11. № 1. P. 16 – 24.
5. Dukhnova M.A., Erofeeva E.V. Functions of lexemes of the thematic group “Water” in Mandelstam’s lyric poetry. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2024. Vol. 16. Iss. 3. P. 35 – 49.
6. Zhabina E.M. Folk song tradition in the poetry of the Pushkin era. Philology. Theory & Practice. 2022. Vol. 15. Iss. 10. P. 3049 – 3053.

7. Zhilyakov S.V. Mnemonic motif as a marker of the poetics of the Russian lyric romance of the classical period. Philologos. 2024. № 3 (62). P. 5 – 11.

8. Levina N.N. Motif and image range of Raisa Orlova's Russian-language poetry collection "Letters of a Wanderer". Bulletin of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs. Series: Social and Human Sciences. 2021. № 2 (30). P. 65 – 71.

9. Naldeeva O.I. Contemporary Mordovian Poetry: Main Trends and Artistic Reference Points: Monograph. Saransk: Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, 2013. 283 p.

10. Naldeeva O.I. Genre and stylistic features of poetic prayer in contemporary Mordovian lyric poetry. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. Vol. 11. № 4 (6). P. 1577 – 1580.

11. Naldeeva O.I., Azyrkina E.I., Dyachkova E.N. Artistic features of R.K. Orlova's love lyric poetry. Philology. Theory & Practice. 2019. Vol. 12. Iss. 1. P. 217 – 221.

12. Orlova R.K. Letters of a Wanderer: Poems and Songs. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 2014. 104 p.

13. Osmukhina O.Yu., Pivkina E.V. Features of the transformation and development of the ballad genre in Russian poetry of Mordovia. Bulletin of Ugric Studies. 2019. Vol. 9. № 2. P. 248 – 259.

14. Sheyanova S.V. Archetypal image of the mother in Mordovian women's lyric poetry. Bulletin of Ugric Studies. 2025. Vol. 15. № 2 (61). P. 328 – 336.

15. Sheyanova S.V. Mythologism in the lyric poetry of the Mordovian poet Raisa Orlova. Bulletin of Ugric Studies. 2026. Vol. 16. № 1 (64). P. 118 – 126.

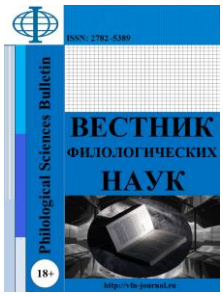
16. Sheyanova S.V. National artistic worldview in Mordovian women's lyric poetry. Bulletin of Ugric Studies. 2025. Vol. 15. № 1 (60). P. 132 – 141.

17. Sheyanova S.V., Yusupova N.M., Maskaeva A.V. The genre of the epistle in the works of Marina Slugina. Bulletin of Ugric Studies. 2023. Vol. 13. № 1 (52). P. 159 – 168.

Информация об авторах

Корнеев О.А., *Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, forspam615@gmail.com*

© Корнеев О.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 8.81
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-258-267

[1] Рыбка С.Б.

[1] Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Деонтическая модальность в юридических текстах (на примере законодательного акта экологической тематики)

Аннотация: *целью данной статьи является анализ средств выражения деонтической модальности в юридическом тексте. Исследование проводилось на материале текста англоязычного закона "The Environment Act 1995". В материале данного документа были отобраны и проанализированы грамматические и лексические средства выражения деонтической модальности. В статье рассматривается понятие деонтической модальности, приводятся примеры направлений исследований на актуальную тему. В работе выявлены различные способы выражения деонтической модальности в законодательных актах экологического права Великобритании. Приводится пример юридического текста, содержащего различные грамматические и лексические способы выражения деонтической модальности. В настоящее время при исследовании понятия деонтической модальности и способов ее выражения большое внимание уделяется грамматическим средствам выражения, а именно, модальным глаголам. Недостаточное количество исследований, посвященных лексике с семантикой долженствования как способу выражения деонтической модальности, определяет актуальность темы исследования. В данной статье, помимо модальных глаголов, рассматриваются также и лексические способы выражения деонтической модальности. Также производится анализ семантического компонента долженствования указанных лексических единиц. В статье также указаны результаты подсчета словоупотреблений выбранных средств выражения деонтической модальности. Материал текущей статьи был проанализирован в рамках научного исследования, которое посвящено функционально-семантическому полю долженствования в юридических текстах. Полученные в результате данного исследования материалы представляют особую важность для дальнейшего построения указанного выше ФСП. Более того, возможно предположить, что результаты данной статьи имеют высокую практическую ценность для юрислингвистики. Такое предположение можно сделать, основываясь на том, что полученные данные могут помочь с решением проблемы двойственности трактования лексических единиц в юридических текстах. Деонтический компонент отдельных лексических единиц позволит строить такие деонтические структуры целого высказывания в рамках юридического текста, которые позволят избегать спорных ситуаций при трактовании и анализе текстов законов, в частности.*

Ключевые слова: *модальность, деонтическая модальность, средства выражения модальности, модальные глаголы, долженствование, юридический текст, экологическое право*

Для цитирования: Рыбка С.Б. Деонтическая модальность в юридических текстах (на примере законодательного акта экологической тематики) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 258 – 267. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-258-267

Поступила в редакцию: 17 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Rybka S.B.

[1] Penza State University of Architecture and Construction

Deontic modality in legal texts (on the example of a legislative act of environmental issues)

Abstract: *the purpose of this article is to analyze the means of expressing deontic modality in a legal text. The study was conducted based on the text of the English-language law "The Environment Act 1995". In the material of this document, grammatical and lexical means of expressing deontic modality were selected and analyzed. The article discusses the concept of deontic modality, provides examples of research directions on an urgent topic. The paper identifies various ways of expressing deontic modality in the legislative acts of environmental law of the United Kingdom. An example of a legal text containing various grammatical and lexical ways of expressing deontic modality is given. Currently, when studying the concept of deontic modality and the ways of its expression, much attention is paid to grammatical means of expression, namely modal verbs. The insufficient number of studies devoted to vocabulary with the semantics of duty as a way of expressing deontic modality determines the relevance of the research topic. In this article, in addition to modal verbs, lexical ways of expressing deontic modality are also considered. The semantic component of the obligation of the specified lexical units is also analyzed. The article also shows the results of calculating the word usage of the selected means of expressing deontic modality. The material of the current article was analyzed as part of a scientific study that focuses on the functional and semantic field of duty in legal texts. The materials obtained as a result of this study are of particular importance for the further construction of the above-mentioned FSF. Moreover, it is possible to assume that the results of this article have high practical value for legal linguistics. This assumption can be made based on the fact that the data obtained can help solve the problem of ambivalence of interpretation of lexical units in legal texts. The deontic component of individual lexical units will make it possible to build such deontic structures of the whole utterance within the framework of the legal text, which will avoid controversial situations when interpreting and analyzing the texts of laws, in particular.*

Keywords: *modality, deontic modality, means of expressing modality, modal verbs, obligation, legal text, environmental law*

For citation: Rybka S.B. Deontic modality in legal texts (on the example of a legislative act of environmental issues). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 258 – 267. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-258-267

The article was submitted: August 17, 2026; Approved after reviewing: September 21, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

В настоящее время вопросам изучения модальности посвящено большое количество научных работ, так как модальность была и по-прежнему остается многоаспектным языковым явлением, которое требует подробного изучения и осмысления. Категория модальности представляет интерес для исследования как с точки зрения содержания, так и с точки зрения форм выражения. Особое внимание в современных научных исследованиях отводится изучению специфики функционирования модальности в разных видах дискурса. В современной лингвистике данные исследования представлены работами следующих авторов: А.Р. Мухтарулина «Деонтическая модальность в художественном дискурсе», «Деонтическая модальность англоязычного научного дискурса», Е.В. Бобырева «Модальность англоязычного и русскоязычного религиозного дискурса», А.М. Ахметова «Когнитивно-прагматический аспект модальности в эзотерическом дискурсе», Т.П. Филичкина «Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе» и многих других.

Вопросы изучения деонтической модальности представлены в работах О.А. Богинской «Экспликация категории деонтической модальности в англоязычных текстах международно-правовых документов», Д.М. Ханнанова «Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое», С.И. Горбачеввской «Средства выражения деонтической модальности в научно-популярных текстах», «Способы выражения деонтической модальности в текстах разных жанров», И.Д. Невважай «Деонтические модальности аргументации в научном творчестве».

Широкий спектр различных типов модальности говорит о многообразии семантических форм данной категории, а также о различных способах выражения каждого типа данной категории.

Согласно Ш. Балли, в любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса). Ш. Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме [1].

Оппозиция диктумного и модусного содержания высказывания позволяет исследовать механизмы экспликации и импликации модальности, а также разделить выявленные механизмы на группы, рассматривая границу между модусом и диктумом в самом высказывании. Так, в своей работе Т.В. Дубровская предлагает классификацию содержаний высказываний, данных механизмов: 1) имплицитное диктумное содержание: 1.1) имплицитное пропозициональное содержание, 1.2) имплицитное контрадикторное содержание, 1.3) имплицитное комплементарное диктумное содержание; 2) имплицитное модусное содержание: 2.1) имплицитная оценка диктумного содержания, 2.2) имплицитное обозначение своего авторства, 2.3) имплицитное сообщение о коммуникативном намерении. Данная предложенная классификация может позволить разделять средства выражения субъективной и объективной модальности и проследить алгоритм их использования в речи [2].

Тип модуса определяет тип той или иной модальности: деонтической, эпистемической и алетической. Данные типы модальности заимствованы из философской концепции модальности, и именно на основе трех данных типов образуются различные типы модальных значений в речи: модальность необходимости, вероятности, возможности, достоверности, волеизъявления, оценочности и реальности. Лингвистические категории модальности опираются в своей классификации на типы модальностей в логике, поскольку лингвистические типы представляют собой выражение логических типов в речи.

В рамках настоящей статьи взгляд Ш. Балли, разделявшего модальность на объективную и субъективную, представляется наиболее оптимальным, поскольку он позволяет изучить отношения между индивидуальным восприятием, оценкой фактической установленной нормы (нормы, устанавливающей и определяющей правила поведения индивидуумов в обществе) и влиянием, установленным в высказывании деонтическим содержанием (правовой нормой) на окружающую действительность. Такой же точки зрения придерживается и В.В. Виноградов, согласно которому, «модальность - не только характеристика реальности и нереальности, но и отношение говорящего к высказываемому» [3].

В ЛЭС модальность также определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [4].

Однако, например, А.М. Пешковский утверждает, что категория модальности выражает только одно отношение – отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же, между содержанием данного высказывания и действительностью, т.е. «отношение к отношению» [5].

Так, в общем смысле, модальность – это одна из базовых категорий языка, мышления и логики, которая выражает отношение говорящего к высказыванию, а также отражает отношение содержания высказывания к действительности (реальности/ирреальности). Большинство исследователей разделяют модальность на две категории (уровня): объективную (отношение к действительности) и субъективную (отношение говорящего к содержанию высказывания).

Несмотря на отсутствие очевидной парадигмы грамматических средств выражения модальности, само понятие модальности может считаться функционально-семантической категорией языка, так как в процессе реализации модальности в речи соотносятся план её выражения (различные средства выражения модальности) и план её содержания (тип модальности, определенный пропозицией).

Одной из разновидностей категории модальности является деонтическая модальность.

В логике деонтическая модальность, или нормативная модальность, – это модальность долженствования – «характеристика практического действия с точки зрения определенной системы норм» [6]. Нормативный статус действия чаще всего выражается операторами со значением обязательности, разрешения, запрета, (нормативного) безразличия, используемыми в нормативном (деонтическом) высказывании. Посредством данных операторов устанавливаются нормы и предписания в высказывании. Можно утверждать, что операторы деонтической модальности – это средства выражения деонтической модальности на различных языковых уровнях, объединенные указанными выше значениями.

Исходя из имеющихся в модальном высказывании операторов, можно сделать вывод о том, какая именно пропозиция содержится высказывании: обязанность, запрет, долг или нормативное предписание к действию.

В языкознании же деонтическая модальность трактуется как выражение отношения к своим или чужим действиям, по непременному созданию того или иного положения дел в мире или его изменению. Она свя-

зывается «с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил» [7].

Так, деонтическая модальность – это разновидность категории модальности, формы актуализации которой передают не только субъективное отношение автора к действительности и содержанию высказывания, но и побуждают реципиента выполнять определенные действия, следуя установленной и определенной в высказывании норме.

Целью данной статьи является выявление и анализ типичных средств выражения деонтической модальности в юридическом тексте и уточнение их функциональной специфики.

Деонтическая модальность характеризует высказывания, которые официально или неофициально выражают определенный установленный свод правил, законов или предписаний. Соблюдение или нарушение установленной нормы отражает прагматику данных модальных высказываний и является результатом отношения к содержанию высказывания.

Деонтическая модальность соотносится с понятиями долженствования, разрешения, обязательности или с «необходимостью и возможностью действия, выполняемых морально ответственным субъектом» [8].

Важно разделять модальность деонтическую и аксиологическую (модальность оценки), поскольку в юридических текстах устанавливается не оценка деятельности субъекта, но предписание к действию, нарушение которого и повлечет за собой в дальнейшем оценивание этого поведения с точки зрения соблюдения/нарушения установленной в высказывании норме. Говоря о содержании аксиологической модальности в рамках юридических текстов, важно отметить, что данный тип модальности появляется в суждениях в форме пресуппозиций, поскольку содержание оценки уже изначально заложено в высказывании, но не имеет очевидных средств выражения, подразумевая определенный смысл на уровне самого типа высказывания. Деонтическая модальность также противопоставляется модальности эпистемической, выражающей степень веры говорящего в истинности своих слов. Так, деонтическую модальность именуют «неэпистемической», встречающуюся в суждениях, где говорящий высказывает свою волю относительно поведения субъекта предложения.

Здесь можно обратиться к упомянутому выше разделению модальностей на объективную и субъективную. Деонтическая модальность существует в поле объективной модальности, поскольку и в том, и в другом типе модальностей основной функцией является репрезентация необходимости или возможности обозначаемого положения дел [8]. Тем не менее, трактование деонтической модальности как вариант модальности объективной, остается открытым. Со стороны авторитетного органа, законодателя, выражение предписания и установки правомерного деяния и является выражением его отношения к ситуации высказывания. Так, субъективная сторона в данном типе модальности кроется в отношении самого законодателя к данному высказыванию.

Необходимо отметить, что сама ситуация деонтической модальности относится к потенциальному будущему, то есть относится по своей сути к ирреальному типу модальности.

Материалы и методы исследований

Юридический текст с позиции модальности представляет особый интерес, поскольку характерные особенности юридического текста допускают использование как эксплицитных, так и имплицитных средств выражения модальных значений. Юридический текст является безоценочным и представляет собой текст, выражающий объективную сторону потенциальной действительности, то есть, предписывающий акт, в котором отсутствует субъективная составляющая. Большая часть юридических текстов представляет собой набор суждений нормативной (деонтической) модальности, в которой каждое из этих суждений устанавливает какую-либо обязательную норму поведения.

Важным является то, что несмотря на отсутствие выражения отношения говорящего к высказыванию (субъективной стороны модальности), модальный аспект (модус) в юридических текстах все же присутствует и выражает отношение высказывания к «идеальной» реальности (соблюдение/несоблюдение установленной в высказывании нормы), а также обязательство по отношению к адресату.

Изучение способов выражения деонтической модальности проводится на примере законодательного акта в области экологического права Великобритании (The Environment act 1995). Выбор материала определила проблема экологии, которая особо актуальна в настоящее время.

В ходе изучения материала были отобраны средства выражения деонтической модальности различных языковых уровней: грамматического и лексического. Средства грамматического уровня представлены модальными глаголами, а средства лексического уровня представлены лексическими единицами с семантикой долженствования: 1) отдельными лексемами с семантикой долженствования и 2) фразами с семантикой долженствования.

1. Центральными актуализаторами модальности в английском языке являются девять модальных глаголов can / could, will / would, shall / should, may / might, must . Наряду с центральными средствами в экспликации деонтической модальности участвуют и другие языковые единицы, способные передавать модальные значения [9].

Так, использование центральных средств выражения модальности (модальных глаголов shall, must) относится к грамматическому уровню.

Согласно Б. Дугласу и Д. Стигу, модальные глаголы делятся на три семантические группы: permission/possibility/ability (к данной группе относятся глаголы can, could, may, might), obligation/necessity (включает модальные глаголы и полу-модальные глаголы must, should, (had) better, have (got) to, need to, ought to, be supposed to), volition/prediction (подразумевает глаголы will, would, shall, be going to). Для нас представляет интерес вторая группа глаголов, обозначающих долженствование, среди которых перечисленные выше средства.

Однако, в ходе анализа практического материала, мы обратили внимание и на частое употребление глагола shall, который относится к группе глаголов, обозначающих желание или волевой акт. В юридическом контексте можно говорить о взаимодействии (синонимии) понятий долженствование (субъекта права) и волевой акт (со стороны государства), которые направлены на соблюдение нормы. Каждый модальный глагол может обладать двумя типами значений: внутренним и внешним, или деонтическим и эпистемологическим соответственно. Внутренний тип значения относится к действиям и событиям, напрямую контролируемым их исполнителями, иными словами, действиями со значением разрешения, долженствования и волеизъявления. Внешний тип относится к логической составляющей действий и событий, то есть, возможности, необходимости и прогнозам [10].

В выбранном нами материале мы встречаем употребление только центральных экспликаторов деонтической модальности (shall, must), поскольку данные модальные глаголы имеют семантику долженствования, запрета и разрешения. Более того, представляется возможным считать, что в юридических текстах указанные глаголы являются наиболее употребляемыми в сравнении с такими модальными глаголами, как can, should, have to. Можно утверждать, что частота употребления данных глаголов связана с особенностями юридических текстов, а также с деонтическими характеристиками самих глаголов.

Одним из самых употребляемых способов выражения деонтической в английских юридических природоохранных текстах является **использование модального глагола shall**. Так, например, только в статье 1 главы 1 данного закона глагол shall употребляется 9 раз. Употребление глагола **shall** является отличительной чертой юридического дискурса, поскольку данный глагол несет в себе значение обязательства и имеет функцию выражения взятых (или же, в зависимости от контекста и перевода, накладываемых) на себя обязательств. Согласно теории, модальный глагол shall представляет собой глагол, ориентированный на самого говорящего, который используется для выражения внешней необходимости. Глагол употребляется для выражения наиболее правильного (подходящего) в текущей ситуации действия с точки зрения говорящего. Данный глагол имеет несколько функций, однако наиболее подходящей для данной работы можно считать предписывающую функцию. «Поскольку модальный глагол shall выражает степень неизбежности (неминуемости) будущих событий, зачастую он используется в контексте официальных призывов, предписаний, приказов, инструкций и команд [11]».

Также в представленном ниже примере употребляется обезличенная **shall-structure**, которая свойственна юридическим текстам. Данная конструкция выражает необходимое, подлежащее осуществлению требование, предписание, выраженное в обязательном учреждении органа (*The Environment Agency).* В данном примере деонтический оператор «shall», имеющий прямое значение «обязывание», устанавливает предписание, обязательное к исполнению. Так, в последующем примере можно увидеть употребление глагола shall для выражения доентической модальности в юридическом тексте.

The Environment Agency

(1) There shall be a body corporate to be known as the Environment Agency or, in Welsh, Asiantaeth yr Amgylchedd (in this Act referred to as "the Agency"), for the purpose of carrying out the functions transferred or assigned to it by or under this Act.

(2) The Agency shall consist of not less than eight nor more than fifteen members of whom –

(a) three shall be appointed by the Minister…

(b) the others shall be appointed by the Secretary of State.

(3) The Secretary of State shall designate –…

as the case may be, the Minister shall have regard to….

(5) Subject to the provisions of section 38 below, the Agency shall not be regarded –

*and **the Agency's property shall not be regarded** …*

(6) The provisions of Schedule 1 to this Act shall have effect with respect to the Agency [12].

Функция глагола shall в указанном выше примере состоит в выражении долженствования в юридических документах и договорах. Важно, что в данном примере и исполнителем, и заказчиком выступает государство, устанавливающее и осуществляющее (реализующее) данный закон.

Помимо глагола shall в данном законе также употребляется модальный глагол Must, который также выражает семантику долженствования. Согласно теоретической грамматике, глагол must – это ориентированный на говорящего модальный глагол, выражающий внешнюю необходимость (что соотносится с теоретическим определением модального глагола shall). Одной из функций глагола must является выражение авторитета говорящего посредством установления обязательства или приказа. Более того, еще одной функцией глагола must служит выражение общеизвестного правила или примера поведения, который считается говорящим единственно возможным в текущей коммуникативной ситуации [11].

Например:

*(4) Without prejudice to the generality of what may be included in the strategy, **the strategy must include** –* [12]…

Стоит отметить, что частотность употребления глагола must в данном юридическом документе намного ниже, чем использование глагола shall. В первую очередь, это связано с характерными особенностями юридических текстов, которые подразумевают установку нормы, необходимой для выполнения. Несмотря на то, что глагол must также имеет значение «должен», «надо», устанавливает приказ или обязательство, модальный глагол shall подразумевает не только долженствование, но и взаимное обязательство участников высказывания. В контексте всего выбранного нами для анализа документа было высчитано, что глагол shall употребляется 2537 раз, что в 37 раз больше, чем используемый 69 раз глагол must. Важно отметить, что количество случаев употребления отрицательной формы shall not составило лишь 191.

Для выражения деонтической модальности, также были рассмотрены лексические единицы**, имеющие семантическое значение долженствования**. Данные единицы не содержат каких-либо модальных смыслов, однако в их семантическом значении заложена семантика обязательства.

Лексические единицы, в составе которых существует семантический компонент долженствования, совместно с грамматическими средствами (модальными глаголами, в частности), используются для выражения деонтической модальности. Также можно сделать вывод о том, что в рамках юридического текста лексические средства выражения деонтической модальности встречаются чаще, чем грамматические.

Для определения наличия лексических единиц с семантическим значением долженствования, мы воспользовались толковыми словарями, устанавливающими значение лексической единицы. Если в выбранной нами единице семантика облигаторности отсутствовала, были рассмотрены единицы, использованные в толковании первоначально выбранной нами единицы.

Одной из таких лексических единиц стала единица «guarantee». Согласно толковому словарю, лексическая единица имеет следующее определение: «guarantee – pledge that something will be performed in a specific manner» [13].

В представленном ниже примере можно видеть частое употребление данной лексической единицы. Более того, стоит обратить внимание на коллокации, в которых встречается данная единица.

«Government guarantees of a new Agency's borrowing.

(1) The appropriate Minister may, [*F1in the case of the Agency only*] *with the consent of the Treasury, guarantee…*

(2) A Minister who gives a guarantee under this section shall forthwith lay a statement of the guarantee…

(3) Where any sum is paid out for fulfilling a guarantee under this section, the Minister who *gave the guarantee…*

(4) If any sums are paid out in fulfilment of a guarantee under this section, the new Agency which borrowed the sum by reference to which the guarantee was given shall make to the Minister who gave the guarantee» [12].

В данном примере несколько раз повторяется лексема **guarantee**, которая показывает, что государство обязуется выполнить установленные правила выплат. В данном случае в высказывании отсутствует адресат, который должен осуществить установленное действие (или же понести наказание в случае его нарушения). В этом примере государство заявляет о собственном обязательстве (долге) перед гражданами.

В данном случае, компонент облигаторности содержится в толковании самой лексической единицы, так, представляется возможным отнести данный глагол к категории слов, выражающих семантическое значение долженствования.

Также в тексте встречается единица «**required**», «требовать», которае содержит в себе значение «просить в категорической форме». В одном из толкований, лексическая единица «require» имеет значение, определенное юридическим контекстом. Так, «**Require** – if a rule, law, contactr etc requuiers something, you **must** do that thing» [13]. В текущем примере семантика долженствования содержится в самой лексической единице. Далее представлен один из случаев употребления данной лексической единицы, однако необходимо отметить, что при анализе документа было установлено, что данная единица встречается в тексте 523 раза.

«*…and the consent of the Treasury shall be* ***required*** *for the giving of a direction under this subsection…»* [12].

В следующем примере можно увидеть повторяющееся употребление лексемы «*duty»,* имеющее прямое семантическое значение обязанности, долга. «Duty – a legal or moral **obligation**.» [13].

«General environmental and recreational ***duties.***

(1) It shall be the ***duty*** *of the Secretary of State and of SEPA, in formulating or considering any proposals relating to any functions of SEPA…»* [12].

Лексическая единица «duty» употребляется в документе 126 раз, а вариант данной лексемы – «duties», - 85 раз, что в совокупности составляет 211 случаев употребления.

Далее рассмотрим употребление лексической единицы «authority», которая согласно словарю, имеет следующее толкование: «**authority** – the police or people in other official organizations with legal power to make people **obey** laws or rules.» [13].

«…the functions of the National Rivers **Authority**, that is to say …» [12].

В данной лексеме семантика долженствования выражена посредством компонента obey, встречающегося в толковании (**obey** – to do what a law or a person says that you must do). Так, лексическую единицу authority можно отнести к перечню лексических средств выражения деонтической модальности.

Также одной из рассматриваемых нами лексических единиц стало существительное **«Law».** Согласно данным толкового словаря, **«Law** – an official rule that people **must** obey» [13]. Далее следует пример употребления данной единицы в тексте:

«…the River Tweed" means "the river" within the meaning of the Tweed Fisheries Amendment Act 1859 as amended by **byelaws…»** [12].

Также примером употребления лексических единиц с **семантикой долженствования** могу служить следующие лексические единицы:

«Agreements – a properly executed and legally **binding** contract» [13],

«liabilities – something for which one is liable; an obligation, responsibility, or debt» [13],

«penalty – a punishment **imposed** for a violation of law»,

«offences – a crime or illegal activity for which there is a punishment («punishment-a penalty **imposed** for wrongdoing») [13].

Agreements as to incidental matters.

(a) any property, income, rights, liabilities…

(a) for the transfer or retention of any property, rights and liabilities…

(3) In default of agreement…

*(4) In subsection (3) above "****disputed matter****" means any matter which*

37AFixed penalty notices for certain offences.

(1) Where on any occasion …a fixed ***penalty*** *offence…* [12].

Так, например, «offences» не имеет значения долженствования, однако лексические единицы, посредством которых толкуется выбранная нами – «offences», содержат в себе компонент облигаторности. В данном случае адресат воспринимает значение слова «offences» как статус результата (последствия) нарушения обязательной нормы, находя в суждении значение облигаторности.

Далее рассмотрим использование лексической единицы «**Prohibit**», содержащей семантику долженствования, запрета. **«Prohibit** - To forbid by **authority.»** [13].

«(b) if the appointment were an appointment as a statutory auditor, he would not be **prohibited** from acting by virtue of section 1214 of that Act (independence requirement) …» [12].

Также в ходе анализа юридического документа нами были отобраны следующие лексические единицы:

Designate – **officially** give a specified status or name to something (officially – with the authority of the government or other organization).

Provision – a condition or **requirement** in a legal document.

Impose – **require** to be undertaken or paid.

Obligation – a **binding** agreement committing a person to a payment or other action.

Order – an **authoritative** command or instruction (authoritative – proceeding from an **official** source and **requiring** compliance or obedience).

Regulation – a rule or directive made and maintained by an **authority (directive** – an official or **authoritative** instruction).

Under – **controlled**, managed, or **governed** by somebody (**controlled**- restricted by **law** with respect to use and possession), (**governed** – **control**, influence, or **regulate).**

Power – political or social **authority** or **control**, especially that exercised by a **government** [13].

Результаты и обсуждения

Все перечисленные выше лексические единицы содержат семы долженствования, выраженные различными лексическими единицами. В некоторых случаях значение облигаторности выражается посредством толкования семантического значения единицы с помощью уже проанализированных нами средств с семантикой долженствования. Так, в процессе анализа было установлено, что при толковании лексических средств с семантическим значением долженствования используется определенный набор лексических единиц, взаимозаменяемых между собой при толковании иных единиц.

В результате анализа выбранного нами юридического документа, представилось возможным построить следующую таблицу, которая отражает численные показатели количества словоупотреблений грамматических и лексических средств выражения деонтической модальности.

Таблица 1

Количество употреблений средств выражения деонтической модальности в юридическом документе *The Environment Act.*

Table 1

Frequency of occurrence of linguistic markers of deontic modality in the legal document «The Environment Act».

Грамматические средства	Количество словоупотреблений	Лексические средства	Количество словоупотреблений
shall	2166	under	1992
shall not	191	authority	1533
must	69	regulation	1505
		provision	1381
		power	985
		order	792
		law	580
		require	523
		duty	211
		obligation	164
		impose	157
		penalty	147
		agreement	94
		liability	92
		designate	76
		prohibit	52

Употребление данных лексических единиц в приведенных примерах показывает, что каждая из них имеет семантическое значение долженствования, которое в сочетании со спецификой текста определяет отношения взаимного долга субъектов нормативного акта друг перед другом.

Выводы

Таким образом, нами были рассмотрены средства выражения деонтической модальности двух уровней: лексического и грамматического. Важно отметить, что лексические средства для выражения деонтической модальности используются достаточно часто, существует большой пласт лексики, который употребляется для выражения облигаторности в юридических текстах.

Общепринятыми средствами выражения модальности считаются, в первую очередь, модальные глаголы, модальные слова различных семантических групп, наклонения, модальные частицы и междометия. Выражение модальности в юридических текстах происходит с помощью имплицитных средств, поскольку употребление эксплицитных средств выражения модальности не свойственно текстам данной специфики. Эксплицитные средства выражения модальности подразумевают ярко выраженные, зачастую эмоционально-

оценочные компоненты, использование которых ограниченно особенностями юридического текста. Так, рассмотренные нами лексические средства выражения модальности предполагается отнести к средствам имплицитным, поскольку семантический компонент долженствования зачастую раскрывается посредством лексических единиц, используемых для толкования первоначальной единицы. Необходимо отметить, что при проведении дальнейшего исследования предполагается проведение лингвистического эксперимента. Полученные результаты смогут подтвердить гипотезу, согласно которой семантический компонент долженствования содержится в анализируемых лексических единицах. Данный эксперимент позволит проанализировать содержание компонента долженствования не только с точки зрения общепринятых толкований, но и с точки зрения перцепции опрошенных. Также целью дальнейшего исследования можно считать расширение списка средств выражения деонтической модальности на разных языковых уровнях.

1. Представляется возможным считать, что к грамматическому уровню средств выражения деонтической модальности могут быть отнесены и другие способы, среди которых могут быть грамматические морфологические категории: категория времени, наклонения, залога, а также особенности способов выражения грамматического значения посредством построения предложений и словосочетаний (синтаксиса).

2. Перечисленные категории являются грамматическими, это означает, что каждая из них имеет свое обширное грамматическое значение, выраженное посредством грамматических форм (словоформ). Так, деонтическая модальность тоже является грамматической категорией (разновидностью грамматической категории модальности), что позволяет сделать следующий вывод: семантическое значение данной функционально-семантической категории может быть выражено с помощью различных грамматических форм, свойственных другим грамматическим категориям (времени, наклонения, залога). Особый интерес представляет выражение деонтической модальности посредством особенностей построения текста, его структуры, а также взаимодействия внутри-текстовых языковых элементов.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. 412 с.

2. Дубровская Т.В. Типы диктумного и модусного имплицитного содержания в политической интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 22 – 31.

3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. С. 53 – 87.

4. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: научное издание. Москва: Учпедгиз, 1956. 511 с.

6. Ивин А.А. Логика норм. Москва: Издательство МГУ, 1973. 122 с.

7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

8. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. Москва: Ленанд, 2019. 216 с.

9. Богинская О.А. Экспликация категории деонтической модальности в англоязычных текстах международно-правовых документов // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 119 – 126.

10. Biber Douglas, Johansson Stig, Leech Geoffrey N., Conrad Susan, Finegan Edward. Grammar of Spoken and Written English. John Benjamins B.V., 2021. 1258 с.

11. Зеленщиков А.В., Петрова Е.С. Грамматика современного Английского языка. Москва: Академия, 2003. 640 с.

12. The Environment Act: [сайт]. URL: https://consult.environment agency.gov.uk/engagement/bostonbarriertwao/results/b.10---environment-act-1995.pdf (дата обращения: 21.03.2026).

13. The Free Dictionary: [сайт]. URL: https://www.thefreedictionary.com/ (дата обращения: 13.05.2024).

References

1. Bally Ch. General Linguistics and Questions of the French Language. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1955. 412 p.

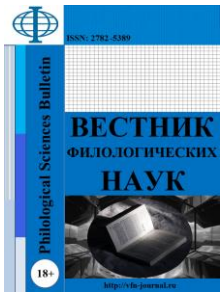
2. Dubrovskaya T.V. Types of Dictum and Modus Implicit Content in Political Internet Communication. Political Linguistics. No. 4 (82). 2020. P. 22 – 31.

3. Vinogradov V.V. On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language. Selected Works: Studies in Russian Grammar. Moscow: Nauka. 1975. P. 53 – 87.
4. Lyapon M.V. Modality. Linguistic Encyclopedic Dictionary, edited by V.N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 685 p.
5. Peshkovsky A.M. Russian Syntax from a Scientific Perspective. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 511 p.
6. Ivin A.A. Logic of Norms. Moscow: Moscow State University Press, 1973. 122 p.
7. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar). Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 576 p.
8. Zelenshchikov A.V. Proposition and Modality. Moscow: Lenand, 2019. 216 p.
9. Boginskaya O.A. Explication of the Category of Deontic Modality in English-Language Texts of International Legal Documents. Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2022. No. 4 (31). P. 119 – 126.
10. Biber, Douglas, Johansson, Stig, Leech, Geoffrey N., Conrad, Susan, Finegan, Edward. Grammar of Spoken and Written English. John Benjamins B.V., 2021. 1258 p.
11. Zelenshchikov A.V., Petrova E.S. Grammar of the Modern English Language. Moscow: Akademiya, 2003. 640 p.
12. The Environment Act: [website]. URL: https://consult.environment-agency.gov.uk/engagement/bostonbarriertwao/results/b.10---environment-act-1995.pdf (accessed: 21.03.2026).
13. The Free Dictionary: [website]. URL: https://www.thefreedictionary.com/ (accessed: 13.05.2024).

Информация об авторах

Рыбка С.Б., *Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, sunnysonny@bk.ru*

© Рыбка С.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.111'367.3+811.161.1'367.3:81'37
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-268-275

[1] Савинов С.С.

[1] Казанский государственный энергетический университет

Референциальные особенности предложно-именных поликомпозитных обстоятельственных групп с количественно-темпоральными существительными

Аннотация: *рассмотрено выражение временного предшествования в английских и русских обстоятельственных группах, соединяющих временной ориентир с характеристикой расстояния до него. Материал включает 18 английских и 18 русских контекстов, приведённых с идентификаторами BNC и НКРЯ. Разграничены имена единиц измерения времени, названия природных фаз и событийные ориентиры. Установлено, что количественная определённость дистанции, индивидуализация ориентира и ограничение продолжительности действия принадлежат разным уровням семантического описания. Две английские конструкции содержат измеряемую дистанцию до природной границы; ещё одна обозначает часовой интервал перед сумерками. Показана зависимость русского до от характера предиката и выявлены ограничения межъязыкового сопоставления выборок, сформированных по различным запросам. Предложена раздельная разметка структурного состава, типа ориентира и способа временной локализации.*

Ключевые слова: *временное предшествование, референция, обстоятельственная группа, временная дистанция, количественно-темпоральное существительное, предлог, BNC, НКРЯ*

Для цитирования: Савинов С.С. Референциальные особенности предложно-именных поликомпозитных обстоятельственных групп с количественно-темпоральными существительными // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 268 – 275. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-268-275

Поступила в редакцию: 18 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Savinov S.S.

[1] Kazan State Power Engineering University

Referential features of complex prepositional-nominal adverbial phrases containing quantitative-temporal nouns

Abstract: *this paper examines the expression of temporal precedence in English and Russian adverbial phrases that link a temporal reference point with a specification of the distance to that point. The dataset consists of 18 English and 18 Russian contexts, cited with identifiers from the British National Corpus (BNC) and the Russian National Corpus (RNC). A distinction is drawn between nouns denoting units of time, names of natural phases, and event-based reference points. It is established that the quantitative specification of distance, the individualization of the reference point, and the delimitation of an action's duration belong to different levels of semantic description. Two of the English constructions involve a measurable distance to a natural boundary, while another denotes a specific time interval preceding twilight. The study demonstrates how the use of the Russian preposition «do» ("until/before") depends on the nature of the predicate and highlights the limitations of cross-linguistic comparison when datasets are compiled using different search criteria. A method for the separate annotation of structural composition, reference point type, and the mode of temporal localization is proposed.*

Keywords: *temporal precedence, reference, adverbial phrase, temporal distance, quantitative-temporal noun, preposition, BNC, RNC*

For citation: Savinov S.S. Referential features of complex prepositional-nominal adverbial phrases containing quantitative-temporal nouns. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 268 – 275. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-268-275

The article was submitted: August 18, 2026; Approved after reviewing: September 21, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Определённость временной характеристики образуют несколько параметров, причём каждый из них может быть задан с разной степенью точности. Так, в сочетании «за двадцать минут до рассвета» длительность интервала точно выражена числом и единицей измерения. Однако момент рассвета нельзя соотнести с конкретной календарной датой без сведений о месте, дате и условиях общения. Следовательно, измеренная протяжённость ещё не делает событие однозначно локализованным во времени: свойства промежутка и свойства его временной опоры необходимо разграничивать.

Рассматриваются конструкции, в которых событие помещается ранее некоторой временной границы; их составляют показатель продолжительности и предложно-именная группа, задающая опорный момент. Количественную функцию способны выполнять русские наименования временных единиц и английские эквиваленты, если они обозначают отрезок времени. При этом словарный статус лексемы недостаточен для её классификации. В сочетании two days слово day определяет длительность, тогда как в day and night оно называет один из противопоставленных периодов суток. Поэтому функция таких единиц устанавливается по контексту употребления.

Особую группу образуют обозначения природных переходов: dawn, sunrise, dusk, sunset, а в русском языке - рассвет, восход, сумерки, закат. Для описания этой лексики используется термин «качественно-темпоральные имена»: временной момент в подобных случаях распознаётся через наблюдаемое изменение природной обстановки. Если к такому имени присоединяется указание на продолжительность, оно задаёт границу, от которой отсчитывается предшествующий интервал.

Отношение предшествования само по себе не определяет способ временной отнесённости. В nearly two hours before dawn расстояние до природной границы оценивается приблизительно и измеряется часами. Конструкция just before dawn фиксирует предельную близость более раннего события к указанному моменту, не называя протяжённости промежутка. Иначе устроено before dawn on 1 October: выражение 1 October датирует рассвет, однако длительность времени, предшествующего ему, остаётся неопределённой. Тем самым различия создаёт сочетание параметров, а не только значение «раньше».

Исследование сопоставляет русские и английские средства передачи временного предшествования и выясняет смысловую нагрузку компонентов сложных обстоятельственных групп. Предполагается разграничить количественное употребление существительных и их использование как временных ориентиров, установить сферу действия числовых и оценочных модификаторов, выявить связь между выбором предлога и свойствами предиката, а затем проверить полученные положения на языковом материале.

Понятие поликомпозитности вводится в структурном смысле: группа содержит предложно-именное ядро и дополнительный зависимый компонент, участвующий в темпоральной интерпретации. Минимальная схема before dawn включает предлог и имя ориентира. В nearly two hours before dawn к ядру присоединяется группа дистанции, а nearly ограничивает точность её числового значения. Термин обозначает организацию зависимостей; подсчёт графических слов здесь вторичен. Артикль в before the war оформляет именную группу, однако его наличие ещё не равнозначно введению самостоятельного параметра времени.

Теоретический вопрос о соотношении общего значения предлога и контекстной реализации обсуждается в исследовании А. Видоффа [8]. В настоящей статье исходной единицей служит целая конструкция: временной смысл устанавливается по совместному действию предлога, имени, модификаторов и предиката. Системное описание английских предложных групп представлено в корпусной грамматике Д. Байбера и соавторов [4]. Обращение к грамматическому уровню необходимо для отделения предложного before от союзного употребления.

Разграничение модальной оценки и собственно временной локализации опирается на описание наклонения и модальности у Ф.Р. Палмера [5]: представление говорящего о вероятности или ожидаемости события не входит в число параметров, задающих его место на временной оси. Исследование Б. Персона, посвящён-

ное выражениям со значением «ещё» в функции «ещё не» [6], показывает, что граница временного интервала может определяться относительно ожидаемого перехода ситуации в иное состояние. В компьютерной лингвистике временное предшествование моделируется как отношение между событиями в задачах извлечения и классификации темпоральных отношений [3, 7]. Такие модели требуют явной разметки ориентира и типа отношения, что сближает их с процедурой анализа, принятой в настоящей статье.

Материалы и методы исследований

Материал распределён между двумя выборками: первая охватывает 11 единиц, вторая - 7. Для каждой единицы отобраны самостоятельные английские и русские контексты; общий объём составляет 36 фрагментов, по 18 на каждый язык. Строковая нумерация введена для систематизации материала и не указывает на переводное соответствие соседних примеров. Следовательно, сопоставление строится на непараллельных данных, что ограничивает интерпретацию полученных наблюдений.

Английские контексты сопровождаются составными ссылками на источник и номером s-unit; в русской части приводятся заглавие произведения, сведения об авторе и код употребления. Использованная редакция английского корпуса BNC XML Edition, опубликованная в 2007 г. (о составе и устройстве корпуса см.: [2]); момент обращения к поисковому интерфейсу с датой выпуска версии не отождествляется. Русские примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]. Корпусные идентификаторы сохранены в исходном виде. Количественные показатели относятся к сформированной выборке, а не ко всем найденным корпусом контекстам.

Первую русскую выборку образуют употребления перед вечером. Во второй представлены четыре таких контекста наряду с тремя примерами до войны. В английском материале предлог before сочетается с несколькими обозначениями природных временных границ, а также с историческим ориентиром war. Структурный анализ отделяет наименование временной точки отсчёта от показателя меры. Компонентное рассмотрение выявляет предшествование, временной промежуток, длительность и завершение действия к обозначенному моменту. При интерпретации контекста учитываются датировка, повторяемость ситуации, смежные события и семантика глагола.

Результаты и обсуждения

Первый результат состоит в разграничении лексической природы ориентира и функции количественного компонента. В первой подборке все 11 английских и все 11 русских целевых групп соотносятся с суточным циклом. Английская часть включает 8 употреблений dawn, 2 - sunrise и 1 - sunset: соответственно 72,7 %, 18,2 % и 9,1 %. Русская часть содержит 11 употреблений вечером. Состав подборки отражает разные поисковые решения и требует функционального, а не пословного сопоставления.

Во второй подборке по четыре контекста в каждом языке относятся к суточному циклу, по три - к войне как событийной границе. После объединения подборок природные ориентиры представлены в 15 контекстах каждого языка (83,3 %), историко-событийные - в 3 (16,7 %). В английской части суммарно получены 9 употреблений dawn, 2 sunrise, 2 sunset, по одному dusk и morning, 3 war. Распределение приведено в таблице 1.

Таблица 1

Типы целевых ориентиров в объединённой подборке.

Table 1

Types of target benchmarks in the combined collection.

Тип ориентира	Английский язык, n	Доля, %	Русский язык, n	Доля, %
Суточный цикл	15	83,3	15	83,3
Война	3	16,7	3	16,7
Всего	18	100,0	18	100,0

Совпадение долей природных и событийных ориентиров обусловлено составом сопоставительных позиций. Из равенства 83,3 % нельзя выводить равную распространённость природной временной привязки в английском и русском дискурсах. Для частотного сравнения потребовались бы одинаковые ограничения поиска и нормирование по объёму обследованного материала.

Измеряемая дистанция до границы выражена в двух английских контекстах первой подборки. В nearly two hours before dawn (FRK, s-unit 1894) числительное two и существительное hours образуют группу меры, nearly задаёт приближение к указанной величине. Называется момент, расположенный примерно за два ча-

са до рассвета, без приравнивания оценки к строго двум часам. В a few minutes before sunset (FT7, s-unit 457) minutes задаёт единицу измерения, а few - неопределённое небольшое количество. Наличие измерительной лексемы здесь совместимо с числовой неопределённостью.

Два контекста с дистанцией составляют 18,2 % первой английской подборки и 11,1 % объединённой английской подборки. Пересчёт знаменателя меняет долю, сохраняя абсолютное число наблюдений. Оба сочетания относятся к измерительным конструкциям, однако степень определённости различна: nearly two hours содержит заданный числовой ориентир, а few minutes оставляет количество открытым. Объединение под рубрикой «точное время» было бы ошибочным.

Сочетание in the hour before dusk (FBF, s-unit 116) имеет иную композицию. Предлог in локализует ситуацию внутри интервала the hour; группа before dusk характеризует положение часового интервала относительно сумерек. В nearly two hours before dawn группа меры задаёт расстояние до границы. В in the hour before dusk часовой отрезок становится непосредственным вместилищем ситуации. Измерительная лексика присутствует в обоих случаях, но её синтаксическая функция и область семантического действия различаются.

С учётом hour, hours и minutes целевые английские группы с природными ориентирами содержат три употребления имён единиц продолжительности, то есть 16,7 % от всех 18 английских контекстов. Доля измеряемой дистанции остаётся равной 11,1 %, поскольку часовой интервал перед сумерками относится к другой функции меры. В таблице 2 разграничены три способа количественной организации; последний представлен внутри более широкого русского контекста, за пределами целевой группы перед вечером.

Таблица 2

Функции количественно-темпорального компонента.

Table 2

Functions of the quantitative-temporal component.

Конструкция	Структурный состав	Количественно-темпоральное существительное	Временной ориентир	Функция меры	Референциальные особенности	Источник
nearly two hours before dawn	Модификатор приближения *nearly* + числительное *two* + существительное *hours* + предлог *before* + имя ориентира *dawn*	*Hours* обозначает единицу измерения продолжительности. Группа *two hours* задаёт числовую величину временной дистанции	*Dawn* – природная фаза наступления рассвета	Измерение расстояния между временем ситуации и наступлением рассвета	Дистанция имеет числовую опору, однако конкретный рассвет определяется контекстом. Без сведений о дате и месте абсолютное время ситуации установить нельзя	BNC, FRK, s-unit 1894
a few minutes before sunset	Количественная группа *a few minutes* + предлог *before* + имя ориентира *sunset*	*Minutes* задаёт единицу измерения. *A few* обозначает небольшое неопределённое количество единиц	*Sunset* – природная граница, связанная с заходом солнца	Измерение небольшой временной дистанции до заката	Ситуация локализуется незадолго до заката. Конструкция не сообщает точного количества минут и не индивидуализирует календарный день	BNC, FT7, s-unit 457

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

in the hour before dusk	Предлог *in* + именная группа *the hour*, уточнённая предложной группой *before dusk*	*Hour* обозначает часовой отрезок, внутри которого располагается ситуация	*Dusk* – природная фаза сумерек	Обозначение интервала локализации ситуации. Группа *before dusk* уточняет положение часового отрезка относительно сумерек	Высказывание относит ситуацию к часовому периоду перед сумерками. Из конструкции не следует, что ситуация произошла ровно за час до сумерек или продолжалась весь час	BNC, FBF, s-unit 116
за несколько дней до отъезда	Предлог *за* + количественная группа *несколько дней* + предлог *до* + событийное существительное *отъезда*	*Дней* обозначает единицу измерения продолжительности. *Несколько* задаёт неопределённое количество дней	*Отъезд* – событие, относительно которого отсчитывается временная дистанция	Измерение расстояния между временем ситуации и последующим отъездом	Референт *отъезда* восстанавливается по участникам и обстоятельствам повествования. В исходном контексте группа соседствует с календарным уточнением и сочетанием *перед вечером*, образуя самостоятельный уровень временной привязки	НКРЯ, 138821:2079:15

Русский пример Б.К. Зайцева содержит «за несколько дней до отъезда их, в день 1-го ноября» и целевую группу перед вечером (НКРЯ, 138821:2079:15). Группа за несколько дней до отъезда задаёт дистанцию до событийного ориентира, календарное сочетание индивидуализирует день, перед вечером уточняет суточную фазу. Включение дней в состав перед вечером нарушило бы границы синтаксической единицы. Количественная организация русского высказывания существует, однако она распределена между несколькими обстоятельствами.

На уровне целевых групп русской подборки измеряемая дистанция до природной границы отсутствует. Формулировка относится к 18 отобранным группам; она не означает отсутствия конструкций «за несколько минут до заката» в русском языке. Авторские примеры используются далее для проверки структурной модели и прямо отделяются от корпусных наблюдений.

Оценочные модификаторы образуют отдельный слой темпоральной определённости. В первой английской подборке just встречается в двух целевых группах, shortly, long и a little - по одному разу. Получаются пять контекстов с качественной оценкой близости или удалённости, то есть 45,5 % от 11. Nearly учитывается в составе измеряемой дистанции; a few также относится к количественной группе. Разметка проводится по функции всего модифицирующего сочетания, без смешения числовой аппроксимации с безразмерной оценкой.

В фрагменте FAN (s-unit 1294) сочетание с датой 1 October локализует рассвет в пределах определённого календарного дня, однако не превращает его в фиксированное часовое значение. Усилитель близости не

сообщает, сколько длилось ожидание. Абсолютное определение момента рассвета потребовало бы данных о месте наблюдения и годе, которых контекст не содержит.

В FT7 (s-unit 439) степень предварительности выводится из практической задачи: персонажу необходимо прибыть к намеченной точке до начала съёмки. Напротив, в FP3 (s-unit 1447) краткость интервала устанавливается по смене погодных условий и состоянию героя. Тем самым масштаб временных выражений задаётся действием либо последовательностью событий; без дополнительных сведений его нельзя перевести в точное число минут.

В «Перед вечером прояснело, и Григорий решил пойти…» (НКРЯ, 128072:4644:0) переход погоды включён в последовательность событий. В «сидели перед вечером за чаем» (НКРЯ, 73302:77:9) обозначен фон протяжённой ситуации. Общая форма обстоятельства сохраняется при разных способах представления действия, поэтому одно лексическое окружение предлога не исчерпывает семантическую классификацию.

Повторяемость устанавливается по самостоятельным компонентам. В «Она бывает у меня каждый день перед вечером» (НКРЯ, 63369:988:6) каждый день вводит регулярность, а перед вечером определяет фазу повторяющихся посещений. Обстоятельство не выбирает единственный календарный день. В «Однажды перед вечером… я… услышал разговор» (НКРЯ, 138407:5368:1) однажды маркирует единичный эпизод, не датируя его. Между единичностью события и точностью календарной идентификации сохраняется различие.

Историко-событийный ориентир представлен в трёх позициях второй подборки. Английское before the war и русское до войны отсылают к временному рубежу, определяемому через историческое событие. Референт war или войны восстанавливается по документу, ситуации общения либо общим знаниям участников. Без определения конкретной войны временная локализация остаётся неполной, даже если выражение привычно для соответствующего дискурса.

В in the last years before the war (FB1, s-unit 1098) years обозначает единицы продолжительности, last выделяет завершающую часть предвоенного периода. Количество лет не названо. Конструкция отличается от two years before the war: в последней авторской модели числовая группа отмеряет дистанцию до начала войны, тогда как last years характеризует участок периода. Общее существительное years не обеспечивает тождества функций.

При более широком учёте всех временных существительных внутри контекста years следует включить в перечень измерительных лексем. Ранее полученное число три относится к целевым природно-темпоральным конструкциям hour, hours, minutes. Исторический пример добавляет четвёртую конструкцию с единицей продолжительности, и их доля в 18 английских контекстах составляет 22,2 %. Различие между 16,7 % и 22,2 % связано с границей классификации; оба результата требуют явного указания состава учитываемых групп.

В This began before the war, from the time of the Munich agreement in 1938 (AE8, s-unit 1013) дата и название соглашения уточняют предвоенную привязку. Русский контекст о станции метро содержит «в 38» и «ещё до войны» (НКРЯ, 138132:861:10). В обоих высказываниях событийная граница соединена с годом, однако тексты описывают разные ситуации. Совпадение календарного обозначения не создаёт переводной эквивалентности.

Устный английский фрагмент Go going back to before the War… (FYH, s-unit 545) требует структурной оговорки. Before the War входит в более крупную последовательность back to before the War, оформляющую возвращение разговора к предвоенному периоду. Наличие before не даёт основания считать весь фрагмент свободным обстоятельством при событии, происходившем до войны. На уровне поверхностной формы before представлен во всех 18 английских контекстах, но синтаксическая однородность подборки отсутствует.

Сходное ограничение касается границ поликомпозитности. Before dawn как самостоятельная группа сохраняет минимальную предложно-именную организацию. In the gloaming before sunrise (A0N, s-unit 2266) образует расширенную временную локализацию, где перед восходом характеризуется состояние освещения. Присутствие нескольких компонентов требует анализа их вложенности: перечень слов без установления зависимостей не раскрывает строения обстоятельства.

Выводы

Многокомпонентная обстоятельственная группа организуется распределением функций между существительным-опорой, количественным показателем, конкретизаторами и предикатом. Наименование временной меры задаёт протяжённость; природный ориентир локализует её в фазе суточного цикла, тогда как событие формирует границу, обусловленную исторической или единичной ситуацией. Благодаря такому сочетанию измеряемый интервал соотносится с календарной точкой, определяемой лишь приблизительно.

В выборке из 36 единиц разграничены интервал, предшествующий ориентиру, положение в его пределах и заключительный участок такого интервала. Формы Nearly two hours before dawn и a few minutes before sunset фиксируют расстояние до рассвета либо заката; в in the hour before dusk период сужен до одного часа, а in the last years before the war выделены годы, непосредственно предваряющие войну. При одинаковом измерительном компоненте семантические отношения различаются, поэтому классификация требует учитывать синтаксическую зависимость и объект уточнения.

В каждом языковом разделе природные ориентиры обнаружены в 15 из 18 контекстов, а событийные - в трёх. Такое совпадение пропорций обусловлено принципом отбора, а не свойством языков. Русские примеры преимущественно группировались вокруг сочетания с перед вечером; английские же данные включали несколько обозначений природных фаз. Следовательно, проценты описывают только данный материал: сопоставление частот возможно лишь при расширенном корпусе, сформированном одинаково для обоих языков.

При межъязыковом анализе необходимо разграничивать предшествование, конечный предел действия и результат, достигнутый к сроку. Интерпретация до зависит, помимо прочего, от семантики предиката; перед обозначает отрезок, лежащий раньше ориентира; к указывает на срок состояния либо на приближение к определённой фазе. Русские и английские модели сопоставимы только с учётом контекста высказывания. Перспективна корпусная разметка временной дистанции, типа ориентира и степени его референциальной определённости.

Список источников

1. Савчук С.О., Архангельский Т.А. [и др.]. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7 – 34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
2. Aston G., Burnard L. The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. 256 p.
3. Niu J., Liao S. [и др.]. ConTempo: A Unified Temporally Contrastive Framework for Temporal Relation Extraction // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2024 / ed. by L.-W. Ku, A. Martins, V. Srikumar. Bangkok: Association for Computational Linguistics, 2024. P. 1521 – 1533. URL: https://aclanthology.org/2024.findings-acl.89/ (дата обращения: 20.08.2026).
4. Biber D., Johansson S. [и др.]. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Longman, 1999. 1204 p.
5. Palmer F.R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. XXI, 236 p.
6. Persohn B. When ‘still’ means ‘not yet’ // STUF – Language Typology and Universals. 2024. Vol. 77. № 1. P. 83 – 139. DOI: 10.1515/stuf-2024-2002.
7. Terenziani S.E. Temporal Relation Classification: An XAI Perspective // Proceedings of the Joint 25th Nordic Conference on Computational Linguistics and 11th Baltic Conference on Human Language Technologies (NoDaLiDa/Baltic-HLT 2025) / ed. by R. Johansson, S. Stymne. Tallinn: University of Tartu Library, 2025. P. 714 – 728. URL: https://aclanthology.org/2025.nodalida-1.72/ (дата обращения: 13.09.2026).
8. Widoff A. On the feasibility of general meanings in prepositional semantics // Acta Linguistica Hafniensia. 2023. Vol. 55. № 1. P. 16 – 36. DOI: 10.1080/03740463.2023.2210423.

References

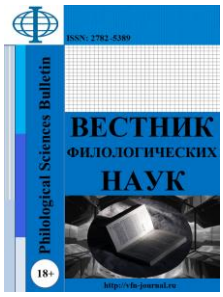
1. Savchuk S.O., Arkhangelsky T.A. [et al.]. The Russian National Corpus 2.0: New Capabilities and Development Prospects. Topics in the Study of Language. 2024. No. 2. P. 7 – 34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
2. Aston G., Burnard L. The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. 256 p.
3. Niu J., Liao S. [et al.]. ConTempo: A Unified Temporally Contrastive Framework for Temporal Relation Extraction. Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2024. ed. by L.-W. Ku, A. Martins, V. Srikumar. Bangkok: Association for Computational Linguistics, 2024. P. 1521 – 1533. URL: https://aclanthology.org/2024.findings-acl.89/ (accessed: 20.08.2026).
4. Biber D., Johansson S. [et al.]. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow: Longman, 1999. 1204 p.
5. Palmer F.R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. XXI, 236 p.

6. Persohn B. When ‘still’ means ‘not yet’. STUF – Language Typology and Universals. 2024. Vol. 77. No. 1. P. 83 – 139. DOI: 10.1515/stuf-2024-2002.
7. Terenziani S.E. Temporal Relation Classification: An XAI Perspective. Proceedings of the Joint 25th Nordic Conference on Computational Linguistics and 11th Baltic Conference on Human Language Technologies (NoDaLiDa/Baltic-HLT 2025). Ed. by R. Johansson, S. Stymne. Tallinn: University of Tartu Library, 2025. P. 714 – 728. URL: https://aclanthology.org/2025.nodalida-1.72/ (accessed: 13.09.2026).
8. Widoff A. On the feasibility of general meanings in prepositional semantics. Acta Linguistica Haf-niensia. 2023. Vol. 55. No. 1. P. 16 – 36. DOI: 10.1080/03740463.2023.2210423.

Информация об авторах

Савинов С.С., *ФГБОУ «Казанский государственный энергетический университет», Россия, г. Казань, savinovsavva@gmail.com*

© Савинов С.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 11 / 2026, Vol. 6, Iss. 11 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:316.77:172.15
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-276-282

[1] Селихов Е.А.

[1] Московский педагогический государственный университет

Методика анализа патриотической повестки в телевизионной журналистике: тематические, жанровые и образные критерии

Аннотация: *в статье разработана методика анализа патриотической повестки в телевизионной журналистике, ориентированная на выявление критериев патриотического содержания. Цель исследования состоит в уточнении исследовательских процедур, позволяющих отличать патриотическую медиарепрезентацию от общего освещения событий. Задачи статьи связаны с определением единицы анализа и уточнением способов фиксации визуально-речевых маркеров. Материалом выступает телевизионная журналистика как особая область публичной коммуникации. Практическое значение предложенной методики состоит в возможности ее применения при исследовании патриотического контента. Методика рассчитана на академическое исследование телематериалов и может применяться в широкой редакционной практике.*

Ключевые слова: *патриотическая повестка, тележурналистика, медиарепрезентация, тематический анализ, жанровые критерии, образные средства, историческая память, государственная безопасность*

Для цитирования: Селихов Е.А. Методика анализа патриотической повестки в телевизионной журналистике: тематические, жанровые и образные критерии // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 11. С. 276 – 282. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-276-282

Поступила в редакцию: 18 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 20 октября 2026 г.

[1] Selikhov E.A.

[1] Moscow Pedagogical State University

Methods for analyzing the patriotic agenda in television journalism: thematic, genre and image criteria

Abstract: *the article develops a method for analyzing the patriotic agenda in television journalism, focused on identifying patriotic content. The purpose of the study is to clarify research procedures that make it possible to distinguish patriotic media representation. The objectives of the article include defining the unit of analysis, describing thematic groups, identifying genre features of television material, characterizing the image of the patriotic actor and clarifying ways of recording visual and speech markers. The material is television journalism as a special field of public communication combining message, image, sound, editing organization and evaluative speech. The practical significance of the proposed method lies in its applicability to news stories, reports, interviews, documentaries and cultural educational programs related to the themes of homeland, state, citizenship, historical memory, cultural continuity and public security.*

Keywords: *patriotic agenda, television journalism, media representation, thematic analysis, genre criteria, image means, historical memory, state security*

For citation: Selikhov E.A. Methods for analyzing the patriotic agenda in television journalism: thematic, genre and image criteria. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (11). P. 276 – 282. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-11-276-282

The article was submitted: August 18, 2026; Approved after reviewing: September 21, 2026; Accepted for publication: October 20, 2026.

Введение

Телевизионная журналистика остается публичной площадкой, на которой общественно значимые ценности получают устойчивое экранное выражение. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» распространяет правовое регулирование на периодические и сетевые издания, телеканалы, радиоканалы и иные формы распространения сообщений [1]. Исследование патриотической повестки требует учета отбора событий, состава участников, жанра, речевых оценок и визуального ряда.

Нормативное закрепление патриотизма среди традиционных российских духовно-нравственных ценностей создает основу для изучения его публичных форм. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 относит к ним патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческую память и единство народов России [4]. В тележурналистике эти ценности выражаются через повторяющиеся сюжеты, символы, героев и оценки общественно значимых действий.

Связь патриотической повестки с безопасностью требует учета военных, культурных, гражданских и мемориальных смыслов. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 связывает национальную безопасность с защитой личности, общества и государства, сохранением народа, культуры, исторической памяти и информационной устойчивости [3]. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 определяет информационную безопасность как защищенность от угроз в информационной сфере [2].

Актуальность исследования обусловлена устойчивым телевизионным потреблением. В 2025 г. телевидение хотя бы раз в месяц смотрели 97% россиян, а среднесуточная аудитория составляла 62% населения [5]. Указанные обстоятельства, как мы полагаем, подтверждают необходимость разработки воспроизводимых критериев анализа патриотической повестки.

Патриотизм рассматривается как нравственно-социальное чувство, которое связывает человека с народом и Отечеством, а также соотносит его личный опыт с историей и будущим страны [13, с. 58-59]. Одновременно патриотизм выступает социальной ценностью, поскольку предполагает ответственность гражданина и его участие в развитии государства [8, с. 142-169]. Патриотическое содержание при этом раскрывается через сюжетные события и характеры героев.

Наличие в медиатексте слов «Родина» или «Отечество» само по себе не соотносит материал с патриотической повесткой. Медиарепрезентация конструирует образ социальной реальности в определенных коммуникативных условиях. Следует отметить, что на характер этого образа влияют участники коммуникации, канал распространения, языковые средства и пр. [7, с. 8-19]. По этой причине анализ патриотического содержания требует выявлять всю устойчивую систему смысловых признаков медиаматериала.

Цель статьи состоит в разработке методики анализа патриотической повестки по проверяемым медиакоммуникационным признакам. В основу методики положено тематическое и жанровое устройство материала. Отдельно учитываются способы конструирования образа героя, а также речевые средства, через которые выражается патриотический смысл. Единица анализа определяется с учетом структуры телевизионного материала и задач исследования. Предлагаемый подход может применяться к новостным и репортажным форматам, интервью и документальным программам. В результате исследователь получает возможность перейти от интуитивного распознавания патриотической тематики к последовательной процедуре ее анализа.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составляет телевизионная журналистика как форма аудиовизуальной публичной коммуникации. Единицей анализа служит телевизионный материал с отдельным информационным поводом и завершенной композицией, решающий авторскую либо редакционную задачу. В выборку входят новостной сюжет и репортаж; интервью и очерк рассматриваются на тех же основаниях. Анализ также охватывает фрагменты информационно-аналитических программ и документальные выпуски [18, с. 8-11].

Методика объединяет количественный и качественный подходы. Количественная часть показывает частоту тем и типы героев. Качественный анализ устанавливает связь события с ценностью Родины и роль исторической памяти [7, с. 8-19].

Сначала определяется тематическая принадлежность материала. Используются государственно-безопасностный и историко-мемориальный блоки. Автором также отдельно выделяются культурно-ценностный и гражданско-деятельностный. Пятый блок – интегративно-региональный. Эта система соотносится с отношением к государству и народу [14, с. 5-6].

Государственно-безопасностный блок охватывает материалы о защите Отечества и суверенитете. К той же области относятся армия и правопорядок, публичная власть и устойчивость общества. Национальная безопасность включает социальную стабильность наряду с культурной целостностью и информационной защищенностью [3]. Исследователь фиксирует институты ответственности и речевые формулы долга либо служения, защиты либо безопасности.

Историко-мемориальный блок охватывает памятные даты и военную либо семейную историю. Музеи и архивы соотносятся с мемориальными практиками и межпоколенческой преемственностью. Журналистика поддерживает культурно-историческую память, включая прошлое в общественное толкование [6, с. 150-154]. При кодировании определяется справочная либо эмоциональная функция прошлого; отдельно оценивается его воспитательная или идентификационная роль.

Культурно-ценностный блок фиксирует патриотические значения, выраженные через национальную культуру. В центре находятся язык и искусство, литература и традиция; еще одну линию образуют образование либо культурное наследие. Патриотическая семантика возникает через культурную преемственность. СМИ закрепляют такие практики в коллективной памяти и повседневном чувстве принадлежности [11, с. 166-185].

Гражданско-деятельностный блок раскрывает патриотизм через общественно значимый поступок. Добровольчество соотносится с профессиональной ответственностью при участии в жизни сообщества. Патриотическая позиция предполагает готовность содействовать ради общего блага [8, с. 142-169].

Интегративно-региональный блок показывает связь локальной идентичности с единством страны. Региональное многообразие раскрывается через межпоколенческую связь. Патриотический смысл возникает, когда малая родина включается в общенациональное пространство через значимого героя. Учитываются также общественные инициативы, официальные обращения и т.п. [12, с. 73-80].

Следующий этап разграничивает тематическую доминанту и совокупную насыщенность материала. Доминанта задает центральный смысл и тем самым влияет на композицию.

Затем определяется жанровая принадлежность. При разборе видеоновостей учитываются хронометраж, тип съемки, место фиксации, форма подачи и т.д. [18, с. 8-11].

Новостной сюжет раскрывает патриотическую тему через обширный инструментарий информационного повода. Так, репортаж усиливает эффект присутствия за счет съемки с места события. А вот в интервью смысловой центр переносится на опыт говорящего.

Далее исследуется образ патриотического героя. Патриотизм раскрывается через ответственность и готовность к общественно значимому поступку [13, с. 58-59]. Отдельно оценивается отношение героя к государству, культуре и пр.

Институциональный центр определяется отдельно. Медиаобраз государства зависит от того, какие общественные субъекты журналистика помещает в центр события [9, с. 28-56]. Центром может стать государственный институт, школа, семья, музей, добровольческое объединение и т.д.

Речевой анализ направлен на лексику, через которую патриотическая проблематика получает оценочную определенность. Особое значение имеют такие слова: «Родина», «Отечество», «народ», «долг» и т.п. Отдельно рассматриваются память, единство, защита, труд, ответственность и т.д. Значения понятий «патриот» и «патриотизм» зависят от социального контекста и сопровождающей оценки [16, с. 241-248]. Учитываются смысловое окружение, интонация, положение слова в композиции, принадлежность говорящему и пр.

Зрительный ряд анализируется как источник значения. Медиаобраз строится через такие компоненты: организация пространства, крупность плана, символические предметы, архивные кадры, монтаж и т.д. [15, с. 173-197].

На завершающем этапе определяется функциональная направленность материала: информирование, сохранение памяти, ориентация аудитории в ценностном отношении, просвещение и т.д. Интегративное воздействие фиксируется, если его поддерживает в целом структура материала. Медиатизация предполагает

зависимость социальных смыслов от логики публичного распространения [17, с. 61-66]. Патриотическая повестка рассматривается как механизм общественного смыслообразования.

Надежность методики проверяется с помощью унифицированного кодировочного листа. В нем фиксируются телеканал и дата выхода, название и жанр, тематическая доминанта и дополнительные блоки. Отдельные поля отводятся типу героя и институциональному центру, речевым маркерам и визуальным символам, а также функции материала. Если материалы изучают несколько исследователей, они предварительно кодируют малую выборку и согласуют трактовку признаков.

Результаты и обсуждения

Предложенная методика позволяет рассматривать патриотическую повестку как многокомпонентное телевизионное явление. Анализ охватывает сюжеты о гражданских ценностях. Но региональная сопричастность и безопасность образуют самостоятельные направления. Ценностный подход раскрывает патриотизм через его социокультурную вовлеченность [10, с. 81-97]. Поэтому классификация должна учитывать совокупность смыслов.

Первый результат связан с разграничением патриотической функции. Само обращение к военной истории еще не определяет характер материала. Сюжет может решать социальную функцию. Тогда подобный подход предотвращает автоматическое включение любого сообщения об армии в патриотическую повестку.

Уточнение тематических критериев составляет второй результат. Государственно-безопасностный блок представляет страну как целостность, требующую защиты. Историко-мемориальный связывает прошлое с коллективной идентичностью. Культурно-ценностный раскрывает принадлежность через язык и наследие. Гражданско-деятельностное направление акцентирует общественное участие.

Третий результат дает двухуровневая фиксация содержания. Первичная доминанта указывает на основной смысловой центр. Историческая память может сочетаться с культурной преемственностью.

Жанровая специфика образует четвертое направление анализа. Она определяет, каким способом зрителю предъявляются факт и объяснение.

Пятый результат относится к образу героя. Через него ценность связывается с поступком или жизненным опытом. Патриотическим субъектом может выступать военнослужащий (педагог, медик) либо государственный деятель (работник музея, рестовратор и пр).

Шестой результат раскрывает государственное измерения. В одном случае смысловой центр образуют органы власти, в другом – граждане. Отдельную роль играют профессиональные сообщества и культурные учреждения. Медиаобраз государства возникает во взаимодействии политической реальности с журналистским отбором и восприятием аудитории [9, с. 28-56].

Речевые маркеры составляют седьмое направление. Лексика Родины и памяти, долга и ответственности оценивается внутри конкретного высказывания. Исследователь учитывает субъекта речи и место фразы в композиции. В медиаречи традиционные ценности получают исторически обусловленное значение, нередко через противопоставление своего и чужого [16, с. 241-248].

Восьмой результат связан с визуальной организацией. Архивные кадры соединяют прошлое с настоящим, а крупный план персонализирует ценностный смысл. Государственная символика указывает на институциональный уровень. Региональный пейзаж закрепляет пространственную принадлежность. Медиатизация семейной памяти расширяет круг участников, создающих публичный образ прошлого [19, с. 1-11].

Девятый результат заключается в сопоставимости материалов разных телеканалов. Единые критерии позволяют сравнивать число материалов и принципы экранной организации темы. Различия проявляются в тематической доминанте и типе героя, институциональном центре и жанре.

Десятый результат касается исследовательской воспроизводимости. Двухуровневая модель помогает отделить основную тему от дополнительных смыслов. Интерпретация сохраняется, но при этом опирается на ранее определенные признаки.

Особого внимания требует различение события и его журналистской формы. Патриотический смысл может возникать и из способа предъявления фактуры. Медиарепрезентация конструирует реальность образа средствами массовой информации [15, с. 173-197].

Соотношение нейтрального сообщения и ценностной оценки также требует фиксации. Телевизионная журналистика сообщает факты, одновременно интерпретируя их. И здесь исследователь должен установить степень такой оценки без подмены анализа политическим суждением. Именно благодаря этому патриотизм рассматривается как медиакоммуникативный феномен. Если в коротком новостном сюжете достаточно определить доминанту, то документальный выпуск требует анализа всей композиции. При сопоставлении учитывается место аналитических маркеров в смысловой структуре.

Лексическое совпадение не служит достаточным критерием. Повторение символов само по себе не создает устойчивую патриотическую повестку. Содержание может раскрываться через общественную ответственность либо историческую память. Поэтому вывод строится на сочетании содержательных признаков.

Прикладное значение методики проявляется при исследовании редакционной политики. Тематические блоки показывают, какие ценности получают эфирное внимание. Жанровая структура объясняет, каким способом телевидение говорит о Родине, государстве, гражданах, наследии и т.п. Анализ героев позволяет установить связь социальных ролей с патриотическим смыслом.

Подход применим к информационным выпускам, специальным репортажам, культурно-просветительским программам, интернет-материалам телеканалов и т.д. Распространение видеоновостей в сети требует учитывать источник изображения и жанровую форму [18, с. 8-11]. Анализ должен охватывать эфирный и сетевой форматы.

Патриотическая повестка может быть военно-государственной, культурно-исторической, общественно-политической, регионально-интегративной или гражданско-деятельностной. Ее разновидность определяется сочетанием тематического блока, героя, института, жанра и зрительного ряда. Методика показывает не только ведущий смысл, но и средства его журналистского воплощения.

Связь методики с аудиторным восприятием требует осторожности. Реакция зрителей изучается отдельными социологическими методами, однако структура материала содержит признаки предполагаемого воздействия: интонацию, подбор героя, хронику, государственные символы, музыку, монтаж видеоряда и т.п.

Методика не заменяет изучение таких инструментов, как: редакционные решения, производственные условия, восприятия аудитории и т.д. Она описывает тематические, жанровые, образные признаки завершенного телевизионного материала и пр. Анализ может быть дополнен данными медиаметрии.

Выводы

Разработанная методика позволяет рассматривать патриотическую повестку в телевизионной журналистике как сложную систему медиакоммуникационных признаков. Обозначенные признаки дают возможность отличать патриотическую репрезентацию от общего освещения событий. Тем самым создается основание для сопоставительного анализа телеканалов.

Тематические критерии позволяют выявлять смысловую принадлежность материала. Жанровые критерии показывают, как патриотическое содержание организуется в сюжете или документальном очерке. Образные критерии раскрывают, кто выступает носителем ценностного смысла и через какие действия он представлен. Речевые и зрительные признаки уточняют степень выраженности патриотической темы в структуре материала.

Практическая значимость методики состоит в возможности ее применения при изучении информационных программ патриотической повестки. При дальнейшем развитии методики целесообразно соединять анализ телевизионного материала с изучением аудитории и профессиональных редакционных практик. Подобное соединение позволит точнее описывать место патриотической повестки в современной системе массовой коммуникации.

Список источников

1. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: https://consultant.ru (дата обращения: 14.05.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: https://consultant.ru (дата обращения: 14.05.2026).

3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: https://consultant.ru (дата обращения: 14.05.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] URL: https://consultant.ru (дата обращения: 14.05.2026).

5. Аудитория ТВ: как меняется телесмотрение в 2025 // Mediascope. [Электронный ресурс] URL: https://mediascope.net/news/3182706/ (дата обращения: 14.05.2026).

6. Блохин И.Н., Георгиева Е.С., Лабуш Н.С., Олейников С.В. Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики // Litera. 2024. № 3. С. 150 – 154.

7. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В. Медиарепрезентация социальных явлений: развитие теоретической модели // Меди@льманах. 2025. № 3 (128). С. 8 – 19.

8. Газиева И.А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 1. С. 142 – 169.

9. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 6. С. 28 – 56.

10. Ивченкова М.А., Буханский В.В. Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 2. С. 81 – 97.

11. Касьянова К.В., Николенко Г.Ю. Роль СМИ в сохранении и передаче фольклорных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 166 – 185.

12. Лепилкина О.И., Марченко Т.В. Практика актуализации патриотизма в информационном пространстве Северного Кавказа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 2 (52). С. 73 – 80.

13. Макаревич Э.Ф. Патриотизм как понятие и модель // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 1. С. 58 – 59.

14. Патриотизм как проект: методология и опыт эмпирического исследования: монография / Е.Ю. Алексейчева [и др.], отв. ред. С. В. Черненькая. М.: МГПУ, 2024. 247 с.

15. Сидорская И.В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 3. С. 173 – 197.

16. Усенко Н. М. Синтактика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 241-248.

17. Федотова Н.А. Процесс медиатизации: подходы к пониманию // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 61 – 66.

18. Чобанян К.В. Трансформация характеристик телевизионных видеоновостей на платформах VK и Telegram // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 8 – 11.

19. Целыковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. С. 1 – 11.

References

1. Law of the Russian Federation No. 2124-1 of December 27, 1991, "On Mass Media". ConsultantPlus legal reference system. [Electronic resource] URL: https://consultant.ru (accessed: 14.05.2026).

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016, "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation". ConsultantPlus legal reference system. [Electronic resource] URL: https://consultant.ru (accessed: 14.05.2026).

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation". ConsultantPlus legal reference system. [Electronic resource] URL: https://consultant.ru (accessed: 14.05.2026).

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". ConsultantPlus legal reference system. [Electronic resource] URL: https://consultant.ru (accessed: 14.05.2026).

5. TV Audience: How TV Viewing Is Changing in 2025. Mediascope. [Electronic resource] URL: https://mediascope.net/news/3182706/ (accessed: 14.05.2026).

6. Blokhin I.N., Georgieva E.S., Labush N.S., Oleynikov S.V. Preservation and Reproduction of Cultural-Historical Memory within the Functional Framework of Journalism. Litera. 2024. No. 3. P. 150 – 154.

7. Vartanova E.L., Dunas D.V. Media Representation of Social Phenomena: Development of a Theoretical Model. Medi@lmanakh. 2025. No. 3 (128). P. 8 – 19.

8. Gazieva I.A. Patriotism as a Social Value: Perception Among University Students. Sociological Science and Social Practice. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 142 – 169.

9. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Shaping the Media Image of the State in the Context of the Mediatization of Political Communication. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. 2022. No. 6. P. 28 – 56.

10. Ivchenkova M.A., Bukhanskiy V.V. Theoretical Constructs and the Experience of Empirical Analysis of Patriotism. Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 81 – 97.

11. Kasyanova K.V., Nikolenko G.Yu. The Role of Mass Media in the Preservation and Transmission of Folklore Values. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. 2024. No. 3. P. 166 – 185.

12. Lepilkina O.I., Marchenko T.V. The Practice of Actualizing Patriotism in the Information Space of the North Caucasus. Znak: Problem Field of Media Education. 2024. No. 2 (52). P. 73 – 80.

13. Makarevich E.F. Patriotism as a Concept and a Model. Scientific Works of the Moscow University for the Humanities. 2023. No. 1. P. 58 – 59.

14. Patriotism as a Project: Methodology and Empirical Research Experience: A Monograph. E.Yu. Alekseycheva et al.; ed. by S.V. Chernenkaya. Moscow: MGPU, 2024. 247 p.

15. Sidorskaya I.V. On the Use of the Terms "Obraz" (Image/Representation) and "Imidzh" (Image/Public Persona) in Russian-Language Studies on the Media Representation of Territories. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. No. 3. P. 173 – 197.

16. Usenko N.M. The Syntactics of the Lexemes "Patriot" and "Patriotism" and Their Social Context (Based on Contemporary Media Discourse). Political Linguistics. 2024. No. 4 (106). P. 241 – 248.

17. Fedotova N.A. The Process of Mediatization: Approaches to Understanding. Znak: Problem Field of Media Education. 2022. No. 2 (44). P. 61 – 66.

18. Chobanyan K.V. Transformation of the Characteristics of Television Video News on the VK and Telegram Platforms. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2024. No. 5. P. 8 – 11.

19. Tselykovsky A.A. Constructive and Destructive Effects of the Mediatization of Family Memory. Philosophical Thought. 2024. No. 10. P. 1 – 11.

Информация об авторах

Селихов Е.А., *Московский педагогический государственный университет, г. Москва, alexreutovfurniture@gmail.com*

© Селихов Е.А., 2026